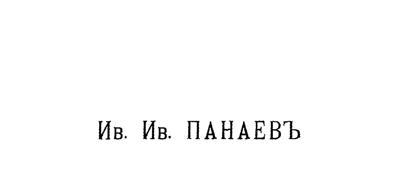

Ив. Ив. ПАНАЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ив. Ив. ПАНАЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

Ив. Ив. Панаевъ.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ

1847—1852.

МОСКВА—1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

— Это было въ мою первую поѣздку за границу, — говорилъ своимъ слушателямъ невысокій, худощавый, плѣшивый, но живой и бойкій старичокъ, протяжно и съ разстановками, стараясь придавать выпуклость и вѣсъ каждому своему слову и глубокомысленно щуря, а въ мѣстахъ самыхъ эффектныхъ совсѣмъ закрывая свои маленькіе глазки.

Слушателями плѣшиваго старичка были: старушка съ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, шевелившая длинными деревянными спицами, потому что она занималась вязаніемъ шерстяного одѣяла или шарфа; дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ чертами не совсѣмъ правильными, но привлекательными, занимавшаяся шитьемъ, — и какой-то господинъ съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ густыми, коротко обстриженными и торчащими на головѣ волосами, безъ малѣйшаго признака бѣлья, въ сюртукѣ ниже колѣнъ, безпрестанно моргавшій глазами и не занимавшійся никакой работой.

Двое изъ этихъ слушателей: старушка со спицами и рябоватый господинъ, моргавшій глазами, были очень внимательны къ разсказчику и, повидимому, вѣрили каждому его

слову съ тою безусловною вѣрою, съ какою полуграмотные люди вѣрятъ каждой печатной строчкѣ. Дѣвушка, кажется, мало обращала вниманія на разсказы словоохотливаго старичка и очень усердно занималась своимъ шитьемъ; только изрѣдка поднимала она голову отъ своей работы, взглядывала на старичка, и въ эти минуты на лицѣ ея едва замѣтно мелькала улыбка, обнаруживавшая, можетъ быть противъ ея воли, что разсказы его не возбуждали въ ней большого довѣрія.

— Такъ вы, батюшка, были еще два раза за границей?— спросила старушка, останавливая свои спицы.

— Три, — отвѣчалъ старичокъ, значительно щуря свои глазки, и потомъ, медленно поднимая вѣки, продолжалъ:— въ первый разъ я ѣздилъ... ну, мнѣ тогда было лѣтъ девятнадцать... съ княземъ Кириломъ Андреичемъ Свѣтлозерскимъ — дѣдомъ вотъ нынѣшняго Павла Андреича. Второй разъ я ѣздилъ одинъ, съ своимъ мальчикомъ... Надобно вамъ сказать, что у меня былъ мальчикъ Петрушка, великій мастеръ варить шоколадъ... вотъ объ этомъ-то я и рѣчь веду... Ну, а въ третій разъ...—Старичокъ нѣсколько замялся и прибавилъ не совсѣмъ внятно: — а въ третій разъ я ѣздилъ лѣтъ пять назадъ тому.

— А вѣдь я думала, что вы только въ Петербургъ тогда ѣздили?

— Точно, я поѣхалъ въ Петербургъ, ну, а изъ Петербурга прямо на пароходъ, да и въ море. Осень была тогда бурная, качка страшнѣйшая; всѣ переболѣли морскою болѣзнію: такъ вотъ и валяются по палубѣ; одинъ я уцѣлѣлъ; преспокойно ѣлъ, пилъ и расхаживалъ по пароходу точно какъ у себя въ Соколовкѣ.

— Скажите пожалуйста! — замѣтила съ удивленіемъ старушка, качая головой.

— Удивительно-съ! — замѣтилъ въ свою очередь рябоватый господинъ.

Старичокъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти восклицанія, продолжалъ тѣмъ же ровнымъ и мѣрнымъ голосомъ и значительнымъ тономъ:

— Ну такъ вотъ, какъ я вамъ ужъ сказалъ, это было во *вторую* мою поѣздку. Пріѣзжаю въ Венецію, нанимаю квартиру неподалеку отъ площади св. Марка. Квартира удивительная: размѣры, вышина комнатъ — все это грандіозно: въ этомъ *palazzo*, какъ я узналъ впослѣдствіи, жила фаворитка предпослѣдняго дожа. Мнѣ надавали бездну рекомендательныхъ писемъ ко всей почти европейской аристократіи: черезъ одно-то изъ такихъ писемъ я познакомился... съ маркизомъ Джіованни Пуччи и его семействомъ.

При этомъ старичокъ остановился на минуту, совсѣмъ закрывъ свои глазки.

— Семейство прекрасное, состоявшее только изъ отца и двухъ дочерей, — продолжалъ онъ: — старшую звали Сабиной, а меньшую — Аврелей, собой красавицы, высокія, статныя, съ огненными глазами, итальянки чистой, кровной породы. Я съ маркизомъ Джіованни подружился со второго или третьяго свиданія. Мы полюбили другъ друга искренно, и не проходило дня, чтобы не видѣлись. Велю, бывало, подать себѣ гондолу и говорю гондольеру: «къ маркизу Пуччи»; да ему, впрочемъ, потомъ и говорить было не нужно: самъ прямехонько безъ всякихъ приказаній везетъ меня къ мраморнымъ ступенямъ палаццо Пуччи.

Старичокъ усмѣхнулся и бросилъ самодовольный взглядъ на своихъ слушателей.

— Или, бывало, сидишь у себя дома, читаешь, занимаешься чѣмъ-нибудь, — глядь, а маркизъ ужъ тутъ, да еще съ обѣими дочерьми; пріѣдетъ, бывало, запросто, безъ всякой церемоніи. Ну, я имъ велю подать шоколаду, угощаю ихъ, разсказываю имъ про Россію, про наши снѣга, морозы, — и время проходитъ незамѣтно. Маркизъ и дочери его заслушивались меня по цѣлымъ часамъ; особенно Сабина интересовалась моими разсказами.

Тутъ старичокъ снова улыбнулся, значительно вздохнулъ и взглянулъ на дѣвушку:

— Сабина была тогда вашихъ лѣтъ, Катерина Павловна.

Затѣмъ онъ остановился опять на минуту, еще вздохнулъ,

сжалъ свои тонкія губы, покачалъ головой и прошепталъ:

— Все-то это прошло!

— Такъ какъ же-съ, то-есть, на какомъ же это вы языкѣ, Александръ Иванычъ, съ ними говорили? — спросилъ почтительно, спотыкаясь на каждомъ словѣ, рябоватый господинъ.

— На какомъ? разумѣется на итальянскомъ, — отвѣчалъ старичокъ важно и не смотря на рябоватаго господина, который нѣсколько смутился, разинулъ ротъ и произнесъ длинное «а»!

Александръ Иванычъ спокойно продолжалъ:

— Въ первый разъ, когда маркизъ Джіованни пилъ у меня шоколадъ, онъ обратился ко мнѣ въ совершенномъ изумленіи и спросилъ: «Да скажите, пожалуйста, кто это у васъ та́къ превосходно варитъ шоколадъ? Я, признаюсь, нигдѣ и никогда не пивалъ во всей Италіи такого вкуснаго шоколада, не исключая даже и его величества короля обѣихъ Сицилій».—Отгадайте - ка, маркизъ!—сказалъ я.—Попробуйте. Бьюсь объ закладъ, что не отгадаете. Этотъ шо-ко-ладъ ва-рилъ мой крѣ-по-стной ма-льчикъ Петрушка: а вотъ вамъ онъ и налицо.

Я указалъ маркизу на вошедшаго въ эту минуту Петрушку.

Маркизъ подошелъ къ Петрушкѣ, посмотрѣлъ на него въ лорнетъ, ласково потрепалъ по плечу и сказалъ ему... не помню, что́ именно, только нѣсколько привѣтливыхъ, лестныхъ словъ.

— Которыхъ вашъ мальчикъ, разумѣется, не понялъ? — сказала дѣвушка, улыбаясь и взглянувъ на старичка.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ старичокъ безъ всякаго смущенія, — но я для ободренія Петра перевелъ ему слова маркиза.

Разсказъ старичка привелъ въ немалое изумленіе старушку и рябоватаго господина. Старушка даже очень интересовалась узнать о Петрушкѣ: изъ какой онъ именно семьи былъ взятъ и когда, и удивлялась, почему она, которая знаетъ всѣхъ дворовыхъ людей въ Соколовкѣ, совсѣмъ не помнитъ его...

Но мнѣ пора, я думаю, сказать, гдѣ происходитъ дѣй-

ствіе, и обратить вниманіе читателя на эти лица, потому что они будутъ играть здѣсь немаловажную роль.

Старушка — вдова-помѣщица Бѣлова; ее звали Вѣрой Ивановной. Вѣра Ивановна лѣтъ за десять передъ этимъ лишилась своего супруга, Павла Васильича, который скончался внезапно отъ сильнѣйшаго апоплексическаго удара или отъ *кондрашки*, какъ выражался отставной штабсъ-ротмистръ Кобеляковъ, сосѣдъ по деревнѣ Вѣры Ивановны, о которомъ еще будетъ говорено въ свое время. Павелъ Васильичъ былъ человѣкъ нрава безпечнаго и кроткаго, жилъ съ своей Вѣрой Ивановной, что называется, душа въ душу и прижилъ съ ней въ теченіе своей долговременной, благополучной и безмятежной брачной жизни пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ возрастѣ, и осталась въ живыхъ одна только Катя, — та самая дѣвушка, о которой было упомянуто выше. Такого примѣрнаго согласія въ супружескомъ быту, которое царствовало между Вѣрой Ивановной и Павломъ Васильичемъ, встрѣтить было не очень легко. Ни Вѣра Ивановна безъ Павла Васильича, ни Павелъ Васильичъ безъ Вѣры Ивановны, казалось, рѣшительно не могли существовать. Они жили какъ голубь съ голубкой, какъ Филемонъ съ Бавкидой, какъ Аѳанасій Иванычъ съ Пульхеріей Ивановной. Вѣра Ивановна едва пережила смерть Павла Васильича, и то вѣроятно потому только, что у нея осталась на рукахъ восьмилѣтняя Катя. «Мнѣ теперь ничего не нужно,—думала Вѣра Ивановна,—безъ него, безъ моего милаго друга. Сберегу, что получше, для моей сиротинки. Буду копить ей деньжонки на воспитанье да на приданое. Я хоть сама и невоспитанная и неученая, но знаю, что теперь безъ этого нельзя».

И, въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Ивановна отказывала себѣ рѣшительно во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, тряслась, какъ говорится, надъ каждой копейкой, хотя отъ природы не имѣла ни малѣйшей скупости, для того, чтобы впослѣдствіи ни въ чемъ не отказывать Катѣ.

Для Кати сначала нанята была гувернантка за довольно умѣренную цѣну; для нея потомъ выписывались самые лучшіе учителя, какихъ только можно было отыскать въ гу-

бернскомъ городѣ. Вѣра Ивановна не жалѣла денегъ ни на книги, ни на наряды для Кати. Катя всегда была одѣта какъ куколка...

Гувернантка Кати — Надежда Кондратьевна, была дѣвица сухая и костлявая, съ продолговатымъ лицомъ, съ горбоватымъ и длиннымъ носомъ, со впалыми щеками, натертыми пудрой. Она имѣла голосъ рѣзкій, но сердце мягкое и чувствительное, и была величайшая охотница до всякихъ брошекъ, цѣпочекъ, браслетовъ, лорнетовъ и проч., которыми постоянно украшала себя, и до всякихъ стишковъ, романовъ, мемуаровъ и проч., которые поглощала безъ разбора, съ необыкновенною жадностію и быстротою. Она читала все, что ни попадалось ей подъ руку, закатывала глаза подъ лобъ, пѣла русскіе и французскіе романсы слабымъ, но непріятнымъ голосомъ, и поражала не только добрую Вѣру Ивановну, но и многихъ ея сосѣдокъ своимъ прекраснымъ тономъ.

— Какое счастье вамъ, что вы отыскали такую прекрасную гувернантку, Вѣра Ивановна! — говорила ей Алена Өедоровна Вязникова, внучка отставной придворной кастелянши и супруга Александра Иваныча, друга маркиза Пуччи, дама полная и высокаго роста, картавившая на *р*, говорившая жеманно, едва открывая ротъ, щурившая глаза, безпрестанно смотрѣвшаяся въ зеркало и, несмотря на свои лѣта, державшаяся всегда безукоризненно прямо и державшая въ рукахъ своего супруга.

— Благодарю моего Бога, — отвѣчала старушка, — безподобная дѣвушка и такая ученая, а мнѣ пуще всего, матушка, что она любитъ мою Катю и ужъ такъ деликатно и кротко обращается съ нею!

Надежда Кондратьевна скоро пріобрѣла полную довѣренность Вѣры Ивановны, которая обращалась съ ней не какъ съ гувернанткой, а какъ съ самою близкою родственницею.

— Ахъ, Вѣра Ивановна, у меня до васъ есть большая просьба, — говорила однажды Надежда Кондратьевна березовской барынѣ, глядя на нее съ глубокимъ чувствомъ и съ горячностью цѣлуя ей руку.

— Что, матушка? что вамъ угодно? — спрашивала старушка.

— Я надѣюсь, что вы исполните мою просьбу, что вы не откажете мнѣ?

— Рада душевно, Надежда Кондратьевна, если только могу...

— Вы можете это сдѣлать, — перебила ее гувернантка нѣсколько нараспѣвъ и продолжая цѣловать руки старушки: — не называйте меня Надеждой Кондратьевной: зовите просто — Надиной.

И Надежда Кондратьевна устремила на старушку нѣжный, умоляющій взглядъ.

Вѣра Ивановна очень растрогалась этою выходкою, даже прослезилась немного, и съ тѣхъ поръ звала Надежду Кондратьевну не иначе, какъ Надиной.

Несмотря на то, что образованіе Кати кончилось, то-есть, несмотря на то, что она перечитала всѣ стишки, повѣсти, романы и мемуары, которые были прочитаны Надеждой Кондратьевной, — Вѣрѣ Ивановнѣ не приходила въ голову мысль разстаться съ нею. Правда, одна только значительная плата гувернанткѣ приводила ее въ нѣкоторое смущеніе; но и это смущеніе, къ полному удовольствію ея, скоро было устранено самой Надеждой Кондратьевной. Когда ученицѣ минуло девятнадцать лѣтъ, а учительницѣ — тридцать (хотя она и говорила, что ей двадцать пять), то-есть за два мѣсяца до начала этого повѣствованія, сердце Надежды Кондратьевны, томившееся жаждою любви идеальной и возвышенной, тщетно до сихъ поръ бившееся подъ туго стянутымъ корсетомъ, вдругъ совсѣмъ неожиданно нашло отзывъ въ другомъ сердцѣ. Это другое сердце принадлежало двадцатилѣтнему угреватому и круглолицему молодому человѣку, сыну Алены Ѳедоровны и Александра Иваныча. Угреватый молодой человѣкъ, воспитывавшійся гдѣ-то въ Москвѣ, не имѣя терпѣнія дождаться окончанія курса, преждевременно бѣжалъ изъ храма науки и возвратился подъ крылышко къ нѣжнымъ родителямъ. Можетъ быть то было предчувствіе сердца, голосу котораго онъ повиновался болѣе, нежели голосу раз-

судка, потому что былъ поэтъ; какъ бы то ни было, но онъ зажилъ очень спокойно въ своей Соколовкѣ, въ совершенной праздности, пописывая по временамъ стишки. Здѣсь-то сошелся онъ съ Надеждой Кондратьевной, и двѣ поэтическія натуры съ первыхъ свиданій поняли другъ друга. Любовь угреватаго молодого человѣка была вполнѣ идеальная, даже, кажется, болѣе идеальная, нежели желала того Надежда Кондратьевна: онъ вздыхалъ, страстно пучилъ глаза на предметъ своей нѣжности, говорилъ съ ней все о литературѣ и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ даже ни разу не осмѣлился пожать ей ручки, хотя и неоднократно покушался на такой подвигъ, ободряемый Надеждой Кондратьевной. Въ стихахъ же *къ ней*, которые неудержимо выливались изъ-подъ пера его, онъ возвышался до паѳоса.

Да, я увѣренъ, что съ тобою
Навѣки связанъ я душой,
Что между вѣчностью и мною
Возстанетъ дивный образъ твой!

Но, читая ей эти стихи, онъ не осмѣлился даже намекнуть, къ кому они написаны.

Какъ же можно было ей покинуть эти дивныя, какъ она выражалась, мѣста, гдѣ на тридцать первой веснѣ ея жизни ей такъ заманчиво начала улыбаться любовь? Притомъ отсутствіе всякаго труда и даровые кормы: развѣ со всѣмъ этимъ легко разставаться? Надежда Кондратьевна подсѣла однажды послѣ обѣда къ Вѣрѣ Ивановнѣ, когда въ комнатѣ никого не было, подставила ей подъ ноги скамейку и слегка прикоснулась губами къ ея ногѣ...

— Что это вы, родная! — вскрикнула Вѣра Ивановна, вскакивая со стула и обнимая ее.

Надежда Кондратьевна очень крѣпко сжала старушку въ своихъ объятіяхъ.

— Мнѣ скоро придется разстаться съ вами и съ Катенькой, — проговорила она дрожащимъ голосомъ и всхлипывая: — а эта мысль для меня ужасна! Я привыкла любить и уважать васъ, какъ родную мать; я люблю Катю такъ нѣжно, какъ

никогда бы не могла любить родную сестру... и послѣ всего этого...

— Да зачѣмъ же намъ разставаться, Надина? — возразила старушка, утирая слезы, которыя закапали у нея изъ глазъ.— Я сама къ вамъ привыкла, и мнѣ будетъ это тяжело, повѣрьте... Что жъ, если вы насъ любите и если вамъ нравится у насъ...

— Но я окончила свои обязанности,—сказала гувернантка съ чувствомъ достоинства,—и уже не могу болѣе оставаться въ вашемъ домѣ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ я жила до сихъ поръ...

Она остановилась на минуту и вопросительно взглянула на Вѣру Ивановну.

Вѣра Ивановна призадумалась немного и потомъ зашевелила губами, но Надежда Кондратьевна предупредила ея рѣчь.

— О, если бы вы согласились...—произнесла она тѣмъ пѣвучимъ голосомъ, который употребляла только въ высшія, торжественныя минуты жизни или при чтеніи патетическихъ сценъ въ романахъ,—о, если бы вы позволили мнѣ остаться въ вашемъ домѣ, безъ всякихъ условій, какъ дѣвушкѣ, близкой вамъ, преданной вамъ, готовой для васъ и для Кати на всѣ пожертвованія,—это было бы для меня .. я не могу выразить, какая радость!.. я бы считала это самой лучшей наградой за всѣ мои труды и попеченія о милой Катѣ...

— Я лучше ничего не желаю,—вскричала старушка,— я хотѣла даже просить васъ объ этомъ

И затѣмъ начались снова поцѣлуи, объятія и слезы...

Надежда Кондратьевна съ этой минуты приняла совершенно независимое положеніе и безцеремонно, на родственной ногѣ расположилась въ домѣ Вѣры Ивановны. Она, когда ей было угодно, ѣздила въ ея тарантасѣ и на ея лошадяхъ гостить къ сосѣднимъ помѣщицамъ, въ числѣ которыхъ имѣла много искреннихъ пріятельницъ; дарила имъ различные шерстяные и бисерные сувениры своей работы

и даже начала ихъ зазывать *къ себѣ* въ гости. Поѣздки эти въ послѣднее время участились; но она уже забывала и *Мордовку*, и *Мулино*, и *Собачью Лужу*,—и готова была забыть все на свѣтѣ для *Соколовки*. Она ѣздила гостить въ Соколовку и гостила тамъ дня по два, по три, а иногда и болѣе. И въ тотъ самый день, когда владѣтель сельца Соколовки и другъ маркиза Пуччи ораторствовалъ въ Березовкѣ о Венеціи, шоколадѣ и о Петрушкѣ, его единственный наслѣдникъ вкушалъ всю сладость, все блаженство первой любви, прогуливаясь съ Надеждой Кондратьевной по запустѣлому парку, читалъ ей стихи, упиваясь благоуханіемъ свѣжей, только что распустившейся зелени, любуясь воскресшей природой, такъ гармонировавшей съ состояніемъ ихъ сердецъ, и прислушиваясь къ звонкимъ пѣснямъ жаворонковъ, которые высоко и радостно вились въ поднебесьи, будто привѣтствуя ихъ счастье.

Владѣтель Соколовки считался во время оно довольно значительнымъ помѣщикомъ, потому что ему досталось отъ отца до тысячи незаложенныхъ душъ, что съ заложенными двумя стами его супруги составляло, благодаря Бога, состояніе изрядное. Но другъ маркиза Пуччи не довольствовался этимъ.

— Въ пять лѣтъ,—не болѣе, какъ пять,—важно говорилъ онъ на выборахъ помѣщикамъ, собравшимся около него, какъ около извѣстнаго краснобая,—я утрою, учетверю мое состояніе. Вы, господа, дѣйствуете по старой методѣ, по рутинѣ. Я буду дѣйствовать иначе: пойду не избитымъ путемъ, а проложу себѣ путь новый. Разумѣется, это не такъ легко: для этого надо быть нѣсколько знакомому съ европейскимъ современнымъ взглядомъ на хозяйство, съ наукой наукъ—политической экономіей.—И онъ торжественно закрывалъ свои глазки и, лукаво улыбаясь, продолжалъ,—ну, конечно, я-таки кое-что маракую въ этомъ дѣлѣ, читывалъ и Сея и Адама Смита. Двери въ храмину наукъ не открыты для всѣхъ настежь, но воля и терпѣніе преодолѣваютъ все: *толцыте—и отверзится*.

Старые и опытные помѣщики недовѣрчиво покачивали

своими сѣдыми головами, слушая эти рѣчи, а молодые придавали имъ серьезное значенiе.

Ревностный поклонникъ Сея и Адама Смита, Александръ Иванычъ началъ съ того, что заложилъ свою тысячу душъ и завелъ свеклосахарный заводъ и бумажную фабрику, выписалъ двухъ нѣмцевъ для завода и одного англичанина для фабрики: заказалъ братьямъ Бутенопамъ какiе-то неслыханные земледѣльческие инструменты и написалъ даже брошюрку о свеклосахарномъ производствѣ. Несмотря на это, его фабричныя и земледѣльческiя дѣла шли плохо: заказанная въ Англiи для бумажной фабрики машина пришла гораздо позже предполагаемаго срока, къ тому же вода оказалась нечистою и неудобною для выдѣлки бумаги, такъ что фабрика осталась безъ дѣйствiя, хотя англичанину платились довольно большiя деньги; заказанныя же Бутенопамъ земледѣльческiя орудiя вовсе ужъ не годились ни для какого употребленiя; а между тѣмъ Александръ Иванычъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, началъ устраивать въ своей резиденцiи—Соколовкѣ—сады и расчищать парки, говоря, что онъ превратитъ Соколовку въ Семирамидины *сады*; выстроилъ домъ по собственному плану—съ башенками, съ галлереями, съ какими-то хитрыми переходами, съ витыми лѣстницами, съ громоотводами и съ необыкновеннаго устройства печами, которыя, впрочемъ, нагрѣвали домъ гораздо хуже обыкновенныхъ. Все это стоило дорого, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ Иванычъ вынужденъ былъ отпустить нѣмцевъ и англичанъ, продать восемьсотъ пятьдесятъ душъ, съ фабрикою и заводомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ еще сто, отдать для пашни большую часть парка, за недостаткомъ земли, и остаться при двухъ стахъ пятидесяти душахъ и при большомъ затѣйливомъ, но негодномъ для жительства домѣ. Александръ Иванычъ, впрочемъ, нисколько не унывалъ и вмѣсто бумажныхъ фабрикъ и свеклосахарныхъ заводовъ занялся разводкою георгинъ.

— Такого соединенiя колеровъ въ георгинахъ, какъ у меня,—повторялъ онъ безпрестанно кому ни попало,—вы не найдете въ Россiи нигдѣ, развѣ только въ подмосковной

графа Андрея Петровича Косицына, гдѣ садоводство находится на высшей степени развитія, по милости его садовника, великаго ботаника,—мистера Бьютона. Третьяго года, въ бытность мою въ Петербургѣ, я говорилъ самому графу: «знаешь ли ты, братецъ, Андрей, что у тебя есть сокровище? это—твой мистеръ Бьютонъ! Онъ, можетъ быть, изъ первыхъ садовниковъ въ Европѣ... понимаешь ли ты это? Такъ, смотри же, я говорю, умѣй цѣнить его!»

Старички сосѣди, видя разстройство дѣлъ Александра Иваныча, за глаза насмѣхались надъ нимъ, въ тайнѣ радовались этому и въ одинъ голосъ твердили:

— Ништо ему! это все его нововведенія! А мы хоть и старинки придерживаемся, а, слава тебѣ, Господи, помаленьку наживаемъ деньжонки и дѣтямъ кусокъ хлѣба оставимъ, а онъ что?

Несмотря на это, они питали къ Александру Иванычу какое-то неопредѣленное, смутное уваженіе,—и это понятно: Александръ Иванычъ бойко и красно говорилъ и потому имѣлъ всегда вліяніе на выборахъ; Александръ Иванычъ часто ѣздилъ въ Петербургъ; Александръ Иванычъ все толковалъ о своихъ знатныхъ связяхъ и знакомствахъ. Нѣкоторые, конечно, и не вполнѣ довѣряли всѣмъ его росказнямъ, да думали,—ну, а что если?..

И потому Александръ Иванычъ пользовался у всѣхъ почетомъ и въ гостяхъ всегда занималъ первое мѣсто. Вѣра Ивановна имѣла самое высокое понятіе объ его умѣ и образованіи, тѣмъ болѣе, что и покойникъ ея отзывался о немъ какъ о первой головѣ въ губерніи; и надобно было видѣть радость старушки, когда онъ съ видомъ необычно серьезнымъ отозвалъ ее однажды въ сторону и сказалъ:

— Ну, Вѣра Ивановна, я долженъ сказать вамъ, что ваша Катя,—и онъ поднялъ значительно указательный палецъ, — дѣвушка необыкновенно замѣчательная. — Потомъ, сжавъ оконечности пальцевъ, продолжалъ,—умъ свѣтлый, ясный, большая начитанность, красота формъ, врожденная грація—она и въ столицѣ произвела бы эффектъ. Я ее душевно люблю, и еще болѣе потому, что она ужасно напо-

минаетъ мнѣ графиню Ангелику Михницкую, дочь графини Юліи Павловны, съ которой я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Благодарю васъ, мой батюшка, благодарю!—отвѣчала старушка, очень польщенная тѣмъ, что дочь ея походила на графиню Ангелику Михницкую.

Но что касается до Кати, она не питала ни особеннаго расположенія, ни особенной довѣренности къ краснорѣчивому владѣтелю Соколовки, и ей было очень неловко и непріятно, когда онъ, по праву старичка, цѣловалъ ей руки, гладилъ ея плечи и смотрѣлъ на нее съ какимъ-то сладкимъ и страннымъ выраженіемъ лица.

Надобно замѣтить, что Александръ Иванычъ принадлежалъ къ самымъ жаркимъ поклонникамъ прекраснаго пола, и этотъ жаръ умѣлъ сохранить до преклонныхъ лѣтъ, что очень не нравилось Аленѣ Ѳедоровнѣ.

Вѣра Ивановна послѣ обѣда начала угощать своего дорогого гостя различными вареньями, изготовленными подъ ея собственнымъ надзоромъ; и Александръ Иванычъ, развалясь на диванѣ, пробовалъ каждое съ видомъ знатока и отозвался съ похвалою особенно о клубничномъ; потомъ вынулъ изъ кармана своего казакинчика, покрой котораго изобрѣтенъ былъ имъ самимъ, сигарочницу также весьма замысловатаго устройства, ибо онъ любилъ оригинальность во всемъ, и закурилъ сигару.

— Гдѣ вы изволите брать сигарки? Въ гостиномъ ряду, у Кубякова-съ?—спросилъ его рябоватый господинъ

— Что? — протяжно произнесъ Александръ Иванычъ, улыбнувшись иронически.—у Кобякова? Да Кобяковъ-то вашъ, чай, и во снѣ такихъ сигаръ не видывалъ. — Эти сигары, батюшка, прямо изъ Гаванны; настоящія *Regalia Cazadores, — Brown,* то-есть самыя крѣпкія; мнѣ подарилъ ихъ штукъ до 1000 въ послѣднюю поѣздку мою въ Петербургъ извѣстный петербургскій банкиръ, имѣющій прямыя, непосредственныя сношенія съ Гаванною. Ему самому обошлись онѣ по 30 р. сер. за сотню. Такія сигары въ Петербургѣ диковина,—онѣ и тамъ считаются лакомствомъ.

Рябоватый господинъ обомлѣлъ отъ изумленія и попросилъ позволенія посмотрѣть ихъ поближе и понюхать, повторяя шопотомъ: 30 р. сер.! то-есть сто пять рублей на ассигнаціи!

Этотъ господинъ. холостой и небогатый, по фамиліи Ушицынъ, также сосѣдъ Вѣры Ивановны, былъ человѣкъ простой и очень добрый, оказывавшій ей послѣ смерти ея покойника большія услуги и совершенно преданный ей. Его звали Захаромъ Лаврентьичемъ... Захаръ Лаврентьичъ далѣе своего губернскаго города никуда не ѣздилъ, считалъ сигары Кобякова, содержавшаго табачную лавочку въ губернскомъ гостиномъ дворѣ, лучшими сигарами на земномъ шарѣ, имѣлъ о Москвѣ и о Петербургѣ какое-то смутное, фантастическое представленіе и проводилъ большую часть своего времени у прудовъ, озеръ и рѣкъ съ удочкой въ рукѣ.

— Удивительныя должны быть сигары-съ! — замѣтилъ Захаръ Лаврентьичъ, достаточно осмотрѣвъ ихъ и нанюхавшись и возвращая Александру Иванычу сигарочницу.

— Не хотите ли попробовать?

— Да нѣтъ-съ, ужъ очень вамъ благодаренъ: очень крѣпкихъ-то я не могу курить-съ,—а то голова закружится; покорнѣйше васъ благодарю.

— Ну, а какъ идетъ ваша рыбная ловля? — спросилъ у него благосклоннымъ голосомъ Александръ Иванычъ.

При этомъ вопросѣ лицо рябоватаго господина вдругъ заиграло, и глаза его загорѣлись.

— Ловъ хорошъ-съ, очень даже хорошъ-съ,—быстро и съ одушевленіемъ отвѣчалъ онъ, — я ловилъ и третьяго дня и вчера на Кросулѣ, между Дубинымъ и Вражкинымъ... знаете-съ, тамъ, гдѣ омуты; теперь весною есть-таки пожива, слава Богу-съ; рыба-то теперь бродитъ зря-съ... Въ два утра я штукъ слишкомъ до полутораста выудилъ: четыре ельца, штукъ до тридцати ершиковъ, а остальное все окуньки да плотица... Я привезъ все Вѣрѣ Ивановнѣ-съ...

— Ужъ онъ, голубчикъ, привозитъ намъ столько рыбы, что и дѣвать ее некуда. И славные такие окуни — преболь-

щущіе, такъ въ кадушкѣ-то и плещутся. Катя пришла посмотрѣть — ей лицо такъ совсѣмъ и забрызгали.

Захаръ Лаврентьичъ бросилъ едва замѣтный взглядъ на Катерину Павловну и, весь вспыхнувъ, тотчасъ же оборотился въ другую сторону.

— Я, признаюсь, не охотникъ до этой забавы, — сказалъ Александръ Иванычъ, — не понимаю этой страсти; другое дѣло — охота съ ружьемъ, съ борзыми: тутъ что-то дѣятельное, смѣлое, даже воинское; но и я раза два въ жизни пробовалъ ловить рыбу. И однажды со мной былъ прекурьезный случай. Это было, надобно вамъ сказать, въ имѣніи покойнаго князя Михаила Петровича Боровицкаго, у котораго я зачастую гащивалъ проѣздомъ изъ своихъ деревень и который считался въ свое время однимъ изъ первыхъ знатоковъ въ уженьи... Вотъ мы и поѣхали съ нимъ послѣ обѣда въ линейкѣ къ озеркамъ, въ верстѣ отъ дома. Камердинеръ его подалъ намъ удочки; закинули мы. Не прошло минуты, гляжу, а мой поплавокъ совсѣмъ исчезъ, вытаскиваю—и что же?—огромная, сударь, форель, которая вѣсила до тридцати фунтовъ! Князь такъ и ахнулъ. — «Ну, братъ, счастливчикъ же ты! — вскрикнулъ онъ. — Мнѣ и самому ни разу не удавалось поймать такой рыбы, а ты какъ отличился при первомъ дебютѣ! .» Никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы она была поймана на удочку.

— Это должно быть красуля-съ... вы, вѣрно, ловили на краснаго червяка? — спросилъ Захаръ Лаврентьичъ добродушно.

— Ну, ужъ я тамъ не знаю... на чернаго или на краснаго, насаживалъ не я, камердинеръ князя... Именно около 30 фунтовъ, какъ теперь помню, при насъ вѣсилъ княжескій метръ д'отель... Да полноте, Катерина Павловна! — продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ,—портить ваши прекрасные глазки надъ этими тряпками, — что вамъ за охота! А вотъ лучше разскажите-ка намъ, чѣмъ вы занимаетесь, что̀ вы читаете теперь.

— Я ничего не читаю.

— Ужъ будто и ничего? — возразила старушка. — Ахъ ты,

плутовка этакая! Просто отъ книги не отрывается, иногда въ постели такъ до самаго разсвѣта вплоть читаетъ. И сна нѣтъ на нее, ей Богу.

— Да когда же это было, маменька?

— Ну, полно, полно, — вѣдь я все знаю...

— Я не люблю вашихъ французскихъ романовъ,—съ свойственною ему значительностью произнесъ Александръ Иванычъ, — займитесь-ка лучше англійской литературой, читайте Диккенса, — это послѣ Шекспира первый знатокъ человѣческаго сердца.

Послѣ чаю, который разливала Катя, Александръ Иванычъ началъ собираться восвояси.

— И, батюшка! — сказала старушка, — куда вы такъ торопитесь! поужинали бы съ нами.

— Нельзя. Я сказалъ моей Аленѣ Ѳедоровнѣ, что возвращусь ровно въ одиннадцать часовъ; ну, а я своему слову господинъ. Теперь около семи, слѣдовательно черезъ четыре часа я буду дома.

— А Надина-то наша совсѣмъ у васъ загостилась. Ужь вотъ четвертый день!

— Пусть себѣ, она тамъ съ моимъ Васильемъ все о поэзіи разсуждаетъ. У него, я вамъ скажу, — продолжалъ Александръ Иванычъ, обращаясь уже болѣе къ Катѣ: — талантъ, и талантъ недюжинный. Онъ пишетъ стихи бойкіе, звучные, плавные, и въ нихъ есть очень глубокія мысли. Изъ него выйдетъ настоящій поэтъ!

Въ минуту прощанья Александръ Иванычъ вдругъ вскрикнулъ:

— Ба, ба, ба! я было совсѣмъ и забылъ сказать вамъ интересную новость.

— Чтò, чтò такое? — торопливо спросила старушка.

— Какая новость-съ? — проговорилъ Захаръ Лаврентьичъ.

Даже и Катя съ любопытствомъ взглянула на Александра Иваныча, такое магическое значеніе имѣетъ слово новость въ деревенской глуши.

— Дня три тому назадъ я ѣздилъ въ Дубки и въ Покровскомъ перемѣнялъ лошадей. Тамъ замѣчаю такое вол-

неніе: домъ красятъ, подрѣзаютъ деревья, подчищаютъ дорожки... Чтò бы такое? думаю. Управляющій увидалъ меня, бросился ко мнѣ и объявилъ, что онъ ожидаетъ со дня на день молодого графа Сергѣя Григорьича, который пріѣдетъ, да еще не одинъ, а съ своими петербургскими пріятелями... Вотъ какъ! Вотъ какой сосѣдушка будетъ у васъ! Поздравляю.

— Поди-ка ты! А я ничего и не слыхала! — возразила старушка.

— Чтò мудренаго? Управляющій только за пять часовъ до моего пріѣзда получилъ это неожиданное извѣстіе изъ Петербурга.

— Скажите на милость! А чтò, онъ еще никогда, чай, и не бывалъ у себя въ Покровскомъ-то?

— Когда же ему было быть? Послѣ смерти отца онъ почти все время жилъ за границей; онъ остался, помнится мнѣ, послѣ отца двадцати двухъ лѣтъ, а отецъ-то умеръ, кажется, лѣтъ пять тому назадъ... Да, да, ровно пять лѣтъ.

— Экое богатство-то у него, подумаешь! И въ такіе молодые годы полный хозяинъ! Что вы, чай, знакомы съ нимъ, батюшка?

— Съ отцомъ его я былъ короткій пріятель, ну а съ нимъ только сошелся прошлую зиму въ Петербургѣ.

— А что, каковъ онъ изъ себя?

— Молодецъ, статный, ловкій и съ замѣчательнымъ, утонченнымъ образованіемъ.

— Да ужъ кому же и быть образованному, какъ не ему! — со вздохомъ замѣтила Вѣра Ивановна.

Затѣмъ Александръ Иванычъ простился съ хозяйкою дома, нѣсколько разъ довольно крѣпко пожалъ и не безъ нѣжности поцѣловалъ ручку ея дочери, сказавъ ей вполголоса:

— *Ву з'амбелисе ту ле журъ*,—и уѣхалъ.

Проводивъ его, старушка обратилась къ Захару Кондратьичу:

— Ну а ты, голубчикъ, вѣдь у насъ ночуешь?

— Да-съ, если позволите,—отвѣчалъ онъ.

Послѣ этого Катя занялась чтеніемъ, а Вѣра Ивановна съ Захаромъ Лаврентьичемъ — пасьянсомъ и разговоромъ, предметомъ котораго былъ молодой графъ и его несмѣтныя богатства.

ГЛАВА II.

Я не назову ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ была небольшая деревенька Вѣры Ивановны и гдѣ красовалось сосѣднее съ нею великолѣпное помѣстье молодого графа, слухъ о скоромъ пріѣздѣ котораго быстро распространился по всей губерніи. Я думаю будетъ довольно, если я скажу, что Березовка находилась въ одной изъ великороссійскихъ губерній.

Березовка смиренно пріютилась въ лощинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ небольшими вспаханными холмами, на которыхъ еще мѣстами торчали кусты березняка, такъ что надобно было подъѣхать почти къ самой околицѣ, чтобы открыть деревню. Вправо за нею, по направленію къ селу Покровскому, между кустарниками вилась въ гору проселочная дорога, исчезавшая въ густой рощѣ, принадлежавшей уже покровскому владѣльцу.

Осенью, среди желтѣющихъ нивъ, ее окружающихъ, Березовка представлялась проѣзжающему съ высоты холма небольшимъ чернымъ пятномъ. Избушка тѣсно лѣпилась къ избушкѣ; ветхія, темныя, покривившіяся въ разныя стороны, крытыя соломой, закоптившейся отъ дыма, онѣ, какъ избы во всѣхъ нашихъ деревняхъ старинной постройки, представляли печальный видъ. Усадьба находилась нѣсколько въ сторонѣ; но барскій домъ и службы такія же ветхія, какъ крестьянскія избы, отличались отъ нихъ только тесовыми крышами, съ которыхъ дожди давнымъ-давно смыли краску и которыя вмѣсто того время украсило изумруднымъ мхомъ, мягкимъ и пушистымъ какъ бархатъ. Рѣшетчатый палисадникъ передъ домомъ и около сада въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ подгнилъ, обвалился и

былъ замѣненъ плетнемъ. Садъ неизвѣстно почему именовался такъ: это было небольшое пространство, заросшее крапивою и репейникомъ, гдѣ густо разрослось нѣсколько деревьевъ, между которыми кудреватыя, темнозеленыя, широкія вершины стараго прямого дуба красиво возвышались надо всѣми. Передъ барскимъ домомъ находился небольшой прудъ, открытый съ той стороны, съ которой сходился къ водопою барскій и крестьянскій скотъ, оставлявшій на пескѣ разнообразные и пестрые слѣды копытъ своихъ; съ другой — опушенный кустами тальника и вербы, купавшими свои вѣтви въ темной водѣ, на поверхности которой плавали мѣстами круглые, какъ тарелки, лопухи. За этимъ прудомъ прямо на полверсту тянулось болото, покрытое красноватымъ мхомъ и поросшее багульникомъ, который весною далеко разносилъ въ воздухѣ свой пріятный и раздражающій запахъ.

Внутреннее расположеніе барскаго домика было нетрудно угадать по его наружному фасаду. Со двора подъѣздъ съ крылечкомъ и навѣсомъ; передняя не очень свѣтлая съ двумя окрашенными бѣлой краской и потомъ замасленными ларями... Здѣсь старый Игнатьичъ, въ синемъ, длинномъ домашняго сукна сюртукѣ и съ вѣчно синими отъ сукна руками, въ кумачныхъ панталонахъ и съ засученными рукавами, подшитыми посконнымъ холстомъ, занимался обыкновенно чищеньемъ самовара или тачаньемъ сапоговъ, вынимая по временамъ изъ кармана тавлинку и понюхивая съ большимъ наслажденіемъ *мафорскій съ донникомъ*, который, по увѣренію содержателя табачной лавочки въ уѣздномъ городѣ — Осипа Иванова, большого пріятеля Игнатьича, ни въ чемъ не уступалъ *віоле*, душистому и бергамотовому, хотя, конечно, былъ не такъ забористъ, какъ *кальмыцкій зеленчакъ*. Изъ передней—зала, служившая также и столовой, съ старинными рѣшетчатыми стульями вдоль стѣнъ, выкрашенными желтой краской, съ двумя круглыми зеркалами въ простѣнкахъ, съ двумя ломберными столами и съ большимъ круглымъ столомъ, полы котораго опускались съ обѣихъ сторонъ; изъ залы — гостиная съ диваномъ, передъ которымъ,

какъ водится, стоялъ круглый столъ съ креслами кругомъ и надъ которымъ висѣлъ въ почернѣвшей отъ времени рамѣ портретъ покойнаго супруга Вѣры Ивановны, изображавшій его еще въ образѣ младенца, въ бѣлой рубашкѣ, съ толстыми и красными щеками, съ большими глазами и съ огромнымъ краснымъ яблокомъ въ рукѣ.

За гостиною — спальня Вѣры Ивановны съ лежанкою; потомъ дѣвичья, по обыкновенію биткомъ набитая горничными въ полосатыхъ тиковыхъ платьяхъ.

Комнаты гувернантки и Кати находились наверху, въ мезонинѣ. Комната Кати рѣзко отличалась отъ всѣхъ остальныхъ. Въ этой комнатѣ, всегда чисто убранной, обнаруживалось уже образованное влеченіе къ тому, что англичане назвали комфортомъ: та же простая мебель, какъ и внизу, была разставлена такъ, что казалась даже лучше и красивѣе. Здѣсь уже были и кисейныя занавѣски у оконъ, и фортепьяно, и ноты, и книги; на столѣ — стеклянная ваза съ искусно подобраннымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, а на стѣнѣ — гравированные портреты Вальтеръ-Скотта и Жоржъ-Зандъ.

Жизнь въ Березовкѣ, какъ вообще деревенская жизнь небогатыхъ помѣщиковъ, тянулась до того вяло, до того утомительно-однообразно, особенно зимою, что пріѣздъ какихъ-нибудь сосѣдей составлялъ почти эпоху. Вѣра Ивановна вставала обыкновенно въ седьмомъ часу и до восьми часовъ занималась различными распоряженіями, потому что была большая хлопотунья. Въ восемь часовъ Катя съ Надеждою Кондратьевной сходили внизъ къ чаю, и Вѣра Ивановна всякое утро встрѣчала свою Катю такъ, какъ будто не видала ее нѣсколько времени: обнимала, цѣловала ее, гладила ея волосы и приходила въ величайшее безпокойство, если Катя вмѣсто двухъ чашекъ выпивала одну.

— Что́ съ тобой, дружочекъ? — говорила она въ такихъ обстоятельствахъ, подозрительно смотря на нее, — ужъ здорова ли ты? Что-то у тебя глаза-то какъ будто мутные? Да хорошо ли ты почивала? Да не болитъ ли у тебя головка?

И она прикладывала свою руку къ головѣ Кати.

Послѣ чаю, если была хорошая погода, Катя вмѣстѣ съ Надеждой Кондратьевной отправлялась гулять или безъ всякой цѣли, или иногда въ лѣсъ за грибами и за ягодами, и гувернантка непремѣнно въ такомъ случаѣ брала съ собою какой-нибудь романъ. Чаще всего онѣ ходили по дорогѣ къ Покровскому или гуляли въ покровскомъ паркѣ, который всего былъ въ трехъ съ половиною верстахъ отъ Березовки. Это была любимая прогулка Кати, — и немудрено: село Покровское съ своей великолѣпной усадьбой, съ своимъ большимъ и искусно разбитымъ паркомъ и съ садомъ, расположеннымъ на берегу рѣчки Верейки, отличавшейся не столько шириною и полноводіемъ, сколько высокими извилистыми и живописными берегами, славилось своимъ богатствомъ и мѣстоположеніемъ въ цѣлой губерніи. Окрестности же Березовки. за исключеніемъ Покровскаго, на нѣсколько десятковъ верстъ утомляли глазъ безконечною гладью, прерываемою или мелкимъ кустарникомъ и болотомъ, или небольшими и однообразными сосновыми лѣсами. Катя и Надежда Кондратьевна часто въ жаркіе дни отдыхали подъ тѣнью старыхъ великолѣпныхъ липъ и клеповъ на берегу Верейки, въ верстѣ отъ Покровскаго, любуясь видомъ на противоположный берегъ, и Катя говорила Надеждѣ Кондратьевнѣ:

— Вотъ. если бы нашъ домикъ стоялъ на этомъ мѣстѣ, какъ бы это было хорошо. Не правда ли?

— Ахъ, машеръ, повѣрьте, — возражала Надежда Кондратьевна, — можно жить не только у васъ, въ Березовкѣ, даже въ Камчаткѣ, если сердце не праздно и если тотъ, кого оно избрало, близокъ къ намъ: тогда и Камчатку вы не промѣняете ни на какую итальянскую виллу. Ну, а если ничто не занимаетъ, тогда... Вотъ мнѣ такъ все равно, гдѣ ни жить: въ Березовкѣ, въ Парижѣ или въ Петербургѣ.

И изъ груди ея вырвался глубокій вздохъ.

Часто Катя и Надежда Кондратьевна доходили до самаго покровскаго дома. Садъ содержался въ большомъ порядкѣ, и передъ домомъ было множество цвѣтовъ, до которыхъ Катя была большая охотница. Онѣ всходили на террасу, подходили къ окнамъ дома и съ любопытствомъ раз-

сматривали комнаты. Паркетный полъ этихъ комнатъ лоснился какъ стекло; всѣ стѣны были увѣшаны картинами; вездѣ на мраморныхъ стѣнахъ и каминахъ бронзы; вдали, въ концѣ анфилады комнатъ какая-то мраморная группа. Одинъ разъ Катя подставила руку къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть удобнѣе картину, висѣвшую прямо противъ окна. На этой небольшой картинѣ, отличавшейся замѣчательною яркостью и блескомъ колорита, изображенъ былъ пастушескій праздникъ. Густолиственныя, но легко набросанныя деревья, прозрачность неба, мягкость и свѣжесть зелени, смѣло и ловко расположенныя фигуры, исполненныя движенія и гибкости, женскія кокетливыя личики, нѣжность тѣла, граціозность позъ, блескъ ихъ соблазнительныхъ одеждъ,— все невольно останавливало вниманіе на этой картинѣ.

Катя долго и съ большимъ любопытствомъ разглядывала ее, и вдругъ, обрадовавшись своему открытію, вскрикнула:

— Надежда Кондратьевна! Надежда Кондратьевна!—посмотрите ради Бога: вѣдь это долженъ быть непремѣнно Ватто! Я васъ увѣряю, ну, право, это Ватто!

Катя всегда съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читала біографіи знаменитыхъ художниковъ и потому имѣла нѣкоторое понятіе о ихъ родѣ живописи и манерѣ. Катя не ошиблась, потому что это точно былъ Ватто.

Катя не могла оторваться отъ окна. И всякій разъ у этихъ оконъ она открывала что-нибудь новое.

— Ахъ, посмотрите, — кричала она въ другой разъ своей гувернанткѣ, — посмотрите, Надежда Кондратьевна, этотъ мраморный бюстъ старичка. Какая удивительная работа!

— Вѣдь это для *васъ*, машеръ, все въ диковинку, — отвѣчала Надежда Кондратьевна, потому что вы еще нигдѣ не были и ничего не видали; а ужъ я на все насмотрѣлась!

Одинъ разъ, когда онѣ стояли такимъ образомъ у оконъ, смотритель дома, проходившій мимо, предложилъ, не угодно ли имъ будетъ осмотрѣть домъ... Катя была въ восторгѣ; она ахала отъ удивленія на каждомъ шагу, долго останавливалась передъ каждой картиной, потому что всѣ кар-

тины казались ей работы великихъ мастеровъ, хотя то были по бóльшей части копіи, слывшія, разумѣется, за оригиналы, и нѣсколько въ самомъ дѣлѣ оригинальныхъ картинъ французской школы, между которыми можно было указать на аллегорическія картины Лебрена, на двѣ или на три картины Пуссена и на картину Ватто. Когда онѣ вошли въ комнату, поперекъ которой стояла огромная постель подъ зеленымъ полинялымъ балдахиномъ, обшитымъ золотою бахромою, смотритель дома сказалъ:

— Это была опочивальня ея сіятельства графини Александры Васильевны, бабушки графа Сергѣя Григорьича. Вотъ-съ и портретъ ихній на стѣнѣ, когда онѣ были еще въ дѣвицахъ, писанный знаменитымъ живописцемъ Грезомъ.

Катя взглянула на портретъ.

Передъ нею была дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ живыми, тонкими, игривыми чертами лица, съ голубыми глазками, съ нѣсколько насмѣшливыми губами и съ темными волосами, зачесанными назадъ, въ длинномъ корсажѣ, съ букетомъ цвѣтовъ на груди.

— Молодой графъ нашъ, — замѣтилъ смотритель дома, — очень, говорятъ, похожъ на свою бабушку.

«Онъ долженъ быть очень не дуренъ, — подумала Катя и не знала чему удивляться: сходству ли его съ бабушкой, красотѣ ли этой бабушки, или граціозной и нѣжной кисти, такъ мастерски изобразившей ее, — и ей казалось страннымъ и непонятнымъ отсутствіе владѣтеля этихъ сокровищъ. — На его мѣстѣ, — думала она, — я бы всегда жила здѣсь, мнѣ было бы жаль хоть на минуту разстаться со всѣмъ этимъ».

По возвращеніи домой ей всегда дѣлалось очень грустно: этотъ домикъ, въ которомъ она родилась и выросла, этотъ садъ изъ двухъ небольшихъ аллей съ полузаросшими дорожками, съ крапивой и репейникомъ у полуобвалившагося забора, и все, что ни окружало ее—казалось ей еще болѣе бѣднымъ, ветхимъ и жалкимъ.

Послѣ такихъ утреннихъ прогулокъ садились обыкновенно за столъ. Послѣ обѣда Катя занималась работой или

читала что-нибудь, потомъ опять прогулка въ полѣ, потомъ чай, ужинъ. Послѣ ужина Вѣра Ивановна непремѣнно провожала Катю наверхъ, для того чтобы посмотрѣть, хорошо ли тамъ все у нея, — подойдетъ бывало къ ея постели, перекреститъ изголовье, потомъ начнетъ цѣловать и крестить Катю на сонъ грядущій и, простившись съ нею, отправляется восвояси и засыпаетъ уже совершенно покойно.

Раза два или три въ годъ Катя танцовала на именинныхъ праздникахъ у помѣщиковъ. Бывало съ дѣтскою радостью заранѣе приготовлялась она къ этимъ торжественнымъ днямъ, ожидала ихъ съ нетерпѣніемъ, отъ волненія не спала ночь наканунѣ... Но небольшая зала съ низенькимъ потолкомъ и выбѣленными стѣнами, освѣщенная тускло горящими лампами, биткомъ набитая расплывшимися, толстыми барынями, которыя обмахивались носовыми платочками, и тоненькими барышнями, подпрыгивавшими подъ громъ разстроенныхъ фортепьянъ или подъ визгъ домашняго оркестра, — все это уже потеряло для Кати заманчивость. И въ то время, когда все добродушно шумѣло, скакало, прыгало и потѣло вокругъ нея — ей было скучно. Воображеніе переносило ее изъ какого-нибудь Губина въ Парижъ или въ Лондонъ; изъ душной деревенской комнаты — въ залы, сіяющія огнями, золотомъ и роскошью, на эти фантастическіе балы, которые такъ соблазнительно описываются въ разныхъ французскихъ романахъ и повѣстяхъ. Бѣдная провинціальная дѣвушка начинала сравнивать окружавшую ее дѣйствительность съ тѣми увлекательными картинами, отъ которыхъ у нея не разъ билось сердце и замиралъ духъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, на именинахъ у какой-то сосѣдки, она выведена была изъ своихъ мечтаній нѣсколько хриповатымъ и глухимъ голосомъ, сопровождавшимся звучнымъ бряцаніемъ шпоръ:

— *Мадмуазель, перметe муа де ву з'ангажё.*

Катя вздрогнула и подняла голову. Передъ нею стоялъ уланъ высокаго роста, съ полнымъ круглымъ и краснымъ лицомъ, съ густо вычерненными усами, съ большими сѣ-

рыми глазами на выкатѣ, точно изъ слюды, съ локтями, выставленными впередъ, и съ таліей, крѣпко перетянутой. Это былъ сынъ отчасти извѣстной читателямъ помѣщицы Кобеляковой.

— *Перметe де ву з'ангаже*, — повторилъ г. Кобеляковъ, охорашиваясь, затыкая одинъ палецъ за пуговицу мундира, лихо расшаркнувшись и брякнувъ шпорами.

Катя слегка наклонила голову и молча подала ему руку.

Когда онъ привелъ ее на мѣсто, подставилъ ей стулъ и и самъ сѣлъ возлѣ нея, онъ нѣсколько минутъ молча и искоса посматривалъ на нее однимъ глазомъ и покручивалъ усы, потомъ вскочилъ со стула, произнеся: «*сэ т'а ну де командсе*», и бросился на тонцовальную арену, выставивъ локти еще болѣе впередъ, искусно поводя плечами, на которыхъ блестѣли эполеты съ тремя звѣздочками, и пристукнувъ шпорами... Когда фигура была кончена и они сѣли, онъ, поигрывая толстой цѣпочкой отъ часовъ, началъ въ этотъ разъ поглядывать уже на плечи своей дамы и потомъ обратился къ ней:

— *Ву дансе боку, мадмуазель?*

— Нѣтъ, рѣдко, — отвѣчала Катя.

— *Пуркуа? Се тре з'агреабль*... Танцы — очень пріятное препровожденіе времени... Разумѣется, тутъ нѣтъ ничего собственно для ума и для сердца, но все-таки развлеченіе...

И г. Кобеляковъ началъ снова играть своей цѣпочкой. Катя ничего не отвѣчала.

Послѣ минуты молчанія, покрутя усъ, онъ снова началъ:

— Вотъ я прошлый годъ ужасть какъ танцовалъ. Я былъ въ отпуску въ Москвѣ и не пропускалъ ни одного бала въ собраніи: — повеселился, можно сказать, вволю... Въ Москвѣ очень весело и славная зала въ собраніи. Вы изволили быть въ Москвѣ?

И, сдѣлавъ этотъ вопросъ, онъ уже довольно смѣло и и обоими глазами погрузился въ созерцаніе своей дамы, которая видимо произвела на него впечатлѣніе...

— Я никогда не выѣзжала изъ деревни, — сказала Катя.

— *Плетиль?* — вскрикнулъ г. Кобеляковъ, все смотря на ея плечи и не слыхавъ въ разсѣяніи отвѣта.

— Я не была въ Москвѣ, — повторила Катя.

Затѣмъ разговоръ прекратился. Черезъ нѣсколько времени онъ ангажировалъ Катю на туръ вальса, пронесся съ нею по залѣ, въ заключеніе ловко завертѣлся съ нею, брякнулъ шпорами, раскланялся, сказалъ стоявшему возлѣ него пріятелю: «ну, братецъ, теперь можно и затянуться», какъ будто сдѣлалъ какое-нибудь дѣло, и отправился съ нимъ изъ залы.

— Не знаешь ли ты, братецъ, — спросилъ онъ у него, — кто эта барышня, съ которою я сейчасъ провальсировалъ? Славныя плечи, славныя! душка, просто душка!

— Это дочь здѣшней помѣщицы Бѣловой.

— И съ состояніемъ? — спросилъ г. Кобеляковъ, закуривая трубку.

— Послѣ матери достанется ей слишкомъ сто душъ.

— Заложенныя, разумѣется? — съ гримасой возразилъ г. Кобеляковъ, затянувшись.

— Нѣтъ, не заложенныя.

Г. Кобеляковъ выпустилъ изо рта мрачную тучу дыма.

— *Жоли персонь, тре жоли*, — только, жаль, кажется, она не говоритъ по-французски?

— Нѣтъ, извини! Ужъ я знаю, что говоритъ, да еще какъ говоритъ! Она такъ и лупитъ, говорятъ, французскіе романы.

— Отчего же, братецъ, я заговаривалъ съ нею все по-французски, а она отвѣчаетъ по-русски?

— Да Богъ ее знаетъ! Она, видишь, такая странная и неразговорчивая совсѣмъ. Да вотъ спроси лучше о ней у Александра Иваныча.

— О комъ у васъ идетъ рѣчь? — спросилъ Александръ Иванычъ, глубокомысленно прищуривая свои глазки.

— О мамзель Бѣловой, — возразилъ г. Кобеляковъ, — она съ большимъ шикомъ и очень *комъ-иль-фо*.

— Это, сударь, дѣвушка замѣчательная по уму, красотѣ и по образованію. Это драгоцѣннѣйшій перлъ, кото-

рому недостаетъ только богатой оправы; при этомъ условіи, она могла бы играть роль и въ столицѣ, — я вамъ за это отвѣчаю! Это шекспировская Джульета вмѣстѣ съ гётевской Миньоной; только нашъ сѣверъ наложилъ на нее печать своей задумчивости...

И, произнеся это, Александръ Иванычъ торжественно вытянулъ правую руку для приданія большаго значенія своимъ словамъ.

— А она говоритъ по-французски? — спросилъ Кобеляковъ.

— Еще бы! У нея даже чистѣйшій парижскій акцентъ, что, замѣтьте, не у многихъ.

— Неужели?!

Г. Кобеляковъ явно былъ пораженъ этимъ.

— Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ! — раздался вдругъ бархатный голосъ его супруги, — гдѣ вы? Я васъ вездѣ ищу... Пожалуйста, подите сюда...

— Сейчасъ, сейчасъ, матушка! — сказалъ старичокъ, заторопившись, вдругъ потерявъ всю свою важность и глубокомысленность при звукѣ этого голоса, и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты, бросивъ недокуренную сигару.

— Эта барышня сильно напоминаетъ мнѣ другую, съ которой я танцовалъ въ Москвѣ въ собраніи,—сказалъ Кобеляковъ, закуривая вторую трубку и обращаясь къ своему пріятелю, — и которая, надо тебѣ сказать, была ко мнѣ очень неравнодушна... Вотъ точно такія же роскошныя плечи, какъ у этой. Только у той родимое пятнышко на лѣвомъ плечѣ; а ужъ по-французски такъ и рѣзала... право!.. и ноженка затянута въ атласный башмачокъ... Прелесть этакая, *комъ-иль-фо*... Я тебѣ скажу, братецъ, по секрету, что у меня хранится одинъ изъ ея башмачковъ... Я не разъ пивалъ изъ него... Вотъ, когда ты пріѣдешь къ намъ, я тебѣ его покажу... А какъ зовутъ мамзель Бѣлову?

— Катерина Павловна.

— Катишь!.. Душка!

Г. Кобеляковъ затянулся, бросилъ трубку въ уголъ, пріосанился, отправился въ залу, подсѣлъ къ своей маменькѣ —

толстой барынѣ съ бородкой и съ усиками—и началъ ей что-то нашептывать, указывая глазами на Катю.

При слабости, общей всѣмъ такого рода дамамъ къ сплетничеству и тараторству, г-жа Кобелякова имѣла и большія достоинства: она была удивительная хозяйка, имѣла триста пятьдесятъ душъ и кучу дѣвокъ во дворѣ, которыя считались первыми рукодѣльницами въ цѣлой губерніи: вышивали въ тамбуръ и гладью, плели кружева, вязали молодому барину шерстяные шарфы и одѣяла и трепетали передъ барыней.

Вскорѣ послѣ этого бала г-жа Кобелякова, вообще рѣдко посѣщавшая Вѣру Ивановну, явилась къ ней съ визитомъ, то-есть прогостила у нея три дня, съ двумя горничными дѣвками, съ двумя людьми, считая въ томъ числѣ, впрочемъ, и кучера, и съ тремя болонками. Въ продолженіе этого времени она изъявляла большую нѣжность Вѣрѣ Ивановнѣ, говорила, что никого такъ искренно не любитъ, какъ ее; бранила очень многихъ своихъ пріятельницъ, особенно Алену Ѳедоровну, жену Александра Иваныча, называла ее даже во всѣхъ отношеніяхъ безсовѣстной женщиной, а самого Александра Иваныча—пустѣйшимъ болтуномъ и хвастуномъ и разсыпалась въ величайшихъ похвалахъ своему сыну.

— Ахъ, такого сына имѣть особенное счастье,—говорила она,—я каждый день за него благодарю Бога... И, вообразите, ему предлагали прекрасныхъ и богатыхъ невѣстъ въ Москвѣ да не женился,—говоритъ: «не по сердцу, другъ мой, мамаша!» Ну да и лѣта еще были не такія. Что жъ, ему теперь только недавно минуло двадцать пять лѣтъ... Ужъ вы позвольте, матушка Вѣра Ивановна, познакомить его съ вами и съ Катериной Павловной: я ужъ его непремѣнно привезу къ вамъ.

И въ самомъ дѣлѣ, дней черезъ десять она явилась съ сыномъ, которому предшествовалъ нестерпимый запахъ пачули. Онъ безпрестанно отпускалъ французскія фразы, гремѣлъ саблей и звенѣлъ шпорами, разсказывалъ о балахъ въ московскомъ собраніи и передъ обѣдомъ выпилъ три рюмки водки, замѣтивъ Вѣрѣ Ивановнѣ, что онъ лучше этой водки

не пивалъ нигдѣ, даже въ московскомъ собранiи и въ печкинской кофейной. Онъ сѣлъ возлѣ Кати, которая вышивала подушку съ бабочками, и началъ рядъ любезностей вопросомъ:

— *Се ла папильонъ ке ву кузе, мадмуазель?*

Катя хотя и не была смѣшливаго характера, но на этотъ разъ никакъ не могла удержаться отъ смѣху.

— Чему вы смѣетесь?.. *pardon* за нескромный вопросъ!.. Вѣрно, какая-нибудь смѣшная мысль пробѣжала въ вашей головкѣ?

— Да, вы угадали, — отвѣчала Катя, продолжая уже смѣяться свободнѣе.

— Признаюсь, я дорого бы далъ, чтобъ узнать ваши мысли. *Ма фуа, се тре кюрьё.*

— Вы думаете?

— Болѣе, нежели думаю, сударыня, — я въ этомъ увѣренъ.

— А молодежь-то наша, посмотрите, смѣется себѣ, — замѣтила толстая барыня съ бородкой Вѣрѣ Ивановнѣ, — вѣдь глядя вотъ теперь этакъ на нихъ, такъ невольно сердце и радуется.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ тонкихъ намековъ г-жа Кобелякова сдѣлала уже формальное предложенiе, говоря, что сынъ ея страстно влюбленъ въ Катерину Павловну, не имѣетъ ни днемъ, ни ночью покоя, все только думаетъ о ней, и если она приметъ его предложенiе, то онъ почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мiрѣ. Къ этому толстая барыня прибавила, что онъ единственный наслѣдникъ Колотиловки, что, слава Богу, у нихъ имѣньице кругленькое, почти по девяти десятинъ на душу, что нынче въ рѣдкость, и что неудобной земли нѣтъ ни одной сажени. Вѣра Ивановна благодарила ее за честь, сдѣланную ея дочери, сказала, что переговоритъ съ нею и дастъ отвѣтъ, но прибавила къ этому, что все зависитъ отъ Кати, что противъ воли ея она не пойдетъ и что если Катя согласна, то касательно ея благословенiя сомнѣваться нечего.

Вѣра Ивановна все это очень серьезно сообщила Катѣ и не безъ волненія ожидала ея отвѣта.

Катя крѣпко поцѣловала старушку, улыбнулась и спросила ее:

— Ну, а вы, маменька, вы не противились бы этому браку?

— На что же мнѣ противиться, Катенька? сохрани меня Боже. Кого ты полюбишь, того и я полюблю: — въ этомъ тебѣ нечего сомнѣваться; онъ долженъ тебѣ прежде понравиться, потому что жить-то съ нимъ вѣдь не мнѣ, а тебѣ.

— А вамъ онъ нравится, маменька?

— Да ужъ я тебѣ говорю, если онъ тебѣ нравится, такъ и мнѣ понравится.

— Нѣтъ, скажите, нравится ли онъ вамъ?

— Что жъ, онъ молодой человѣкъ очень пріятный, — сказала нетвердымъ голосомъ Вѣра Ивановна, посматривая на Катю, какъ бы желая вывѣдать ея образъ мыслей: — только одно условіе — пусть онъ выйдетъ въ отставку. Ужъ я ни за что не могу съ тобой разстаться, вся моя жизнь въ тебѣ, Катенька: что я буду безъ тебя?

Старушка устремила умоляющіе глаза на Катю и зарыдала, обнявъ ее. Катя снова принялась цѣловать ее и улыбалась ей сквозь слезы, потому что мысль когда-нибудь разстаться съ матерью казалась и ей страшною.

— Будьте покойны, — сказала она, — будьте покойны: мы не разстанемся съ вами. Этотъ господинъ мнѣ вовсе не нравится; я ни за что бы на свѣтѣ не согласилась быть его женою.

Старушка просіяла.

— То-то, то-то, голубчикъ мой! — произнесла она, утирая слезы, — онъ и мнѣ-то, признаться сказать, что-то казался такимъ страннымъ, ей Богу...

Когда толстая барыня получила отказъ, она пришла въ неописанное негодованіе: лицо ея покрылось багровыми пятнами, бородка зашевелилась, и, вся трепеща отъ гнѣва, она побѣжала въ комнату сына. Онъ, ничего не предчувствуя, лежалъ на кушеткѣ въ халатѣ, обсыпанный кругомъ та-

бачнымъ пепломъ, покуривая и пуская изо рта кольца дыма. Возлѣ него стоялъ его камердинеръ.

— Ну-ка, давай табакерку, — сказалъ Кобеляковъ, зѣвая. — что-то смерть понюхать хочется.

Лакей взялъ со стола небольшой краснаго дерева поставецъ и отворилъ его. Въ этомъ поставцѣ укладывался графинъ съ водкою и рюмка.

Лакей наполнилъ рюмку.

Кобеляковъ выпилъ залпомъ и крякнулъ отъ удовольствія.

Въ эту самую минуту съ шумомъ отворилась дверь, и передъ нимъ предстала виновница дней его.

Лакей вышелъ.

— Благодарю васъ, очень благодарю, Семенъ Николаичъ! — сказала она сыну, размахивая руками, — по вашей милости я получила сегодня такой афронтъ, вы меня на старости лѣтъ заставили сыграть такую дурацкую роль, какой я еще никогда въ жизни не играла.

— Что такое? — сказалъ онъ, приподнимаясь съ кушетки.

— Вы вотъ ничего не знаете, вы тутъ спокойно себѣ лежите, вамъ и горя мало, а я-то на старости лѣтъ съ ума сошла: послушала васъ! Ништо мнѣ, ништо, подѣломъ... И вѣдь пришла же вамъ этакая глупость въ голову! Поздравляю васъ: вы получили сегодня формальный отказъ. Какъ вамъ покажется:—эта мелюзга, эта, съ позволенія сказать— голь туда же топырщится, говоритъ: «надо спросить у дочери согласія», а эта не стоющая никакого вниманія дѣвчонка осмѣливается отказывать *вамъ!* Каково это? Да она бы за счастье, дурища, должна была считать, что за нее сватается такое лицо... Отказывать тебѣ, *моему* сыну! а?

— Вотъ тебѣ и разъ! — воскликнулъ Кобеляковъ и невольно прищелкнулъ языкомъ.

— И что она такое? Я ей укажу ея настоящее мѣсто... Дай срокъ, — продолжала г-жа Кобелякова, — нѣтъ, со мной шутить нельзя. Я не позволю! Да и матушка-то ея, которая пляшетъ по дудкѣ этой дѣвчонки, и матушку-то я такъ осрамлю при всѣхъ, что ей стыдно будетъ на бѣлый свѣтъ

показаться. Вотъ что! Ахъ, они этакіе!.. И ты, батюшка, хорошую невѣстушку мнѣ приготовлялъ! Да я ее на мою Феньку не промѣняю! Да у Феньки-то, по крайней мѣрѣ, руки золотыя: она рукодѣльница такая, какой другой и не отыщешь; а та что? книжки читаетъ, набиваетъ голову разной чепухой. Эка невидаль!..

— Ну, что такое, маменька, — перебилъ сынокъ, не предвидя конца маменькиной рѣчи, — дрянь, такъ дрянь и есть, и говорить объ этомъ не стоитъ. Да я плевать на нихъ хочу... Вѣдь это такъ только, пришла мнѣ въ голову просто фантазія... Невѣстъ много, за невѣстами дѣло не станетъ. Мнѣ стоитъ только съѣздить въ Москву: въ собраніи тамъ невѣстъ-то сколько угодно — выбирай любую. Не огорчайтесь. Ужъ я васъ утѣшу такой невѣсткой, что просто мое почтеніе, заставлю здѣсь всѣхъ ротъ разинуть...

— Но каково же мнѣ перенести отказъ-то, и отъ кого же! — начала она опять свое, но уже болѣе смягченнымъ голосомъ, нѣсколько утѣшенная тѣмъ, что сынъ обѣщалъ ей такую невѣстку, отъ которой всѣ ротъ разинутъ.

Она, впрочемъ, долго еще изливала свой гнѣвъ на Вѣру Ивановну и ея дочь, которыя съ этой минуты пріобрѣли въ ней и ея сынѣ непримиримыхъ враговъ.

Г. Кобеляковъ, самолюбіе котораго было сильно, однако, уязвлено, боясь, чтобы вѣсть объ отказѣ не разгласилась въ губерніи, говорилъ всѣмъ своимъ знакомымъ:

— Вообразите, здѣсь кто-то распустилъ слухи, будто я хочу жениться, будто я сватался... Этакой вздоръ... да на комъ же мнѣ здѣсь жениться? на комъ? *C'ета мурирь де рирь*. У меня въ Москвѣ были невѣсты богатыя, съ имменемъ; меня искали, да я и тутъ не женился. Комедія! И откуда могли выйти этакія сплетни?

Несмотря на неудачное сватовство, деревенская жизнь на распашку съ борзыми, гончими и другими легкими и пріятными увеселеніями, до того понравилась Кобелякову и такъ благотворно подѣйствовала на его здоровье, что его платье къ концу отпуска перестало уже на немъ совсѣмъ сходиться. Онъ вышелъ въ отставку. О существованіи Кати онъ со-

всѣмъ почти забылъ; но если заходила рѣчь о ней въ его присутствіи, то онъ отзывался о ней съ большимъ презрѣніемъ. Что же касается до его маменьки, то она послѣ порвой горячки гнѣва, по долгомъ размышленіи, обдумывала планъ, какимъ орудіемъ половче дѣйствовать противъ Вѣры Ивановны и ея дочери, потому что она не могла простить имъ смертельной обиды, нанесенной ея самолюбію. «Я ихъ такъ очерню,—думала она, цѣлуя и лаская свою Бибишку и расчесывая ея шерсть собственнымъ гребнемъ:—такъ очерню, что онѣ не посмѣютъ никакому порядочному человѣку въ глаза показаться. Дайте срокъ».

И толстая барыня съ бородкой, принявъ на себя самый кроткій и смиренный видъ, грустнымъ голосомъ и покачивая головой, при удобномъ случаѣ говорила всѣмъ и каждому такого рода рѣчи:

— Мнѣ истинно вчужѣ жаль эту несчастную Вѣру Ивановну... добрая, этого ужъ у нея никто не отниметъ, но глупая женщина, и довела свою дочь до такого своевольства, до такого, что страшно, волосъ дыбомъ становится, ей Богу... Это я ужъ знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Мать, бѣдняжка, передъ ней совсѣмъ унижается, какъ холопка какая:—вотъ до чего довело это глупое баловство! Любовь, говорятъ, материнская любовь! Да помилуйте, что это за любовь? Вотъ ужъ я на что люблю моего Сеню, ужъ болѣе, кажется, любить нельзя, а никогда его не баловала и всегда ему правду въ глаза говорила. Вотъ и теперь, когда онъ выходилъ въ отставку, говорю: ты дурно, голубчикъ, дѣлаешь, очень дурно!.. А это, помилуйте, что это такое! Мать формально-таки дрожитъ, пикнуть не смѣетъ передъ дѣвчонкою, передъ дочерью; да гдѣ же это видано? А дочка-то съ гувернанткой своей цѣлые дни по лѣсамъ да по паркамъ, тамъ, знаете, около Петровскаго, а въ Петровскомъ-то (при этомъ толстая барыня наклонялась къ уху слушателя или слушательницы) управляющаго-то сынъ, двадцатилѣтній балбесъ, какъ будто нечаянно, знаете, имъ навстрѣчу. Срамъ, просто срамъ!.. Не говорите вы только, Бога ради, этого никому: мнѣ по человѣчеству жалко эту

глупую мать. Что ихъ позорить, Богъ съ ними! Но такого поведенія, говорятъ, эта дѣвочка, что просто... да ужъ лучше не говорить.

И толстую барыню съ бородкой слушали и слушали съ любопытствомъ, несмотря на то, что знали слабость ея язычка и наклонность къ вымысламъ, и слушали не только госпожи, не любившія Катю за то, что она была и лучше и воспитаннѣе ихъ дочерей, но и весьма серьезные и благонамѣреннаго образа мыслей господа.

И эти почтенные господа и госпожи по секрету передавали сообщенное имъ другимъ господамъ и госпожамъ, столь же почтеннымъ; другіе, въ свою очередь, по секрету сообщали третьимъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, самая нелѣпая молва о Вѣрѣ Ивановнѣ и ея дочери разносилась съ быстротою молніи по всей губерніи, и нѣкоторыя матери даже строго запретили своимъ дочерямъ сближаться съ Катею, хотя вѣрили не болѣе, какъ половину этимъ разсказамъ, и считали ее такъ только — дѣвушкой безъ правилъ. До одного только Захара Лаврентьича не доходили эти слухи, потому что, зная его привязанность къ Вѣрѣ Ивановнѣ, никто при немъ не заговаривалъ въ дурную сторону ни о ней, ни о ея дочери; къ тому же на Захара Лаврентьича и мало обращали вниманія, считая его, какъ говорится, послѣдней спицей въ колесницѣ. Находились, однако, люди, которые и защищали Катю.

Къ числу заступниковъ Кати принадлежалъ и Александръ Иванычъ.

— Меня никто не увѣритъ, — говорилъ онъ, — чтобы во всемъ этомъ была сотая доля правды. Съ точки зрѣнія здраваго смысла этого быть не можетъ, это противъ всѣхъ логическихъ законовъ. Эти господа всему вѣрятъ и распускаютъ нелѣпѣйшія выдумки, потому что у нихъ голова не развита, потому что у нихъ нѣтъ процесса мышленія, нѣтъ фонда, основы, точки опоры, они вертятся какъ флюгера, вѣрятъ всему и болтаютъ, не размышляя о томъ, что болтаютъ... Дѣвушкѣ съ такимъ умомъ и притомъ такъ образованной не придутъ въ голову такія вещи, какія ей приписываютъ.

— Я сама этому не вѣрю, — замѣчала своимъ бархатнымъ голосомъ Алена Ѳедоровна, поправляя височки, — и не вѣрю потому, что ее воспитывала Надежда Кондратьевна, которая мнѣ извѣстна за дѣвушку отличныхъ правилъ и прекрасныхъ манеръ; но, однакожъ, всѣ говорятъ. Откуда жъ взялось это? тутъ есть же что-нибудь, какое-нибудь основаніе...

— Всѣ! да кто эти всѣ? Во-первыхъ, молва — дудка, которую надуваютъ догадки, какъ сказалъ великій сердцевѣдецъ Шекспиръ; а во-вторыхъ, что это за люди! Люди раздѣляются на людей высшаго закала, избранныхъ и на толпу; послѣдніе: это что? — люди въ зародышѣ, in potentia. Избранные, эти, такъ-сказать sommité общества...

— Довольно, довольно! все это скучно! — перебила его супруга, смотря въ лорнетъ на проходившую по двору бабу съ подойникомъ. — Ужъ я двадцать разъ слышала вашу философію, увольте меня отъ нея, сдѣлайте одолженіе.

И старичокъ, грустно потупивъ голову, тотчасъ же смолкалъ.

ГЛАВА III.

До самой Вѣры Ивановны слухи эти не могли дойти, а Катя, хотя и видѣла, можетъ быть, въ послѣднее время нѣкоторую перемѣну въ обращеніи съ нею разныхъ барынь и барышень, которыя прежде оказывали ей большую внимательность, но она вообще мало обращала на нихъ вниманія и не старалась изслѣдовать причины этой перемѣны, да къ тому же и встрѣчалась съ ними рѣдко. Особенной дружбы она не питала ни къ одной изъ знакомыхъ своихъ сверстницъ, во-первыхъ, потому что имѣла характеръ несообщительный, а во-вторыхъ, потому что онѣ были скучны и въ гостяхъ большею частью сидѣли на вытяжку, затянутыя въ корсеты, со сложенными ручками, всегда такими умницами, отпускали отъ время до времени междометія: «ахъ! о! неужели!», или односложныя слова и заученныя французскія фра-

зы; гуляли только въ саду, по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, и то не далеко отходили отъ дому, и если разговаривали, то очень жеманно и большею частью о предметахъ, касающихся до туалета. Какъ онѣ вели себя дома, — Катѣ было неизвѣстно, она, какъ я сказалъ, выѣзжала изъ своей Березовки очень рѣдко, да и мало интересовалась этимъ. До меня же собственно, какъ до человѣка любознательнаго, доходили слухи, что дома барышни были несравненно развязнѣе, бѣгали даже по полямъ и играли въ горѣлки; корсеты употребляли только въ праздничные дни и были болѣе нежели разговорчивы, даже болтливы наединѣ со своими горничными.

Катя была только откровенна со своею матерью и никогда ничего не таила отъ нея; да, впрочемъ, и таить ей было нечего. Тайны дѣвушки — говорятъ сочинители — начинаются вмѣстѣ съ первымъ біеніемъ сердца, вмѣстѣ съ первою любовью, а Катя имѣла понятіе о любви еще только по романамъ. Правда, у нея начинали зарождаться мысли, которыхъ она не сообщала Вѣрѣ Ивановнѣ, потому что добрая старушка не могла бы ихъ взять хорошенько въ толкъ, и вопросы, которые поставили бы ее уже совершенно въ тупикъ. Катя это чувствовала и ей не разъ приходило въ голову, какъ бы хорошо было, если бъ она имѣла возлѣ себя еще другое существо, также близкое и любящее ее, какъ мать, но образованное, развитое, которое, понимая ее и сочувствуя ей, разрѣшало бы ея недоумѣнія, сомнѣнія и вопросы. За неимѣніемъ такого существа, она поневолѣ должна была уединяться въ самое себя и созидать, съ помощью романовъ, читанныхъ ею, свой особенный, отдѣльный міръ, изъ какихъ-то блестящихъ и невѣроятныхъ видѣній и призраковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ окружавшею ее жизнью.

При врожденномъ благородствѣ манеръ и граціи, которыхъ Катѣ и перенять, впрочемъ, было не у кого, въ ея движеніяхъ, въ ея взглядахъ, въ ея разговорахъ было что-то нѣсколько грустное и вмѣстѣ изнѣженное, даже лѣнивое, но очень привлекательное. Эту плавную медленность въ дви-

женіяхъ, этотъ туманъ во взглядѣ, эту грусть въ выраженіи— съ перваго раза, по неопытности, можно было принять, пожалуй, за равнодушіе, — и очень ошибиться. Катя была высока, стройна и въ семнадцать лѣтъ уже совершенно развита. Александръ Иванычъ замѣчалъ о ней даже, что съ точки зрѣнія пластической лучше уже ничего желать нельзя, и что она вырѣзана рѣзцомъ Кановы.

Александръ Иванычъ, который немножко любилъ преувеличенія, находилъ, между прочимъ, что у Кати характеръ смѣлый и рѣшительный, и что въ груди у нея — в о л к а н ъ. При словѣ волканъ, онъ, разумѣется, совсѣмъ закрывалъ свои глазки и поднималъ торжественно правую руку. Я могу сказать только одно, что въ Катѣ не было еще ни увѣренности въ собственныхъ силахъ, ни вѣры въ самое себя — отличительнаго признака характеровъ сильныхъ; что она никакъ не могла представить своего существованія отдѣльно отъ существованія матери, и когда безотчетная тоска овладѣвала ею и томила ее, она всегда прибѣгала къ ней, какъ бы ища у нея защиты.

Въ такія минуты Вѣра Ивановна находилась обыкновенно въ страшной тревогѣ...

«Отчего бы, кажись, скучать Катенькѣ? — думала она, тщетно стараясь разрѣшить эти вопросы. — Я люблю ее, видитъ Богъ, люблю такъ, что ужъ больше-то и любить, кажется, нельзя; всѣ ея малѣйшія желанія — она знаетъ это — я готова исполнить, ни въ чемъ ей нѣтъ отказу; да она, впрочемъ, ничего у меня и не проситъ, голубушка. Всегда стараюсь, чтобы за обѣдомъ были ея любимыя кушанья, чтобы ей было покойно, удобно, чтобы она не чувствовала ни въ чемъ недостатка... Кажется, и бѣлья и платья, слава Богу, всего у ней вдоволь. Любитъ она обуваться хорошо, ну, я и ботинки ей изъ Петербурга выписываю, несмотря на то, что дорого... Господи! да неужто я стану для нея жалѣть денегъ?.. Отчего же это она скучаетъ? И ума не приложу».

И бѣдная старушка обращалась къ дочери, думая, что

она разрѣшитъ ея недоумѣнія; но Катя всегда отвѣчала одно и то же:

— Маменька, это пройдетъ, это такъ, я сама не знаю отчего. Не смотрите на это, ей Богу я покойна и счастлива. Могу ли я не быть счастлива, видя, какъ вы меня любите? и прочее.

И старушка смолкала, боясь еще болѣе растревожить дочь своими вопросами. Она прислоняла ея голову къ своей груди и смотрѣла на нее съ безконечною нѣжностью, съ теплою любовью, для бо́льшаго спокойствія Кати. Вѣра Ивановна старалась сдерживать даже свое дыханіе... Въ комнатѣ была такая тишина, что можно было слышать біеніе сердца старушки. Тихое и пріятное ощущеніе разливалось по всему существу Кати, и она невольно улыбалась матери, а Вѣра Ивановна, при видѣ этой улыбки, оживлялась и говорила:

— Вотъ, моя голубушка, вотъ всегда смотри на меня такъ... Когда ты весела, такъ вѣдь и мнѣ весело!

Дня черезъ два послѣ посѣщенія Александра Иваныча, съ чего начался этотъ разсказъ, Катя была въ самомъ дурномъ расположеніи духа и никакъ не могла скрыть этого, при всемъ стараніи, отъ проницательныхъ и любящихъ глазъ матери. Вѣра Ивановна начала придумывать, какъ бы развлечь ее, и вдругъ ей пришла мысль.

— А знаешь ли, другъ мой Катенька, — сказала она: — ты бы поудила рыбку, вотъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, право... Попробуй-ка счастья. Ты вѣдь еще никогда не удила.

— Пожалуй, — отвѣчала Катя, обращаясь къ Захару Лаврентьичу.

Лицо Захара Лаврентьича просіяло мгновенно. Онъ весь встрепенулся и заморгалъ глазами.

— Извольте-съ, извольте, Катерина Павловна, — сказалъ онъ: — вотъ-съ сейчасъ я для васъ приготовлю удочку... Только надо перемѣнить на ней лесу, она немножко замшарилась; а удочка безподобная, вотъ вы увидите, какое удилище... лучше ужъ и нельзя ждать, такое гнуткое-съ... Я его самъ срѣзалъ прошлою весною-съ...

И проговоря это довольно скоро, Захаръ Лаврентьичъ съ восторгомъ выбѣжалъ изъ комнаты для приготовленій.

Черезъ часъ Катя и Захаръ Лаврентьичъ сидѣли на берегу озера, въ полуверстѣ отъ дома, влѣво за прудомъ, находившимся противъ дома. Вечеръ былъ теплый; чистое, синеватое небо только къ западу было подернуто нитями бѣлыхъ облаковъ, прозрачныхъ и тонкихъ какъ растянутая хлопчатая бумага; солнце освѣщало сзади гладкую поверхность зеленоватой воды, въ которой отражался прибрежный кустарникъ, и видно было трепетаніе кудрявой ольхи, подъ которой они сидѣли; свѣжіе, глянцевитые листки распустившихся березокъ при малѣйшемъ колебаніи вѣтокъ разливали въ воздухѣ свой смолистый и благоуханный запахъ; рои мошекъ кружились надъ прудомъ; и тишина этого теплаго, весенняго вечера нарушалась только веселымъ жужжаньемъ и стрекотаньемъ насѣкомыхъ въ травѣ.

Захаръ Лаврентьичъ насаживалъ червяка на крючокъ для Кати и говорилъ:

— Жалко, что мы будемъ удить-то-съ не совсѣмъ во-время, въ это время рыба не такъ хорошо беретъ-съ; а вотъ раннимъ утромъ, еще до восхода солнышка, — вотъ ужъ это настоящее уженіе!.. Знаете ли, поплавокъ-то еще такъ чуть, то-есть, чернѣется на водѣ-съ, хоть и сидишь лицомъ къ зарѣ. На зарѣ-то холодновато; васъ, знаете, нѣсколько и дрожь пробираетъ; да это ничего-съ... Что такое! Тишина такая, что вотъ и сказать нельзя-съ... Что теперь! утромъ-то передъ восходомъ солнышка гораздо еще тише теперешняго... Ну, вотъ, знаете, начинаетъ помаленечку свѣтать, все дѣлается яснѣе... а камыши-то, Катерина Павловна, на озерѣ еще не шевелятся-съ и паръ-то не поднимается-съ съ озера. Вдругъ-съ, не повѣрите, сердце такъ и замретъ, въ водѣ-то послышится булькanье-съ, вода-то запузырится-съ... Ну, ужъ это значитъ, что сейчасъ начнется-съ клёвъ.

Катя посмотрѣла на Захара Лаврентьича. Лицо его въ эту минуту какъ бы совсѣмъ измѣнилось. Она въ первый разъ замѣтила на этомъ лицѣ выраженіе необыкновенной

кротости и то чистое спокойствіе, которое никогда не является на лицѣ человѣка, извращеннаго неестественнымъ воспитаніемъ, насильственными понятіями и ложною жизнью... Она въ первый разъ съ любопытствомъ слушала его.

Захаръ Лаврентьичъ не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, подавая удочку Катѣ:

— Когда вы станете закидывать ее, не шлепайте по водѣ удилищемъ-съ и подальше закидывайте-съ, а потомъ-съ потихоньку и приведите ее на то мѣсто-съ, гдѣ у васъ будетъ держаться поплавокъ-съ; конецъ-то удилища не спускайте въ воду, и когда будетъ рыба клевать-съ, то вы, Катерина Павловна, не очень сильно дергайте, а сейчасъ подсѣките да такъ полегоньку и вытащите... Да вотъ-съ, позвольте, ужъ я вамъ самъ на первый разъ закину удочку.

И онъ взялъ удочку изъ рукъ Кати и, закинувъ ее, отдалъ ей лесу, потомъ въ недальнемъ разстояніи закинулъ свою, и тогда наступило уже совершенное молчаніе. Все вниманіе Кати и Захара Лаврентьича устремилось на темнокрасные осокоревые поплавки, которые неподвижно держались на темной водѣ.

— Что жъ это? У насъ рыба, кажется, совсѣмъ не хочетъ клевать, — сказала Катя послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія.

— Потерпите-съ немного, Катерина Павловна, — отвѣчалъ онъ, — для этого надобно терпѣнье-съ; мѣсто-то хорошее-съ. Конечно, рыба-то очень своенравна-съ: другой разъ и на хорошемъ мѣстѣ не клюетъ; ну, да ужъ мы хоть немного, а все-таки хоть десяточекъ-то окуньковъ вѣрно выудимъ-съ.

Въ эту самую минуту около ея поплавка показались небольшіе кружочки, постепенно расширявшіеся; потомъ поплавокъ потянулся немного вправо и вдругъ совсѣмъ погрузился въ воду. У Кати замерло сердце: однако, она удачно подсѣкла и съ радостнымъ восклицаніемъ вытащила довольно большого окуня, который затрепеталъ и забился на травѣ.

— Прекрасно! прекрасно! — воскликнулъ радостно Захаръ Лаврентьичъ и началъ у него изо рта вытаскивать крючокъ; а Катя, разсматривая зеленоватую, нѣсколько съ зо-

лотистымъ отливомъ чешую окуня, поперекъ пересѣченную темными полосами, и его красныя перышки, сказала:

— А въ самомъ дѣлѣ, это довольно весело удить рыбу!

Они поймали еще нѣсколько какихъ-то рыбокъ, и потомъ клевъ прекратился.

Катя перестала почти совсѣмъ слѣдить за поплавкомъ и обратилась къ Захару Лаврентьичу:

— А вы ужъ давно пристрастились къ рыбной ловлѣ?— спросила она его.

— Очень, очень давно-съ,— отвѣчалъ онъ,— почти съ измалѣтства-съ... У меня вѣдь только и было отрады...

— Отчего же? развѣ вы были несчастливы въ вашемъ дѣтствѣ?

Захаръ Лаврентьичъ начиналъ интересовать Катю.

— Да-съ, мое дѣтство было горькое,— сказалъ онъ, втыкая въ землю карягу и кладя на нее лесу.

— Разскажите мнѣ, Захаръ Лаврентьичъ; вы мнѣ этого никогда не разсказывали.

— Если вамъ угодно-съ, извольте-съ, пожалуй, только, вотъ видите ли, моя жизнь не интересна, Катерина Павловна-съ.

Но Катя совсѣмъ забыла объ уженьѣ и внимательно смотрѣла на Захара Лаврентьича.

Онъ заморгалъ глазами, задумался немного, какъ будто собирая свои воспоминанія, и сказалъ:

«Я совсѣмъ не помню мою матушку, я послѣ нея остался двухъ годовъ. Батюшка-то мой былъ добрый человѣкъ; онъ былъ смирный такой, что хочешь, то съ нимъ дѣлай. Вотъ видите ли, года черезъ три послѣ матушкиной смерти онъ и женись на своей ключницѣ-съ. Она была, знаете, самая такая простая, грубая женщина и сейчасъ же забрала батюшку въ руки-съ; онъ и пикнуть передъ нею не смѣлъ. У меня была няня-съ, прекрасная старушка-съ, и она ужъ во мнѣ, знаете, души не чаяла, а мачеха-то меня возненавидѣла, я и самъ не знаю за что-съ, и няню-то мою возненавидѣла,— вѣрно ужъ ее-то за то, что она меня очень любила-съ. Няню-то мою и батюшка и покойница матушка,

говорятъ, и всѣ даже во дворѣ уважали особенно, и батюшка и матушка-съ говорили ей *вы*, мачехѣ-то ужъ это было, видите ли, и не по сердцу-съ. Она въ тотъ же день, какъ обвѣнчалась съ батюшкой, призвала няню къ себѣ и сказала ей при мнѣ-съ: «Ты — говоритъ — не забывай теперь кто я,—слышишь? Умничать-то я тебѣ теперь,—говоритъ,—ужъ не позволю. Если что-нибудь такое малѣйшее замѣчу, такъ,— говоритъ, — я не посмотрю ни на что, у меня расправа коротка, ты у меня и на скотномъ дворѣ мѣста не найдешь, да я и баловня твоего, даромъ что онъ мужнинъ сынъ, чуть что, изъ дому сейчасъ выгоню, чтобъ духу его не было». Няня смолчала, только — вотъ это я какъ теперь помню — какъ она вышла изъ комнаты вмѣстѣ со мною-съ, такъ вотъ и залилась слезами, бросилась ко мнѣ и начала обнимать и цѣловать меня; а я въ испугѣ прижался къ ней и тоже началъ плакать-съ.

«Разъ... мнѣ было ужъ тогда никакъ лѣтъ девять-съ... да, точно девять... батюшка что-то долго говорилъ съ мачехой и она на него очень кричала-съ, потомъ-съ я батюшкинова голоса и не слыхалъ-съ, а мачеха-то такъ все и кричала на весь домъ... потомъ все притихло. Меня позвали къ чаю-съ... У меня такъ вотъ даже и потемнѣло отъ страху въ глазахъ-съ, когда я вошелъ въ комнату, гдѣ она разливала чай. Я прижался въ уголъ-съ и не смѣлъ на нее взглянуть.

— «Что ты это торчишь въ углу, какъ холопъ! — закричала она на меня-съ, — что букой-то смотришь, а? Небось, къ старой баловницѣ-то своей умѣешь ластиться! Мы же съ отцомъ отъ тебя, — говоритъ, — слова не добьемся, у тебя какъ будто для насъ и языка нѣтъ, а на улицѣ-то съ крестьянскими мальчишками умѣешь небось горланить?.. Ну, садись! что стоишь!

«Я сѣлъ-съ; батюшка курилъ трубку, пилъ чай и не глядѣлъ на меня; вдругъ, какъ она заговорила со мной, онъ обернулся ко мнѣ-съ, хотѣлъ будто что-то сказать-съ, но раздумалъ и забарабанилъ по столу пальцами-съ. Тутъ случилась со мною такая бѣда, что и теперь, какъ вспомню,

страшно дѣлается. Мачеха подошла съ чашкою-съ къ окну, откусила кусочекъ сахару, отпила немного и поставила чашку на окно; потомъ батюшка попросилъ-съ, чтобы она налила ему другой стаканъ-съ, и она вернулась къ столу...

— «Подай сюда,—говоритъ,—мою чашку, да смотри, осторожнѣй, не разбей.

«Эта чашка-то, видите ли, была ея любимая, изъ которой она всегда пила-съ.

«Я подошелъ къ окну. Она не спускала съ меня глазъ, а у меня сердце такъ и билось-съ, руки такъ вотъ и дрожали. Когда я взялъ чашку-съ, она совсѣмъ задребезжала въ моихъ рукахъ. Мачеха тутъ посмотрѣла на меня такъ сердито и такъ вскрикнула-съ, что чашка-то у меня и вывалилась изъ рукъ-съ... Тутъ ужъ я вамъ и разсказать не могу, что было-съ. Я смотрѣлъ, какъ дуракъ, на черепки, валявшіеся на полу-съ, а мачеха бросилась ко мнѣ, такъ-съ что я взвизгнулъ-съ... Она остановилась надо мной съ поднятыми кулаками-съ и такъ, совсѣмъ задыхаясь, сказала батюшкѣ: «Высѣките его, сейчасъ высѣките. Вы думаете, это безъ умысла, нечаянно, — нѣтъ! это нарочно, чтобы вотъ только мнѣ сдѣлать зло... Вы не знаете этого мальчишку, каковъ онъ!.. Я тебя, я тебя!» говоритъ... Батюшка ничего не сказалъ, схватилъ меня за ухо-съ и вытащилъ изъ комнаты въ сѣни; принесли розги-съ... Вы ужъ меня извините-съ, Катерина Павловна, что я вамъ разсказываю-съ этакія вещи... вамъ самимъ было угодно... Вотъ-съ, принесли розги-съ; знаете... батюшка самъ меня началъ наказывать-съ; но онъ такъ это, кажется, болѣе дѣлалъ для виду-съ, а мачеха-то не вытерпи, да и прибѣжала и кричитъ: «этакъ-то вы его наказываете, этакъ-то! Сѣките какъ слѣдуетъ». Батюшка послушался ее. Меня бы еще долго наказывали, да на крикъ мой прибѣжала няня-съ. Никогда этого не забуду, никогда-съ. «Лаврентій Ильичъ, Лаврентій Ильичъ!— какъ закричитъ она батюшкѣ-съ, сквозь слезы, — побойтесь, говоритъ, Бога, али въ васъ нѣтъ никакой жалости къ собственной плоти... Что вы, уморить, что̀ ли, ребенка-то хотите?» И она вырвала розги изъ рукъ батюшки. «Посты-

дитесь, сударь,—говоритъ—постыдитесь... Голубушка наша, Анна Васильевна — это она сказала про мою матушку-съ, — если бъ ты встала — говоритъ — изъ гроба - то, да посмотрѣла, что у насъ дѣлается... Господи! Господи!»

Но какъ только она заикнулась объ имени матушки-съ, такъ вотъ мачеха бросилась на нее-съ и изо всей силы ударила ее по щекѣ.

«Старушка-то зашаталась и упала, хотѣла что-то сказать-съ, но ужъ у нея языкъ не ворочался, съ ней сдѣлался тутъ же на мѣстѣ-съ ударъ и вся лѣвая сторона отнялась. Батюшка схватилъ себя обѣими руками за голову-съ, поблѣднѣлъ какъ скатерть, а я и про боль забылъ и, испугавшись, бросился-съ къ нянѣ-съ. Няню подняли, она была какъ мертвецъ, ей кровь тотчасъ пустили, да кровь не пошла; батюшка самъ поскакалъ за докторомъ-съ и привезъ его. Черезъ нѣсколько дней она какъ будто получила маленькое облегченіе-съ; только она никого еще не узнавала-съ, а все словно чего-то искала и что-то хотѣла сказать, но не могла. Все озирается такъ дико, знаете-съ... Мы думаемъ, что будетъ... а она долго смотритъ все на меня, какъ будто этакъ вспомнить что хочетъ, — и вдругъ-съ она вскрикнула, да такъ страшно, что мы всѣ вздрогнули-съ... Потомъ-съ она перекрестилась, все не сводя глазъ съ меня, начала такъ улыбаться, совсѣмъ, знаете, какъ дурочка, закивала мнѣ головой и стала манить къ себѣ-съ. Она меня узнала-съ, только одного меня-съ.... Я подошелъ къ ней и сказалъ: «Няня, няня, — да это я, няня». Она заплакала, зашевелила губами и застонала, и на одной половинѣ лица ея-съ, — другая-то половина была у нея какъ у мертвой, — видно было, что она мучится. Она начала гладить меня правой рукой по головѣ, и все шевелила губами-съ, и все не спускала съ меня глазъ. Я вотъ все это какъ будто сейчасъ вижу-съ».

Захаръ Лаврентьичъ остановился на минуту, заморгалъ глазами, и изъ-подъ рѣсницъ его закапали слезы.

«Потомъ-съ она начала узнавать и другихъ-съ,—продолжалъ онъ. — Шесть слишкомъ недѣль я почти не отходилъ отъ ея постели-съ, только бывало развѣ сбѣгаешь поиграть

въ горѣлки или въ бабки съ мальчишками; да мнѣ, впрочемъ, и игра-то не шла тогда на умъ-съ, такъ мнѣ было жаль няню, и она-то безъ меня не могла оставаться; какъ меня не видитъ-съ, начинаетъ стонать, плачетъ вслухъ, какъ ребенокъ-съ, и все манитъ кого-то рукой, а только я приду, начинаетъ сейчасъ улыбаться мнѣ и забормочетъ что-то. Въ эти шесть недѣль, повѣрите ли, да еще дѣвушка, которая была за ней приставлена,—мы выучились понимать, что она бормотала-то-съ.

«Она не любила, чтобы кромѣ насъ кто и былъ въ ея комнатѣ-съ... Разъ какъ-то мачеха вздумала было притти къ ней-съ. Она подошла къ ней ласково-съ. «Ну, что,— говоритъ,— полегче ли вамъ? Я пришла,— говоритъ,— навѣстить васъ...» Я никогда не слыхалъ, чтобы она говорила съ нею такъ ласково. Видно, однако, ея совѣсть-то мучилась... Но когда няня увидала ее, она вся затряслась, какъ осиновый листъ; въ правой-то сторонѣ у нея сдѣлались судороги, и она закрыла глаза рукой... Мачеха ушла-съ, а няня долго еще не отнимала руки отъ глазъ и потомъ все озиралась; боялась: не спряталась ли она гдѣ... Съ тѣхъ поръ мачеха больше и не приходила къ ней-съ... Дѣло-то было ужъ подъ осень, незадолго до ея смерти-съ... Сидитъ она, помню, на постели-съ; подъ спину-то ей подушки подложены-съ; надѣта на ней бѣлая кофточка-съ; на головѣ у нея шелковый двуличневый платокъ, изъ-подъ платка торчатъ сѣдые волосы-съ... и смотритъ она на меня жалостливо... Это ужъ было вечеромъ-съ, передъ закатомъ. Солнышко-то такъ и ударило на нее... Свѣтъ-то такой красноватый, знаете... Вотъ-съ глядѣла она на меня, глядѣла, а слезы-то у нея такъ и капали, такъ и капали; она протянула ко мнѣ руку и зашевелила губами, потомъ начала смотрѣть кругомъ-съ и манитъ кого-то. Мы призывали къ ней по-очереди-съ всѣхъ, кто къ ней обыкновенно прихаживалъ-съ,—но она все качала головой и махала рукой. Позвали батюшку-съ — она обрадовалась и стала его манить къ себѣ-съ: батюшка подошелъ къ ней... Она начала ему указывать на меня, долго все шевелила губами и стонала; видно было, что она заговорить

хочетъ, да не можетъ-съ; и вдругъ она вскрикнула: «сирота!» чисто, ясно-съ, и мы-то вскрикнули отъ радости, а она все указывала на меня и все повторяла «сирота, сирота». Она взяла батюшкину руку и поцѣловала ее, потомъ начала ему указывать на образъ и потомъ опять на меня. Батюшка догадался, что она проситъ его, видите, чтобы онъ не оставилъ меня; онъ отвѣчалъ ей, чтобы она была покойна, что онъ будетъ обо мнѣ заботиться... Батюшка-то даже не выдержалъ: такъ вотъ и залился и вышелъ изъ комнаты. Я думалъ-съ, ну, слава Богу, нянѣ лучше, можетъ и совсѣмъ выздоровѣетъ; а на другой день съ ней сдѣлался еще ударъ-съ, и она отдала Богу душу. Скоро и батюшка захворалъ и скончался. Я остался одинъ какъ перстъ-съ; и ужъ некому было заступиться за меня; не проходило дня, чтобы меня не наказывали-съ. Объ ученьѣ моемъ и не думали-съ. Спасибо еще отецъ дьяконъ сжалился надо мною и сталъ меня учить грамотѣ; не будь его, я бы и до сихъ поръ остался такъ. Отецъ дьяконъ также былъ большой охотникъ удить рыбу-съ; онъ-то первый и меня пріохотилъ къ этому. Еще то хорошо-съ, что, къ моему счастію, мачехѣ скоро надоѣло возиться со мною-съ: она махнула рукой и сказала: пусть,— говоритъ,— шляется, гдѣ хочетъ, лишь бы на глаза мнѣ не показывался». Бывало, какъ вырвешься изъ дому да выбѣжишь въ поле или въ лѣсъ, такъ точно вотъ какъ камень съ души свалится. Бывало день-денской сидишь у пруда, или у рѣчки, либо у озера... Какъ видишь, бывало, поплавокъ передъ собою, да какъ въ рукѣ удилище, такъ и на сердцѣ станетъ легко. Я вставалъ еще до зари-съ и уходилъ съ удочкой изъ дому — никто въ домѣ и не зналъ объ этомъ-съ; а лѣтомъ, когда заря съ зарей сходится, такъ я и совсѣмъ почти не спалъ-съ... Мнѣ и ненастье было нипочемъ... вѣдь въ сѣренькій и дождливый день рыба-то ловится еще лучше-съ. Бывало и туча набѣжитъ съ вихремъ, и поплавокъ-то забьетъ подъ траву, вода-то совсѣмъ запузырится отъ дождя, — дождь промочитъ тебя до костей,— ничего себѣ—сидишь... Туча пройдетъ, солнышко сейчасъ тебя высушитъ... А послѣ дождя-то сдѣлается такая парная

теплота-съ, чудо! такъ тихо, тихо-съ; лопухи-то, сбитые вѣтромъ, начнутъ отплывать опять на прежнее мѣсто-съ; вода вотъ сдѣлается точно какъ зеркало-съ. Поправишь крючки, опять закинешь удочки,—а рыба-то начнетъ послѣ этого клевать, да еще чудо какъ.

«Вѣрите ли, Катерина Павловна, что здѣсь въ окружности-съ верстъ на пятьдесятъ нѣтъ-съ, кажется, лужицы, которой бы я не зналъ: вездѣ переудилъ, гдѣ только можно-съ. Мнѣ вотъ и до сихъ поръ, признаться, въ комнатѣ — въ гостяхъ-съ какъ-то, все неловко; я по-настоящему только вотъ и гожусь, что для уженья-съ: мнѣ какъ-то свободнѣе и легче-съ, когда я на воздухѣ; а въ четырехъ стѣнахъ-съ, при людяхъ, ужъ и совсѣмъ не тотъ человѣкъ».

— Знаете ли, Захаръ Лаврентьичъ, — сказала Катя съ увлеченіемъ и протягивая ему руку: — что я очень виновата передъ вами?

— Нѣтъ-съ, этого быть не можетъ, Катерина Павловна-съ, какъ же это вы можете быть передо мной виноваты-съ! Вы шутите.

Онъ неловко коснулся руки Кати своею дрожащею отъ робости рукой и не рѣшился поцѣловать ее.

— Нисколько не шучу, — возразила, улыбаясь, Катя, — я васъ не знала до сегодняшняго вечера, я васъ не умѣла цѣнить... Вы прекрасный, вы благородный человѣкъ, Захаръ Лаврентьичъ!

Захаръ Лаврентьичъ посмотрѣлъ на Катю съ недоумѣніемъ. Онъ, кажется, никакъ не могъ себѣ объяснить, что онъ сдѣлалъ такое особенное и почему именно въ этотъ вечеръ онъ показался ей прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ. Но эти слова Кати были во всякомъ случаѣ пріятны ему, и неожиданная похвала ея привела его въ смущеніе: онъ покраснѣлъ, заморгалъ глазами и отвѣчалъ:

— Покорно васъ благодарю-съ.

— А скажите, Захаръ Лаврентьичъ, ваша мачеха давно умерла? — спросила его Катя.

— Да лѣтъ двѣнадцать. Ну съ тѣхъ поръ я живу себѣ порядочно-съ, нечего Бога гнѣвить... Вотъ-съ, Катерина Пав-

ловна-съ, если вамъ когда-нибудь будетъ угодно половить рыбки, такъ есть-съ вотъ верстахъ въ пяти отсюда, за Карташихой, проточный прудъ-съ, тамъ ловятся большіе головли-съ... вотъ это-то-съ можно сказать, что уженье-съ! Головль такая веселая, живая, бойкая рыбка-съ; такъ вотъ и извивается, такъ вотъ и мечется на удочкѣ-съ; только ужъ правда надо осторожно ее ловить-съ, она такая сторожкая, пугливая-съ. Это уженье ужъ вѣрно вамъ понравится-съ. Тутъ, вотъ вы не повѣрите, сердце такъ безпрестанно и захлебывается.

Катя обѣщала Захару Лаврентьичу непремѣнно отправиться съ нимъ на ловлю головлей. Захаръ Лаврентьичъ началъ складывать удочки, потому что солнце было довольно низко; нити бѣлыхъ облаковъ уже принимали золотистые, пурпуровые и розовые оттѣнки; поверхность пруда начинала подергиваться заревомъ заката, и надъ низменными лугами его, по другой сторонѣ пруда, уже поднимался бѣловатый паръ...

Катя была очень довольна этимъ вечеромъ и весело возвращалась домой въ сопровожденіи Захара Лаврентьича, который несъ на плечѣ двѣ удочки и сачокъ...

На порогѣ дома встрѣтили ихъ Вѣра Ивановна и Надежда Кондратьевна, только что возвратившаяся изъ Соколовки.

Надежда Кондратьевна, при видѣ Кати, запрыгала какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, отчего пришли въ движеніе всѣ ея пукольки, кисточки, цѣпочки и брелоки; она бросилась съ чувствомъ къ своей воспитанницѣ и начала обнимать и цѣловать ее.

Когда онѣ вошли въ комнаты, Надежда Кондратьевна сказала вполголоса Катѣ, закатывая глаза подъ лобъ:

— Я имѣю вамъ сообщить много новостей, chère Catherine! Какіе я прочту вамъ стихи — прелесть!.. Ну что вы подѣлывали, душечка? Вы какъ будто похудѣли? Право!.. Что это вамъ вздумалось рыбу ловить?

И, не дожидаясь отвѣта на эти вопросы, она снова начала цѣловать и обнимать Катю.

ГЛАВА IV.

Катя до сихъ поръ не обращала ни малѣйшаго вниманія на Захара Лаврентьича, несмотря на то, что онъ былъ самый близкій человѣкъ въ ихъ домѣ, самый преданный ей и ея матери изъ всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Но, ложась въ постель, послѣ вечера, проведеннаго съ Захаромъ Лаврентьичемъ, Катя не могла даже читать, по своему обыкновенію, до того мысли ея были заняты имъ.

Забытая книга лежала на ея столикѣ, возлѣ ея изголовья, нагорѣлая свѣчка освѣщала комнату тускло-красноватымъ свѣтомъ... Вдругъ послышался скрипъ двери... Катя вздрогнула.

Въ комнату ея вошла Надежда Кондратьевна, съ большою граціею, на цыпочкахъ, въ кофточкѣ, въ папильоткахъ и въ шерстяныхъ туфляхъ, на которыхъ были вышиты розаны. Это дезабилье чрезвычайно шло къ ней.

— Что, вы еще не спите, ma chère? — произнесла она голосомъ нѣжнѣе обыкновеннаго, кокетливо прищуриваясь и улыбаясь въ отвѣтъ на продолженіе своей внутренней мысли, — о *немъ*, только ужъ не о поручикѣ Лыткинѣ.

— Ахъ, это вы! — воскликнула Катя.

— Это я! — прошептала она, садясь на кончикъ постели и взявъ Катю за руку. — Что вы еще не хотите спать? или, можетъ быть, я помѣшала вамъ читать, ma chère?

— О, нѣтъ! — отвѣчала Катя. — Ну что жъ, вы пріятно провели время въ Соколовкѣ?

— Очень, очень пріятно... Ахъ, знаете, я пришла коечто сообщить вамъ, mon ange... Мнѣ что-то совсѣмъ спать не хочется... я готова была бы всю ночь гулять... И какая чудесная ночь! какъ свѣтло и какой ароматическій воздухъ!

За этими словами послѣдовало минутное молчаніе. Катя смотрѣла на Надежду Кондратьевну, а Надежда Кондратьевна, застѣнчиво потупивъ глаза, вынула какой-то листочекъ бумаги, лежавшій у нея на груди.

— Послушайте, Catherine, — сказала она нѣсколько сму-

щеннымъ голосомъ: — вотъ эти стихи, о которыхъ я вамъ давеча говорила... Они вамъ непремѣнно должны понравиться.

И Надежда Кондратьевна начала декламировать съ легкимъ завываніемъ:

Въ тоскѣ сердечнаго томленья
Нѣтъ, я не жилъ, а прозябалъ.
Я сердцемъ пламеннымъ искалъ
Другого сердца; но сомнѣнье
Овладѣвало мной: полна
Любовью, страстью и привѣтомъ—
Я думалъ—явится ль она
Передъ восторженнымъ поэтомъ?

Но часъ пробилъ—и предо мной,—
Мечты моей осуществленье,
Блистая нѣгой и красой,
Явилась вдругъ, какъ вдохновенье,
И я упалъ къ ея ногамъ,
И я сказалъ ей, замирая:

О, для чего чуждаться намъ!
Поэту ты давно родная;
Онъ по тебѣ давно страдалъ,
Онъ по тебѣ давно томился...
Его высокій идеалъ
Въ тебѣ теперь осуществился;

Дѣйствительность смѣнила сонъ;
Намъ въ людяхъ не найти участья,
Но истинный источникъ счастья,
Повѣрь, внутри насъ заключенъ!

— Прекрасные стихи!—замѣтила Катя,—кто это написалъ?

— Василій Александрычъ.

— Какой Василій Александрычъ?

— Ахъ, Боже мой, *chère amie*, сынъ Александра Ивановича.

— О, неужели онъ? — возразила недовѣрчиво Катя.

— Что жъ васъ удивляетъ? Онъ очень уменъ: почему жъ ему не написать? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! — произнесла Надежда Кондратьевна нѣсколько обиженнымъ голо-

сомъ.—Къ тому же у него очень замѣчательный талантъ; онъ даже можетъ импровизировать стихи. У него такая поэтическая натура!

— А къ кому написаны эти стихи?—спросила Катя.

— Ахъ, ма-шеръ, почемъ же я знаю? Онъ мнѣ прочелъ ихъ; я просила его списать, потому что вы знаете, какъ я люблю хорошіе стихи... Вотъ и все... Вѣдь нельзя же мнѣ было спрашивать, къ кому они написаны: это бы съ моей стороны было слишкомъ нескромно.

— Онъ, бѣдный, вѣрно влюбленъ?—замѣтила Катя.

— Почему же *бѣдный?* Бѣдный тотъ, кто не можетъ надѣяться на взаимность; а ему, кажется, бояться этого нечего, потому что онъ такъ милъ, такъ образованъ.

— Нѣтъ, это я только такъ сказала: я увѣрена, что онъ очень образованъ и имѣетъ все для того, чтобы нравиться.

— Его надо узнать покороче,—продолжала Надежда Кондратьевна, постепенно и незамѣтно одушевляясь,—съ перваго начала онъ такой робкій, такой неразговорчивый; но вѣдь онъ живетъ внутреннею жизнію. Когда же съ нимъ разговоришься, тогда только узнаешь ему цѣну. Дня три назадъ тому, вечеромъ, мы гуляли въ старомъ паркѣ, знаете, душечка, что вправо отъ дома. Вечеръ былъ восхитительный, а закатъ солнца—прелесть, прелесть! Мы вышли на опушку лѣса къ Козихѣ: тутъ открытое мѣсто... Картина, я вамъ скажу, такая была, хоть бы сейчасъ Брюлову нарисовать! Василій Александрычъ долго молча любовался ею, потомъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ здѣсь хорошо! не правда ли, хорошо? какая тишина вокругъ насъ, какое дивное спокойствіе во всей природѣ!..

— И потомъ онъ опять замолчалъ, сложилъ накрестъ руки и продекламировалъ мнѣ нѣсколько стихотвореній Пушкина, Лермонтова, нѣсколько своихъ—и безподобныхъ стихотвореній. Онъ мнѣ также обѣщалъ ихъ списать... Мы гуляли долго. Я ужасно сожалѣла, ма-шеръ, что васъ не было съ нами: вы были бы отъ него въ восторгѣ... онъ говорилъ такъ умно и съ такимъ жаромъ!—И какъ онъ деклами-

руетъ, чудо, ма-шеръ! Когда вы будете у нихъ, попросите, чтобы онъ что-нибудь вамъ продекламировалъ.

— Непремѣнно, — сказала Катя. — Ахъ, послушайте, Надежда Кондратьевна...

— Бога ради, chère Catherine, — съ живостію перебила она, — не называйте меня Надеждой Кондратьевной... Сколько разъ я просила васъ объ этомъ!.. это такъ дурно звучитъ...

— Виновата! виновата! Знаете, что мнѣ пришло теперь въ голову? глядя на ваши папильотки, я вспомнила, что вы хотѣли мнѣ разсказать, отчего вамъ особенно нравится прическа съ мелкими пуклями. Вы говорили, что это любимая *его* прическа... Помните? Ну кто это *онъ*, Nadine? скажите мнѣ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ лицо Надежды Кондратьевны подернулось.

— Это давно-прошедшее, это поэтическое воспоминаніе, — произнесла она со вздохомъ и поднимая глаза къ потолку: — я тогда еще была совсѣмъ дѣвочка, тогда мнѣ нравился военный мундиръ. Теперь все это ужъ для меня въ перспективѣ отдаленности. *Онъ* былъ такъ молодъ, только что выпущенъ въ офицеры... Я помню, мы гуляли по Петергофскому саду: покойница маменька, нѣсколько знакомыхъ и онъ... Мы сѣли на скамейкѣ у Мон-плезира... это было вечеромъ... Ахъ, душечка, вы не можете себѣ представить, что это за прелесть Петергофъ!.. Вдали раздавалась музыка, у самыхъ ногъ нашихъ плескало море... вдали Кронштадтъ съ кораблями... Онъ сидѣлъ возлѣ меня... онъ меня очень любилъ... у меня волосы были тогда завиты мелкими пукольками... Онъ долго смотрѣлъ на меня. «Какъ къ вамъ идетъ, — прошепталъ онъ, — эта прическа! носите ее всегда въ воспоминаніе обо мнѣ...» и онъ коснулся моей руки... Въ это время уже начинало смеркаться, маменька и всѣ встали, чтобы итти домой; я, разумѣется, отняла отъ него руку... Потомъ онъ скоро уѣхалъ на Кавказъ, и я послѣ того не имѣла о немъ никакого извѣстія... Сколько слезъ было мною пролито, если бы вы знали! Съ тѣхъ поръ много перемѣнилось... У насъ было очень хорошее состояніе, прекрасный

экипажъ... Маменька никогда не ѣздила иначе, какъ четверней; она была настоящая барыня; у насъ были танцовальные вечера; но со смертію маменьки все это кончилось. Я осталась послѣ нея круглою сиротою, безъ куска хлѣба и должна была скитаться по чужимъ домамъ...

Послѣднія слова Надежда Кондратьевна произнесла всхлипывая.

— Хорошо еще, что я получила такое образованіе, что не могла пропасть совсѣмъ; но вы можете себѣ представить, душенька, какъ послѣ изнѣженной и избалованной жизни мнѣ трудно было привыкать въ чужихъ людяхъ. Разумѣется, во всѣхъ лучшихъ домахъ, гдѣ я жила, со мной обращались какъ съ родною, оказывали мнѣ особенное вниманіе... но все-таки, согласитесь, это ужъ не то, что дома, подъ крылышкомъ у мамаши.

— И съ тѣхъ поръ вы никого не любили? — спросила Катя, придавъ какъ можно болѣе мягкости своему голосу.

— Никого,—отвѣчала чуть слышно Надежда Кондратьевна, задумчиво перебирая фалбары свой кофточки.

— Вы со мною неоткровенны, Nadine, — возразила Катя: — вы меня не хотите удостоить вашей довѣренности, потому что вы все еще смотрите на меня какъ на дѣвочку, какъ на вашу ученицу.

— О, нисколько, ма-шеръ! отчего вы это думаете? Развѣ я могла бы дѣвочкѣ сдѣлать такія признанія, какія теперь вамъ сдѣлала?

— Да вы открываете мнѣ только ваши прошедшія чувства, а не настоящія.

Яркая краска на щекахъ Надежды Кондратьевны вдругъ выступила изъ-подъ пудры.

— Какой вздоръ! — ласково прошептала она, скрывая свое лицо на груди Кати.

— Я давно все вижу, — говорила Катя, — хотя вы отъ меня и скрываетесь. Вы и теперь любите...

— О да, да! — прошептала она, не глядя на Катю: — я не хочу долѣе скрываться отъ васъ... Вы угадали тайну моего сердца...

Она начала цѣловать Катю.

— Я люблю... да! я люблю. — Послушайте, *mon ange*, продолжала она, приподнимая голову и крѣпко сжимая руку Кати: — я увѣрена въ васъ, знаю ваше благородное, горячее сердце... оно будетъ сочувствовать моему. Вы не измѣните моей тайнѣ. Я чувствую потребность высказаться; мнѣ тяжело, мнѣ нужно существо, которое бы могло понять меня, могло вполнѣ сочувствовать мнѣ... Въ васъ я нашла такое существо,—о! я не сомнѣваюсь въ симпатіи нашихъ душъ... Благодарю васъ за то, что вы вызвали меня на откровенность; я, можетъ быть, еще долго не рѣшалась бы... Какъ я горячо люблю васъ, если бы вы знали!

И Надежда Кондратьевна опять принялась цѣловать Катю.

— А эти стихи, которые вы мнѣ прочли, они вѣрно, написаны къ вамъ, Nadine? — спросила Катя.

— Онъ ничего не сказалъ мнѣ, но прочелъ ихъ съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ жаромъ... голосъ его такъ дрожалъ, онъ такъ смотрѣлъ на меня во время чтенія...

Румянецъ въ эту минуту снова выступилъ изъ-подъ пудры

— Ахъ, если бы вы знали, что со мною дѣлается все это время! Мнѣ и весело и грустно, иногда я не сплю цѣлую ночь напролетъ, зажгу свѣчу, начну читать; но передъ глазами моими мелькаютъ только слова, и я сама не могу отдать себѣ отчета, что читаю... Мнѣ хочется то плакать, то смѣяться... Catherine, душечка! я могу надѣяться на вашу дружбу, на ваше участіе? не правда ли? скажите мнѣ.

И Надежда Кондратьевна устремила трогательный и умоляющій взоръ на Катю.

Въ отвѣтъ на ея вопросы Катя только молча пожала ей руку... Ей стало вдругъ жаль ее, и она внутренно упрекала себя даже за то, что вызвала ее на это забавное объясненіе.

Надежда Кондратьевна готова была всю ночь неумолкая проговорить о любви своей и о своихъ возвышенныхъ чувствахъ, но Катя вдругъ, изъ жалости къ своей наставницѣ, рѣзко перемѣнила разговоръ.

— Что такое вы говорили маменькѣ? когда ждутъ сюда молодого графа? — спросила она.

— Развѣ вы не слыхали, ма-шеръ, развѣ я не при васъ разсказывала? — отвѣчала Надежда Кондратьевна. — Александръ Иванычъ ѣздилъ въ городъ: онъ ужъ видѣлся съ графомъ, который принялъ его отлично... Онъ засталъ у него губернатора и предводителя. Графъ пріѣхалъ съ двумя своими петербургскими пріятелями; послѣ завтра къ обѣду онъ непремѣнно будетъ въ Покровское; туда ужъ и повара посланы. Графъ, говорятъ, будетъ давать у себя праздникъ, и фейерверкъ будетъ и музыка. Онъ Александра Иваныча пригласилъ къ себѣ гостить... Вотъ мы живемъ въ двухъ шагахъ, а ничего не знаемъ; а объ этомъ ужъ всѣ говорятъ!.. Теперь наша глухая сторона посмотрите какъ оживится!

— Что же намъ-то отъ этого? — замѣтила Катя, — мы съ вами не будемъ участвовать на этихъ празднествахъ!

— Да вѣдь у графа будетъ балъ, ма-шеръ... слышите ли, балъ! и губернаторша, говорятъ, *fera les honneurs.*

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнула Катя съ живостію.

— Объ этомъ ужъ всѣ говорятъ, это навѣрное; а ужъ на балъ-то, я надѣюсь, мы непремѣнно будемъ приглашены... Знаете, душечка, надобно бы намъ заранѣе позаботиться о бальныхъ платьяхъ.

— Если и будетъ этотъ балъ, такъ съ чего же вы взяли, что мы непремѣнно будемъ приглашены?

— Ахъ, ма-шеръ, какія вы странныя! Это очень натурально: графъ здѣсь никого не знаетъ и ужъ, навѣрное, будетъ спрашивать у Александра Иваныча, кому разослать приглашенія—это самъ Александръ Иванычъ говорилъ, а Александръ Иванычъ, конечно, ужъ насъ-то не забудетъ!

— Но съ какой стати графу давать балъ? — возразила съ упорствомъ Катя. — Это вздоръ, это невѣроятно, это такъ только болтаютъ отъ нечего дѣлать.

— Вы ничему не вѣрите!.. отчего же вздоръ? очень понятно, что графъ хочетъ блеснуть передъ всей губерніей своимъ богатствомъ, а можетъ быть и сама губернаторша намек-

нула ему, что желала бы потанцовать у него въ Покровскомъ: все это такъ просто, такъ понятно...

Надежда Кондратьевна еще долго разговаривала о графѣ и наконецъ обняла Катю и прошептала:

— Съ сегодняшняго вечера сердца наши открыты другъ для друга... Между нами уже не можетъ быть тайнъ... Не правда ли?

И потомъ, посмотрѣвъ на Катю нѣжно и вмѣстѣ торжественно, она запечатлѣла на губахъ ея горячій поцѣлуй и, выходя изъ ея спальни также на цыпочкахъ, какъ и вошла, нѣсколько разъ обернулась съ большою граціею, пославъ ей еще нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ рукою.

Послѣ Надежды Кондратьевны Катя долго еще не спала. Она все думала о чемъ-то. О чемъ? о прекрасныхъ свойствахъ души Захара Лаврентьича, или о скоромъ пріѣздѣ молодого графа и о тѣхъ празднествахъ и балахъ, которые онъ намѣревался давать у себя въ Покровскомъ?

Утромъ въ день пріѣзда графа Надежда Кондратьевна разодѣлась еще съ большими претензіями противъ обыкновеннаго, еще тщательнѣе напудрила себѣ лицо, еще съ большимъ искусствомъ расположила на головѣ свои пукольки, еще крѣпче затянула свою талію и въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ и съ книжкой, не говоря ни слова Катѣ, почти тайкомъ отъ нея, часу въ двѣнадцатомъ вышла изъ дому.

Полдень былъ прекрасный. Солнце обливало ослѣпительнымъ свѣтомъ и живительною теплотою поля и лѣса, ярко зеленѣвшіе своею свѣжею зеленью; въ недвижномъ воздухѣ вились и кружились птицы съ громкими пѣснями, а по дорогѣ къ Покровскому парку тихо и осторожно шла подъ зонтикомъ напудренная и завитая Надежда Кондратьевна, производя пріятный шумъ своими накрахмаленными юбками...

Она вышла на большую дорогу парка, по которой долженъ былъ проѣхать молодой графъ, выбрала самое видное мѣсто и, разославъ сначала на пригоркѣ носовой платокъ, сѣла на него, принявъ нѣсколько искусственную, но живописную позу, и развернула книжку.

Книжка, впрочемъ, развернута была ею болѣе для эффекта, она смотрѣла совсѣмъ не въ книжку, а въ ту сторону, откуда должны были показаться экипажи графа. Въ эту минуту мысли ея не столько были заняты предметомъ ея страстной любви, сколько графомъ и его пріятелями. Ей очень хотѣлось посмотрѣть на графа и на его пріятелей.

Сердце ея очень сильно билось при малѣйшемъ шумѣ и шелестѣ... Надеждѣ Кондратьевнѣ все казалось: вотъ ѣдутъ, вотъ ѣдутъ; но все было тихо окрестъ и на дорогѣ никто не показывался. Долго сидѣла она въ безпокойномъ ожиданіи, принимая позы одна другой очаровательнѣе. Все тщетно... Она посмотрѣла на часы... Уже половина втораго. Мысль, что, можетъ быть, графъ не пріѣдетъ и что всѣ ея туалетные соблазны пропадутъ даромъ, приводила ее чуть не въ отчаяніе...

Вдругъ... о, радость! послышался отдаленный стукъ экипажа... Она вздрогнула... показалась пыль на дорогѣ... Это не обманъ, — нѣтъ! это точно должно быть они! Стукъ ближе и ближе... Сердце ея замерло... Вотъ ужъ она различаетъ коляску, запряженную четверней въ рядъ, и сзади другой экипажъ... Надежда Кондратьевна ближе подставила къ глазамъ книжку, притворясь, будто читаетъ.

Первая коляска промчалась быстро... Въ ней сидѣли два человѣка, и третій на козлахъ, въ синей фуражкѣ съ золотымъ галуномъ; но ни эти два человѣка, сидѣвшіе въ коляскѣ, ни даже третій на козлахъ, съ золотымъ галуномъ, не обратили ни малѣйшаго вниманія на Надежду Кондратьевну...

Вотъ и вторая коляска... Въ этой коляскѣ сидитъ одинъ молодой человѣкъ... О, счастье! онъ замѣтилъ еще издали Надежду Кондратьевну, онъ вставилъ въ глазъ стеклышко, онъ смотритъ на нее, онъ даже оборачивается назадъ и все смотритъ...

Облако пыли пронеслось; экипажи исчезли, Надежда Кондратьевна приподнялась, вздохнула и подумала:

«Во второй коляскѣ навѣрно былъ самъ графъ!»

ГЛАВА V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, часу въ третьемъ утра, три молодые человѣка сидѣли на выходившемъ въ садъ, большомъ балконѣ покровскаго дома, обтянутомъ полосатою парусиною и уставленномъ цвѣтами. Въ почтительномъ разстояніи отъ одного изъ нихъ стоялъ плѣшивый пожилой человѣкъ, въ длинномъ синемъ сюртукѣ, со сложенными назади руками...

Видъ съ этого балкона былъ превосходный. Вся терраса передъ домомъ и спускъ въ садъ были уставлены цвѣтами и деревьями; внизу отъ подножія террасы разстилался широкій лугъ, пестрѣвшій полевыми цвѣтами. Этотъ лугъ былъ обнесенъ съ обѣихъ сторонъ, какъ стѣнами, высокими и стрижеными липовыми аллеями; онъ доходилъ почти до самаго берега рѣчки Верейки, за которой тянулись поемные луга, оканчивавшіеся по прямой линіи у самаго горизонта густою сосновою рощею... Влѣво, по извивающемуся берегу рѣчки виднѣлась каменная церковь съ колокольнею, принадлежавшая селу, находящемуся верстахъ въ пяти отъ Покровскаго. Всѣ эти три молодые человѣка были одѣты почти совершенно одинаково: въ легкихъ и коротенькихъ сюртучкахъ, въ цвѣтныхъ галстукахъ; даже прическа была совершенно одинакова у всѣхъ трехъ: съ проборомъ назади, такъ что съ перваго взгляда ихъ было трудно отличить другъ отъ друга.

— Такъ, такъ-то, Василій Иванычъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ, съ большими карими глазами, съ густыми и темными волосами и съ небольшими усиками, поднятыми кверху, обращаясь къ плѣшивому человѣку въ синемъ сюртукѣ, — такъ то, да надобно непремѣнно эти конюшни сломать: онѣ никуда не годятся... къ будущему лѣту мы можемъ выстроить новыя... не правда ли? Я пришлю вамъ планъ изъ Петербурга...

— Какъ будетъ угодно вашему сіятельству, — отвѣчалъ, кланяясь, Василій Иванычъ. — Какъ не выстроить къ будущему лѣту.

— Но, знаете, теперь надобно устроить хоть временныя конюшни для моихъ англійскихъ лошадей, и скорѣй; надобно непремѣнно заняться этимъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!

— А есть ли здѣсь порядочные архитекторы, — продолжалъ графъ, — которые бы могли выстроить по тому плану, который пришлется?

— И, батюшка, ваше сіятельство, да зачѣмъ намъ архитекторы! это только излишняя трата денегъ, — отвѣчалъ Василій Иванычъ съ неописаннымъ добродушіемъ, — извольте прислать только планъ, а мы и безъ архитектора выстроимъ по этому плану что угодно: я и самъ, признаться сказать, маленько маракую въ архитектурномъ дѣлѣ. Мы выстроимъ домашнимъ экономическимъ образомъ, ваше сіятельство, и право не хуже этихъ архитекторовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ графъ, улыбаясь и закуривая сигару.

— Точно, ваше сіятельство! сами изволите увидѣть. Ну, а теперь ужъ мнѣ позвольте, если я больше въ сію минуту не нуженъ вашему сіятельству, оставить васъ... Мнѣ надо еще объѣздить поля, сдѣлать тамъ разныя распоряженія... За всѣмъ надобенъ глазъ; дѣла-то, слава тебѣ Господи, таки довольно.

Графъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ Василію Иванычу, милостиво потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Поѣзжайте, Василій Иванычъ, поѣзжайте: я васъ не удерживаю.

Василій Иванычъ отпустилъ три поклона и хотѣлъ выйти.

— А что жъ, въ воскресенье устроится крестьянскій праздникъ? — спросилъ небрежно одинъ изъ пріятелей графа, господинъ небольшого роста, съ маленькими сѣрыми глазками, которые безпрестанно бѣгали, никогда не останавливаясь ни на одномъ предметѣ, и выраженія которыхъ уловить не было никакой возможности.

— Да, кстати, Василій Иванычъ! вы распорядились объ этомъ? — спросилъ графъ.

— Какъ же, ваше сіятельство! Признаться сказать, этотъ

народецъ и не стоилъ бы угощенія, ну да ужъ такъ какъ ваше сіятельство пожаловали первый разъ въ свое помѣстье, такъ нельзя въ самомъ дѣлѣ.

И затѣмъ Василій Иванычъ снова поклонился и ушелъ.

— Славный человѣкъ, честный и преданный! — замѣтилъ графъ, проводивъ глазами своего управляющаго и обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками,—и отлично знаетъ свое дѣло.

— Да, это сейчасъ видно, — сказалъ двусмысленно господинъ съ неуловимыми глазами.

— О! прекрасный, удивительный человѣкъ! — пробормоталъ съ восторгомъ другой спутникъ графа, — прекрасный! только *il est à mourir de rire...* Какой у него галстукъ! что за сюртукъ! Это должно быть ему шилъ здѣшній покровскій Шармеръ!

И, произнеся это, молодой человѣкъ добродушно засмѣялся, обратясь къ графу и господину съ неуловимыми глазками. Графъ не обратилъ вовсе никакого вниманія на это замѣчаніе, а господинъ съ неуловимыми глазками повелъ только губами, презрительно и бѣгло окинулъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

Молодой человѣкъ завертѣлся подъ вліяніемъ этого взгляда, вставилъ стеклышко въ глазъ и воскликнулъ:

— Какой видъ-то! чудо! *Comme c'est pittoresque! N'est-ce pas?*

Господинъ съ неуловимыми глазками, къ которому явно относилось это *n'est-ce pas,* насвистывалъ что-то изъ балета Жизель, не удостоивъ даже взглядомъ молодого человѣка, и вдругъ прекративъ свой свистъ, обратился къ графу и сказалъ съ вкрадчивою улыбкою:

— Помнишь ты это, Serge?

И потомъ снова началъ насвистывать, покачивая въ тактъ головою.

— О, еще бы! — сказалъ графъ.

— Еще бы! — повторилъ молодой человѣкъ, какъ эхо...

Но я считаю нужнымъ прежде познакомить читателя съ графомъ и его спутниками.

Въ минуту, описываемую мною, графу было 27 лѣтъ. Воспитаніе графа не отличалось ничѣмъ особеннымъ. До шестнадцати лѣтъ онъ воспитывался дома и, какъ это обыкновенно водилось прежде, подъ надзоромъ француза. Французъ графа, г-нъ Шарль, былъ милѣйшій и забавнѣйшій изъ французовъ. Веселый, беззаботный, всегда услужливый, знавшій наизусть всѣ пѣсни и куплеты, которые обыкновенно поются за разгульными обѣдами и ужинами, и очень забавно напѣвавшій ихъ,—онъ былъ идеаломъ французскаго гувернера. Всѣ учителя, пользовавшіеся въ Петербургѣ извѣстностью, давали уроки молодому графу. Въ 16 лѣтъ графъ поступилъ въ университетъ.

Первый годъ онъ ѣздилъ на лекціи въ сопровожденіи своего гувернера, въ отличномъ экипажѣ, на великолѣпныхъ рысакахъ; на второй годъ онъ уже сталъ появляться вездѣ: и на лекціяхъ, и въ ресторанахъ, и на Невскомъ проспектѣ, одинъ. И любо было смотрѣть, какъ онъ бывало гуляетъ по Невскому въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, превосходно обтягивавшихъ его руку перчаткахъ. *C'est un jeune homme tout à fait distingué*, слышалось отъ всѣхъ. Графъ выучился отлично ѣздить верхомъ, превосходно играть на бильярдѣ, полькировать и вальсировать удивительно.

Публичная жизнь: театры, маскарады, балы по подпискѣ, гулянья отвлекали его нѣсколько отъ учебныхъ занятій... До его слуха смутно доходило краснорѣчіе наставниковъ, потому что на лекціяхъ ему мерещились очаровательная фигура г-жи Пряхиной въ образѣ какой-нибудь нимфы, танцующей *pas de deux*, или привѣтно улыбающееся личико m-lle Матильды, которая своей маленькой ручонкой, разукрашенной брильянтовыми перстнями, взбивала его волосы и говорила.

— *Tiens, comme tu est beau comme ça!.. Je t'adore, mon p'tit chat!*

Кругъ знакомства графа расширялся быстро. Онъ не ограничивался, какъ прежде, тѣснымъ кружкомъ его школьныхъ товарищей. Графъ уже выпилъ на *ты* со всею извѣстною

молодежью столицы, со всѣми львами и львенками, которые ввели его въ свой кругъ болѣе обширный и заманчивый.

Къ этому-то кругу принадлежалъ,—но только не по рожденію,—господинъ съ неуловимыми глазками, который былъ старше графа четырьмя или пятью годами. Сынъ какимъ-то образомъ очень скоро разбогатѣвшаго отца (въ наше время богатѣютъ вообще скоро), онъ съ утра до ночи бредилъ высшимъ свѣтомъ и хорошимъ тономъ. Одаренный тактомъ, ловкостью и хитростью, которые иногда въ свѣтѣ гораздо важнѣе ума, образованія и талантовъ, онъ незамѣтно втерся между молодежью высшаго круга и умѣлъ сдѣлаться для нея почти необходимымъ. Знакомство сына приводило нѣжнаго отца въ совершенный восторгъ. Когда сынъ разсказывалъ отцу о томъ, какъ онъ обѣдалъ у такого-то князя, игралъ въ карты съ такимъ-то графомъ или отправлялся на охоту съ такими-то князьями и графами, маркизами и виконтами, состоявшими при посольствахъ, у отца проступали на глазахъ слезы. Онъ внутренно благодарилъ Бога за дарованіе ему такого примѣрнаго сына и, для того, чтобы дать ему возможность поддерживать эти блестящія связи, не жалѣлъ для него денегъ. Для того, чтобы всегда быть на виду, чтобы заставить говорить о себѣ, молодой человѣкъ съ неуловимыми глазками постоянно ухаживалъ за пріѣзжими знаменитостями: пѣвицами, танцовщицами, французскими актрисами, бросалъ имъ на сцену великолѣпные букеты изъ камелій, дарилъ въ бенефисы драгоцѣнные браслеты и серьги. Его связи были предметомъ городскихъ разговоровъ; къ этимъ разговорамъ, правда, присоединялись и не совсѣмъ благопріятные и выгодные для него слухи о томъ, какъ онъ обманулъ какую-то женщину и какъ кого-то, навѣрно, обыгралъ въ карты, потому что, несмотря на щедрость нѣжнаго родителя, ему все-таки недоставало денегъ на его траты; впрочемъ, эти слухи могли быть и ложны; и хотя нѣкоторые изъ молодежи, можетъ быть, вслѣдствіе этихъ слуховъ, чуждались его, но когда онъ дѣлалъ у себя вечера, къ нему съѣзжались всѣ, даже и чуждавшіеся его, и когда заходила рѣчь объ

его темныхъ сторонахъ, то его великосвѣтскіе пріятели обыкновенно защищали его такимъ образомъ:

— Да, все это такъ, все это можетъ быть; *mais au reste c'est un garçon de beaucoup d'esprit.*

По мѣрѣ того, какъ онъ получалъ осѣдлость между молодежью высшаго свѣта, онъ становился неприступнѣе и заносчивѣе съ людьми, не принадлежавшими къ этому свѣту; едва отвѣчалъ на поклоны своихъ старыхъ знакомыхъ, едва удостоивалъ ихъ слова или отвѣта, и если въ кругу этой молодежи проявлялся изрѣдка новичокъ, не слишкомъ извѣстной фамиліи, онъ избѣгалъ всякаго столкновенія съ нимъ, какъ съ зачумленнымъ, и только издалека, измѣряя его съ гримасой глазами, говорилъ:

— Чтò *это* такое? откуда *это?* охота же пускать всѣхъ безъ разбора!

Но зато, когда выскакивалъ изъ-подъ надзора дядьки и гувернера какой-нибудь мальчикъ съ извѣстнымъ именемъ, вчера еще только съ дозволенія родителей бросившій отроческіе отложные воротнички, господинъ съ неуловимыми глазками въ тотъ же день увивался около него, на другой же день пилъ съ нимъ на *ты*, а на третій, несмотря на разность лѣтъ, былъ съ нимъ пріятель, называлъ его Мишей, Гришей или Сережей, знакомилъ его съ жизнію и съ увеселеніями и дѣлался его руководителемъ.

Точно такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ вліяніе и надъ графомъ. Графъ былъ отъ него въ восторгѣ; его общество сдѣлалось для него необходимымъ: онъ вездѣ появлялся вмѣстѣ съ нимъ. И нельзя не отдать справедливости: молодой человѣкъ съ неуловимыми глазками умѣлъ очень тонко и пріятно щекотать самолюбіе своихъ друзей, нисколько не унижая собственнаго достоинства.

Въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ ничего общаго съ другимъ молодымъ спутникомъ и школьнымъ товарищемъ графа, который, для того, чтобы имѣть честь быть допущеннымъ въ среду молодежи высшаго свѣта, готовъ былъ позволить для забавы ихъ обливать себя холодною водою, размазывать себѣ лицо жженой пробкой и тому подобное. Соблаз-

пенный веселою и разгульною жизнью своихъ товарищей, съ самыми ничтожными средствами, онъ усиливался тянуться за людьми, имѣвшими въ виду сотни тысячъ доходу, и надо сознаться, что эти усилія были необыкновенно забавны. Онъ всегда появлялся въ балетѣ и въ оперѣ въ первыхъ рядахъ, для того, чтобы имѣть счастіе сидѣть рядомъ съ какимъ-нибудь извѣстнымъ лицомъ; заказывалъ свои платья (въ долгъ) у аристократическаго портного; ѣлъ устрицы и пилъ шампанское въ ресторанахъ (въ долгъ); изучалъ походку графа, котораго выбралъ для себя идеаломъ; подсматривалъ его малѣйшія движенія, употреблялъ всѣ усилія, чтобы перенять его манеру говорить; подражалъ его голосу, его прическѣ, его взглядамъ; даже выщипывалъ свои слишкомъ густыя брови, чтобы болѣе походить на него; слѣдилъ за нимъ повсюду, какъ собачонка слѣдитъ за своимъ хозяиномъ; въ публикѣ безпрестанно подбѣгалъ къ нему и заговаривалъ, ударяя на мѣстоимени *ты* и озираясь кругомъ, какъ бы желая удостовѣриться, слышитъ ли публика, что онъ графу говоритъ *ты;* въ своемъ кружкѣ онъ только и твердилъ, что о графѣ: о томъ, какъ онъ съ нимъ друженъ, какъ они вмѣстѣ кутили вчера, куда они отправятся завтра; какія пари онъ держалъ у графа съ такимъ-то княземъ; какъ они хотятъ устроить кавалькаду за городъ; какъ порядочному человѣку нельзя ѣздить на новомъ, необъѣзженномъ сѣдлѣ; какъ сѣдло должно быть прежде непремѣнно объѣзжено грумами, и въ жару разговора разъ до того увлекся фантазіей, что увѣрялъ одного своего знакомаго, хорошо знавшаго его домашнія обстоятельства и средства, и у лакея котораго онъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ занялъ на два дня десять рублей и съ тѣхъ поръ всячески избѣгалъ его, — что онъ хочетъ бросить двѣ тысячи рублей серебромъ на покупку англійской лошади.

Безкорыстная преданность, усердіе и услужливость, которыя молодой человѣкъ изъявлялъ передъ графомъ и его пріятелями, не могли не тронуть графа. Графъ привыкъ къ нему, обращался съ нимъ, какъ со всѣми; рѣдко, и то очень деликатно, подсмѣивался надъ нимъ, и когда его пріятели

начинали ужъ слишкомъ приставать къ нему, онъ удерживалъ ихъ, особенно господина съ неуловимыми глазками, для котораго и самъ молодой человѣкъ, и даже его фамилія, почти единственное наслѣдіе, полученное имъ отъ родителей, подавали поводъ къ неистощимымъ насмѣшкамъ. Она точно была немного смѣшна и подавала, можетъ быть, поводъ къ остроумію. Фамилія эта была — Вихляевъ.

Вихляевъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на сборищахъ молодыхъ людей, безъ Вихляева было имъ даже скучно; Вихляевъ замѣнялъ собою *tir au pistolet*: — онъ служилъ цѣлью, въ которую всѣ считали въ свою очередь непремѣнною обязанностью пускать стрѣлы своего остроумія.

Между тѣмъ, среди забавъ и развлеченій, графъ незамѣтно приближался къ окончанію своего курса. Наконецъ эта, давно желанная минута наступила, и, благодаря своимъ быстрымъ способностямъ, а можетъ быть и богатству, графъ къ совершенному удовольствію своего родителя окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ.

Не нужно говорить объ успѣхахъ въ свѣтѣ молодого графа, объ его экипажахъ, лошадяхъ, грумахъ и о прочемъ: все это само собой разумѣется. Графъ, впрочемъ, прежде всего началъ свое поприще съ того, что сдѣлался записнымъ театраломъ. Онъ абонировалъ кресло въ первомъ ряду и не пропускалъ ни одного балета. Всѣ интересы графа сосредоточились на театральномъ подъѣздѣ, на театральной улицѣ, на театральныхъ линіяхъ. Это продолжалось болѣе года, и до того надоѣло ему, что онъ, къ глубокому огорченію театраловъ, совсѣмъ почти пересталъ посѣщать театры и началъ выѣзжать въ свѣтъ.

Это продолжалось два года, но, кажется, и свѣтъ началъ утомлять его. Въ это время старый графъ скончался внезапно, и сынъ его въ двадцать три года сдѣлался наслѣдникомъ и полнымъ распорядителемъ всѣхъ богатствъ своихъ.

Черезъ полгода послѣ смерти отца онъ уѣхалъ за границу.

Бо̀льшую часть своего времени за границей графъ провелъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Парижъ произвелъ на него

сильное впечатлѣніе. Онъ совсѣмъ сначала закружился въ немъ. Ежедневные обѣды и ужины въ *Café de Paris*, въ *Café Anglais*, у *Frères provençeaux*, *оперныя крысы*, обитательницы улицы *Bréda*, между которыми онъ получилъ громкую и блистательную извѣстность, поглощали все его время.

Болѣе всѣхъ привлекала вниманіе графа одна знаменитая въ то время героиня этой улицы, *Fœdora*, которая такъ наименовала себя въ честь бальзаковой *femme sans cœur*. Она въ одинъ прекрасный вечеръ, между двумя польками, при газовомъ освѣщеніи Мабиля, была посвящена въ лоретки бокаломъ шампанскаго; она ринулась на это поприще у знаменитыхъ *Mousqueton*, *Carabine*, по слѣдамъ *Mogador* и *Pomaré*. *Fœdora*, съ своей стороны, не могла не оказывать особеннаго расположенія богатому и знатному иностранцу. Графъ былъ непремѣннымъ членомъ ея интимныхъ ужиновъ, которые давались, разумѣется, на его счетъ, и куда приглашалась только избранная парижская молодежь и самыя знаменитѣйшія изъ лоретокъ.

Въ послѣдній годъ пребыванія графа за границей такого рода похожденія играли въ его жизни уже второстепенную роль. На первый планъ выступили лондонскій *Jockey-Club*:— скачки, грумы, пари, бои пѣтуховъ и совъ съ крысами и тому подобныя остроумныя развлеченія.

Графъ чувствовалъ потребность приводить чѣмъ-нибудь въ раздраженіе свои нѣсколько отупѣвшіе нервы, и пари въ этомъ случаѣ дѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ женщины. Онъ проигралъ какому-то англичанину пари во сто тысячъ рублей серебромъ, которое держалъ за крысъ. Англичанинъ былъ счастливѣе его. Его знаменитыя совы: *Young* и *Bec-de-Fer* остались побѣдительницами.

Вскорѣ послѣ этого пари графъ возвратился на родину образцомъ самаго высокаго англійскаго дендизма. Онъ пробылъ три съ половиною года за границей. Его возвращеніе произвело въ петербургскомъ свѣтѣ страшный шумъ: въ продолженіе мѣсяца петербургскій свѣтъ занимался почти только имъ однимъ. Его лондонскіе платья и экипажи, его англій-

скіе лошади и грумы производили рѣшительный фуроръ. Даже люди, вовсе не принадлежавшіе никакому свѣту, — люди темные, до которыхъ черезъ нѣсколько времени достигла смутная и преувеличенная молва о графѣ, ахали и говорили: «Да, какъ бы посмотрѣть на этого графа? какъ бы его увидѣть? это должно быть очень любопытная штучка».

Первое лицо, попавшееся графу почти въ самую минуту его пріѣзда въ Петербургъ, былъ господинъ съ неуловимыми глазками, какъ будто вовсе не искавшій его и встрѣтившійся съ нимъ случайно. Графъ очень обрадовался ему,— повидимому, даже гораздо болѣе, чѣмъ господинъ съ неуловимыми глазками обрадовался графу. Графъ обнялъ его и расцѣловалъ, и этотъ господинъ попрежнему сдѣлался неразлучнымъ его спутникомъ, пріобрѣтя этимъ, разумѣется, еще болѣе значенія и вѣсу между петербургской молодежью. Черезъ нѣсколько дней появился передъ графомъ и Вихляевъ, но робкій, смущенный, уничтоженный громаднымъ авторитетомъ графа. Онъ какъ-то вертѣлся, переминался съ ноги на ногу, не зная, какой тонъ принять съ графомъ, и въ то же время усиливался быть какъ можно развязнѣе, чтобы скрыть свое смущеніе. Но графъ вывелъ его изъ этого непріятнаго положенія: онъ обошелся съ нимъ очень просто, какъ съ старымъ товарищемъ, вспоминалъ кое-что изъ ихъ прошедшей школьной жизни, изъ ихъ театральныхъ похожденій, и Вихляевъ, ободренный этимъ, началъ тотчасъ же обращаться съ графомъ совсѣмъ фамильярно, развалился на диванъ совершенно какъ у себя дома, заложилъ пальцы обѣихъ рукъ за жилетъ, заговорилъ какой-то вздоръ и между тѣмъ пожиралъ графа съ ногъ до головы глазами, не упуская ни малѣйшей подробности въ его туалетѣ. Возвратясь къ себѣ домой, счастливый и взволнованный, онъ бросился прямо къ зеркалу и сталъ расчесывать свои волосы въ подражаніе графу—съ разборомъ назади; потомъ побѣжалъ къ портному и велѣлъ подрѣзать свой сюртучокъ и обшить его тесьмой, какъ у графа; панталоны передѣлать такъ же, какъ у него—и когда платье было передѣлано, онъ повязалъ галстукъ точно такъ, какъ повязывалъ графъ—и ве-

селый и довольный, бросился, не дождавшись опредѣленнаго для гулянья часа, на Невскій проспектъ, показывать себя въ обновленномъ и улучшенномъ видѣ.

Графъ возвратился изъ-за границы осенью, провелъ зиму въ Петербургѣ, заискиваемый всѣми, повсюду имѣвшій успѣхъ—и, несмотря на это, не совсѣмъ довольный своей жизнію, даже часто скучавшій.

Въ началѣ весны графъ отправился для обозрѣнія своихъ помѣстій и хотѣлъ до осени прожить въ своемъ Покровскомъ. Прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ одному была бы невыносимая скука, и графъ обратился къ своему другу, господину съ неуловимыми глазками.

Графъ нѣсколько времени убѣждалъ его; онъ ломался недѣли двѣ, заставляя себя упрашивать, и наконецъ далъ слово ѣхать.

— Давно бы такъ! — сказалъ ему графъ: — а знаешь ли, что мнѣ пришло между прочимъ въ голову?

— Что?

— Не взять ли намъ съ собой для развлеченія Вихляева?

Господинъ съ неуловимыми глазками скорчилъ гримасу.

— Впрочемъ... — сказалъ онъ, нѣсколько подумавъ, — въ деревнѣ еще его можно терпѣть... Въ самомъ дѣлѣ, онъ даже въ деревнѣ будетъ, вѣрно, забавнѣе; но здѣсь онъ становится ужъ рѣшительно невыносимъ. Что жъ? это можно попробовать... Съ нимъ вѣдь церемониться нечего, если онъ и тамъ будетъ намъ надоѣдать, то ты можешь отправить его въ Петербургъ съ подводами. Попробуемъ.

Когда графъ сдѣлалъ предложеніе Вихляеву ѣхать съ нимъ, Вихляевъ чуть не прыгнулъ отъ радости, чуть не бросился къ нему на шею, и потомъ говорилъ всякому встрѣчному, даже мало знакомому съ нимъ человѣку:

— А я скоро уѣзжаю отсюда. Мы на все лѣто ѣдемъ съ графомъ Елецкимъ, съ Сережей, въ его Покровское; онъ меня очень просилъ, я не могъ отказать ему; да и почему же не ѣхать? Будетъ очень весело... Мы беремъ съ собой поваровъ, экипажи, англійскихъ лошадей и проч.

Я забылъ сказать объ одной хорошей чертѣ Вихляева.

У него иногда пробуждалось что-то въ родѣ сознанія собственнаго ничтожества, — впрочемъ, очень рѣдко, и то не вслѣдствіе размышленія о самомъ себѣ. Это было сознаніе не добровольное, а вымучиваемое изъ него горькими насмѣшками и оскорбленіями.

Когда онъ въ своихъ разсказахъ уносился, подстрекаемый сначала благосклонностью своихъ слушателей, они вдругъ останавливали его увлеченіе, разражаясь страшнымъ хохотомъ и уничтожая его страшнымъ вопросомъ:

— Признайся, вѣдь все, что ты говорилъ — ложь?

У него кровь бросалась въ голову, онъ начиналъ кусать губы, поправлять свои волосы, грызть ногти.

— Ну, признайся же, — продолжали они.

— Полноте, господа, шутить! — бормоталъ онъ обыкновенно, — что за глупости!.. Къ чему эти шутки?

— Нѣтъ, это не шутки, мы вовсе не шутимъ. Признайся, что ты все лгалъ.

— Ну да, ну пожалуй, если хотите, я лгалъ.

— Мы этого вовсе не хотимъ, — возражали ему, — а мы увѣрены, что ты лжешь. Признавайся же.

— Ну я солгалъ, — произносилъ молодой человѣкъ глухимъ голосомъ, у котораго это признаніе вырывалось не безъ боли.

— Вѣдь ты самый безстыдный лгунъ? Скажи откровенно.

— Ахъ, оставьте меня, господа!

— Нѣтъ, говори, любезный, — иначе будетъ худо.

— Да, я лгунъ.

И послѣ этихъ словъ онъ иногда обливался слезами.

Это сознаніе и слезы не вели впрочемъ ни къ чему; этотъ внутренній голосъ смолкалъ въ немъ тотчасъ же и не безпокоилъ его до новой подобной сцены; а Вихляевъ, черезъ полчаса послѣ своего сознанія и своихъ слезъ, при встрѣчѣ съ новыми лицами, какъ ни въ чемъ не бывало, начиналъ хвастать еще пуще прежняго. Пройдя сквозь жестокую пытку униженія, онъ черезъ полчаса послѣ этого являлся въ театръ — свѣжій, цвѣтущій, веселый, напома-

женный, раздушенный, въ желтыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ... и гордо проходилъ между рядами креселъ, посматривая направо и налѣво въ свое стеклышко, какъ человѣкъ, вполнѣ обладающій чувствомъ человѣческаго достоинства.

Читатель имѣетъ уже достаточное понятіе объ этихъ новыхъ лицахъ, и я могу теперь продолжать мой разсказъ.

Когда молодой человѣкъ съ неуловимыми глазками пересталъ насвистывать, онъ раза два прошелся по балкону, потомъ бросился на диванъ, дернулъ за одинъ конецъ галстука, разрушилъ бантъ, разстегнулъ пуговки у рубашки и сказалъ:

— Однакожъ, мочи нѣтъ, какая жара! Надобно бы поѣхать купаться, Сережа!

— Нестерпимая жара! — воскликнулъ Вихляевъ, также снимая съ себя галстукъ. — Купаться — это просто наслажденіе!.. А *ты* чудесно плаваешь! — произнесъ онъ, обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками и подходя къ дивану, на которомъ онъ лежалъ.

— Я *вамъ* двадцать разъ говорилъ, — сказалъ тотъ, мѣрнымъ и медленнымъ голосомъ, съ легкою улыбкою, — и еще разъ повторяю, что я вовсе не имѣю ни малѣйшаго желанія быть съ вами на *ты*... *Вы* слышали?

— Пожалуй, если вы хотите, — забормоталъ Вихляевъ: — однако, вѣдь это смѣшно... Вѣдь, я, кажется, пилъ съ вами на *ты*... Отчего же послѣ этого мнѣ не говорить....

— Что такое?

— Я пилъ съ вами на *ты*...—уже болѣе робкимъ голосомъ замѣтилъ Вихляевъ.

— Я не помню, — отвѣчалъ, зѣвая, господинъ съ неуловимыми глазками.

— Да вотъ, я думаю, графъ помнитъ,—это было именно когда мы послѣ перваго представленія *Сатаниллы* поѣхали всѣ вмѣстѣ къ Дюссо, вы, я, графъ, Гриша Хвалынскій, Ваня Красногорскій и еще не помню кто-то, а послѣ Дюссо отправились на тройкахъ за городъ, и Ваня одѣлся ямщикомъ, правилъ тройкой и перегонялся со всѣми... Мы на

Средней Рогаткѣ и пили съ вами на *ты*... Ты, графъ, вѣрно помнишь это, вѣдь я не лгу, — изъ чего же мнѣ лгать?.

— Нѣтъ, я не помню.

— Вѣдь вотъ Ваня живой человѣкъ; у него можно спросить, правду ли я говорю.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ графъ, засмѣявшись, — успокойся; когда возвратимся въ Петербургъ, мы непремѣнно спросимъ объ этомъ у Вани...

— Ну, прекрасно! — произнесъ господинъ съ неуловимыми глазками, — довольно объ этомъ. *Вы* надоѣли. Какъ бы то ни было, но я вовсе не хочу, чтобы *вы* говорили мнѣ *ты*. Понимаете?

Вихляевъ обидѣлся, нѣсколько надулся, сѣлъ въ уголъ и замолчалъ. Молчанiе это, однако, продолжалось недолго.. И въ это время, какъ графъ за чѣмъ-то позвонилъ въ колокольчикъ, онъ обратился къ нему и сказалъ:

— Ахъ, графъ, я все забылъ тебя спросить. Когда мы сюда ѣхали, недалеко отъ дома въ паркѣ, по дорогѣ, — ты не замѣтилъ — сидѣла какая-то дѣвушка, или женщина съ книжкой... кажется *une personne trés-destinguée*... Это меня поразило... Въ деревнѣ, въ лѣсу встрѣтить порядочную женщину — это радость.

Въ эту минуту вошелъ камердинеръ графа.

— Да вотъ Петруша, вѣрно, видѣлъ... Петруша, ты видѣлъ, — продолжалъ Вихляевъ, относясь къ камердинеру, — даму... она сидѣла съ книжкой, когда мы въѣзжали сюда... по дорогѣ недалеко отъ дома...

— Нѣтъ-съ, не видалъ, — отвѣчалъ камердинеръ съ улыбкою.

— Какъ же, помилуй...

— Да, можетъ быть, это была наша здѣшняя прачка Пелагея.

— Какой вздоръ! Развѣ прачки читаютъ книги?

— Петръ, вели заложить линейку, — сказалъ графъ, — мы передъ обѣдомъ поѣдемъ купаться.

— Нѣтъ, вотъ ты не вѣришь, — продолжалъ Вихляевъ, когда камердинеръ вышелъ, — а право это была очень по-

рядочная женщина и, кажется, прехорошенькая... Мнѣ даже показалось, что она имѣетъ нѣкоторое сходство съ *Louison*...

— Вѣрю, вѣрю, — замѣтилъ графъ, — а что это такое *Louison*?

— Какъ! неужели ты не знаешь *Louison*?... Впрочемъ ты былъ тогда за границей, когда Ваня...

Линейка была подана къ подъѣзду, и молодые люди сошли внизъ... Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками сѣли въ линейку, а Вихляевъ закричалъ:

— Подождите минутку, господа! я не знаю, гдѣ моя фуражка: я сейчасъ.

Одинъ изъ людей бросился за фуражкой.

— Не нужно ему фуражки, — сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—онъ можетъ и безъ фуражки ѣхать...— и соскочивъ съ линейки, взялъ его за руку, притащилъ къ экипажу и заставилъ сѣсть возлѣ себя. — Пошелъ! — закричалъ онъ кучеру, — къ купальнѣ.

Лошади двинулись.

— Да что же это такое! — восклицалъ Вихляевъ,—какъ же это можно! Солнце печетъ ужасно... Вѣдь у меня разболится голова, вѣдь можетъ сдѣлаться *coup de soleil*...

Онъ хотѣлъ соскочить съ линейки, но господинъ съ неуловимыми глазками удержалъ его за руку.

— Ничего, — сказалъ онъ, — ваша голова все перенесетъ Смотрите, сидите только смирно...

Вихляевъ посердился немного, успокоился и прикрылъ голову носовымъ платкомъ.

ГЛАВА VI.

Вскорѣ послѣ того, какъ линейка графа скрылась налѣво за деревьями, съ противоположной стороны парка показался тарантасъ, запряженный тройкою.

Грумъ, стоявшій за воротами съ лакеемъ въ штиблетахъ, обратился къ лакею и сказалъ, указывая рукой на тарантасъ:

— Смотри-ка, Иванъ: кажется, къ намъ гости катятъ.

— И то никакъ гости, — замѣтилъ Иванъ: — это какая-нибудь здѣшняя шушера.

Въ это время тарантасъ остановился у воротъ, и изъ него вышла знакомая читателямъ сухощавая фигура плѣшиваго старичка: фигурка эта отряхнула съ себя пыль и обратилась къ груму, прищуривъ глазки:

— Что, любезный, у себя ли графъ Сергiй Григорьичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ грумъ: — графъ сейчасъ изволили поѣхать...

— Куда? — воскликнулъ старичокъ.

— Въ купальню-съ.

— А-а-а! это другое дѣло, — прошепталъ онъ, успокоясь.

— Его сiятельство скоро вернутся, — замѣтилъ грумъ.

Въ то время, какъ Александръ Иванычъ говорилъ съ грумомъ, его лакей и кучеръ, разинувъ рты и выпучивъ глаза, съ величайшимъ удивленiемъ и любопытствомъ осматривали грума и лакея.

— Я, любезный другъ, — сказалъ Александръ Иванычъ, очень ласково ударяя грума по плечу, — пойду навстрѣчу къ графу. Можетъ статься, я еще застану ихъ въ купальнѣ, да кстати и покупаюсь вмѣстѣ съ ними, а ты, мой милый, ужъ потрудись распорядиться насчетъ моего экипажа.

И, произнеся это, Александръ Иванычъ всунулъ цѣлковый въ руку грума и мѣрнымъ шагомъ, не безъ важности, опираясь на трость, подаренную ему, по его словамъ, сэромъ Робертомъ Пилемъ и собственноручно срѣзанную имъ въ его присутствiи, отправился по извѣстной ему дорогѣ въ купальню, потому что Покровское онъ зналъ гораздо лучше и подробнѣе собственнаго помѣстья.

Пройдя саженъ сто, Александръ Иванычъ осмотрѣлся со всѣхъ сторонъ и, увѣрясь, что кругомъ не было ни души, воткнулъ въ землю подарокъ сэра Роберта Пиля, повѣсилъ на него свою фуражку, въ родѣ тѣхъ, какiя носятъ жокеи во время скачекъ, вынулъ изъ кармана гребенку и небольшое складное зеркальце, и, держа его передъ собою въ лѣвой рукѣ, правой сталъ расчесывать слабые остатки волосъ

своихъ на вискахъ; потомъ, нахмуривъ брови, какъ бы стараясь придать важность и мысль своей физіономіи, онъ раза два пристально посмотрѣлъ на себя въ зеркальце, поправилъ свой галстукъ, пріосанился, надѣлъ фуражку и, размахивая подаркомъ сэра Роберта Пиля, еще болѣе увѣренный въ себѣ, началъ спускаться по дорогѣ, которая вела къ рѣчкѣ.

Спустясь съ горы и выйдя на лугъ, по которому извивалась рѣчка, увидѣвъ линейку, возвращавшуюся изъ купальни, Александръ Иванычъ откашлянулся, еще разъ пріосанился и остановился.

Когда линейка поровнялась съ нимъ, онъ снялъ фуражку, продержавъ ее съ минуту на воздухѣ, поклонился и съ улыбкою произнесъ громкимъ голосомъ:

— *Salve, domine comes'* Привѣтствую владѣтеля въ его владѣніяхъ!

Графъ приказалъ остановить лошадей, сошелъ съ линейки, подошелъ къ Александру Иванычу и взялъ его за руку.

— Здравствуйте, любезный Александръ Иванычъ! какъ я радъ васъ видѣть... Давно ли вы пріѣхали?

— Сію секунду и, узнавъ, что ваше сіятельство отправились купаться, я прямо и направилъ стопы мои во срѣтеніе ваше.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Садитесь съ нами.

Александръ Иванычъ пожалъ руки спутникамъ графа и сѣлъ въ линейку рядомъ съ нимъ.

— Что за дивное мѣсто ваше Покровское! — сказалъ онъ, — это сокровище! Въ цѣлой Россіи, можно смѣло сказать, нѣтъ ничего подобнаго; да и за границей-то немного такихъ мѣстъ. Покровское стóитъ знаменитой виллы Боргезе, только, по-моему, оно грандіознѣе, шире, великолѣпнѣе. Я вѣдь имѣлъ честь не разъ быть здѣсь еще при покойномъ вашемъ батюшкѣ. Это былъ типъ истиннаго барина, вельможи; и сынокъ пошелъ по батюшкѣ, скажу безъ лести.

За обѣдомъ Александръ Иванычъ былъ разговорчивѣе всѣхъ, приходилъ въ восторгъ отъ графскаго повара, отъ графскихъ винъ, успѣлъ разсказать о маркизѣ Джіованни Пуччи и о своемъ Петрушкѣ и постепенно дѣлался все смѣ-

лѣе и смѣлѣе, замѣтивъ, что его разсказы занимали и графа, и его пріятелей.

Послѣ обѣда онъ ужъ рѣшительно не умолкалъ, прихлебывая время отъ времени шампанское. Его безконечный монологъ длился до захожденія солнца, и въ этомъ монологѣ мѣшались: прошедшее съ настоящимъ; политика съ гастрономіей; литература съ коннозаводствомъ; англійскія скаковыя лошади, начиная съ знаменитаго жеребца Эклипса, родившагося во время солнечнаго затменія 1764 года, съ Шиллеромъ и Гёте.

Графъ, казалось, былъ даже удивленъ свѣдѣніями Александра Иваныча по части англійскихъ скаковыхъ лошадей, а Вихляевъ, совершенно пораженный его умомъ, многосторонними свѣдѣніями и краснорѣчіемъ, восклицалъ безпрестанно:

— Удивительно, удивительно! *Charmant! Charmant!*

— Да, — произнесъ Александръ Иванычъ со вздохомъ, зажмуривая глазки, — я-таки много видѣлъ и наблюдалъ на своемъ вѣку и теперь живу себѣ *parvo contentus.* Многія знакомства мои съ людьми извѣстными очень оригинальны. Вотъ, если позволите, графъ, я вамъ разскажу одинъ изъ такихъ случаевъ. Однажды я пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ. Покойный князь Антонъ Васильичъ Галицкій, съ которымъ я былъ большой пріятель, непремѣнно требовалъ, чтобы я остановился у него, но я присталъ въ гостиницѣ: онъ на меня-таки и разсердился за это, но такъ мнѣ что-то вздумалось остановиться на этотъ разъ въ гостиницѣ, самъ не знаю почему. Вотъ однажды возвращаюсь домой, часовъ въ двѣнадцать. Ночь темная, снѣгъ моросить; подхожу къ гостиницѣ, вижу у себя въ окнахъ свѣтъ. «Что бы что значитъ?» думаю. Звоню; отворяетъ мнѣ дверь мой человѣкъ и говоритъ: «Васъ давно, — говоритъ, — дожидается какой-то господинъ». — Кто такой? «Не знаю-съ, — говоритъ, — я его въ первый разъ вижу». Странно! Вхожу въ комнату: вижу, сидитъ у моего письменнаго стола человѣкъ среднихъ лѣтъ, типъ лица арабскій, толстыя губы, вьющіеся волосы, лицо выразительное, необыкновенно умное, и сидитъ онъ задумавшись и,

какъ теперь помню, облокотясь на руку. Услышавъ мои шаги, онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ мнѣ навстрѣчу.

— «Кого имѣю честь видѣть у себя?—спросилъ я кланяясь.

— «Вы меня не знаете, Александръ Иванычъ, — отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ, — но я много о васъ слышалъ и давно знаю васъ, не имѣя удовольствія быть съ вами лично знакомымъ. Я — Пушкинъ.

— «Александръ Сергѣичъ! — воскликнулъ я, натурально удивленный и обрадованный.

— «Точно такъ, — отвѣчалъ онъ: — не удивляйтесь, — говоритъ, — моему странному приходу. Я знаю вашъ вкусъ, ваше знаніе русскаго языка, вашу любовь къ изящному и хочу непремѣнно выслушать ваше мнѣніе о моей новой поэмѣ.

«И онъ указалъ на свою рукопись, лежавшую у меня на столѣ. Это была рукопись *Полтавы*».

И Александръ Иванычъ произнесъ послѣднее слово какъ-то особенно звучно и торжественно, закрылъ глазки и послѣ минуты молчанія продолжалъ:

— «Это—честь, которой я не стою, — отвѣчалъ я, крѣпко пожавъ руку Александра Сергѣича, — во всякомъ случаѣ мнѣ и лестно и пріятно первому въ Россіи выслушать новый плодъ вдохновенія ея перваго поэта.

«Александръ Сергѣичъ сѣлъ и началъ читать. Читалъ онъ, надо вамъ сказать, превосходно. Такихъ чтецовъ ни прежде, ни послѣ уже я не слыхалъ. Чтеніе продолжалось около двухъ часовъ. Онъ кончилъ.

— «Ну, теперь, — говоритъ, — скажите ваше мнѣніе прямо, откровенно. Я, — говоритъ, — не боюсь истины и люблю, чтобы ее мнѣ прямо высказывали въ глаза.

— «Превосходно!—я говорю!—превосходно! объ этомъ и толковать нечего. Это брильянтъ русской поэзіи; но... позвольте мнѣ замѣтить вамъ, со всею откровенностію, на которую вы меня вызвали, что, несмотря на всѣ красоты и достоинства вашей поэмы, въ ней недостаетъ одного — и сказалъ именно чего?

«Александръ Сергѣичъ значительно посмотрѣлъ на меня, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— «Не договаривайте... Ну, теперь я убѣдился самъ, что слухи о васъ не ложны, что вы человѣкъ замѣчательный... Именно этого-то и недостаетъ моей поэмѣ, я и прежде думалъ объ этомъ, вы только подтверждаете мои мысли...

«Мы разстались друзьями. Пушкинъ по моему совѣту прибавилъ то, чего недоставало поэмѣ, и поэма въ художественномъ отношеніи вышла совершенна».

Александръ Иванычъ замолчалъ и обвелъ глазами своихъ слушателей; но этотъ разсказъ не произвелъ на нихъ желаемаго эффекта.

Послѣ этого послѣдовало даже нѣсколько минутъ неловкаго молчанія.

— У меня есть и свой, домашній поэтъ, — началъ опять Александръ Иванычъ, — мой сынъ, и хоть сына хвалить совѣстно, но я долженъ признаться, что онъ пишетъ стихи звучные, прекрасные и со временемъ — кто знаетъ? — можетъ выйти замѣчательнымъ поэтомъ. Прекрасно сказалъ Виргилій, если я не ошибаюсь:

Uno avulso non deficit alter!

Если вы позволите, я вамъ его представлю, ваше сіятельство. Вы, какъ меценатъ, одобрите молодой, развивающійся талантъ.

Александръ Иванычъ прогостилъ трое сутокъ въ Покровскомъ, но уже на третьи сутки началъ замѣтно повторяться. Такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ два раза исторію о маркизѣ Пуччи и о Петрушкѣ. Такія повторенія были скучноваты и могли очень повредить ему во мнѣніи графа, но, къ счастію Александра Иваныча, его спасли обширныя свѣдѣнія по части англійскаго коннозаводства; разговоръ же объ этомъ предметѣ никогда не могъ надоѣсть графу.

Графъ показывалъ ему своихъ верховыхъ лошадей, и Александръ Иванычъ разсматривалъ ихъ въ подробности, какъ знатокъ, съ глубокомысленной физіономіей, и говорилъ съ энтузіазмомъ:

— Это — конь! чистая кровь, высокая порода. Смотрите, все, какъ слѣдуетъ: ростъ, голова, глаза, уши, вытянутая

шея, крѣпкія связки... Конь—дорогой цѣны! Плечи плоскія, наклонныя... Обратите, напримѣръ, вниманіе на верхнюю часть ноги; она почти перпендикулярна, почти составляетъ уголъ съ нижнею частію... Бедра прелесть! длинныя, мускулистыя! А бабки-то, бабки-то! экая стройность! это Антиной между конями!.. Кожа-то, кожа-то.. какая тонкость! Въ этомъ конѣ духъ благороднаго племени! Что тутъ и говорить!

Такія рѣчи очень пріятно дѣйствовали на графа и заставляли его смотрѣть сквозь пальцы на скучныя и слабыя стороны Александра Иваныча, и когда онъ собрался, какъ говорилъ, во-свояси, графъ любезно сказалъ ему:

— Полноте, куда! зачѣмъ вамъ ѣхать? Останьтесь до слѣдующей недѣли...

— Не могу, ваше сіятельство. Я всегда вашъ гость, всегда къ вашимъ услугамъ; но у меня есть кое-какія дѣлишки; съѣзжу, обдѣлаю ихъ и опять къ вамъ.

— Но ужъ къ воскресенью вы должны быть непремѣнно здѣсь, — возразилъ графъ, — ахъ, кстати...

И графъ взялъ подъ руку Александра Иваныча и началъ прохаживаться съ нимъ по комнатамъ.

— Я желалъ бы пригласить къ себѣ здѣшнихъ помѣщиковъ... я вѣдь ни съ кѣмъ почти не знакомъ... Вы знаете... въ воскресенье я хочу дать праздникъ для крестьянъ... ко мнѣ хотѣли быть губернаторъ и предводитель... такъ это бы кстати... Надобно разослать приглашенія; я увѣренъ, что вы будете такъ добры, что пособите мнѣ въ этомъ: укажите, кому именно послать приглашенія.

Александръ Иванычъ просіялъ отъ такой довѣренности.

— Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ! — отвѣчалъ онъ и значительно приложилъ палецъ ко лбу. — Объ этомъ надо подумать... Мы пригласимъ, разумѣется, только сливки здѣшняго общества, уѣздныя *sommités*... Вѣдь нельзя же вамъ назвать къ себѣ всю нашу уѣздную мелкоту... Да! Я вамъ могу быть въ этомъ полезенъ... Мы составимъ списочекъ, и по этому списочку вы и велите разослать приглашенія.

— Прекрасно, — сказалъ графъ.

— Мнѣ вѣдь не только нашъ уѣздъ, — продолжалъ Александръ Иванычъ, — вся губернія наперечетъ извѣстна, отъ мала до велика. Я это вамъ сейчасъ устрою. Мы возьмемъ для приглашенія норму—двѣсти душъ.

Графъ засмѣялся.

— Это, — сказалъ онъ, — кажется, будетъ неловко. Я желалъ бы пригласить всѣхъ, весь уѣздъ, если бы только это было можно, но...

— И, графъ! представьте ужъ это мнѣ... вы этого не знаете; не безпокойтесь. Мы устроимъ все, какъ слѣдуетъ, пригласимъ по преимуществу лицъ, стоящихъ на первомъ планѣ—коноводовъ, такъ сказать, общественнаго мнѣнія; а объ остальныхъ заботиться нечего. Остальнымъ было бы и непривычно и неловко въ этихъ великолѣпныхъ палатахъ, среди этихъ бронзъ и мраморовъ, въ этихъ стѣнахъ, украшенныхъ Тиціаномъ и Корреджіо...

И Александръ Иванычъ съ важностію обмакнулъ перо въ чернильницу и принялся составлять пригласительный списокъ такъ серьезно и такъ глубокомысленно, какъ будто занялся какимъ - нибудь важнымъ государственнымъ дѣломъ. Составивъ списокъ, онъ торжественно вручилъ его графу и, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— Позвольте обнять и поцѣловать васъ, графъ, и поблагодарить за истинно - вельможеское, патріархальное гостепріимство. Мы другъ друга, кажется, поняли. Я съ перваго взгляда увидѣлъ, что вы настоящій человѣкъ, что у васъ въ груди — прометеева искра.

Александръ Иванычъ торжественно зажмурилъ свои глазки.

— Это нашъ! — подумалъ я, и полюбилъ васъ отъ души.

Затѣмъ Александръ Иванычъ заключилъ графа въ объятія и, держа его за руку, продолжалъ:

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ привести къ вамъ и представить моего сына. Малый онъ, вы увидите, хорошій и умный.

— Непремѣнно, — сказалъ графъ, — я буду ждать васъ вмѣстѣ съ нимъ.

— *Dixi!* — произнесъ Александръ Иванычъ.

Изъ Покровскаго онъ по дорогѣ заѣхалъ въ Березовку, правда, не совсѣмъ по дорогѣ, потому что надобно было сдѣлать небольшой крюкъ; но какъ было отказать себѣ въ удовольствіи сообщить добрымъ знакомымъ о пребываніи у графа.

Вѣра Ивановна стояла на крыльцѣ въ ту минуту, когда тарантасъ Александра Иваныча въѣхалъ на дворъ.

— Батюшка, Александръ Иванычъ, здравствуйте! — закричала обрадованная старушка, — здорова ли Алена Ѳедоровна, Павелъ Александрычъ?

— Я прямехонько отъ графа, — сказалъ Александръ Иванычъ, вылѣзая изъ тарантаса, — все это время я гостилъ у него, и не знаю, что дѣлается дома. Ну, здравствуйте! какъ вы поживаете? Всѣ ли у васъ здоровы? Что Катя?

Александръ Иванычъ въ ея отсутствіе всегда называлъ ее Катей.

— Слава Богу, батюшка, слава Богу; да пойдемте въ комнату. Не прикажете ли чайку, али кофейку, али закусить чего-нибудь?

— Ничего, ничего не надо, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ, — я завтракалъ въ Покровскомъ и сытъ по горло. Тамъ завтраки, и обѣды, и ужины,—все это, знаете, широко, великолѣпно, въ гомерическихъ размѣрахъ, все на серебрѣ, несмотря на то, что мы были только въ дружескомъ кругу, вчетверомъ... Я былъ по сосѣдству, такъ не могъ, хоть на минутку, не заѣхать къ вамъ и спѣшу домой.

— Спасибо вамъ, отецъ мой, спасибо.

Катя и Надежда Кондратьевна сидѣли въ гостиной. Александръ Иванычъ подошелъ къ рукѣ Катерины Павловны, пожалъ руку Надеждѣ Кондратьевнѣ и разсѣлся въ креслахъ, закуривъ сигару.

— Ну, что графъ-то? какъ тамъ въ Покровскомъ-то? — сказала старушка, — разскажите намъ; ужъ, я думаю, вы повеселились тамъ!

— Еще бы! Я съѣзжу домой на день или много на два, а потомъ опять туда.

— Опять! — повторила старушка, качая головой.

— Вѣдь въ воскресенье тамъ, я чай, вы слышали, будетъ просто бальтазарово пиршество... И предводитель будетъ и губернаторъ, полковая музыка, графъ ангажировалъ музыкантовъ на цѣлую недѣлю; фейерверкъ, бенгальскіе огни, угощеніе крестьянъ...

— Скажите, скажите на милость! — восклицала удивленная старушка. — Слышишь, Катенька?

— А что, балъ будетъ, Александръ Иванычъ? — спросила Надежда Кондратьевна, смотрясь въ зеркало и поправляя свои пукольки.

— Ну, я думаю, и балъ будетъ, — произнесъ Александръ Иванычъ.

— Когда же? тоже въ воскресенье? — воскликнула Надежда Кондратьевна съ безпокойствомъ.

Въ эту минуту и Катя посмотрѣла на Александра Иваныча, какъ бы ожидая его отвѣта.

— Какъ же можно въ воскресенье! Вы захотѣли ужъ такъ всего вдругъ, нельзя же этого; ну, балъ будетъ вѣроятно послѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ. Нельзя же вдругъ, — прошептала старушка.

— Я вамъ скажу, Вѣра Ивановна, — продолжалъ Александръ Иванычъ, вставъ съ креселъ и прохаживаясь по комнатѣ, — что такихъ молодыхъ людей, какъ графъ, немного. Это — человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова; да, это — человѣкъ! — повторялъ онъ, зажмуривая глазки и приподнимая голову: — и вмѣстѣ баринъ! Мы съ нимъ сошлись. Съ перваго раза я ему сказалъ: «Послушай,—я говорю,—Сергѣй, я тебѣ льстить не буду, ты этого отъ меня не ожидай: это не въ моемъ характерѣ; но я не могу отъ тебя скрыть, что ты—драгоцѣнная жемчужина между нынѣшнею молодежью; ну, да и оправа-то у тебя, братецъ, недурна,—прибавилъ я съ улыбкою. Вспомните меня вы всѣ, которые слушаете: онъ пойдетъ далеко, очень далеко. У него замѣчательная складка ума, быстрота взгляда, соображеніе... ну и при этомъ настоящій, вельможескій декорумъ.

И Александръ Иванычъ размахивалъ рукой, въ которой держалъ до половины докуренную сигару.

— И притомъ, красавецъ... Что за глаза, какое выраженіе лица! Ну, Катерина Павловна, бѣда, если вы его увидите: заранѣе предупреждаю васъ, влюбитесь, непремѣнно влюбитесь.

— И, батюшка! — возразила старушка, — что это вы говорите! Ужъ куда намъ думать о графахъ, сохрани Господи! Да графы-то на насъ и смотрѣть не захотятъ!

— Отчего же? а я не только думаю—я увѣренъ, что графъ очень и очень обратилъ бы вниманіе на Катерину Павловну: да и какой же, впрочемъ, человѣкъ со вкусомъ, кто бы онъ ни былъ, не обратитъ на нее вниманія?

Катя вспыхнула.

— Дѣло не въ томъ... что объ этомъ говорить! а вотъ вы доставьте-ка Катеринѣ Павловнѣ развлеченіе и удовольствіе: повезите-ка ее въ воскресенье въ Покровское, посмотрите на этотъ праздникъ, на фейерверкъ, послушайте музыку, а ужъ я васъ тамъ увижу, укажу вамъ мѣсто, откуда лучше смотрѣть, и жена моя чай захочетъ взглянуть на все это: такъ вы кстати поѣдете вмѣстѣ; она, вѣрно, въ воскресенье и переночуетъ у васъ.

— Что жъ, прекрасно! я очень рада; попросите же непремѣнно къ намъ Алену Ѳедоровну; мы будемъ ждать ее. Какъ не посмотрѣть! Вѣдь такого праздника, я думаю, въ другой разъ въ жизни и не удастся видѣть.

— А что, скажите, Александръ Иванычъ, — спросила Надежда Кондратьевна, — у графа темные волосы, онъ нѣсколько худощавъ и блѣденъ? Не правда ли?

— Ну да, да; а вы развѣ гдѣ его видѣли?

— Нѣтъ, я такъ только полагаю.

«О, это былъ онъ! онъ!» подумала Надежда Кондратьевна и вздохнула.

— Я не могу вамъ разсказать, — началъ опять Александръ Иванычъ, — сколько у графа внимательности, сколько предупредительности не только ко мнѣ, даже къ моему семейству. «Я, — говоритъ онъ мнѣ, — непремѣнно хочу познако-

миться съ вашимъ сыномъ; я такъ много, — говоритъ, — наслышанъ о его талантахъ: привезите его пожалуйста ко мнѣ». Сталъ упрашивать меня. Дѣлать нечего! надобно будетъ привезти къ нему Василья.. Пусть познакомится.

— Такъ и Базиль будетъ у графа? — воскликнула Надежда Кондратьевна не безъ сердечнаго біенія.

— Всенепремѣнно. Мы пріѣдемъ съ нимъ въ Покровское въ пятницу или въ субботу, потому что графъ меня просилъ тоже кое-чѣмъ заранѣе распорядиться. Безъ моего совѣта онъ—вѣрите ли вы?—дѣлать ничего не хочетъ. Вѣдь и приглашенія-то, сказать между нами (и Александръ Иванычъ пріятно улыбнулся), разосланы по моему списку.

Высказавъ такимъ образомъ все, что ему было нужно, онъ уѣхалъ.

ГЛАВА VII.

Слухъ о праздникѣ въ Покровскомъ разнесся по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ; не было избы на пятьдесятъ верстъ въ окружности, въ которой бы не толковали объ этомъ праздникѣ; крестьяне и крестьянки ближайшихъ деревень, принадлежавшихъ постороннимъ владѣльцамъ, собирались также итти на этотъ праздникъ, въ надеждѣ, что и имъ что-нибудь перепадетъ отъ щедротъ графа. Наканунѣ праздника длинныя вереницы подводъ тянулись по дорогѣ къ Покровскому съ виномъ, съ пивомъ, съ пряниками, съ орѣхами Въ самомъ Покровскомъ также было замѣтно необыкновенное движеніе: повара и поваренки бѣгали озабоченно около большого дома въ своихъ бѣлыхъ курткахъ и фуражкахъ; дворовыя бабы и дѣвки мыли посуду, которую вынимали изъ кладовыхъ и которая болѣе тридцати лѣтъ не была въ употребленіи; въ одномъ мѣстѣ разбирали шкалики и цвѣтные фонари; въ другомъ чистили серебро; мужики переносили изъ оранжерей къ дому кадки съ деревьями и горшки съ цвѣтами; въ столярной строгали доски для крестьянскихъ столовъ. Управляющій, съ котораго лился потъ ручьемъ, перебѣгалъ

изъ одного мѣста въ другое, распоряжался, кричалъ, дѣлалъ наставленія, отдавалъ приказанія и самъ безпрестанно бѣгалъ за приказаніями къ графу.

Графъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ на кушеткѣ съ книгою въ рукахъ и, при видѣ запыхавшагося и утомленнаго управляющаго, который явился къ нему въ десятый разъ за какимъ-то вопросомъ, онъ, потягиваясь на кушеткѣ и зѣвая, сказалъ:

— Вы ужъ слишкомъ мучите себя, добрый Василій Иванычъ; подите-ка лучше отдохните! я увѣренъ, что все поспѣетъ во-время, все будетъ хорошо.

— Нельзя, ваше сіятельство, — отвѣчалъ усердный управляющій, вытирая пестрымъ фуляромъ потъ, выступившій крупными каплями на его челѣ, голомъ какъ черепъ, — нельзя: безъ моего глаза будетъ худо, повѣрьте мнѣ, ваше сіятельство. Вѣдь ни на кого изъ нихъ положиться нельзя, безъ указанія ничего сдѣлать не умѣютъ. Вотъ и сейчасъ успѣли надѣлать убытку вашему сіятельству.

— Какого же убытку? — спросилъ, улыбаясь, графъ.

— Да вонъ, дрянныя эти бабенки, прости Господи, моютъ посуду, и одна изъ нихъ успѣла ужъ разбить двѣ фарфоровыя тарелки, а вѣдь покойникъ батюшка-то вашъ платилъ, ваше сіятельство — это ужъ мнѣ очень хорошо извѣстно — за эти тарелки въ то время по сто рублей за дюжину.

Графъ засмѣялся.

— Ну ничего, успокойтесь, любезный Василій Иванычъ, это еще не такъ разорительно. Что жъ дѣлать?

— Какъ что дѣлать? да проучить ее, ваше сіятельство, вотъ что, — чтобы она осторожнѣе впередъ обращалась съ барскимъ добромъ. Зачѣмъ же терять и бездѣлицу.

Лакей въ красныхъ штанахъ перебилъ благоразумныя рѣчи управляющаго, объявивъ о пріѣздѣ г. Вязникова съ сыномъ.

— Просить, — сказалъ графъ.

— Вотъ я и опять прибылъ въ вертоградъ вашъ, — сказалъ входящій Александръ Иванычъ, — насладиться настоящихъ благихъ: вина дражайшаго и мvра благовоннаго. Здрав-

ствуйте, ваше сіятельство, и позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ моего Василья.

Александръ Иванычъ взялъ за руку угреватаго молодого человѣка и подвелъ его къ графу.

— Очень радъ, — произнесъ графъ. — Милости прошу садиться, господа.

Александръ Иванычъ подошелъ къ управляющему, протянулъ къ нему руку и сказалъ, обращаясь къ графу:

— Это, графъ, мой старый знакомый и пріятель.

Управляющій пріятно улыбнулся и поклонился.

— Я его истинно уважаю за распорядительный, хозяйственный умъ, здравый смыслъ и вѣрный политико-экономическій взглядъ, и всѣмъ здѣшнимъ помѣщикамъ говорю: «всѣ, — я говорю, — мы должны учиться у Василья Иваныча сельскому хозяйству. Это, господа, нашъ Адамъ Смитъ!»

Управляющій еще разъ поклонился.

— У нашего Адама Смита столько теперь хлопотъ, — замѣтилъ графъ, — что онъ совсѣмъ замучился, и я вотъ никакъ не могу уговорить его хоть немножко отдохнуть.

— Онъ таковъ: это неутомимый человѣкъ! Я его знаю. Да что, Василій Иванычъ, постойте-ка, дайте я вамъ пособлю въ чемъ-нибудь. Мнѣ тоже вѣдь скучно такъ безъ дѣятельности. Пойдемте-ка хлопотать вмѣстѣ, а графъ не взыщетъ за то, что я его оставлю.

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться! какъ можно, помилуйте! — сказалъ управляющій.

— Полно, полно, Василій Иванычъ! идемъ.

— Что съ вами дѣлать? Пожалуй пойдемте, если угодно.

Графъ остался наединѣ съ угреватымъ молодымъ человѣкомъ.

Нельзя не замѣтить, что угреватый молодой человѣкъ не очень охотно согласился ѣхать съ отцомъ своимъ въ Покровское. Онъ питалъ къ свѣту, свѣтскости и къ свѣтскимъ людямъ непреодолимую ненависть.

Несмотря на такого рода убѣжденія, сердце у него совсѣмъ почти замерло, когда онъ подъѣхалъ съ отцомъ своимъ къ подъѣзду графскаго дома. И когда они вошли въ комнаты,

вся эта великолѣпная обстановка, вся эта роскошная внѣшность подѣйствовали на него такъ сильно, несмотря на его презрѣніе къ внѣшности, что онъ совсѣмъ оробѣлъ.

— Вы постоянно живете въ деревнѣ?—спросилъ его графъ.

— Постоянно, ваше сіятельство, — пробормоталъ онъ скороговоркою, и когда онъ произнесъ это: *ваше сіятельство*, его вдругъ кольнулъ внутренній упрекъ, что онъ сробѣлъ передъ блестящимъ ничтожествомъ, что онъ унизилъ свое я, свое человѣческое достоинство, и онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы преодолѣть свою робость.

— Вѣдь вамъ, я думаю, скучно въ деревнѣ? — продолжалъ графъ.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ... Я читаю, наблюдаю, изучаю... для человѣка мыслящаго всегда много и въ деревнѣ такого, потому что...

— Однако, вы вѣрно не всегда же останетесь въ деревнѣ?

«Чего онъ отъ меня хочетъ? — подумалъ молодой человѣкъ. — Что онъ присталъ ко мнѣ съ деревнею?» хотя графъ рѣшительно ничего не хотѣлъ отъ него и предлагалъ вопросы, вовсе не заботясь объ отвѣтахъ, потому что нужно же было говорить о чемъ-нибудь.

— Я-съ живу здѣсь, покуда живется-съ, — отвѣчалъ онъ, я еще ничего не загадываю впередъ.

Чувство собственнаго достоинства начинало постепенно брать въ молодомъ человѣкѣ перевѣсъ надъ робостью.

— Впрочемъ-съ, во всякомъ случаѣ, я предпочитаю уединенную жизнь разсѣянной столичной жизни; я много занимаюсь, читаю, слѣдовательно, мнѣ не скучно. Для меня чтеніе выше... оно мнѣ доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ какія-нибудь развлеченія.

— Это странно, — замѣтилъ графъ, — вы такъ молоды и ужъ не хотите никакихъ развлеченій. Если бы вы были въ Петербургѣ, можетъ быть, вы и развлеклись бы чѣмъ-нибудь...

— Нѣтъ-съ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторою досадою, — у меня не такая натура.

— А я слышалъ, что вы имѣете прекрасный талантъ,

что вы пишете очень хорошіе стихи; мнѣ говорилъ объ этомъ вашъ батюшка.

— Да, я иногда пишу стихи, такъ, для себя, — сказалъ довольный поэтъ и въ то же время подумалъ: «охота же отцу было говорить объ этомъ людямъ, не понимающимъ значенія и величія искусства...»

Въ ту минуту, какъ онъ думалъ объ этомъ, вошли въ комнату господинъ съ неуловимыми глазками и Вихляевъ. Графъ представилъ имъ поэта. Вихляевъ гордо поклонился ему, потомъ вставилъ въ глазъ стеклышко и посмотрѣлъ на него.

«Жалкій фатъ! образецъ свѣтскости! ты думаешь меня озадачить, удивить своимъ стеклышкомъ и своимъ важнымъ видомъ. Какъ ты ошибаешься!» — подумалъ поэтъ, исподлобья поглядывая на Вихляева.

Господинъ съ неуловимыми глазками едва обратилъ вниманіе на поэта. Онъ подошелъ къ графу и началъ съ нимъ разговаривать о чемъ-то вполголоса...

Александръ Иванычъ провелъ почти весь день въ величайшихъ хлопотахъ, хотя собственно эти хлопоты были совершенно безполезны. Но ему очень было лестно играть въ домѣ графа роль близкаго, домашняго человѣка и распорядителя; поэтому онъ считалъ обязанностію вмѣшиваться во все болѣе или менѣе, и это непрошенное вмѣшательство только затрудняло управляющаго. Александръ Иванычъ обратилъ вниманіе даже на фейерверкъ и на цвѣтные фонари.

— А! вотъ ракеты со звѣздочками, — говорилъ онъ управляющему, — ну мы ихъ отложимъ въ одну сторону, а простыя ракеты особо...—и съ этимъ словомъ онъ взялъ ракету въ руку и началъ разсматривать ее съ тѣмъ же глубокомысліемъ, съ какимъ разсматривалъ все, что ни попадалось ему на глаза, — эта ракета должна быть съ разноцвѣтными звѣздочками, это удивительныя ракеты. Я вѣдь понимаю кое-что и въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Я имѣю всегда свободный доступъ въ лабораторію, когда бываю въ Петербургѣ, и самъ нѣсколько разъ присутствовалъ при дѣланіи фейерверковъ.

— Да это, сударь, простая ракета, — сказалъ одинъ изъ людей, стоявшихъ тутъ.

— Какъ простая? Быть не можетъ.

— Точно-съ, вотъ видите ли-съ ракеты со звѣздочками, ихъ сейчасъ отличить можно.

— Да, точно, я и хотѣлъ сказать объ этихъ ракетахъ... Ну, да, *эта* простая ракета... А какъ вы расположите, Василій Иванычъ, цвѣтные-то фонари? Ихъ бы, знаете, развѣсить около террасы, въ видѣ гирляндъ, это произвело бы большой эффектъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, давалъ праздникъ на своей дачѣ, на Каменномъ острову, князь Галицкій. Мы съ нимъ люди близкіе; онъ зналъ, что я человѣкъ не безъ вкуса, и просилъ меня заняться иллюминаціей. Я составилъ рисунокъ для этой иллюминаціи, и иллюминація, я вамъ скажу, удалась, — о ней нѣсколько дней говорилъ весь Петербургъ.

Александръ Иванычъ не оставилъ въ покоѣ и садовниковъ. И передъ главнымъ садовникомъ онъ успѣлъ блеснуть мимоходомъ своими ботаническими свѣдѣніями.

Когда садовникъ дѣлалъ какія-то распоряженія о переноскѣ деревьевъ, онъ потрепалъ его по плечу, вмѣшался съ своими совѣтами, замѣтилъ, какъ и куда бы слѣдовало поставить различные цвѣты и деревья; не упустилъ случая похвастать своими пестрыми георгинами и прибавилъ, что онъ развелъ у себя въ послѣднее время въ большомъ количествѣ *Convallaria multiflora*, т.-е. многоцвѣтный ландышъ.

Въ такого рода препровожденіяхъ время летѣло для Александра Иваныча стрѣлою, тогда какъ оно ползло черепахою для его угреватаго сына. Поэту было невыносимо скучно въ обществѣ ему совершенно чуждомъ, гдѣ онъ не могъ говорить ни объ искусствѣ, ни о художественныхъ произведеніяхъ, ни о русскихъ журналахъ, гдѣ не передъ кѣмъ было изливать ему свои поэтическія признанія и декламировать свои стихи. И когда, послѣ обѣда, родитель его принялся разсказывать одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, которые онъ такъ прекрасно разсказывалъ, сынъ, воспользовавшись этимъ, вышелъ потихоньку изъ столовой и пошелъ гулять. Онъ

предпочелъ безмолвное созерцаніе природы наслажденію выслушивать въ девяносто шестой разъ родительскій анекдотъ. Онъ долго блуждалъ по парку и по саду въ самомъ поэтическомъ настроеніи духа, противопоставляя этимъ суетнымъ богатствамъ, этой тщетѣ наслажденій, доставляемыхъ роскошью, всѣмъ этимъ благамъ скоропреходящимъ и ничего не оставляющимъ послѣ себя кромѣ пустоты, — славу, безсмертную славу, пріобрѣтаемую великими мыслителями, поэтами, художниками... «Впрочемъ, — подумалъ онъ — и на устахъ его зашевелились стихи Пушкина:

. . . . Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ!

«Утопайте и погрязайте въ пирахъ и удовольствіяхъ. Природа, лишивъ васъ самыхъ драгоцѣнныхъ даровъ своихъ, дала вамъ богатство, а насъ, лишивъ богатства, надѣлила зато этими богатствами...

. . . .
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

И, нѣсколько успокоясь этой мыслью, потому что роскошь и блескъ, окружавшіе графа, какъ-то непріятно смущали и безпокоили его, онъ перешелъ къ предмету любви своей. Образъ Надежды Кондратьевны яснѣе и яснѣе начиналъ выступать въ его воображеніи.

«Она меня любитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — разсуждалъ онъ съ самимъ собою — и эта любовь выражается невольно въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ, когда она бываетъ наединѣ со мною. Какая замѣчательная, какая избранная натура у этой дѣвушки! Въ ней есть именно та младенческая чистота, которая такъ увле-

кательна въ Десдемонѣ Шекспира или въ Эми Робзаръ Вальтеръ-Скотта!.. Я долженъ непремѣнно объясниться съ нею, чаша переполнена...» При этой мысли кровь бросилась въ голову молодого человѣка, такъ что угри его приняли совершенно пурпуровый колоритъ. Онъ бросился въ волненіи на первую попавшуюся ему скамейку, стоявшую на холмѣ, съ котораго представлялся прекрасный видъ на поля и откуда видна была часть деревни.

«Къ тому же,—продолжалъ онъ разсуждать, снявъ фуражку и вытирая платкомъ потъ, катившійся по лицу его,—къ тому же... высказаться мнѣ будетъ легко, потому что каждый изъ насъ ожидаетъ только другъ отъ друга признаній...»

И, разсуждая такимъ образомъ, угреватый молодой человѣкъ незамѣтно возвысился до паѳоса; мысли его, постепенно оставляя прозаическую оболочку и улетучиваясь, стали укладываться въ музыкальныя стопы и зазвучали риѳмою:

Ты въ рощѣ липовой, прекрасная, стояла;
Я на тебя смотрѣлъ въ нѣмой тоскѣ,
Какъ, вспыхнувъ вдругъ, ты взоръ свой потупляла
И зонтикомъ чертила на пескѣ.

Что въ этотъ мигъ съ тобою совершалось,
Куда, скажи, неслась мечта твоя?
Что предъ твоей фантазіей являлось,
О, Десдемона чудная моя?

Какъ я хотѣлъ заповѣдную тайну
Твоей души, безумецъ, разгадать...

Вдругъ онъ непріятно споткнулся на риѳмѣ и началъ съ безпокойствомъ шептать: тайну, тайну... Какая же риѳма на тайну?.. Украйну! да это совсѣмъ нейдетъ... Тайну... тайну... повторялъ онъ все громче и громче.

— Вы одни, а мнѣ послышалось, что вы съ кѣмъ-то говорили,—раздался голосъ почти надъ самыхъ ухомъ испуганнаго поэта.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Вихляевъ съ болтающимся стеклышкомъ.

Поэтъ совершенно смѣшался, пойманный въ самую минуту поэтическаго увлеченія.

— Нѣтъ-съ, тутъ никого не было... я не знаю... впрочемъ....

Онъ самъ не зналъ, что заговорилъ въ досадѣ и замѣшательствѣ.

— А вы, вѣрно, любуетесь этимъ видомъ? — сказалъ Вихляевъ, вовсе не замѣчая смущенія молодого человѣка.

— Да-съ, я любуюсь видомъ.

— Прекрасный видъ! точно какъ будто декорація...—продолжалъ Вихляевъ, садясь возлѣ поэта и вставляя въ глазъ свое стеклышко, — это мнѣ даже напоминаетъ одну декорацію въ *Дѣвѣ Дуная*... Вы никогда не были въ Петербургѣ?

— Никогда.

— Пріѣзжайте-ка. Мы васъ запишемъ, батюшка, въ театралы. Вы посмотрите, что это за жизнь! Чудо! Всякій день въ театрѣ... балетъ — это просто очарованіе!.. сидишь разумѣется въ первомъ ряду, ужъ всегда на одномъ нумерѣ, у меня кресло абонированное... Наводишь на сцену бинокль и ужъ прямо куда слѣдуетъ... какъ разъ на четвертую съ края; она вамъ улыбается, дѣлаетъ знаки, а между тѣмъ такъ и порхаетъ по сценѣ... Ножка — прелесть... Въ антрактѣ хоть занавѣсъ и опущенъ, да это ничего, въ занавѣскѣ маленькая дырочка, и оттуда сверкаетъ глазокъ... ужъ вы знаете, чей это глазокъ. Послѣ спектакля на подъѣздъ... а тамъ ужъ, глядишь, всѣ наши: Петруша, Гриша, Ваня, всѣ, всѣ... потомъ мы провожаемъ линіи, а послѣ къ Дюссо. Домой вернешься часу въ седьмомъ утра и не видишь, какъ время летитъ. Я, признаюсь, прежде дѣлалъ ужасныя глупости, ужасъ какъ сорилъ деньгами. Я былъ влюбленъ какъ сумасшедшій въ Машеньку Пряхину — дѣвочка прелесть, нельзя не влюбиться, вотъ спросите у графа. Я ей предлагалъ двѣсти тысячъ.

«Двѣсти тысячъ, — подумалъ поэтъ, — какой кушъ!»

— Однакожъ, воля ваша, такая жизнь,—возразилъ онъ,— должна быть и разорительна и утомительна... Конечно, вы какъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему свѣту (при этихъ словахъ на лицѣ Вихляева мелькнула пріятнѣйшая улыбка) — вы привыкли къ такой жизни; но мнѣ кажется, что и васъ она не можетъ удовлетворять вполнѣ, потому что каждому образованному человѣку необходима умственная пища, чтеніе...

— Да, разумѣется, — перебилъ Вихляевъ, — разумѣется, я читаю, я очень люблю читать, я вотъ недавно прочелъ славный романъ — *Les Trois Mousquetaires*... Но для меня ужъ лучше ничего не можетъ быть, какъ *La Dame aux Camelias*... Это прелесть что такое! Такъ натурально... Въ Петербургѣ есть одна *Joséphine*. Она живетъ необыкновенно роскошно и со вкусомъ, издерживаетъ бездну денегъ: спальня у нея вся кружевами убрана; къ ней ѣздитъ вся наша молодежь. Нѣкоторое время я особенно пользовался ея расположеніемъ... Когда я прочелъ *Dame aux Camelias*, я просто былъ пораженъ: ну, повѣрите ли, точно это какъ будто все списано съ *Joséphine*... Вы читали этотъ романъ?

Угреватое лицо молодого человѣка подернулось ироніей, и онъ отвѣчалъ оскорбленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ-съ, я не читаю такихъ романовъ.

— Напрасно! прочтите, вы увидите, что ужъ лучше этого ничего быть не можетъ. — А вѣдь согласитесь, — продолжалъ Вихляевъ послѣ минуты молчанія: — въ деревнѣ *à la longue* скучно... Ну что, напримѣръ, утромъ дѣлать, какъ убить время? Въ Петербургѣ все опредѣлено: утромъ проснешься часу въ первомъ — покуда одѣнешься, кофею напьешься, пройдетъ часа два; тамъ поѣдешь съ визитами или въ *salle d'armes* подраться на рапирахъ или стрѣлять въ цѣль изъ пистолета... я считаюсь лучшимъ стрѣлкомъ въ Петербургѣ... потомъ сядешь въ карету — и на Невскій; а у меня славная карета и настоящая англійская закладка, нарочно выписанная изъ Лондона. Я ужасно люблю англійскую закладку... На Невскомъ прошляешься до пяти часовъ, ѣдешь на какой-нибудь званый обѣдъ или къ Дюссо,

послѣ обѣда въ театръ... А здѣсь вѣдь ничего не выдумаешь, — вотъ развѣ осенью охота. Вы охотитесь?

— Да, я люблю охоту, — сказалъ поэтъ, — потому что въ бродячей жизни охотника есть что-то заманчивое, увлекательное.

— Вотъ прекрасно! Мы будемъ охотиться вмѣстѣ...

— Очень радъ.

— Но охота за дичью все не то... Нѣтъ! Вотъ я люблю медвѣжью охоту... Это охота! Прошлую зиму я ѣздилъ съ лордомъ Пенсбюри и убилъ огромнѣйшую медвѣдицу. Ужасающей величины! Всѣ съѣзжались ее смотрѣть ко мнѣ. Это надѣлало шуму... А какой чудесный охотничій костюмъ я привезъ съ собой... Я выписалъ его изъ Англіи! Я вамъ покажу его...

«Онъ пустъ, какъ всѣ свѣтскіе люди. — подумалъ поэтъ, — но сердце у него, кажется, доброе, еще не совсѣмъ испорченное».

— А скажите, пожалуйста, — продолжалъ Вихляевъ, — что, здѣсь есть въ сосѣдствѣ хорошенькія женщины и дѣвушки, дочери или жены помѣщиковъ?

— Неужели жъ вы думаете, что только въ столицѣ есть такія женщины?.. Я васъ могу увѣрить, что здѣсь вы найдете превосходно и глубоко образованныхъ женщинъ и дѣвушекъ, съ которыми можете смѣло вести разговоръ даже о предметахъ серьезныхъ и отвлеченныхъ...

— А что, онѣ умѣютъ одѣваться? — перебилъ Вихляевъ, — это, знаете, по-моему, главное въ женщинѣ. Какая бы ни была красавица и какъ бы отлично ни была образована, если только у нея дурно шоссирована нога, это ужъ не то!

— Ну ужъ этого я не могу вамъ сказать. Я не считаю себя знатокомъ по части дамскаго туалета, — отвѣчалъ угреватый поэтъ, улыбнувшись.

— Хорошо шоссированная нога — это... да ужъ лучше этого быть ничего не можетъ! — воскликнулъ Вихляевъ — Вотъ если бы вы видѣли, какъ шоссирована нога у *Joséphine*... ну это просто очарованіе, съ ума сойти...

Какъ она грѣетъ свои ножки у камина... смотрѣть нельзя... Впрочемъ, я здѣсь въ паркѣ, въ тотъ день, какъ мы пріѣхали, видѣлъ барыню очень мило одѣтую... Она сидѣла подъ деревомъ и читала книжку. Кто бы это могла быть? вы не знаете? Я ужъ потомъ все ходилъ въ паркъ, думаю, не встрѣчу ли ее, да нѣтъ, — а это бы недурно завести пасторальную интрижку.

Вихляевъ вставилъ въ глазъ стеклышко и засмѣялся.

— Какого она роста? какіе у нея волосы? — спросилъ поэтъ, вдругъ измѣняясь въ лицѣ; — въ какомъ мѣстѣ парка вы ее встрѣтили?

— Ну ужъ, батюшка, я этого ничего не замѣтилъ, — отвѣчалъ Вихляевъ съ свѣтскою небрежностью, — это было на дорогѣ къ дому... Коляска моя промчалась мимо такъ быстро, что я не успѣлъ хорошенько разглядѣть ее. Пойдемте, однакожъ, чай пить: ужъ я думаю пора.

Поэтъ молча и задумчиво послѣдовалъ за Вихляевымъ. «Кто бы въ самомъ дѣлѣ могла быть эта?» съ безпокойствомъ думалъ онъ.

ГЛАВА VIII.

На другой день съ самаго ранняго утра въ саду и въ паркѣ около дома начали мелькать крестьянки въ своихъ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ. Онѣ показывались сначала отдѣльно или попарно, а потомъ группами, оглушая садъ своими визгливыми пѣснями. Нѣкоторыя изъ нихъ, проходя мимо барскаго балкона медленными, мѣрными шагами, не поднимая глазъ и смотря все прямо передъ собою, низко кланялись, равняясь съ балкономъ, нисколько не заботясь, сидитъ ли тамъ кто-нибудь или нѣтъ... Изрѣдка появлялись и парни изъ зажиточныхъ семействъ, въ красныхъ рубахахъ и синихъ кафтанахъ; деревенскіе ребятишки, также въ цвѣтныхъ или въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, стояли толпами въ паркѣ у каменныхъ воротъ, со львами наверху, которыя вели на обширный парадный дворъ, обра-

зовывавшій полукругъ. Лакеи въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и ливрейный лакей въ красныхъ штанахъ стояли у подъѣзда... Послѣдній возбуждалъ любопытство въ мальчишкахъ, они сначала робко выглядывали на него изъ-за воротъ, разинувъ рты, и потомъ украдкою все подвигались впередъ и впередъ. Одинъ, посмѣлѣе, который былъ во главѣ ихъ, рѣшился войти на дворъ, усыпанный кирпичнымъ пескомъ и выметенный съ необыкновеннымъ искусствомъ какими-то узорами... За нимъ послѣдовали другіе — и мало-помалу мальчишки не безъ боязни пробрались почти до самаго подъѣзда.

— Куда вы, сволочь? — закричалъ на нихъ лакей въ красныхъ штанахъ, — прочь! вотъ, погодите, я васъ!

Мальчишки мигомъ бросились назадъ въ безпорядкѣ, давя другъ друга, точно какъ будто въ нихъ пустили картечью...

Между тѣмъ гости уже начали мало-по-малу съѣзжаться въ Покровское.

На пригласительномъ листѣ Александра Иваныча выставлено было именъ до двадцати покрупнѣе, исключая, разумѣется, извѣстнаго читателямъ Захара Лаврентьича, котораго Александръ Иванычъ чуть ли не считалъ послѣднимъ человѣкомъ въ уѣздѣ; въ этомъ спискѣ блестѣло между прочими и имя отставного штабсъ-ротмистра Кобелякова, который такъ неудачно сватался за Катю. Г. Кобеляковъ пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ и, переодѣвшись въ назначенной для него комнатѣ, явился во всемъ блескѣ передъ хозяиномъ дома.

На немъ былъ синій узкій фракъ съ бронзовыми пуговицами, начинавшимися съ плечъ, бѣлый пикейный жилетъ и черные широкіе шаровары. Высокій атласный галстукъ съ пряжкой назади, туго накрахмаленная манишка съ пуговками изъ бирюзы, въ видѣ незабудокъ, массивная цѣпь отъ часовъ и огромный перстень съ изумрудомъ на указательномъ пальцѣ довершали его нарядъ. Волосы его, начинавшіе замѣтно рѣдѣть на темени, были сильно и неровно напомажены на вискахъ, и весь онъ былъ пропитанъ запахомъ пачули.

Покуда гости переодѣвались и прихорашивались, Александръ Иванычъ явился къ графу.

— Пожалуйста, Александръ Иванычъ, — сказалъ ему графъ, — ужъ вы меня не оставляйте теперь, знакомьте съ этими господами, а то и мнѣ и имъ будетъ неловко. Все лучше, если они увидятъ передъ собою хоть одно знакомое лицо.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся, а Вихляевъ захохоталъ.

— Не безпокойтесь, графъ, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ, — я не отойду отъ васъ ни на шагъ и буду постоянно возлѣ васъ, какъ наперсникъ возлѣ героя въ классической трагедіи.

Графъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Смотрите, я васъ замучаю, я, кажется, злоупотребляю гостепріимствомъ.

Въ эту минуту явился Кобеляковъ.

Графъ всталъ съ креселъ при его появленіи и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Александръ Иванычъ послѣдовалъ за нимъ.

Вихляевъ вставилъ въ глазъ стеклышко, осмотрѣлъ насмѣшливо съ ногъ до головы вошедшаго и потомъ, обратясь къ господину съ неуловимыми глазками, шепнулъ:

— Какова фигура? *C'est à mourir de rire.*

Господинъ съ неуловимыми глазками, не обращая никакого вниманія на это замѣчаніе, какъ будто оно вовсе не относилось къ нему, очень серьезно и внимательно, хотя съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, разсматривалъ Кобелякова, не обнаруживая ни удивленія, ни насмѣшки, и только слегка потрогивая свои усики.

Кобеляковъ началъ расшаркиваться передъ графомъ.

— Ваше сіятельство, — произнесъ онъ, — имѣю честь представить себя. Кобеляковъ, здѣшній помѣщикъ. Я не преминулъ воспользоваться лестнымъ и пріятнымъ для меня приглашеніемъ вашего сіятельства. Постараюсь заслужить...

На этомъ словѣ отставной штабсъ-ротмистръ споткнулся,

но графъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, взявъ за руку и сказавъ:

— Очень радъ, очень радъ.

— Это, графъ, — провозгласилъ Александръ Иванычъ, дотронувшись рукою до плеча графа и потомъ указывая на гостя, — рекомендую вамъ — величайшій любитель лошадей и знатокъ въ нихъ... только не въ англійскихъ. Это первый нашъ троечникъ. У него такія сборныя тройки, какихъ нѣтъ ни у кого, лошаденки дрянь на видъ, а вихорь.

Кобеляковъ засмѣялся басомъ, протягивая руку Александру Иванычу, и сказалъ, обращаясь къ графу:

— Я перегонялся, ваше сіятельство, съ Смагинымъ и оставилъ тройку за собою. Это было въ позапрошлое лѣто-съ.

— Вотъ какъ! — замѣтилъ графъ, знакомя его съ Вихляевымъ и съ господиномъ съ неуловимыми глазками.

Кобеляковъ протянулъ послѣднему свою руку, но тотъ чуть-чуть и не глядя на него привсталъ на своемъ стулѣ и слегка коснулся до нея двумя пальцами, какъ будто до чего-то не совсѣмъ пріятнаго.

— Садитесь, пожалуйста, — сказалъ ему графъ.

Кобеляковъ сѣлъ, и какъ будто собираясь съ мыслями, перебиралъ въ рукахъ свою шляпу.

— *Ву конте де ресте иси ту лете*, mon comte? — началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, обращаясь къ графу.

Вихляевъ фыркнулъ себѣ подъ носъ

Александръ Иванычъ вытянулъ физіономію.

Господинъ съ неуловимыми глазками только взглянулъ на графа, а графъ, удержавшись отъ улыбки, которая уже начинала слегка подергивать его лицо, — отвѣчалъ гостю по русски:

— Да, я думаю пробыть здѣсь все лѣто.

Но Кобеляковъ, несмотря на это, отвѣчалъ по-французски.

— *Се тре з'агреабль пуръ ну з'отръ*. — У вашего сіятельства, — продолжалъ онъ, — говорятъ, безподобныя англійскія лошади. Онѣ требуютъ, то-есть эти скаковыя лошади, большого ухода: вотъ чѣмъ онѣ не совсѣмъ удобны, впрочемъ-съ...

Затѣмъ послѣдовала минута молчанія.

— Вы долго изволили быть за границей?

— Довольно долго...

Кобеляковъ началъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ озираться кругомъ, какъ будто ища чего-то глазами. Онъ искалъ водки и закуски — и, къ величайшему своему сожалѣнію, не находилъ ея.

— Пріятная жизнь за границей, — продолжалъ Кобеляковъ, — не то, что у насъ. Тамъ, я думаю, всего можно отыскать, чего душѣ угодно...

— Кромѣ водки, — замѣтилъ Александръ Иванычъ, какъ будто отвѣчая на тайную мысль, тревожившую г. Кобелякова..

Разговоръ продолжался въ такомъ родѣ до появленія новыхъ гостей. Эти гости, впрочемъ, ничѣмъ не бросались рѣзко въ глаза. Александръ Иванычъ, сближая ихъ съ графомъ, умѣлъ каждому изъ нихъ сказать что-нибудь любезное и показать имъ въ то же время короткость своего обращенія съ графомъ.

Столы съ крестьянскимъ угощеніемъ, покрытые вмѣсто салфетокъ холстомъ, были расположены за большими воротами, на широкой просѣкѣ, противъ дома. На нихъ лежали груды пряниковъ, мѣшки съ орѣхами, хлѣбы и другія закуски. Бочки съ виномъ и пивомъ поставлены были на травѣ, возлѣ столовъ. Толпы крестьянъ и крестьянокъ наполняли давно уже просѣку и дворъ до самаго подъѣзда, въ ожиданіи графа.

Несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ народа, была необыкновенная тишина, изрѣдка нарушаемая только глухимъ голосомъ или визгомъ проснувшагося на рукахъ матери младенца, котораго она укачивала на рукахъ, приговаривая: — нишни, батюшка, нишни, голубчикъ... баринъ сейчасъ выйдетъ, и потомъ затягивала заунывное: ооо! ооо! ооо!

Графъ появился на площадкѣ подъѣзда, и тысячи головъ склонились при его появленіи. Рядомъ съ нимъ былъ съ одной стороны Александръ Иванычъ, съ другой, нѣсколько поодаль, управляющій.

Графъ низко поклонился всѣмъ и сказалъ, нѣсколько за-

пинаясь, потому что онъ первый разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ своими крестьянами:

— Я очень радъ васъ всѣхъ видѣть... я желаю васъ угостить... Скажите, не жалуетесь ли вы на что?—довольны ли вы всѣмъ?

— Довольны, отецъ нашъ, кормилецъ нашъ!—благодаримъ тебѣ,—запищали тысячи женскихъ голосовъ, кланяясь въ поясъ.

— Вонъ онъ,—ворчали нѣкоторыя старушонки, глядя искоса на управляющаго,—одной барщиной-то замучилъ насъ совсѣмъ, окаянный, чтобы ему ни дна, ни покрышки!

Графъ сошелъ со ступенекъ крыльца и отправился за ворота, туда, гдѣ накрыты были столы. Толпа бабъ и дѣвокъ хлынула вслѣдъ за нимъ, такъ что онъ долженъ былъ съ трудомъ продираться сквозь эту густую, пеструю массу... Одна старуха закричала было:—прикажи, отецъ, отмѣнить барщину; но Василій Иванычъ погрозилъ ей кулакомъ, и она исчезла въ толпѣ.

Наконецъ графъ дошелъ до столовъ. Управляющій подалъ ему на подносѣ штофъ съ виномъ и рюмку. Графъ налилъ вино и выпилъ, произнеся:

— Я пью ваше здоровье.

Затѣмъ начали разносить вино крестьянамъ, и они, кланяясь графу, кричали:—поздравляемъ ваше сіятельство съ пріѣздомъ.

Въ это время отставной штабсъ-ротмистръ схватилъ за руку управляющаго и сказалъ:

— Любезный Василій Иванычъ, налейте-ка и мнѣ рюмочку. Просто защемило даже подъ ложечкой... У меня сегодня съ самаго утра капли во рту не было...

Но, несмотря на эту выпитую имъ рюмочку, у Кобелякова все продолжало щемить подъ ложечкой, и онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что водку и закуску поставили въ столовой передъ самымъ обѣдомъ и что столовая зала не открывалась до той минуты, когда человѣкъ возвѣстилъ уже о томъ, что кушанье подано...

Къ концу обѣда, когда начались тосты и музыка загре-

мѣла тушъ, Александръ Иванычъ, сидѣвшій недалеко отъ графа, во время провозглашенія тоста въ честь его, всталъ, началъ вытягиваться, какъ будто усиливаясь вырасти, и произнесъ:

— Начатокъ всякаго дѣла — слово... Обращаюсь и я теперь съ словомъ къ вамъ, графъ. Ваше сіятельство! нѣтъ богатства лучше здравія тѣлеснаго и нѣтъ веселія выше радости сердечной... Для всѣхъ насъ сегодняшній день — день такого веселья, ибо мы, полюбивъ васъ искренно и всѣмъ сердцемъ, выпивая за ваше здоровье, ощущаемъ сердечную радость. Радованіе сердца и веселіе души, вино, піемое во-время — прилично; а что же можетъ быть приличнѣе, какъ пить вино за ваше здоровье? Много видѣлъ я людей во обхожденіи моемъ, но смѣло скажу, положа руку на сердце, что такихъ людей, какъ вы, я встрѣчалъ немного... Съ этимъ будутъ согласны всѣ здѣсь присутствовавшіе... Ваше здоровье, графъ! позвольте чокнуться.

И громъ музыки заглушенъ былъ стукомъ ножей о столъ и неистовыми криками: браво! браво!

И только что этотъ крикъ смолкнулъ, а графъ всталъ, чтобы благодарить гостей, у самыхъ оконъ столовой раздался другой крикъ... нѣсколько парней повеселѣе и посмѣлѣе прочихъ гаркнули во всю мочь и затянули плясовую. Между тѣмъ на лугу за воротами дѣвки и бабы водили хороводы... Послѣ обѣда музыкантовъ поставили въ садъ, противъ дома. Графъ со своими гостями вышелъ изъ дома,— и всѣ они вскорѣ смѣшались съ пестрыми толпами народа.

Александръ Иванычъ отправился между тѣмъ отыскивать въ саду свою супругу, Вѣру Ивановну и Катю. Онъ пошелъ по дорожкѣ, ведущей къ храму славы, полагая, вѣроятно, найти ихъ тамъ; но, переступивъ за порогъ храма, онъ былъ, къ удивленію своему, встрѣченъ пискливымъ лаемъ маленькихъ и мохнатыхъ собачонокъ, которыя бросились на него съ озлобленіемъ.

— Эта дрянь откуда взялась! — невольно воскликнулъ Александръ Иванычъ громкимъ голосомъ.

— Какая дрянь, батюшка! — раздался грубый женскій го-

лось изъ-за статуи, стоявшей посрединѣ бесѣдки и изображавшей богиню славы съ трубой и съ надувшимися щеками, — ошибаетесь, это не дрянь, это настоящія болонки... бибишка, мимишка, подите ко мнѣ, собачоночки мои, подите сюда... Вотъ такъ... сюда, сюда... Васъ зовутъ дрянью... бѣдныя вы мои, бѣдныя... бибишечка, другъ ты мой...

Это былъ голосъ толстой барыни съ бородкой и усиками, торжественно сидѣвшей въ храмѣ славы въ обществѣ неразлучныхъ собачонокъ и испитой и безмолвной пятидесятилѣтней барышни-приживалки. Нѣсколько поодаль отъ барыни стоялъ неподвижный какъ столбъ высокій лакей, въ старой трехугольной шляпѣ съ галунами, въ ливреѣ и въ широкихъ синихъ кумачныхъ панталонахъ.

— Кого я вижу? Ольга Фоминишна, вы ли это? — сказалъ Александръ Иванычъ, подходя къ толстой барынѣ, — какими судьбами?

— Ахъ, батюшки, да такими же, я думаю, какъ и ты, — возразила она нѣсколько обиженнымъ тономъ, — взяла да и пріѣхала... очень просто. Вѣдь мой Сеничка здѣсь у графа... ну и мнѣ, какъ другимъ, хотѣлось, признаться, взглянуть на здѣшнее веселье... а ты тоже здѣсь въ числѣ приглашенныхъ графомъ?

Александръ Иванычъ иронически улыбнулся.

— Тоже! — повторилъ онъ, — тоже! Да я съ графомъ на самой короткой, пріятельской ногѣ... я его знаю съ дѣтства... я его еще въ пеленкахъ нашивалъ на рукахъ... Мы съ его отцомъ были такъ близки, какъ бы вамъ сказать, ну словомъ, какъ товарищи,—тоже приглашенъ, тоже! Да безъ меня, по правдѣ-то вамъ сказать, и другіе-то не были бы приглашены, потому что приглашалъ-то всѣхъ, коли ужъ вы знать хотите, — я!

— Ахъ, виновата, отецъ мой, вѣдь я и забыла, что ты со всѣми князьями за панибрата... благодарствуйте, что моего Сеничку не забыли...

— Я ищу моей Алены Θедоровны, — сказалъ Александръ Иванычъ, слѣдуя за Кобеляковой, — не встрѣтили ли вы ее здѣсь въ саду?

— Нѣтъ, нѣтъ... а развѣ она здѣсь? Вотъ сюрпризъ-то!

очень рада ее видѣть, очень... Я ее всей душой люблю: безподобная, рѣдкая женщина, и не тебѣ бы, батюшка, имѣть такую жену. Ты ее, съ позволенія сказать, не стоишь... прости за откровенность...

– А отчего бы такъ?

— Да оттого, что ты вотъ старый волокита,—вотъ отчего! знаю я всѣ твои шашни-то, знаю.

И она погрозила Александру Иванычу своимъ толстымъ и коротенькимъ пальцемъ.

Александръ Иванычъ не безъ пріятности улыбнулся.

И такимъ образомъ продолжая разговаривать, они направлялись къ тому мѣсту, гдѣ стояли музыканты.

Здѣсь-то нашелъ Александръ Иванычъ свою супругу, Вѣру Ивановну, Катю и Надежду Кондратьевну.

Возлѣ Надежды Кондратьевны стоялъ его угреватый сынокъ въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ ей:

— И вамъ все это нравится, васъ все это интересуетъ? Что касается до меня, то эти толпы, этотъ шумъ, эта музыка дѣйствуютъ на меня какъ-то непріятно и раздражительно. Я готовъ бы сію минуту бѣжать отсюда, не оглядываясь... Это общество не по мнѣ.

Надежда Кондратьевна была такъ разсѣянна, что не слыхала ни одного слова, сказаннаго поэтомъ... Она не спускала глазъ съ главной двери, которая выходила въ садъ на террасу, и въ то время, какъ на террасѣ появился Вихляевъ, со стеклышкомъ въ глазу, она чуть не вскрикнула отъ волненія и прошептала:

— Это онъ!

— Скажите, — сказала она, бросившись къ Александру Иванычу, подходившему къ той группѣ, въ которой она стояла, — скажите, вѣдь это графъ?

И она указала на Вихляева.

Угреватый поэтъ слышалъ этотъ вопросъ, видѣлъ волненіе Надежды Кондратьевны и побагровѣлъ.

— Гдѣ графъ?—возразилъ Александръ Иванычъ, раскланиваясь съ дамами и поцѣловавъ въ лобъ свою супругу, — я не вижу графа... гдѣ онъ?

— Ахъ, Боже мой! да вотъ молодой человѣкъ—такой инте-

ресный, съ лорнетомъ въ глазу; вотъ онъ сходитъ съ террасы...

— Это не графъ, а одинъ изъ его пріятелей, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Петербурга. Славный малый.

— Такъ это не графъ! — произнесла печально и задумчиво Надежда Кондратьевна.

Между тѣмъ барыня съ бородкой и усиками обнимала и цѣловала Алену Ѳедоровну и потомъ сухо поклонилась Вѣрѣ Ивановнѣ и Катѣ.

— Вотъ, матушка, — говорила она Аленѣ Ѳедоровнѣ, — и я притащилась сюда на старости лѣтъ: нельзя же не посмотрѣть на такой праздникъ. Сеничка мой обѣдаетъ у графа. Графъ написалъ къ нему премилое письмо, премилое...

И бородка у барыни зашевелилась, и она искоса и злобно посмотрѣла на Вѣру Ивановну и Катю.

— Я, — говоритъ онъ въ письмѣ, — за особенную честь почту, если вы, — говоритъ, — удостоите пріѣхать ко мнѣ откушать...

— А! *vous voila!* — сказалъ Вихляевъ, подходя къ Александру Иванычу, вертясь, ломаясь и глядя въ стеклышко на дамъ. Что они тамъ играютъ! — продолжалъ онъ, указывая на музыкантовъ. — Надобно бы заставить ихъ сыграть увертюру изъ «Пуританъ»... Эй, капельмейстеръ! играете вы увертюру изъ «Пуританъ»?

И Вихляевъ продолжалъ вертѣться со своимъ стеклышкомъ и вдругъ остановился на Надеждѣ Кондратьевнѣ.

— «Э! да это, кажется, она, *ma belle inconnue*» — подумалъ онъ, забывъ и музыкантовъ и увертюру изъ «Пуританъ».

Въ это мгновеніе сердце Надежды Кондратьевны забилось такъ сильно, что всѣ ея галантерейныя украшеія пришли въ движеніе.

Угреватый поэтъ не спускалъ между тѣмъ съ нея глазъ и ревниво слѣдилъ за ея взглядами. Вихляевъ ударилъ его по плечу и отвелъ нѣсколько въ сторону.

— Кто эти дамы? — спросилъ онъ у него.

— Это моя матушка и еще съ нею одна помѣщица, здѣшняя сосѣдка съ дочерью.

— А вотъ эта, въ голубой шляпкѣ? это тоже дочь помѣщицы?

Поэтъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, это дѣвушка, которая живетъ у нихъ въ домѣ.

— Ну, такъ вотъ это она и есть... помните, я вамъ говорилъ, что мы встрѣтили ее въ паркѣ на дорогѣ, въ день нашего пріѣзда...

— Такъ это была точно она? — воскликнулъ взволнованный поэтъ.

— Она, вѣрно она! я очень хорошо ее замѣтилъ... И она, кажется, такъ посматриваетъ... Я думаю, можно бы за ней приволокнуться... отъ нечего дѣлать... а? какъ вы думаете?

Угреватый поэтъ не отвѣчалъ ни слова; но онъ бросилъ грозный, уничтожающій взглядъ на Вихляева, котораго тотъ, однако, не замѣтилъ. Въ душѣ поэта забушевала страшная драма.

Когда начало смеркаться и окна дома освѣтились огнями, Александръ Иванычъ провелъ своихъ дамъ къ самому дому и поставилъ ихъ на террасѣ у оконъ большой залы, гдѣ сидѣлъ графъ съ своими гостями; показалъ имъ на графа, а самъ отправился въ залу, развалился возлѣ него въ кресла и началъ о чемъ-то съ нимъ разговаривать, нѣсколько разъ потрепавъ его по плечу и въ то же время все глядя на окно, у котораго стояли его дамы, и желая удостовѣриться, смотрятъ ли онѣ на него и видятъ ли его фамильярное обращеніе съ графомъ.

— Ваши сосѣдки, графъ, съѣхались сюда посмотрѣть на вашъ праздникъ, который надѣлалъ такого шуму по всей губерніи, и между ними есть одна, дочь помѣщицы верстахъ въ трехъ отсюда, прелесть, что за дѣвочка! цвѣточекъ, только что распустившійся... какіе живые глазенки, какой абрисъ! ну, точно изъ англійскаго кипсека... Пойдемте-ка, графъ, я вамъ покажу ее...

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошенькая? — спросилъ графъ, — пойдемте, пойдемте.

Александръ Иванычъ взялъ подъ руку графа и вышелъ съ нимъ на террасу. Въ эту самую минуту взвилась сигналь-

ная ракета и разсыпалась тысячами разноцвѣтныхъ огней на темнѣющемъ небѣ.

— Ахъ, какъ это хорошо, маменька! — невольно вскрикнула Катя.

— Вотъ она, — шепнулъ Александръ Иванычъ графу, указывая на Катю.

Катя была одѣта очень просто и мило. Она могла бы, можетъ быть, обратить на себя вниманіе графа даже и не въ деревнѣ. Она обернулась къ Александру Иванычу — и вдругъ нечаянно встрѣтилась глазами съ глазами графа, который внимательно смотрѣлъ на нее, и вся вспыхнула.

— Она недурна, — шепнулъ графъ Александру Иванычу.

Когда всѣ двинулись впередъ, чтобы удобнѣе смотрѣть фейерверкъ, расположенный на большомъ лугу противъ дома, Надежда Кондратьевна обратилась къ угреватому молодому человѣку:

— Дайте вашу руку, — сказала она ему.

— Извините меня: я не хочу смотрѣть этотъ фейерверкъ... Меня это не такъ забавляетъ, какъ васъ, — сказалъ онъ и отвернулся въ сторону.

У рѣшетки послѣдней террасы стояло уже множество народу и между прочими Вихляевъ, Кобеляковъ и другіе гости, занявшіе заранѣе лучшія мѣста.

Возлѣ Кобелякова находилась его матушка, которая была въ большомъ безпокойствѣ, куда дѣвался ея человѣкъ съ бибишками и мимишками. Катя съ своими дамами, не желая продираться впередъ, должна была остановиться назади; но въ это время раздался голосъ графа:

— Господа, господа... позвольте!

И передняя толпа разступилась при этомъ голосѣ. Графъ, все смотря на Катю, предложилъ ей и ея дамамъ переднія мѣста, и глаза его еще разъ встрѣтились съ ея глазами.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Праздникъ, данный графомъ, произвелъ, какъ и должно было ожидать, необыкновенный эффектъ на всю губернію. Только и разговоровъ было, что объ этомъ праздникѣ; о немъ передавались чудеса: говорили, что графъ издержалъ на него нѣсколько тысячъ, что одинъ фейерверкъ стоилъ ему шестьсотъ рублей, что кушанья подавали на золотыхъ блюдахъ, что одного шампанскаго вышло двѣ тысячи бутылокъ и что имъ угощали не только гостей, но и крестьянъ; что на послѣднихъ сыпали дождь изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, и прочее, и прочее.

Черезъ два дня послѣ этого праздника графъ получилъ огромный пакетъ и, распечатавъ его, прочелъ слѣдующее:

«Ваше сіятельство!

Милостивый государь,

Имянитый графъ Сергій Григорьевичъ!

Хотя я лично и не имѣю счастья быть знакомымъ съ особой вашего сіятельства, но молва о высокихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ вашихъ, наслѣдованныхъ вами отъ

покойнаго и вѣчно достойной памяти вашего родителя, о вашемъ возвышенномъ умѣ и сердцѣ, о вашей учености и образованіи, о вашей любви ко всему идеальному и изящному — достигла и до того скромнаго уголка, въ которомъ изолировалъ я самого себя, для того, чтобы, такъ сказать, погрузиться въ море поэзіи и отдаваться служенію музамъ. Вслѣдствіе сего, какъ дань моего удивленія, препровождаю при семъ мое поэтико-сердечное изліяніе къ вамъ, вмѣстѣ съ усерднѣйшею просьбою о позволеніи мнѣ лично представиться къ вашему сіятельству и устно передать вамъ то глубочайшее уваженіе, съ которымъ нынѣ имѣю честь быть

вашего сіятельства,
милостиваго государя
покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою
Илья Сычовъ,

отставной надворный совѣтникъ и помѣщикъ
здѣшней губерніи».

Къ этому письму на особомъ листѣ приложены были стихи:

Стремися по стопамъ родительскимъ всечасно,
Ты добродѣтелей являешь прочный слѣдъ,
Инстинкту вѣруя души своей прекрасной,
Вельможа—въ свѣтѣ ты, а по душѣ поэтъ.

Ты просвѣщеніемъ и разумомъ блистаешь
И цѣнишь высоко ихъ чудные дары;
Гостей своихъ на славу угощаешь
И баснословные имъ задаешь пиры!

Когда графъ прочелъ это письмо и стихи, онъ передалъ ихъ господину съ неуловимыми глазками. Графъ очень смѣялся, а господинъ съ неуловимыми глазками замѣтилъ, что этого Сычова непремѣнно надобно пригласить, что онъ, судя

по его письму и стихамъ, долженъ быть очень забавенъ и что такого рода господа служатъ большимъ развлеченіемъ въ монотонной и скучной деревенской жизни.

— Прекрасно! мы непремѣнно его пригласимъ, — сказалъ графъ, — только надобно узнать, что̀ это за человѣкъ. Александръ Иванычъ ужъ вѣрно его знаетъ.

Графъ позвонилъ.

— Гдѣ Александръ Иванычъ? — сказалъ онъ вошедшему камердинеру, — отыщите его и попросите сюда.

Камердинеръ улыбнулся.

— Что̀ ты смѣешься? — спросилъ графъ.

— Нѣтъ-съ, такъ, ничего, ваше сіятельство... Александръ Иванычъ все нынче около оранжерей повадились гулять. Ужъ они, вѣрно, и теперь тамъ.

Камердинеръ все продолжалъ улыбаться.

— Да что̀ жъ тамъ такое около оранжерей?

— Да тамъ, ваше сіятельство, у Петра Иванова, садовника, дочка Матреша.

— Что̀ жъ, эта Матреша хорошенькая? Онъ ухаживаетъ, что ли, за ней?

— Точно-съ. Вчера вечеромъ, ваше сіятельство, Матрена приходила за чѣмъ-то въ домъ-съ, а Александръ Иванычъ все ее въ саду подкарауливали-съ. Мы все съ Ѳедоромъ видѣли. Какъ она пошла назадъ-то домой черезъ садъ, Александръ Иванычъ за нею-съ; а мы спрятались за деревомъ и смотримъ, что̀ будетъ. Александръ Иванычъ подошли къ ней да и говорятъ ей: «куда вы — говоритъ — душенька, идете? какая вы хорошенькая!» Она отъ него бѣжать, а онъ за нею-съ... Такой смѣхъ, право... Вѣдь старичокъ какой, а какъ бѣгаетъ, если бы вы посмотрѣли, ваше сіятельство!

Графъ захохоталъ, а господинъ съ неуловимыми глазками замѣтилъ, что Александръ Иванычъ большой шалунъ, что надобно сказать это Матренѣ, чтобъ она кокетничала съ нимъ и завлекала его, и что изъ этого могутъ впослѣдствіи выйти забавныя сцены.

Когда Александръ Иванычъ явился, графъ и господинъ съ неуловимыми глазками въ одинъ голосъ сказали:

— Откуда, батюшка? мы васъ вездѣ ищемъ.

— Да я заходилъ въ оранжерею.

— Эге! въ оранжерею? — возразили молодые люди, засмѣявшись.

— Чему же вы смѣетесь, господа? — спросилъ Александръ Иванычъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ и откинувъ нѣсколько назадъ свою плѣшивую головку.

— Что жъ вы дѣлаете въ оранжереѣ? — сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— А вотъ я вамъ сейчасъ объясню. Я питаю страсть...

— Прекрасно, прекрасно! — перебилъ графъ: — и сильную страсть? къ кому же?

— Очень сильную, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ, — и съ самаго почти дѣтства, — къ ботаникѣ...

— Вы охотникъ до цвѣтовъ? — возразилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— И большой! кто же до нихъ не охотникъ? Но эти цвѣты, на которые вы намекаете, срывать теперь уже не мнѣ, а вамъ, господа...

— А въ здѣшней оранжереѣ вы уже пробовали срывать цвѣты? — спросилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Безъ дозволенія графа я не имѣю на это права, потому что прежде всего уважаю право собственности.

— Пожалуйста, распоряжайтесь, какъ у себя дома. Я вамъ даю *carte blanche*, — сказалъ графъ.

— Оставя всѣ шутки, господа, для меня, я вамъ скажу, — продолжалъ Александръ Иванычъ въ нѣкоторомъ смущеніи, — жизнь растеній и цвѣтовъ интересна не менѣе жизни человѣческой. Я люблю наблюдать и изучать ту и другую. Садовникъ графа развелъ и усовершенствовалъ особый родъ разсыпныхъ колокольчиковъ, который мнѣ не случалось встрѣчать въ такомъ размѣрѣ: это садовые *limodorum boreale*. Я даже не видалъ такихъ колокольчиковъ въ оранжереяхъ князя Косицына, а его садовникъ мой хорошій пріятель, мистеръ Бьютонъ, пользуется, какъ ботаникъ, европейскою извѣстностью, и у него всевозможные роды...

— Ахъ, да, — перебилъ графъ, — я было забылъ совсѣмъ!

скажите, знаете вы какого-то здѣшняго господина... какъ бишь его?

Графъ взялъ со стола письмо его.

— Сычова.

— Какъ не знать! знаю; это нашъ губернскій поэтъ, господинъ презабавный, и тѣмъ болѣе, что онъ нимало и не подозрѣваетъ своей комической стороны... великій чудакъ!

И Александръ Иванычъ самодовольно улыбнулся.

— Ужъ, вѣрно, онъ вамъ прислалъ свои стихи?

— Именно! вотъ они, и письмо ко мнѣ.

Александръ Иванычъ иронически пробѣжалъ и то и другое.

— Такъ, такъ, я знаю его, — сказалъ онъ.

— Что это за человѣкъ? — спросилъ графъ: — и отчего вы тогда не пригласили его ко мнѣ?

— Да онъ не нашего уѣзда. Если бы звать его, такъ надобно было, графъ, позвать всю губернію... Вотъ что это за господинъ. Надобно вамъ сказать, что онъ холостой, имѣетъ душъ пятьсотъ; въ хозяйствѣ онъ ровно ничего не смыслитъ, и потому дѣла его страшно разстроены; управляющій дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ, а онъ все сочиняетъ стишки на рожденья, на именины разныхъ значительныхъ особъ или просто своихъ знакомыхъ и на торжественные случаи въ ихъ жизни. Ему лѣтъ пятьдесятъ пять, но онъ еще молодится, носитъ рыжій парикъ, украшаетъ себя разными галантерейными вещами, имѣетъ большую претензію нравиться и очень влюбчивъ. Вотъ его характеристическія черты. Къ этому должно прибавить, что онъ придаетъ своему голосу въ разговорѣ особую интонацію, больше декламируетъ, чѣмъ говоритъ, любитъ употреблять иностранныя слова, хотя знаетъ одинъ только французскій языкъ, и то очень плохо; воображаетъ, что онъ могъ бы быть превосходнымъ актеромъ, поетъ водевильные куплеты, всякому встрѣчному читаетъ свои стихи и любитъ выпить. Сердце у него, впрочемъ, доброе, и онъ готовъ всякому оказать услугу. Я забылъ еще, что онъ помѣшанъ на свѣтскости.

— О, да это неоцѣненный человѣкъ! — замѣтилъ графъ, — съ нимъ непремѣнно надо познакомиться.

— Разъ какъ-то, — продолжалъ Александръ Иванычъ, — мы были съ нимъ въ одномъ домѣ. Разговоръ шелъ о хозяйствѣ, и весьма дѣльный; онъ все молчалъ, но наконецъ не выдержалъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, пожимая плечами и, по своему обыкновенію, нараспѣвъ: «Этотъ практическій разговоръ охлаждаетъ душу, изсушаетъ мозгъ... Эти господа, такъ сказать, инкрюстировали себя въ прозѣ жизни. Для нихъ не существуетъ поэзія»... Потомъ онъ схватилъ меня за руку и говоритъ: «Я читаю,—говоритъ,— ваши сокровенныя мысли, вы смотрите на меня всегда съ *оръер-пансе,* считаете меня просто человѣкомъ, помѣщикомъ, а я— артистъ въ душѣ!» Да еще такія ли вещи вы отъ него услышите.

— Превосходно, превосходно!—сказалъ графъ и тотчасъ же позвонилъ.

— Кто доставилъ сюда это? — спросилъ онъ у лакея, взявъ письмо со стола.

— Мужикъ съ нарочной подводой, ваше сіятельство.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, такъ отнеси это письмо въ контору и скажи, чтобы поскорѣй заготовили отъ меня отвѣтъ на него; пусть напишутъ, что я очень радъ познакомиться съ этимъ господиномъ и что непремѣнно буду ожидать его къ себѣ, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Сейчасъ же принеси мнѣ отвѣтъ для подписи и отправь его съ этимъ мужикомъ.

Лакей вышелъ.

— Я вамъ покажу этого господина,—сказалъ Александръ Иванычъ, — со всѣхъ сторонъ, затрону всѣ его слабыя стороны; и вы увидите, графъ, что онъ будетъ въ самомъ дѣлѣ забавенъ. Онъ весьма кстати напомнилъ о себѣ и будетъ здѣсь для насъ яко мусикія въ пирѣ вина...

Жизнь въ Покровскомъ такъ была по сердцу Александру Иванычу, что онъ совершенно забылъ на время свою Соколовку, свои хозяйственныя занятія, свои георгины и отчасти свою Алену Өедоровну. Когда угреватый наслѣдникъ Соколовки и генія Пушкина уѣхалъ домой, онъ послалъ съ нимъ, одна-

ко, письмо къ своей супругѣ, въ которомъ писалъ ей между прочимъ:

«По усильнымъ просьбамъ графа Сергія Григорьича, оказывающаго мнѣ самое горячее и дружеское расположеніе, я рѣшился, мой другъ, остаться въ Покровскомъ еще съ недѣлю, а можетъ быть и долѣе. Графъ очень полюбилъ нашего Василья и очень въ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о немъ. Ты понимаешь, какъ графъ можетъ быть полезенъ ему впослѣдствіи. Признаюсь, что я и сблизился съ графомъ нарочно, имѣя это въ виду. Если Василій поѣдетъ въ Петербургъ на службу, чтó будетъ необходимо, графъ черезъ свои связи навѣрно доставитъ ему прекрасное мѣсто и введетъ его въ самое высшее общество: тогда передъ нимъ откроется блестящій и широкій путь, на которомъ онъ, при его умѣ и образованіи, будетъ умѣть поддержать себя. Графъ нѣсколько разъ изъявлялъ желаніе познакомиться съ тобою. Вѣроятно, онъ захочетъ побывать у насъ. Онъ мнѣ сказалъ (это его подлинныя слова): «я за особенное для себя удовольствіе почту быть представленнымъ вашей супругѣ и не сомнѣваюсь, что вы мнѣ доставите этотъ пріятный случай. Я много, очень много наслышанъ о ней»... Отъ кого? это ужъ я тебѣ сказать не умѣю, но это именно его слова»... и прочее.

Слова эти, впрочемъ, какъ, можетъ быть, догадался уже читатель, принадлежали къ чистѣйшему вымыслу. Графъ не думалъ ничего говорить Александру Иванычу ни о его сынѣ, ни о его супругѣ; но этотъ вымыселъ былъ необходимъ, какъ громовой отводъ, въ случаѣ, если бы гроза разразилась надъ головою почтеннаго старичка за его долгое пребываніе въ Покровскомъ...

Однажды утромъ графъ предложилъ Александру Иванычу проѣхаться съ нимъ верхомъ. Александръ Иванычъ былъ этимъ очень доволенъ, ибо ему представлялся случай показать, что онъ ѣздитъ, какъ настоящій англичанинъ, наклонивъ весь станъ впередъ и припрыгивая на сѣдлѣ. Онъ раза два такимъ образомъ объѣхалъ сначала кругомъ двора и былъ привѣтствованъ, къ совершенному своему удоволь-

ствію, одобрительными криками и рукоплесканіями молодыхъ людей.

Проскакавъ паркъ, графъ сдержалъ свою лошадь и началъ спускаться подъ гору по дорогѣ къ Березовкѣ. Александръ Иванычъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ. Сзади, въ приличномъ отъ нихъ отдаленіи, слѣдовалъ за ними грумъ, подъ которымъ была также кровная англійская лошадь.

Графъ поѣхалъ шагомъ и началъ разсказывать Александру Иванычу о своемъ пребываніи въ Лондонѣ, о скачкахъ, о пари, о великолѣпномъ устройствѣ конюшенъ у лорда Фитцъ-Джемса, по образцу которыхъ онъ устроилъ свои конюшни въ Петербургѣ. Вдругъ, пріостановивъ свою лошадь, онъ взглянулъ влѣво, туда, гдѣ чернѣлась деревня, и обратился къ Александру Иванычу.

— Чтó это за деревня, вонъ тамъ? — спросилъ онъ, указывая на Березовку.

— Это Березовка, графъ.

— А чья это деревня?

— Эта деревенька принадлежитъ старушкѣ Бѣловой, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ, — той самой, у которой, помните, я вамъ показывалъ, такая хорошенькая дочка...

— А! въ самомъ дѣлѣ? такъ это самые ближніе мои сосѣди?

— Да. И прекрасное, я вамъ скажу, семейство. Мать простая, но добрая женщина; а дочь... дочь — замѣчательная дѣвушка, умна, обладаетъ большою начитанностью и притомъ — натура страстная, южная. Жаль, бѣдную, — замѣтилъ Александръ Иванычъ со вздохомъ, — она такъ здѣсь заглохнетъ совсѣмъ, пропадетъ даромъ: выйдетъ замужъ за какого-нибудь медвѣдя, который наложитъ на это деликатное, нѣжное существо свою лапу, или будетъ прозябать, не замѣченная никѣмъ, и зачахнетъ въ дѣвкахъ...

— Большое семейство? — спросилъ разсѣянно графъ.

— Одна только дочь; да еще живетъ одна дѣвушка, которая была у нихъ прежде въ гувернанткахъ.

— А что, если бы я, какъ сосѣдъ, сдѣлалъ имъ теперь визитъ? Это бы не показалось имъ страннымъ, какъ вы думаете? — спросилъ графъ.

— Превосходная мысль!.. Послушайте, графъ, да вы ихъ осчастливите. Они никакъ не ожидаютъ этакой чести.

— Такъ поѣдемте къ нимъ, — сказалъ графъ, чуть дотронувшись до лошади своей коротенькой и тоненькой тросточкой.

И съ этимъ словомъ графъ поскакалъ по дорогѣ къ Березовкѣ. Александръ Иванычъ, слѣдуя за нимъ, кричалъ:

— Вотъ мы сдѣлаемъ сюрпризъ-то!

Онъ внутренно радовался, воображая, какой эффектъ должно произвести ихъ появленіе въ бѣдной деревушкѣ...

Между тѣмъ въ Березовкѣ все шло обычной чередой. Вѣра Ивановна вязала шерстяное одѣяло, Катя сидѣла у окна за какой-то работой, возлѣ нея, также у окна — Надежда Кондратьевна читала ламартинова *Жосленя;* а Игнатьичъ накрывалъ на столъ, ибо уже былъ первый часъ, и ворчалъ себѣ подъ носъ, сдувая неотвязчивую муху, которая въ десятый разъ садилась на кончикъ его носа: «вишь проклятая привязалась! вотъ я-те, постой!» и усиливался поймать ее.

Утро было жаркое, на небѣ не было ни одного облака, и ни одинъ листъ не шевелился на деревѣ. Ни Катя, ни Надежда Кондратьевна не гуляли въ это утро; и Надежда Кондратьевна, не ожидая гостей, въ простомъ бѣломъ накрахмаленномъ капотѣ и въ папильоткахъ на головѣ, наслаждалась чтеніемъ, вздыхая и обмахиваясь твореніемъ Ламартина, когда мухи начинали уже слишкомъ безпокоить ее.

Вдругъ она взглянула въ окно и вскрикнула:

— Что это такое? *Au nom du ciel!* посмотрите, *ma chère*, кто это верхами? Вѣдь это графъ съ Александромъ Иванычемъ... Они сюда, ей Богу, сюда!

Катя вся вспыхнула, выронила изъ рукъ работу и посмотрѣла въ растворенное окно. Въ эту минуту графъ остановилъ свою лошадь у воротъ.

Вѣра Ивановна подошла къ окну.

— Ахти, Господи! — вскрикнула она, почти задыхаясь отъ волненія, — это въ самомъ дѣлѣ *онъ!*

Надежда Кондратьевна опрометью бросилась наверхъ на-

ряжаться, чуть не сбивъ съ ногъ подвернувшуюся ей Палашку.

— И Александръ Иванычъ не предупредилъ насъ! — продолжала въ отчаяніи Вѣра Ивановна. — Катенька, поди, другъ мой, попріодѣнься. Ахъ, Боже мой! да какъ же это такъ! надо надѣть чепчикъ. Палашка, позови мнѣ Феклушку... Да гдѣ Игнатьичъ? въ передней ли онъ?

Одна Катя среди этого всеобщаго волненія и криковъ оставалась нѣмою и неподвижною у окна. Она не могла еще притти въ себя, не могла дать себѣ отчета, что̀ дѣлается съ нею. Какія-то странныя и противорѣчащія ощущенія начали бороться въ ней при этомъ неожиданномъ появленіи: и радость, и досада, и страхъ. Ей послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ, и у нея чуть не замеръ духъ.

— А вотъ и наша молодая хозяйка! — воскликнулъ улыбаясь вошедшій Александръ Иванычъ. — Подарите насъ, Катерина Павловна, благосклоннымъ привѣтомъ.

. . . . дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ..

какъ сказалъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ.

Александръ Иванычъ прищурилъ при этомъ глазки, съ торжественнымъ самодовольствіемъ подошелъ къ ручкѣ Кати и потомъ продолжалъ, указывая ей на графа:

— Вашъ сосѣдъ, графъ Сергій Григорьичъ, который пожелалъ быть вамъ представленнымъ по-сосѣдски, запросто

Графъ поклонился Катѣ, сказалъ, что онъ хотѣлъ съ самаго своего пріѣзда познакомиться съ ея матушкой и съ нею, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ нельзя не быть знакомымъ и что Александръ Иванычъ былъ такъ добръ, что вызвался его представить.

Катя присѣла и проговорила нѣсколько словъ не безъ замѣшательства.

— Маменька сейчасъ будетъ, — повторила она нѣсколько разъ.

— Присядьте-ка, ваше сіятельство.

Александръ Иванычъ подставилъ стулъ графу и сказалъ Катѣ:

— Ну, прошу же занимать насъ въ отсутствіе главной хозяйки.

Графъ сѣлъ возлѣ Кати и началъ говорить о томъ, какъ ему нравится деревенская жизнь, о которой до сихъ поръ онъ не имѣлъ никакого понятія, о томъ, что онъ намѣренъ всякое лѣто непремѣнно пріѣзжать въ свое Покровское, устроить театръ, завести оркестръ музыки.

— А кстати: вы любите музыку? — спросилъ графъ.

— Да, очень. — отвѣчала Катя.

— Катерина Павловна превосходно играетъ на фортепіанахъ, — произнесъ глубокомысленно Александръ Иванычъ, подергивая значительно головой. — Она настоящая музыкантша, и у нея голосъ превосходный—*mezzo-soprano*,— только, разумѣется, необработанный. Если бы она посвятила себя музыкѣ, она бы могла стать на ряду съ первыми кантатрисами.

— Ахъ, какой вы вздоръ говорите, Александръ Иванычъ! — сказала Катя съ досадой.

Простое и свободное обращеніе графа, который говорилъ съ Катей, какъ будто бы вѣкъ былъ знакомъ съ нею, подѣйствовало на нее благотворно. Ей становилось легче; присутствіе графа переставало смущать ее; но она чувствовала, что если бы онъ не былъ графомъ и не былъ окруженъ такою роскошью, ей было бы легче.

Когда же Вѣра Ивановна явилась въ своемъ парадномъ шелковомъ капотѣ и чепцѣ, которые она надѣвала только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, когда она, кланяясь графу, начала благодарить за честь, сдѣланную имъ, объяснять, что она вполнѣ чувствуетъ эту честь и проч.; когда вслѣдъ за нею небритый Игнатьичъ показался въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ жестянымъ подносомъ, на которомъ стояли водки и закуски,—Катя вся вспыхнула.

Графъ, по приглашенію хозяйки дома, кушалъ очень

аппетитно сыръ ея собственнаго издѣлія и говорилъ, что онъ ему нравится гораздо больше настоящаго швейцарскаго сыра.

Вѣра Ивановна была въ восторгѣ отъ похвалъ графа ея сыру и, отведя въ сторону Александра Иваныча, шепнула ему:

— Боже мой, какой прекрасный, какой милый графъ-то! И какой онъ, голубчикъ, простой: вѣдь никакой важности не показываетъ...

— Видите ли, что я всегда говорю правду, — важно произнесъ Александръ Иванычъ,—я говорилъ вамъ, что такихъ людей, какъ графъ, мало. Всуе я никогда ничего не говорю, и ужъ если похвалю человѣка, такъ это долженъ быть—человѣкъ!

Вѣра Ивановна была въ самомъ дѣлѣ въ восторгѣ отъ графа, и самолюбію доброй старушки необыкновенно льстило, что ея скромное издѣліе обратило на себя его вниманіе. Она съ чувствомъ смотрѣла на движеніе графскаго рта, разжевывавшаго ея сыръ, и черезъ полчаса послѣ пребыванія графа такъ привыкла къ нему, что уже ея торжественный шелковый капотъ казался для нея въ эту минуту излишнимъ украшеніемъ. Она заговорила съ графомъ просто, всегдневнымъ, будничнымъ языкомъ.

Графъ былъ очень любезенъ. Онъ говорилъ съ Катей о музыкѣ, о цвѣтахъ, о лошадяхъ, о романахъ Бальзака, о своихъ путешествіяхъ. Онъ обѣщалъ прислать ей партитуру *Гугенотовъ*, переложенную для фортепіано, и когда Катя къ чему-то замѣтила, что она раза два пробовала ѣздить верхомъ, графъ предложилъ ей, если ей угодно, учиться у него въ манежѣ и сказалъ, что самъ выберетъ для нея смирную лошадь.

— Ну ужъ это, признаться, не женское дѣло,—сказала Вѣра Ивановна.

— Вы ужасная трусиха, маменька,—возразила Катя,—это вы говорите только потому, что боитесь за меня, а я вовсе не боюсь ѣздить верхомъ; право, тутъ нѣтъ ничего страшнаго.

Графъ началъ успокаивать Вѣру Ивановну, увѣрялъ ее, что лошадь, про которую онъ говорилъ Катеринѣ Павловнѣ, такъ смирна, что на ней можетъ ѣздить шестилѣтній ребенокъ, что онъ самъ будетъ присутствовать при урокахъ, что его берейторъ — человѣкъ, превосходно знающій свое дѣло и на котораго можно положиться вполнѣ. Въ заключеніе онъ просилъ Вѣру Ивановну назначить день, когда ей будетъ угодно сдѣлать честь откушать у него, и замѣтилъ, что въ этотъ день Катерина Павловна, если только она захочетъ, можетъ взять первый урокъ, и тогда Вѣра Ивановна собственными глазами убѣдится, что верховая ѣзда совсѣмъ не страшна.

Прощаясь, графъ просилъ Вѣру Ивановну быть съ нимъ безъ всякой церемоніи, какъ съ добрымъ сосѣдомъ, и, уходя, пожалъ руку Кати.

Въ передней графъ и Александръ Иванычъ встрѣтили Надежду Кондратьевну, которая все время занималась своимъ туалетомъ, чтобы предстать во всемъ блескѣ и очарованіи передъ графомъ. Отъѣздъ графа повергъ ее чуть не въ отчаяніе, и на поклонъ его она присѣла съ плачевнымъ замѣшательствомъ. Когда они выѣхали за ворота. графъ обратился къ Александру Иванычу и сказалъ:

— Кажется, очень милые и добрые люди..

ГЛАВА II.

Когда графъ соскочилъ съ лошади у подъѣзда своего дома, Вихляевъ подбѣжалъ навстрѣчу къ нему.

— Вообрази, у насъ гости, сказалъ онъ: — *un monsieur qui est impayable.*

— Кто такой?—спросилъ графъ.

— Тотъ самый, который писалъ къ тебѣ стихи... какъ бишь его?..

— Какъ, ужъ явился! Ай да стихотворецъ! Вотъ вы посмотрите, графъ, вѣрно ли я описалъ вамъ его.

— Посмотримъ, посмотримъ... А гдѣ Поль? онъ дома?—

спросилъ графъ у Вихляева про господина съ неуловимыми глазками.

— Нѣтъ, онъ поѣхалъ кататься въ кабріолетѣ.

— А гдѣ этотъ господинъ?

— Въ большой залѣ.

Графъ въ сопровожденіи Вихляева и Александра Иваныча вошелъ въ залу.

У большого зеркала, вставленнаго въ стѣну въ промежуткѣ оконъ, стоялъ господинъ, очень вѣрно описанный Александромъ Иванычемъ, смотрясь въ зеркало и поправляя массивную цѣпь, красовавшуюся на его бархатномъ жилетѣ. Увидѣвъ графа, онъ бросился къ своей шляпѣ, которая стояла на окнѣ, и, взявъ ее подъ мышку, подошелъ къ нему, нѣсколько разъ расшаркнувшись съ необыкновенною развязностію.

— Позвольте мнѣ имѣть честь рекомендовать себя вашему сіятельству,—началъ онъ нараспѣвъ и дѣлая сильныя ударенія на нѣкоторыя слова, которыя я буду отмѣчать курсивомъ,—помѣщикъ Сычовъ—по *офиціяльному положенію*, но артистъ въ душѣ—по *чувству*. Ваше сіятельство, извольте усмотрѣть, что и *здѣсь*, въ уединеніи провинціи, есть люди, которымъ доступно *изящное*,—*люди*, идущіе, такъ сказать, наравнѣ съ *потребностями* нашего образованнаго *XIX вѣка*. Я, ваше сіятельство, могъ бы жить и въ столицѣ, *но* предпочелъ себя изолировать въ деревнѣ, чтобы стать, если такъ можно выразиться, *лицомъ къ лицу* съ природой.

— Я очень желалъ съ вами познакомиться, — сказалъ графъ, усиливаясь быть серьёзнымъ,—потому что много слышалъ объ васъ, и долженъ еще благодарить васъ за ваши прекрасные стихи, которые вы мнѣ прислали.

Сычовъ опять началъ расшаркиваться и раскланиваться.

— Это, ваше сіятельство,—отвѣчалъ онъ,—*плодъ* смиренной *музы*, вдохновленной особой вашего сіятельства. Достойный потомокъ *громкихъ* предковъ, вы начинаете теперь блистать уже не заимствованнымъ, а *собственнымъ* блескомъ.

Вы, такъ сказать, величавое, блестящее солнце, а мы— *маленькія звѣздочки*, исчезающія въ *вашемъ* свѣтѣ.

И проговоривъ это, Сычовъ вдругъ обратился къ Александру Иванычу.

— Пріятная встрѣча! — воскликнулъ онъ, — *позвольте* отъ души обнять васъ.

И онъ началъ обнимать и цѣловать его.

— Вотъ, графъ,—сказалъ Александръ Иванычъ, освободившись отъ объятій Сычова и указывая на него, — какіе у насъ есть люди; истинно жаль только, что Илью Семеныча здѣсь не умѣютъ вполнѣ цѣнить, не умѣютъ отдать ему должной справедливости. Ну, кто здѣсь понимаетъ поэзію?

— Александръ Иванычъ! — возразилъ Илья Семенычъ съ чувствомъ,—*истинный поэтъ* презираетъ толпу; ему довольно двухъ - трехъ *высокихъ*, просвѣщенныхъ цѣнителей, *аристократовъ* по мысли и по чувству, въ душахъ которыхъ онъ находитъ *сочувствіе*. Вотъ, напримѣръ, здѣсь я нахожусь въ *своей* сферѣ. Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, прочесть мои стихи, въ *которыхъ* я, смѣю думать, *вполнѣ* охарактеризовалъ нашего достойнаго Александра Иваныча.

— Это очень интересно,—сказалъ графъ.

Илья Семенычъ положилъ шляпу, вынулъ изъ кармана золотую табакерку, ударилъ по ней указательнымъ пальцемъ, на которомъ красовался бриллiантовый перстень, открылъ крышку, понюхалъ, принялъ торжественную позу и, размахивая правой рукой, продекламировалъ слѣдующіе стихи, обращаясь къ Александру Иванычу:

Онъ понялъ жизни *цѣль* и жизни *наслажденье*,
Философъ *истинный* и *рѣдкій* семьянинъ,
Во всемъ являетъ онъ и *смыслъ* и *разумѣнье*,
Сочувствуетъ всему, какъ *истый* гражданинъ!
Ему доступно *все*, онъ мыслію витаетъ
Высоко надъ землей и всѣхъ собой *живитъ*.
Поэта пѣснѣ онъ съ *волненіемъ* внимаетъ
И въ то же время трудъ *оратая* цѣнитъ.

— Тутъ вы видите, ваше сіятельство, *всего человѣка*, въ этихъ стихахъ.

Александръ Иванычъ не безъ самодовольствія улыбнулся.

— Прекрасно! прекрасно!—сказалъ графъ.

— Прекрасно!—повторилъ Вихляевъ.

Илья Семенычъ поправилъ пуклю на своей накладкѣ, расшаркнулся и, вынувъ изъ кармана листокъ, на которомъ съ каллиграфическими вычурами были написаны эти стихи, поднесъ ихъ Александру Иванычу.

За обѣдомъ Илья Семенычъ сдѣлался еще развязнѣе и разговорчивѣе, потому что господинъ съ неуловимыми глазками, сидѣвшій возлѣ него, безпрестанно подливалъ ему вина, а Илья Семенычъ безпрестанно опорожнялъ стаканъ за стаканомъ въ жару разговора.

— Я предлагаю, господа, — сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками въ концѣ обѣда, — тостъ въ честь поэтовъ вообще и въ особенности въ честь одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ—г. Сычова.

— Браво!—закричали собесѣдники.

— Стократъ счастливъ, обрѣтшій мудрость и повѣдавшій ея во уши послушающихъ,—возгласилъ Александръ Иванычъ.

Всѣ выпили за здоровье Ильи Семеныча.

Илья Семенычъ всталъ, раскланялся на всѣ стороны, съ чувствомъ посмотрѣлъ на господина съ неуловимыми глазками и произнесъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, и даже со слезящимися глазами:

— *Хотя* я не имѣю удовольствія быть на короткой ногѣ съ вами, *но я*, если такъ можно выразиться, провижу *инстинктомъ* симпатію, связывающую наши внутреннія помышленія, и *потому*...

(Илья Семенычъ растопырилъ руки).

...и потому позвольте поблагодарить васъ за ваше *горячее* слово.

Илья Семенычъ заключилъ господина съ неуловимыми глазками въ свои объятія и впился въ его губы своими влажными губами. Господинъ съ неуловимыми глазками скорчилъ гримасу, неохотно покорившись этому вліянію чувствъ, и потомъ долго вытиралъ свой ротъ салфеткой.

— Чокнемтесь еще разъ,—продолжалъ Илья Семенычъ, обращаясь къ нему,—еще разъ, вотъ этакъ... Ваше сіятельство, и вы, милостивые государи... вы *понимаете* поэзію вы сочувствуете всему... Позвольте, я прочту вамъ мои стихи, которые вылились у меня *экспромтомъ* третьяго дня.

— Пожалуйста, пожалуйста!—закричали всѣ.

— Нелишнимъ считаю замѣтить, ваше сіятельство, что я часто не сплю по ночамъ отъ волненія, отъ столкновенія поэтико-сердечныхъ мыслей, и отъ этого послѣ обѣда, такъ сказать, досыпаю необходимую мнѣ *сумму сна*. Третьяго дня я заснулъ послѣ обѣда и, проснувшись, бросился тотчасъ къ перу и написалъ эти строки:

Поэзья—*даръ* возвышенныхъ сердецъ
И жизни *высшая* отрада, утѣшенье!
Насъ жизнь гнететъ и давитъ какъ *свинецъ*,
Но съ *ней* забудешь всѣ мірскія треволненья...
Кто, сердце доброе и чистое имѣя,
Залогъ *прекраснаго* въ душѣ своей хранитъ,
Къ тому она слетаетъ, словно фея,
Того она *всегда* животворитъ;
Съ амврозіей *фіялъ* тому она подноситъ,
Любовію избранника даритъ;
Съ ней незамѣтно онъ и *горе* переноситъ,
Какъ мимолетный и тяжелый сонъ,
И *радость* самую вкушаетъ слаще онъ!

Когда раздавшіяся послѣ этого браво и рукоплесканія смолкли, господинъ съ неуловимыми глазками обратился къ Ильѣ Семенычу.

— А знаете ли,—сказалъ онъ ему,—что вы здѣсь между нами имѣете соперника? Вотъ этотъ господинъ тоже поэтъ.

И онъ указалъ на Вихляева.

— Да, да, я тоже поэтъ!

Илья Семенычъ пристально посмотрѣлъ на Вихляева.

— Тѣмъ лучше.—Потомъ онъ обратился къ господину съ неуловимыми глазками:—Но вы употребили не то выраженіе... *соперниковъ* между нами нѣтъ: мы всѣ братья по *Апполону*... Ну, чокнемся же...

И Илья Семенычъ протянулъ свою руку съ бокаломъ черезъ столъ къ Вихляеву. Вихляевъ, иронически улыбаясь, чокнулся съ нимъ.

— Теперь,—продолжалъ Илья Семенычъ,—мы должны выпить на *ты*, потому что мы, такъ сказать, *свойственники* по поэзіи, *духовные* земляки. У насъ одна родина — Парнасъ!

— Разумѣется, вотъ прекрасная мысль! Это необходимо,— замѣтили почти въ одно слово графъ и господинъ съ неуловимыми глазками.

Шутка эта была, однако, не совсѣмъ пріятна Вихляеву: но онъ скрылъ свое неудовольствіе подъ насильственнымъ хохотомъ и выпилъ съ Ильей Семенычемъ на ты.

— А ты что такое сочиняешь? — спросилъ его Илья Семенычъ. — Въ *какомъ родѣ* твои стихи?

— Въ разныхъ родахъ,—отвѣчалъ Вихляевъ, продолжая смѣяться насильственно.

— Въ комическомъ, дидактическомъ или *возвышенно*-лирическомъ? Что преобладаетъ въ тебѣ—мысли или фантазія?

— Фантазія,—отвѣчалъ за него господинъ съ неуловимыми глазками,—онъ большой мастеръ фантазировать... Ну, профантазируйте что-нибудь, Вихляевъ; покажите вашъ талантъ.

Вихляевъ вдругъ сбился съ своей роли, нахмурился и сказалъ обиженнымъ голосомъ:

— Это совсѣмъ неостроумно.

— Но справедливо,—замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками, потому что отъ фантазіи до лжи только одинъ шагъ.

— Выслушай, выслушай, — говорилъ Илья Семенычъ Вихляеву, дергая его за руку,—я тебѣ прочту мои стихи въ *возвышенно*-лирическомъ родѣ.

Вихляевъ начиналъ не на шутку оскорбляться тѣмъ, что его поставили на одну доску съ какимъ-то провинціальнымъ шутомъ; такимъ по крайней мѣрѣ считалъ онъ Илью Семеныча, впрочемъ, совершенно неосновательно, потому что добрый Илья Семенычъ никогда, напримѣръ, не позволилъ бы для чьего бы то ни было удовольствія размазывать себѣ

лицо жженой пробкой или обливать себя холодною водою. Вихляевъ даже прошепталъ съ гримасой, когда Илья Семенычъ дернулъ его за руку:

— Ахъ, пожалуйста, отстаньте!

Но Илья Семенычъ въ жару поэтическаго настроенія не слыхалъ и не видалъ ничего и продолжалъ:

— Эти стихи я написалъ въ *десять* минутъ... ровно въ *десять*: передо мной стояли часы.

> На лирѣ я *брящалъ* тревожною рукой,
> Исполненный огня и *силы* вдохновеній;
> Міръ *дольній* сей исчезъ передо мной
> Со всею смутою *суетъ* и *треволненій*.
> Въ эѳирѣ я, *восторженный*, парилъ,
> *Міры* вокругъ меня въ эѳирѣ томъ вращались;
> Я жизнію *иной*, *нездѣшней* жизнью жилъ,
> И помыслы мои *невольно* просвѣтлялись!

— Затѣмъ стихъ «міры вокругъ меня въ эѳирѣ томъ вращались»—это *высокій* стихъ!

— Такой стихъ могъ только написать, — сказалъ Александръ Иванычъ, подмигнувъ значительно графу,—потомокъ Багрима, нашъ сѣверный бардъ — Гавріилъ Романычъ!

Илья Семенычъ выскочилъ изъ-за стола и, размахивая рукой, въ которой держалъ салфетку, подбѣжалъ къ Александру Иванычу.

Онъ выставилъ правую ножку впередъ, подался нѣсколько назадъ всѣмъ туловищемъ и, размахнувъ снова рукой, подобно трагическому актеру, воскликнулъ:

> Не мню съ потомкомъ я Багрима состязаться,
> Во слѣдъ за нимъ не *въ силахъ* я летѣть,
> Могу лишь имъ *всечасно* восхищаться
> И *образцомъ* его передъ собой имѣть!

Когда встали изъ-за стола и вышли изъ столовой въ другую комнату, графъ, куря сигару, подошелъ къ фортепіано и взялъ разсѣянно нѣсколько аккордовъ.

— Ваше сіятельство,—закричалъ во все горло Илья Семе-

нычъ,—позвольте мнѣ пропѣть мои *комико*-юмористическіе куплеты... Господа, послушайте... *Кто* будетъ мнѣ аккомпанировать? Они на музыку изъ «Любовнаго напитка:» *Adorata barcarolla.*

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ графъ, садясь къ фортепіано.

— Извольте начинать, ваше сіятельство, извольте... Извините, господа, я не совсѣмъ въ голосѣ... это ничего.

И онъ запѣлъ:

Коноводъ и *предводитель...*
Нашъ зоилъ и нашъ судья,
Онъ сердецъ всѣхъ *сокрушитель,—*
Ужъ про это знаю *я!*
На амуры *первый* дока,
Раздушенъ всегда амбре,
Вины пьетъ онъ отъ *Депре*
И волочится *жестоко...*

Илья Семенычъ остановился на минуту, обвелъ своимъ помутившимся взоромъ собраніе, ободрившее его рукоплесканіями, и сказалъ:

— Позвольте, позвольте, какъ дальше...

Точитъ... точитъ..

— Какъ бишь? Да, да...

Славно точитъ онъ балясы,
Про него несется гулъ,
Что онъ *даже* Ловеласа
Просто за поясъ заткнулъ...

Илья Семенычъ снова остановился.

— Ну, забылъ; а славные куплеты. Вотъ ужъ я лучше спою вамъ мой романсъ:

Сжала мнѣ руку она
И на меня поглядѣла,
Нѣжной любовью полна,
И... и... и...

Илья Семенычъ не въ силахъ уже былъ докончить этого романса, подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ кувшинъ съ ликеромъ, налилъ ликеръ въ стаканъ, начиная уже совершенно терять сознаніе въ своихъ поступкахъ, и, поднявъ стаканъ кверху, закричалъ во все горло.

— Здоровье его сіятельства. Ура!

Затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, онъ опустился въ кресла и захрапѣлъ.

— Герой опочилъ на лаврахъ! — замѣтилъ Александръ Иванычъ графу.

— Вотъ оригиналъ-то! — сказалъ графъ.

— Я вамъ говорилъ, что это драгоцѣннѣйшій субъектъ. Но вы еще, графъ, видѣли его не со всѣхъ сторонъ. Онъ необыкновенно влюбчивъ, и надо посмотрѣть, какъ онъ ухаживаетъ за предметомъ своей страсти...

— А нѣтъ ли здѣсь въ сосѣдствѣ этакихъ дамъ или барышень? — перебилъ графъ, — онъ влюбится, и тогда можно устроить забавныя сцены.

— Да вотъ твои сосѣдки-то, — сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками, — чего же лучше?

— О нѣтъ, нѣтъ! — возразилъ графъ, — это не то... а кстати, ты знаешь ли, что мы съ Александромъ Иванычемъ у этихъ сосѣдокъ были сегодня съ визитомъ, и онѣ будутъ у насъ на-дняхъ обѣдать?

— Вотъ какъ!

Господинъ съ неуловимыми глазками посмотрѣлъ на графа, и на его лицѣ едва замѣтно мелькнула улыбка.

— Это очень хорошее семейство, — продолжалъ графъ, — очень почтенная старушка, а ея дочь очень миленькая и, кажется, не дурно воспитана. Не правда ли, Александръ Иванычъ?

— Да я вамъ скажу, что это первая дѣвушка у насъ въ губерніи — по уму, образованію и красотѣ.

— Премилая, премилая, — заболталъ Вихляевъ, — и другая дѣвушка, которая у нихъ живетъ... она не первой молодости, но прекрасный греческій типъ. Это вѣдь она сидѣла въ паркѣ, помните, я вамъ говорилъ, когда мы въѣзжали

сюда... и что удивительно, вообразите, нога у нея шоссирована какъ нельзя лучше: прюнелевая ботинка съ лакированнымъ носкомъ... *Charmant!* А эта дѣвушка, дочь помѣщицы, знаешь ли, имѣетъ сходство съ Пряхиной. Право.

— Какой вздоръ!—сказалъ графъ.

Вихляевъ еще заболталъ что-то такое въ отвѣтъ, но въ эту минуту вошелъ человѣкъ.

— Изъ вашей деревни мужикъ прiѣхалъ,—сказалъ онъ и подалъ Александру Иванычу письмо.

Александръ Иванычъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, распечатывая это письмо, но, пробѣжавъ его, успокоился и даже прiятно улыбнулся.

Алена Θедоровна писала къ нему, замѣняя всѣ знаки препинанiя однимъ тире, какъ обыкновенно пишутъ дамы.

«Я очень тронута и вполнѣ чувствую и умѣю цѣнить ту доброту и ласку—которую оказываетъ графъ Сергiй Григорьевичъ нашему Васѣ, который, съ чѣмъ я совершенно согласна, можетъ быть ему всегда полезенъ—тѣмъ болѣе намъ надо показать графу, что мы все это цѣнимъ—вотъ отчего мы непремѣнно должны пригласить его къ себѣ и устроить по этому случаю обѣдъ—а вечеромъ танцы—я сама желаю лично благодарить графа также и за его вниманiе ко мнѣ—и должно показать, что мы умѣемъ жить въ свѣтѣ, а графъ пусть самъ назначитъ день, когда ему угодно будетъ удостоить насъ посѣщенiемъ—только надо все устроить такъ, чтобъ заранѣе всѣмъ можно было распорядиться, чтобы все было хорошо и чтобы не уронить себя въ глазахъ графа—для этого, какъ можно скорѣе, тебѣ надо прiѣхать домой—а я слава Богу здорова—староста приходилъ и спрашиваетъ»... и прочее.

«P. S. Также заѣзжай къ Вѣрѣ Ивановнѣ пригласи ее, Катерину Павловну и Надину — мнѣ бы не хотѣлось приглашать Кобелякову *c'est une femme que je déteste,* но нельзя избѣжать этого; да къ тому же будутъ нужны кавалеры и все-таки безъ ея сына обойтись нельзя — танцующихъ кавалеровъ такъ здѣсь мало, хотя онъ порядочный *mauvais genre*».

Мысль Алены Θедоровны очень понравилась ея супругу,

и фантазія его касательно устройства обѣда и бала разгорѣлась мгновенно. «Надо устроить,—думалъ онъ,—иллюминацію, зажечь смоляныя бочки... велѣть разрисовать Прошкѣ щитъ съ вензелевымъ изображеніемъ графа; я составлю самъ рисуночекъ: графская корона, лавровый вѣнокъ,—буквы готическія; оркестръ музыки—непремѣнно. Надо, чтобы вся губернія заговорила о томъ, какъ я угощалъ у себя графа, да чтобы и самъ графъ разсказывалъ потомъ въ Петербургѣ, что и въ провинціи есть люди, имѣющіе понятіе о томъ, какъ жить».

Графъ вывелъ Александра Иваныча изъ этихъ размышленій.

— О чемъ вы это такъ задумались?

— Да вотъ думаю о томъ, графъ, что я слишкомъ зажился у васъ... пора домой.

— Что вамъ вдругъ пришла въ голову эта странная мысль?

— Но...

— Я никакихъ *но* не принимаю,—сказалъ графъ,—къ тому же я хочу послѣ завтра звать обѣдать Бѣловыхъ, а безъ васъ имъ будетъ здѣсь въ первый разъ неловко.

— До послѣ завтра, до вечера я пожалуй останусь,—отвѣчалъ Александръ Иванычъ,—но никакъ не долѣе. Къ тому же у меня до васъ есть просьба, графъ, и я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ.

Александръ Иванычъ прищурилъ глазки и остановился на минуту.

— Просьба эта,—продолжалъ онъ мѣрно и съ разстановками,—состоитъ въ слѣдующемъ: я и жена моя усерднѣйше просимъ ваше сіятельство удостоить чести своимъ посѣщеніемъ нашъ уголокъ, отвѣдать нашего хлѣба-соли,—а хлѣбомъ мы васъ угостимъ въ сытость. Для этого благоволите назначить денекъ, а мы будемъ ожидать васъ съ нетерпѣніемъ и, срѣтая васъ у себя, скажемъ: «Счастливы, видѣвшіе тебя и любовію твоею украшенные».

— Я очень радъ и всегда къ вашимъ услугамъ, — сказалъ графъ,—онъ васъ зависитъ назначить день.

— Съ тою же просьбою,—продолжалъ Александръ Ива-

нычъ, обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками,— я обращаюсь и къ вамъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками кивнулъ головой.

— И къ вамъ,—продолжалъ Александръ Иванычъ, обращаясь къ Вихляеву.

— Ваши гости-съ,—отвѣчалъ Вихляевъ, пристукнувъ каблуками и кокетливо тряхнувъ головой, чтобы откинуть назадъ волосы.

На другой день утромъ графъ послалъ въ Березовку превосходно составленный букетъ для Кати и письмо къ старушкѣ, ея матери. Въ этомъ письмѣ графъ приглашалъ къ себѣ на слѣдующій день не только Вѣру Ивановну съ дочерью, но даже и Надежду Кондратьевну, совершенно запросто, по-сосѣдски, замѣчая, что если Катеринѣ Павловнѣ будетъ угодно взять первый урокъ въ верховой ѣздѣ, то для нея приготовлена уже лошадь, и что онъ ей, какъ охотницѣ до цвѣтовъ, посылаетъ букетъ изъ своихъ оранжерей.

Посланіе графа и букетъ произвели большой эффектъ въ Березовкѣ.

— Каковъ букетецъ-то тебѣ прислалъ его сіятельство! посмотри-ка, да прочти—вотъ письмо его,—сказала Вѣра Ивановна.

Катя взяла письмо нѣсколько дрожащей рукой. Когда она пробѣжала его, лицо ея вдругъ вспыхнуло.

Захаръ Лаврентьичъ во все это время пристально смотрѣлъ на нее. Онъ отошелъ къ окну и началъ безцѣльно смотрѣть въ окно.

ГЛАВА III.

Еще день чуть начиналъ заниматься, а Катя уже проснулась и не могла заснуть отъ волненія.

Она встала съ постели и открыла окно. Прохладный и росистый воздухъ пріятно пахнулъ въ ея комнату. Она накинула на себя кацавейку и сѣла у окна. На свѣтлой синевѣ неба слабо кое-гдѣ мерцали потухшія звѣздочки, еще

за часъ передъ этимъ ярко сверкавшія на ней милліонами во мракѣ теплой іюньской ночи: легкія и прозрачныя облака, узкими и длинными полосами тянувшіяся отъ востока, чуть замѣтно начинали слегка окрашиваться блѣдно-розовымъ цвѣтомъ, густой, синеватый туманъ недвижно стоялъ надъ болотистою мѣстностію, и какъ острова на широкомъ водяномъ пространствѣ выплывали изъ него холмы и пригорки, покрытые кустарникомъ; вправо, въ блѣдномъ разсвѣтѣ рождающагося утра, еще неопредѣленнымъ, темнымъ пятномъ начиналъ выказываться лѣсъ покровскаго парка; кустъ бузины передъ самымъ окномъ Кати, отягченный крупными каплями матовой росы, дремалъ, опустивъ свои вѣтки; необыкновенная тишина разлита была повсюду; никакого звука, ни малѣйшаго движенія. Катя вспомнила о Захарѣ Лаврентьичѣ и подумала, — можетъ быть, онъ теперь ужъ гдѣ-нибудь ловитъ рыбу; онъ что-то вчера былъ очень грустенъ, или мнѣ такъ только показалось, потому что о чемъ грустить ему? развѣ о неудачномъ ловѣ? Но мысль ея, правду сказать, недолго остановилась на Захарѣ Лаврентьичѣ... Она смотрѣла все въ ту сторону, гдѣ было Покровское... Покровскій лѣсъ выходилъ все яснѣй и яснѣй на голубѣвшемъ фонѣ неба; блѣдно-розовыя облака принимали болѣе густой и яркій колоритъ, переходившій почти въ пурпуровый; окраины облаковъ начинали золотиться... и вдругъ все оживилось и встрепенулось при первыхъ лучахъ солнца; облака какъ будто растаяли въ лазури отъ прикосновенія этихъ лучей; верхушки лѣса зазеленѣли; матовыя росинки на кустахъ и деревьяхъ загорѣлись какъ брилліанты; раздалось чиликанье птицъ и громкая пѣсня жаворонка, высоко взвивавшагося въ поднебесье.

«Черезъ нѣсколько часовъ я буду въ Покровскомъ», подумала Катя, и сердце ея вдругъ болѣзненно сжалось при этой мысли, какъ будто тамъ ожидало ее что-нибудь необыкновенное. Радостное нетерпѣніе смѣшивалось въ ней вмѣстѣ съ неопредѣленно-мучительною боязнію, можетъ быть потому, что нервы ея были раздражены безпокойными и странными снами...

Черезъ минуту она впрочемъ съ пріятностію занялась размышленіемъ о своемъ туалетѣ и начала въ сотый разъ разсматривать и нюхать великолѣпный и душистый букетъ, присланный ей графомъ и стоявшій въ кружкѣ на столикѣ, у ея постели.

Надежда Кондратьевна проснулась только немножко позже Кати, потому что и она также не могла спать отъ волненія и ей также видѣлись тревожные сны, въ которыхъ являлись графъ, Вихляевъ и угреватый поэтъ.

Когда она увидѣла Катю, сидящую у окна, она вскрикнула:

— Ахъ, ma chère, вы ужъ проснулись? какъ я рада!

И затѣмъ начала совѣщаться съ Катей насчетъ туалета. Совѣщаніе это, продолжавшееся очень долго, кончилось тѣмъ, что Надежда Кондратьевна рѣшилась надѣть розовое буф-муслиновое платье, потому что день предвѣщалъ быть очень жаркимъ; а Катя сказала, что надѣнетъ бѣлое кисейное...

— Ахъ, да не будетъ ли это слишкомъ просто, душечка?—возразила Надежда Кондратьевна.—А что жъ, вы не станете брать сегодня урока въ верховой ѣздѣ?

— Да что жъ дѣлать? я бы очень желала,—отвѣчала Катя,—да вѣдь нельзя же безъ амазонки, а у меня ея нѣтъ.

— У Катеньки Прилуцкой прелестная амазонка: пошлите къ ней попросить на фасонъ. Она, вѣрно, въ этомъ не откажетъ вамъ.

— Я ужъ объ этомъ думала,—замѣтила Катя.

Дамы наши не безъ сердечнаго волненія усѣлись въ четырехмѣстную, огромныхъ размѣровъ карету, окрашенную ярко-желтой краской и купленную Павломъ Васильичемъ въ тотъ счастливый день, когда онъ передъ лицомъ всѣхъ назвалъ себя женихомъ Вѣры Ивановны. Карета эта, запряженная четвернею на выносъ, рѣдко выдвигалась изъ сарая, потому что по своей тяжести была очень неудобна для своего назначенія и употреблялась Вѣрою Ивановною, какъ и шелковый капотъ ея, только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, такъ что когда Катя сѣла въ нее, она должна бы-

ла тотчасъ же отворить окна, боясь задохнуться отъ тяжелаго и затхлаго запаху. Старый Игнатьичъ, въ ливреѣ съ галунами, блескъ которыхъ давно уже потухъ, захлопнувъ дверцы, прокричалъ: «въ Покровское!»—Высокій и уже не первой молодости форейторъ, съ серебристыми иглами на бородѣ, махнулъ кнутомъ, промычавъ: «ну, ну, ну», и экипажъ двинулся, застонавъ, заскрипѣвъ и задребезжавъ, какъ будто жалуясь на то, что его безпокоятъ на старости лѣтъ.

Вѣра Ивановна перекрестилась.

Дорогою дамы разговаривали между собою немного, и на лицахъ каждой изъ нихъ выражалось какъ бы нѣкоторое безпокойство. Скрипящая и бренчащая колымага приводила Катю въ нѣкоторое смущеніе; пискъ и скрипъ ея дѣйствовали болѣзненно на нервы бѣдной дѣвушки. Когда же колымага повернула на великолѣпный дворъ покровскаго дома, Катя замѣтно измѣнилась въ лицѣ: ей казалось, что, встревоженные ея бренчаньемъ, стономъ и пискомъ, графъ, его пріятели и даже вся графская дворня насмѣшливо смотрятъ на ихъ въѣздъ. При громкомъ «пади!» форейтора съ серебристыми иглами на бородѣ у Кати даже замерло сердце, и она закрыла глаза... Вотъ колымага остановилась у подъѣзда, уставленнаго деревьями и цвѣтами... вотъ съ громомъ отворились тугія дверцы и начали отвертываться со стукомъ безконечныя подножки...

Графъ встрѣтилъ ихъ почти у самаго входа, ввелъ въ одну изъ угольныхъ комнатъ, выходившую въ садъ, и усадилъ смущенную старушку на диванъ... Когда же онъ подошелъ къ Катѣ, чтобы взять шляпку изъ ея рукъ, старушка почти съ испугомъ вскрикнула:

— Что это, батюшка, ваше сіятельство, вы изволите сами безпокоиться! Какъ это можно!

Затѣмъ Вѣра Ивановна и Катя начали благодарить графа за его букетъ.

Катя замѣтила, что они сидѣли въ той самой комнатѣ, на которую она смотрѣла нѣкогда изъ окна и гдѣ висѣла картина, которую она приписывала Ватто. Разговоръ мало-по-малу оживился. Графъ пригласилъ дамъ на галлерею,

выходившую въ садъ; начались восхищенія видомъ, а между тѣмъ, къ великому удовольствію старушки, явился Александръ Иванычъ и подсѣлъ къ ней и къ Надеждѣ Кондратьевнѣ. Графъ, нѣсколько поодаль отъ нихъ, стоялъ возлѣ Кати.

— А вашъ урокъ въ верховой ѣздѣ?—спросилъ онъ ее.

— Благодарю васъ, графъ,—отвѣчала Катя,—я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ въ другой разъ...

— То-есть моимъ предложеніемъ? Попробуйте, право; это доставитъ вамъ развлеченіе.

— Мнѣ давно очень хотѣлось учиться ѣздить верхомъ,—отвѣчала Катя.

— Тѣмъ лучше. Начните же ваши уроки скорѣе. Я вамъ покажу сегодня вашу лошадь.

Передъ Катею, у рѣшетки галлереи, стояли горшки съ пышными махровыми розами, и она въ нѣкоторомъ, на этотъ разъ, впрочемъ, пріятномъ замѣшательствѣ наклонилась, чтобы понюхать цвѣтокъ. Графъ сорвалъ его и подалъ ей.

Когда явились господинъ съ неуловимыми глазками и Вихляевъ, за которымъ слѣдовалъ Илья Семенычъ, графъ представилъ ихъ дамамъ.

Илья Семенычъ очень граціозно и ловко началъ расшаркиваться передъ ними и сказалъ Вѣрѣ Ивановнѣ:

— Я уже *заочно* питалъ къ вамъ всегда уваженіе, *движимъ* былъ постоянно *искреннѣйшимъ* желаніемъ познакомиться съ вами... и съ вами... и съ вами, сударыни (онъ обратился, расшаркиваясь, къ Катѣ и Надеждѣ Кондратьевнѣ), и очень радъ, что по милости его сіятельства, *нашего гостепріимнаго* хозяина, осуществляется теперь это желаніе..

— Его сіятельство,—продолжалъ онъ, послѣ минуты молчанія и размахнувъ рукой съ торжественностью капельмейстера,—съ *очаровательнѣйшимъ*, такъ сказать, деспотизмомъ которому столь отрадно *безусловно* подчиниться, соблаговолилъ оставить меня у себя... и вотъ я здѣсь, сударыня, гощу въ этой *поэтико*-роскошной виллѣ, какъ *Горацій* у Мецената...

Въ то время, какъ Илья Семенычъ объяснялся такимъ

образомъ, а Вѣра Ивановна смотрѣла на него нѣсколько вопросительно, не совсѣмъ понимая его краснорѣчивыя фразы, господинъ съ неуловимыми глазками незамѣтно и быстро обозрѣлъ дамъ. Презрительно - насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ при мгновенномъ взглядѣ на старушку и особенно на Надежду Кондратьевну, но его неуловимые глазки остановились на Катѣ и, казалось, всматривались въ нее съ любопытствомъ.

«Да, она ничего, недурна, — подумалъ онъ, — но не стоитъ того, чтобы изъ удовольствія видѣть ее пускать къ себѣ такихъ фигуръ, какъ ея спутницы. Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшился бы на этотъ подвигъ. Это какія-то госпожи съ того свѣта!»

Вихляевъ, у котораго не выходила изъ головы «пасторальная интрижка», подошелъ къ Надеждѣ Кондратьевнѣ и сказалъ ей по-французски:

— А я ужъ не въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ? гдѣ же вы меня видѣли? — спросила съ восхитительнымъ кокетствомъ Надежда Кондратьевна на томъ же діалектѣ.

— Первый разъ,—продолжалъ Вихляевъ,—я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь недалеко, въ паркѣ, въ тотъ день, когда мы сюда пріѣхали, а второй разъ—у насъ въ саду, когда мы давали крестьянамъ праздникъ.

Надежда Кондратьевна, вѣроятно, вспыхнула бы отъ удовольствія, если бы только румянецъ могъ пройти сквозь густой слой ея притираній. Играя своимъ двойнымъ бронзовымъ лорнетомъ, она, нѣсколько прищурясь, взглянула на Вихляева и сказала:

— Я также васъ видѣла. Вѣдь вы ѣхали во второй коляскѣ? вы сидѣли одни? не правда ли?

— Да. Я въ дорогѣ всегда ѣзжу одинъ. Одному гораздо покойнѣе; но въ коляскѣ и одному какъ-то не совсѣмъ удобно. Я очень сожалѣю, что не взялъ сюда моего дормёза. Ничего не можетъ быть лучше: все подъ рукой, все такъ комфортно. За границей дѣлаютъ экипажи удивительно... я купилъ этотъ

дормёзъ въ Лондонѣ и, вообразите, изъѣздилъ въ немъ почти всю Европу, и ни одинъ винтикъ не расшатался. Правда, что я заплатилъ за него дорого...

«Очаровательный молодой человѣкъ», подумала Надежда Кондратьевна, потупляя глаза, и потомъ, взглянувъ на него, спросила съ неописанно-пріятнымъ и вмѣстѣ хитрымъ выраженіемъ:

— А какъ вамъ нравятся здѣшнія мѣста? Вы, я думаю, скучаете по столичной жизни, гдѣ столько развлеченій и удовольствій?

— До сихъ поръ, признаться, мнѣ было скучно, потому что я слишкомъ привыкъ къ дамскому обществу, но теперь, когда мы имѣли удовольствіе познакомиться съ вами... въ сосѣдствѣ вашемъ скучать уже невозможно.

«Милый льстецъ! О, какіе же тонкіе эти свѣтскіе люди!» подумала Надежда Кондратьевна.

— Благодарю васъ за комплиментъ, — сказала она, — но гдѣ жъ намъ, провинціалкамъ, замѣнить для васъ столичныхъ, свѣтскихъ женщинъ?

— Вы меня заставили забыть въ сію минуту, что я въ провинціи.

— Это ужъ слишкомъ! — произнесла съ восторгомъ Надежда Кондратьевна. — Пожалуйста, не думайте, чтобы мы были такъ легковѣрны, чтобы мы принимали обыкновенныя любезности за что-нибудь болѣе серьезное.

— Могу васъ увѣрить, что я говорю очень серьезно...

Между тѣмъ какъ Вихляевъ любезничалъ, Илья Семенычъ подошелъ къ господину съ неуловимыми глазками.

— Не правда ли, — сказалъ онъ ему, указывая на Надежду Кондратьевну, — во взглядѣ этой дѣвицы есть что-то *сердечно*-трогательное и говорящее воображенію?

— Да, это правда, — отвѣчалъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— *Идеально*-изящна!.. Мнѣ пріятно, что насъ, такъ сказать, соединяетъ *гармонія* въ воззрѣніяхъ и вкусахъ.

— И должно быть поэтическая дѣвушка?

— *Счастливая* мысль!..

Илья Семенычъ еще пристальнѣе началъ вглядываться въ Надежду Кондратьевну.

— У нея артистическое образованіе лба и, если такъ можно выразиться, *животворность* во всемъ существѣ. Къ такимъ существамъ чувствуется невольно *духовно*-родственное влеченіе...

— Надобно бы съ ней покороче познакомиться, — замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками, — она, право, стоитъ того.

— Я заговорю съ ней.

И съ этимъ словомъ Илья Семенычъ въ два прыжка очутился передъ Надеждой Кондратьевной и Вихляевымъ.

— Я всегда очень любила Покровское, — говорила Надежда Кондратьевна Вихляеву, — наши любимыя прогулки всегда были сюда. Въ этихъ рощахъ и садахъ есть что-то поэтическое.

При словѣ «поэтическое» у Ильи Семеныча забилось сердце.

— Прекрасно и *вѣрно* изволили замѣтить, сударыня, — сказалъ онъ, ударяя какъ бы тактъ по своей золотой табакеркѣ, — именно, въ здѣшнихъ мѣстахъ есть это неуловимое *нѣчто,* говорящее артистическому чувству, что-то родное, близкое *восторженной* душѣ, *дѣйствующее* одинаково на всѣхъ людей съ *высокимъ* назначеніемъ...

Въ ту минуту, какъ Илья Семенычъ, къ неудовольствію Вихляева, такъ неожиданно вмѣшался въ разговоръ его съ Надеждой Кондратьевной, господинъ съ неуловимыми глазками взялъ графа за руку и вышелъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату.

— Я тебя поздравляю, Сережа, — сказалъ онъ, остановившись, — мы можемъ устроить спектакль удивительный. Намъ недоставало только женщины—и она нашлась. Этотъ шутъ, помѣшавшійся на поэзіи, начинаетъ уже чувствовать влеченіе къ нарумяненной барышнѣ съ балаболками. Мы устроимъ такъ, чтобы они влюбились другъ въ друга или чтобъ хоть онъ влюбился въ нее, — все равно. А ужъ лучше барышни для этого шута придумать нельзя! Вихляевъ что-то

за ней ухаживаетъ—это тоже недурно: она можетъ влюбиться въ него... тутъ будетъ сцена ревности...

— Превосходно! — сказалъ графъ, смѣясь и потирая руки отъ удовольствія.

— А знаешь ли, — продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками, голосомъ мягкимъ и вкрадчивымъ, — дочь этой помѣщицы, твоя сосѣдка, очень, очень миленькая; я, признаюсь, не ожидалъ этого... какія у нея манеры, какъ она мило одѣта...

— Не правда ли? — перебилъ графъ, — я тебѣ говорилъ. И она очень неглупа...

— Такое сосѣдство не вредно, и я пари держу, что ты ее съ ума сведешь.

Графъ улыбнулся.

— Наша деревенская жизнь начинаетъ становиться забавной, — продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками, — ты вывезешь отсюда совершенно новыя впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, любовь провинціальной барышни—это очень оригинально, тутъ есть что-то заманчивое по новости. Ну, что, напримѣръ, для тебя любовь актрисы, танцовщицы, лоретки, даже любовь свѣтской женщины? все это такъ старо и скучно...

— А вѣдь это правда, — сказалъ графъ задумчиво.

— Тебѣ надо испытать всѣ роды любви и потомъ рѣшить, который всѣхъ скучнѣе.

Послѣ обѣда Александръ Иванычъ настоятельно началъ просить графа, чтобы онъ назначилъ день, когда ему угодно будетъ утѣшить его своимъ посѣщеніемъ; но графъ рѣшительно объявилъ, что онъ самъ дня назначать не будетъ, и что такъ какъ, вѣроятно, всѣ присутствовавшіе тутъ будутъ приглашены Александромъ Иванычемъ, то этотъ вопросъ надобно рѣшить большинствомъ. По рѣшенію большинства назначено было воскресенье, черезъ восемь дней.

— И прекрасно! — сказалъ Александръ Иванычъ Вѣрѣ Ивановнѣ, когда графъ повелъ Катю смотрѣть назначаемую для нея лошадь и за ними отправились всѣ, — вы посмотрите, какое угощеніе я дамъ графу! Въ недѣлю приготовиться

можно. У меня много затѣй въ головѣ... ну, конечно, это будетъ стоить дороговато, да ужъ для такого гостя я не пожалѣю ничего, и не потому, что онъ графъ: съ князьями и графами я-таки, слава Богу, много обращался на своемъ вѣку, — но его я буду чествовать не за его аристократическое титло, а за то, что онъ...

(И Александръ Иванычъ закрылъ глазки).

...человѣкъ!

Разговоръ Александра Иваныча съ Вѣрой Ивановной былъ прерванъ графомъ, который предложилъ имъ, если угодно, проѣхаться по парку. Старушка все кланялась графу и повторяла:

— Какъ будетъ угодно вашему сіятельству.

— *C'est bien imaginé*, — сказалъ Александръ Иванычъ: — надо показать Катеринѣ Павловнѣ *Belle-Vue:* видъ оттуда съ горы великолѣпный Что, вы еще на *Belle-Vue*-то, кажется не были, Илья Семенычъ? а для васъ, какъ для поэта, тамъ надо побывать... Вы любите живописныя мѣстоположенія, а живописнѣе ужъ того мѣста въ своемъ родѣ нѣтъ нигдѣ, ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи, — я вамъ за это отвѣчаю...

— Я страстно люблю горы, — возразилъ Илья Семенычъ,— это *побѣги праха въ небеса*, какъ *счастливо* выразился поэтъ. На гористомъ мѣстѣ ощущаешь себя *вдохновеннѣе*, мысли рвутся и *улетучиваются*, весь, такъ сказать, превращаешься въ *гимнъ*. У меня есть восьмистишіе къ горамъ. Если позволите, messieurs et mesdames, я вамъ прочту его.

И онъ, обращаясь по преимуществу къ Надеждѣ Кондратьевнѣ, началъ декламировать:

Хочу я пѣть въ своихъ стихахъ
То, какъ на *удивленье* ока,
Изъ нѣдръ земли возставшій прахъ
Вознесъ главу свою—*высоко!*
Какъ возвышаете вы насъ,
Въ *прямомъ* и *косвенномъ* значеньи,
О, горы! Гдѣ же вдохновенье
Родилось? *на горѣ Парнасъ!*

— Отъ этого, сударыня, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Надеждѣ Кондратьевнѣ, — и чувствуешь на возвышенныхъ мѣстахъ *особенное* поэтическое настроеніе...

— *Ce monsieur est insupportable!* — прошепталъ Вихляевъ Надеждѣ Кондратьевнѣ, которая нѣжно и утвердительно кивнула ему головкой на это замѣчаніе.

— Что же готовы ли экипажи? — спросилъ графъ у своего камердинера.

— Сію минуту поданы, ваше сіятельство.

Большая линейка, англійскій кабріолетъ графа и верховая лошадь ожидали уже гостей у подъѣзда. Выйдя на крыльцо, они съ минуту остановились въ недоумѣніи, какъ кому разсѣсться.

— Вы, графъ, — произнесъ Александръ Иванычъ, — садитесь въ кабріолетъ, вотъ хоть, напримѣръ, съ Катериной Павловной... Ей будетъ пріятно прокатиться въ кабріолетѣ: это будетъ для нея новость... Ну, а мы усядемся на линейкѣ.

— Что жъ, прекрасно, если такъ вамъ угодно.

Графъ обратился къ Катѣ.

Между тѣмъ гости начали уже усаживаться на линейку. Возлѣ Надежды Кондратьевны съ одной стороны сѣлъ Вихляевъ, а съ другой—Илья Семенычъ, а возлѣ Вѣры Ивановны—господинъ съ неуловимыми глазками и Александръ Иванычъ Все это сдѣлалось такъ быстро, что графъ какъ будто случайно остался съ Катей.

— Поѣзжай впередъ къ Бель-Вю, — закричалъ графъ кучеру.

Линейка двинулась. Грумъ вскочилъ на лошадь.

— Покойно ли вамъ? — спросилъ графъ у Кати, трогая лошадь.

— Мнѣ хорошо, графъ, — отвѣчала она.

Кабріолетъ графа слѣдовалъ сначала близко за линейкой, но черезъ нѣсколько минутъ графъ сдержалъ лошадь и сказалъ Катѣ:

— Мы немножко отстанемъ, потому что линейка очень пылитъ.

У подножія *Belle-Vue* графъ остановился, выскочилъ

изъ кабріолета, предложилъ руку Катѣ и началъ взбираться съ нею по крутой тропинкѣ въ гору.

— Когда же начнутся уроки въ верховой ѣздѣ? — сказалъ графъ.

— Черезъ недѣлю непремѣнно.

— Отчего не прежде?

— Потому что у меня не готова еще амазонка, графъ, — отвѣчала простодушно Катя.

— Только поэтому, а не потому, что вы немножко боитесь и оттого все откладываете?

— Я совсѣмъ не такъ труслива, ..акъ вы полагаете... вотъ вы увидите. Если бы я и въ самомъ дѣлѣ боялась, то разъ рѣшившись, я бы сумѣла пересилить въ себѣ боязнь. У меня бы достало на это характера.

— Въ самомъ дѣлѣ? такъ у васъ такой сильный характеръ?

— Я не знаю; но на такой подвигъ, мнѣ кажется, я была бы способна, — отвѣчала Катя, улыбаясь.

Графъ остановился на небольшой площадкѣ, чтобы отдохнуть.

— Какой крутой всходъ. Вы устали? — сказалъ графъ.

— Нисколько. Это вамъ трудно, потому что вы, я думаю, рѣдко ходите, а я съ дѣтства привыкла много ходить и взбиралась еще и не на такія горы.

Графъ улыбнулся и подумалъ:

«Право, она очень мила!»

— А вотъ и наши! — вскрикнула Катя, услышавъ голоса наверху.

И скоро графъ съ Катей присоединились къ остальному обществу.

Гора, носившая названіе *Belle-Vue*, была въ четырехъ верстахъ отъ покровскаго дома, на извилистомъ берегу Верейки. Берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень возвышенный, образовавшій на вершинѣ своей площадку, на которой былъ выстроенъ каменный павильонъ въ два этажа и съ бельведеромъ. Одинъ изъ владѣтелей покровскихъ, какъ говорило устное преданіе, часто уединялся сюда, чтобы свободнѣе созерцать

Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламенный Эротъ
Оттѣнилъ рукой своею
Розой дѣвственну лилею...

Въ этомъ павильонѣ, онъ, колѣнопреклоненный передъ какой-нибудь Деліей или Хлоей, восторженно восклицалъ:

И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой'
Тотъ кровъ соломенный чту крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Стократъ благословенъ!..

Теперь павильонъ этотъ представлялъ печальную картину полуразрушенія. Окна его были заколочены досками; въ широкихъ промежуткахъ искривившихся плитъ, служившихъ нѣкогда ступеньками главнаго входа, росла густая трава; деревянная крыша во многихъ мѣстахъ провалилась, и около этихъ проваловъ зеленѣли отросли рябины и березы. Задняя часть павильона была окружена лѣсомъ старыхъ дубовъ и вязовъ, величаво разросшихся на вершинахъ и на скатахъ холмовъ, образовавшихъ глубокіе овраги. Противъ павильона къ рѣкѣ сдѣлана была просѣка. Крутой берегъ *Belle-Vue* въ полуверстѣ разстоянія отъ рѣчки, которая весною разливалась до этого берега, спускался сначала уступами, поросшими блѣдной травой, наростами въ видѣ свѣтло-зеленыхъ артишокъ и кустами орѣшника, а внизу вдругъ обрывался, обнаруживая корни тощей сосны и песчаный грунтъ.

Гора эта очень справедливо носила названіе *Belle-Vue*. Видъ съ нея въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенно живописный. Катя, чуткая къ впечатлѣніямъ природы, едва не вскрикнула отъ восторга, когда передъ нею открылись: рѣчка, отражавшая на своей гладкой какъ стекло поверхности ярко-розовые, пурпуровые и огненные цвѣта горячаго заката; поемные луга, безконечно тянувшіеся за этою гладью позлащенной воды,—сливавшіеся вдали съ горизонтомъ и покрытые густою, высокою и тучною травою; причудливо изгибавшіеся и крутые берега съ песчаными обрывами книзу,

прерывавшіеся на своемъ протяженіи глубокими оврагами, мѣстами поросшіе высокимъ и темнымъ дубовымъ лѣсомъ, сквозь который въ эту минуту пылало зарева заката, а мѣстами обнаженные и желтѣвшіе рожью, только что начинавшею колоситься... Картина эта была оживлена пестрымъ стадомъ коровъ, спускавшихся къ водопою, и среди ничѣмъ не возмущаемаго, торжественнаго и успокоительнаго молчанія вечера раздавалась протяжная пѣсня пастуха, изрѣдка прерываемая громкимъ хлопаньемъ его бича, которому вторило эхо.

— Какъ такой вечеръ располагаетъ къ возвышеннымъ мечтамъ... не правда ли? — говорила Надежда Кондратьевна, стоявшая на самомъ краю берега, устремляя значительный взглядъ на Вихляева, который безсмысленно смотрѣлъ на закатъ солнца въ свое стеклышко.

— О, это правда, — отвѣчалъ лаконически Вихляевъ.

— Я вполнѣ сочувствую вамъ, сударыня, — сказалъ Илья Семенычъ, стоявшій сзади, — вы превосходно выразились: именно къ *возвышеннымъ мечтамъ*. Природа, такъ сказать, въ *соприкосновеніи* съ внутреннимъ чувствомъ человѣка порождаетъ въ душѣ его *высокія* ощущенія. Вы, можетъ быть, помните это *идеально-мягкое* описаніе вечера въ одной изъ нашихъ *лучшихъ* старинныхъ повѣстей.

И Илья Семенычъ началъ декламировать:

«Тихій и *прохладный* вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Усладъ, *молодой пѣвецъ*, приближался къ берегамъ Москвы-рѣки, на которой провелъ онъ дни своей *цвѣтущей* юности. Гладкая поверхность водъ, тихо *лобзаемая* легкимъ вѣтеркомъ, и проч.».

— Какой слогъ, — продолжалъ онъ, продекламировавъ наизусть двѣ первыя страницы изъ «Марьиной Рощи:» — *жемчугомъ*, такъ сказать, нанизано! Современные наши писатели — *я не могу* это пропустить молчаніемъ — небрегутъ своимъ слогомъ. Такой *музыки* въ слогѣ у нихъ нельзя встрѣтить.

Надежда Кондратьевна пристально посмотрѣла на Илью Семеныча и иронически замѣтила:

— О, вы совершенно справедливы!

Но добрый Илья Семенычъ, все принимавшій всегда въ буквальномъ смыслѣ, бросилъ на Надежду Кондратьевну признательный взглядъ и сказалъ ей съ чувствомъ:

— Позвольте поцѣловать вашу ручку. Все высокое находитъ *отголосокъ* въ вашемъ сердцѣ.

И онъ съ энтузіазмомъ и крѣпко прижался своими губами къ ея костлявой рукѣ.

— Въ васъ слишкомъ много поэзіи, — сказала Надежда Кондратьевна съ тончайшей улыбкой, — для нашего сухого и положительнаго вѣка. Вы рождены быть трубадуромъ.

— Вы поняли меня, — воскликнулъ Илья Семенычъ, — поняли, какъ можетъ быть никто! *Любовь, поэзія, фантазія* — это мои *стихіи*. *Любить* и *пѣть* — мое истинное назначеніе. Что можетъ быть упоительнѣе, напримѣръ, въ этотъ часъ вечера, упиваясь взоромъ любимаго существа, когда всѣ *фибры*, такъ сказать, настроены подъ *поэтическій камертонъ*, сидѣть у ногъ любимой женщины...

— О, вы мастерски проникаете въ сердце человѣческое, — сказалъ Илья Семенычъ черезъ минуту послѣ этого господину съ неуловимыми глазками, взявъ его за руку и отведя въ сторону, — вы *угадали* эту дѣвушку, точно, это *необыкновенно*, замѣчательная дѣвушка. И знаете, какъ она меня назвала? *трубадуромъ*. *Удачное* и вѣрное названіе! Именно: родись я въ средніе вѣка, въ эти вѣка *самоотверженія и энтузіазма*, и я бы ничѣмъ другимъ не могъ быть, какъ трубадуромъ!

Полюбовавшись видомъ съ *Belle-Vue*. все общество отправилось назадъ къ экипажамъ.

Катя и графъ спускались послѣдніе по тропинкѣ.

— Это первый пріятный вечеръ, который провелъ я здѣсь въ деревнѣ, — сказалъ ей графъ, пристально посмотрѣвъ на нее.

У Кати забилось сердце.

— Послушайте, — продолжалъ графъ, — мы, какъ сосѣди, должны быть дружны и видаться чаще... Не правда ли?

Катя улыбнулась.

— Мы еще очень мало знаемъ другъ друга, — отвѣчала она, — а дружба можетъ существовать, мнѣ кажется, только между людьми близкими, однихъ понятій, однихъ взглядовъ...

— Это правда, — перебилъ графъ, все такъ же пристально продолжая смотрѣть на нее. — Но вы по крайней мѣрѣ не отвергнете моей дружбы, когда ближе узнаете меня.

— Можетъ быть, — сказала смѣясь Катя.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ графъ, пожавъ ея руку.

Вся кровь при этомъ пожатіи бросилась въ голову Кати; она, однако, усиливаясь скрыть свое волненіе, тѣмъ же шутливымъ, но все-таки нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказала:

— Но для чего вамъ моя дружба?

Въ эту минуту они сошли съ горы, Вѣра Ивановна закричала: «Катя, Катя!» Катя подбѣжала къ ней, и вопросъ этотъ остался безъ отвѣта.

— Ты бы надѣла что-нибудь сверху. Къ вечеру-то теперь становится сыро, другъ мой, — сказала ей Вѣра Ивановна, — да не лучше ли тебѣ сѣсть съ нами въ линейку.

Но графъ подошелъ къ нимъ въ эту минуту и подалъ руку Катѣ.

Катя взглянула на мать, Вѣра Ивановна не произнесла ни слова, и Катя отправилась съ графомъ къ кабріолету.

Послѣ чаю начались сборы.

Катя уже стояла въ шляпкѣ, совсѣмъ готовая къ отъѣзду, у окна и смотрѣла въ садъ. Окно было отворено. Садъ дремалъ въ сумракѣ теплой и росистой ночи, весь благоухающій дикимъ жасминомъ.

— До завтра, — сказалъ вполголоса графъ, подходя къ Катѣ.

Катя вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Завтра, — продолжалъ графъ, — вы мнѣ позволите быть у васъ, чтобы поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ.

Колымага Вѣры Ивановны и тарантасъ Александра Иваныча ожидали ихъ у подъѣзда.

— Итакъ, выше сіятельство, — произнесъ Александръ Иванычъ, подходя къ графу, — въ воскресенье я имѣю честь видѣть васъ у своего домашняго очага.

Затѣмъ начались прощанія. Графъ проводилъ дамъ до крыльца и, пожимая руку Кати, еще разъ сказалъ ей вполголоса:

— До завтра.

Надежда Кондратьевна на крыльцѣ бросила на Вихляева взглядъ вмѣстѣ нѣжный и убійственный и очень ласково кивнула головкой Ильѣ Семенычу.

— Я высоко цѣню, — сказалъ ей Илья Семенычъ, расшаркиваясь, — знакомство съ вами, сударыня. Если вѣрить, такъ сказать, *магнетическому* сродству *возвышенныхъ* душъ, то смѣю надѣяться на продолженіе вашего *благосклоннаго* ко мнѣ вниманія...

ГЛАВА IV.

На другой день графъ провелъ болѣе часа въ Березовкѣ. Онъ началъ посылать Катѣ почти каждый день букеты изъ своихъ оранжерей. Катя всякій разъ ожидала посланника графа съ замираніемъ сердца, а между тѣмъ письмо графа къ Вѣрѣ Ивановнѣ носила на груди и была бы въ отчаяніи, если бы это письмо, писанное его рукою, вдругъ какимъ-нибудь образомъ пропало.

Катя не объясняла себѣ всѣхъ этихъ странныхъ явленій. Она какъ будто боялась самое себя и не доискивалась причины, почему сонъ ея сдѣлался съ нѣкотораго времени тревоженъ, почему она часто, принимаясь за книгу, должна была бросать ее...

Вообще она охладѣла къ чтенію, зато почувствовала большое влеченіе къ стихамъ и часто вполголоса и нараспѣвъ произносила съ особеннымъ чувствомъ такого рода стихи:

. . . .
. . . . Oh! l'amour, c'est la vie!
C'est tout ce qu'on regrette et tout ce qu'on envie.

Она почти совсѣмъ перестала гулять съ Надеждой Кондратьевной и все больше ходила одна, мечтая о чемъ-то очень неопредѣленномъ и туманномъ; она долго за полночь сидѣла у окна своей спальни, смотря на синее небо, усыпанное звѣздами, и повторяя пѣвучимъ голосомъ:

Du mal qu'un amour ignorée
Vous fait souffrir,
J'en porte l'ame déchirée
Jusqu'à mourir.

Отъ Альфреда де-Мюссе она переходила къ Пушкину и твердила:

. . . . унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце *такъ* горитъ и любитъ—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

По утрамъ она занималась, впрочемъ, очень прилежно шитьемъ своей амазонки и приготовленіемъ платья къ празднику Александра Иваныча. Этого праздника она ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ день праздника, рано утромъ, графъ прислалъ ей два бальныхъ букета изъ бѣлыхъ и китайскихъ розъ. Въ это утро Катя была необыкновенно весела и счастлива, и Вѣра Ивановна не могла нарадоваться, глядя на нее.

«Слава тебѣ Господи,—думала она,—что для нея есть теперь хоть маленькое развлеченіе... Она у меня стала теперь какъ будто совсѣмъ другая, оживилась, моя голубушка...»

Но я долженъ возвратиться немного назадъ и представить читателю Александра Иваныча въ нѣдрахъ его семейной жизни, озабоченнаго и занятаго приготовленіями для пріема графа.

Александръ Иванычъ возвратился домой ночью и легъ въ своемъ кабинетѣ, который уже нѣсколько лѣтъ постоянно служилъ ему вмѣстѣ и спальнею.

Онъ долго не могъ заснуть, потому что разныя затѣи

и сюрпризы для будущаго воскресенья не давали ему покоя. На осуществленіе всѣхъ этихъ затѣй и сюрпризовъ требовалось довольно значительное для него количество наличныхъ денегъ... но это обстоятельство не охлаждало смѣлыхъ порывовъ его фантазіи. Если бы какими-нибудь судьбами у Александра Иваныча очутился въ эту минуту подъ рукою капиталъ, онъ, ни мало не задумавшись, ухнулъ бы весь этотъ капиталъ и задалъ бы неслыханный праздникъ, единственно для того, чтобы заставить говорить о себѣ, чтобы озадачить всю губернію и пустить пыль въ глаза самому графу. И какъ счастливъ былъ бы тогда Александръ Иванычъ! Какъ величаво прохаживался бы онъ среди своихъ сюрпризовъ, радуясь изумленію своихъ гостей! Какъ торжественно щурилъ бы онъ свои маленькіе глазки, думая про себя: «знай нашихъ!» Какое краснорѣчіе лилось бы изъ медоточивыхъ устъ его! и въ эти минуты раздраженнаго и упоеннаго самолюбія, въ эти блаженныя минуты ему бы и въ голову не могло притти, что на другой день своего торжества онъ останется безъ копейки, что сына надобно отправлять въ Петербургъ на службу, что мельница требуетъ поправокъ, что наступилъ срокъ платежа процентовъ въ опекунскій совѣтъ, — словомъ, вся эта жалкая проза жизни!

Хотя Александръ Иванычъ никогда не писалъ стиховъ, но онъ былъ, можетъ статься, болѣе поэтъ, чѣмъ его угреватый сынъ или даже Илья Семенычъ. Кабинетъ Александра Иваныча уставленъ былъ различными рѣдкостями: полуразбитыми фарфоровыми вазами, картинами, глиняными кувшинами, старинными подсвѣчниками, тростями, трубками, заржавленнымъ оружіемъ, и, обозрѣвая всѣ эти вещи, эффектно расположенныя на стѣнахъ, шкафахъ и этажеркахъ, онъ уже мысленно обращалъ вниманіе своихъ петербургскихъ гостей на всѣ эти рѣдкости и говорилъ имъ:

— Вотъ эта трость, графъ, вещь необыкновенно цѣнная. Она принадлежала бабушкѣ Кромвеля, и этою-то самою тростью она однажды въ дѣтствѣ поколотила его, ибо онъ съ самаго дѣтства уже обнаруживалъ необычайную строптивость характера, — и затѣмъ въ доказательство подлинности

этой трости импровизировался разсказъ о томъ, какъ разъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, Александръ Иванычъ, прогуливаясь по берегу Темзы, встрѣтилъ человѣка, продававшаго эту палку, какъ онъ купилъ ее случайно, за безцѣнокъ, какъ потомъ открылась исторія этой знаменитой трости и какую неслыханную цѣну предлагалъ ему за нее его другъ, лордъ Стенлей (Джоржъ) и какъ онъ объявилъ лорду, что если бы онъ давалъ ему за нее сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то и въ такомъ бы случаѣ онъ не разстался бы съ нею.

— Ну, а что вы думаете, ваше сіятельство, объ этой головкѣ? Вещичка, я вамъ скажу, недурная, настоящій, не подверженный ни малѣйшему сомнѣнію Гвидо-Рени! Это уже рѣшили всѣ первые знатоки въ Петербургѣ, которымъ показывалъ я эту картину. Я пріобрѣлъ ее также случайно. Иду разъ въ Петербургѣ по Садовой, около Толкучаго рынка, навстрѣчу мнѣ попадается какой-то оборванный человѣкъ и несетъ эту картину. — «Не хотите ли, — говоритъ онъ мнѣ, поравнявшись со мною, — купить?» — Покажи, братецъ. Смотрю — темно, ничего почти разобрать нельзя, вижу только, что стиль перваго мастера, необыкновенная грація въ позѣ, детали превосходныя. — «Что жъ ты за нее хочешь взять, голубчикъ?» — Двадцать рублей — говоритъ. — «Дорого, хочешь десять». Онъ мнѣ тотчасъ же и отдалъ. Привожу домой, пообчистилъ немного, да потомъ, прямо съ нею въ академію. Тамъ всѣ такъ и ахнули... «Откуда, — спрашиваютъ, — вы взяли этакое сокровище?» — Это ужъ мое дѣло, — а ваше рѣшить, что это такое и стоящая ли эта вещь?... — «Еще такого — всѣ въ одинъ голосъ говорятъ — Гвидо-Рени мы и не видали: это его *chef-d'oeuvre!*»... Въ самомъ дѣлѣ, взгляните, что это за прелесть. Кто же могъ написать это кромѣ того, про котораго итальянцы говорятъ, что у него грація и красота на концѣ пальцевъ — *au bout des doigts?*

— Вотъ это трубка, изъ которой курилъ Понятовскій... и прочее, и прочее.

И какъ жемчугъ нанизывалъ свои фантазіи Александръ Иванычъ на длинную нить своего будущаго разсказа.

Онъ заранѣе составлялъ *меню* обѣда и ужина, въ размѣрахъ гомерическихъ. «Угощать такъ угощать, — думалъ онъ, — я не люблю ничего дѣлать въ половину; а хлопотъ будетъ довольно... Надо будетъ съ завтрашняго же дня приступить къ чисткѣ сада; пора-то, правда, рабочая, ну, да ужъ куда ни шло. Вѣдь такіе случаи бываютъ рѣдко. Паркъ-то совсѣмъ заглохъ, и слѣда дорогъ не видать... Это досадно!» И Александръ Иванычъ глубоко вздохнулъ... «Службы надо непремѣнно покрасить, чтобы первое впечатлѣніе при въѣздѣ было благопріятное»...

И еще долго такимъ образомъ размышлялъ Александръ Иванычъ въ тишинѣ ночи.

— Все это будетъ стоить дороговато; да что́ же дѣлать! Придется занимать у этого скряги Проскочина подъ залогъ будущаго хлѣба... И хоть бы проценты-то бралъ человѣческіе, а то... еще сосѣдъ! Грубѣйшее созданіе! вѣдь спитъ на деньгахъ, а спрашивается, для чего онѣ ему? Имѣетъ ли онъ хотя малѣйшее понятіе о томъ, что́ такое жизнь? Живетъ въ неоштукатуренныхъ стѣнахъ, съ тараканами, въ засаленномъ халатѣ, ѣстъ такое, что при одной мысли тошнитъ.

Александръ Иванычъ плюнулъ.

— А придется ему кланяться, дѣлать нечего. да еще звать къ себѣ этакого грязнаго батрака! Поди же ты, толкуй ему, что деньги — не цѣль, а *средство*...

Несмотря на то, что Александръ Иванычъ заснулъ поздно, онъ проснулся гораздо прежде своей Алены Ѳедоровны, которая для *тону* никогда не вставала прежде десяти часовъ, а такъ маялась въ постели, хоть ей вовсе спать не хотѣлось. Пройдясь по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: по столярнымъ, по ткацкимъ и другимъ, и осмотрѣвъ все съ видомъ глубочайшаго знатока и хозяина, побывавъ въ оранжереѣ, въ которой находились между прочимъ два небольшихъ померанцевыхъ деревца, и полюбовавшись своими георгинами, Александръ Иванычъ возвратился ровно къ десяти часамъ, то-есть прямо къ выходу Алены Ѳедоровны, которая обыкновенно сама разливала чай.

Алена Ѳедоровна сидѣла уже за чайнымъ столомъ.

Александръ Иванычъ подошелъ къ ручкѣ супруги и потомъ, потирая свои руки и потряхивая головкой, спросилъ у нея о здоровьѣ.

— Слава Богу, — отвѣчала Алена Өедоровна съ той милой аффектаціей и жеманностью, которая во время оно была неизбѣжною принадлежностью актрисъ, разыгрывающихъ роли герцогинь и княгинь въ высокой комедіи, едва открывая свой ротъ и какъ-то совсѣмъ сжимая губы, — меня попрежнему только безпокоитъ мигрень... Ну, а что́ же графъ? я надѣюсь, вы приглашали его? *Il a fixé le jour?*

— Графъ будетъ къ намъ въ воскресенье,—произнесъ Александръ Иванычъ свѣтлымъ и звонкимъ голосомъ, загнувъ нѣсколько назадъ головку, съ чувствомъ достоинства и съ пріятнѣйшею улыбкою посмотрѣвъ на супругу. — Еще до полученія отъ тебя письма графъ объявилъ мнѣ, что онъ очень желалъ бы побывать у меня и быть тебѣ представленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ воскресенье, разумѣется, черезъ недѣлю? — продолжала она. — Я надѣюсь (на словѣ надѣюсь Алена Өедоровна сдѣлала значительное удареніе), что все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ, по-барски для пріема такого гостя. Вѣдь это не то, что ваши Ушицыны, Проскочины, Зарубаевы и тому подобные... Это — *графъ,* человѣкъ деликатный, самаго высокаго тона... Надобно, чтобы ничто его не шокировало. Вы понимаете?

— Знаю, матушка, знаю — отвѣчалъ Александръ Иванычъ: — *soyez tranquille,* все будетъ устроено блистательно, на славу, я удивлю всю...

— Тутъ нужно, Александръ Иванычъ, дѣло, а не слова, — прервала его Алена Өедоровна. — На словахъ-то, я васъ знаю, вы все дѣлаете блистательно. На словахъ-то вы должны бы были имѣть теперь тысячъ до пяти душъ, а на самомъ дѣлѣ вы только прожили и разстроили все имѣніе.

Александръ Иванычъ какъ-то весь непріятно съежился при этихъ словахъ и нетвердо произнесъ, да и то сквозь зубы:

— То-есть *мы* прожили...

— *Вы,* а не *мы,* — твердо произнесла Алена Өедоровна,—

потому что я никогда не жила такъ, какъ бы слѣдовало, на барскую ногу, не пользовалась никакими удовольствіями. Вы завезли меня почти ребенкомъ сюда въ глушь, и я только мелькомъ, какъ сквозь сонъ видѣла столичныя развлеченія... Вы никогда не заботились о томъ, чтобы доставить мнѣ хотя малѣйшее удовольствіе, все возились съ вашими проектами, съ какими-то фабриками, растратили состояніе, обманывали меня на каждомъ шагу, хвастали, волочились за всѣми...

Александръ Иванычъ съ поникшей головой и съ опущенными руками стоялъ у окна, боясь даже взглянуть въ ту сторону, откуда раздавались на этотъ разъ звуки голоса его супруги. Въ эту минуту его нельзя было узнать. Казалось онъ постарѣлъ двадцатью годами и изъ бодраго и свѣжаго старичка какимъ-то чудомъ превратился вдругъ въ развалину.

Алена Ѳедоровна смолкла, однако, къ его совершенному счастью и удивленію, потому что, когда она заводила рѣчь о ихъ супружескихъ отношеніяхъ (что случалось очень часто), то эта рѣчь, возвышаясь обыкновенно *crescendo*, разражалась страшными громами и бурей надъ его обнаженной и беззащитной головой... Смягченная въ эти минуты мыслью о графѣ, она затаила свою внутреннюю бурю, начинавшую уже закипать, до перваго удобнаго случая; живописно привстала со стула, сняла чайникъ съ самовара, налила чашку чаю и сказала Александру Иванычу:

— Вотъ вашъ чай.

Александръ Иванычъ подошелъ къ столу такъ тихо и осторожно, какъ будто въ комнатѣ былъ больной, котораго онъ боялся обезпокоить, молча сѣлъ къ столу и занялся чаемъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царствовало молчаніе, по временамъ прерываемое только звукомъ ложечекъ о чашки.

— Надо будетъ разослать приглашенія, — сказала наконецъ Алена Ѳедоровна, — нанять музыку, вамъ сегодня же надо ѣхать въ городъ, непремѣнно... Много ли осталось времени? одна недѣля... Да закажите людямъ ливрейные фраки: вѣдь нельзя же имъ будетъ служить за столомъ, подавать графу кушанье въ длиннополыхъ сюртукахъ изъ до-

машняго сукна!.. Гербовыя пуговицы можно спороть съ старыхъ ливрей, вычистить ихъ и нашить на новое платье. Боюсь я только, поспѣетъ ли все это; а ливрейные фраки необходимы. Когда вы поѣдете, я вамъ дамъ списокъ, что̀ нужно купить...

— Все будетъ исполнено, другъ мой, будь покойна, мы не уронимъ себя лицомъ въ грязь, положись на меня.

— А есть ли у васъ деньги? — спросила Алена Ѳедоровна.

Этотъ вопросъ кольнулъ въ самое сердце Александра Иваныча; однако онъ старался пріободриться и отвѣчалъ довольно твердымъ голосомъ:

— Денегъ у меня хватитъ на все.

— То-то же, смотрите, вѣдь расходы будутъ немаловажные... Ну, раскажите, что̀ вы дѣлали въ Покровскомъ? что̀ графъ?..

Александръ Иванычъ, получившій позволеніе разсказывать, ожилъ, выпрямился и снова помолодѣлъ двадцатью годами; глазки его загорѣлись, и онъ залился какъ соловей.

Когда онъ дошелъ до того, что графъ ѣздилъ съ нимъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ и что Катя, Вѣра Ивановна и Надежда Кондратьевна провели цѣлый день въ Покровскомъ, Алена Ѳедоровна измѣнилась въ лицѣ:

— Вотъ какъ! — произнесла она протяжно, — я думаю, такой чести Вѣрѣ Ивановнѣ и во снѣ не могло присниться. А, кстати, вы ее пригласили?

— Натурально, — возразилъ Александръ Иванычъ, — я пригласилъ еще, между прочимъ, Сычова, который гоститъ теперь у графа и забавляетъ его...

— А! — Алена Ѳедоровна одобрительно кивнула головой.— Такъ графъ ужъ былъ въ Березовкѣ, — продолжала она съ нѣкоторымъ волненіемъ, — вѣжливый сосѣдъ, нечего сказать!.. Ну, а когда они были въ Покровскомъ, что жъ они дѣлали тамъ, какъ проводили время?..

Голосъ у Алены Ѳедоровны почему-то немного дрожалъ.

Александръ Иванычъ разсказалъ обо всемъ подробно, какъ они были на *Belle-Vue*, и, разумѣется, сообщилъ о томъ, что графъ съ Катей ѣздилъ въ кабріолетѣ.

— Каково!.. Катя-то! Кто бы это могъ подумать, съ графами въ кабрюлетахъ катается! Я нахожу, впрочемъ, что это неприлично.

Александръ Иванычъ не смѣлъ возражать, боясь подать поводъ къ бурѣ.

— Что жъ? и графъ къ ней внимателенъ?

— Кажется.

Алена Өедоровна улыбнулась съ ироніей и еще разъ повторила:

— Нѣтъ, это нейдетъ, это нехорошо! Да гдѣ же Василій Александрычъ?... Петрушка! — И Алена Өедоровна обратилась къ казачку, который съ вытаращенными глазами стоялъ неподвижно, прислонившись къ двери, — скажи Василью Александрычу, что маменька, молъ, ждетъ ихъ чай кушать... слышишь?

Казачокъ вздрогнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Угреватый поэтъ съ заспанными глазами черезъ минуту явился передъ родителями. Онъ подошелъ сначала къ маменькиной ручкѣ и потомъ уже обратился къ папенькѣ.

— А! здравствуй, Василій! — и Александръ Иванычъ поцѣловалъ его, — ну, что̀ подѣлываешь? какъ поживаешь? Ты, братъ, кажется, сейчасъ съ постели только поднялся?

— Да, потому что я поздно легъ, — отвѣчалъ поэтъ, — я долго писалъ вчера.

— Дѣло, дѣло... Написалъ что-нибудь хорошенькое?

— Нѣтъ... такъ... Я слышалъ, какъ вы вчера пріѣхали... Петрушка, подай трубку.

Петрушка закурилъ трубку въ передней и подалъ ее молодому барину.

— Какъ ты дымишь, это ужасъ! — замѣтила Алена Өедоровна поморщась, — что за охота курить эти несносныя трубки? Нынче никто не куритъ трубки...

— Я человѣкъ не свѣтскій, маменька...

— Да это очень дурно, мой милый; тутъ нечѣмъ хвастать. Порядочный молодой человѣкъ долженъ быть свѣтскимъ... Вѣдь не вѣкъ же ты будешь сидѣть здѣсь въ деревнѣ и сочинять... Это хорошо такъ, шутя; неужто жъ ты въ са-

момъ дѣлѣ хочешь сдѣлаться сочинителемъ? Прекрасная карьера!

Угреватый поэтъ затянулся, выпустилъ изо рта тучу дыма и сказалъ:

— Всякій человѣкъ рожденъ съ какимъ-нибудь призваніемъ... Одинъ созданъ для внѣшней жизни, для того, чтобы натирать паркеты, другому дана въ удѣлъ высшая, внутренняя жизнь...

Слова эти возбудили величайшій гнѣвъ со стороны Алены Өедоровны — она приняла ихъ за грубость и бросила молніеносный взглядъ на Александра Иваныча.

— Это вы все потворствуете, — закричала она, — глупостямъ и бреднямъ вашего сына, вы поощряете его нелѣпые планы, наконецъ я потеряла всякое терпѣніе, я...

И затѣмъ разразилась буря, страшная буря, которую вмѣсто того, чтобы укротить и отвлечь своимъ вмѣшательствомъ, Александръ Иванычъ только усилилъ и ускорилъ еще болѣе.

Черезъ часъ, однако, буря стихла. Александръ Иванычъ, объяснившись съ супругой, уѣхалъ, а угреватый поэтъ цѣлый день не показывался на глаза маменькѣ и сочинялъ новые стихи такого содержанія:

Нѣтъ, я не измѣню высокому призванью,
Останусь вѣренъ я возвышеннымъ мечтамъ,
Всѣмъ существомъ отдамся я страданью,
Всю жизнь свою поэзіи отдамъ... и прочее.

И между тѣмъ, какъ сынъ направлялъ свой путь къ высокой цѣли, отецъ направлялъ путь къ Проскочину съ цѣлью занять у него деньги для своего праздника въ честь графа. Деньги были заняты на самыхъ обременительныхъ условіяхъ, и Александръ Иванычъ съ полнымъ бумажникомъ, веселый и счастливый, будто пріобрѣтшій неожиданное наслѣдство, позабывъ совершенно домашнія бури и предаваясь своимъ необузданнымъ и разорительнымъ фантазіямъ, отправился въ городъ для закупокъ и заказовъ.

ГЛАВА V.

— Это они!

— Нѣтъ, не они.

— Могу тебя увѣрить, *Hélène*, что они. Видишь ли, что-то блеснуло: это галунъ на фуражкѣ графскаго лакея...

— Какой вздоръ вы говорите!.. Ну есть ли какая-нибудь возможность, я васъ спрашиваю, такъ издалека замѣтить какой-то галунъ на фуражкѣ? Еще нельзя даже различить, что̀ за экипажъ... Вѣдь ужъ скоро три часа... Что̀, если графъ почему-нибудь не будетъ?

И при этой мысли у Алены Өедоровны потемнѣло въ глазахъ.

— Этого быть не можетъ.

— Да почему же не можетъ? Ну а какъ онъ вдругъ захвораетъ.

— Невѣроятно.

— Отчего жъ невѣроятно? Вы вотъ только спорите. У васъ самая непріятная манера — вѣчно противорѣчить, это признакъ самаго дурного тона, замѣтьте пожалуйста. Развѣ графъ не можетъ захворать? Вѣдь онъ хотя и графъ, а все такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы.

— Да отчего жъ ему вдругъ захворать?

— Да оттого, что захвораетъ — простудится... мало ли что̀!

— Я твердо увѣренъ...

— Знаю я ваши увѣренія.

— Я твердо увѣренъ, что графъ будетъ, это меня не безпокоитъ, а вотъ другое...

— Что̀ такое?

— А вонъ посмотри на эту синюю тучу: это весьма подозрительная туча! Ну, если погода измѣнится, чего Боже сохрани! Польетъ дождь — фейерверкъ отсырѣетъ, щитъ пропадетъ...

Александръ Иванычъ посоловѣлъ отъ этой мысли.

— Вздоръ! погода будетъ прекрасная: это совсѣмъ не

дождевая туча...—Онъ замолчалъ, но вдругъ черезъ минуту вскрикнулъ:—Они! они! навѣрно они!.. Видишь ли? А правъ-то вышелъ я!—прибавилъ онъ, съ торжествующимъ лицомъ посмотрѣвъ на свою супругу.

— Ну, я васъ поздравляю; да къ тому же я и не думала спорить: я только говорила, что издалека нельзя было видѣть галуна на фуражкѣ.—Алена Өедоровна, сдѣлавъ кокетливѣйшую улыбку приближавшемуся экипажу, сошла съ лѣстницы бельведера, на которомъ происходилъ этотъ разговоръ.

Съ видомъ величественнымъ и съ торжествующей улыбкою вошла она въ гостиную, гдѣ уже давно собрались всѣ гости.

— А вотъ и графъ пріѣхалъ, — сказала, смотря на своихъ гостей, Алена Өедоровна.

Эти слова подѣйствовали какъ электрическая искра на всѣхъ гостей: два какіе-то господина немедленно вскочили со стульевъ, вытаращивъ глаза; нѣкоторыя барыни бросились къ окнамъ, выходившимъ на большой дворъ; одна толстая маменька начала торопливо пришпиливать сзади булавкой шарфъ своей тоненькой дочери и шепнула ей: «держись прямѣе». Волненіе было всеобщее. Даже Катя нѣсколько измѣнилась въ лицѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Захару Лаврентьичу, который, незамѣчаемый никѣмъ, въ уголку, прислонившись къ стѣнѣ, не сводилъ съ нея глазъ.

Но до появленія виновника этого волненія я считаю не лишнимъ хотя нѣсколько познакомить читателя съ мѣстомъ дѣйствія этой главы.

Домъ Александра Иваныча, строеніе котораго началось было по его собственному плану въ широкихъ размѣрахъ, съ удивительными затѣями, представлялъ видъ очень странный. Великолѣпное начало этого дома—его каменная середина съ широкими балконами, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемыми массивными колоннами—этотъ, такъ сказать, намекъ на колоссальную затѣю совсѣмъ не гармонировалъ съ деревянными пристройками, примыкавшими къ нему. Каза-

лось, съ высоты своего недоконченнаго величія онъ съ презрѣніемъ и изумленіемъ смотрѣлъ на скромные деревянные срубы, осмѣлившіеся какъ бы потихоньку пріютиться подъ его защиту съ обѣихъ сторонъ, и готовъ былъ съ негодованіемъ сбросить съ головы своей некрасивый маленькій бельведерчикъ, который шелъ къ нему такъ же, какъ дѣтская шапочка идетъ къ головѣ великана. На этомъ бельведерчикѣ развѣвался торжественно флагъ съ изображеніемъ герба Александра Иваныча. Гербы красовались также съ одной стороны надъ подъѣздомъ, а съ другой — надъ выходомъ въ садъ.

Зала эта была колоссальна въ сравненіи съ прилегавшими къ ней комнатами въ деревянныхъ постройкахъ, которыя передъ нею казались бѣдными и жалкими лачужками. На широкомъ, куполообразномъ плафонѣ ея долженствовалъ красоваться не только величественный и златокудрый богъ поэзіи, въ своей колесницѣ, но весь Олимпъ со всѣмъ своимъ причетомъ. Для этого Александръ Иванычъ вознамѣрился выписать изъ Петербурга художника. Онъ даже поговаривалъ, что самъ Брюловъ, съ которымъ онъ находится въ весьма короткихъ и дружескихъ сношеніяхъ, обѣщалъ пріѣхать къ нему для того въ Соколовку; но проходилъ годъ за годомъ, Брюловъ не являлся, и плафонъ такъ и остался просто выбѣленнымъ. Зимою зала эта постоянно была заперта, да и лѣтомъ открывалась рѣдко. Ее никогда не топили, да и топить не было возможности. потому что оконныя рамы огромныхъ размѣровъ подгнили, да и печи устроены были дурно. На голыхъ стѣнахъ, тщетно ожидавшихъ какихъ-то Рюисдалей, Теньеровъ, Рембрантовъ и Рубенсовъ, будто бы купленныхъ Александромъ Иванычемъ за безцѣнокъ въ Петербургѣ, выступали только пятна отъ сырости, которыя были, впрочемъ, забѣлены къ пріѣзду графа...

Къ пріѣзду графа измѣнилось многое. Парадный подъѣздъ, который былъ всегда наглухо заколоченъ, также открылся по этому торжественному случаю, и по сторонамъ его поставлены были два померанцовыя деревца, служив-

шія украшеніемъ соколовской оранжереи. Все, что находилось въ оранжереяхъ и было забыто въ кладовыхъ — хотя, правда, забытаго было немного — появилось наружу, выступило съ величайшими претензіями на свѣтъ Божій: и два бронзовые, почернѣвшіе треножника, и полуразбитая фарфоровая ваза, и люстра съ стеклянными балаболками. Садъ, живописно разросшійся на двухъ холмахъ, раздѣленныхъ оврагами, черезъ которые были перекинуты китайскіе мостики съ куклами, былъ вычищенъ наканунѣ, и Александръ Иванычъ, проснувшійся въ день своего праздника вмѣстѣ съ зарею, несмотря на многочисленныя заботы и хлопоты, обошелъ его и самъ выщипалъ собственными руками травку, которая осмѣлилась показаться въ продолженіе ночи на дорожкахъ.

Во всю жизнь свою, можетъ быть, Александръ Иванычъ не обнаружилъ такой дѣятельности, какую обнаружилъ въ продолженіе одной только недѣли передъ пріѣздомъ графа, и, несмотря на это, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, ни малѣйшаго утомленія. Мысль, что у него въ гостяхъ будетъ графъ, придавала ему бодрость и силу необыкновенныя, оживляла и окрыляла его. Казалось, онъ помолодѣлъ десятью годами, и, глядя на него въ эти дни, можно было подумать, что онъ самый дѣятельнѣйшій, неутомимѣйшій и распорядительнѣйшій изъ людей.

Въ продолженіе какихъ-нибудь пяти дней — наружность Соколовки приняла такой видъ, что ее почти нельзя было узнать: все въ ней было подчищено, подмазано, подкрашено и подстрижено, и на лицѣ Александра Иваныча, любовавшагося общностью этой подмалевки съ пригорка, со сложенными назадъ по-наполеоновски руками, сіяла такая улыбка, которая могла появиться только на лицѣ счастливѣйшаго человѣка въ мірѣ.

Вдругъ бросились ему въ глаза, по дорогѣ къ дому, двѣ полузасохшія березы, безлиственныя вѣтви которыхъ печально чернѣлись издалека на голубомъ безоблачномъ небѣ, нарушая, по мнѣнію Александра Иваныча, гармонію картины. Онъ поспѣшно сошелъ съ пригорка, кликнулъ людей и при-

казалъ тотчасъ срубить эти березы, и только тогда, когда онѣ рухнули подъ ударами топора, онъ совершенно успокоился. Александру Иванычу было необходимо, чтобы въ этотъ торжественный для него день все цвѣло, радовалось и было полно жизнію.

Для этого онъ сдѣлалъ, между прочимъ, распоряженіе, чтобы крестьяне и крестьянки, одѣвшись въ свои праздничныя платья, веселыми группами прохаживались по деревнѣ, около дома и даже въ саду, и непремѣнно пѣли пѣсни.

Чтобы вполнѣ понять, до какой степени удовлетворено было самолюбіе Александра Иваныча и Алены Ѳедоровны посѣщеніемъ графа, надобно было подсмотрѣть выраженіе лицъ ихъ въ ту минуту, когда они встрѣчали своего гостя.

— Сердце мое и плоть моя возрадовались, узрѣвъ васъ. Благо мужу, который господинъ слова своего, — сказалъ Александръ Иванычъ, обнявъ графа.

Потомъ онъ началъ обнимать господина съ неуловимыми глазками и Вихляева и, наконецъ, повелъ ихъ въ приготовленную для нихъ комнату, гдѣ на столѣ разложены были всѣ принадлежности для туалета. Когда они переодѣлись, Александръ Иванычъ представилъ ихъ Аленѣ Ѳедоровнѣ, которая встрѣтила ихъ въ большой залѣ.

— Вотъ, графъ, — сказалъ Александръ Иванычъ, — хозяйка, — жена моя, которая давно жаждала имѣть честь принимать васъ у себя и про которую я смѣло могу сказать: жена добрая есть часть глаза...

Алена Ѳедоровна, не любившая такого рода выходокъ со стороны супруга, который, впрочемъ, никакъ не могъ удержаться отъ нихъ, едва могла скрыть свою досаду подъ пріятнѣйшей улыбкой, обращенной къ графу.

— Я должна прежде всего благодарить васъ, графъ, — сказала она на французскомъ діалектѣ, — за ваше вниманіе и ласки моему сыну. Я это очень чувствую и умѣю цѣнить.

Затѣмъ Александръ Иванычъ представилъ ей господина съ неуловимыми глазками и Вихляева, которыхъ она привѣтствовала на томъ же діалектѣ.

И наконецъ изъ этой исполинской залы всѣ отправились въ гостиную, гдѣ находились остальные гости.

Графъ у дверей остановился съ Александромъ Иванычемъ и пустилъ впередъ Алену Ѳедоровну съ Вихляевымъ, который, воткнувъ въ глазъ свое стеклышко, шелъ возлѣ нея, нѣсколько разваливаясь, и очень громко болталъ, заложивъ палецъ за жилетъ.

Войдя въ гостиную, Вихляевъ началъ осматривать присутствующихъ мужчинъ и дамъ въ свое стеклышко. Большая часть изъ нихъ приняла его за графа, во-первыхъ, потому, что онъ пошелъ впереди, а во-вторыхъ, потому, что имѣлъ очень смѣлый взглядъ и пріемы. Вихляевъ ощущалъ неизъяснимое блаженство. Онъ съ развязностію, которая походила просто на наглость, осматривалъ дамъ съ ногъ до головы.

— А славное у васъ мѣстоположеніе! — говорилъ онъ небрежно Аленѣ Ѳедоровнѣ, смотря въ то же время на какую-то восковую барышню, обомлѣвшую отъ его взгляда, — очень мило... пригорки, овраги — все это я очень люблю. Это напоминаетъ мнѣ нѣсколько одну изъ моихъ деревень въ Орловской губерніи...

— Ахъ, какъ хорошъ! посмотрите, вѣдь сейчасъ видно что-то особенное — въ манерахъ и во всемъ, такъ и смотритъ вельможей, — сказала г. Кобелякову сидѣвшая возлѣ него дама, пропитанная запахомъ сушенаго шиповника.

— А вотъ вы и ошибаетесь, — забасилъ Кобеляковъ, — это совсѣмъ не графъ; это одинъ изъ его пріятелей.

— Можетъ ли быть? — вскрикнула дама. — *Ву бадине!* что вы? да гдѣ же графъ?

— А вонъ онъ идетъ съ Александромъ Иванычемъ.

— Слышите, ма-шеръ? — Она толкнула свою сосѣдку. — Это совсѣмъ не графъ; а графъ идетъ сзади... вотъ... вотъ...

— Неужели? — возразила сосѣдка.

Сосѣдка передала это тотчасъ своей сосѣдкѣ, и черезъ минуту Вихляевъ, какъ второстепенное лицо, потерялъ значеніе, и всѣ глаза впились въ настоящаго графа.

Графъ вошелъ просто, незамѣтно окинулъ взглядомъ всю

гостиную, прежде всего подошелъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ и Катѣ, какъ къ своимъ знакомымъ, и пожалъ на пути руку г. Кобелякову, который пробасилъ ему подъ самое ухо:

— *Же ву салю*, mon comte.

— Посмотрите, посмотрите, душечка, — сказала маменька г. Кобелякова, бросая злобные взгляды на Вѣру Ивановну и Катю и толкая локтемъ сидѣвшую рядомъ съ ней даму, — посмотрите, ради Бога, графъ-то изволитъ разговаривать съ Вѣрой Ивановной Бѣловой! Каково, матушка!.. наша Вѣра Ивановна въ знать лѣзетъ... и смѣхъ и горе!.. Глупая женщина! — продолжала она со вздохомъ, — жалко смотрѣть на нее: ей и невдогадъ, къ чему ведетъ это графское-то знакомство... Послѣ, можетъ статься, кулакомъ будетъ слезы утирать...

— Правда ваша, матушка, правда! — отвѣчала дама, печально качая головой, и между тѣмъ не спускала глазъ съ графа.

Въ то время, какъ графъ разговаривалъ съ Вѣрой Ивановной и Катей, Александръ Иванычъ толковалъ что-то, по своему обыкновенію очень торжественно, господину съ неуловимыми глазками. А господинъ съ неуловимыми глазками, который чувствовалъ себя какъ-то не совсѣмъ ловко въ этомъ собраніи, кусая губы, посматривалъ на все совершавшееся передъ нимъ съ тонкимъ и едва уловимымъ презрѣніемъ. Въ эту минуту ему было даже немного досадно на себя, что онъ согласился ѣхать съ графомъ въ деревню. Здѣсь онъ принужденъ былъ знакомиться съ какими-то неслыханными господами, протягивать имъ руки, отвѣчать на ихъ вопросы или томиться въ однообразной и безвыходной скукѣ, тогда какъ онъ могъ бы очень пріятно скучать на островахъ, въ Павловскѣ или въ Петергофѣ, въ своемъ, въ самомъ избранномъ обществѣ — съ Колей, Ваней, Петрушей, Гришей, Сашей и проч. и проч. Господинъ съ неуловимыми глазками не могъ быть героемъ провинціи, гдѣ гораздо болѣе долженъ былъ производить эффекта какой-нибудь франтъ въ родѣ Вихляева, у котораго хлестаковскія наклонности выступали грубо и рѣзко. Вихляеву даже

необходимо было общество простыхъ и добродушныхъ людей, не посвященныхъ въ таинства, тонкости и хитрости жизни, потому что передъ ними онъ могъ быть вполнѣ нараспашку и пускать имъ такую пыль въ глаза своими аристократическими связями, великосвѣтскими похожденіями и продѣлками. Ему нужно было удивленіе чье бы то ни было, хотя бы удивленье собственной прачки или кухарки. Господинъ съ неуловимыми глазками хотя не совсѣмъ пренебрегалъ удивленьемъ простыхъ людей, но не дорожилъ имъ. Онъ могъ бы вынести къ себѣ презрѣніе всего человѣчества, и это презрѣніе не подавило бы его; но одинъ холодный взглядъ Коли, одно недоброе слово о немъ Петруши могли убить его. Всякій человѣкъ безъ имени былъ для него ничто и развѣ годился бы только въ забавники или въ шуты; передъ всякимъ шутомъ съ именемъ онъ преклонялся внутренно и высоко цѣнилъ его мнѣніе о себѣ.

Онъ нехотя, едва отвѣчалъ на вопросы словоохотливаго хозяина дома и, разсѣянно слушая его краснорѣчивыя рѣчи, зѣвалъ очень безцеремонно, потому что ужъ Александръ Иванычъ начиналъ сильно надоѣдать ему.

— А я два раза имѣлъ честь раскланиваться съ вами,— раздался голосъ Ильи Семеныча надъ самымъ ухомъ господина съ неуловимыми глазками, — два раза, но вы *не благоразсудили* обратить на меня вашего вниманія.

— Аа!.. извините пожалуйста: я не видалъ васъ. — И господинъ съ неуловимыми глазками прикоснулся къ протянутой ему рукѣ.

— Мысли ваши вѣроятно парили въ *иныхъ* сферахъ; я это понимаю: это *нерѣдко* случается и со мною. Въ такіе моменты, я вамъ скажу, не замѣчаешь *ничего* окружающаго. Это натурально.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой.

— Милостивые государи, — продолжалъ Илья Семенычъ, обращаясь къ нему и къ Александру Иванычу, — я хочу предложить одинъ вопросъ на ваше *благоусмотрѣніе*. Я приготовилъ въ честь его сіятельства стихи отъ *лица*, такъ

сказать, всѣхъ его *земляковъ*: мы *смѣло* можемъ назваться его земляками *ибо* имѣемъ честь принадлежать къ той губерніи, гдѣ находятся его владѣнія. Стихи *эти я* хочу прочесть ему за обѣдомъ: кажется, это будетъ *кстати* и ловко. Пусть графъ видитъ изліяніе нашихъ чувствъ, которыхъ *я осмѣлился* быть *смиреннымъ глашатаемъ*. Какъ *вы* объ этомъ думаете?

Александръ Иванычъ, боясь, чтобы праздникъ его не принялъ шутовского колорита, невольно нахмурилъ брови.

— Нѣтъ, я полагаю, что это будетъ неудобно, — сказалъ онъ, — можно когда-нибудь въ другой разъ...

— Помилуйте... *отчего же?* — празднество, которое угодно было дать Александру Иванычу, имѣетъ, сколько я предполагаю, или лучше сказать, *провижу*, *высокую* цѣль сблизить графа съ здѣшнимъ обществомъ: *слѣдовательно*...

— Я согласенъ съ вами и нахожу, что это будетъ очень хорошо, — перебилъ его господинъ съ неуловимыми глазками, — очень кстати, и графъ будетъ этимъ тронутъ.

За обѣдомъ графъ, разумѣется, былъ посаженъ на почетное мѣсто — возлѣ хозяйки дома. Столъ былъ накрытъ покоемъ въ большой залѣ и уставленъ букетами цвѣтовъ; оркестръ помѣщался на хорахъ. Кушаньямъ не было числа; вина было также много, но не одинаковаго достоинства. Въ серединѣ стола передъ почетными гостями стояли бутылки съ великолѣпными и пестрѣвшими ярлыками подъ золотыми и серебряными печатями, а на концахъ стола, тамъ гдѣ сидѣли Захаръ Лаврентьичъ и ему подобные, — безъ всякихъ ярлыковъ. Такъ что, когда человѣкъ вздумалъ было налить г. Кобелякову вина изъ бутылки, взятой на концѣ стола, и въ стаканъ полилась какая-то густота мрачнаго цвѣта, то г. Кобеляковъ, сдвинувъ брови, сказалъ:

— Не туда, братецъ, заѣхалъ. Проваливай съ этимъ сандаломъ. Принеси-ка мнѣ вонъ эту бутылочку-то подъ золотою печатью.

За жаркимъ, когда появилось шампанское, Александръ

Иванычъ началъ было поглядывать на графа съ видимымъ намѣреніемъ произнести рѣчь, но графъ предупредилъ его. Онъ всталъ съ своего стула и сказалъ:

— Господа! позвольте мнѣ предложить вамъ тостъ въ честь нашихъ любезныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ.

Илья Семенычъ первый закричалъ: «браво!» и махнулъ платкомъ музыкантамъ, чтобы они заиграли тушъ.

Затѣмъ раздались страшный стукъ и крики. Когда все смолкло, Александръ Иванычъ всталъ взволнованный и растроганный до слезъ и произнесъ къ графу длинную рѣчь, заранѣе сочиненную имъ и выученную наизусть. Рѣчь эта нѣсколько разъ прерывалась рукоплесканіями и возгласами Ильи Семеныча, въ родѣ слѣдующихъ:

«Мѣткое и *сильное* выраженіе... *Неподдѣльные* цвѣтки краснорѣчія... Выраженіе, вырвавшееся изъ *глубины* сердца», и тому подобное.

Даже почти всѣ дамы встали съ своихъ мѣстъ, когда по окончаніи рѣчи начали пить здоровье графа, и долго оглушающій ревъ энтузіазма раздавался въ залѣ.

Четыре раза Илья Семенычъ приподнимался съ торжественною физіономіею и четыре раза опускался. Наконецъ, когда все стихло, онъ обратился къ графу, принялъ величественную позу и произнесъ:

Не *отъ себя*, отъ имени *всѣхъ насъ*,
Черезъ мои уста—прими благодаренье
О, ты! *всѣхъ доблестей* имѣющій запасъ
И посланный сюда намъ всѣмъ на утѣшенье!
Къ тебѣ любовію пылаютъ *всѣ* сердца,
И съ умиленіемъ *всѣ* на тебя взираютъ,
И съ чувствомъ искреннимъ всевышняго Творца
О *счастьѣ дней твоихъ* прекрасныхъ умоляютъ.
Природа, какъ бы *міръ* желая поразить,
Всѣ вдругъ дары свои въ тебѣ совокупила...
Тебя *злодѣй* не можетъ не любить,
Ты привлекаешь всѣхъ къ себѣ *магнитной* силой
Любуясь добротой *возвышенной* твоей,
Вниманіемъ твоимъ и лаской *упоенны*,
Тебѣ въ сердцахъ своихъ соорудимъ нетлѣнный
И *не вещественный — духовный* мавзолей!

Послѣ рукоплесканій Илья Семенычъ раскланялся и продолжалъ уже прозой:

— Полагаю, милостивые государи, что въ этихъ стихахъ я выразилъ *общія* наши чувства къ его сіятельству графу Сергію Григорьевичу, хотя выразилъ *слабо*, — я это чувствую. и въ эти минуты *болѣе*, нежели когда-нибудь, милостивые государи, я сожалѣю, что мнѣ не дана лира *Пиндара*, чтобы *вполнѣ достойнымъ* образомъ воспѣть столь возвышенный предметъ.

— Стихи превосходны, удивительны! — раздались искреннія и ироническія похвалы со всѣхъ сторонъ.

— Вы геній! — закричалъ ему Вихляевъ, со смѣхомъ посматривая кругомъ себя.

— Благодарю, — возразилъ Илья Семенычъ. — этотъ *болѣе* нежели лестный для меня возгласъ, вырвавшійся изъ твоей *поэтической* души, дорогъ мнѣ, — но не могу не замѣтить, что пустое *вы* мы замѣнили *сердечнымъ ты*. Для чего же снова употреблять это *охоложающее вы?*

— А знаете ли, — замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками, — мы его въ наказаніе за эту ошибку заставимъ выпить шесть стакановъ воды безъ роздыху, и это должно повторяться при каждой ошибкѣ.

Вихляевъ какъ будто не слыхалъ этого замѣчанія, и господинъ съ неуловимыми глазками, вѣроятно, забылъ бы его, если бы послѣ различныхъ тостовъ, въ концѣ обѣда, Вихляевъ вдругъ не вздумалъ обратиться къ нему.

— Сколько же вы должны были бы выпить стакановъ воды? — сказалъ онъ, — вы также пили со мной на *ты*, а между тѣмъ...

— Да вѣдь это вы говорите, этого никто не видалъ, и я не помню,—перебилъ господинъ съ неуловимыми глазками, презрительно улыбнувшись, — вы же совсѣмъ другое, васъ мы заставимъ выпить.

— Кто же меня можетъ заставить?

— Я, — отвѣчалъ господинъ съ неуловимыми глазками и. наливъ стаканъ воды, поднесъ къ Вихляеву, сидѣвшему противъ него.

Вихляевъ, не обращая никакого вниманія на этотъ стаканъ, началъ, смущенный, разговаривать о чемъ-то съ Надеждой Кондратьевной.

— Молодецъ! — ужъ по глазамъ, по манерѣ вижу, что молодецъ! — сказалъ Кобеляковъ своему сосѣду, указывая на господина съ неуловимыми глазками, — бьюсь объ закладъ, о бутылкѣ шампанскаго, что онъ заставитъ выпить этого фертика всѣ шесть стакановъ.

Когда Вихляевъ пересталъ говорить и потупилъ глаза въ тарелку, господинъ съ неуловимыми глазками сказалъ ему:

— Вы забыли, — передъ вами стаканъ воды, — вы должны его выпить.

Вихляевъ молчалъ.

— Слышите ли, Вихляевъ?

— Какой вздоръ! — сказалъ тотъ сквозь зубы.

— Я вамъ докажу, что не вздоръ. Что жь, вы будете пить?

Господинъ съ неуловимыми глазками предложилъ этотъ вопросъ, какъ будто шутя, улыбаясь добродушно.

— Нѣтъ, не буду.

— Ну, мы увидимъ.

Этотъ разговоръ возбудилъ любопытство многихъ, въ особенности Надежды Кондратьевны, которая замѣтила смущеніе Вихляева.

Когда всѣ вышли изъ-за стола, любопытствовавшіе видѣть результатъ этого разговора, къ величайшему огорченію Вихляева, остались въ залѣ.

Господинъ съ неуловимыми глазками подошелъ къ нему.

— Извольте же выпить этотъ стаканъ, — сказалъ онъ.

— Оставьте меня, пожалуйста, — произнесъ Вихляевъ тихо, — я выпью послѣ, если хотите; но здѣсь, при всѣхъ...

— Вы выпьете здѣсь... Илья Семенычъ, вамъ надобно присутствовать при наказаніи...

— О, нѣтъ! — возразилъ Илья Семенычъ, — я *врагъ* всѣхъ наказаній. Какъ можно взыскивать съ *милаго* поэта за простую обмолвку и заставлять его пить простую воду?.. Если

бы это была струя *Ипокрены* — это другое дѣло! Бога ради, не нужно!.. А вотъ мы съ нимъ выпьемъ шампанскаго за здоровье *десятой* музы.

И Илья Семенычъ бросилъ косвенный и умильный взглядъ на Надежду Кондратьевну, которая стояла въ сторонѣ, разговаривая съ какой-то дамой.

— Послѣ онъ будетъ съ вами пить за чье угодно здоровье, а прежде онъ выпьетъ эту воду.

И господинъ съ неуловимыми глазками поднесъ стаканъ почти къ самому рту Вихляева.

— Браво! браво! — прошепталъ себѣ подъ носъ Кобеляковъ и, обратясь къ стоявшему возлѣ него барину, продолжалъ:

— Это, знаете, напоминаетъ мнѣ одну мою продѣлку въ такомъ родѣ. Я однажды заставилъ вотъ такого же мальчика, который вздумалъ было ухаживать за дѣвицей, которая мнѣ нравилась, выпить не шесть, а... сколько бы вы думали?.. пятнадцать стакановъ воды, не переводя духъ: такъ онъ у меня послѣ этого двѣ недѣли пролежалъ въ постели.

И г. Кобеляковъ захохоталъ.

— Ну, что жъ такое... пожалуй, вотъ видите, я выпилъ, — сказалъ Вихляевъ, опорожнивъ стаканъ, и засмѣялся насильственно.

Господинъ съ неуловимыми глазками налилъ ему другой стаканъ, который Вихляевъ также выпилъ. На третьемъ стаканѣ онъ было призадумался, но, посмотрѣвъ на своего мучителя, выпилъ и его залпомъ. Отъ четвертаго стакана онъ рѣшительно отказался.

— Лучше пейте, — на васъ всѣ смотрятъ, — шепнулъ ему господинъ съ неуловимыми глазками.

Когда и четвертый стаканъ съ усиліемъ былъ выпитъ, господинъ съ неуловимыми глазками сказалъ:

— Я думаю, довольно; мнѣ только хотѣлось доказать вамъ, что я могъ заставить васъ выпить не только шесть, а двадцать шесть стакановъ точно такимъ же образомъ. Теперь г. Вихляевъ, — продолжалъ онъ, обратясь къ Ильѣ Се-

меничу, ужъ не будетъ ошибаться и говорить вамъ вмѣсто ты *вы*; я вамъ за это отвѣчаю.

И съ этимъ словомъ господинъ съ неуловимыми глазками вышелъ изъ залы.

— То-есть просто обнялъ бы тебя и расцѣловалъ, — пробасилъ Кобеляковъ, провожая его глазами.

Сцена эта нѣсколько повредила Вихляеву во мнѣніи свидѣтелей и особенно непріятно подѣйствовала на Надежду Кондратьевну, пламенное воображеніе которой надѣляло его между прочимъ самыми отважными рыцарскими наклонностями.

Послѣ этихъ четырехъ стакановъ воды онъ для поддержанія себя очень громко и фальшиво запѣлъ что-то изъ «Роберта» и началъ съ неестественною смѣлостью посматривать всѣмъ въ глаза.

— Ненавижу *никакого* принужденія,—воскликнулъ вдругъ Илья Семенычъ, бросившись обнимать Вихляева.

— Да, я выпилъ эту воду очень охотно, — перебилъ онъ,— если бы я не захотѣлъ, такъ, разумѣется, не пилъ бы. Кто же смѣетъ меня принуждать? Это была просто пріятельская шутка!

— Ну, а теперь, — продолжалъ Илья Семенычъ, — мы разопьемъ идеально, *по-дружески*, пополамъ,— бутылку шампанскаго.

И, размахнувъ рукой, онъ запѣлъ:

Вино даруетъ вдохновенье,
Оно всегда насъ веселитъ,
Вотъ почему въ немъ утѣшенье
Находитъ *истинный* піитъ!

Но эти куплеты были прерваны голосомъ Александра Иваныча, который просилъ гостей своихъ перейти въ другія комнаты, по случаю затѣянныхъ имъ въ залѣ приготовленій для бала.

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ Илья Семенычъ, — мы разопьемъ бутылку шампанскаго на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, это еще поэтичнѣе!

И онъ взялъ за руку Вихляева и, увлекая его противъ воли въ садъ, запѣлъ:

> Какъ влага искрится, *сверкаетъ!*
> *Бокалъ* мы выпьемъ весь *до дна*...
> На двѣ *никакъ* не подобаетъ
> Хоть *каплю* оставлять вина!

ГЛАВА VI.

Къ девяти часамъ зала была открыта и освѣщена свѣчами, лампами и даже шкаликами, разставленными вверху по карнизамъ. На стѣнахъ залы были развѣшаны гирлянды и фестоны изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ... Музыканты уже заняли свои мѣста на хорахъ и настраивали инструменты... Дамы и барышни начали уже появляться въ бальныхъ туалетахъ и мало-по-малу составили живописную, пеструю группу. Кавалеры, стоявшіе отдѣльной группой, нѣсколько поодаль, какъ-то искоса посматривали на барышень, натягивая свои перчатки, и разговаривали между собой вполголоса, а барышни будто старались избѣгать этихъ взглядовъ. Эти двѣ группы походили на два враждебныхъ лагеря. Между дамами всѣхъ болѣе бросалась въ глаза Надежда Кондратьевна пестротою своего наряда и пышностью своихъ юбокъ.

Вихляевъ вошелъ въ залу очень небрежно, то посвистывая, то напѣвая себѣ что-то подъ носъ; руки его были стянуты желтыми перчатками, а въ глазу торчало стеклышко. На все окружавшее его онъ смотрѣлъ очень свысока, желая своими взглядами и движеніями показать всѣмъ и каждому, что онъ призванъ быть героемъ не такихъ баловъ.

Не обращая никакого вниманія на мужчинъ, онъ прямо подошелъ къ группѣ дамъ, остановился, поправилъ въ глазу стеклышко и началъ разсматривать ихъ туалеты.

— Ахъ, это вы? — сказалъ онъ, увидѣвъ Надежду Кондратьевну.

Надежда Кондратьевна вздрогнула.

— Вы дадите мнѣ первый контрдансъ, — продолжалъ онъ и, не заботясь объ отвѣтѣ, поднялъ голову вверхъ.

Надеждѣ Кондратьевнѣ стоило только взглянуть въ эту минуту на Вихляева, чтобы мгновенно изгладить въ себѣ то нѣсколько непріятное впечатлѣніе, которое произвела на нее сцена съ стаканами воды. Вихляевъ былъ такъ изящно одѣтъ, такъ оригинально причесанъ, онъ такъ нагло смотрѣлъ, такъ искусно держалъ стеклышко въ глазу, принималъ такія беззастѣнчивыя позы, что нельзя было не притти отъ него въ восхищеніе. Къ тому же онъ ангажировалъ ее на *первую* французскую кадриль! Протанцовать *первую* кадриль не съ какимъ-нибудь уѣзднымъ франтомъ, а съ петербургскимъ львомъ, передъ лицомъ избраннаго губернскаго общества, передъ всѣми этими барынями и барышнями, заставить всѣхъ ихъ поблѣднѣть отъ зависти... это — блаженство, выше котораго могло бы быть развѣ только счастіе танцовать съ самимъ графомъ!

И Надежда Кондратьевна отдала свою первую кадриль Вихляеву, сопровождая этотъ даръ такимъ взоромъ, который нечаянно, противъ воли ея, высказалъ, можетъ быть, гораздо болѣе, нежели она хотѣла высказать. Ободренный такимъ глубоко знаменательнымъ взглядомъ, Вихляевъ, отдалившись отъ группы дамъ съ Надеждой Кондратьевной, далъ безграничную и полную волю своей любезности, которая привела даже въ нѣкоторый испугъ скромность милой кокетки.

Незамѣченнымъ свидѣтелемъ всего этого былъ угреватый поэтъ, исподтишка слѣдившій за взглядами и быстрыми измѣненіями лица Надежды Кондратьевны. Когда она и Вихляевъ отошли къ сторонѣ, чтобы свободнѣе разговаривать, поэтъ не выдержалъ и бросился къ нимъ. Онъ могъ только разслышать слѣдующія слова.

Вихляевъ говорилъ:

— Это просто наконецъ смѣшно... Ну, дайте мнѣ слово...

Надежда Кондратьевна отвѣчала:

— Бога ради, перестаньте... я васъ прошу...

Вихляевъ продолжалъ:

— Я не отстану до тѣхъ поръ, пока...

На этомъ словѣ разговоръ былъ неожиданно прерванъ. Надежда Кондратьевна совершенно смѣшалась, увидѣвъ вдругъ передъ собой угреватаго поэта. Поэтъ грызъ ногти и молча вперялъ въ нее пронзающіе взгляды. Вихляевъ не могъ скрыть своей досады и началъ озирать поэта съ ногъ до головы довольно насмѣшливо. Съ минуту эти три лица оставались безмолвными.

— А что, я думаю, скоро начнутся танцы, — произнесла первая Надежда Кондратьевна, обращаясь къ поэту.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ, — я надѣюсь, что вы еще никому не обѣщали первую кадриль, что вы танцуете со мною?

— Вы шутите, Базиль? Какъ! *вы* танцуете?

— Что жъ вы думаете, что я не умѣю танцовать? — перебилъ поэтъ съ запальчивостью, — это не очень головоломная работа-съ! Я не танцовалъ прежде потому, что не хотѣлъ, а теперь хочу...

— Но я не могу танцовать съ вами первую кадриль, потому что я дала слово *имъ*.

И Надежда Кондратьевна указала на Вихляева.

— А если хотите вторую...

— Я хочу первую, а не вторую, — произнесъ поэтъ, почти не помня самого себя и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Это очень забавно, — замѣтилъ Вихляевъ, — вамъ говорятъ, что уже первая кадриль отдана...

— Тутъ нѣтъ ничего забавнаго, милостивый государь, и притомъ я говорю не съ вами.

— Что это такое?

Вихляевъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Надежду Кондратьевну и потомъ, обратившись къ угреватому поэту, сказалъ:

— Я повторяю вамъ, что первая кадриль отдана мнѣ, а потому не угодно ли вамъ будетъ послѣ объясниться со мною.

Онъ произнесъ эти слова рѣшительно и гордо, но едва они были выговорены, какъ сердце его замерло и дрожь пробѣжала по всему тѣлу, потому что ему вдругъ пред-

ставилась дуэль со всѣми ея непріятными послѣдствіями. Онъ уже видѣлъ роковое дуло пистолета, намѣченное ему прямо въ сердце, и поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Очень хорошо, когда вамъ угодно, — отвѣчалъ ему поэтъ, удаляясь и бросая взглядъ на Надежду Кондратьевну, который, казалось, говорилъ ей съ упрекомъ: «Я умру за тебя».

Все это было такъ неожиданно, до того поразило ее, что она едва не лишилась чувствъ.

— Я надѣюсь, что это шутка, что это ничѣмъ серьезнымъ не можетъ кончиться? — произнесла она, придя въ себя, но измѣнившимся голосомъ. — Не правда ли?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Вихляевъ, продолжая дрожать какъ въ лихорадкѣ и стараясь придать себѣ видъ сколько можно спокойный и безпечный.

Въ эту минуту въ залу вошелъ графъ въ сопровожденіи хозяина и хозяйки дома. Всѣ гости были уже въ полномъ собраніи и въ полномъ блескѣ туалета.

Музыка грянула польскій, по приказанію Александра Иваныча, и графъ открылъ балъ въ первой парѣ съ хозяйкой дома. Сзади господинъ съ неуловимыми глазками велъ Катю. Катя была вся въ бѣломъ, одинъ букетъ изъ бѣлыхъ и китайскихъ розъ она держала въ рукѣ, а другой, изъ такихъ же розъ, былъ пришпиленъ у ней на груди. Катя была такъ хороша въ эту минуту, что даже господинъ съ неуловимыми глазками, позволявшій себѣ увлекаться только знаменитостями: свѣтскими, театральными или какими бы то ни было, внутренно сознался, что эта никому неизвѣстная дѣвушка стóитъ того, чтобъ за нею ухаживать.

Вниманіе, которымъ окружали ее петербургскіе львы, не могло не быть замѣчено, особенно маменьками, которыя употребляли очень замысловатыя усилія, чтобы выставить передъ нимъ напоказъ своихъ дочекъ. Уже и прежде не расположенныя къ Катѣ, онѣ въ этотъ вечеръ рѣшительно почувствовали къ ней враждебное чувство.

Злоба къ Катѣ усилилась еще болѣе по поводу слѣдующаго, довольно оригинальнаго и никѣмъ не предвидѣннаго происшествія.

Графъ ангажировалъ Катю на третью французскую кадриль. Когда всѣ уже заняли мѣста для первой кадрили, хозяйка подошла къ графу.

— А вамъ, графъ, развѣ не угодно принять участіе въ танцахъ? — спросила она его.

— Нѣтъ, я буду, — отвѣчалъ графъ, — я ангажировалъ даму на третій контрдансъ.

— Почему же вы не танцуете первый? Какъ же можно начать безъ васъ, графъ?

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ дождаться третьяго...

— О, нѣтъ, нѣтъ! — перебила его Алена Өедоровна, — это можно сейчасъ устроить...

И она бросилась на середину залы въ ту минуту, когда уже музыка заиграла, и произнесла громкимъ голосомъ, съ свойственною ей находчивостію:

— *Messieurs et mesdames*, позвольте просить васъ, чтобы вы танцовали теперь третью кадриль, а потомъ первую.

Дамы и кавалеры не безъ удивленія взглянули другъ на друга, не понимая, что̀ это значитъ... Въ залѣ сдѣлалась суматоха отъ перестановки.

— Третью кадриль, третью! — повторяла Алена Өедоровна.

Третья кадриль съ недоумѣніемъ начала устанавливаться на мѣсто, и когда графъ появился съ Катей, тогда догадались въ чемъ дѣло.

Всѣ глаза, разумѣется, устремились на графа и на Катю— и ея смертельный приговоръ былъ внутренно подписанъ въ эту минуту.

Илья Семенычъ появился въ залѣ довольно уже поздно, раздушенный и разукрашенный, но съ заспанными глазами. Онъ натолкнулся на Вихляева, который былъ очень задумчивъ и блѣденъ.

— Балъ уже, кажется, *если* я не ошибаюсь, — началъ онъ, —во всемъ, такъ сказать, *разгарѣ*, а меня какъ-то противъ воли увлекъ Морфей въ свое *фантастическое* царство... и въ этомъ, я полагаю, немножко помогъ ему *предатель* Бахусъ.

Илья Семенычъ засмѣялся.

Вихляевъ молчалъ, погруженный въ непріятныя думы.

— Ты что-то грустенъ? — продолжалъ Илья Семенычъ, глядя на Вихляева съ участіемъ. — У *порога* танцовальной залы, mon cher, надо оставить всѣ тяготящія насъ *внутреннія* заботы и духовныя размышленія... Здѣсь надо отдаться въ полное, *безусловное*, такъ сказать, распоряженіе богу *веселья*... танцовать, пѣть, любить.

И съ этими словами Илья Семенычъ съ легкостію молодого человѣка, веселый и беззаботный, подскочилъ къ кругу танцующихъ и началъ искать той, которая съ нѣкотораго времени сдѣлалась предметомъ его риѳмъ.

Она танцовала съ Кобеляковымъ. Илья Семенычъ, какъ прикованный, остановился противъ нея и долго любовался ею. Когда кадриль кончилась, онъ подошелъ къ ней, расшаркнулся и произнесъ голосомъ, исполненнымъ увлеченія:

— Я *много*, сударыня, видалъ въ свою жизнь танцующихъ — и въ этомъ дѣлѣ, *смѣло скажу*, могу быть судьею, потому что самъ былъ въ свое время не изъ *худшихъ* танцоровъ и нынче еще могу *постоять* за себя—но такой граціи, какъ въ васъ, я скажу *утвердительно*, встрѣчалъ рѣдко. Это *врожденное*, какъ всѣ искусства, какъ поэзія, музыка, живопись.. Я надѣюсь, что вы не откажете вашему *искреннему* почитателю удѣлить *хоть одинъ* контрдансъ.. я уже не *смѣю* говорить о мазуркѣ... Но долженъ вамъ замѣтить, что я считался нѣкогда *первымъ* мазуристомъ и нахожу этотъ танецъ *самымъ* поэтическимъ изъ *всѣхъ* танцевъ.

Надежда Кондратьевна, прождавъ напрасно Вихляева, объявила, хотя правда не совсѣмъ охотно, что она готова отдать ему мазурку, потому что еще никому не дала на нее слова, и между тѣмъ, однако, не безъ волненія осматривалась кругомъ. Передъ мазуркой хозяинъ дома предложилъ своимъ гостямъ смотрѣть фейерверкъ, который былъ устроенъ противъ дома. Всѣ двинулись изъ залы. Графъ предложилъ свою руку Катѣ.

Фейерверкъ, къ совершенному удовольствію хозяевъ и гостей, удался какъ нельзя лучше. Въ заключеніе появился предметъ особенной заботливости Александра Иваныча: щитъ съ вензелевымъ графскимъ изображеніемъ въ лавровомъ вѣн-

кѣ кругомъ и съ какою-то птицею наверху, которая ухитрилась держать въ своемъ клювѣ графскую корону.

Когда щитъ освѣтился, Александръ Иванычъ подошелъ къ графу и сказалъ:

— Сегодняшній день—лучшій день въ моей жизни, графъ, потому что я имѣю у себя такого гостя; день этотъ никогда не изгладится изъ моей памяти. Но для того, чтобы дѣти мои помнили этотъ день, я приказалъ въ саду поставить колонну, на мраморѣ которой будетъ вырѣзано золотыми буквами, что графъ Сергій Григорьичъ удостоилъ тогда-то своимъ посѣщеніемъ владѣтеля Соколовки.

И затѣмъ Александръ Иванычъ обнялъ графа съ такимъ чувствомъ, что даже на глазахъ его блеснули слезы.

Алена Өедоровна, отозвавъ, немного погодя, своего супруга въ сторону, шепнула ему:

— Графъ-то, кажется, приволакивается за Катенькой Бѣловой не на шутку.

— Очень можетъ статься...—возразилъ Александръ Иванычъ съ лукавою улыбкою.

— Не можетъ быть, а навѣрно: всѣ замѣтили. Вѣдь онъ только для приличія протанцовалъ одну кадриль съ Вѣрочкой Пильсуцкой... А Катеньку онъ *даже* и на мазурку ангажировалъ. Чѣмъ-то это только все кончится? Утѣшительнаго тутъ для Вѣры Ивановны я ничего не предвижу,—ничего... напротивъ.

— И, матушка, что̀ загадывать впередъ!

— Да неужто жъ вы воображаете, что онъ на ней женится?

— Этого я не думаю. Но какъ будто всякое волокитство непремѣнно должно имѣть какой-нибудь результатъ. Если онъ воло̀чится за нею, то это потому, что здѣсь ему скучно, дѣлать нечего; поволочится и уѣдетъ, — тѣмъ все и кончится.

— Дай Богъ, чтобъ только этимъ кончилось. Можетъ кончиться и хуже!—зловѣщимъ голосомъ воскликнула Алена Өедоровна.

Въ ту минуту, какъ такимъ образомъ разсуждали объ участи Кати, она, счастливая въ настоящемъ, безъ малѣй-

шей мысли о будущемъ, сидѣла возлѣ графа въ кружкѣ мазурки.

Графъ говорилъ ей:

— Я такъ начинаю свыкаться съ деревенскою жизнью, что мнѣ даже не хочется думать, что я когда-нибудь поѣду въ Петербургъ.

— Теперь,—сказала Катя,—деревня занимаетъ васъ какъ новость, но когда вы немного привыкнете къ этой жизни, она наскучитъ вамъ, а зимой вы ужъ здѣсь рѣшительно не выдержите. Вы привыкли жить въ свѣтѣ, а здѣсь его нѣтъ. Сознайтесь, это общество не по васъ, вамъ неловко въ немъ.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь нравится.

— Не потому ли, что здѣсь передъ вами всѣ трепещутъ и льстятъ вамъ? — возразила, улыбаясь, Катя. — Неужто у васъ такое мелкое самолюбіе?

Графъ засмѣялся.

— Такъ вы обо мнѣ такого дурного мнѣнія?

— Нисколько! я еще о васъ не имѣю никакого мнѣнія; это только предположеніе, я васъ только спрашиваю.

— Вы хотите, чтобъ я отвѣчалъ на вашъ вопросъ прямо?

— Разумѣется, — отвѣчала Катя.

— Васъ удивляетъ, почему мнѣ нравится здѣсь?

— Да.

— Право, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, — сказалъ графъ, понизивъ голосъ, но совершенно спокойно, какъ будто въ этомъ отвѣтѣ не заключалось ничего особеннаго, — потому, что вы здѣсь, потому, что я люблю васъ.

Этотъ отвѣтъ былъ до такой степени неожиданъ, что въ первую минуту вся кровь бросилась въ голову Кати. Она едва не упала со стула. Только мысль, что тысячи глазъ устремлены на нее, заставила ее собрать всю силу воли; но кровь выступила пятнами на лицѣ ея. «Что это такое?— думала она, — насмѣшка? и не подала ли я сама повода къ этой насмѣшкѣ? Какъ! онъ — обладатель милліоновъ, онъ — человѣкъ, принадлежащій къ высшему, къ избранному свѣту, онъ — можетъ полюбить меня? Нѣтъ! этого быть

не можетъ, это невѣроятно». Но вотъ подъ громъ оглушающей музыки несутся передъ нею пара за парой... все знакомыя ей лица... всѣ эти бѣлыя и розовыя барышни съ безстрастными улыбками и безсмысленными взглядами, вотъ Кобеляковъ, отчаянно пристукивающій каблуками. весь выдавшійся впередъ и далеко оставившій за собою свою даму... Онъ вдругъ схватываетъ ее и вертится съ нею чуть не до упаду... вотъ Надежда Кондратьевна, гремящая своими балаболками, и Илья Семенычъ, то вдругъ отскакивающій отъ нея, то вдругъ притягивающій ее къ себѣ и въ заключеніе становящійся передъ нею, какъ это дѣлалось въ старину, на одно колѣно. Вотъ раздаются смѣхъ и крики «браво!» и Катя вздрагиваетъ отъ ужаса: ей кажется, что всѣ онѣ. эти пары, несущіяся или кружащіяся по залѣ, всѣ эти мужчины и женщины смотрятъ на нее съ злобной улыбкой и что этотъ смѣхъ и крики «браво» относятся къ ней... И вотъ чувствуетъ она, что кто-то беретъ ее за руку и увлекаетъ ее въ эту толпу на середину залы. Она смотритъ: это онъ. это графъ! Она безсознательно повинуется ему; онъ обхватываетъ ея талію, кружится съ нею, и она, задыхаясь, падаетъ на стулъ...

Катя мало-по-малу начинаетъ приходить въ себя... Но неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ любитъ меня? Что же это такое?»

Катя не смѣла поднять глазъ, не могла произнести ни одного слова.

— Теперь вы понимаете. — сказалъ ей графъ тѣмъ же спокойнымъ, неизмѣняющимся голосомъ, придвигая къ ней свой стулъ, — *почему* мнѣ здѣсь нравится.

Катя ничего не понимала.

— Отъ васъ зависитъ, чтобы я или остался здѣсь, или сейчасъ же уѣхалъ отсюда... съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться...

Графъ посмотрѣлъ на Катю, какъ бы ожидая ея отвѣта.

Катя молчала.

— Скажите мнѣ одно слово, — продолжалъ онъ, — остаться мнѣ здѣсь или уѣхать отсюда?

— Но, графъ...—проговорила Катя съ судорожнымъ движеніемъ и все не смотря на него.

Графъ ожидалъ, что она скажетъ; но Катя замолчала.

— Итакъ... можетъ быть, —сказалъ графъ, пристально смотря на нее и съ разстановкой, —можетъ быть... сегодня мы видимся въ послѣдній разъ.

Онъ немного наклонился къ Катѣ и прошепталъ:

— Неужели въ послѣдній?

При словѣ: въ *послѣдній* разъ, сердце ея вдругъ заныло, какъ въ минуту разлуки съ существомъ роднымъ и близкимъ, и она проглотила слезы, которыя готовы уже были показаться на глазахъ ея. По едва замѣтному движенію мускуловъ на лицѣ ея и по судорожному движенію въ рукахъ можно было замѣтить, что въ ней совершалась тяжелая внутренняя борьба. И вдругъ она подняла голову и прямо взглянула на него, еще не произнеся ни одного звука, но въ ея горящихъ глазахъ, въ ея преобразившемся лицѣ было что-то рѣшительное и твердое, какъ будто въ эти мгновенія стыда, отчаянія, сомнѣнія, надежды и счастія она пережила нѣсколько лѣтъ.

— Остаться мнѣ или ѣхать? — повторилъ онъ.

— Остаться! — произнесла она едва слышно.

— Графъ, — сказала она черезъ минуту, — мнѣ душно... здѣсь такъ жарко въ залѣ. Я не могу больше. Дайте мнѣ вашу руку... я хочу выйти на крыльцо.

Мазурка все еще продолжалась. Они вышли, незамѣченные, въ дверь, выходившую въ садъ. Темно-синее небо было усыпано безчисленными звѣздами, мѣсяцъ выплывалъ изъ-за лѣса, бросая окрестъ себя на бѣлыя и тонкія облака багровый отблескъ. Садъ дремалъ въ росистой мглѣ. Безмолвіе ночи нарушалось только однообразнымъ и громкимъ кваканьемъ лягушекъ въ ближайшемъ пруду.

Графъ крѣпко сжалъ и поцѣловалъ ея руку и остановился передъ нею.

— Я прошу васъ, графъ, оставьте меня на минуту одну.

— Но...—началъ графъ.

— Я прошу васъ,—повторила она рѣшительно.

Графъ вышелъ. Она прислонилась къ колоннѣ, не замѣтивъ одного человѣка, который слѣдилъ за каждымъ взглядомъ и движеніемъ Кати во все время разговора ея съ графомъ. Этотъ человѣкъ былъ Захаръ Лаврентьичъ. Отъ него не ускользнуло ничего, и лицо его всякій разъ измѣнялось вмѣстѣ съ измѣненіемъ лица Кати. Въ немъ совершалась также внутренняя борьба, и борьба страшная. Онъ видѣлъ, какъ Катя пошла съ графомъ; онъ, незамѣченный, издали слѣдовалъ за ними; онъ видѣлъ, какъ графъ сжалъ и поцѣловалъ ея руку; онъ видѣлъ, какъ она, оставшись одна, прислонилась къ колоннѣ и закрыла руками лицо. Поблѣднѣвъ какъ смерть, онъ бросился къ ней и дрожавшимъ отъ испуга голосомъ произнесъ.

— Катерина Павловна, вамъ дурно-съ!

Катя вздрогнула, отняла руки отъ лица и обратилась на этотъ голосъ.

— Вы бы выпили немного водицы-съ, Катерина Павловна,—произнесъ онъ робкимъ и тревожнымъ голосомъ,—я сейчасъ сбѣгаю, принесу...

— Не нужно, Бога ради не нужно!—вскрикнула Катя, схвативъ его за руку.—Благодарю васъ... Я ничего, это пройдетъ... у меня немного закружилась голова... въ залѣ такъ жарко... пройдемтесь по саду.

— Но вѣдь теперь сыровато-съ,—возразилъ Захаръ Лаврентьичъ,—вонъ, видите, какая роса подымается-съ... Не простудитесь, Катерина Павловна-съ: вы вѣдь послѣ танцевъ-то разгорѣлись; сохрани Богъ, сейчасъ можно простудиться-съ.

— Ничего, пойдемте. Я чувствую, что мнѣ нуженъ воздухъ.

Катя сошла со ступенекъ крыльца. Захаръ Лаврентьичъ шелъ рядомъ съ нею. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова.

Катя первая прервала молчаніе.

— Какая чудесная ночь!—сказала она.

— Да-съ.

Затѣмъ послѣдовало опять молчаніе.

— А мы съ вами давно не удили рыбы, Захаръ Лаврентьичъ. На-дняхъ мы отправимся, не правда ли?

— Я всегда готовъ-съ, когда вамъ будетъ угодно-съ, — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ грустно.

Нѣсколько шаговъ они прошли опять молча. Катя ощипывала листки своего полузавядшаго букета.

— Вы что-то сегодня грустны, Захаръ Лаврентьичъ? — сказала она случайно.

Захаръ Лаврентьичъ при этомъ вопросѣ началъ неловко обдергиваться.

— Нѣтъ-съ, ничего, — отвѣчалъ онъ. — Это такъ...

— Какъ будто вы огорчены чѣмъ-нибудь? — разсѣянно продолжала Катя, вдыхая въ себя запахъ букета.

— О, нѣтъ-съ, нѣтъ, Катерина Павловна! А это на меня часто-съ находитъ раздумье... такъ...

Захаръ Лаврентьичъ остановился.

— Какое раздумье? — спросила Катя, нисколько, впрочемъ, не заботясь объ отвѣтѣ.

— Да придетъ въ голову — думаешь себѣ: для чего ты, молъ, такъ болтаешься на Божьемъ свѣтѣ, просто что̀ называется небо коптишь? ни для кого ты не нуженъ, всѣмъ ты чужой, для всѣхъ ты лишній... такъ и сдѣлается тяжело-съ...

Катя вдругъ на минуту забыла все, что волновало ее въ эти минуты, и сказала, обратившись къ Захару Лаврентьичу, съ горячимъ участіемъ:

— Нѣтъ, вы не для всѣхъ чужой, не для всѣхъ лишній... Тотъ, кто разъ узналъ васъ, не можетъ не привязаться къ вамъ, не можетъ не любить васъ. Вы сами не знаете себѣ цѣны. Для меня по крайней мѣрѣ вы не чужой, Захаръ Лаврентьичъ... Знаете ли, что послѣ моей матери я ни къ кому не чувствую такого уваженія, такой привязанности, какъ къ вамъ?

Глаза Захара Лаврентьича сверкнули на мгновеніе и вдругъ всѣ наполнились слезами. Онъ произнесъ несвязно, задыхающимся голосомъ, почти захлебываясь:

— Благодарю васъ, Катерина Павловна... Благодарю васъ... Для васъ я готовъ... если когда-нибудь... могло бъ случиться... если бъ я могъ на что-нибудь вамъ понадобиться... для васъ я на все готовъ... на все... я буду счастливъ, если... я...

Они уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома... Вздрогнувъ при звукѣ донесшейся до него музыки. Захаръ Лаврентьичъ быстро обернулся назадъ и бросился въ глубину сада, какъ будто преслѣдуемый кѣмъ-нибудь.

Катя съ удивленіемъ посмотрѣла вслѣдъ ему. Она чувствовала потребность остаться одной. чтобы нѣсколько привести въ порядокъ свои мысли, и, спустившись по дорожкѣ къ пруду. бросилась на первую попавшуюся ей скамейку.

Мѣсяцъ, блѣднѣя, совсѣмъ уже вышелъ изъ-за рощи, осеребривъ часть пруда и плакучія ивы, купавшія въ темной водѣ свои гибкія вѣтви. Отъ скамейки, на которой сидѣла она, дорожка, изгибаясь вправо, исчезала въ густой зелени кустовъ и деревьевъ. Звуки музыки доходили сюда, замирая, и наконецъ совсѣмъ смолкли. Вдругъ ей послышался сзади неровный шелестъ шаговъ по песку и какъ будто звукъ сухой переломленной вѣтви. Катя оглянулась, но все смолкло, и ничего не было видно. Черезъ минуту, однако, послышались ей другіе шаги, болѣе твердые, и грубый басъ:

— Богъ его знаетъ, куда онъ дѣвался! гдѣ его тутъ отыскивать?

Въ кустахъ что-то зашевелилось, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ голосъ.

— Да гдѣ вы? здѣсь, что ли? — раздался тотъ же басъ.

— Я здѣсь, Семенъ Николаичъ, — отвѣчалъ тихій и нетвердый голосъ.

Катя притаила дыханіе и рѣшилась остаться на мѣстѣ.

— Да что у васъ такое произошло съ нимъ? — сказалъ басъ. — Фу! съ меня еще до сихъ поръ потъ такъ и льетъ... Ужъ я сегодня такъ откалывалъ мазурку; да нельзя, воодушевитъ хоть кого: дѣвочка-то прелесть, такъ бы вотъ и расцѣловалъ ее, милашку... Ну, ну, разсказывайте, что такое, какъ это было.

Другой голосъ былъ такъ тихъ, что нельзя было ничего хорошенько разслышать; онъ иногда только возвышался въ волненіи, и до слуха Кати доходили отрывистыя фразы: «онъ воображаетъ, что ему все позволено, потому что онъ свѣтскій человѣкъ»... «Я давно замѣчалъ, что онъ обращается съ нею самымъ дерзкимъ образомъ»...

— Да вамъ-то что за дѣло до этого? — сказалъ басъ. — Вѣдь охота же вступаться за эдакую выдру! Ужъ не влюблены ли вы въ нее? Вотъ было бы забавно, — и басъ захохоталъ — Погорячились, молодой человѣкъ, погорячились, напрасно. Ну, да теперь дѣлать нечего. Отступать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

—Такъ вы, Семенъ Николаичъ, согласны быть моимъ секундантомъ въ случаѣ вызова? — возразилъ дрожавшій голосъ.

— Я отъ этого никогда не отказываюсь, — отвѣчалъ басъ.—Только уполномочьте меня, а ужъ этотъ фертикъ отъ меня не увернется. Вы не безпокойтесь: онъ трусъ. Бьюсь о дюжинѣ шампанскаго, что онъ готовъ отказаться отъ дуэли; но я его заставлю стрѣляться, будьте покойны...

— Но если онъ трусъ, такъ лучше оставить его въ покоѣ. Богъ съ нимъ...

— Какъ! отступать? — закричалъ басъ, — что̀ вы это? Ни подъ какимъ видомъ... Я сейчасъ пойду отыщу его... Мы не станемъ дожидаться его вызова.

— Нѣтъ, ужъ подождите немножко... Зачѣмъ же дѣлать шумъ? Здѣсь мнѣ неловко... вы понимаете. *Конте сюръ муа:* вѣдь я, батюшка, не на первой дуэли. Я ужъ это все устрою отличнѣйшимъ образомъ, безъ огласки, какъ аматѐръ.

Затѣмъ послышались шаги. Разговаривавшіе удалялись, но голосъ баса еще долго звучалъ въ отдаленіи, хотя словъ уже невозможно было разслушать.

Оба эти голоса показались знакомыми Катѣ. Несмотря на собственное волненіе, Катя нѣсколько встревожилась такъ нечаянно подслушанною ею тайною и, не понимая, за кого бы и съ кѣмъ могла быть эта дуэль, въ недоумѣніи встала черезъ нѣсколько минутъ со скамейки и пошла къ дому.

Вѣра Ивановна давно съ безпокойствомъ вездѣ искала ее.

— Катя моя, Катя! да гдѣ ты это была? — говорила ей старушка, приглаживая волосы на ея вискахъ. — Ужъ намъ пора бы и домой, голубчикъ. Я велѣла закладывать лошадей...

— Я очень рада, маменька; поѣдемте.

— Да что ты такъ блѣдна, ей Богу? Ужъ здорова ли ты?

— Я ничего, я совершенно здорова, — отвѣчала Катя, цѣлуя ее.

— А гдѣ этотъ Захаръ Лаврентьичъ? Ужъ я его тоже искала, искала — нигдѣ нѣтъ. Куда это онъ дѣвался? Лучше, кабы онъ въ одно время съ нами поѣхалъ: все было бы покойнѣе; а то ночью по дурной дорогѣ долго ли до грѣха!

— Онъ сейчасъ былъ въ саду; я съ нимъ говорила.

— Надобно было бы отыскать его.

— О чемъ вы это безпокоитесь? — спросилъ графъ, подойдя къ Вѣрѣ Ивановнѣ.

— Да вотъ разсуждаемъ о томъ, что пора домой, ваше сіятельство, — отвѣчала старушка, — я ужъ ни за что не стану дожидаться ужина. Богъ съ нимъ... Тутъ вотъ есть нашъ сосѣдъ: такъ я его отыскиваю. . Намъ по одной дорогѣ ѣхать: такъ все ночью какъ-то покойнѣе.

— Я тоже скоро ѣду, — сказалъ графъ, — мы выѣдемъ вмѣстѣ. Васъ проводитъ другой вашъ сосѣдъ... не все ли равно?

— Покорнѣйше благодарю васъ, графъ; но какъ это можно! да васъ и не отпустятъ такъ рано Александръ Иванычъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ ѣду, — сказалъ графъ рѣшительно.— Не безпокойтесь: я устрою такъ, что мы выѣдемъ вмѣстѣ.

— Какой онъ обязательный, услужливый! — воскликнула Вѣра Ивановна, провожая удалявшагося графа глазами, — ужъ я не знаю, какъ и благодарить его за вниманіе къ намъ. Не правда ли, онъ прекрасный человѣкъ, Катя?

— Да... но гдѣ Надежда Кондратьевна? — быстро проговорила Катя, желая замять разговоръ о графѣ, — ей надобно сказать, что мы сейчасъ ѣдемъ. Я пойду, маменька, отыщу ее.

Отыскивая Надежду Кондратьевну, Катя замѣтила въ

амбразурѣ окна Кобелякова, разговаривавшаго съ Вихляевымъ. Вихляевъ былъ въ совершенномъ замѣшательствѣ и блѣденъ какъ смерть. Она, впрочемъ, не обратила бы на это никакого вниманія, если бы не подслушанный ею нечаянно разговоръ въ саду.

Надежда Кондратьевна стояла у дверей залы, выходившихъ на подъѣздъ. Она была одна и очень задумчива.

— А я васъ вездѣ ищу, — сказала ей Катя, — мы скоро ѣдемъ.

— Ахъ, ma chère, я тоже васъ искала. Вы не повѣрите, въ какомъ я безпокойствѣ, — произнесла таинственно шопотомъ Надежда Кондратьевна, отведя Катю въ сторону.— Ахъ, какой случай, если бъ вы знали! страшно подумать...

— Что̀ такое?

— Вообразите... — И Надежда Кондратьевна пересказала Катѣ сцену между угреватымъ поэтомъ и Вихляевымъ.

— Ну что̀, если они выйдутъ на дуэль? Это ужасно! ужасно! — прибавила она въ заключеніе, — и представьте, что я невольной причиной всего этого. Я просто съ ума сойду отъ отчаянія...

И между тѣмъ, какъ она передавала все это Катѣ, Кобеляковъ велъ слѣдующій разговоръ съ Вихляевымъ.

— Вы понимаете, — говорилъ Кобеляковъ, покручивая многозначительно усы, — что это не можетъ такъ остаться. *Се клеръ комъ ле журъ*. Вы сами потребовали отъ него объясненій, и онъ поручилъ мнѣ...

— Да я хотѣлъ,—отвѣчалъ Вихляевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, дѣлая всевозможныя усилія надъ собой, чтобы скрыть свою трусость, — я хотѣлъ очень миролюбиво объясниться... Это было недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ, больше ничего... Помилуйте, зачѣмъ же намъ ссориться изъ какихъ-нибудь пустяковъ? Это смѣшно... Разумѣется, разумѣется, если бы это было что-нибудь серьезное, если бы я чувствовалъ себя оскорбленнымъ... я насчетъ этого очень щекотливъ... оскорблять я себя, конечно, никому не позволю... я уже два раза въ своей жизни стрѣлялся... стрѣлять мнѣ не учиться... но согласитесь, что стрѣляться изъ пустяковъ...

— Извините меня, разсуждать объ этомъ не мое дѣло. Я только долженъ предупредить васъ, что Василій Александрычъ едва ли согласится кончить это такъ: онъ имѣетъ твердое намѣреніе просить у васъ удовлетворенія. *Же се еля пуръ сюръ.*

— Я, разумѣется, готовъ дать удовлетвореніе всякому, кто отъ меня его требуетъ законнымъ образомъ... но вы сами посудите... что же онъ находитъ? ужъ скорѣй, если хотите, я могу быть на него въ претензіи... впрочемъ, я нисколько не въ претензіи.

Вихляевъ внутренно проклиналъ и пріѣздъ свой въ деревню, и желаніе пасторальной интрижки, и Надежду Кондратьевну, которая казалась ему въ эту минуту ужасно противною.

— Такъ что же я долженъ отвѣчать Василью Александрычу? — сказалъ Кобеляковъ настойчиво, вперяя въ Вихляева неумолимый и испытующій взглядъ и какъ-то особенно страшно поводя усами, — во всякомъ случаѣ, если съ нашей стороны послѣдуетъ вызовъ, вы не откажетесь?

— Я не хотѣлъ бы имѣть серьезное дѣло изъ пустяковъ, но... но... — Вихляевъ собралъ всѣ силы и произнесъ, закладывая свою дрожавшую руку за жилетъ, для приданія себѣ болѣе смѣлаго вида, — но я не имѣю привычки отказываться отъ вызововъ.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, позвольте мнѣ имѣть честь передать вамъ формальный вызовъ Василія Александрыча. Онъ удостоилъ меня выбора въ свои секунданты, и касательно условій я уже буду имѣть дѣло съ вашимъ секундантомъ. Впрочемъ, я вамъ долженъ присовокупить, что *мы* съ своей стороны заранѣе согласны на всѣ условія.

«Нѣтъ спасенія, кончено!» подумалъ, замирая, Вихляевъ, прочитавъ приговоръ свой во взглядѣ Кобелякова и въ движеніи усовъ его.

— Мнѣ необходимо нѣсколько времени, — сказалъ онъ, — я увѣдомлю на-дняхъ о моихъ условіяхъ.

— Мы будемъ ожидать отвѣта, — сказалъ, поклонившись, Кобеляковъ.

И потомъ вдругъ, какъ человѣкъ ловкій, перемѣнилъ разговоръ:

— А балокъ удался, очень удался... *сете тре з'аниме*... и много хорошенькихъ... Замѣтили вы эту барышню въ оранжевомъ платьицѣ — вонъ что стоитъ тамъ? я съ ней танцовалъ мазурку... то-есть, просто душка.

Кобеляковъ началъ совершенно безцеремонно обращаться съ Вихляевымъ, на котораго онъ смотрѣлъ вначалѣ не безъ подобострастія, и потрепалъ его по плечу. Вихляевъ, который при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ не допустилъ бы съ собою такого обращенія и уничтожилъ бы дерзкаго однимъ взглядомъ въ свое стеклышко, на этотъ разъ привѣтливо посмотрѣлъ на Кобелякова и отвѣчалъ безсознательно:

— Да, это правда, очень хорошенькая, — хотя онъ не видалъ ничего и не зналъ, о комъ идетъ рѣчь, потому что ему было вовсе не до душекъ: онъ чувствовалъ внутреннюю лихорадку и нестерпимую горечь на языкѣ.

— Гдѣ графъ? гдѣ графъ? — твердилъ Александръ Иванычъ въ волненіи всѣмъ попадавшимся ему и, увидѣвъ Вихляева, спросилъ: — говорятъ, графъ сбирается ужъ ѣхать? Правда ли это?

— Я не знаю... не слыхаль, — отвѣчалъ Вихляевъ

— Это невозможно! — произнесъ Александръ Иванычъ. — Я его не пущу, ни за что не пущу!

Отыскавъ графа, онъ бросился къ нему:

— Ваше сіятельство, — сказалъ онъ, — говорятъ, будто вы сбираетесь ѣхать... Это невозможно... Позвольте мнѣ поступить съ вами деспотически... Прежде долгъ подобаетъ совершить вечернюю трапезу, ибо безъ васъ намъ вино не будетъ всласть: *потребенъ бо ти есть*, какъ сказано гдѣ-то... Мы выпьемъ еще немного...

— Нѣтъ, благодарю васъ: я не могу пить...

— Немного выпить на дорогу не мѣшаетъ, графъ. *Невинно вино, укоризненно же піянство*... Да нѣтъ, ужъ я не пущу васъ, ваше сіятельство, ни за что не пущу!

— Послушайте, Александръ Иванычъ, — сказалъ графъ, — я готовъ всегда исполнять ваши желанія, но предоставьте

мнѣ сегодня свободу... прошу васъ... я что-то чувствую себя не очень здоровымъ. Пожалуйста, не удерживайте меня...

— Да ужинъ будетъ готовъ въ одно мгновеніе ока...

— Нѣтъ, нѣтъ! благодарю васъ; я всегда, когда угодно, къ вашимъ услугамъ, только не теперь...

Несмотря на всѣ убѣжденія Александра Иваныча, графъ остался непоколебимъ.

— Ну, Богъ съ вами! дѣлать нечего! — сказалъ Александръ Иванычъ, махнувъ въ отчаяніи рукою, — но вы этимъ старика очень огорчили.

— Ну, я когда-нибудь въ другой разъ постараюсь чѣмъ-нибудь утѣшить васъ.

Экипажи Вѣры Ивановны и графа поданы были къ крыльцу въ одно время. Начались проводы. Хозяинъ и хозяйка дома стояли на крыльцѣ, освѣщенномъ плошками.. Небо начинало застилаться тучами, за которыми скрылся мѣсяцъ а вдали виднѣлось зарево отъ нѣсколькихъ смоляныхъ бочекъ, зажженыхъ по дорогѣ за деревнею. Тарантасъ Вѣры Ивановны былъ поданъ первый. Послѣ прощанія, поцѣлуевъ, поклоновъ и благодарностей дамы усѣлись въ тарантасъ. Илья Семенычъ, находившійся тутъ же, подсадилъ Надежду Кондратьевну и, обратясь къ Вѣрѣ Ивановнѣ, сказалъ:

— Вы *позволите* мнѣ, сударыня, *имѣть честь* явиться къ вамъ на сихъ дняхъ?

Тарантасъ двинулся. Вслѣдъ за нимъ подана была и коляска графа. Въ эту минуту какимъ-то образомъ вдругъ очутилась бутылка шампанскаго въ рукѣ Александра Иваныча.

— Эту бутылку непремѣнно здѣсь сейчасъ надо распить, — сказалъ онъ.

— Урра! — завопилъ Илья Семенычъ.

Дѣлать было нечего. Графъ и его спутники повиновались, но Вихляевъ едва только прикоснулся губами къ своему стакану. Всѣхъ болѣе въ этой бутылкѣ участвовалъ Илья Семенычъ.

— Счастливый путь вашему сіятельству! — кричалъ онъ во все горло.

— *Addio!*— нѣсколько разъ повторилъ Александръ Иванычъ

— *Adieu, m-r le comte*... благодарю васъ...— прокричала Алена Өедоровна...

— Пошелъ! — закричалъ графъ кучеру.

Кучеръ тронулъ возжами. «Счастливый путь! ура!» раздалось на всю деревню...

— Понятно, — сказала Алена Өедоровна, обратясь къ супругу и иронически прищуривая глаза, — почему графъ не хотѣлъ остаться. Ну, какъ ты хочешь, мой другъ, а это немножко смѣшно!

Александру Иванычу было очень пріятно, когда Алена Өедоровна была съ нимъ на ты и обращалась къ нему въ разговорѣ съ нѣжными прибавленіями: *мой другъ*, *папаша*, и тому подобными. Онъ какъ рѣдкость высоко цѣнилъ такія ласкающія прозвища въ устахъ ея и самъ обыкновенно разнѣживался въ эти минуты.

— Да, — замѣтилъ онъ, сладко улыбаясь и покачивая головою, — ты, Леночка, имѣешь вѣрный, мѣткій взглядъ... Отъ твоего взгляда, дружочекъ, ничто не укрывается... Да! дѣвку-то онъ, кажется, сведетъ съ ума!..

Коляска графа скоро нагнала тарантасъ.

Небольшія сѣрыя тучки постепенно застлали все небо, такъ что сдѣлалось довольно темно; начиналъ накрапывать мелкій дождикъ, но верхъ графской коляски и фор-декъ заранѣе были подняты... Слѣдуя за тарантасомъ, лошади бѣжали мелкой рысью по довольно гладкой проселочной дорогѣ, окаймленной небольшимъ кустарникомъ. Коляска какъ люлька покачивалась на покойныхъ англійскихъ рессорахъ. Господинъ съ неуловимыми глазками скоро задремалъ; графъ молча покуривалъ сигару; Вихляевъ не могъ ни говорить, ни спать, подавленный самыми черными и страшными мыслями. Дождикъ усиливался.

— Послушайте, господа, — сказалъ графъ. — вѣдь намъ кажется изъ вѣжливости надобно уступить нашу коляску дамамъ. Ихъ тарантасъ не можетъ защитить ихъ отъ дождя.

Отвѣта не было.

— Э! да вы ужъ спите...

— Нѣтъ, я не сплю, — отозвался печально Вихляевъ.

Графъ разбудилъ господина съ неуловимыми глазками и передалъ ему свою мысль. Господинъ съ неуловимыми глазками потянулся, зѣвнулъ и спросилъ:

— Что такое?

Графъ повторилъ ему въ чемъ дѣло, но мысль графа ему не слишкомъ понравилась.

— Пожалуй,—сказалъ онъ, поморщившись и снова лѣниво потягиваясь и зѣвая.

Но графъ наклонился къ его уху и что-то шепнулъ ему.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ онъ, — я готовъ. Мы съ Вихляевымъ сядемъ въ ихъ тарантасъ. — Только вы пожалуйста не болтайте, Вихляевъ, я спать хочу.

Тарантасъ былъ остановленъ. Графъ вышелъ изъ коляски и подошелъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ съ своимъ предложеніемъ. Вѣра Ивановна. какъ и слѣдовало ожидать, начала церемониться, отказываться, благодарить, но графъ наконецъ послѣ довольно продолжительныхъ увѣщаній убѣдилъ ее. Онѣ перемѣстились въ его коляску, и графъ сѣлъ напротивъ Кати.

Онъ приказалъ кучеру не торопиться, а ѣхать тише и осторожнѣе.

Послѣ первыхъ разговоровъ все смолкло... Вѣра Ивановна начала покачиваться и вздрагивать, а потомъ крѣпко заснула... Надежда Кондратьевна дремала... Катя тоже дремала или, можетъ быть, только сидѣла съ полузакрытыми глазами... Графъ не спалъ.

ГЛАВА VII.

Катя черезъ день брала уроки въ верховой ѣздѣ въ графскомъ манежѣ, и графъ всякій разъ самъ присутствовалъ при этихъ урокахъ. Она ѣздила въ Покровское первые два раза въ сопровожденіи матери, а потомъ Вѣра Ивановна стала отпускать ее съ Надеждой Кондратьевной, убѣдясь собственными глазами, что жизнь ея Кати не подвергается опасности. Катя дѣлала быстрые успѣхи. Она была очень смѣ-

ла на лошади и съ каждымъ днемъ болѣе привязывалась къ своей *миссъ Аннетъ*, благородная кровь которой обнаруживалась огнемъ глазъ, необыкновенною мягкостью движеній и соразмѣрностью и красотою всѣхъ частей. Часто послѣ урока Катя завтракала у графа и гуляла съ нимъ по саду. Графъ очень часто ѣздилъ въ Березовку и проводилъ тамъ всегда по нѣскольку часовъ. Вѣра Ивановна совсѣмъ привыкла къ нему и стала обращаться съ нимъ совершенно безъ всякой церемоніи.

— Вотъ если бы всѣ графы-то да князья были такіе, какъ вы, мой батюшка! — говорила она, глядя на него съ умиленіемъ.

— Да что́ же, Вѣра Ивановна, вѣдь они всѣ такіе, — замѣчалъ графъ.

— Какъ можно!.. — возражала старушка, — ты одинъ изъ нихъ такой уродился. ей Богу.

Вѣра Ивановна, часто не замѣчая того, начинала уже поговаривать ему ты.

— Я хоть немного, хоть и издалека, а видала-таки знатныхъ особъ. У! какіе неприступные, Господи Боже мой! На насъ, простыхъ людей, они и смотрѣть-то не хотятъ.

Графъ смѣялся, очень мило шутилъ съ нею и былъ внимателенъ даже ко всѣмъ гостямъ ея, съ которыми встрѣчался, особенно къ Захару Лаврентьичу, какъ къ самому близкому человѣку въ ея домѣ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ графъ объявилъ Катѣ, что теперь она можетъ ѣздить и не въ манежѣ и что на-дняхъ, если она желаетъ, онъ выѣдетъ съ нею въ паркъ.

Между тѣмъ какъ графъ все болѣе и болѣе сближался съ Катею, въ его Покровскомъ, — гдѣ почти безвыѣздно гостили Александръ Иванычъ, Илья Семенычъ и еще нѣкоторыя лица, исчезавшія на заднемъ планѣ, — совершались довольно драматическія и забавныя сцены, придававшія большое разнообразіе деревенской жизни графа и очень забавлявшія его и господина съ неуловимыми глазками.

Возвратясь отъ Александра Иваныча, Вихляевъ не спалъ всю ночь и весь слѣдующій день провелъ въ самомъ тре-

вожномъ состоянiи, дѣлая надъ собою страшныя усилiя, чтобы скрывать свою внутреннюю тревогу. Но разстройство его прически, блѣдность лица, небрежность банта на галстукѣ, несвойственная ему задумчивость, — все это невольно выдавало его.

— Что это, Вихляевъ, вы какъ будто осовѣли? Что съ вами? ужъ не влюблены ли вы, мой другъ? — спросилъ его господинъ съ неуловимыми глазками, когда они сидѣли на балконѣ за вечернимъ чаемъ.

— Какiе пустяки! — пробормоталъ Вихляевъ. — Это мнѣ нравится — влюбляться *здѣсь!!*

— Ахъ, извините! въ самомъ дѣлѣ, *здѣсь* нѣтъ васъ достойныхъ женщинъ. Васъ можетъ оцѣнить только такая женщина... Жаль! А я думаю, можно и здѣсь влюбиться... отчего же? — прибавилъ онъ съ тонкою улыбкою.

— Какая любовь, что за любовь! — возразилъ Вихляевъ.

— А вы не вѣрите любви, мой другъ? Такъ рано, въ такiя молодыя лѣта васъ ужъ мучатъ сомнѣнiя, — вы разочарованы, вамъ все наскучило?

Господинъ съ неуловимыми глазками обратился къ графу.

— Сережа, посмотри на эту фигуру. На что онъ похожъ?

Графъ засмѣялся.

— Да что съ вами? — прибавилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Я не такъ здоровъ... Оставьте меня въ покоѣ. Что вы ко мнѣ пристали?

— Въ васъ принимаютъ участiе, вами интересуются, а вы отвѣчаете грубостями.

Господинъ съ неуловимыми глазками подошелъ къ Вихляеву и взялъ его за подбородокъ.

— Не послать ли за докторомъ? Какъ вы блѣдны! Ужъ не отъ вчерашней ли воды?

— Сдѣлайте одолженiе, отстаньте... вы надоѣли.

— Ему не нравятся мое участiе и вниманiе!..

И господинъ съ неуловимыми глазками захохоталъ и началъ разсказывать графу исторiю съ водою.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ тобою? — сказалъ графъ Вихляеву.

— Это такъ... право, ничего... голова что-то болитъ.

Подъ предлогомъ головной боли онъ удалился къ себѣ ранѣе обыкновеннаго и принялся за перо и бумагу — орудія, которыя онъ употреблялъ очень рѣдко: только въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ своей жизни.

Отъ непривычки ли писать, или отъ волненія, онъ раздиралъ не разъ написанное. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, роковое письмо къ угреватому поэту было окончено, вложено въ пакетъ и запечатано. Письмо это, по своей оригинальности, достойно того, чтобы сообщить его читателю.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!

«Я получилъ вашъ вызовъ черезъ г. Кобелякова, хотя это, признаюсь, меня очень удивило, потому что между нами ничего такого, кажется, не было, что могло бы подать поводъ къ вызову, и я васъ не желалъ ничѣмъ оскорбить. Но я не привыкъ отказываться отъ вызововъ, и мнѣ не въ первый разъ быть на дуэли. Я не боюсь смерти — это ужъ я доказалъ. Итакъ, принимая вашъ вызовъ, я только намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе, чтобы намъ стрѣляться безъ секундантовъ. Къ чему намъ впутывать постороннихъ людей и дѣлать имъ напрасныя безпокойства. Секунданты все-таки имѣютъ отвѣтственность передъ закономъ... Я знаю, что графъ не отказался бы быть моимъ секундантомъ, по его привязанности и дружбѣ ко мнѣ, и самъ бы еще вызвался, если бы узналъ объ этомъ; но я никогда и ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на это. Къ тому же другихъ знакомыхъ здѣсь у меня нѣтъ, а къ незнакомымъ, вы сами согласитесь, явиться съ такимъ предложеніемъ странно; да и къ чему пустая огласка? Лучше все устроить такъ, безъ шуму, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

«Вы пріѣдете сюда съ вашимъ батюшкой, какъ будто для того только, чтобы гостить у графа. Мы, сговорившись заранѣе, поѣдемъ куда-нибудь подальше отъ деревни, взявъ съ собой пистолеты, какъ будто бы для того, чтобы стрѣлять въ цѣль. Чтобы отвлечь всякое подозрѣніе кучера, дорогой мы заведемъ нарочно для него самый веселый, самый друже-

скій разговоръ, между прочимъ и о стрѣльбѣ въ цѣль. Остановясь въ томъ мѣстѣ, которое мы найдемъ удобнымъ, выйдемъ изъ экипажа; кто-нибудь изъ насъ намѣтитъ цѣль на деревѣ, для того, чтобы совершенно отстранить подозрѣніе; мы сдѣлаемъ сначала нарочно нѣсколько выстрѣловъ. Тотъ, кому выпадетъ жребій стрѣлять первому, заранѣе брошенный нами *(comme de raison)*. тотъ станетъ наконецъ на извѣстномъ разстояніи въ позицію; въ это время другой можетъ какъ бы нечаянно подбѣжать къ цѣли, сказавъ: разъ, два... и не отходя отъ цѣли. Онъ еще не проговоритъ: три, какъ долженъ раздаться выстрѣлъ; если онъ будетъ убитъ или раненъ, это будетъ какъ бы нечаянно — во время стрѣльбы въ цѣль. Если же вы это найдете неудобнымъ, то можно устроить проще. Мы бросимъ жребій, кому изъ насъ умереть. Тотъ, кому выпадетъ этотъ жребій, обязанъ застрѣлиться не позже назначеннаго срока; необходимо, чтобы въ такомъ случаѣ при немъ была записка, что онъ застрѣлилъ себя добровольно, для отклоненія всякихъ подозрѣній и розысковъ мѣстнаго начальства. Послѣднее, какъ я полагаю, лучше всего. Во всякомъ случаѣ, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ сюда для окончательнаго личнаго объясненія и прошу васъ быть увѣреннымъ, что я отклоняться отъ вызова не желаю: рука моя довольно наметана въ стрѣльбѣ, особенно изъ пистолета; на твердость ея я надѣюсь.

«Въ ожиданіи васъ сюда, остаюсь...» и прочее.

«P. S. Письмо это я прошу васъ показать г. Кобелякову и передать ему мое почтеніе».

Утромъ Вихляевъ отдалъ письмо управляющему и просилъ его распорядиться, чтобы оно немедленно было отослано въ Соколовку.

— Только вы, Василій Иванычъ, — сказалъ онъ, — не велите дожидаться отвѣта. Отвѣтъ не нуженъ. Просто скажите, чтобы это отдали сыну Александра Иваныча, и больше ничего. Онъ меня тамъ просилъ объ одной вещи, такъ я его увѣдомляю.

— Хорошо, сударь, хорошо, — сказалъ управляющій, —

будетъ сейчасъ послано; не безпокойтесь...—Управляющій посмотрѣлъ на Вихляева.—Да что это вы, батюшка, такъ вдругъ осунулись, какъ будто нездоровы, что ли?

— Точно, я нездоровъ: я желудокъ испортилъ, Василій Иванычъ; вотъ другой день чувствую себя что-то не очень хорошо.

— И, батюшка,—сказалъ управляющій,—да что вы мнѣ не сказали прежде? Я давно бы васъ вылѣчилъ. Я, вотъ видите ли, хоть и простой, неученый человѣкъ, медицинѣ не обучался, а кое-что и по врачебной части маракую. Да я къ этимъ докторамъ никогда, я вамъ скажу, не прибѣгаю: если я прихворну, такъ самъ себя вылѣчу. Впрочемъ, *мы* вѣдь не то, что *вы*, сударь: намъ, признаться, и хворать-то когда... дѣла вотъ до сихъ поръ...

Управляющій показалъ рукою до губъ и потомъ вынулъ табакерку и, понюхивая, продолжалъ:

— Чуть чего не доглядишь, а у его сіятельства изъ кармана двѣ-три тысячи вонъ: такъ это нехорошо... А лѣкарство я вамъ дамъ отличнѣйшее... Желудочныя капли называемыя. Теперь примете десять капелекъ въ рюмочкѣ воды, на ночь десять капелекъ; такъ завтра вы будете опять молодецъ-молодцомъ,—вотъ увидите. Погодите-ка, я вамъ принесу сейчасъ. Эти капли и мнѣ и женѣ моей, я вамъ скажу, удивительно какъ помогаютъ. Она тоже часто страдаетъ желудкомъ.

«Мнѣ онѣ не помогутъ!» подумалъ печально Вихляевъ.

Передъ самымъ полученіемъ письма отъ Вихляева угреватый поэтъ мрачно прохаживался по отдаленной и полузаросшей дорожкѣ сада, которая шла по берегу оврага, размышляя такимъ образомъ съ самимъ собою.

«Стрѣляться!.. И изъ-за чего я буду стрѣляться? для чего я стану подставлять свою грудь подъ дуло пистолета,—грудь, полную высокихъ порываній и стремленій? для чего я позволю безсмысленно застрѣлить себя какому-нибудь пустому и глупому мальчишкѣ, у котораго въ головѣ не было никогда и признака мысли? И имѣю ли еще я право такъ опрометчиво располагать своею жизнью? Пе-

редо мной — богатое будущее. Мысль моя только начала крѣпнуть и развиваться, — и перервать все это, пренебречь всѣмъ этимъ, безумно опустить руку въ урну· изъ которой, можетъ быть, вынется мнѣ билетъ смерти!.. Умереть!.. изъ-за кого? изъ-за чего? изъ-за женщины, которую я имѣлъ глупость считать выше обыкновенныхъ женщинъ и которая оказалась вдругъ ничтожною, пошлою и пустою, ни на одинъ шагъ не выходящею изъ толпы!.. Не безуміе ли это?.. И я стану подчиняться нелѣпымъ общественнымъ предразсудкамъ и условіямъ?.. Что такое дуэль?»

Угреватый поэтъ сложилъ накрестъ руки, покачалъ головою и улыбнулся съ горькой и ядовитой ироней.

Видъ съ горы, на которой стоялъ онъ, былъ очень не дуренъ. Подъ ногами его, внизу горы и въ оврагѣ, росли старыя и густыя деревья, и сквозь ихъ темную, свѣжую зелень на самомъ днѣ свѣтился ручей, за оврагомъ вдали широко и привольно разстилались на солнечномъ припекѣ поля, желтѣвшія рожью; виднѣлись деревеньки, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ; ярко горѣлъ шпиль церковной колокольни; птицы весело носились въ воздухѣ съ своими пѣснями и чиликаньемъ; ближе къ пруду, за самымъ садомъ, передъ деревнею, слышенъ былъ плескъ воды, крики и взвизгиванье купающихся бабъ и дѣвокъ; надъ самымъ ухомъ поэта прожужжала пчела и, съ шумомъ покружившись надъ цвѣткомъ, жадно впилась въ его чашечку... Все жило такою полною, такою роскошною жизнью кругомъ него.

«Умереть! это ужасно!.. Нѣтъ! я не покорюсь, я не долженъ покориться жалкимъ предразсудкамъ... Долгъ! условія чести! все это пустыя фразы!» думалъ онъ, возвращаясь къ дому медленными шагами.

У самаго крыльца ему подали письмо.

— Откуда это? — спросилъ онъ, измѣняясь въ лицѣ.

— Изъ Покровскаго, изъ графскаго села привезъ мужикъ.

Угреватаго поэта точно кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ положилъ письмо въ карманъ, не распечатывая его, и, войдя къ себѣ въ комнату, бросился на постель, уткнувъ голову въ подушку.

Въ такомъ положеніи онъ задремалъ. Его тревожили странныя и мучительныя грёзы. Ему мерещилось, что онъ долженъ стрѣляться на небольшой площадкѣ скалы, какъ Печоринъ съ Грушницкимъ, что сзади его страшная пропасть, что спасенія нѣтъ никакого, что онъ стрѣлялъ первый и не попалъ въ Вихляева и что Вихляевъ, вдругъ превратившись въ Печорина, говоритъ ему, направивъ дуло пистолета прямо въ его сердце:

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу.

Роковой выстрѣлъ раздался, и бѣдный поэтъ чувствуетъ, что онъ, раненый, летитъ въ пропасть, внизъ головою.

Онъ проснулся. Кровь сильно волновалась въ немъ.

«Какой вздоръ, — сказалъ онъ самому себѣ, — и отчего мнѣ пригрезился этотъ Печоринъ? Устарѣлый типъ пошлаго разочарованія и нелѣпаго фатализма! Для тебя выйти на дуэль было все равно, что выпить стаканъ воды; но это-то и показываетъ твою призрачность и ничтожество... Я понимаю итти на смерть за какую-нибудь идею, но застрѣлить пошлаго фата или быть имъ застрѣленнымъ — это недостойно мыслящаго человѣка!»

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и сталъ медленно его распечатывать, потомъ, освободивъ его изъ пакета, сначала робко заглянулъ въ него, и наконецъ, да и то не совсѣмъ рѣшительно, началъ читать. Слова: «мнѣ не въ первый разъ быть на дуэли.. я не боюсь смерти... рука моя довольно намегана въ стрѣльбѣ, особенно изъ пистолета; на твердость ея я надѣюсь.. » произвели на него тяжелое впечатлѣніе; при этихъ словахъ какъ будто какія-то ледяныя мурашки пробѣжали внутри его.

Онъ задумался, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, велѣлъ, наконецъ, заложить бѣговыя дрожки и на этихъ дрожкахъ отправился къ Кобелякову, деревня котораго находилась только въ десяти верстахъ отъ Соколовки.

День былъ жаркій. Кобеляковъ лежалъ навзничь въ своемъ кабинетѣ, въ желтой шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и въ широкихъ красныхъ мериносовыхъ шароварахъ на ситцевомъ, оборванномъ и засаленномъ диванѣ. Онъ

занимался пусканіемъ изо рта табачнаго дыма кольцами, нѣсколько скосивъ глаза. Передъ нимъ на маленькомъ столикѣ стояла тарелка съ квассіей, покрытой чернымъ слоемъ мухъ, окончившихъ свое существованіе. Недвижимыя мухи лежали кругомъ его на полу, на столикѣ и на краяхъ тарелки, а нѣкоторыя едва ползали вокругъ въ совершенномъ одурѣніи, будучи не въ состояніи шевелить крылышками. Утомясь пусканіемъ колецъ, Кобеляковъ начиналъ не безъ удовольствія слѣдить за слабыми и судорожными движеніями отравленныхъ насѣкомыхъ, приговаривая:

— Ништо вамъ, поганыя! погодите — всѣ переколѣете! Ну-ка, ну-ка, попробуй, пошевели крыломъ!.. что призадумалась?.. Нечего тереть ножку-то объ ножку. Что, квассія-то видно не свой братъ?.. опьянѣла, шельма... ну-ка, хвати еще! И для чего, спрашивается, созданы эти мухи? для чего?

Когда и мухи переставали занимать его, онъ посвистывалъ, покрикивая отъ времени до времени:

— Человѣкъ — трубку!

Увидѣвъ передъ собою угреватаго поэта, онъ приподнялся немного съ дивана, протянулъ ему руку и произнесъ:

— *Бонжуръ, кесь килья де нуво!*.. Ну что, письмо получено? Фу, жарища-то какая!.. Не хотите ли водки? Я вамъ скажу. что это единственное спасеніе въ жаръ... Удивительно то-есть какъ прохлаждаетъ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Я пріѣхалъ съ вами переговорить... посовѣтоваться... Письмо получено... вотъ оно... я вамъ прочту его...

— Читайте, читайте, — скороговоркою и сильно затянувшись произнесъ Кобеляковъ.

— Ну, что вы думаете объ этомъ? — прочитавъ письмо, сказалъ съ безпокойствомъ угреватый поэтъ.

— Трусъ—больше ничего, — произнесъ съ важностью Кобеляковъ, потянувъ свои усы книзу.

— Отчегоже трусъ? Въ этомъ письмѣ я не вижу трусости.

— Вы не видите, а я вижу... Ужъ это значитъ поѣхалъ на попятный дворъ... Стрѣляться безъ секундантовъ! застрѣлиться по жребію!.. вишь что выдумалъ!

Кобеляковъ захохоталъ.

— А еще петербургскій левъ... хороши тамошніе львы! Какой онъ левъ — насѣкомое онъ этакое!.. да онъ слабѣе этой мухи.

И Кобеляковъ указалъ на шатавшуюся муху.

— *Пароль д'онёръ, Же ву ди ке се комса...*

— Но какъ бы то ни было, а я стрѣляться не намѣренъ, — сказалъ поэтъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Что?.. что вы сказали? — вскрикнулъ Кобеляковъ, вскакивая съ дивана.—Что?.. Да меня-то вы за кого же считаете? Вѣдь *я*, кажется, передалъ ему вашъ вызовъ...

— Послушайте, Семенъ Николаичъ...

— Стало быть *я* солгалъ? — продолжалъ Кобеляковъ, не слушая его и размахивая чубукомъ. — Этого я никому не позволю не только сказать, даже подумать — тутъ же на мѣстѣ застрѣлю безъ всякихъ объясненій — возьму пистолетъ да и застрѣлю...

И Кобеляковъ схватилъ при этомъ со стѣны пистолетъ.

— Выслушайте меня, Семенъ Николаичъ,—сказалъ угреватый поэтъ, бросая умоляющій взглядъ на храбраго штабъротмистра,—оставьте этотъ пистолетъ, Бога ради,—вѣдь, можетъ быть, онъ заряженный; съ этимъ шутить нельзя: бывали такіе случаи...

Кобеляковъ вытянулъ руку съ пистолетомъ, прищурилъ одинъ глазъ и началъ цѣлиться въ кривой подсвѣчникъ, стоявшій на комодѣ.

— Выслушайте,—повторилъ поэтъ, отскакивая назадъ.

— Ну, говорите; я слушаю..

Угреватый поэтъ началъ прерывающимся голосомъ и не совсѣмъ складно развивать ему свой образъ мыслей о людскихъ предразсудкахъ, о ложномъ пониманіи долга чести, и прочее, и прочее.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, — закричалъ Кобеляковъ, не слушая,—разъ... два... три...

И онъ выстрѣлилъ.

Когда дымъ разсѣялся, онъ обратился къ поэту:

— Это вздоръ: это такъ, холостой зарядъ; а вотъ я одна-

жды—свидѣтелемъ этого былъ весь полкъ, всѣ товарищи—попалъ въ туза изъ пистолета на двадцати осьми шагахъ. Еще тутъ между прочимъ былъ ротмистръ Зоричъ—отчаянный бретёръ, первый стрѣлокъ, который, можетъ быть, въ свою жизнь до дюжины народу-то положилъ на мѣстѣ!..

И Кобеляковъ прищурилъ правый глазъ и потрепалъ угреватаго поэта по плечу.

— Вотъ какъ!.. А на бретёра, я вамъ скажу, совсѣмъ былъ непохожъ: такой приземистый, блѣдный, самаго субтильнаго сложенія,—*тре делика*...

Угреватый поэтъ дѣлалъ только видъ, что слушаетъ Кобелякова, внутренно проклиная себя за то, что сдѣлалъ его своимъ посредникомъ. Мысли поэта заняты были другимъ, и когда Кобеляковъ кончилъ, онъ сказалъ:

— Я поѣду въ Покровское на-дняхъ съ батюшкой и самъ объяснюсь съ Вихляевымъ. Какъ вы полагаете?

— Сохрани васъ Боже! Этого ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ дѣлать... Онъ еще подумаетъ, что вы струсили. Я тоже пріѣду къ графу—ужъ предоставьте это дѣло мнѣ... Я все улажу, какъ нельзя лучше... Отъ меня онъ не увернется: я заставлю его... или стрѣляться, или публично, при всѣхъ просить у васъ извиненія; что-нибудь изъ двухъ.

— Да вѣдь онъ пишетъ, что онъ меня не хотѣлъ оскорбить...

— Вздоръ, помилуйте! Эхъ, юноша! вы ничего не понимаете въ такого рода дѣлахъ. Вызовъ сдѣланъ... что жъ тутъ разговаривать!.. не отступать же намъ... А позвольте, я еще васъ не спросилъ...

Кобеляковъ съ важностію надвинулъ брови.

— Хорошо ли вы стрѣляете-то изъ пистолета?

— Какое! Я ни разу въ жизни не выстрѣлилъ,—сказалъ угреватый поэтъ жалобнымъ голосомъ.

— Можетъ ли это быть!—воскликнулъ съ ужасомъ Кобеляковъ.—*Кель иде!* Вы шутите.

— Вовсе не шучу.

— Да помилуйте, какъ же это можно? *Кеске се донкъ?*

Ну вотъ этакой случай... Впрочемъ не безпокойтесь: я вамъ успѣю дать нѣсколько уроковъ... Главное—твердость въ рукѣ и мѣткость во взглядѣ... Когда вы поѣдете въ Покровское?

— Батюшка хотѣлъ ѣхать дней черезъ шесть: такъ я ужь поѣду вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну и прекрасно! и я поѣду въ одно время съ вами.

— Но послушайте, Семенъ Николаичъ, я вамъ говорю, что, по моимъ понятіямъ, дуэль—это нелѣпость, это противорѣчитъ всѣмъ моимъ убѣжденіямъ.

— Да позвольте же васъ, наконецъ, спросить,—перебилъ его Кобеляковъ,—послѣ этого каждый безнаказанно мнѣ можетъ плюнуть въ лицо. Помилуйте, вы умный и ученый человѣкъ: какъ же это вы говорите? еще стихи пишете!.. Не будь я въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ, мнѣ было бы все равно, какъ бы вы тамъ хотѣли, такъ и дѣлались,—теперь же это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ ужъ дѣло, такъ сказать, касается и моей чести... и я не могу допустить.

— Ну, дѣйствуйте, какъ хотите,—безнадежнымъ голосомъ произнесъ угреватый поэтъ, махнувъ рукою.

— *Конте сюръ муа*, —сказалъ Кобеляковъ, пожимая ему руку.

И поэтъ послѣ этого свиданія еще въ болѣе разстроенномъ состояніи духа возвратился домой. Черезъ нѣсколько дней онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и Кобеляковымъ, который тайно далъ ему нѣсколько уроковъ въ стрѣльбѣ, отправился въ Покровское.

Пріѣздъ ихъ повергъ Вихляева въ совершенную безнадежность. Закладыванье пальцевъ за жилетъ, вставленіе въ глазъ стеклышка, самодовольное выраженіе лица, гордое прищуриванье глазъ, —все это было забыто. Вихляевъ совсѣмъ растерялся. Онъ искоса посмотрѣлъ на угреватаго поэта, который взглянулъ на него также не совсѣмъ прямо, и они вѣжливо и сухо поклонились другъ другу. Оба они, казалось, избѣгали всякихъ объясненій. Зато Кобеляковъ былъ любезенъ до невѣроятности и болѣе нежели когда-нибудь пересыпалъ свои разговоры французскими фразами.

Послѣ обѣда, когда Александръ Иванычъ, сидя на гал-

леръ съ графомъ, покуривалъ сигару и прихлебывалъ кофе, развивая какой-то политико-экономическій вопросъ, Кобеляковъ подошелъ къ господину съ неуловимыми глазками и многозначительно сказалъ ему:

— *Же а ву парле*. Пройдемтесь немного по саду.

Господинъ съ неуловимыми глазками взглянулъ на него такъ, какъ будто хотѣлъ сказать ему: «это что̀ такое? кто тебѣ далъ право заговаривать со мною. Я не люблю фамильярности... Между нами, любезнѣйшій, нѣтъ ничего общаго».

Но вмѣсто этого онъ просто сказалъ:

— Что̀ вамъ угодно?

— Я имѣю кое-что сообщить вамъ безъ свидѣтелей,— возразилъ Кобеляковъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками еще разъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, проговорилъ: «хорошо» и сошелъ со ступенекъ галлереи на дорожку сада, не заботясь, слѣдуетъ ли онъ за нимъ... Кобеляковъ поравнялся съ нимъ, и они пошли по боковой аллеѣ. Господинъ съ неуловимыми глазками молчалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на храбраго штабъ-ротмистра.

— Вы, вѣроятно, изволите знать,—началъ Кобеляковъ, поглаживая свои усы,—о непріятной исторіи, которая произошла между Вихляевымъ и Василіемъ Александрычемъ— сыномъ Александра Иваныча?

— Я? О какой исторіи? что такое? Я ничего не знаю.

И маленькіе, неуловимые глазки его вдругъ забѣгали и загорѣлись любопытствомъ.

— Неужели вы не знаете?

— Нѣтъ.

Кобеляковъ разсказалъ ему все подробно и сообщилъ содержаніе письма Вихляева къ угреватому поэту. Въ продолженіе этого разсказа лицо господина съ неуловимыми глазками постепенно оживлялось такъ, какъ будто онъ выслушивалъ какую-нибудь особенно радостную вѣсть, и когда дѣло дошло до письма, онъ не выдержалъ и разразился смѣхомъ.

— Что же это такое—стрѣляться безъ секундантовъ, это противъ всѣхъ правилъ, — воскликнулъ Кобеляковъ съ очень серьезною миною,—согласитесь, что этого допустить никакъ невозможно. *Де куа ее леръ,—же ву демандъ?*

Господинъ съ неуловимыми глазками не могъ выговорить ни слова отъ смѣха.

Кобеляковъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Это чудо какъ хорошо!—едва проговорилъ господинъ съ неуловимыми глазками и снова залился смѣхомъ.

— Однакожъ, позвольте, что жъ тутъ хорошаго? *Експлике муа же ву при.* Вѣдь я въ этомъ дѣлѣ посредникъ: я секундантъ Василія Александрыча.

— Послушайте, Кобеляковъ,—сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—всего этого принимать серьезно нельзя. Я буду съ вами говорить откровенно...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я не знаю, что такое сынъ Александра Иваныча; но, сколько мнѣ кажется, онъ долженъ быть очень миролюбиваго характера. Что же касается до Вихляева, то это просто шутъ, и съ нимъ нельзя имѣть никакого серьезнаго дѣла.

Кобеляковъ вытаращилъ при этомъ глаза отъ удивленія.

— Я полагалъ, — началъ Кобеляковъ,—что онъ принадлежитъ къ вашему обществу.

Господинъ съ неуловимыми глазками остановилъ его отрицательною улыбкою.

— Какъ шутъ, — сказалъ онъ, — его допускаютъ въ наше общество какъ развлеченіе, какъ забаву.

— Ааа! *Pardon*, я не зналъ этого.

— Какая же можетъ быть дуэль съ такимъ господиномъ? Онъ трусъ...

— Это дѣло другое,—возразилъ Кобеляковъ.—Въ такомъ случаѣ...

— Объ этомъ серьезно и говорить нечего,—продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—но тутъ могутъ выйти презабавныя сцены... Я, пожалуй, для шутки вызовусь быть его секундантомъ. Мы его нѣсколько времени помучимъ. Я предвижу тутъ пропасть смѣшного; но вы не говорите те-

перь ни слова объ этомъ сыну Александра Иваныча, а то это можетъ не удаться. Потомъ мы устроимъ примиреніе, разопьемъ съ ними нѣсколько бутылокъ вина...

Послѣднія слова очень понравились Кобелякову; лицо его, выражавшее все еще нѣкоторое недоумѣніе, вдругъ прояснилось, и онъ захохоталъ своимъ густымъ басомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это не дурно,—сказалъ онъ,—*се тре з'орижиналь!..*

— Вамъ это нравится?—возразилъ, не безъ ироніи, господинъ съ неуловимыми глазками.

— Прекрасно!

И Кобеляковъ снова захохоталъ, поощряемый смѣхомъ господина съ неуловимыми глазками, не подозрѣвая, что тотъ въ эту минуту смѣялся уже надъ нимъ.

Оставивъ Кобелякова въ такомъ веселомъ расположеніи, господинъ съ неуловимыми глазками пошелъ по широкой липовой аллеѣ, которая вела къ парку. Вдругъ изъ боковой аллеи показался Вихляевъ. Онъ шелъ медленными шагами, безъ фуражки, не замѣчая ничего и никого. Господинъ съ неуловимыми глазками ударилъ его по плечу.

Вихляевъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— О чемъ вы такъ задумались?

Вихляевъ поправилъ свои волосы, насильственно улыбнулся и для поддержанія себя заложилъ палецъ за жилетъ.

— Ничего, я такъ, гулялъ,—сказалъ онъ.

— Будто ничего?.. Полноте, мой милый, къ чему скрываться! я вѣдь все знаю.

— Что такое вы знаете?—вскрикнулъ испуганный Вихляевъ.

— Вашъ соперникъ васъ вызвалъ на дуэль...

— Какой соперникъ? Что за глупости!

— А эта дѣвица-то съ балаболками... Вѣдь это изъ-за нес... вѣдь вы за нею волочитесь...

— Вздоръ какой! Стану я за нею волочиться... Старая размалеванная фигура... Какъ будто у меня нѣтъ глазъ...

— Да какъ бы то ни было, а васъ вызвали за нее на дуэль.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да вѣдь это правда, скажите.

— Совсѣмъ нѣтъ...

Вихляевъ остановился и потомъ вдругъ произнесъ:

— Не меня вызвали, а я вызвалъ и совсѣмъ не за нее.

— Вы? — Тѣмъ лучше: но я слышалъ, что вы предлагаете стрѣляться безъ секундантовъ. Какъ же это можно?.. Развѣ вы не найдете себѣ секунданта?.. Если вы хотите, я съ удовольствіемъ готовъ быть вашимъ секундантомъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Что жъ, вы не желаете этого?

— Нѣтъ, я... почему же... я очень радъ.

Вихляевъ не зналъ, какъ принять это неожиданное предложеніе — серьезно или за шутку.

— Такъ вы меня уполномочиваете объясниться съ секундантомъ вашего противника. Это Кобеляковъ, если не ошибаюсь?

Вихляевъ посмотрѣлъ подозрительно на господина съ неуловимыми глазками.

— Да что̀ это вы все шутите?—спросилъ онъ.

— Любезный другъ,—возразилъ господинъ съ неуловимыми глазками,—за кого же вы меня считаете? Шутить можно, я часто съ вами говорю шутя; но когда дѣло идетъ о чести человѣка, о жизни или смерти, тутъ шутки вовсе неумѣстны. Я это очень хорошо понимаю.

Вихляевъ еще разъ взглянулъ на него, но на этотъ разъ въ лицѣ его выразилось болѣе удивленія, чѣмъ сомнѣнія.

— Хотите ли вы имѣть меня своимъ секундантомъ? Я васъ серьезно спрашиваю.

Вихляевъ схватилъ его руку и крѣпко пожалъ ее.

— Я вамъ дамъ свои лепажевскіе пистолеты,—продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—условія, разумѣется, обыкновенныя: въ 30 шагахъ... Мѣсто мы выберемъ. Когда же вы хотите?

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... А графъ ничего не знаетъ?

— Нѣтъ еще, я переговорю съ нимъ.

— Да нужно ли ему говорить? какъ вы думаете?

— Отчего же? Нельзя же отъ него скрывать этого.

— И то правда!—сказалъ со вздохомъ Вихляевъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками едва подавлялъ въ себѣ смѣхъ, глядя на печальную и разстроенную физіономію Вихляева.

«Вотъ будетъ сюрпризъ Сережѣ-то!—подумалъ онъ.—Что можетъ быть забавнѣе этого!»

И, оставивъ Вихляева, онъ пошелъ отыскивать графа.

Какъ ни было тяжко Вихляеву,—мысль, что господинъ съ неуловимыми глазками, передъ которымъ онъ преклонялся тайно, какъ передъ авторитетомъ, хотя и не любилъ его, обращался съ нимъ серьезно и самъ даже вызвался быть его секундантомъ,—эта мысль нѣсколько улыбнулась ему на мгновеніе.

«Если бы эта дуэль,—вдругъ промелькнуло у него въ головѣ,—кончилась для меня счастливо, это бы меня очень могло поднять въ глазахъ нашей молодежи... На меня стали бы смотрѣть совсѣмъ иначе, потому что человѣкъ, имѣвшій дуэль, пользуется всегда большимъ вѣсомъ, на него смотрятъ какъ-то съ уваженіемъ...»

Эта предполагаемая дуэль доставила величайшее удовольствіе графу. Онъ никогда не смѣялся такъ искренно, какъ въ ту минуту, когда господинъ съ неуловимыми глазками передавалъ ему свой разговоръ съ Кобеляковымъ и потомъ съ Вихляевымъ. Они рѣшили, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, откладывать эту дуэль, для того, чтобы доставить себѣ болѣе продолжительное удовольствіе наслаждаться мученіями Вихляева.

Когда Вихляевъ задумывался, графъ и господинъ съ неуловимыми глазками старались развлекать его такимъ образомъ:

— А что, приготовилъ ли ты духовное завѣщаніе? распорядился ли съ своими дѣлами? это необходимо на вся-

кій случай; я съ удовольствіемъ, если ты хочешь, буду твоимъ душеприказчикомъ.

— Не отчаивайся, Вихляевъ: еще, можетъ быть, ты останешься живъ.

— Я послалъ въ городъ за докторомъ,—замѣчалъ графъ,— подъ предлогомъ, что я не очень здоровъ.

При Вихляевѣ нарочно заговаривали о различныхъ дуэляхъ, о ранахъ, о смерти. Господинъ съ неуловимыми глазками при немъ нарочно подходилъ къ Кобелякову и шептался съ нимъ.

На бѣднаго Вихляева страшно и жалко было смотрѣть... Положеніе угреватаго поэта было не менѣе трогательно. Оба они проводили мучительныя, безсонныя ночи; оба они не могли смотрѣть на виновницу своихъ мученій—Надежду Кондратьевну, которая пріѣзжала въ Покровское вмѣстѣ съ Катей и отъ которой не отходилъ Илья Семенычъ, страстно влюбившійся въ нее и сочинившій къ ней несчетное количество стихотвореній.

Такъ прошла недѣля страшныхъ томленій и ожиданій для Вихляева и угреватаго поэта. Наконецъ и графу и господину съ неуловимыми глазками надоѣло забавляться трусостью и страданіями этихъ господъ. Надобно было избрать какую-нибудь новую потѣху, какое-нибудь новое развлеченіе, и они занялись Ильей Семенычемъ и Надеждой Кондратьевной.

— Эта дуэль намъ ужъ надоѣла,—сказалъ однажды господинъ съ неуловимыми глазками Кобелякову,—я думаю, довольно,—пора это окончить и помирить ихъ; надо сознаться, что вашъ господинъ не лучше нашего: онъ такой же жалкій трусъ.

— *Се вре*,—перебилъ Кобеляковъ,—просто фетюкъ, я въ этомъ вполнѣ убѣдился. Куда ему стрѣляться! пусть лучше наяриваетъ свои стишки.

— Помиримте ихъ сегодня же: уговорить ихъ нетрудно. Если бы не мы, такъ они давно бы бросились въ объятія.

— Безподобно!—воскликнулъ Кобеляковъ, которому очень хотѣлось выпить лишнее подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками и Кобеляковъ свели двухъ враговъ въ бесѣдкѣ сада, въ присутствіи графа, гдѣ уже заранѣе было приготовлено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Оба они были въ большомъ замѣшательствѣ и едва могли скрыть свою радость.

Вихляевъ, однако, никакъ не хотѣлъ подать руку первый.

Съ минуту они смотрѣли другъ на друга молча, привѣтливо, но неловко.

— Между вами, господа,—сказалъ Кобеляковъ, покручивая свой усъ,—произошли нѣкоторыя непріятности отъ недоразумѣнія,—*се натюрель*. Мы съ Павломъ Владиміровичемъ (Кобеляковъ указалъ на господина съ неуловимыми глазками) не находимъ достаточной причины во всемъ этомъ для дуэли и считаемъ нашимъ долгомъ помирить васъ. Я надѣюсь, что вы объяснитесь между собою, и дѣло это кончится.

Кобеляковъ скорчилъ гримасу въ сторону.

Вихляевъ мгновенно оживился и принялъ всѣ свои прежнія манеры. Онъ небрежно вставилъ въ глазъ стеклышко, которое нѣсколько времени печально болталось на его груди безъ всякаго употребленія, и, пожимая руку, протянутую ему угреватымъ поэтомъ, сказалъ:

— Я очень радъ. Я стрѣляться никогда не прочь; напротивъ... но я самъ не находилъ достаточной причины для этого, точно такъ же, какъ находятъ и наши секунданты; но если бы вы непремѣнно захотѣли стрѣляться и послѣ всего этого, то я готовъ хоть сейчасъ. Я на одной изъ моихъ ду...

Вихляевъ взглянулъ на графа, споткнулся на началѣ слова и замолчалъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчалъ угреватый поэтъ,—если я въ горячности сказалъ вамъ что-нибудь непріятное, то отъ души прошу у васъ извиненія.

— Ну и прекрасно! — воскликнулъ Кобеляковъ: — *finis coronas opus*. Кажется, такъ? Я въ школѣ учился, ваше сіятельство, по-латыни, да теперь все позабылъ, совершенно безполезная вещь. Какъ прикажете, графъ—пора, я думаю, приступить и къ этому?

Сдѣлавъ сильное удареніе на послѣднее слово, Кобеляковъ указалъ на стоявшее во льду шампанское.

Графъ улыбнулся и кивнулъ головой.

Опорожнивъ одинъ за другимъ нѣсколько стакановъ, Кобеляковъ отвелъ въ сторону господина съ неуловимыми глазками и шепнулъ ему, указывая головой на Вихляева и угреватаго поэта:

— Что̀ это за люди... смотрѣть тошно. Ненависть, я вамъ скажу, питаю къ трусамъ, просто ненависть... Хоть бы для виду пострѣлялись,—пусть хоть бы на воздухъ выстрѣлили: все было бы легче, да и намъ послѣ порохового запаха, мнѣ кажется, пилось бы лучше.

Вихляевъ совершенно забылъ всѣ страданія, болталъ, хвасталъ и пилъ какъ будто совершенно ни въ чемъ не бывало.

Господинъ съ неуловимыми глазками долго смотрѣлъ на него, кусая нижнюю губу.

— Подите-ка сюда,—сказалъ онъ ему, наконецъ, не выдержавъ,—мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Вихляевъ бросился къ нему съ величайшимъ радушіемъ.

Они отошли на нѣсколько шаговъ отъ бесѣдки.

— Я долженъ васъ вывести изъ заблужденія,—произнесъ господинъ съ неуловимыми глазками,—вы полагаете, что ваша дуэль, это примиреніе—все это серьезно? Дуэли никакой никогда не могло быть,—мы это очень хорошо знали, потому что вы жалкій трусъ, и только забавлялись вашей трусостью: когда намъ это надоѣло, мы окончили это шутовскимъ примиреніемъ; я никогда бы не пошелъ серьезно къ вамъ въ секунданты, даже если бы вы были и немножко получше того, что̀ вы есть... Васъ сюда взяли какъ развлеченіе отъ скуки, какъ забаву, и, надо отдать вамъ справедливость, вы довольно порядочно исполнили свою обязанность. Я буду хвалить васъ въ Петербургѣ.

Вихляевъ поблѣднѣлъ какъ полотно, выслушавъ эту рѣчь, и схватилъ себя за голову...

— Послушайте,—сказалъ онъ,—это ужъ слишкомъ... О, я буду стрѣляться! я хочу стрѣляться! это невыносимо! я докажу вамъ...

Эти слова были искренни. Если бы Вихляеву дать въ

это мгновеніе пистолетъ, онъ стрѣлялся бы въ самомъ дѣлѣ, и даже безъ робости.

Господинъ съ неуловимыми глазками посмотрѣлъ на него презрительно, отвернулся и, не произнеся ни слова, пошелъ къ бесѣдкѣ.

Онъ еще не успѣлъ дойти до нея, какъ мгновенная вспышка смѣлости совсѣмъ оставила Вихляева; онъ въ совершенномъ разслабленіи опустился на скамейку, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

«Какъ же будутъ смотрѣть на меня,—подумалъ онъ,—Ваня, Коля, Петруша, Гриша, если до нихъ дойдутъ слухи объ этомъ? Что̀, если они не будутъ пускать меня къ себѣ? Это ужасно! ужасно!..»

Когда Александръ Иванычъ узналъ о томъ, что сынъ его имѣлъ исторію съ Вихляевымъ и даже вызывалъ его на дуэль, —это чрезвычайно пріятно подѣйствовало на его родительское самолюбіе, и онъ часто повторялъ потомъ кстати и не кстати:

— Мой Василій надѣленъ отъ природы смѣлымъ, сильнымъ духомъ. Съ нимъ, я вамъ скажу, бѣда! чуть что нибудь—сейчасъ стрѣляться... Молодая кровь кипитъ... это натурально. Я былъ въ его лѣта таковъ же... Вотъ еще недавно вызвалъ было на дуэль одного изъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ графомъ.. Что съ нимъ будешь дѣлать?—горячая голова!..

ГЛАВА VIII.

Александръ Иванычъ передалъ постепенно владѣтелю Покровскаго и его пріятелямъ всѣ свои анекдоты, замѣтки и изреченія, которые въ продолженіе сорока лѣтъ повторялись каждому новому лицу, безъ малѣйшихъ измѣненій, съ одинаковымъ возвышеніемъ и пониженіемъ голоса, съ

одинаковыми уловками и эффектами въ извѣстныхъ мѣстахъ. Онъ не только надоѣлъ господину съ неуловимыми глазками, но болѣе или менѣе всѣмъ его окружавшимъ, потому что никто уже не ждалъ отъ него новаго слова. Господинъ съ неуловимыми глазками вовсе не слушалъ его; графъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ, только изъ вѣжливости; даже Вихляевъ началъ избѣгать его и называлъ пустымъ человѣкомъ. Александръ Иванычъ не могъ не замѣтить такого охлажденія, и самолюбіе его пришло въ сильное безпокойство; но добрый старичокъ, для поддержанія къ себѣ графскаго вниманія и расположенія, готовъ былъ на все. Это расположеніе онъ рѣшился бы возвратить какою бы то ни было цѣною. У него оставалась еще надежда втереться въ довѣренность къ графу, сдѣлаться для него необходимымъ, и эта надежда, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не совсѣмъ обманула его.

Между тѣмъ Илья Семенычъ все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ, потому что безсознательно доставлялъ неистощимые поводы къ развлеченію, къ забавѣ и къ удовольствію графа и его пріятеля. Всепожирающій пламень любви, по собственному выраженію Ильи Семеныча, охватывалъ его сердце. Онъ не отходилъ отъ Надежды Кондратьевны, таялъ, взыхалъ передъ нею, сочинялъ ей мадригалы и акростихи и признавался своимъ молодымъ друзьямъ (такъ онъ называлъ графа и его спутниковъ), что его жизнь *не полна* безъ ней, что она составляетъ, такъ сказать, *половину* его бытія. Онъ часто ѣздилъ съ графомъ въ Березовку и всякій разъ возвращался оттуда въ необыкновенно свѣтломъ и пріятномъ расположеніи духа, потому что Надежда Кондратьевна, совершенно оставленная Вихляевымъ и угреватымъ поэтомъ, не пренебрегала, кажется, постояннымъ искательствомъ и страстною любовію обладателя пятисотъ душъ.

Вихляевъ съ большой ироніей смотрѣлъ на Илью Семеныча и остроумно замѣчалъ, что *chaque vilain trouve sa vilaine*. Онъ началъ, по его словамъ «отъ скуки» волочиться за Мареушей, дочерью садовника, за которой безуспѣшно бѣгалъ по саду Александръ Иванычъ.

Но въ то время, какъ всѣ обитатели Покровскаго въ самомъ дѣлѣ любили или играли любовью, вдыхая въ себя ароматы розъ или фіалокъ, сердце одного господина съ неуловимыми глазками оставалось нетронутымъ и празднымъ. Онъ ѣздилъ всякій день верхомъ, стрѣлялъ изъ пистолета для упражненія, перелистывалъ французскіе романы, зѣвая; иногда ѣздилъ на охоту и большую часть времени развлекался Ильей Семенычемъ и своими двумя англійскими собаками, изъ которыхъ одна носила названіе *Manon*, а другая *Desgrieux*. *Manon* и *Desgrieux* постоянно доставляли ему большое удовольствіе, и онъ часто замѣчалъ, что самъ потерявъ способность любить, онъ еще можетъ, однако, наслаждаться любовью другихъ, смотрѣть съ удовольствіемъ на любящіяся сердца, напримѣръ, на Илью Семеныча и Надежду Кондратьевну или на своихъ *Manon* и *Desgrieux*.

Убѣдясь, что графъ не на шутку ухаживаетъ за Катей, онъ сталъ къ ней внимателенъ, удивлялся ея быстрымъ успѣхамъ въ верховой ѣздѣ и замѣчалъ, что не знаетъ ни одной женщины, которая была бы граціознѣе ея на лошади...

Когда Катя въ первый разъ увидѣла себя верхомъ не подъ душной крышей манежа, не въ тѣсныхъ стѣнахъ, а среди широкихъ полей, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, сердце ея замерло отъ восторга. Быстро и смѣло пронеслась она болѣе версты по ровной и гладкой дорогѣ, окаймленной густою и высокою рожью, опередивъ своихъ спутниковъ, одна, какъ будто ей хотѣлось самой убѣдиться въ своей смѣлости; и вдругъ, сдержавъ свою лошадь и откинувъ отъ лица вуаль, обратилась къ графу, который въ эту минуту нагналъ ее, и взглянула на него съ такимъ чувствомъ упоенія и полноты, съ такою безконечною любовью и благодарностію, какъ будто хотѣла сказать ему этимъ взглядомъ:

«Я счастлива; видишь ли, какъ хорошо, какъ легко мнѣ, какъ мнѣ весело? и всѣмъ этимъ я обязана тебѣ!»

Не проходило дня, въ который бы графъ не видѣлъ Катю: утромъ она почти всякій день ѣздила въ его ма-

нежѣ, вечеромъ онъ пріѣзжалъ въ Березовку или приглашалъ старушку съ дочерью къ себѣ. По вечерамъ графъ и Катя занимались музыкой. Графъ слылъ за отличнаго музыканта; онъ очень бѣгло и ловко игралъ на фортепіано, имѣлъ очень пріятный и небольшой голосъ и пѣлъ съ большимъ искусствомъ различные французскіе романсы и итальянскія аріи. Графъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ съ Катей за фортепіано. Онъ разыгрывалъ съ нею въ четыре руки цѣлыя оперы. Эти музыкальныя упражненія очень часто, разумѣется, прерывались замѣчаніями, разговорами, взглядами, нечаянным̆ъ прикосновеніемъ рукъ и прочее... Музыка и верховая ѣзда сближали ихъ болѣе и болѣе. Кавалькады устраивались все чаще и чаще, но графъ никогда не ѣздилъ вдвоемъ съ Катею. Если почему-нибудь господинъ съ неуловимыми глазками не былъ расположенъ ѣхать. то добрый Александръ Иванычъ во всякій часъ былъ готовъ къ услугамъ графа и Кати. Онъ постоянно сопровождалъ ихъ въ этихъ прогулкахъ, подпрыгивая на сѣдлѣ по-англійски. Онъ всегда пускалъ графа съ Катей далеко впередъ и ѣхалъ обыкновенно рядомъ съ грумомъ, очень серьезно занимая его разговорами о выдержкѣ лошадей, о скачкахъ, о *steeple-chase*, о призахъ, о своихъ короткихъ знакомствахъ съ князьями, съ графами и съ лордами — первыми европейскими коннозаводчиками; о своихъ поѣздкахъ въ Лондонъ, гдѣ онъ никогда не былъ, и о другихъ тому подобныхъ предметахъ. Александръ Иванычъ необыкновенно ловко устраивалъ поѣздки Кати съ графомъ: цѣлые вечера просиживалъ съ Вѣрой Ивановной, въ то время, когда графъ съ Катей занимались музыкой или гуляли по саду, и всячески способствовалъ ихъ свиданіямъ наединѣ, не давая, впрочемъ, этого замѣчать графу, и въ самомъ дѣлѣ умѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ.

Между ними зародилась тайная связь. Они молча понимали и угадывали другъ друга.

Графъ рѣшительно не могъ обходиться безъ него. Когда Александръ Иванычъ собирался ѣхать домой, графъ приходилъ въ безпокойство: ему это было непріятно; онъ не

иначе отпускалъ его, какъ на короткій срокъ, и старичокъ, развалившись въ своемъ тарантасѣ, улыбался съ неописаннымъ самодовольствіемъ и говорилъ своему Флегонту, мрачно понюхивавшему табакъ:

— А вѣдь мы, братецъ, послѣ завтра опять вернемся сюда. Дѣлать нечего! что станешь дѣлать съ графомъ? Рѣшительно не отпускаетъ меня отъ себя ни на шагъ...

Такъ прошелъ мѣсяцъ послѣ праздника, даннаго Александромъ Иванычемъ. Іюль былъ на исходѣ. Однажды вечеромъ Вѣра Ивановна сидѣла съ Захаромъ Лаврентьичемъ у окна, поджидая свою Катю, которая съ графомъ и Александромъ Иванычемъ поѣхала верхомъ. Оба они молчали. Вѣра Ивановна только время отъ времени высовывала голову изъ окна и посматривала то вправо. то влѣво: но на дорогѣ никого не было видно. Захаръ Лаврентьичъ сидѣлъ облокотившись на руку, совершенно недвижный.

— Что это ты, голубчикъ, — сказала Вѣра Ивановна съ участіемъ, обратившись къ нему, — что съ тобой? Ты съ нѣкотораго времени сталъ ни на что не похожъ,—точно въ воду опущенный?

Захаръ Лаврентьичъ, какъ будто испуганный этимъ замѣчаніемъ, встрепенулся.

— Нѣтъ-съ. ничего,—проговорилъ онъ скороговоркою.

— Какъ ничего? — продолжала старушка, качая головою,—ты и уженье-то свое забылъ совсѣмъ! или тебѣ не здоровится? ты бы. милый мой, посовѣтовался съ дохтуромъ, право. Можетъ быть, онъ бы тебѣ какое-нибудь лѣкарство прописалъ.

— Точно, что я чувствую себя не совсѣмъ хорошо-съ.— отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ,—да это ничего—пройдетъ-съ.

— То-то пройдетъ!—возразила старушка,—хорошо какъ пройдетъ, а то, сохрани Господи, разболѣешься. тогда хуже. Вотъ и мой покойникъ говорилъ все: пройдетъ, да вдругъ такъ слегъ, что ужъ ни рукой, ни ногой не могъ пошевелить.

Вѣра Ивановна глубоко вздохнула и, по обыкновенію, прибавила.

— Ахъ, родимый онъ мой! не думала я съ нимъ разстаться такъ скоро!.. Впрочемъ, на все воля Божья.

— Охъ, охъ, охъ!—продолжала она черезъ нѣсколько минутъ:—не будь у меня Кати, я и не перенесла бы, можетъ быть, этой потери. Что̀ бы была моя жизнь безъ нея? къ чему бы я стала одна мыкаться на бѣломъ свѣтѣ? Вѣришь ли ты, голубчикъ, какъ я подумаю иногда, что мнѣ придется разстаться съ нею, что не сегодня, такъ завтра, можетъ сыскаться для нея добрый человѣкъ—нельзя же объ этомъ не думать: вѣдь ея лѣта такія... да нѣтъ! нѣтъ!—вскрикнула съ жаромъ старушка, вскочивъ со стула:—я брошусь къ ногамъ его, я скажу ему:—батюшка, возьми и меня съ собою, дай мнѣ маленькій уголочекъ возлѣ моей Кати, чтобъ я могла жить подъ одной съ ней крышей; мнѣ ничего не надобно, только ужъ, воля твоя, я не разстанусь съ нею... Да и она вѣдь не захочетъ оставить меня...

— Да какъ же васъ не любить, Вѣра Ивановна!—вскрикнулъ Захаръ Лаврентьичъ, одушевившись,—надобно не имѣть никакого чувства-съ... Такой другой матери, какъ вы, кажется, и быть-то не можетъ.

— Ну, полно, полно,—перебила она,—что̀ я за невидаль въ самомъ дѣлѣ такая... Какая же мать не любитъ свое дитя?

Разговоръ прекратился. Черезъ нѣсколько минутъ Вѣра Ивановна снова высунула голову въ окно, но все, попрежнему, было тихо, и на дорогѣ никого не было видно. Начинало смеркаться.

— Да что̀ они такъ долго не ѣдутъ?—сказала она съ безпокойствомъ.—Ужъ не случилось ли съ ними, сохрани Господи, чего-нибудь? Посмотри, совсѣмъ начинаетъ смеркаться, мѣсяцъ-то за тучами, и дороги-то вѣдь не различишь въ потемкахъ... долго ли до грѣха! лошадь можетъ споткнуться...

Скоро и совсѣмъ смерклось. Принесли свѣчей. Вѣра Ивановна въ волненіи ходила по комнатѣ, безпрестанно подходя къ окну и прислушиваясь къ лошадиному топоту.

— Ужъ не послать ли навстрѣчу имъ верхового?..

Прошло еще полчаса мучительнаго ожиданія для Вѣры Ивановны. Захаръ Лаврентьичъ также не безъ волненія хо-

дилъ по комнатѣ... вдругъ послышался близкій лошадиный топотъ.

— Ну, слава Богу, — прошептала старушка, перекрестившись.

Графъ и Александръ Иванычъ простились съ Катею у крыльца. Вѣра Ивановна выбѣжала къ ней навстрѣчу. Катя уже стояла одна.

— Что это, другъ мой, такъ поздно? — говорила, обнимая ее, старушка.—Ужъ я Богъ знаетъ чего не передумала... А гдѣ же графъ, гдѣ же Александръ Иванычъ?

— Они уѣхали, не хотѣли васъ безпокоить.

— Эхъ, эхъ! напрасно ты отпустила ихъ: я бы напоила ихъ чайкомъ.

Катя вошла въ комнату въ своей амазонкѣ, поклонилась Захару Лаврентьичу и молча опустилась въ кресло.

— Самоваръ давно кипитъ, — начала старушка, — я сейчасъ налью тебѣ чаю.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, маменька, я ничего не хочу, — отвѣчала Катя.

Вѣра Ивановна пристально посмотрѣла на нее и въ испугѣ вскрикнула:

— Боже мой! да что съ тобой, Катенька? Что это ты такая блѣдная? Ужъ сердце мое предчувствовало... Признайся, не случилось ли съ вами чего-нибудь?

Катя вздрогнула при этомъ вопросѣ; въ рукѣ ея тревожно зашевелился хлыстикъ.

— Нѣтъ, ничего, ничего... я васъ увѣряю, — отвѣчала она, вдругъ вскочивъ съ креселъ и какъ будто ища чего-то.—Мы только далеко ѣздили, и я немного устала.

— Выпей хоть чашечку: вѣдь у тебя, чай, въ горлѣ пересохло. Шутка ли — скакать на лошади столько часовъ!

— Нѣтъ, я не хочу чаю; я лучше выпью воды.

Захаръ Лаврентьичъ выбѣжалъ и принесъ ей стаканъ воды.

— Да не дурно ли тебѣ, Катя?

— Я вамъ говорю, что я только устала—больше ничего. Я пойду къ себѣ и лягу спать...

Когда Катя ушла, старушка обратилась къ Захару Лаврентьичу.

— Экая страсть родилась у нея къ верховой ѣздѣ! — сказала она, — вѣдь чуть не до обморока заѣздилась. Мужчинамъ-то хорошо: мужчины привыкли· а дѣвушкѣ—гдѣ жъ ей, помилуйте, гоняться за ними!

На другой день утромъ Вѣрѣ Ивановнѣ показалось, что глаза у Кати распухли и были красны. Катя не поѣхала въ Покровское брать, по своему обыкновенію, урока въ манежѣ и весь день была грустна и задумчива, несмотря на желаніе скрыть это.

Вечеромъ пріѣхалъ графъ съ Александромъ Иванычемъ и Ильей Семенычемъ. Когда графъ, поздоровавшись и поговоривъ съ Вѣрой Ивановной, подошелъ къ Катѣ, она вся вспыхнула и потомъ избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ.

Захаръ Лаврентьичъ тотчасъ послѣ пріѣзда графа отправился къ ближнему пруду. Онъ сѣлъ на берегъ, закинулъ удочку, но, кажется, вовсе не слѣдилъ за поплавкомъ, потому что поплавокъ нѣсколько разъ погружался въ воду, а онъ и не думалъ трогать удилище... Удилище лежало на землѣ, и конецъ его совсѣмъ погрузился въ воду... Захаръ Лаврентьичъ думалъ о чемъ-то; о чемъ думалъ онъ, я не знаю, только онъ воротился домой, когда совсѣмъ смерклось, не поймавъ ничего. Гости уже уѣхали. Катя, жалуясь на головную боль, ушла къ себѣ. Надежда Кондратьевна сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ и мечтала надъ раздушеннымъ листикомъ почтовой бумажки, на которомъ рукою Ильи Семеныча было написано:

Стрѣлой амура уязвленный,
Невыразимо я страдалъ;
Одинъ предметъ во всей вселенной
Мои всѣ мысли занималъ
И на брегу надежды стоя,
Всѣмъ существомъ я рвался *къ ней*,
Ища отрады и покоя
Душѣ болѣющей моей.
«Ту боль не вынесетъ натура—
Такъ разсуждалъ съ собою я—
И раны ѣдкія амура
Залечитъ *развѣ Гименей!*»

Вѣра Ивановна оставалась одна внизу, размышляя о своей Катѣ и время отъ времени покачивая про себя головою. Когда Захаръ Лаврентьичъ вошелъ въ комнату, она обратилась къ нему и спросила:

— Откуда ты это? гдѣ это ты пропадалъ?

— Да я ходилъ къ пруду поудить немного.

— Что жъ, много наловилъ?—спросила Вѣра Ивановна, все еще погруженная въ свои размышленія.

— Нѣтъ, что-то не ловится-съ.

— Гм!...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Послушай, Захаръ Лаврентьичъ,—сказала наконецъ Вѣра Ивановна, какъ бы собравшись съ мыслями,—тебѣ извѣстно, что я тебя почитаю больше, чѣмъ родного. Я знаю, какъ ты привязанъ и ко мнѣ и къ Катѣ; никакой родной не дѣлалъ для меня столько, какъ ты, послѣ смерти моего милаго друга. Я это очень чувствую, очень цѣню, голубчикъ... Ты дѣлилъ со мною все—и горе и радости. Ты знаешь, что я отъ тебя никогда ничего не скрывала,—все, что у меня есть на душѣ, глупое или умное, все повѣряю тебѣ... Знаешь ли, Захаръ Лаврентьичъ, что мнѣ пришло въ голову?

Старушка замолчала на минуту.

Захаръ Лаврентьичъ весь превратился во вниманіе и не спускалъ съ нея глазъ.

— Что, ты не замѣчаешь никакой перемѣны въ Катѣ?

И предложивъ этотъ вопросъ, она устремила на него пристальный и испытующій взглядъ.

Захаръ Лаврентьичъ видимо смутился; въ лицѣ его выразилось что-то болѣзненное, какъ будто этотъ вопросъ неосторожно коснулся до самаго больного его мѣста.

— Я не знаю... нѣтъ... кажется... — невнятно проговорилъ онъ.

— Не скрывай отъ меня ничего, Бога ради, я прошу тебя. Вѣдь я знаю, что ты любишь Катю, какъ сестру, что ты принимаешь въ ней участіе, можетъ статься, не меньше самой меня. Говори мнѣ все прямо. Можетъ, ты замѣтилъ что-нибудь.

— Натурально-съ, Катеринѣ Павловнѣ теперь веселѣе: у нее теперь болѣе развлеченій...

— Я рада; пусть она, моя голубушка, развлекается... только одного я боюсь, чтобы эти развлеченія не повели куда-нибудь — вотъ чего я боюсь... Что́, если... вѣдь не даромъ пословица-то: кошкѣ игрушки, а мышкѣ — слезы. Ты видишь, какъ графъ-то за ней ухаживаетъ; сначала я думала, что онъ это такъ... онъ мнѣ казался добрый такой... и она... Да нѣтъ, что́ ни говори, тутъ не одна верховая ѣзда... сердце мое чуетъ, что онъ ей кружитъ голову, ей Богу такъ.

Старушка вздохнула.

— Сегодня она всю ночь проплакала; ужъ это я вижу: она не скроетъ этого отъ меня. Стало быть, у нея есть что-нибудь на сердцѣ.

Захаръ Лаврентьичъ опустилъ голову, задумался и потомъ, проведя рукою по лбу и не глядя на Вѣру Ивановну, сказалъ нетвердымъ, прерывающимся голосомъ:

- Ну, а что́ жъ, если они... если они и въ самомъ дѣлѣ другъ друга любятъ-съ?

— Какъ что́? — вскрикнула Вѣра Ивановна.

— Да онъ женится на ней... что̀ же другое-съ! — произнесъ Захаръ Лаврентьичъ спокойнымъ голосомъ и отъ полноты убѣжденія, — дай Богъ ей счастья!

— Ты никакъ, батюшка, съ ума спятилъ? — возразила Вѣра Ивановна, вытаращивъ глаза. — Что̀ это такое ты говоришь?

Захаръ Лаврентьичъ въ свою очередь посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Чему жъ вы удивляетесь? Коли онъ ее любитъ... и она...

— Экой чудакъ! Да кто такой *онъ* и кто такая *она?*... Онъ знатный человѣкъ, онъ первый богачъ, посмотри, въ какихъ палатахъ онъ живетъ. А мы что́? мы люди темные, простые, бѣдные... вѣдь мы букашки передъ нимъ.

— Да если онъ точно любитъ? Развѣ любовь-то, Вѣра Ивановна, разбираетъ званія? Да къ тому же Катерина Павловна дворянка... Что̀ жъ, что она бѣдная! зато онъ богатъ-съ.

— Съ тобой, я вижу, ничего не столкуешь: ты ничего

не понимаешь, какъ будто не между людьми живешь, право. Ему и этикетъ не позволитъ жениться...

— Какой этикетъ-съ?—спросилъ съ изумленіемъ Захаръ Лаврентьичъ.

— Вотъ поди толкуй съ нимъ! Какъ же бы тебѣ это растолковать... Вѣдь нельзя бы, напримѣръ, Катѣ выйти замужъ за какого-нибудь мастерового или мужика?

Захаръ Лаврентьичъ опять задумался.

— Да это потому,—сказалъ онъ черезъ минуту,—что мастеровой, что ли, или мужикъ какой-нибудь—человѣкъ грубый, необразованный. Необразованнаго человѣка Катерина Павловна не можетъ полюбить. Онъ ей не ровня-съ.

— Экой ты какой тугой, ей Богу! что съ тобой будешь дѣлать? Ну да, однимъ словомъ, надо совсѣмъ рехнуться, чтобы вбить себѣ въ голову, что графъ можетъ жениться на моей Катѣ, если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ любилъ ее.

— Я васъ не понимаю, Вѣра Ивановна, извините меня-съ; стало быть, вы его считаете за дурного человѣка-съ, а вы же сами всегда такъ хвалили его. Если онъ любитъ Катерину Павловну, то не посмотритъ ни на что-съ... Я такъ думаю-съ, что тотъ, кто точно любитъ, Вѣра Ивановна, пойдетъ въ огонь и въ воду за любимое существо; я не знаю, чего онъ не готовъ для него сдѣлать! а тотъ, кого остановитъ этакой вздоръ, тотъ лжетъ-съ, тотъ не любитъ-съ, тотъ любитъ-съ только самого себя. Ужъ какая это любовь!

— Ахъ ты, Божій человѣкъ!—сказала Вѣра Ивановна, взглянувъ на Захара Лаврентьича и съ сожалѣніемъ покачавъ головою.—Да что пересыпать-то изъ пустого въ порожнее!—продолжала она,—графъ никогда не женится на Катѣ: это невозможно... А если она-то, несмотря ни на что, такъ вотъ, очертя голову полюбила его—тогда что? Вотъ что ты лучше скажи мнѣ.

— Она-съ... она всѣмъ для него пожертвуетъ,—отвѣчалъ рѣшительно Захаръ Лаврентьичъ.

— Какъ? и мною?—вскрикнула болѣзненно Вѣра Ивановна,—мною, матерью-то, которая любитъ ее больше всего на свѣтѣ, которая вынянчила, выкормила ее, не щадила для

нея ничего, положила всю жизнь свою въ нее? Да вѣдь для меня и свѣтъ Божій не милъ безъ нея! Что ты это? Катя-то, моя Катя промѣняетъ меня на посторонняго, она рѣшится убить меня? она пожертвуетъ мною?..

— Да, и вами! — произнесъ печально Захаръ Лаврентьичъ.

— О! не дай Богъ мнѣ дожить до этого часа! — простонала Вѣра Ивановна. — Да нѣтъ, — продолжала она, немного погодя и болѣе спокойнымъ голосомъ, — ты самъ не знаешь, что говоришь, а я, какъ дура, тебя слушаю да вѣрю. Не самъ ли ты вчера говорилъ мнѣ, что она любитъ меня?

— Я въ этомъ не сомнѣвался-съ никогда.

— Какъ же это—любитъ меня и броситъ меня, промѣняетъ меня на другого?

— Да, а можетъ и его промѣняетъ на васъ, только не на радость вамъ, Вѣра Ивановна. Ужъ тутъ что-нибудь изъ двухъ-съ: она или васъ убьетъ, или себя, если только она его любитъ-съ...

— Что это ты, прости Господи, какъ воронъ каркаешь сегодня. Тьфу!.. — Вѣра Ивановна плюнула... — Типунъ тебѣ на языкъ...

«Добрый, рѣдкій, услужливый человѣкъ Захаръ Лаврентьичъ, — подумала она, — а ужъ ничего-то въ толкъ обсудить не можетъ. Такая у него ералашь въ головѣ».

И Вѣра Ивановна нѣсколько успокоилась.

Въ то время, когда въ самомъ дѣлѣ что-то необыкновенное совершалось съ Катею, въ чувствительномъ сердцѣ Надежды Кондратьевны, хотя нѣсколько износившемся отъ разнообразныхъ ощущеній и порываній, происходили также рѣзкія и быстрыя измѣненія. Любовь ея къ угреватому поэту, развивавшаяся быстро, вдругъ была прервана появленіемъ Вихляева. Въ Надеждѣ Кондратьевнѣ всегда боролись два элемента: поэтическій и свѣтскій, и она отдавалась то тому, то другому, смотря по обстоятельствамъ. Элементъ свѣтскій всегда, впрочемъ, преобладалъ въ ней, и потому Вихляевъ долженъ былъ уничтожить въ ея сердцѣ угреватаго поэта и остаться въ немъ полнымъ властелиномъ.

Взвѣшивая въ своихъ мысляхъ талантъ и внутреннія до-

стоинства угреватаго поэта съ свѣтскими манерами и изящною наружностію Вихляева, она невольно склонилась на сторону послѣдняго, когда замѣтила его расположеніе къ ней. Ея быстро воспламеняющееся воображеніе вызвало передъ ней блистательную картину. Она представляла уже себя въ Петербургѣ счастливой супругой этого свѣтскаго молодого человѣка. У нея свой салонъ, который посѣщаетъ, разумѣется, высшее общество. Будуаръ ея отдѣланъ съ величайшею роскошью, на потолкѣ виситъ матовая лампа, а она лежитъ въ полусвѣтѣ этой лампы... Ея орловскіе рысаки, ея бурнусы и шляпки, ея блестящіе, бросающіеся въ глаза экипажи обращаютъ на себя вниманіе всего Петербурга... Всѣ останавливаются и спрашиваютъ: «кто эта дама, одѣтая съ такою роскошью и съ такимъ вкусомъ? Чей это экипажъ?..» «Это *M-me Vichlaieff*» переходитъ изъ устъ въ уста, и въ Петербургѣ только и толковъ, что о *M-me Vichlaieff*. Какъ же можно промѣнять такой прелестный образъ жизни на неизвѣстную, неопредѣленную будущность съ человѣкомъ, который долженъ еще хлопотать о пріобрѣтеніи себѣ извѣстности и славы, зарабатывать деньги литературными трудами... и—кто знаетъ!—добьется ли онъ еще этой славы? Все это такъ или почти такъ думала Надежда Кондратьевна и, внутренно сожалѣя объ угреватомъ поэтѣ, готова была уже окончательно отдать свое сердце Вихляеву, какъ вдругъ оба они совершенно неожиданно отвернулись отъ нея... Тщетно усиливалась Надежда Кондратьевна, посредствомъ разныхъ, очень тонкихъ женскихъ уловокъ и самаго ядовитаго кокетства, возвратить хоть котораго-нибудь изъ нихъ. Ничего не дѣйствовало: оба они обращались съ нею даже съ какою-то оскорбительною насмѣшливостью. Съ уязвленнымъ самолюбіемъ, съ погибшими мечтами и надеждами, она, какъ утопающій хватается за соломинку, ухватилась за Илью Семеныча, хотя Илья Семенычъ, какъ извѣстно читателю, вовсе не походилъ на соломинку, а имѣлъ наружность очень внушающую и довольно округленный и выдавшійся животикъ, на которомъ живописно болтались различные брелоки и печатки. Вглядываясь въ него внимательнѣе, Надежда Кон-

дратьевна нашла, что она была сначала къ нему несправедлива, что хотя онъ имѣетъ свои странности, но вовсе не смѣшонъ; она даже провѣдала стороною, что онъ человѣкъ характера чрезвычайно мягкаго и уклончиваго и что его имѣніе хотя и разстроено, но его можно еще легко поправить; а быть владѣтельницей пятисотъ душъ, даже и заложенныхъ, все-таки, что ни говорите, пріятно!

«Надобно непремѣнно спасти этого добраго Илью Семеныча,—подумала она.—Если не принять въ немъ участія, онъ непремѣнно разорится. Я займусь его хозяйствомъ, устрою его дѣла, успокою его подъ старость. Я чувствую, что способна на такое самоотверженіе!»

И рѣшившись на этотъ добродѣтельный подвигъ, Надежда Кондратьевна сдѣлалась необыкновенно внимательна къ Ильѣ Семенычу: она смотрѣла на него глазами томными и нѣжными, въ разговорѣ съ нимъ безпрестанно цитировала стихи, восхищалась вмѣстѣ съ нимъ красотами природы, вздыхала чаще обыкновеннаго и окончательно въ продолженіе нѣсколькихъ дней свела его съ ума.

Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками много также способствовали этому. Они при всякомъ случаѣ заводили съ нимъ рѣчь о Надеждѣ Кондратьевнѣ, объ ея умѣ, вкусѣ, образованіи, свѣтскости и о прочемъ.

— Что́ *важнѣе* всего, — восклицалъ Илья Семенычъ, — она *необыкновенно тонко* чувствуетъ поэтическіе красоты и *оттѣнки*, притомъ обладаетъ рѣдкою и обширною памятью. Я только два раза прочелъ ей мое стихотвореніе къ *Веснѣ*, и въ третій разъ она сама продекламировала мнѣ его *безъ одной ошибки*, сохраняя притомъ *необходимую интонацію*, *удачно* возвышая и понижая голосъ въ *извѣстныхъ* мѣстахъ. *Дивная* дѣвушка!..

— Мы вамъ всегда говорили, что эта дѣвушка замѣчательная, — сказалъ однажды Ильѣ Семенычу господинъ съ неуловимыми глазками, — и знаете ли что́? мнѣ кажется, она къ вамъ неравнодушна...

Илья Семенычъ скромно потупилъ глаза и началъ перебирать свои брелоки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы это замѣтили? — возразилъ онъ съ пріятнѣйшею улыбкою.

Онъ прошелся въ волненіи нѣсколько разъ по комнатѣ и потомъ, подойдя къ графу и господину съ неуловимыми глазками, наклонился къ нимъ и прошепталъ:

— Я люблю ее *страстно*, но это *покуда* между нами, господа...

— Чтó жъ вы не сдѣлаете предложенія? — спросилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Это сдѣлается само собой, по *вдохновенію*, можно сказать, — отвѣчалъ Илья Семенычъ.

— А вы позволите намъ быть вашими шаферами?

— Поставлю за *особую* честь.

— Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ, — сказалъ графъ.

— Смѣю ли я въ чемъ-нибудь отказать вашему сіятельству? Ожидаю вашихъ приказаній...

— Мнѣ было бы очень пріятно, если бы ваша свадьба была здѣсь, у меня, въ Покровскомъ.

— *Безпрекословно* будетъ исполнено, — вскрикнулъ Илья Семенычъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Илья Семенычъ прогуливался съ Надеждой Кондратьевной въ покровскомъ паркѣ. Утро было нестерпимо жаркое, — парило, какъ обыкновенно передъ грозой; небо было чисто, но горизонтъ окаймлялся недвижными тучами, которыя еще незамѣтно сливались съ синевою неба. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія... листы на деревьяхъ, отъ постоянной засухи потерявъ жизнь и свѣжесть, походили на искусственные; на днѣ самыхъ глубокихъ овраговъ не было ни капли воды; густая рожь, желтѣвшая за паркомъ, поднималась выше роста человѣческаго, и колосья ея, опустившіеся отъ тяжести, наливались и дозрѣвали на солнечномъ припекѣ. Тысячи васильковъ синѣли во ржи.

Лицо Ильи Семеныча раскалилось, и на огромномъ лбу его крупными каплями выступалъ потъ и ручьями лился изъ-подъ его рыжей накладки. Онъ безпрестанно приподни-

малъ свою фуражку и вытиралъ лобъ пестрымъ фуляромъ съ изображеніемъ г-жи Зонтагъ. Напрасно Надежда Кондратьевна то обмахивала лицо своимъ вѣеромъ, то подносила осторожно платокъ къ лицу, боясь, чтобы потъ не произвелъ на немъ слѣдовъ разрушенія, уже двѣ дорожки успѣли образоваться на немъ... Утомленная, она принуждена была сѣсть подъ дерево, въ концѣ парка, близъ тропинки, протоптанной между окраиной парка и полемъ ржи... Илья Семенычъ нарвалъ васильковъ и поднесъ ихъ ей съ свойственною ему граціею.

— Merci! — нѣжно прошептала она, разложила ихъ къ себѣ на платье и начала плесть изъ нихъ вѣнокъ. Илья Семенычъ, стоя противъ нея, любовался этой идиллической картиной.

— Чтó жъ вы не сядете? Садитесь сюда.

И она указала ему мѣсто подлѣ себя, взглянувъ на него съ тѣмъ очаровательнымъ кокетствомъ, противъ котораго слабый человѣкъ устоять не въ силахъ.

Илья Семенычъ, разнѣжась, опустился на дернъ, хотя это ему было не совсѣмъ легко.

— Ужасъ, какая духота! — сказала Надежда Кондратьевна.

— А мнѣ такъ *легко* и *пріятно*, — возразилъ онъ, чего, впрочемъ, нельзя никакъ было заключить по его неровному и тяжелому дыханію. — Я бы желалъ *постоянно* оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ *нахожусь теперь*...

Онъ сидѣлъ у ногъ Надежды Кондратьевны.

— Не говорите: вамъ бы это наскучило. Постоянство, кажется, совсѣмъ не въ характерѣ мужчинъ...

И Надежда Кондратьевна вздохнула.

— Я просилъ бы васъ сдѣлать исключеніе *хоть для одного изъ нихъ, именно* для человѣка, который *въ этотъ моментъ у ногъ вашихъ* и который почелъ бы *высочайшимъ* счастіемъ и *лучшею* наградою провидѣнія, если бы оно *этотъ моментъ* превратило *для него въ вѣчность*.

Илья Семенычъ произнесъ это, взмахнувъ правой рукой, для приданія большей силы словамъ своимъ, и потъ еще болѣе закапалъ изъ-подъ его фуражки.

— Будто вы такъ постоянны? — спросила лукаво Надежда Кондратьевна, взглянувъ на своего обожателя исподлобья.

— Клянусь вамъ! — воскликнулъ Илья Семенычъ и вдругъ схватилъ руку Надежды Кондратьевны, державшую василекъ, и поцѣловалъ ее.

Надежда Кондратьевна въ смущеніи, сама не зная, что̀ дѣлаетъ, слегка пожала ему руку.

Илья Семенычъ одушевился; онъ чувствовалъ приближеніе рѣшительной минуты — торжественной минуты вдохновенія, и, не выпуская ея руки, продолжалъ:

— *Вы* моя *жизнь*, моя *надежда*, *отъ васъ* зависитъ сдѣлать меня *счастливѣйшимъ* человѣкомъ въ мірѣ.

— Отчего же отъ меня? — спросила наивно Надежда Кондратьевна.

— Оттого, что жизнь моя безъ васъ — не жизнь, а *прозябаніе*. Вы, такъ сказать, *осмыслите* и *дополните* мое бытіе.

У Надежды Кондратьевны показались на глазахъ слезы, и она прошептала въ волненіи:

— Ахъ! что̀ вы это говорите?

— Скажите, могу ли я надѣяться хоть на малѣйшее сочувствіе съ вашей стороны? Скажите...

Но въ эту минуту онъ почувствовалъ вторичное и болѣе значительное пожатіе.

— Такъ эта рука можетъ принадлежать *мнѣ?* — воскликнулъ внѣ себя Илья Семенычъ, уже не обращая вниманія на то, что потъ ручьями катился по лицу его.

— *Да*, — вырвалось невольно изъ устъ Надежды Кондратьевны... И вслѣдъ за тѣмъ она произнесла замирающимъ голосомъ: — о, что̀ это со мной дѣлается? Боже мой... Ахъ!..— И, совсѣмъ ослабѣвъ, голова ея скатилась на плечо счастливаго Ильи Семеныча.

Нѣсколько минутъ она оставалась въ такомъ положеніи. Илья Семенычъ не дышалъ и не шевелился. Но какъ будто для того, чтобы привести ее въ чувство, вдругъ пахнулъ освѣжающій вѣтеръ.

Сначала заколыхались только вершины деревъ, потомъ зашелестили всѣ листья... и весь лѣсъ ожилъ и встрепе-

нулся. Рожь залоснилась волнами, и туча двинулась съ горизонта... Вѣтеръ усиливался. Туча темнѣла и надвигалась. Въ воздухѣ запахло сыростью; вдали уже видны были полосы дождя... Илья Семенычъ объ руку съ Надеждой Кондратьевной отправились домой.

Черезъ часъ послѣ этого, когда проливной дождь хлесталъ въ окна, Надежда Кондратьевна, прижимая къ своему сердцу Катю, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сообщила ей о случившемся.

— Такъ вы его любите? — спросила удивленная Катя, выслушавъ ея признаніе.

Надежда Кондратьевна вздохнула.

— Онъ такой прекрасный человѣкъ! — сказала она, — къ нему нельзя не привязаться. Ахъ, душечка, можетъ быть, это съ моей стороны и пожертвованіе, но онъ такъ любитъ меня, что мнѣ было бы жестоко не согласиться...

Узнавъ все отъ Ильи Семеныча, Вѣра Ивановна отъ всей души обрадовалась счастью Надежды Кондратьевны, такъ неожиданно пристроившей наконецъ свою скитальческую жизнь, и даже не могла, по привычкѣ, удержаться отъ слезъ, обнимая и поздравляя ее.

Возвратясь изъ Березовки въ Покровское къ самому обѣду, Илья Семенычъ вбѣжалъ впопыхахъ въ комнату, гдѣ были всѣ въ собраніи: графъ, Александръ Иванычъ, господинъ съ неуловимыми глазками, Вихляевъ и даже управляющій.

— Ваше сіятельство и вы, милостивые государи, можете поздравить меня, такъ-*сказать, уже офиціально.* Я женюсь на Надеждѣ Кондратьевнѣ...

Лицо Ильи Семеныча лоснилось и сіяло, и отъ волненія и отъ пота накладка его съѣхала нѣсколько на сторону.

— Поздравляю! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

И Илья Семенычъ перецѣловалъ всѣхъ, не исключая и управляющаго.

Вихляевъ, насмѣшливо улыбаясь, смотрѣлъ на Илью Семеныча, покручивая свой усикъ.

Александръ Иванычъ трижды поцѣловалъ Илью Семены-

ча и произнесъ съ обыкновенною своею торжественностію.

— *Жены добрыя блаженъ есть мужъ и число дней его сугубо.*

Управляющій поцѣловалъ Илью Семеныча и потомъ, почтительно поклонившись ему, сказалъ:

— И прекрасно дѣлаете, батюшка Илья Семенычъ! Имѣю честь васъ поздравить. Безъ жены человѣку нельзя быть... и въ писаніи это сказано. Безъ хозяюшки и въ домѣ все не то: какъ будто не достаетъ чего-то... Что вы изволите улыбаться, ваше сіятельство? Право такъ... Вотъ когда ваше сіятельство обрадуете насъ вступленіемъ въ законный бракъ, такъ я просто съ ума сойду, кажется, отъ такого счастья... Эхъ! но ужъ не придется мнѣ старику послужить вѣрой и правдой вашему наслѣднику, какъ я вамъ служу.

Управляющій вздохнулъ, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ и протянулъ руку съ табакеркой Ильѣ Семенычу.

— Не прикажете ли, батюшка? — Настоящій французскій. Ихъ сіятельство привезли мнѣ въ подарокъ изъ Петербурга.

Затѣмъ двинулись всѣ въ столовую. За шампанскимъ начались снова поздравленія. Илья Семенычъ на радости пилъ еще болѣе обыкновеннаго, декламировалъ, кричалъ и размахивалъ руками.

Свадьба Ильи Семеныча праздновалась чрезъ три недѣли въ Покровскомъ и была устроена графомъ и господиномъ съ неуловимыми глазками съ очень забавною торжественностію. Они были шаферами жениха, а Вихляева и угреватаго поэта заставили быть шаферами невѣсты. Посаженнымъ отцомъ и матерью со стороны невѣсты были Вѣра Ивановна и Александръ Иванычъ, а со стороны жениха — два почетныя губернскія лица. Изъ церкви до дому молодыхъ везли въ парадной каретѣ екатерининскихъ временъ, которая была сдѣлана къ свадьбѣ дѣдушки графа и сохранялась въ Покровскомъ въ числѣ многихъ другихъ рѣдкостей. У подъѣзда дома молодые встрѣчены были музыкой. Весь домъ былъ великолѣпно освѣщенъ. Ихъ посадили къ столу, уставленному конфетами и фруктами, среди котораго

возвышался храмъ любви изъ сахару, съ амурчикомъ внутри. Все это было приготовлено сюрпризомъ для молодыхъ. Надежда Кондратьевна была, впрочемъ, нѣсколько смущена этими сюпризами. Она догадывалась, что во всей этой торжественности, окружавшей ее, есть какая-то задняя мысль; но Илья Семенычъ былъ до слезъ тронутъ всѣми распоряженіями графа.

Въ ту минуту, когда гости уже начали разъѣзжаться, а молодые встали, чтобы отправиться въ приготовленныя для нихъ комнаты во флигелѣ, Илья Семенычъ обратился къ графу и сказалъ:

— *Сердце мое,* ваше сіятельство, въ такомъ волненіи, что языкъ *отказывается* быть выразителемъ его *чувствъ*, переполненныхъ къ вамъ за все *горячею* благодарностью. Когда здѣсь переполнено (онъ указалъ на сердце), *уста* нѣмѣютъ. Сегодняшній день — *вѣнецъ моей жизни.* Я удостовѣряюсь въ томъ, что *въ васъ* я пріобрѣтаю *высокаго покровителя* и, если смѣю сказать, *друга*...

И при этомъ Илья Семенычъ обнялъ графа.

— *Въ ней,* — продолжалъ онъ, указывая на жену, — ту, которая предназначена была *пополнить* мое бытіе и *освѣтить его любовію.*

Онъ поцѣловалъ Надежду Кондратьевну.

ГЛАВА IX.

Съ тѣхъ поръ, какъ Надежда Кондратьевна сдѣлалась владѣтельницей и распорядительницей пятисотъ душъ и переселилась въ *Отрадное*, — такъ звали деревню Ильи Семеныча — ежедневныя поѣздки Кати въ Покровское для уроковъ въ верховой ѣздѣ совсѣмъ прекратились. Зато графъ попрежнему не пропускалъ ни одного дня, чтобы не побывать въ Березовкѣ. *Миссъ Аннетъ* была подарена Катѣ, и Катя возилась и нянчилась съ нею какъ дитя съ любимою игрушкою, по нѣскольку разъ въ день бѣгала въ конюшню любоваться ею, ласкала, гладила ее и кормила хлѣбомъ. По-

ѣздки верхомъ продолжались попрежнему. Вѣра Ивановна успокоилась, потому что Катя сдѣлалась повеселѣе, и въ обращеніи съ нею графа, по наблюденію старушки, не было ничего, кромѣ особенной внимательности и предупредительности. Но она не замѣчала, какъ грустила ея Катя, если графъ уѣзжалъ вмѣстѣ съ своими пріятелями куда-нибудь на охоту на нѣсколько дней, что случалось, впрочемъ, довольно часто.

Катя научилась скрывать отъ другихъ свои внутреннія ощущенія, и только опытный наблюдатель могъ замѣтить въ ней большую перемѣну въ послѣднее время. Она поблѣднѣла. Глаза ея утратили спокойное и безпечное, хотя всегда нѣсколько задумчивое выраженіе. Они сдѣлались живѣе, одушевленнѣе; они то жарко вспыхивали вдругъ, то какъ-то странно тускнѣли, погружаясь въ долгое, тяжелое раздумье. Во взглядѣ Кати, прежде ровномъ, отражавшемъ тишину внутреннюю, замѣтно было по временамъ что-то безпокойное и тревожное. Катя, когда не было никого постороннихъ, любила, вопреки своимъ прежнимъ привычкамъ, сидѣть больше въ своей комнатѣ и вообще избѣгала оставаться наединѣ съ своей матерью...

Однажды вечеромъ, въ Покровскомъ, когда Вѣру Ивановну занималъ своими разсказами предупредительный Александръ Иванычъ, Катя ходила съ графомъ въ саду. Начинало уже смеркаться. Солнце село въ тучи. Послѣдняя пурпуровая полоса заката догорала на небѣ... Они поднялись по дорожкѣ въ гору и вышли на открытое мѣсто, гдѣ стояла скамейка и оттуда открывался безконечный видъ на окрестность. Катя была грустна. Графъ, повидимому, старался развлечь ее и разсказывалъ ей разные, очень забавные анекдоты. Они сѣли на скамейку.

Поля, лѣсъ и деревни, — все принимало неопредѣленный видъ, все сливалось въ синеватыхъ сумеркахъ, отъ запада тянулись облака, заволакивавшія небо: наконецъ сумракъ совсѣмъ охватилъ и сгладилъ все пространство. Ночь повисла чернымъ пологомъ, только кое-гдѣ мерцалъ отдаленный огонекъ, то исчезая, то снова показываясь, да въ густыхъ обла-

кахъ, у самаго горизонта, по временамъ ярко вспыхивала зарница, охватывая на мгновеніе своимъ блѣднымъ, фосфорическимъ свѣтомъ жниву, установленную снопами. Лѣсъ дремалъ, не шевелясь ни одной вѣткой, ни листочкомъ, и безмолвіе ночи нарушалось только изрѣдка лаемъ собакъ въ окрестныхъ деревняхъ да стукомъ въ доску ночныхъ сторожей.

Катя, грустно и задумчиво вперивъ свой взглядъ на чернѣвшую даль, разсѣянно слушала графа. Когда графъ кончилъ, нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Вы сегодня въ дурномъ расположеніи духа,—сказалъ онъ наконецъ, взявъ ее за руку.

Катя молчала; рука ея лежала холодно и безотвѣтно въ рукѣ графа.

— Васъ безпокоитъ что-то? вы грустны? — говорилъ графъ, голосъ котораго становился все мягче и тише.

Онъ поцѣловалъ ея руку и произнесъ почти шопотомъ:

— Скажи мнѣ...

— Что же я могу сказать вамъ? — отвѣчала Катя. — Время идетъ такъ скоро... недалеко отъ осени, вы уѣдете отсюда... О, нѣтъ, мнѣ страшно думать объ этомъ! я не хочу объ этомъ думать, а между тѣмъ безпрестанно думаю... Что же мнѣ дѣлать? Отчего же вы удивляетесь моему безпокойству?

Графъ задумался на минуту и сказалъ съ разстановкою:

— Все это далеко... Для чего мнѣ ѣхать и куда? Я такъ счастливъ... мнѣ такъ хорошо.

Онъ жалъ руку Кати.

— Но вѣдь когда-нибудь, рано или поздно, вы должны будете ѣхать? вы не останетесь же здѣсь вѣчно? — спросила грустно Катя.

— Отчего же долженъ? Развѣ я не могу располагать самимъ собою какъ хочу?

— А развѣ вы можете отвѣчать за ваше расположеніе? Сегодня вамъ здѣсь хорошо и весело, завтра все это можетъ вамъ наскучить... и тогда...

— Не смѣйте это думать... я запрещаю вамъ... этого ни-

когда быть не можетъ, — произнесъ графъ вкрадчивымъ голосомъ и прикоснулся губами къ плечу Кати.

— Вы меня *точно* любите? — спросила она, обратившись къ нему такъ, что ея волосы смѣшались съ его волосами.

— И *ты* можешь еще сомнѣваться? — возразилъ графъ съ упрекомъ.

— Я не сомнѣваюсь, — отвѣчала Катя, — но боюсь... я сама не знаю, что со мной... я вѣрю и не вѣрю... мнѣ вдругъ то весело, то тяжело и грустно... Что, если...

Графъ поцѣловалъ ее и не далъ докончить.

— Никакихъ *если* я не хочу слышать... — сказалъ онъ. — Я никого никогда такъ не любилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — это правда? — повтори мнѣ это еще разъ...

— Дитя! — произнесъ графъ, пріятно улыбаясь и повторяя свои слова.

— Вотъ теперь въ сію минуту я счастлива, — сказала Катя, склонясь головой къ его плечу и глядя на него. — И ты будешь меня любить долго, долго... — продолжала Катя въ какомъ-то чудесномъ забытьи. — Не правда ли? Вѣдь я потому иногда сомнѣваюсь, мнѣ потому бываетъ грустно, что мнѣ все какъ-то не вѣрится своему счастью.. За что же я такъ счастлива? Скажи мнѣ, что ты нашелъ во мнѣ? за что ты любишь меня? Мнѣ часто иногда въ раздумьѣ приходитъ въ голову, не сонъ ли это, не грежу ли я... Право... И чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе мнѣ кажется все это невѣроятнымъ? Отчего это?

Катя сжала руку графа и снова взглянула на него.. Дыханія ихъ смѣшивались. Графъ молчалъ.

— Отчего? — повторила она.

— Оттого, что ты дитя, — сказалъ графъ неровнымъ голосомъ.

— Какой вздоръ! Я совсѣмъ не дитя. Ты меня еще не знаешь... Развѣ дѣти въ состояніи такъ любить, какъ я люблю тебя? Скажи...

Но графъ ничего не отвѣчалъ, и разговоръ этотъ, постепенно замирая, перешелъ въ какой-то безсвязный, упоительный лепетъ.

Облака рѣдѣли и, легкія, прозрачныя, какъ дымка, растягивались на темно-голубомъ небѣ, на которомъ ярко начинали свѣтиться звѣзды. Изрѣдка изъ этого милліона свѣтлыхъ точекъ отрывалась одна и, пронесясь блестящею чертою по темно-голубому пространству, вдругъ угасала... Окрестность выходила изъ мрака, облитая серебристымъ свѣтомъ звѣздной ночи... Свѣжій ночной воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ, и его едва замѣтное колебаніе приводило иногда въ легкое содроганіе листья на деревьяхъ...

Графъ долго послѣ отъѣзда своихъ гостей не ложился спать. Онъ, въ самомъ пріятномъ расположеніи, курилъ, лежа на балконѣ, сигару, а господинъ съ неуловимыми глазками ходилъ взадъ и впередъ, посвистывая.

— Ну, что, Сережа,—сказалъ онъ, вдругъ переставъ свистать и обратившись къ графу,—доволенъ ты сегодняшнимъ вечеромъ?

— Очень,—отвѣчалъ графъ, пустивъ вверхъ легкую струю дыма.

— Дѣла идутъ хорошо?

— Какъ нельзя лучше.

На лицѣ графа блеснула очень довольная улыбка.

— Да... въ *ней* есть много привлекательности,—продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—знаешь, въ глазахъ что-то... во взглядѣ... и эти вьющіеся, коротенькіе волосы на затылкѣ...

— Но надобно знать ее ближе,—сказалъ, одушевляясь, графъ,—сколько въ ней простоты, наивности... И если бы ты могъ вообразить, какъ она любитъ меня.

— Еще бы!.. ну, а ты?

— Она мнѣ очень нравится.

— Да это я вижу; но на долго ли?

— Какъ же загадывать впередъ?.. А знаешь ли, мнѣ кажется, что я не шутя и даже надолго могу привязаться къ ней.

— Пожалуйста, только не дальше сентября,—сказалъ, смѣясь, господинъ съ неуловимыми глазками,—потому что дольше сентября здѣсь невозможно оставаться, какъ ты хочешь. Я, по крайной мѣрѣ, не въ состояніи.

Графъ улыбнулся.

— Все это, знаешь, хорошо, Сережа, только на время. Вѣдь правда? Затягивать этого слишкомъ не слѣдуетъ, потому что начнутся потомъ слезы, жалобы, упреки; ну, а это ужъ скучно. Надобно умѣть въ пору останавливаться.

— Это правда, — замѣтилъ графъ, — но мнѣ было бы жаль ее вдругъ оставить; по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь такъ кажется...

— Ну, да, разумѣется, жаль; но не цѣлый же вѣкъ возиться съ нею! Это было бы смѣшно да и неприлично... Нѣтъ ничего тяжелѣе такого рода связей... Я надѣюсь, что ты не станешь приносить ей жертвы. Вѣдь не жениться же тебѣ на ней?..

Господинъ съ неуловимыми глазками опять засмѣялся. Графъ молчалъ, держа потухшую сигару въ рукѣ ..

Графъ чаще сталъ ѣздить на охоту... Въ Покровскомъ совершенно безцеремонно расположился Кобеляковъ, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ графа. Кобеляковъ разъѣзжалъ на графскихъ лошадяхъ, нещадно палилъ графскія сигары вмѣсто своего Жукова и значительно способствовалъ къ истребленію графскаго погреба. Обращеніе его съ графомъ, вначалѣ почтительное и нѣсколько робкое, становилось съ каждымъ днемъ смѣлѣе и свободнѣе, особенно послѣ обѣдовъ и ужиновъ.

Кобелякову въ особенности нравились старый аракъ и золотая водка.

Однажды за ужиномъ Кобеляковъ выпилъ почти цѣлую бутылку араку и совершенно одурѣлъ... Вихляевъ все время подшучивалъ надъ нимъ.

— Ну-ка, — сказалъ онъ ему, смѣясь, — хватите-ка еще... Смотрите, еще бутылка-то не вся... Покончите-ка ее... вотъ будете молодецъ...

Кобеляковъ немного отшатнулся назадъ, долго искоса и значительно смотрѣлъ на Вихляева, облизывая губы и покачивая головою.

— Ты что такое? — произнесъ онъ наконецъ коснѣющимъ языкомъ. — Я штабъ-ротмистръ... понимаешь ты это?.. понимаешь? И другую выпью... и все ничего... А ты что?.. Вотъ его сіятельство... онъ — графъ... понимаешь, графъ!.. За его сіятельство я готовъ сейчасъ жизнь положить, на плаху пойду за него... да, да!.. А ты что?

Онъ началъ ударять себѣ въ грудь.

— Да... за его сіятельство пойду на плаху. Онъ благодѣтель мой.

И Кобеляковъ заплакалъ.

— Я въ тридцати шагахъ въ туза изъ пистолета стрѣляю... а ты что? ну скажи, что... ну, ну, говори... трусъ, больше ничего... Я выпью еще двѣ бутылки, а ты что? я тебя сейчасъ щелкну по носу... вотъ и все... Ваше сіятельство, не сердитесь на меня, я съ нимъ раздѣлаюсь по-своему — это ничего... Ну, душенька, не сердись... Смотри у меня!.. не сердись! Ваше сіятельство, ничего, будьте покойны. Я его поцѣлую.

И онъ началъ обнимать и цѣловать несчастнаго Вихляева, который сидѣлъ смущенный и блѣдный, въ безсильной злости.

— Вотъ Василій Иванычъ, — продолжалъ Кобеляковъ, указывая на управляющаго, — это .. другъ мой, его я уважаю.. у него голова, а у тебя что? (онъ снова обратился къ Вихляеву). Для Василія Иваныча я готовъ все сдѣлать, все... Онъ, просто, душка — Василій Иванычъ.

Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками терпѣли Кобелякова въ качествѣ хорошаго охотника. Никто вѣрнѣе его не указывалъ мѣста, гдѣ водилась дичь. Онъ исходилъ съ своимъ желтопѣгимъ Буяномъ всѣ болотистыя мѣста, всѣ лѣса, всѣ степи въ цѣлой губерніи съ ружьемъ въ рукѣ. Въ большихъ сапогахъ и съ патронташемъ за спиною онъ вдругъ превращался изъ лежебока въ дѣятельнаго, неутомимаго смертнаго, по цѣлымъ суткамъ не ѣлъ, не пилъ, даже не помышлялъ ни объ аракѣ, ни о золотой водкѣ... Лицо его одушевлялось, глаза загорались въ ту торжественную минуту, когда собака его дѣлала стойку: онъ зами-

ралъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ... его узнать было нельзя. Кобеляковъ на охотѣ возвышался до поэзіи...

Илья Семенычъ послѣ своего брака нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Березовку и въ Покровское... Илья Семенычъ странно измѣнился въ короткое время... Онъ расшаркивался гораздо менѣе, вовсе потерялъ развязность въ манерахъ, даже не декламировалъ своихъ стиховъ и, начиная говорить, взглядывалъ прежде вопросительно на Надежду Кондратьевну. А Надежда Кондратьевна совсѣмъ почти утратила свое сантиментальное и кроткое выраженіе, въ особенности въ обращеніи съ Ильей Семенычемъ. Зато она пріобрѣла величавость нѣсколько жесткую, которая шла къ ней гораздо менѣе. Въ разговорѣ она безпрестанно употребляла такія фразы:

«Когда я еще была въ *дѣвицахъ*; конечно это для *дѣвицы* прилично, но для дамы... *Наше имѣніе*... наши 500 душъ... *мое* хозяйство...»

Время шло. Дни становились короче, воздухъ свѣжѣе и рѣзче; небо — блѣднѣе... Показались первые ночные морозы; георгины противъ графскаго дома повисли и почернѣли; дорожки сада и парка покрылись засохшими листьями; густая зелень парка начала рѣдѣть и окрашиваться различными цвѣтами. Темно-красный и ярко-желтый кленъ и дубъ рѣзко выступали въ темной зелени ольхи и ели. Рѣчка становилась бурливѣе, и рябоватая поверхность ея принимала мутный, свинцовый оттѣнокъ; пронзительнѣй раздавался крикъ сторожевыхъ гусей въ долгія ночи; дымъ гуще и чаще вился изъ трубъ... Время шло... Графъ начиналъ серьезно помышлять о томъ, что наступаетъ пора отъѣзда, но еще не говорилъ ни слова объ этомъ никому и какъ будто избѣгалъ этого разговора. Вихляева такъ и тянуло въ театръ и къ Дюссо; онъ мучился желаніемъ пройтись по Невскому проспекту въ новомъ пальто, рядомъ съ Колей или Гришей, и говорилъ, что готовъ былъ дать сумасшедшія деньги за какой-нибудь десятокъ устрицъ. Господинъ съ неуловимыми глазками отъ нечего дѣлать, зѣвая и потягиваясь, прочелъ отъ начала до конца, не пропуская не одной строчки (что

съ нимъ никогда не случалось), какой-то романъ, попавшійся ему подъ руку. Ему надоѣло даже возиться съ своими *Manon* и *Desgrieux*. Охота въ эту осень была неудачная:— дичи мало; одинъ только Кобеляковъ обыкновенно возвращался съ туго набитымъ патронташемъ.

— Поѣдемъ въ Петербургъ, Сережа. Право, пора, — говорилъ графу господинъ съ неуловимыми глазками.

— Да, въ самомъ дѣлѣ пора, — отвѣчалъ разсѣянно графъ.

— Когда же мы ѣдемъ? Назначь день...

Графъ задумался и замолчалъ.

— Когда же, въ самомъ дѣлѣ? — заболталъ Вихляевъ, — вѣдь ужъ балетъ начался, устрицы привезли...

Графъ молчалъ.

— Здѣсь вѣдь ужъ рѣшительно нечего дѣлать, — продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками, — по крайней мѣрѣ намъ, — прибавилъ онъ, улыбнувшись иронически.

— И мнѣ, я думаю, такъ же, какъ вамъ,—возразилъ графъ довольно сухо.

— Однако тебѣ, кажется, не хочется ѣхать.

— Съ чего же это ты взялъ?.. Мы поѣдемъ чрезъ недѣлю, — сказалъ графъ довольно рѣшительно.

— Честное слово?

— Да, непремѣнно...

Ужъ начались приготовленія къ отъѣзду. Графъ ни слова не говорилъ Катѣ, но онъ былъ постоянно въ тревожномъ и раздражительномъ состояніи духа. Чрезъ недѣлю поѣздка еще была отложена на нѣсколько дней подъ какимъ-то предлогомъ.

Разъ вечеромъ графъ сидѣлъ за фортепіано возлѣ Кати. Оба они были мрачны. Музыка не шла... Графъ по временамъ бралъ отрывисто какіе-то странные аккорды. Въ комнатѣ кромѣ ихъ никого не было.

Графъ наконецъ обратился къ Катѣ и сказалъ, — какъ будто сдѣлавъ усиліе надъ собой:

— Я получилъ письмо изъ Петербурга... мнѣ на-дняхъ надобно будетъ ѣхать непремѣнно.

Катя поблѣднѣла.

— Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело,—продолжалъ онъ,—какъ мнѣ не хочется ѣхать; я ни за что бы не поѣхалъ, если бы... но я долженъ...

Графъ былъ въ большомъ безпокойствѣ.

Катя посмотрѣла на него такими странными глазами, что графу стало страшно. Онъ взялъ ее за руку, рука ея была холодна какъ ледъ...

— Что съ тобой?—прошепталъ онъ, испуганный.

Катя ничего не отвѣчала.

— Тебѣ дурно?

— На-дняхъ?—произнесла она про себя.—На-дняхъ!— повторила она, схватывая себя за голову и крѣпко сжимая ее,—а я? что же будетъ со мною?

Слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ ея, и послышалось чуть слышное, мучительно-сдерживаемое рыданіе.

Графъ два раза приподнимался на стулѣ—такъ ему было тяжело и неловко.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Катя взглянула на него, опустила голову, задумалась и потомъ вдругъ, судорожно схвативъ его руку, произнесла:

— Скажи, правда ли все то, что ты мнѣ говорилъ? Бога ради, скажи мнѣ правду! отъ этого зависитъ все... не бойся, говори мнѣ прямо... не думай, что у меня не достанетъ твердости выслушать тебя... говори правду... Можетъ быть, это было увлеченіе,—можетъ быть, тебѣ такъ казалось... можетъ быть... ты... говори мнѣ все, все... Видишь ли? я ничего... я покойна... я приготовилась выслушать...

Катя смотрѣла на него умоляющими глазами.

— Дитя! дитя!—повторялъ графъ съ нѣжнымъ укоромъ,—и ты еще сомнѣваешься...

— Если такъ,—сказала она твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, взглянувъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ глазахъ ея сосредоточилась вся сила воли,—я не останусь здѣсь... я не могу остаться... Гдѣ бы ты ни былъ, я буду съ тобой... я...—Катя быстро схватила графа за руку.—Устрой мнѣ такъ, чтобы я могла уѣхать отсюда.. скорѣй, скорѣй... Безъ тебя я не останусь ни одной минуты.

Графъ вздрогнулъ отъ этихъ неожиданныхъ словъ. Онъ посмотрѣлъ на Катю съ недоумѣніемъ и проговорилъ колеблющимся голосомъ:

— Но... твоя матушка... мое положеніе... Я возвращусь сюда, и тогда...

Катя снова поблѣднѣла.

— Ты меня не любишь, — сказала она.

Графъ съ минуту молчалъ, какъ будто смущенный, но потомъ снова началъ увѣрять ее въ любви еще съ большей силой. Онъ смотрѣлъ на нее такъ нѣжно, онъ такъ увѣрительно жалъ ея руку. Можно ли было заглушить въ себѣ сомнѣнія? Когда онъ кончилъ, она сказала:

— Моя участь въ твоихъ рукахъ...

Послышались чьи-то шаги... Графъ ударилъ по клавишамъ. Раздался глухой и печальный звукъ... Въ комнату вошла Вѣра Ивановна...

Графъ возвратился домой въ волненіи. Онъ передалъ все въ подробности господину съ неуловимыми глазками.

— Ну, какъ ты думаешь обо всемъ этомъ? — спросилъ онъ въ заключеніе.

Господинъ съ неуловимыми глазками выслушалъ разсказъ графа очень равнодушно и безъ малѣйшаго признака удивленія.

— Что же? — возразилъ онъ.

— Но я этого никакъ не ожидалъ, — сказалъ графъ, — въ этой дѣвушкѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, что-то необыкновенное. Если бы ты слышалъ, какимъ голосомъ она говорила мнѣ, если бы ты видѣлъ ея лицо въ эту минуту. Признаюсь, я не ожидалъ въ ней такого характера.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся, впрочемъ, едва замѣтно.

— Что жъ тутъ необыкновеннаго? — возразилъ онъ. — Я ничего не вижу необыкновеннаго. Очень понятно, что ей хочется ѣхать въ Петербургъ за тобой, жить въ роскоши, пользоваться всѣми удовольствіями. Это доказываетъ только, что она ловка и умна, — больше ничего. Чѣмъ она жертвуетъ? что она оставляетъ здѣсь?

— А мать?

— Мать! что жъ такое мать?.. первое время она поплачетъ, покричитъ, а потомъ утѣшится, когда узнаетъ, что ея дочка живетъ въ Петербургѣ хорошо. Къ тому же она можетъ мать выписать къ себѣ: все это сдѣлается очень легко и просто. Вѣдь они не Богъ знаетъ кто такіе! Побѣгъ ея можно устроить очень ловко и тайно. Наскучитъ она тебѣ—ты оставишь ее, ну и, разумѣется, позаботишься потомъ объ ея участи. Съ твоими средствами все это сдѣлать нетрудно. Мать и дочь будутъ называть тебя своимъ благодѣтелемъ — тѣмъ все и кончится.

— Но если она не захочетъ оставить меня, тогда что?

— Какой вздоръ! — перебилъ господинъ съ неуловимыми глазками.—Какъ тебѣ не стыдно!.. въ Петербургѣ столько развлеченій. Да и что жъ, ты вѣришь въ самомъ дѣлѣ въ вѣчную любовь что ли? На все это слишкомъ серьезно смотрѣть нельзя, повѣрь мнѣ.

— Ты думаешь? — сказалъ графъ, повидимому нѣсколько успокоенный.

— Я увѣренъ... Вотъ будетъ сюрпризъ-то для петербурга! И знаешь ли что? твои провинціальныя похожденія еще болѣе придадутъ тебѣ вѣса въ глазахъ многихъ. Я пари держу.

— Будто?

Графъ задумчиво улыбнулся.

Господинъ съ неуловимыми глазками началъ напѣвать:

Que de goguettes!
Que d'amourettes!
Jamais de dettes,
Point de noeuds constants
Entre l'ivresse
Et la paresse
Notre jeunesse
Va jusqu'à cent ans...

ГЛАВА X.

На другой день графъ получилъ письмо отъ Кати. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Я всю ночь не спала... Вотъ ужъ свѣтаетъ... Я пишу къ вамъ, потому что не могу не писать: хочется передать все, что у меня за душою. Мнѣ тяжело, очень тяжело, и мнѣ надобно высказаться. Я люблю васъ... — вы это знаете... Тотъ день, когда я не вижу васъ, мнѣ чего-то недостаетъ, неловко и грустно, ничто меня не занимаетъ. Я и читать не могу: возьму книгу, начну читать, но строчки мелькаютъ, ничего не понимаю; я только и думаю о томъ, какъ увижусь съ вами. Когда вы пріѣзжаете къ намъ, если бы вы знали, что дѣлается со мною!.. Въ первую минуту сердце мое замираетъ, но потомъ мнѣ сдѣлается такъ легко и хорошо, и только одна мысль мучитъ меня, что вы уѣдете и что я до завтра не увижусь съ вами. Разстаться съ вами надолго, совсѣмъ не видать васъ — этого я перенести не въ силахъ! Когда вы мнѣ рѣшительно сказали вчера, что должны ѣхать, я убѣдилась въ томъ, что не могу оставаться здѣсь безъ васъ. Въ эту минуту я ни о чемъ и ни о комъ не думала и для меня никто не существовалъ, кромѣ васъ; но когда вы уѣхали, когда я очутилась въ своей комнатѣ одна, я вспомнила о моей бѣдной матери... Вы не знаете, какъ она меня любитъ, до чего доходитъ ея привязанность ко мнѣ! Она живетъ и дышитъ мною. Она отдала мнѣ всю жизнь свою, она живетъ для меня, мною, для нея другой жизни нѣтъ. И мнѣ оставить ее! Боже мой! Боже мой! что я дѣлаю? А между тѣмъ я рѣшаюсь, хотя, видитъ Богъ, я не такова, я, кажется, любила ее всѣми силами души... Что со мною? что же такое? Неужели я могла разлюбить ее? Да любила ли я ее точно, или это я говорю все фразы? Я всему вѣрю и во всемъ сомнѣваюсь въ то же время... Неужели я безраздѣльно отдала всю любовь тебѣ? И у меня ничего не осталось въ сердцѣ для матери, которая всю себя отдала мнѣ?..

«Для меня никого не существуетъ, кромѣ тебя и моей матери, но я чувствую, что я могу оставить ее, понимая всю жестокость, всю низость моего поступка, а тебя я не могу оставить!

«При мысли, что ты меня любишь, у меня дыханіе захватываетъ отъ блаженства, и если находитъ на меня иногда сомнѣніе, то у меня кровь останавливается. Я, впрочемъ, повторяю все то, что ты знаешь, что̀ ты видѣлъ, что я говорила тебѣ... Я рѣшилась на все, твердо рѣшилась, что̀ бы ни было со мною, не оставлять тебя, если ты любишь меня...

«Подумай хорошенько еще разъ — настолько ли ты меня любишь, чтобы я не была тебѣ въ тягость, и будь откровененъ. Не бойся разувѣрить меня, я прошу тебя. Тогда я останусь здѣсь, и ты отъ меня не услышишь ни упрека, ни жалобы; тогда мы не должны уже болѣе видѣться, и я теперь говорю тебѣ послѣднее прости!.. Откровенность эта не будетъ тяжела тебѣ... ты не увидишь меня болѣе, уѣдешь и забудешь, — вотъ и все...

«Если сердце твое скажетъ тебѣ, что я нужна для твоего существованія, я забуду все и все перенесу для тебя... Но если ты только увѣришь меня въ любви для моего утѣшенія, а потомъ станешь раскаяваться, тогда подумай, что будетъ со мною! Лучше сказать теперь... Но я все думаю только о себѣ, а моя бѣдная мать!

«У меня точно камень на груди... Отвѣчай мнѣ скорѣй, скорѣй... сегодня же... Впрочемъ, нѣтъ! лучше обдумай... я могу переждать до завтра...»

Графъ прочелъ это письмо, закурилъ сигару и началъ въ волненіи прохаживаться по комнатѣ. Сигара была докурена, а онъ все продолжалъ ходить. Выраженіе лица его нѣсколько разъ измѣнялось въ это время. Графъ, при всей добротѣ и мягкости своего сердца, дорожилъ своимъ внутреннимъ спокойствіемъ больше всего на свѣтѣ; онъ не любилъ ничего необыкновеннаго, рѣзкаго, исключительнаго, выходящаго изъ его обычной сферы, такого, что̀ бы заставляло его слишкомъ задумываться, что̀ бы поставило его въ нѣкоторое недоумѣніе, въ разладъ съ самимъ собою. Въ жизни, ко-

торая текла для него беззаботно, ровно и гладко, безъ малѣйшихъ препятствій, онъ допускалъ только небольшія, пріятныя волненія и не любилъ ничего черезчуръ драматическаго ни на театрѣ, ни въ дѣйствительности. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы его сношенія съ Катею зашли за предѣлы чего-нибудь обыкновеннаго, и, имѣя привычку смотрѣть на все свысока, думалъ, что даже и въ случаѣ какихъ-нибудь затруднительныхъ обстоятельствъ ему легко выпутаться изъ нихъ съ своими средствами. Не то, чтобы онъ не любилъ Катю, чтобы онъ обманывалъ ее: Катя въ самомъ дѣлѣ ему нравилась, онъ даже былъ увлеченъ ею, настолько, насколько могъ увлекаться, и въ эти минуты увлеченія невольно высказывалъ ей, можетъ быть, болѣе того, нежели бы слѣдовало; но онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ эти увлеченія, внутренно упрекалъ себя за нихъ, даже немного стыдился ихъ и болѣе всего боялся сдѣлаться героемъ серьезнаго романа... Катя нѣсколько удивила и потревожила его своею смѣлостью и рѣшительностью. Такой любви графу не случалось испытывать... Если бы, напримѣръ, какимъ-нибудь образомъ она могла перенестись въ Петербургъ, безъ всякой огласки, безъ всякаго шума, такъ, чтобы онъ не былъ нисколько замѣшанъ въ этомъ, графъ былъ бы очень радъ, потому что разстаться съ ней въ эту минуту ему было не совсѣмъ легко; но увезти ее отъ матери, возбудить говоръ и толки въ цѣлой губерніи — это значило выйти изъ обыкновенной колеи, посягнуть на приличіе, и вотъ что̀ непріятно дѣйствовало на графа, вотъ что заставляло его тревожиться и нѣсколько мрачно расхаживать по комнатѣ. Прочитавъ письмо Кати, графъ долженъ былъ войти въ самого себя, чего онъ никогда не дѣлывалъ прежде, и спросить: настолько ли онъ любитъ ее, чтобы рѣшиться для нея жертвовать своимъ спокойствіемъ, своими привычками, нарушать то, что̀ онъ считалъ ненарушимымъ для порядочнаго человѣка? Это поставило графа въ величайшее затрудненіе, и онъ ощутилъ впервые несносныя муки раскаянія и сожалѣнія...

Графъ еще разъ прочиталъ письмо:

«Уѣхать не видавшись съ нею? — думалъ онъ. — Она са-

ма предлагаетъ мнѣ выходъ... Но теперь послѣ всего... это невозможно, я не могу и не долженъ такъ поступить...»

И эта мысль вызвала пріятнѣйшую улыбку на лицо графа.

«Впрочемъ, кажется, я принимаю самъ все слишкомъ трагически...»

Онъ вспомнилъ слова своего пріятеля, господина съ неуловимыми глазками.

«Все это можетъ обойтись гораздо проще, — продолжалъ графъ разсуждать съ самимъ собою, — она дѣвушка экзальтированная... Но въ Петербургѣ это пройдетъ... Всѣ эти ребяческія понятія о вѣчной любви... Одно только — ея мать.. но со временемъ и это обдѣлается... Она пріѣдетъ къ ней... Почему же?..»

Графъ опустился въ кресла, утомленный этими безпокойными мыслями, и снова развернулъ письмо Кати.

«Какая, однако, дѣвушка! — подумалъ онъ. — Такъ любить могутъ только въ провинціи... Сколько самопожертвованія, преданности, нѣжности и сколько страданія!»

Графъ вздохнулъ, провелъ платкомъ по лицу, подошелъ къ растворенному окну, постоялъ нѣсколько времени у окна, позвонилъ, приказалъ просить къ себѣ Александра Иваныча и долго говорилъ съ нимъ о чемъ-то... Потомъ они вмѣстѣ сѣли въ тильбюри, приготовленное для господина съ неуловимыми глазками, и отправились въ Березовку.

Графъ объявилъ старушкѣ, что онъ пріѣхалъ проститься, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ черезъ два или три дня, и эти послѣдніе дни долженъ посвятить своему управляющему и заняться разными хозяйственными распоряженіями.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула старушка, — такъ скоро?. И, батюшка! пожили бы въ нашей сторонѣ еще немного. Еще вѣдь успѣете навеселиться-то въ своемъ Петербургѣ.

— А знаете, Вѣра Ивановна, — перебилъ ее Александръ Иванычъ, — что графъ, по добротѣ своей и по искренней привязанности ко мнѣ, беретъ съ собою въ Петербургъ моего Василья? Я вотъ за этимъ и ѣздилъ къ себѣ: все устроилъ для него, приготовилъ его къ отъѣзду, отдалъ ему мой дорожный вызолоченный несессеръ, подаренный мнѣ княземъ Кирилломъ

Андреичемъ Бѣжицкимъ, который былъ купленъ имъ въ Парижѣ въ 1819 году... Удивительнѣйшій несессеръ! Василій можетъ имъ щегольнуть въ Петербургѣ!.. Такъ вотъ какія дѣла-то!.. Василій завтра будетъ здѣсь... Жаль только, что моя *Hélène* не совсѣмъ здорова и не можетъ проводить его... А гдѣ ваша Катерина Павловна? что ея не видно?

— Да она у меня все что-то нездорова, — отвѣчала съ безпокойствомъ старушка, — и не знаю, что съ ней дѣлается, ей Богу! Такъ вдругъ поблѣднѣла, осунулась, а говоритъ все: «ничего...» Эй, кто тамъ! Попросите сюда Катеньку! — закричала она. — Скажите, что графъ пріѣхалъ проститься...

Катя увидѣла изъ окна своей комнаты тильбюри графа, подъѣзжавшій къ воротамъ ихъ дома, и въ первое мгновеніе изъ груди ея вырвался крикъ радости. Она нѣсколько времени какъ вкопанная стояла у окна въ сладкомъ забытьи и потомъ обернулась, чтобы итти внизъ... Въ эту минуту прямо бросился ей въ глаза портретъ ея матери... Этотъ портретъ освѣщался упадавшею на него полосою солнца. Катя вдругъ остановилась, пораженная какою-то мыслью, потомъ вдругъ бросилась къ нему, сорвала его со стѣны и, рыдая, начала покрывать поцѣлуями.

«Нѣтъ, нѣтъ, — думала она, то смотря сквозь слезы на этотъ предметъ, то снова цѣлуя и прижимая его къ груди, — это безумство; я сама не знаю, что дѣлаю! Нѣтъ, я не оставлю тебя, я не разстанусь съ тобою, родная! Это невозможно! Мнѣ оставить тебя? мнѣ убить тебя? Прости меня! прости меня! Какъ мнѣ могла притти такая мысль въ голову? Что будетъ со мною безъ тебя?.. Нѣтъ ужъ, любить меня болѣе тебя никто не можетъ, никто на свѣтѣ! Я это чувствую... Ты носила меня подъ сердцемъ, ты кормила меня своею грудью, ты нянчила меня, ты отказывала себѣ во всемъ, лишала себя необходимаго, для того, чтобы угождать моимъ прихотямъ! И мнѣ оставить тебя? О, Господи! научи меня, вразуми меня, что мнѣ дѣлать?.. Неужели у меня въ самомъ дѣлѣ достанетъ силъ разорвать эти связи? Нѣтъ, это безуміе!»

Катя твердо рѣшилась не сходить внизъ, не видать графа; она не спускала глазъ съ портрета, разложила передъ собою

самыя драгоцѣнныя для нея вещи — подарки матери: она опутала себя шарфомъ, который въ послѣднее время связала для нея старушка, какъ будто боялась за себя, какъ будто окруживъ себя всѣми этими вещами, она хотѣла придать болѣе твердости своему рѣшенію. Нѣсколько времени просидѣла она въ такомъ положеніи. Тотъ, кто бы вдругъ взглянулъ на нее въ эти минуты, принялъ бы ее за помѣшанную. Глаза ея горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ, дыханіе было тяжело и неровно, грудь поднималась высоко, изрѣдка и съ усиліемъ. Наконецъ она медленно приподнялась, подошла къ своему письменному столу, поставила противъ себя портретъ старушки, судорожно схватила перо и написала:

«Все кончено... Будьте счастливы... Забудьте меня... Я остаюсь... я не могу, я не должна оставлять ее...»

Но въ эту минуту раздался сзади ея голосъ:

— Маменька васъ проситъ внизъ. Она приказала сказать, что графъ пріѣхалъ проститься.

Катя вздрогнула. Перо выпало изъ рукъ ея. Она разорвала листокъ, на которомъ были написаны эти слова, и, будто увлекаемая своей судьбою, сошла внизъ, сама не зная, что дѣлаетъ.

Графъ былъ вдругъ пораженъ, взглянувъ на Катю: такъ измѣнилась она въ одну ночь. Ему стало жаль бѣдную дѣвушку, и когда Вѣра Ивановна вышла изъ комнаты, онъ бросился къ Катѣ, взялъ ее за руку и сказалъ ей тихимъ голосомъ и съ увлеченіемъ, вовсе ему несвойственнымъ:

— Мы не должны разстаться, мы не разстанемся никогда!

— Никогда!—какъ эхо повторила Катя, не отдавая себѣ отчета въ этомъ словѣ.

— Все приготовлено, — продолжалъ графъ еще тише, — послѣ завтра въ половинѣ перваго за околицей, по лѣвую сторону дороги, у большого вяза, тебя будетъ ожидать Александръ Иванычъ... Онъ тебѣ передастъ все... Я буду ждать тебя въ 30 верстахъ отсюда... Я выѣду прежде... Я сдѣлаю все, что́ отъ меня зависитъ, для твоего счастья, для твоего спокойствія... Я не прощаюсь съ тобой. Черезъ два дня мы увидимся. До свиданія.

— До свиданія, — проговорила Катя невольно.

Графъ уѣхалъ. Старушка простилась съ нимъ очень трогательно, проводила его съ благословеніями и со слезами. Когда она осталась наединѣ съ Катей, она долго молча и съ безпокойствомъ смотрѣла на нее. Катя сидѣла на диванѣ, блѣдная какъ смерть, не шевелясь, ничего не видя и не понимая, что дѣлается вокругъ нея.

— Катя! — сказала наконецъ старушка, садясь возлѣ нея, — Катя моя!.. Не печалься, дитя мое...

И зарыдавъ она бросилась къ ней на грудь.

— Ты у меня такая благоразумная, — продолжала старушка, приподнимая свою голову и смотря на нее съ чувствомъ безпредѣльной материнской любви, — ты вѣдь любишь свою старуху... правда, Катя? Скажи мнѣ, вѣдь ты очень любишь меня?.. Я понимаю все, мое сердце... Надо благоразуміе. Что дѣлать! Ахъ, Катя, Катя!.. посмотри, какая у тебя горячая головка.

Лицо Кати вдругъ покрылось жаркимъ румянцемъ, и слезы крупными каплями закапали изъ глазъ ея.

Старушка молча жала ея холодную руку, понимая, что слова и утѣшенія въ эту минуту безполезны.

«Я ожидала этого, но все надо предоставить времени, — думала она, утѣшая себя, — это пройдетъ».

Катя не могла и не смѣла глядѣть на мать; она припала головой къ ея колѣнамъ, обливая ихъ слезами. Слезы нѣсколько облегчили ее. Она приподнялась и долго сидѣла молча, потупивъ голову.

— Мы какъ-то, другъ мой, Катенька, на-дняхъ разговорились о тебѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ,—сказала Вѣра Ивановна,—я говорю ему, вотъ, я говорю, время-то какъ идетъ, подумаешь, давно ли Катя была ребенкомъ, а теперь?.. Но если бы со временемъ—со временемъ вѣдь все можетъ быть, Катенька!.. я не говорю теперь — если бы, говорю я, Господь и пристроилъ бы ее за добраго, за хорошаго человѣка, ужъ Катя моя, я говорю, ни за что не оставитъ меня одну, ужъ она не захочетъ бросить свою старуху, она и меня возьметъ съ собою... Правда вѣдь? Мнѣ ничего не надо, только бы

жить съ тобою подъ одной кровлей, только бы всякій день видѣть тебя...

Слова эти были прерваны воплемъ, вырвавшимся изъ груди Кати. Катя, какъ безумная, вскочила съ дивана, остановилась на минуту передъ матерью, вдругъ грянулась къ ногамъ ея, крѣпко охвативъ ихъ своими руками, и замерла въ этомъ положеніи.

Ее перенесли на постель. Когда она пришла въ себя и увидѣла у изголовья Вѣру Ивановну, она страшно вздрогнула и собрала всю силу воли, чтобы опять не лишиться чувствъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, она встала съ постели. Къ вечеру у Вѣры Ивановны немного отлегло отъ сердца: ей показалось, что ея Катѣ полегче и что она какъ будто немного попокойнѣе.

На другой день утромъ Катя сказала, что она совсѣмъ почти здорова, и просила мать не тревожиться о ней. Она разговаривала очень весело, даже смѣялась; только въ разговорѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ она вдругъ схватила его за руку и сказала:

— Послушайте, я знаю, какъ вы привязаны къ намъ, какъ вы любите матушку... ну что, если бы со мною что-нибудь случилось, если бы я умерла, вы не оставите ее.. не правда ли? Скажите мнѣ... вы замѣните ей меня?

Захаръ Лаврентьичъ посмотрѣлъ на Катю испуганный.

— Что это вы?—возразилъ онъ.—Какъ это можно?.. Отчего это вамъ приходятъ въ голову такія мысли?

— Что жъ!—сказала задумчиво Катя,—развѣ я не могу умереть?.. тутъ нѣтъ ничего страннаго; но отвѣчайте: если бы это случилось, вы не оставите мою мать, вы будете беречь ее, покоить ея старость?..

Захаръ Лаврентьичъ снова посмотрѣлъ на Катю. Онъ поблѣднѣлъ, сердце его сильно забилось отъ предчувствія чего-то недобраго, и онъ произнесъ голосомъ, выходившимъ изъ глубины болящаго сердца:

— Я люблю вашу матушку какъ родную мать-съ; ей и вамъ, Катерина Павловна, я ужъ вамъ говорилъ это, я готовъ отдать всю свою жизнь. Но какъ же можно-съ, что это

вы сказали-съ, какъ же это я могу замѣнить для нея васъ! Развѣ вы не знаете, развѣ вы не видите-съ, какъ она васъ любитъ?

Лицо Кати подернулось при этомъ вопросѣ. Она ничего не отвѣчала.

— Катерина Павловна-съ, — продолжалъ онъ прерывающимся отъ волненія и робости голосомъ, — вы чѣмъ-то разстроены-съ, у васъ что-то на сердцѣ-съ... вы не такъ, какъ всегда-съ... Что съ вами? Господи! если бъ я могъ только вамъ все сказать, что у меня вотъ здѣсь. — Онъ ударилъ себя въ грудь. — Я вотъ готовъ на все для васъ, я умереть готовъ для васъ...

Катя опять схватила его руку и крѣпко пожала ее. Онъ прикоснулся губами къ этой рукѣ, и изъ глазъ его капнула слеза.

— Что съ вами? — прошепталъ онъ. — Что съ вами? — скажите мнѣ.

— Ничего, ничего, мой добрый, мой благородный другъ, — отвѣчала она, — на меня такъ находятъ только грустныя минуты... О, я увѣрена, что вы не оставите мою мать... Дайте мнѣ слово, что вы никогда не измѣнитесь ко мнѣ, никогда. . что вы до конца останетесь мнѣ другомъ.

— Никогда! — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ голосомъ, въ которомъ зазвучала вся нѣжная, вся безконечно любящая душа его.

Весь этотъ день Катя была въ какомъ-то странномъ, нервическомъ состояніи: лицо ея то вспыхивало, то покрывалось болѣзненною блѣдностью: она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ. Она то выбѣгала въ садъ, усыпанный желтыми листьями, жадно вдыхая въ себя осеннюю свѣжесть и благоуханіе увядающей зелени и послѣднихъ поблекшихъ цвѣтовъ, и смотрѣла на деревья, на кусты, на домъ, на все съ такимъ тяжелымъ и грустнымъ вниманіемъ, какъ будто все это она хотѣла сильнѣе запечатлѣть въ памяти, какъ будто прощалась со всѣмъ этимъ; то уходила въ свою комнату, рылась въ своихъ комодахъ и въ столѣ, отыскивала всѣ вещи, всѣ лоскутки, подаренные ей матерью еще въ дѣтствѣ и которые

она свято хранила, смотрѣла на нихъ, обливаясь слезами, и цѣловала ихъ; прятала какіе-то лоскуточки, исписанные рукою Вѣры Ивановны, и ея письма къ себѣ на грудь. Она особенно любила одну крестьянскую дѣвочку-сироту, жившую у своей бабушки, и часто заходила къ нимъ въ избу. Катя пришла къ нимъ и въ это утро... Она еще съ большею нѣжностью, нежели когда-нибудь, цѣловала дѣвочку и, цѣлуя, говорила ей:

— Маша, люби свою бабушку... и никогда не оставляй ее... береги ее, ходи за нею, ничѣмъ не огорчай ее. За это Богъ будетъ любить тебя и пошлетъ тебѣ счастье.

Уходя отъ нихъ, она прижала Машу къ груди своей и долго держала ее такъ; она обняла потомъ старуху и всунула ей въ руку деньги.

Старуха, провожая ее и кланяясь до земли, бормотала:

— Я за тебя молюсь, родимая, и денно и нощно...

— Молись! — прошептала Катя

Вечеромъ пріѣхалъ Александръ Иванычъ. Улучивъ минуту, когда Катя осталась одна, онъ подошелъ къ ней, съ таинственною и необыкновенно значительною физіономіею отдалъ ей тихонько письмо отъ графа и прошепталъ:

— Прочтите скорѣе теперь; это необходимо, — и началъ озираться кругомъ не безъ афектаціи.

Дрожащей рукой Катя распечатала письмо, бѣгло прочла его, спрятала и молча кивнула головой.

— Половина перваго... — произнесъ еще таинственнѣе и тише Александръ Иванычъ, продолжая озираться, — у большого вяза... вы знаете... Мы съ графомъ устроили все такъ ..

— Хорошо, хорошо, — перебила его нетерпѣливо Катя.

Александръ Иванычъ въ этотъ вечеръ болѣе нежели когда-нибудь балагурилъ и разсыпался передъ Вѣрой Ивановной и, уѣзжая, шепнулъ Катѣ:

— Будьте тверды. *Укрѣпи сердце твое...* И при этомъ онъ прищурилъ свои глазки и вытянулъ торжественно свою правую руку: — *Всякъ хитрый творитъ съ разумомъ.*

Прошелъ еще день. Погода была пасмурная, и смеркалось ранѣе обыкновеннаго... Принесли свѣчи... на столѣ зашн-

пѣлъ самоваръ. У стола сидѣли Вѣра Ивановна и Захаръ Лаврентьичъ. Катя разливала чай. Захаръ Лаврентьичъ взглядывалъ на нее съ безпокойствомъ. Въ комнатѣ было мрачно. Нагорѣлыя свѣчи тускло мерцали въ пару отъ самовара. Стѣнные часы въ залѣ издавали по временамъ хриплый и шипящій звукъ, заставляя всякій разъ вздрагивать Катю. Разговоръ шелъ вяло, отрывисто. Никто не думалъ объ ужинѣ. Вѣра Ивановна отправилась въ свою спальню ранѣе обыкновеннаго... Она, какъ всегда, прощаясь, начала крестить свою Катю на сонъ грядущій,—и эта роковая минута прошла наконецъ для Кати. Она пожала руку Захару Лаврентьичу и, придя въ свою комнату, отпустила свою горничную, сказавъ, что сама раздѣнется, и почти безъ памяти бросилась на постель съ глухими рыданіями. Черезъ нѣсколько времени она поднялась, провела рукою по лицу и, шатаясь, подошла къ столу, на которомъ лежали часы. Было уже половина двѣнадцатаго. Въ домѣ все было такъ тихо, что Катя слышала стукъ своихъ маленькихъ часовъ и біеніе своего сердца. Катя взяла со стола портретъ матери, собрала всѣ вещи, драгоцѣнныя ей по воспоминанію о ней, и завязала все это въ узелокъ... Прошло еще нѣсколько минутъ. Она стояла посреди комнаты, какъ окаменѣлая... И вдругъ, среди этой мертвой тишины, раздались снизу хрипъ и шипѣнье, сопровождаемые глухимъ, унылымъ, протяжнымъ, потрясающимъ нервы звономъ. Пробило три четверти. Какъ бы приведенная къ жизни этимъ звономъ, Катя сдѣлала движеніе, но опять замерла и остановилась, испуганная какою-то мыслію... Потомъ тихими, осторожными шагами начала спускаться съ лѣстницы. Ощупью прошла она на цыпочкахъ залу и гостиную и на минуту остановилась у дверей спальни Вѣры Ивановны. Дверь эта была полурастворена. Слабая полоса свѣта выходила изъ этой полурастворенной двери. Катя перешла черезъ порогъ ея и остановилась у постели матери.

Мерцающая передъ кивотомъ лампадка едва обливала комнату красноватымъ полусвѣтомъ. Старушка спала тихимъ, спокойнымъ сномъ; на лицѣ ея была улыбка; ровное дыханіе ея было едва слышно... Катя опустилась на колѣни и,

прислонясь головой къ краю постели, скорѣе подумала, нежели прошептала:

— Простите меня... не проклинайте меня!

Черезъ пять минутъ Катя уже выходила изъ дома робкими шагами, закутанная въ салопъ и съ узелкомъ въ рукѣ...

Ночь была темная и холодная. Въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно было различить ничего. Молчаніе ночи нарушалось только изрѣдка свистомъ вѣтра, скрипомъ деревьевъ да воемъ собаки гдѣ-то въ отдаленіи. Катя вышла за околицу... Она была въ открытомъ полѣ... Вѣтеръ становился рѣзче и порывистѣе. Тучи рѣдѣли и быстро неслись, гонимыя и разрываемыя вѣтромъ, очищая мѣстами небо и тускло сквозь прозрачныя облака мерцающія на немъ звѣзды... Предметы неопредѣленно выходили на мгновеніе изъ мрака... Старый, одинокій вязъ близъ дороги поднимался исполинскою черною тѣнью и съ шумомъ качалъ своими длинными, полуобнаженными вѣтвями. Катя остановилась. Ей послышались шаги и показалось, что кто-то идетъ къ ней навстрѣчу.

Александръ Иванычъ уже болѣе получаса ждалъ ее, закинувъ, по-испански, плащъ за плечо сверхъ своего тулупчика, сшитаго его домашнимъ портнымъ Фомкой, надвинувъ на глаза сѣрую шляпу съ длинными полями и помахивая изъ-подъ плаща палкой, подаренной ему сэромъ Робертомъ Пилемъ. Александру Иванычу было необыкновенно пріятно играть роль въ такомъ романическомъ происшествіи. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по дорогѣ около вяза, придавъ себѣ таинственный видъ, принимая во тьмѣ различныя живописныя позы и улыбаясь про себя съ такимъ самодовольствомъ, какъ будто онъ хлопоталъ единственно для себя и ожидалъ, въ этотъ таинственный часъ, своей возлюбленной. Онъ дорого бы далъ за лунную ночь и за то, чтобы кто-нибудь изъ его знакомыхъ какъ-нибудь нечаянно проѣхалъ и увидѣлъ его...

Александръ Иванычъ замѣтилъ, впрочемъ, Катю только тогда, когда она ужъ была въ двухъ шагахъ отъ него. Поправивъ плащъ и шляпу, онъ подошелъ къ ней съ большимъ эффектомъ, приложилъ руку къ полямъ и сказалъ:

— А! наконецъ!.. Я давно жду васъ... Будьте покойны. Все готово, я всѣмъ распорядился... Экипажъ ждетъ насъ недалеко отсюда...

И произнеся это, онъ подалъ ей руку, потомъ наклонился къ ея рукѣ и съ чувствомъ поцѣловалъ ее.

Въ эту минуту Александръ Иванычъ былъ почти убѣжденъ, что главный герой романа — онъ и что Катя бѣжитъ изъ родительскаго дома для него.

Но эта фантазія разлетѣлась вдругъ отъ вопросовъ Кати:

— Гдѣ *онъ? онъ* ужъ уѣхалъ? *онъ* ужъ ждетъ меня?

— Графъ выѣхалъ изъ Покровскаго часовъ въ 9 вечера, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ. — Онъ будетъ ожидать васъ въ 35 верстахъ отсюда. Для васъ все приготовлено, все устроено, все придумано какъ нельзя лучше: вы будете какъ у себя дома въ вашемъ дормезѣ... и доѣдете до Петербурга покойно и незамѣтно. Мы съ графомъ все это заранѣе обдумали... Мы выбрали для васъ отличную горничную. Она уже отправлена съ утра...

Катя слышала какія-то слова, но не понимала смысла ихъ. Она не знала, что́ съ нею дѣлается, не отдавала себѣ отчета ни въ чемъ... Она двигалась безсознательно, опираясь на руку Александра Иваныча, не зная, сонъ ли это или дѣйствительность.

Александръ Иванычъ продолжалъ:

— Я всегда былъ увѣренъ, что васъ ждетъ что-нибудь необыкновенное. Вы — существо, выходящее изъ ряда вседневныхъ явленій. Вамъ нельзя было оставаться здѣсь, потому что эта сфера была узка и тѣсна для васъ... Вамъ надобно ширину, просторъ. Только въ Петербургѣ вы можете найти удовлетвореніе своему духу, своимъ стремленіямъ и своимъ наклонностямъ. Вы заглохли бы здѣсь, въ провинціи, какъ цвѣтокъ въ тѣни, безъ лучей солнца.

Александръ Иванычъ продолжалъ отпускать краснорѣчивыя фразы до той минуты, когда они дошли до экипажа.

Онъ посадилъ Катю въ карету, сѣлъ возлѣ нея и закричалъ человѣку:

— Пошелъ, и какъ можно скорѣй!

Карета двинулась.

Вѣра Ивановна проснулась ранѣе обыкновеннаго. Первый вопросъ ея былъ:

— Что Катя?.. что, она почиваетъ еще?

Горничная пришла въ странное замѣшательство и молчала.

— Да ты не знаешь, что ли?

— Не знаю, сударыня-съ.

Вѣра Ивановна одѣлась и вышла. Весь домъ былъ въ страшномъ смятеніи. Люди безъ толку суетились, бѣгали, шептались, какъ-то странно посматривали другъ на друга. Ее встрѣтилъ Захаръ Лаврентьичъ. На Захарѣ Лаврентьичѣ лица не было.

— Ну, что жъ самоваръ-то? — закричала Вѣра Ивановна,— что вы сегодня всѣ точно какъ одурѣли? и къ чаю до сихъ поръ не собрано!.. Вѣдь Катенька скоро проснется. Можетъ, она ужъ и проснулась. Пойду, посмотрю.

И старушка хотѣла итти, но Захаръ Лаврентьичъ вдругъ бросился къ ней и схватилъ ее за руку.

— Не ходите, — сказалъ онъ. — Катерина Павловна вышла гулять... Она...

Вѣра Ивановна въ первый разъ взглянула на Захара Лаврентьича и въ испугѣ вскрикнула:

— Что это значитъ? гдѣ она? что съ нею? говорите!

Захаръ Лаврентьичъ молчалъ.

— Она больна?.. ей дурно, что ли?

Она съ силой вырвала свою руку изъ руки Захара Лаврентьича и бросилась къ дверямъ

Захаръ Лаврентьичъ загородилъ ей дорогу.

— Оставьте меня, оставьте! Что съ нею?..

— Вѣра Ивановна, — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ, — позвольте... мнѣ нужно поговорить съ вами.

Она еще разъ посмотрѣла на него.

— Что такое? Бога ради... не мучьте... Я хочу ее видѣть... Пустите меня...

— Вѣра Ивановна, Вѣра Ивановна...

Но она ничего не хотѣла слушать и бросилась въ комнату дочери. Захаръ Лаврентьичъ побѣжалъ за нею.

Комната Кати была въ безпорядкѣ. Ящики у комодовъ и стола полурастворены, вещи разбросаны... Вѣра Ивановна остановилась и дико, съ недоумѣніемъ осмотрѣлась кругомъ.

— Что это значитъ?—прошептала она.—И вдругъ, какъ бы внезапно пораженная мыслію, вскрикнула страшнымъ голосомъ:—она бѣжала съ нимъ? говорите!

Захаръ Лаврентьичъ молчалъ.

— Быть не можетъ!..—повторила она и какъ помѣшанная начала бросаться по комнатѣ и шарить по всѣмъ угламъ, будто отыскивая ее; потомъ она остановилась посрединѣ комнаты и нѣсколько времени молчала, поводя глазами.

Захаръ Лаврентьичъ подошелъ къ ней.

— Она бѣжала... она... моя Катя... она оставила меня, меня!..

И, съ воплемъ схвативъ себя за голову, старушка рухнулась на руки Захара Лаврентьича.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Октябрь былъ на исходѣ. Петербургъ оживился. Онъ былъ въ полномъ сборѣ. Начались балетъ и опера, привезли въ третій разъ устрицы. На Невскомъ проспектѣ появились уже всѣ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя лица, ежедневно встрѣчающіяся другъ съ другомъ отъ трехъ до четырехъ часовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и смертельно надоѣвшія другъ другу. Ваня. Петруша, Коля Гриша и прочіе прохаживались уже подъ руки, занявъ безцеремонно почти весь широкій тротуаръ проспекта. какъ свою собственность. Они попрежнему дѣлали остроумныя замѣчанія по поводу разныхъ проходящихъ, смѣялись, разговаривали свободно и громко, какъ у себя дома, при встрѣчѣ останавливались шумными толпами и возбуждали всеобщее вниманіе.

Орловскіе рысаки, запряженные въ кареты и коляски, сновали отъ Аничкова моста до Адмиралтейства и обратно, и изъ этихъ каретъ выглядывали закутанныя соболями и разукрашенныя цвѣтами и блондами госпожи—съ величественными и недоступными взглядами, которые смягчались только, когда головки ихъ наклонялись слегка въ отвѣтъ

на дружеское и безцеремонное киванье Ваней, Петрушѣ, Гришѣ и Колей. На козлахъ каретъ и колясокъ рядомъ съ толстыми кучерами сидѣли тоненькіе и маленькіе грумы, сложивъ эффектно накрестъ руки или подбоченясь одной рукой Эти госпожи щеголяли одна передъ другой своими экипажами, грумами, кучерами, соболями, цвѣтами и блондами; а господа, платившіе деньги за этихъ грумовъ, за эти экипажи, соболи, цвѣты и блонды, очень пріятно разорялись, утѣшая себя мыслію, что *она* произведетъ эффектъ на Невскомъ, въ театрѣ или въ маскарадѣ и что вслѣдствіе этого всѣ будутъ удивляться *ему* и заговорятъ *о немъ*.

Одна изъ такихъ госпожъ, осенью, за годъ, въ который совершались описываемыя мною происшествія, обратила на себя вниманіе всего фешенебельнаго Петербурга и вообще всего празднаго и любопытнаго петербургскаго народонаселенія. Она возбудила въ короткое время худо скрытую зависть во всѣхъ другихъ госпожахъ, совершенно затмивъ и уничтоживъ ихъ своею роскошью, своими экипажами, туалетами и довольно ловко разсчитанною смѣлостію своего поведенія. Она явилась вдругъ, гордо, никѣмъ не предвидѣнная, никѣмъ не жданная, со всѣми своими побѣдоносными атрибутами, нанося сокрушительный ударъ своимъ соперницамъ, не приготовившимся къ этой оборонѣ. Кто была она и откуда взялась — никто не зналъ положительно; о ней носились только неопредѣленные слухи, за достовѣрность которыхъ я не ручаюсь. Она звалась Лидіей Александровной; но говорили, будто бы настоящее ея имя, — имя, данное ей при святомъ крещеніи, было Фекла и что многіе знавали ее подъ именемъ Феклуши; что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ у Феклуши было одно барежевое лиловое платье, въ которомъ она появлялась на гуляньяхъ, въ танцклассахъ и въ театрахъ, въ мѣстахъ за креслами, и что Феклуша получила воспитаніе... въ какомъ-то магазинѣ въ Большой Морской.

Вѣрно только то, что Феклуша съ раннихъ лѣтъ обнаруживала большую хитрость и смѣтливость; что она, при врожденной ловкости и граціи, была удивительно хорошо сложена, имѣла очень свѣжій цвѣтъ лица, прекрасный ростъ,

нѣсколько продолговатые голубые глаза съ поволокой, пушистые и густые бѣлокурые волосы, роскошную грудь и плечи и небольшой прямой носъ, чуть-чуть приподнятый кверху.

Фешенебельному Петербургу не суждено было узнать ее въ цвѣтущую пору ея ранней молодости и свѣжести. Въ эту счастливую пору она была совершенно въ тѣни, на заднемъ планѣ, и красотой ея могли любоваться... развѣ только сидѣльцы гостинаго двора и молодые купчики. Когда Феклуша изъ Феклуши преобразилась въ Лидію Александровну, несмотря на то, что отца ея звали, говорятъ, Егоромъ, и впервые появилась на Невскомъ проспектѣ, въ колясвѣ на лежачихъ рессорахъ, въ трехтысячной турецкой шали—ей было уже двадцать восемь лѣтъ, и она значительно утратила прежнюю свѣжесть. Впрочемъ, блѣдность и томность ея лица и небрежность движеній, по мнѣнію многихъ знатоковъ, имѣли неотразимую привлекательность. Когда Лидія Александровна прохаживалась по дворцовой набережной, едва прикасаясь къ плитамъ своими маленькими ножками, обутыми въ шелкъ, закутанная въ турецкую шаль или соболь, одѣтая съ безукоризненнымъ и тонкимъ вкусомъ, а за нею слѣдовала ея маленькая и легкая карета, только что привезенная изъ Лондона, — всѣ мужчины останавливались невольно и провожали ее глазами; всѣ женщины искоса и незамѣтно взглядывали на нее съ ядовитою улыбкою. Не только вблизи — люди пріѣзжіе и мало знающіе Петербургъ, но даже издали — многіе опытные петербургскіе господа принимали ее за даму высшаго свѣта, и только одна ея походка, манера ходить немного раскачиваясь и, можетъ быть, ужъ черезчуръ гордый взглядъ нѣсколько измѣняли ей. Лидія Александровна имѣла абонированныя ложи на всѣхъ театрахъ, но она больше появлялась только въ балетѣ и оперѣ, и всегда съ роскошнымъ букетомъ камелій. Отъ этого въ Петербургѣ ее прозвали *дамой съ камеліями* еще задолго до появленія въ Парижѣ знаменитаго романа *Dame aux Camélias*. Лидія Александровна не имѣла ни малѣйшаго понятія о музыкѣ и никакого слуха, но не могла обойтись безъ оперы

говорила, что всякая фальшивая нота приводитъ въ раздраженіе ея нервы, была въ энтузіазмѣ отъ Рубини, Віардо и Альбони и снисходительно бросала свои дорогіе букеты этимъ великимъ артистамъ изъ своей ложи.

Всякій разъ, въ антрактахъ, въ небольшой комнатѣ передъ ея ложей, богато меблированной, собирался раутъ, и она, съ большою, впрочемъ, разборчивостью, награждала своихъ безчисленныхъ поклонниковъ то улыбкой, то взглядомъ, то словомъ. Для этого нужно было носить или громкое имя и богатство, соединенныя вмѣстѣ, или пользоваться вообще, и между молодежью высшаго круга въ особенности, большою извѣстностію. Одно богатство безъ имени, безъ извѣстныхъ связей и знакомствъ оставлялось безъ всякаго вниманія въ публикѣ и награждалось благосклонностію и привѣтомъ только исподтишка, втайнѣ. Самая избранная толпа постоянно окружала ее въ маскарадахъ; только тѣ, которые въ живописныхъ позахъ останавливаются обыкновенно у большого зеркала въ залѣ дворянскаго собранія и около которыхъ увиваются пискливыя маски, отягченныя кружевами, — только такого рода господа тѣснились около нея на загородныхъ пикникахъ; только такіе господа послѣ маскарадовъ ужинали съ нею у Дюссо или у Донона..

Ни одна женщина не могла сравниться съ нею, когда она, вспыхнувъ румянцемъ и наклонивъ немного головку, носилась по залѣ въ полькѣ или мазуркѣ, а ея пушистые волосы развѣвались и, развиваясь, упадали длинными шелковистыми прядями на грудь... «Charmante, charmante!» жужжали вокругъ нея, и глаза всѣхъ были устремлены на нее, и всякій желалъ бы въ эту минуту быть на мѣстѣ того, кто охватывалъ этотъ тонкій и гибкій станъ, хотя никто не сознавался въ этомъ, хотя всѣ, смотря на нее и говоря съ нею или объ ней, считали какъ будто необходимымъ принимать нѣсколько ироническій тонъ, да кстати ужъ и намекнуть, такъ, слегка, что они пользуются или пользовались большой благосклонностію этой царицы бала.

Она никогда не позволяла себѣ въ танцахъ никакихъ слишкомъ смѣлыхъ и беззастѣнчивыхъ выходокъ, какъ дру-

гія. Она посматривала на этихъ другихъ съ насмѣшливой и гордой улыбкой и не сближалась съ ними. Но дома, когда никого не было, когда она была вполнѣ увѣрена, что никто изъ тѣхъ, которые составляютъ въ Петербургѣ славу, даютъ вѣсъ женщинѣ и возвышаютъ ей цѣну: ни Петруша, ни Коля, ни Гриша, не могутъ и въ щелочку подсмотрѣть за нею, — въ эти рѣдкія, впрочемъ, минуты, она принимала къ себѣ съ полнымъ радушіемъ Катю и Машу, своихъ старыхъ подругъ, которыя, въ изношенныхъ салопахъ, приходили къ ней черезъ заднее крыльцо. Но она, въ своемъ роскошномъ платьѣ, въ шелку и батистѣ, бросалась къ нимъ, въ порывѣ радости, на шею, цѣловала ихъ, насильно сажала возлѣ себя на свою мебель и съ участіемъ спрашивала:

— Что́, Катя, какъ ты живешь теперь? Не нужно ли тебѣ, Катя? Вотъ возьми, — и давала ей деньги, не отнимая, впрочемъ, благодѣтельной руки, которую Катя и Маша цѣловали.

Внутренно восхищенная тѣмъ, что Катя, вытаращивъ глаза отъ удивленія, смотрѣла на ея роскошь, Лидія Александровна показывала ей свои драгоцѣнности и говорила, сколько именно заплачено за такую-то вещь, иногда даже немножко прибавляя.

Квартира Лидіи Александровны была отдѣлана со всѣми прихотями и затѣями роскоши. Начиная отъ ея лѣстницы, обитой зеленымъ сукномъ, сверху котораго разостланъ былъ коверъ, до ея салона, обитаго небеснаго цвѣта шелковой матеріей, малиноваго бархатнаго будуара и ситцевой спальни, въ видѣ палатки, — все и въ цѣломъ и въ деталяхъ было роскошно. Божій свѣтъ, смягчаясь, проходилъ въ эти комнаты сквозь вышитый цвѣтами тюль. Различныхъ формъ кресла, диваны и диванчики, разставленные въ этихъ комнатахъ, манили къ спокойствію и къ нѣгѣ; нога утопала въ пушистомъ коврѣ. Тутъ стояло и піанино Эврара, а возлѣ него, на этажеркѣ, груды нотъ; но рука хозяйки никогда не бралась за эти ноты и не оживляла клавиши. Три или четыре картины небрежной кисти новѣйшихъ французскихъ живописцевъ; портретъ хозяйки работы Робильяра, въ круглой рѣзной, позо-

лоченной рамѣ; бронзы на мраморныхъ и бархатныхъ каминахъ; японскія вазы, китайскій и севрскій фарфоръ, vieux Saxe... довершали украшеніе этихъ комнатъ. И когда владѣтельница всего этого, въ сумерки осенняго дня, лежала на диванѣ, противъ ярко горѣвшаго камина, грѣя свои маленькія ножки, на которыхъ болтались туфли съ каблучками à la Louis XV, закрывъ отъ огня свое личико китайскимъ зонтикомъ, въ эти минуты, взглянувъ на нее, какой-нибудь неопытный новичокъ, только что вырвавшійся изъ школы, готовъ бы былъ отдать ей всю жизнь свою, броситься за нее, не задумываясь, въ огонь и въ воду, а старый волокита, съ черными накрашенными усами, готовъ былъ отдать ей все свое достояніе, если бы у него осталось какое-нибудь достояніе...

Лидія Александровна давала вечера съ великолѣпными ужинами (à la Régence) на золотѣ. Люди, служившіе за этими ужинами, были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а одинъ изъ лакеевъ даже въ какой-то фантастической ливреѣ. Все, что было дорого по сезону, подавалось на этихъ ужинахъ, и самое тонкое вино роскошно лилось въ тончайшій хрусталь. На этихъ ужинахъ обыкновенно присутствовали и Ваня, и Коля, и Петруша, и Гриша; но и они, которымъ все, если не на свѣтѣ, то въ Петербургѣ, было извѣстно, не знали, откуда эти роскошь и богатство. Носились темные слухи о какомъ-то откупщикѣ или золотопромышленникѣ, но никто ничего не зналъ положительно, и никто никогда не видалъ у Лидіи Александровны никакого неизвѣстнаго и подозрительнаго лица. Она свободно приглашала къ себѣ во всякое время дня, начиная съ половины второго, когда она просыпалась, и послѣ театра часто привозила съ собой извѣстную молодежь и просиживала съ этими господами далеко за полночь, веселая и беззаботная, не вздрагивая и ни мало не измѣняясь въ лицѣ при звукѣ неожиданнаго и поздняго звонка.

Съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ росла ея слава, и увеличивалась толпа ея поклонниковъ. Всѣ модныя петербургскія извѣстности и знаменитости перебывали въ ея будуарѣ. Она сдѣлалась капризомъ, прихотью великосвѣт-

ской молодежи, самой дорогой камелией изъ всего петербургскаго продажнаго цвѣтника. Для франтовъ средней руки она была рѣшительно недоступна и не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія, какъ они ни таращились передъ нею.

Господинъ съ неуловимыми глазками считался другомъ ея дома, хотя посѣщалъ ее рѣдко, занятый, по своему обыкновенію, пріѣзжими артистками: графъ почти не зналъ ее, потому что она заблестѣла въ Петербургѣ въ его отсутствіе, а Вихляевъ, при всемъ мучительномъ желаніи, никакъ не могъ добиться чести быть ей представленнымъ, что, однакожъ, не мѣшало ему говорить своимъ темнымъ пріятелямъ, что онъ очень знакомъ съ нею.

Когда эти господа возвратились изъ деревни, ихъ встрѣтило первое слово о ней. Ваня, Петруша, Котя и Гриша объявили, что Лидія Александровна производитъ фурорь во всемъ Петербургѣ. Петербургомъ они называли только свой кружокъ и немногое число людей, болѣе или менѣе имъ извѣстныхъ, а остальныхъ едва ли и причисляли не только къ петербургскимъ, но и къ какимъ-нибудь людямъ. Они разсказывали чудеса объ ея лѣтнемъ образѣ жизни, о ея дачѣ, объ ея экипажахъ, рысакахъ, объ англійскихъ закладкахъ, грумахъ, ея вечерахъ и о прочемъ. Всѣ эти разсказы были нѣсколько проникнуты ироніей; но сквозь эту иронію все-таки видно было, что Лидія Александровна въ большомъ ходу (en vogue) между ними. Господинъ съ неуловимыми глазками послѣ этихъ разсказовъ на другой же день сдѣлалъ ей визитъ. Графъ выслушалъ ихъ очень хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшаго интереса, и когда Коля сказалъ ему:

— Ты вѣдь, кажется, не знакомъ съ нею? Тебя надо непремѣнно познакомить.

Графъ, зѣвая и потягиваясь, отвѣчалъ:

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? — возразилъ Петруша. — Да это очень забавно! хотя бы для того, напримѣръ, чтобъ послушать, какъ она говоритъ по-французски. Мы будемъ тамъ сходиться всѣ вмѣстѣ.

— Ого! она ужъ и по-французски говоритъ, — сказалъ графъ.

— Да, comme une vache espagnole, — отвѣчалъ Петруша.

— Еще какъ, братецъ! — замѣтилъ Гриша, — безъ запинки и безъ предлоговъ. Бойкая барыня! Хочешь, поѣдемъ къ ней на-дняхъ? Ей ужасно хочется съ тобой познакомиться. Она просила меня объ этомъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать.

Графъ насмѣшливо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, спасибо.

— Да что это ты, кажется, одичалъ въ деревнѣ? — сказалъ Петруша.

— Можетъ быть. Ну а ты, шалунъ, ты что здѣсь дѣлалъ? все повѣсничалъ?

Графъ дружески потрепалъ Петрушу по плечу.

— Ничаво, такъ себѣ, ваше сіятельство, произнесъ Петруша, почесывая въ затылкѣ.

Жилъ, пилъ, веселился,
Краснымъ дѣвкамъ полюбился...

— Хвастунъ! — возразилъ графъ.

— Нѣтъ, а я вотъ тебѣ что скажу: какую я тройку собралъ, — продолжалъ Петруша. — Вотъ троечка-то, братъ! Спроси у нихъ. Кони — вихорь, пыль вздымаютъ, людей удивляютъ.

И Петруша присвистнулъ.

— Такой, братъ, сборной тройки ни у кого нѣтъ. Я всѣхъ этихъ охотниковъ-то.. за поясъ заткну. Вотъ оно что-съ!

И Петруша, неизвѣстно для чего, затянулъ во все горло, приложивъ руку къ щекѣ:

Не бѣлы-то снѣги...

— Довольно, довольно! — закричали ему въ одинъ голосъ Коля, Ваня и Гриша, затыкая уши.

— Неисправимъ! замѣтилъ графъ, смѣясь.

— О, да если бъ ты еще все зналъ, что онъ дѣлаетъ! Умора! — сказали Гриша и Коля.

— Я воображаю! — замѣтилъ Вихляевъ, стоявшій все время въ сторонѣ, никѣмъ не замѣчаемый.

— А что ты воображаешь, шутъ ты гороховый! — воскликнулъ Петруша, презрительно взглянувъ на него: — я тебѣ еще и воображать-то ничего не позволю. Господа! я досталъ себѣ такого бульдога, что чудо! вотъ какъ чортъ Я приглашаю васъ всѣхъ къ себѣ на спектакль. Я буду на-дняхъ травить Вихляева.

Всѣ захохотали.

— Какъ это остроумно! — прошепталъ сквозь зубы сконфуженный Вихляевъ и потомъ продолжалъ, оправляясь и принимая развязный видъ:

— А вотъ вмѣсто того, чтобы вздоръ-то говорить, лучше познакомьте-ка меня, господа, съ Лидией Александровной.

— Что жь ты хочешь за ней волочиться? — спросилъ насмѣшливо Гриша.

— А почему же и нѣтъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ графъ: — почему же? Вы знаете, господа, у него тысяча душъ въ Орловской губерніи; а мы не знали этого; онъ скрываетъ это отъ насъ. Сколько, Вихляевъ? вѣдь тысяча душъ... или больше?

При этомъ снова раздался хохотъ.

Вихляевъ покраснѣлъ до ушей и пробормоталъ что-то невнятно.

— А! Вихляевъ, браво! браво! — закричали въ одинъ голосъ Коля, Гриша и Петруша

Вихляева окружили со всѣхъ сторонъ.

— Ну, сколько у тебя душъ, говори? — кричалъ Петруша.

— Въ какой губерніи-то? — кричалъ Гриша.

— А сколько десятинъ земли? — кричалъ Коля.

— Сколько ты получаешь доходу, душка?

— Доволенъ ли ты своимъ управляющимъ? Кажется, онъ, подлецъ, тебя обкрадываетъ? Что-то мало высылаетъ тебѣ! а?

И тысячи такого рода вопросовъ посыпались на бѣднаго Вихляева. Онъ вертѣлся и твердилъ:

— Да полноте, господа! что̀ за вздоръ! Я никогда не говорилъ, — ей Богу.

— Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вы пристали къ нему? Оставьте его, господа, — сказалъ Петруша очень серьезно. — Я навѣрно знаю, что у него только одна душа, но зато прескверная — своя собственная.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ послѣднимъ царскосельскимъ скачкамъ. По этому поводу очень долго и серьезно разсуждали о лучшихъ англійскихъ лошадяхъ въ Россіи, объ англійскихъ и здѣшнихъ конно-заводчикахъ, перебрали всѣхъ знаменитыхъ скаковыхъ лошадей, называя ихъ по именамъ. Графъ одушевился и говорилъ съ энтузіазмомъ, съ жаромъ и при этомъ обнаружилъ изумительную память, потому что зналъ наизусть чуть ли не всю Stock-Book, отъ доски до доски. Во все время этого разговора Петруша молчалъ, посматривая на всѣхъ иронически, и объявилъ, наконецъ, рѣшительно, что скаковыя лошади — дрянь, что на свѣтѣ должны существовать только однѣ рысистыя и сборныя тройки и что онъ свою сборную тройку не промѣняетъ на лучшую скаковую лошадь, какая только есть въ Англіи. Отъ этого возникъ жаркій споръ, на Петрушу напали всѣ; но онъ отдѣлывался различными побасенками и прибаутками и, въ заключеніе, сказалъ наотрѣзъ:

— Да ужъ вы тамъ что̀ ни толкуйте, а я все-таки останусь при своемъ. То ли дѣло наша ямская тройка!

И накренивъ ухарски набекрень свою шляпу, Петруша въ энтузіазмѣ бросился на стулъ, точно на облучокъ телѣги, замахалъ руками и закричалъ:

— Эй, вы, соколики, голубчики!..

Вечеромъ этого дня, то-есть черезъ четыре дня послѣ пріѣзда графа, въ извѣстныхъ слояхъ Петербурга начали уже носиться различные слухи о немъ и о его деревенскихъ похожденіяхъ. Нѣкоторые говорили, что дочь какого-то помѣщика, красавица собой, безъ ума влюбившаяся въ графа, бѣжала вслѣдъ за нимъ и, неожиданно для него, сюрпризомъ вдругъ явилась въ Петербургѣ, объявивъ торжественно, что она не можетъ существовать безъ него,

и что графъ, который совершенно равнодушенъ къ ней, былъ непріятно пораженъ и смущенъ этимъ оригинальнымъ сюрпризомъ и не знаетъ, что̀ дѣлать. Другіе разсказывали, будто бы графъ влюбился въ какую-то провинціальную барышню, необыкновенно умную, хотя и дурно воспитанную, увезъ ее и тайно обвѣнчался съ нею: что онъ хочетъ скрывать этотъ бракъ, что онъ помѣстилъ ее въ одной изъ отдаленныхъ частей города, окруживъ ее всѣми прихотями роскоши, что все это заранѣе было приготовлено однимъ изъ друзей его, что графъ все время проводитъ у нея, хочетъ всего себя посвятить ей и совсѣмъ отказаться отъ свѣта. Третьи увѣряли, что графъ имѣлъ связь съ этой дѣвушкой, что этой связи способствовала ея мать и что вообще это очень грязная исторія. Нѣкоторыя, очень нравственныя дамы, имѣвшія дочерей на возрастѣ, пришли въ справедливое негодованіе и по этому поводу разсуждали вообще о нынѣшней молодежи, о ихъ странныхъ и неприличныхъ связяхъ, о томъ, что они не умѣютъ поддерживать своего имени, и прочее и прочее. Онѣ очень, впрочемъ, сожалѣли о графѣ и замѣчали, вздыхая, что онъ слишкомъ рано остался безъ руководителей и началъ пользоваться свободой, которая никогда до добра не доводитъ; что, для его собственной пользы, имѣніе его надобно бы взять въ опеку и что любопытно знать, какъ приметъ все это дядя его, графъ Л*, человѣкъ, какъ извѣстно, правилъ самыхъ строгихъ и безукоризненныхъ. Петербургскія львицы были очень заняты странными и таинственными толками о графѣ. Эти толки придали ему въ ихъ глазахъ еще болѣе интереса. Раздраженное любопытство и желаніе посмотрѣть на героиню этихъ толковъ доходило въ нихъ до болѣзненнаго раздраженія.

— Да что онъ, держитъ ее взаперти, прячетъ, или ее гдѣ-нибудь показываютъ? — спрашивали онѣ у своихъ поклонниковъ.

— Говорятъ, она большая музыкантша, — отвѣчали поклонники, — и вѣрно онъ абонируетъ ей ложу въ оперѣ.

— Да неужто вы, господа, не видали ее до сихъ поръ?

И что она, въ самомъ дѣлѣ, что ли, хороша, и онъ точно ее любитъ?

И неудовлетворенное любопытство выходило изъ границъ. Графъ, послѣ пріѣзда сдѣлавъ визиты, нигдѣ послѣ этого не показывался. Онъ не ѣздилъ ни въ оперу, ни въ балетъ: его рѣшительно нигдѣ не было видно. Разъ какъ-то распустили слухи въ театрѣ, что онъ сидитъ съ *нею* въ крайней литерной ложѣ съ правой стороны. Въ этой ложѣ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣла одна, никому неизвѣстная и очень хорошенькая женщина, съ кокетливыми манерами и съ довольно безъзастѣнчивымъ взглядомъ. Кому-то случайно забрело въ голову, что это должно быть непремѣнно *она* и что за нею непремѣнно скрывается графъ. Господинъ, вообразившій это, сообщилъ свою фантазію другому господину, тотъ третьему, и въ антрактѣ весь театръ только и говорилъ объ этомъ... и всѣ бинокли изъ бель-этажа и перваго яруса были наведены на эту ложу, къ совершенному изумленію сидѣвшей въ ней незнакомки и прятавшагося за нею ея бѣлокураго кавалера, франта съ усиками.

Господинъ съ неуловимыми глазками былъ со всѣхъ сторонъ атакуемъ вопросами:

— Что, это *она?*

— Правда вѣдь — *она?*

— И, говорятъ, графъ тамъ въ ложѣ?

— Что, онъ точно тамъ?

Напрасно господинъ съ неуловимыми глазками увѣрялъ, что все это вздоръ, что они совершенно ошибаются, что въ этой ложѣ сидитъ неизвѣстная ему госпожа, что онъ знаетъ навѣрно, что графа нѣтъ въ театрѣ, и прочее: никто не хотѣлъ вѣрить ему, и всѣ были убѣждены, что онъ скрываетъ это изъ какой-то вовсе неумѣстной скромности... Но вдругъ, къ величайшему удивленію, огорченію и разочарованію всѣхъ, въ ложѣ, возлѣ этой неизвѣстной дамы, съ торжественнымъ видомъ и съ пріятной улыбкой, появился ея кавалеръ съ необыкновенно развязными манерами и съ неслыханной величины биноклемъ, и началъ обводить всѣ ложи и партеръ и потомъ подсѣлъ къ этой дамѣ, закинувъ одну

руку на ручку ея стула и всячески стараясь показать всей многочисленной и избранной публикѣ, что онъ находится въ очень близкихъ сношеніяхъ съ этой дамой, обратившей на себя ея лестное вниманіе.

Первое появленіе графа въ оперѣ — это было уже въ половинѣ декабря — произвело въ партерѣ и въ ложахъ перваго яруса значительное волненіе. Давали *Лучію*. Театръ былъ набитъ биткомъ. Духота была нестерпимая. Во время антрактовъ въ партерѣ была давка. Петруша, Коля, Ваня и Гриша занимали мѣста въ первыхъ двухъ рядахъ, и около нихъ терся, увивался и вертѣлся Вихляевъ съ стеклышкомъ въ глазу. Въ ближайшей къ сценѣ литерной ложѣ сидѣла въ блескѣ изящнаго бальнаго туалета, Лидія Александровна, а передъ нею, на перилахъ ложи, лежалъ большой и великолѣпный букетъ изъ камелій, поднесенный ей въ это утро. Возлѣ нея сидѣла пожилая дама съ сѣдыми буклями, въ чепцѣ и шелковомъ платьѣ, въ видѣ родственницы, употреблявшаяся Лидіею Александровною исключительно для театровъ, для цирковъ и для другихъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ неловко показываться одной. Нельзя не замѣтить, что пожилая дама Лидіи Александровны была одною изъ самыхъ удачныхъ пожилыхъ дамъ такого рода. Всѣ извѣстныя петербургскія лица обоихъ половъ присутствовали въ этомъ представленіи; начиная съ пожилыхъ и почтенныхъ господъ, не имѣющихъ никакого состоянія, но владѣющихъ даромъ издерживать ежегодно десятки и даже сотни тысячъ ассигнаціонныхъ рублей, — эти загадочныя лица, которыхъ вы встрѣчаете на первомъ планѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, которыя сидятъ въ театрѣ — въ великолѣпно меблированныхъ ложахъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ подозрительной гримасой и которымъ, однако, всѣ пожимаютъ руку, — и оканчивая тѣми несчастными молодыми людьми, которые платятъ послѣдніе четыре рубля серебромъ за кресла, съ единственною цѣлью — показать публикѣ себя, свои желтыя перчатки и свое стеклышко, которые, впрочемъ, никого не удивляютъ и остаются никѣмъ не замѣченные, потому что кто же не носитъ въ наше время жел-

тыхъ перчатокъ и стеклышекъ? Тутъ были и другіе молодые люди, совершенно неизвѣстнаго происхожденія, высокіе, красивые и статные, — тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ *бельомани*, одѣтые по послѣдней журнальной картинкѣ, съ шикомъ, какъ выражаются нѣкоторыя дамы, — господа, также не имѣющіе никакого состоянія, но ведущіе образъ жизни роскошный, имѣющіе мало знакомствъ, но очень много жилетовъ и фраковъ,—которыхъ едва ли кто-нибудь пуститъ къ себѣ въ домъ, но которыхъ можно всегда встрѣтить во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ... на гуляньяхъ—или верхомъ на англійской лошади, или въ узенькихъ и маленькихъ саняхъ, сотканныхъ изъ паутины, на рысакѣ, котораго едва сдерживаетъ кучеръ, или въ маленькой каретѣ, безпечно развалившихся, съ сигарою въ зубахъ, а въ театрѣ—съ торжественными и беззастѣнчивыми физіономіями, въ ложахъ такихъ дамъ, къ которымъ ѣздятъ, можетъ быть, всѣ, но съ которыми въ публикѣ не показывается никто... Тутъ были сыновья ни богатыхъ, ни бѣдныхъ родителей—не принадлежащіе собственно ни къ высшему, ни къ среднему свѣту, а какъ-то странно болтающіеся между тѣмъ и другимъ, съ чувствомъ и умиленіемъ кланяющіеся и благоговѣйно прикасающіеся къ рукѣ людей высшаго свѣта и едва удостоивающіе наклонять голову на почтительные поклоны людей средняго класса и потомъ озирающіе этихъ послѣднихъ съ ногъ до головы съ лицомъ, подернутымъ ироніей. Эти господа, считающіе себя образцомъ такъ называемаго *comme il faut,* живущіе и дышащіе этимъ *comme il faut*, не имѣющіе никакой цѣли въ жизни, кромѣ *comme il faut*. не имѣющіе никакой мысли въ головѣ, кромѣ той, какъ бы не выйти изъ-за черты этого *comme il faut*, смотрящіе на людей, на жизнь, даже на природу, на всѣ предметы одушевленные и неодушевленные съ точки зрѣнія своего *comme il faut*. Эти *comme il faut*, у которыхъ все взвѣшено, все расчитано, все размѣрено: каждое слово, каждая улыбка, каждый взглядъ, каждое движеніе головы, брови, руки или ноги, которые всегда держатся прямо, головы совсе не поворачиваютъ, а если иногда поворачиваются, то

всѣмъ туловищемъ,—у которыхъ бантъ на галстукѣ повязанъ съ изумительною точностью и правильностью, воротнички точно приклеены къ щекамъ, и бакенбарды на щекахъ лоснятся точно широкая атласная лента: у которыхъ на фракахъ, сюртукахъ, пальто и панталонахъ нѣтъ никогда ни одной пушинки, у которыхъ все точно сейчасъ съ иголочки... Тутъ были и счастливыя дѣтки тѣхъ бородатыхъ отцовъ, которые скопили для нихъ деньгу трудомъ, сметкою, оборотливостью и другимъ кое-чѣмъ, цѣлый вѣкъ проходя въ одномъ длиннополомъ синемъ сюртукѣ и не зная другихъ прихотей, кромѣ чуйки да лежанки,—дѣтки, облекшіяся въ кургузый пиджакъ, расчесавшія себѣ по-англійски волосы, заведшія для себя неслыханные у насъ заморскіе экипажи да и загулявшія по-русски—широко, размашисто, обливаясь и опиваясь шампанскимъ, безъ счета горстями вынимая деньги изъ кармановъ и комодовъ, бросая ихъ направо и налѣво цыганамъ, трактирщикамъ и вольтижеркамъ—и въ два, въ три года проматывающія то, что отцы скопляли имъ въ продолженіе всей своей жизни... Тутъ еще были... но довольно: всѣхъ не перечтешь. Графъ явился передъ самымъ началомъ увертюры, не имѣя нужды обращать на себя вниманіе, которое и безъ его желанія преслѣдовало его всюду. Улыбаясь и кивая головой направо и налѣво, онъ пробирался въ первый рядъ, на свое абонированное кресло, которое, къ огорченію многихъ, такъ долго оставалось незанятымъ.

Въ первомъ ряду графъ остановленъ былъ сѣдымъ господиномъ очень гордой и значительной наружности.

— А-а-а!—воскликнулъ сѣдой господинъ, съ невыразимо благосклоннымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица взглянувъ на графа.—Enfin te voila, mon cher!.. Очень, очень радъ тебя видѣть... Наконецъ...

И сѣдой господинъ поцѣловалъ графа.

— Ну что... гдѣ ты?.. какъ?. Ты, я слышалъ, вывезь очень недурныя воспоминанія изъ деревни?.. Правда?.. всѣ говорятъ!

И сѣдой господинъ значительно и двусмысленно улыбнулся.

Графъ вспыхнулъ, но это было невольное и мгновенное смущеніе, которое онъ не успѣлъ предупредить—и отвѣчалъ:

— Да, я провелъ время въ деревнѣ очень пріятно...

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ сѣдой господинъ, потряхивая головой.—Ты мнѣ со временемъ покажешь? познакомишь меня? не правда ли?

Графъ ничего не отвѣчалъ, подвинулся немного впередъ и остановился у своихъ креселъ. Въ минуту онъ былъ окруженъ Колей, Ваней, Петрушей, Гришей и прочими. Вихляевъ стоялъ у третьяго ряда, вертясь и ломаясь и не спуская съ нихъ глазъ; однако, пробраться къ нимъ у него недоставало смѣлости.

— Вотъ, наконецъ, и Сережа,—сказалъ онъ, обращаясь къ полузнакомому ему господину скромной наружности, стоявшему неподалеку.—Ну, я очень радъ!

И онъ началъ кивать головой и дѣлать издалека рукой знаки графу, Колѣ, Ванѣ, Петрушѣ и Гришѣ, но это киванье и знаки пропадали напрасно, незамѣченные.

— Сережа въ первый разъ въ театрѣ послѣ пріѣзда нашего изъ деревни,—продолжалъ Вихляевъ.

— Про кого это вы изволите говорить?—спросилъ господинъ скромной наружности.

— Про Сережу,—отвѣчалъ Вихляевъ:—про графа Елецкаго... Вѣдь я съ нимъ нынѣшній годъ ѣздилъ въ его деревню... Вотъ, батюшка, провели время-то! чудно!.. Вотъ деревня-то!. Домъ тамъ—это просто pallazzo, великолѣпіе, вообразите, пять тысячъ душъ въ одномъ мѣстѣ, садъ, мраморы... чортъ знаетъ что такое!..

Опера шла удивительно. Громы аплодисментовъ раздавались безпрестанно,—иногда даже не совсѣмъ кстати, потому что прерывали пѣвцовъ на половинѣ аріи. Наступила страшная сцена проклятія. Равенсвудъ, незванный и нежданный, является на брачное пиршество, какъ гнѣвъ Божій. Блѣдный, покрытый пылью, только что соскочивъ съ своего утомленнаго коня, вбѣгаетъ онъ въ залу, гдѣ собрались всѣ гости и гдѣ уже красуется великолѣпно разодѣтый женихъ.. Равенсвудъ сбрасываетъ свой плащъ, останавливается, бросается къ Лучіи . онъ срываетъ кольцо съ

руки ея... *Maledetto sia l'instante*, и раздирающіе звуки великаго артиста потрясаютъ театръ... Въ эту минуту изъ крайней къ сценѣ литерной ложи упадаетъ къ ногамъ его великолѣпный букетъ изъ камелій.

Графъ навелъ бинокль на ложу, изъ которой былъ брошенъ этотъ букетъ, и встрѣтился глазами съ Лидіей Александровной. Она смотрѣла все время на графа, не отводила отъ него своего лорнета, а онъ и не замѣчалъ, что она въ театрѣ, онъ только въ первый разъ обратилъ на нее вниманіе, и то по случаю этого букета... Туалетъ ея въ этотъ вечеръ былъ изящнѣе, нежели когда-нибудь, и удивительно шелъ къ ней. Графъ подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, она хороша!»

Въ антрактѣ, послѣ неистовыхъ криковъ и безчисленныхъ вызововъ, Коля обратился къ графу и произнесъ вскользь:

— А не пойти ли развѣ къ Лидіи Александровнѣ?

— Пойдемъ вмѣстѣ. Представь меня ей,—сказалъ графъ.

— Браво!—воскликнулъ Коля:—давно бы такъ. Идемъ.

Лидія Александровна отдыхала отъ сильныхъ впечатлѣній, въ комнатѣ, передъ ложей, обмахиваясь вѣеромъ и равнодушно выслушивая любезности какихъ-то господъ, разсыпавшихся передъ нею. Пожилая дама въ родѣ родственницы сидѣла въ углу, на стулѣ, иногда вмѣшиваясь въ разговоръ, хотя на нее никто не обращалъ никакого вниманія. Когда занавѣсъ двери отдернулся и появился Коля, Лидія Александровна довольно небрежно вскрикнула:

— А-а!

— Имѣю честь вамъ представить,—сказалъ Коля полусерьезнымъ, полушуточнымъ тономъ:—графа Елецкаго.

И онъ указалъ рукой на графа, который только что вышелъ изъ-за занавѣса.

Лидія Александровна замѣтно вспыхнула, несмотря на то, что щеки ея и безъ того горѣли отъ жара, при этомъ имени и при видѣ того, кому оно принадлежало.

— Я очень рада, графъ,—сказала она голосомъ даже нѣсколько смущеннымъ, немного приподнявшись съ дивана и протягивая ему руку,—я давно хотѣла съ вами познакомить-

ся и просила объ этомъ вашихъ друзей, которые тоже и мои друзья...—И при этомъ, играя вѣеромъ, она улыбалась съ нѣкоторою торжественностью:—но вы. графъ... вы не хотѣли, по крайней мѣрѣ, я не знаю... я не вѣрила... но вотъ они говорятъ...

И она показала вѣеромъ на Колю.

Лидія Александровна говорила очень скоро, очень бойко и самоувѣренно и оттого, можетъ быть, иногда нѣсколько путалась въ разговорѣ.

— И прекрасно дѣлали, что не вѣрили,—отвѣчалъ графъ:—это вздоръ. Вотъ я сейчасъ просилъ его, чтобы онъ представилъ меня вамъ.

— Да, это правда,—небрежно замѣтилъ Коля, поправляясь передъ зеркаломъ и что-то насвистывая въ то же время.

— Я хочу, чтобъ и вы принадлежали къ моимъ друзьямъ,—сказала Лидія Александровна, съ очаровательнымъ кокетствомъ взглянувъ на графа, указывая ему мѣсто возлѣ себя на диванѣ и протягивая на стулъ свою ножку, обутую въ неслыханный башмачокъ и шелковый чулокъ съ розовымъ оттѣнкомъ.—Слышите, графъ?

— Мнѣ очень лестно,—сказалъ графъ, садясь возлѣ нея.

— Ахъ, Рубини! Что это за Рубини! Прелесть... Это невозможно долго слышать,—продолжала Лидія Александровна:—ей Богу, знаете, я послѣ «Лучіи» не могу спать ночи.. такъ все это, знаете, раздражаетъ нервы...

— Я тоже,—отвѣчалъ графъ, улыбнувшись:—намъ хорошо бы это время проводить вмѣстѣ... лѣчиться отъ безсонницы... Можетъ быть, я и навелъ бы на васъ сонъ...

— Вы... никогда!—перебила Лидія Александровна:—въ этомъ случаѣ вы плохой лѣкарь: вы совсѣмъ бы лишили меня сна...

И при этомъ она взглянула на графа выразительно.

Графъ поговорилъ нѣсколько минутъ и приподнялся съ дивана.

— Такъ вы будете принадлежать къ моимъ друзьямъ, графъ?—сказала она, снова взявъ его за руку.—Дайте мнѣ ваше слово?.. Что вы дѣлаете послѣ завтра вечеромъ? При-

ѣзжайте ко мнѣ. У меня будетъ кое-кто изъ вашихъ знакомыхъ.... Вотъ между прочимъ и онъ...

Она указала на Колю.

— Коля, слушайте, привезите непремѣнно графа... Но на *ихныя* обѣщанія нечего, впрочемъ, надѣяться... Пріѣзжайте, графъ; дайте мнѣ слово, я буду ждать васъ непремѣнно... Коля, напомните графу, а не то я вамъ уши выдеру.

— Всенепремѣнно, будьте покойны,—отвѣчалъ Коля, расшаркиваясь.

— Смотрите же... Итакъ, до послѣ завтра?

И Лидія Александровна пожала графу руку.

Спектакль кончился, но Лидія Александровна еще долго стояла въ своей ложѣ, смотря на вызовы. Когда она вышла въ коридоръ, лакей второпяхъ небрежно накинулъ бархатный на соболяхъ салопъ на ея плечи и бросился впередъ очищать ей дорогу. Салопъ скатился у нея съ одного плеча, но въ эту минуту откуда ни взялся Вихляевъ, подбѣжалъ къ ней и поправилъ салопъ. Она гордо обернулась и молча, съ большимъ достоинствомъ, едва кивнула ему головкой.

Вихляевъ, недовольный, спустился съ лѣстницы и остановился на большомъ подъѣздѣ, вставивъ въ глазъ стеклышко, осматривая проходившихъ дамъ и въ то же время какъ будто ожидая своей кареты.

— Что, mon cher, куда ты теперь?—спросилъ его подошедшій къ нему какой-то франтъ.

— Къ Лидіи Александровнѣ,—отвѣчалъ, не задумавшись, Вихляевъ:—она меня звала къ себѣ чаи пить... А какъ она сегодня была мила!.. Я, братецъ, жду здѣсь своей кареты

Франтъ съ завистью посмотрѣлъ на Вихляева, кивнулъ ему головою, пробормоталъ себѣ подъ носъ: «вѣдь счастье же дуракамъ!» и, закутавшись мрачно въ шинель, исчезъ въ толпѣ.

Вихляевъ осмотрѣлся кругомъ, зѣвнулъ насильственно, произнесъ во все горло:

— Ah! Dieu... Dieu... Dieu..

И выйдя на тротуаръ, закричалъ:

— Извозчикъ!..

ГЛАВА II.

Нельзя сказать, чтобы Лидія Александровна произвела слишкомъ пріятное впечатлѣніе на графа, однако онъ вспомнилъ ея приглашеніе и съ минуту думалъ, ѣхать или не ѣхать. Графъ, можетъ, и не поѣхалъ бы, если бы она не обращала на себя всеобщаго вниманія и если бы его пріятели не натолковали ему, что она безпрестанно говоритъ и спрашиваетъ о немъ, если бы онъ не зналъ, что она употребляетъ всѣ мѣры, чтобы познакомиться съ нимъ, и если бы онъ не замѣтилъ, что всегда на гуляньяхъ, въ театрахъ, вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣчался съ нею,—она для него берегла свои самыя очаровательныя улыбки и самые упоительные взгляды. Графъ только дѣлалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія ни на слова своихъ пріятелей, ни на эти очаровательныя улыбки и упоительные взгляды, а въ сущности все это довольно пріятно щекотало его самолюбіе, очень избалованное и прихотливое, но немножко мелкое, по замѣчанію нѣкоторыхъ, впрочемъ, строгихъ и наблюдательныхъ людей. Несмотря на свои успѣхи въ свѣтѣ—на сценѣ и за кулисами, дома и за границей, несмотря на его наружныя холодность и равнодушіе ко всему, на его слова, будто ему все надоѣло, стоило только немного польстить, немного затронуть его самолюбіе, чтобы заинтересовать его. Подъ свѣтской маской утомленія, равнодушія и холодности въ немъ таились еще страсти и капризы, не вѣдавшіе границъ и мѣръ. По наружности человѣкъ изнѣженный жизнію, который все испыталъ и которому все надоѣло,—графъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ только избалованный ребенокъ, для котораго безпрестанно были нужны новыя игрушки; и игрушка, забавлявшая его сегодня, ломалась или бросалась безъ особеннаго сожалѣнія завтра. Какъ всѣ люди безхарактерные, графъ часто обнаруживалъ большое упорство тамъ, гдѣ это упорство было вовсе безполезно и ненужно, именно для того только, чтобы показать, что у него есть

характеръ; и совершенно подчинялся и позволялъ, не замѣчая, опутывать себя тѣмъ, которые употребляли немного хитрости и много лести, чтобы дѣйствовать на него. Вовсе не щедрый по натурѣ, онъ бросалъ между тѣмъ деньги безъ всякаго расчета, изъ самолюбія и тщеславія, вовсе, повидимому, не дорожа общественнымъ мнѣніемъ, котораго онъ былъ рабомъ. Ему нужно было, чтобы о немъ безпрестанно говорили, чтобы ему безпрестанно удивлялись. Чѣмъ болѣе женщина, избранная имъ, возбуждала восторговъ и толковъ, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ ней, и наоборотъ. Онъ жилъ не для себя, а для другихъ: онъ не былъ, напримѣръ, большимъ охотникомъ до лошадей, но не уступалъ въ энтузіазмѣ ни одному самому отчаянному члену жокейскаго клуба; онъ вовсе не былъ охотникомъ до чтенія, но непремѣнно отъ доски до доски прочитывалъ всѣ книги, которыя, почему бы то ни было, возбуждали любопытство и говоръ въ свѣтѣ... Красота, внутреннія достоинства, умъ, образованіе, любезность, не обращавшія вниманія свѣта, проходили и мимо его незамѣченныя, но самое ничтожное явленіе, удостоившее обратить на себя вниманіе возбуждало въ немъ тревожное любопытство.

Въ одиннадцать часовъ, когда графъ явился къ Лидіи Александровнѣ, ея салонъ уже ярко горѣлъ огнями. Всѣ карсели зажжены были на стѣнахъ, всѣ канделябры—на каминахъ. Общество, хотя еще не въ полномъ собраніи, но размѣстилось на различныхъ пате, козеткахъ и *эсахъ* (S) живописными группами. Сама хозяйка, въ туалетѣ утонченнѣйшаго кокетства, очень изящномъ, несмотря на свою изысканность, съ своими пушистыми, воздушными волосами и туманными глазками, была очаровательнѣе, нежели когда-нибудь. Она время отъ времени, не безъ волненія, посматривала на бронзовые каминные часы съ амурами и граціями, перепутанными гирляндами цвѣтовъ, и при всякомъ звонкѣ съ любопытствомъ взглядывала на дверь, въ какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи. Общество составляло пять дамъ: двѣ француженки двѣ русскія и одна нѣмка. Всѣ онѣ, казалось, находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ хозяйкою хотя въ

самомъ дѣлѣ не питали другъ къ другу большой привязанности и за глаза отзывались другъ о другѣ даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Всѣхъ великолѣпнѣе и важнѣе изъ нихъ была m-lle Dupont. Она говорила всегда какъ будто нехотя, какъ будто дѣлая усиліе надъ собою, имѣла выраженіе въ лицѣ нѣсколько сантиментальное, предлагала иногда совершенно наивные, совсѣмъ почти дѣтскіе вопросы, хотя ей было уже за тридцать, употребляла, говорятъ, для лица какія-то притиранія, придававшія ей издали большую свѣжесть, была довольно полна, сильно тянулась и одѣвалась очень просто. Движенія ея были медленны и плавны. Она почему-то считала себя выше другихъ дамъ, и потому въ ея обращеніи съ ними изъ-подъ личины любезности проглядывала сильная надменность. Другая француженка — m-lle Ernestine, высокая и худощавая, была очень жива и вертлява, говорила громко и скоро, размахивала руками, била себя по бокамъ, не садилась съ достоинствомъ, какъ m-lle Dupont, а обыкновенно бросалась на стулья, кресла и диваны: не затруднялась въ выборѣ выраженій и пѣла, безъ всякой застѣнчивости, различные романсы и пѣсеньки. Русскія госпожи были очень недурны собой, хотя и не отличались большою живостью и разговорчивостью; онѣ не уступали, впрочемъ, своими туалетами ни въ чемъ француженкамъ, но въ ихъ фигурѣ и манерахъ было что-то, нельзя сказать: гордое, но что-то чопорное и накрахмаленное. Нѣмка была очень бѣла, полна, апатична, довольно богато, но безвкусно одѣта, имѣла видъ очень серьезный, говорила мало, вздыхала часто и была вообще очень скучна...

Изъ кавалеровъ, кромѣ извѣстныхъ читателямъ Вани, Петруши, Коли и другихъ, были всего замѣчательнѣе два господина. Одинъ—очень высокій, стройный, не красавецъ и не уродъ, но съ прелестнѣйшими и самой изящной формы бакенбардами, державшійся безукоризненно прямо. Его прекрасный станъ обтягивалъ синій фракъ съ блестящими пуговицами, а руки были какъ будто зашиты въ узкихъ перчаткахъ цвѣта сливочнаго масла; у него въ петлѣ фрака красовалась красная камелія. . Въ покроѣ его фрака было

что-то уже слишкомъ изысканное, въ его движеніяхъ — что-то ужъ слишкомъ натянутое, а во взглядѣ—что-то кокетливое, не совсѣмъ идущее къ мужчинѣ, особенно съ такими прекрасными бакенбардами и ростомъ. Своихъ перчатокъ цвѣта сливочнаго масла онъ не снималъ въ продолженіе цѣлаго вечера, ни за піанино, аккомпанируя себѣ, ни за ужиномъ, разрѣзывая пулярку. Онъ былъ постояннымъ кавалеромъ Лидіи Александровны и ея пріятельницъ, госпожъ Дюпонъ и Эрнестинъ, двухъ русскихъ барышень и нѣмки. Онъ сопровождалъ ихъ на гуляньяхъ, танцовалъ съ ними безъ-устали на пикникахъ, появлялся даже иногда мелькомъ въ ихъ ложахъ, пѣлъ на ихъ вечерахъ французскіе и русскіе романсы и легкія итальянскія аріи. Онъ былъ русскій, но выговаривалъ русскія слова какъ иностранецъ, считая это хорошимъ тономъ, картавилъ на буквѣ *р* и слылъ между этими дамами самымъ жаркимъ поклонникомъ свѣтскости и милѣйшимъ изъ людей. Другой кавалеръ—лѣтъ подъ сорокъ, низенькаго роста, съ безцеремонными и лихими манерами, съ грубыми и рѣзкими чертами лица, съ длинными усами, былъ одѣтъ въ сюртукѣ и широкихъ панталонахъ; на шеѣ его былъ высокій галстукъ, а на тѣлѣ сомнительное бѣлье: онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ, обыкновенно, зовутъ *бон-виванами* и добрыми малыми, и къ разряду тѣхъ остряковъ, которые во всю жизнь не сказали ни одного остраго слова, но почему-то и давно когда-то имѣли счастіе пріобрѣсти репутацію остряковъ, оставшуюся за ними по преданію и по привычкѣ русскаго человѣка принимать все на слово, безъ повѣрки. Остроты усатаго господина, говорившаго густымъ басомъ, были такого рода. Онъ кричалъ, напримѣръ, лакею: «Человѣкъ! подай, братецъ мою сигарочницу... Она въ шляпѣ, то-есть въ *шапо*, то-есть не шляпа въ сигарочницѣ, а сигарочница въ шляпѣ. Понимаешь?» И, говоря это, онъ корчилъ очень хитрую физіономію и улыбался самодовольно. Вслѣдъ затѣмъ раздавался обыкновенно одобрительный хохотъ и восклицанія: «*Il est charmant! il est impayable!*» и тому подобныя... и самъ усатый господинъ начиналъ смѣяться насильственнымъ смѣхомъ, какъ бы въ

подтвержденіе своей остроты... Хотя онъ имѣлъ наружность *бон вивана*, но вовсе не имѣлъ отличительныхъ качествъ, принадлежащихъ людямъ этого разряда: не моталъ, не ставилъ послѣдней копейки ребромъ, не жилъ на авось, какъ живутъ многіе русскіе люди—широкія и размашистыя натуры; напротивъ, былъ кулакъ, человѣкъ себѣ на умѣ, разсчитывалъ каждую копейку и имѣлъ завидную и рѣдкую способность прокутить всю молодость на счетъ друзей, пріятелей и пріятельницъ. Онъ всегда участвовалъ безденежно на всѣхъ пикникахъ и катаньяхъ, потому что, по мнѣнію Лидіи Александровны, госпожъ Дюпонъ, Эрнестинъ и другихъ, былъ необходимъ въ такихъ случаяхъ, какъ душа общества, и могъ платить за то, за что другіе платили пачками депозитокъ, своими всегда дешевыми остротами, своею неистощимою любезностью и своимъ насильственнымъ смѣхомъ.

— Послѣ завтра у насъ пикникъ... Вы должны быть непремѣнно, мой милый, слышите?—говорила ему Лидія Александровна.

— Слушаю-то, слушаю,—обыкновенно отвѣчалъ онъ, — да оно того, знаете.. —и онъ почесывалъ въ затылкѣ:—вѣдь я знаю ваши пикники-то, барыня...

— Что такое?—возражала Лидія Александровна.

— Да вѣдь послѣ вашихъ пикниковъ-то надо къ родителямъ отписывать, а у меня ихъ нѣтъ. Только, больше ничего...

— Какой вздоръ! — Лидія Александровна хохотала, — *я* васъ приглашаю, вы *мой* гость.

— Ну, хорошо, хорошо, буду. съ вами вѣдь не сговоришь. Что́ съ вами дѣлать!.. Дайте ручку - то поцѣловать... Ухъ, какая! изъ мрамора самимъ Кановой выточена! — прибавлялъ онъ, цѣлуя эту руку...

Когда человѣкъ отворилъ дверь и графъ появился въ дверяхъ, Лидія Александровна внутренно просіяла и не безъ торжества окинула взглядомъ своихъ пріятельницъ; но, скрывъ свою радость, она равнодушно, хотя и съ пріятною улыбкой, кивнула вошедшему графу и протянула ему руку, произнеся: «Bonsoir!» какъ старому и короткому зна-

комому, къ которому привыкли и съ которымъ не церемонятся.

M-lle Dupont повела головкой въ отвѣтъ на легкій поклонъ графа и, поправляя свой браслетъ съ яхонтомъ и брильянтами, бросавшими ослѣпительные лучи, и какъ бы обращая вниманіе на его цѣнность, сказала тихо m-lle Ernestine, голосомъ нѣсколько взволнованнымъ:

— Это что значитъ?.. Давно ли графъ ѣздитъ къ ней? Я никогда не видала его здѣсь... Это что-то странно. Mais qu'est ce qu'elle a donc cette femme! une figure de papier mâché et une taille comme une allumette!..

И подумала, но не сказала:

«Et on me préfère ça à moi!»

— Bas! je n'en sais rien, — отвѣчала сухо m-lle Ernestine.

И подумала, но не сказала:

«Chipie!..»

Графъ сѣлъ возлѣ хозяйки, а Петруша—на скамейку, у ногъ ея. Общій разговоръ тянулся довольно вяло, говорили все больше о рысакахъ, объ экипажахъ, объ оперѣ. Петруша разсказывалъ, впрочемъ, очень забавные анекдоты о томъ, какъ Ваню лихо надулъ одинъ лошадиный барышникъ; какъ онъ бился объ закладъ съ Гришей, что у m-lle Dupont не зеленая, а синяя карета, и выигралъ дюжину шампанскаго.

M-lle Ernestine объявила Колѣ во всеуслышаніе:

— Vois-tu, Коля, il m'est venu une fantaisie dans la tête et je veux la contenter à tout prix... à tout prix... — повторила она, топая ножкой о коверъ.

— Какая фантазія? — спросилъ Коля.

— Имѣть маленькую коричневую карету съ бѣлыми колесами, — отвѣчала m-lle Ernestine, — j'èspère que c'est assez chic?

Начались споры: многіе кавалеры и дамы находили, что это очень дурно и будетъ слишкомъ бросаться въ глаза; другіе приняли сторону m-lle Ernestine... Усатый господинъ замѣтилъ, что ужъ лучше карету окрасить бѣлой краской, а колеса—коричневой, и всѣ захохотали. Гриша, пріѣхавшій позже всѣхъ только что отъ Дюссо, куда онъ заѣзжалъ на минуту послѣ театра, объявилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ,

какъ Вихляевъ имѣлъ тамъ довольно крупный разговоръ съ какимъ-то неизвѣстнымъ франтомъ, вслѣдствіе котораго неизвѣстный франтъ сдѣлалъ Вихляеву маленькую непріятность: щелкнулъ его по носу, или что-то въ родѣ этого. По поводу этого разсказали нѣсколько забавныхъ происшествій съ Вихляевымъ и между прочимъ о его дуэли въ деревнѣ у графа. M-lle Dupont все спрашивала: «Qu'est ce que ca Viklaieff?»

Когда разговоръ истощился, хозяйка дома попросила господина съ камеліей въ петлицѣ фрака и въ перчаткахъ цвѣта сливочнаго масла пропѣть что-нибудь. Господинъ съ камеліей началъ ломаться, увѣрять, что онъ не въ голосѣ, но кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что сѣлъ за піанино и затянулъ, ко всеобщему неудовольствію:

Сто красавицъ черноокихъ... и проч.

Въ это время Лидія Александровна вышла съ графомъ изъ салона и привела его въ свой будуаръ. Въ будуарѣ никого не было. Она кокетливо расположилась на диванѣ, посадила графа возлѣ себя, взяла его за руку и сказала:

— Это очень мило, графъ, что вы не забыли моей просьбы, что вы пріѣхали, что вы сдержали свое слово.

— Я всегда держу свое слово, — отвѣчалъ графъ, — особенно, если даю его такой хорошенькой женщинѣ, какъ вы...

Лидія Александровна улыбнулась.

— Такъ вы находите, что я недурна? — спросила она, пристально глядя на графа.

— Недурна? этого мало. Вы удивительно хороши. Это находятъ всѣ — не одинъ я.

— Всѣ! что мнѣ всѣ! — перебила она съ живостью. — Мнѣ рѣшительно все равно, что обо мнѣ думаютъ всѣ... Я хочу знать, что *вы* обо мнѣ думаете?

— Я?.. Извольте, я вамъ скажу; впрочемъ, въ моихъ словахъ вы не найдете ничего новаго, ничего такого, чего бы вы не слыхали тысячу разъ. Я нахожу, что вы самая милая, самая любезная, самая привлекательная изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю.

— И между тѣмъ вы избѣгали меня, вы не хотѣли быть со мною знакомы?

Графъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Лидія Александровна остановила его.

— Графъ, говорите правду, — сказала она. — что мнѣ въ этихъ комплиментахъ, которые мнѣ ужъ надоѣли! Я знаю, что я недурна; но что мнѣ въ этомъ, если на меня смотрятъ равнодушно *тѣ*, которымъ я хочу нравиться...

— Кто же на васъ смотритъ равнодушно? Я не знаю такого человѣка.

— Вы, — сказала Лидія Александровна грустно.

— Я? да кто же вамъ сказалъ?..

— Я знаю очень хорошо, я вижу, я знаю, — перебила она съ нетерпѣніемъ, — что не могу вамъ нравиться... по крайней мѣрѣ теперь, потому что ..

— Потому что? — спросилъ графъ.

— Потому что... потому что вамъ нравится другая, которая, можетъ быть, и умнѣе, и лучше, и образованнѣе меня. . и...

— Кто же это?

— О, полноте, графъ! вы думаете, что я ничего не знаю; но это говорятъ всѣ, это навѣрно... Вы *ее* очень любите?

— Кого?

— Вы не хотите понимать меня! вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю...

Графъ улыбнулся.

— Любовь... любовь... — сказалъ онъ неопредѣленно. — Я точно не совсѣмъ хорошо понимаю, что такое вы разумѣете подъ любовью. Есть разнаго рода любви... Любовь въ романѣ и любовь—въ жизни. Романическія любви вообще очень скучны, это любви съ требованіями, съ затаенными претензіями и страданіями...

Графъ сдѣлалъ гримасу.

— Любить — значитъ пользоваться жизнью. Вотъ въ сію минуту я не хочу, напримѣръ, никого любить, кромѣ васъ.

— И только на одинъ вечеръ? — возразила, смѣясь, Лидія Александровна.

— Отчего жъ на одинъ! Это можетъ продолжиться мѣсяцы, годы... Это будетъ зависѣть отъ насъ.

— А знаете ли, меня радуетъ мысль, что вы можете любить меня хоть одинъ вечеръ... Послушайте, графъ. Я женщина вообще откровенная, а съ вами, ужь конечно, буду откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь, отъ васъ я не стану скрываться подъ *вуалью*. .

При этомъ словѣ графа нѣсколько непріятно повело, но онъ скрылъ это и продолжалъ слушать.

— Я васъ знала давно, графъ, давно, давно, когда вы не имѣли понятія обо мнѣ, когда меня еще никто не зналъ вотъ изъ всѣхъ этихъ господъ, которые за мной теперь такъ ухаживаютъ; но, впрочемъ, что мнѣ въ *ихнемъ* ухаживаньи!.. Тогда они бы и смотрѣть на меня не захотѣли, потому что у меня было одно платье да одна комнатка, въ пятомъ этажѣ, гдѣ стояли кровать, столъ, сломанный диванъ да маленькое кривое зеркало; когда я не знала, буду ли я ѣсть завтра. . Я васъ видѣла на гуляньяхъ, въ театрахъ, я не спускала съ васъ глазъ, а вы ни разу и не взглянули на меня, а я бы съ ума сошла, кажется, отъ радости, если бы вы обратили на меня какое-нибудь вниманіе; да какъ же вамъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было обратить на меня вниманіе? На мнѣ была шляпка изъ гостинаго двора... я сидѣла въ мѣстахъ за креслами...

Лидія Александровна говорила съ большимъ жаромъ, и графъ слушалъ ее не безъ интереса. Онъ полагалъ, что она, подобно нѣкоторымъ господамъ и госпожамъ, тщательно скрываетъ свое прошедшее и боится прикоснуться къ нему, и потому неожиданная откровенность ея, тонко въ то же время польстившая его самолюбію, сильно подѣйствовала на него. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Лидію Александровну, и она показалась ему въ ту минуту еще привлекательнѣе и миловиднѣе, нежели когда-нибудь.

— Не подумайте, графъ, чтобы я тогда знала ваше имя: мнѣ было все равно, кто бы вы ни были; если бъ вы были точно такъ же бѣдны, какъ я, и сказали мнѣ въ ту минуту, что меня любите, и если бы мнѣ въ ту минуту кто-нибудь

предложилъ всевозможныя роскоши, богатства, я не задумалась бы ни на минуту: я отдалась бы вамъ и не захотѣла бы посмотрѣть на эти богатства. Вотъ ужъ сколько времени прошло съ тѣхъ поръ; но это чувство...

Лидія Александровна остановилась на минуту и взглянула на графа. Онъ не безъ волненія протянулъ ей руку, которую она крѣпко сжала, и прибавила, потупивъ глаза:

— Но это чувство и теперь во мнѣ...

Она замолчала, и нѣсколько времени руса объ руку они сидѣли молча. Изъ другой комнаты доносился шумъ, пискъ и хохотъ... Ваня объяснялъ на колѣняхъ свои чувства m-lle Ernestine и училъ ее говорить по-русски: «я васъ люблю» и другія слова, и m-lle Ernestine повторяла, коверкая эти слова, за Ваней. M-lle Dupont съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ смотрѣла въ двойной лорнетъ на свою веселую соотечественницу.

А между тѣмъ Лидія Александровна, прервавъ молчаніе, устремила на графа свои томные глазки и сказала.

— Признайтесь, графъ, вы вѣрно не ожидали выслушать сегодня объясненіе въ любви? Женщина, рѣшающаяся первая объясняться въ любви мужчинѣ! Не правда ли, это оригинально?.. Но я сама не знаю, что со мною сегодня дѣлается ..

Лидія Александровна приподняла кверху свои пушистые волосы, очень къ лицу разстроивъ свою прическу, еще разъ посмотрѣла на графа и прислонилась головой къ спинкѣ его кресла.

Въ эту минуту появилась въ дверяхъ m-lle Dupont.

— Pardon, ma très chère: я, кажется, вамъ помѣшала .. у васъ секреты, — произнесла она не безъ ироніи.

— Нисколько, — отвѣчала Лидія Александровна довольно бойкимъ, но дурнымъ французскимъ языкомъ, — у меня нѣтъ никакихъ секретовъ и тайнъ. Я все дѣлаю открыто.

И она встала съ дивана, подошла къ зеркалу и пригладила свои волосы.

— Васъ что-то очень давно нигдѣ не видать, графъ, — сказала m-lle Dupont, жеманно обращаясь къ нему, — удовольствію васъ видѣть мы обязаны нашей милой хозяйкѣ.

И она съ улыбкой посмотрѣла на Лидію Александровну.

— Я былъ въ деревнѣ, —отвѣчалъ сухо графъ и вышелъ въ другую комнату, не желая продолжать разговора.

M-lle Dupont не слишкомъ благосклонно посмотрѣла ему вслѣдъ и съ досадой прошептала:

— Il est poli ce *petit* comte!...

Когда человѣкъ доложилъ, что ужинъ готовъ, Лидія Александровна подошла къ графу и сказала ему:

— Дайте мнѣ вашу руку. Вы сядете возлѣ меня.

Господинъ съ камеліей предложилъ руку m-lle Dupont. Ваня — m-lle Ernestine, Коля русской дамѣ, которую звали Марьей Егоровной, и такимъ образомъ всѣ двинулись въ столовую, объ руку съ дамами. Усатый господинъ, притворившійся хладнокровнымъ при извѣстіи объ ужинѣ, но кинувшійся въ столовую съ жадностью въ глазахъ при мысли о трапезѣ на шаромыгу, замыкалъ шествіе, потирая руки и приговаривая:

— Я никогда не ужинаю: мнѣ это вредно; но въ такой пріятной компаніи нельзя отказаться заморить червячка

И за ужиномъ не только ѣлъ всего двойную порцію и пилъ не переставая, но даже, къ общему удивленію, уничтожилъ всѣ поданные къ жаркому пикули.

Ужинъ былъ очень хорошъ и отлично сервированъ. M-lle Ernestine чокалась со всѣми. M-lle Dupont жеманилась и смотрѣла на всѣхъ въ свой лорнетъ не безъ надменности. Нѣмка сдѣлалась еще сантиментальнѣе. Русскія дамы немного оживились и разговорились. Лидія Александровна довольно часто посматривала на графа, а графъ — на Лидію Александровну. Словомъ, все шло своимъ порядкомъ.

Послѣ ужина сидѣли еще довольно долго. Господинъ съ камеліей пѣлъ, а Петруша сзади дѣлалъ ему гримасы и передразнивалъ его.

Въ четвертомъ часу начали разъѣзжаться. Графъ послѣдній взялся за шляпу.

— Вы завтра будете въ оперѣ? — спросила его Лидія Александровна вполголоса.

— Буду.

— Ну, а послѣ оперы, что вы дѣлаете?

— Я...—началъ было графъ.

— Послѣ оперы вы у меня пьете чай, непремѣнно, непремѣнно Слышите?

— Хорошо,—сказалъ графъ.

— Ваше слово... Вы даете слово?

— Даю..

— Смотрите же, графъ, вы мнѣ сказали, что вы всегда держите слово, особенно, если даете его мнѣ.

Они выразительно пожали другъ другу руки, и Лидія Александровна, оставшись одна, съ торжествующей улыбкой посмотрѣлась въ зеркало и невольно произнесла вслухъ:

— Онъ непремѣнно будетъ!

ГЛАВА III.

Въ тотъ самый вечеръ, когда графъ былъ у Лидіи Александровны, Катя ожидала его къ себѣ послѣ театра, хотя на вопросъ ея наканунѣ: будетъ ли онъ завтра? графъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно: —«да, вѣроятно... развѣ что-нибудь задержитъ меня».

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Катя жила въ Петербургѣ —и сколько свершилось въ эти три мѣсяца, начиная съ той минуты, когда онъ сказалъ ей: «если бы ты знала, какъ мнѣ все наскучило, все,—кромѣ постоянно видѣть тебя, быть съ тобою»... до этихъ, «вѣроятно и развѣ что-нибудь задержитъ меня!»

Катя жила въ улицѣ, прилегавшей къ одной изъ невскихъ набережныхъ, гдѣ стоялъ старинный и великолѣпный домъ графа, биткомъ набитый разными рѣдкостями искусства и прихотями: картинами, серебромъ, антиками, бронзами, гобеленовскими обоями, севрскимъ, японскимъ и саксонскимъ фарфоромъ, венеціанскимъ хрусталемъ и проч. Графъ занималъ только небольшую часть этого дома: нѣсколько комнатъ, отдѣланныхъ въ новѣйшемъ вкусѣ,—не прикасаясь къ остальнымъ, которыя оставались живымъ па-

мятникомъ вельможеской жизни временъ Екатерины. Жилыя комнаты графа были убраны такъ, какъ убираются всѣ богатые дома нашего времени въ Парижѣ, въ Петербургѣ и въ Лондонѣ. Тѣ же матеріи, тѣ же вазы, тѣ же ковры, тѣ же бронзовыя украшенія и вещицы, которыя отливаются въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; тѣ же бѣлые потолки, которые не совсѣмъ идутъ къ темнымъ обоямъ и пестрой обстановкѣ; словомъ, тѣ же комфортъ и мода, уступившие мѣсто искусству. . Характеръ человѣка, степень его образованія, его вкусы, его понятія выражаются, между прочимъ, во всемъ его окружающемъ, даже и въ его внѣшней обстановкѣ. Но, глядя на убранство графскихъ комнатъ, нельзя было вывести что-нибудь положительное о томъ, кому онѣ принадлежали. Въ этомъ убранствѣ, какъ и въ самомъ графѣ, было что-то неопредѣленное. На стѣнахъ были развѣшаны, въ вычурныхъ рѣзныхъ четыреугольныхъ и круглыхъ рамахъ, картины великихъ старинныхъ мастеровъ, рядомъ съ непосредственными новѣйшими произведеніями: разныя вещицы на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ были разложены въ такомъ однообразномъ порядкѣ, какъ будто никто никогда не подходилъ къ этому письменному столу и какъ будто онъ поставленъ былъ для того только, что нельзя же не стоять письменному столу въ кабинетѣ; журналы и газеты, лежавшие на другихъ столахъ, хотя были разрѣзаны, но имѣли такой видъ, какъ будто ничья рука, кромѣ руки принесшаго и положившаго ихъ на столъ лакея, не прикасалась къ нимъ, кромѣ *Journal des chasses et des Haras*, который былъ постоянно и съ большимъ вниманіемъ прочитываемъ графомъ, отъ первой до послѣдней строки. Графъ покровительствовалъ русской литературѣ, то-есть выписывалъ всѣ русскіе журналы: но ихъ ужъ онъ положительно никогда не читалъ и однажды, на вопросъ одного изъ своихъ пріятелей:

— Зачѣмъ ты это выписываешь русскіе-то журналы?

Графъ отвѣчалъ съ улыбкою:

— Для моего камердинера.

Небольшая подручная библіотека графа, стоявшая въ его

кабинетѣ, заключала все, что когда-либо писалось на французскомъ и англійскомъ языкахъ о лошадяхъ и объ охотахъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ романовъ Дюма и Бульвера да книги Гизо о европейской цивилизаціи, въ которой постоянно два года лежала закладка на 42-й страницѣ... Судя по соединенію и размѣщенію картинъ, графъ не былъ большимъ знатокомъ въ искусствѣ; судя по выбору книгъ, графъ имѣлъ расположеніе болѣе къ лошадямъ, чѣмъ къ литературѣ; говорятъ, что графъ былъ большой любитель музыки и знатокъ, — онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ разыгрывалъ на фортепьяно сонаты Бетховена и *pas de deux* или *pas de cinq* изъ «Сатаниллы» или изъ какого-нибудь другого балета. Графъ былъ прежде всего человѣкъ свѣтскій, имѣвшій понятіе почти обо всемъ и слегка слѣдившій за всѣмъ: за художествами, за литературой, за музыкой, но не имѣвшій страсти ни къ чему, даже и къ лошадямъ, которыми онъ занимался потому только, что свѣтскій человѣкъ непремѣнно долженъ корчить прежде всего англичанина и имѣть совершенно англійскій складъ, всѣ англійскія наклонности, къ какой бы націи ни принадлежалъ онъ, и ѣздить верхомъ подпрыгивая на сѣдлѣ...

Но я совсѣмъ забылъ о Катѣ, заговоривши о графѣ.

Квартира Кати находилась недалеко отъ графскаго дома. Эта квартира состояла изъ четырехъ комнатъ. Меблировка этихъ комнатъ, начатая роскошно, не была докончена. Богатые ковры на полахъ, занавѣсы и портьеры — только въ одной комнатѣ; камины, обитые бархатомъ, а на каминахъ — ни вазъ, ни часовъ, ни канделябръ, никакихъ украшеній. Въ гостиной и столовой даже недоставало мебели. Вообще въ этой квартирѣ не было той уютности и того комфорта, которые придаются окончательной отдѣлкой. Все тутъ имѣло видъ временнаго, случайнаго, и, казалось, владѣтельница этой квартиры не заботилась объ устройствѣ ея оттого, что сомнѣвалась, можетъ быть, въ прочности своего будущаго, оттого что нѣсколько боялась думать о томъ, что ждетъ ее впереди, а можетъ быть и по другой какой-нибудь причинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда графъ заговари-

галъ съ Катей о томъ, что пора же наконецъ окончить меблировку, что все это можно устроить въ два дня, что онъ пришлетъ ей бронзы для каминовъ, саксонскій фарфоръ для этажерокъ и консолей и прочее... она останавливала его словами:

— Бога ради. для чего это? Я прошу тебя, не дѣлай этого... Все хорошо. всего довольно... Мнѣ ничего не надо.

— Но...—возражалъ обыкновенно графъ,—смѣшно же это оставить такъ, неоконченнымъ...

— Нѣтъ. нѣтъ... я не хочу... я .. не могу...—Катя не договаривала, перемѣняла разговоръ и потомъ, обращаясь къ графу и смотря на него съ недоумѣніемъ и съ любовью, какъ бы мучимая какою-то мыслью, какимъ-то вопросомъ, на который не находила отвѣта, она говорила,—мнѣ ничего не нужно кромѣ любви твоеи, кромѣ мысли, что ты не разлюбишь меня, что я не наскучу тебѣ. Вѣдь у меня теперь никого нѣтъ кромѣ тебя, Serge! Я счастлива, когда съ тобой, когда я возлѣ тебя; и покуда ты будешь любить меня, буду счастлива, очень счастлива; я забуду всѣхъ и все...

Но, часто повторяя это, она всегда задумывалась. какъ будто не вполнѣ была увѣрена въ словахъ своихъ... и на глазахъ ея показывались слезы...

Отчего это? Была ли она въ самомъ дѣлѣ счастлива? Богъ знаетъ. Безъ него иногда она проводила цѣлые часы въ безотрадной и мучительной тоскѣ, въ тяжеломъ раздумьи. съ глазами, покраснѣвшими и опухшими отъ слезъ; при его появленіи она оживлялась. Она всякій разъ бѣжала къ нему навстрѣчу съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ, она такъ мило ласкалась къ нему, она ждала его съ такимъ нетерпѣніемъ; она вдругъ такъ радостно вздрагивала при звукѣ знакомаго ей звонка... Она предавалась любви съ такою полнотою, съ такимъ упоеніемъ; сквозь ея горящіе глаза выражалось все ея сердце, безконечно любящее; но и въ эти минуты, когда для нея существовалъ только одинъ онъ, никого, кромѣ его, въ цѣломъ мірѣ, когда она безраздѣльно отдавала ему всю свою душу... И въ эти минуты иногда вдругъ какое-то сомнѣніе оледеняло ея кровь,

и, поблѣднѣвъ, испуганная, она смотрѣла на него, какъ будто не находя въ немъ полнаго отзыва на эту душу, на это сердце, на эту страсть. Часто проводя съ нимъ цѣлые вечера съ глазу на глазъ, передавая ему свои ощущенія, мысли и чувства, спокойная и увѣренная въ любви его, она все-таки находила, что ей какъ будто недостаетъ чего-то... чего именно, она сама не знала; ей казалось что графъ не можетъ дать отвѣта на многіе ея вопросы и что она не во всемъ можетъ ему сочувствовать, точно такъ же, какъ и онъ ей.

Когда графъ привозилъ ей подарки, она постоянно принимала ихъ съ тяжелымъ, непріятнымъ ощущеніемъ и, краснѣя, говорила:

— О, къ чему это?.. для чего это?.. Не надо...

Она во все время только раза три или четыре выѣзжала въ театръ, и когда графъ предлагалъ ей ложу, она отрицательно качала головой, замѣчая, что ей дома гораздо веселѣе и лучше.

— Но вѣдь, наконецъ, сидѣть все дома и дома, — возражалъ графъ, — это должно же тебѣ наскучить. Неужели тебѣ не хочется посмотрѣть Петербургъ... нѣсколько развлечься?

— Нѣтъ, — отвѣчала она съ улыбкою, — что мнѣ Петербургъ! Я здѣсь потому, что ты здѣсь. Если бы я могла выѣзжать вездѣ съ тобою, — это другое дѣло: тогда бы, можетъ быть, меня это занимало; а теперь мнѣ все равно...

Она подошла къ графу и, поправляя его волосы, смѣясь, спросила его:

— Признайся, я тебѣ очень надоѣла? вѣдь я тебя связываю?

Она предложила этотъ вопросъ не безъ кокетства, въ эту минуту вполнѣ увѣренная, что она нисколько не надоѣла ему и нисколько его не связываетъ, и потомъ продолжала, перебирая его волосы:

— Serge... ты мнѣ скажешь, когда я тебѣ очень надоѣмъ? Ты будешь со мною откровененъ?.. Я хочу этого, я тебѣ приказываю...

Но, произнеся это «приказываю», она вся вспыхнула, какъ будто это слово, произнесенное шутя, нечаянно сорвавшееся у нея съ языка, показалось ей слишкомъ смѣлымъ...

Первое время послѣ пріѣзда въ Петербургъ графъ почти не выходилъ отъ Кати. Но когда воображеніе поуспокоилось и остыло, графъ, вѣроятно для того, чтобъ подстрекнуть его, непремѣнно захотѣлъ, чтобы о Катѣ, начинавшей возбуждать любопытство въ извѣстныхъ петербургскихъ слояхъ, заговорилъ весь Петербургъ; чтобы весь Петербургъ любовался ея красотою въ театрахъ, на гуляньяхъ, вездѣ; чтобы, глядя на нее, всѣ завидовали ему и говорили: «какой счастливецъ этотъ графъ!»... чтобы ея туалеты, ея экипажи сдѣлались образцомъ для другихъ женщинъ. Графъ не сомнѣвался, что онъ побѣдитъ застѣнчивость своей Кати, что онъ изъ уединенія и незвѣстности выведетъ ее на публичную арену для собственной славы, придастъ ея имени ту громкую извѣстность, ту гласность, которой ищутъ и добиваются иныя женщины; что онъ постепенно образуетъ ее по-своему, сдѣлаетъ изъ нея самую изящную и утонченную игрушку для выставки и что все это удастся ему очень легко при ея умѣ, вкусѣ, понятливости и особенно безпредѣльной любви къ нему. Графу и не приходило въ голову, что онъ можетъ оскорбить и унизить этимъ бѣдную дѣвушку, поставивъ ее на одну доску съ Лидіями Александровнами, съ г-жами Дюпонъ, Эрнестинами и другими, потому что графъ такъ разсуждалъ съ самимъ собою:

«Что жъ такое! она будетъ жить отлично, пользоваться всѣми удовольствіями... Вѣдь она заглохла бы тамъ, въ глуши, въ деревнѣ или вышла бы замужъ за какого-нибудь урода, обрюзгла бы, отупѣла... Неужели же эта жизнь завиднѣе и лучше той жизни, которую она будетъ вести здѣсь?»

Графъ даже былъ убѣжденъ, что, преобразивъ такимъ образомъ Катю, онъ сдѣлаетъ доброе дѣло и что такая заботливость его о Катѣ вытекаетъ вовсе не изъ эгоистическаго тщеславія, а изъ привязанности къ ней.

Графъ, однако, ошибся въ своихъ расчетахъ. Катя, съ непонятнымъ для него упорствомъ, отказывалась отъ всѣхъ

его предложеній: ни экипажи на лежачихъ рессорахъ, ни орловскіе рысаки, ни гамбсовскія мебели, ни блестящіе наряды отъ Мальпаръ и Андріё... ничто на нее не дѣйствовало, ничто не соблазняло ее. Она была всегда одѣта просто и сама шила себѣ платья, прося графа, чтобы онъ не покупалъ ей этихъ великолѣпныхъ матерій, къ которымъ она вовсе не привыкла.

Однажды онъ вошелъ къ ней въ ту минуту, когда она кроила себѣ платье.

Графъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Это чтò такое? — спросилъ онъ! — чтó это за глупости ты дѣлаешь?

— Отчего же глупости? — сказала Катя, бросая ножницы и протягивая ему руку, — я крою себѣ платье.

— Разумѣется, глупости, потому что на это есть магазины, швеи...

— Магазины ваши очень дороги, — возразила, улыбаясь, Катя. — Для чего же напрасно бросать деньги, когда я могу сдѣлать сама?

— Деньги! какой вздоръ!.. Кто тебя проситъ заботиться о деньгахъ?.. Послушай, Катя, я тебѣ говорю рѣшительно: я не желалъ бы, чтобы ты вела такой образъ жизни, какой ты ведешь... къ чему это? Къ твоимъ услугамъ все — ложи въ театры, экипажи, полный кредитъ во всѣхъ магазинахъ... я ничего не пожалѣю для тебя.

— Хорошо, хорошо. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ, мой другъ, — сказала Катя задумчиво.

— Отчего же послѣ? У тебя одинъ отвѣтъ — послѣ! Когда же будетъ конецъ этому послѣ?

Катя молчала.

— Ты непремѣнно хочешь поставить на своемъ... Вѣдь нельзя же тебѣ сидѣть все взаперти и кроить платья. Это смѣшно... Ты очень хорошо знаешь, что мнѣ было бы пріятно, если бы ты выѣзжала, пользовалась удовольствіями. Почему же не сдѣлать этого... ну хоть для меня? Почему?

— Ты непремѣнно хочешь, чтобы я сказала тебѣ почему?..

— Я знаю, — перебилъ ее графъ, — изъ чувства ложной деликатности, которая больше ничего, какъ неумѣстная гордость. Если ты меня въ самомъ дѣлѣ любишь, такъ со мною ты, кажется, не должна бы считаться и церемониться...

— То, что я люблю тебя, ты знаешь: я тебѣ доказала это; но я люблю тебя и не люблю твоихъ денегъ. Знаешь ли что̀, Serge? если бы у тебя не было ничего, такъ же, какъ и у меня, я любила бы тебя еще больше... если только это можно, — прибавила она съ улыбкой. — Сказать ли тебѣ всю правду, все, что̀ у меня на душѣ, что̀ меня безпокоитъ и мучитъ? Мнѣ часто приходитъ на мысль, что если бы я могла содержать себя своими трудами, вести самую умѣренную и независимую жизнь и если бы ты меня такъ же любилъ, какъ теперь, — я была бы гораздо счастливѣе... Что̀ жъ мнѣ дѣлать, если мнѣ кажется, что жить на чужой счетъ... хоть бы на счетъ самаго любимаго и близкаго человѣка... нехорошо и стыдно. Я никакъ не могу выбить этой мысли изъ головы.

— Это пустой идеализмъ! — сказалъ графъ, — все это ты вычитала въ этихъ утопическихъ романахъ, которые проповѣдуютъ всякій вздоръ и все хотятъ перевернуть по-своему. Надо принимать жизнь такъ, какъ она есть, подчиняться ея условіямъ и обычаямъ, потому что мы ихъ измѣнить не можемъ.

— Какъ! и ты ужъ начинаешь нападать на эти романы? — возразила Катя грустно, — но ты прежде о нихъ былъ другого мнѣнія.

— Я всегда говорилъ и теперь готовъ повторить то же, что они написаны прекраснымъ языкомъ, очень увлекательнымъ... но...

— Да, если этотъ прекрасный языкъ употребляется на выраженіе нелѣпыхъ мыслей, тогда что̀ въ немъ?

— Повѣрь мнѣ, — сказалъ графъ рѣшительно и желая перемѣнить разговоръ, принимавшій оборотъ слишкомъ отвлеченный: — поэзія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Поэзія — прекрасна въ книгахъ, какъ развлеченіе, а не въ жизни, не на практикѣ... Но дѣло не въ томъ! я не шутя прошу тебя, чтобы ты перемѣнила свой образъ жизни..

— Для чего это, скажи мнѣ... Развѣ я тебѣ буду больше нравиться разряженная, въ каретѣ или въ ложѣ, нежели здѣсь, теперь, вотъ въ этомъ платьѣ?

— Нѣтъ, это не то: но я не знаю, какъ бы себѣ объяснить. Какъ бы мы ни любили другъ друга, но при однообразной жизни... если мы будемъ вѣчно одни съ глазу на глазъ, безъ всякихъ развлеченій, мы можемъ скорѣе наскучить другъ другу. Мы наконецъ все передадимъ одинъ другому и будемъ поневолѣ молчать. Къ намъ незамѣтно подкрадется апатія.

Катя взглянула на графа и задумалась.

— Ты, можетъ быть, правъ,—сказала она черезъ минуту:—я чувствую, что во мнѣ нѣтъ этой веселости, этой живости, того, что должно тебѣ нравиться, того, чѣмъ вѣрно владѣютъ ваши свѣтскія женщины. Я не могу и не умѣю развлекать тебя... Я чувствую, что во мнѣ недостаетъ того, что могло бы тебя привязать ко мнѣ надолго... Я должна быть ужасно скучна; но что же мнѣ дѣлать? Я только умѣю любить.

Глаза Кати разгорѣлись. Она схватила графа за руку.

— Я люблю тебя всѣмъ сердцемъ... ты видишь, какъ люблю тебя... Знаешь ли, Serge, что эта любовь только и поддерживаетъ меня... я только и живу ею... У меня бываютъ такія тяжелыя, такія страшныя минуты... Когда я вспомню... Если бы не любовь моя къ тебѣ,—продолжала она, судорожно сжимая его руку:—если бы не мысль, что ты тоже любишь меня, я бы не перенесла этого, я бы съ ума сошла, я не знаю, что бы со мною было... Не требуй же отъ меня невозможнаго, не будь ко мнѣ такъ строгъ... Я не могу быть такъ весела, какъ бы тебѣ хотѣлось... Нѣтъ! это невозможно, это выше силъ моихъ... Оставь мнѣ мою тоску: она мнѣ необходима. Что же я буду безъ нея?.. Не заставь меня презирать самое себя!

Въ голосѣ Кати было столько глубокаго страданія, что оно не могло не подѣйствовать на графа. Съ этой минуты онъ ничего уже не говорилъ ей о ея образѣ жизни, о развлеченіяхъ и о прочемъ. Его посѣщенія были такъ же часты, но уже не такъ продолжительны. Съ каждымъ днемъ отно-

шенія ихъ другъ къ другу становились болѣе ложными и тягостными.

Катя не могла не замѣчать его охлажденія, но она или увѣряла себя, что это ей такъ кажется, или предавалась совершенному отчаянію; въ эти минуты она нѣсколько разъ принималась писать къ матери, умоляла ее о прощеніи, о позволеніи воротиться къ ней; потомъ ей казалось, что невозможно, что ея преступленіе такъ велико, что она не заслуживаетъ прощенія, что надъ ней совершается уже нравственная казнь... и она хотѣла бѣжать, сама не зная куда, только бы дальше отъ графа... Часто совсѣмъ странныя и безумныя мысли приходили ей въ голову. Письма къ матери оставались, впрочемъ, неоконченными, а черныя мысли, мелькавшія въ минуты отчаянія, вдругъ исчезали отъ одного нѣжнаго взгляда, отъ одного ласковаго слова графа... И Катя на время заглушала свои муки и успокаивала себя мыслью, что онъ нисколько не измѣнился къ ней. Графъ иногда чувствовалъ скуку, иногда какую-то тяжесть и неловкость наединѣ съ нею: но онъ постоянно считалъ необходимымъ увѣрять не только ее, но и самого себя въ своей любви къ ней, хотя не могъ не сознаваться внутренно, что ему гораздо свободнѣе и легче безъ нея... Такъ тянулись дни за днями.

Въ тотъ вечеръ, когда графъ былъ у Лидіи Александровны, Катя то бралась за шитье, то за книгу, въ нетерпѣливомъ ожиданіи графа. Но шитье выпадало изъ рукъ, книга не читалась... Свѣчи тускло освѣщали комнату, оклеенную темными обоями. Уголья въ каминѣ болѣе дымились, чѣмъ горѣли. Катя бросила шитье и книгу. Завернувшись въ большой платокъ, она сидѣла, не шевелясь, въ углу дивана, прислонившись головой къ его спинкѣ. Все знакомые, все родные, все близкіе ея сердцу образы проходили передъ нею, самыя свѣтлыя воспоминанія ея дѣтства и молодости.

Вотъ ея старая няня, давно покоящаяся въ могилѣ подъ двумя соснами, на томъ кладбищѣ, гдѣ Катя, бывало, ребенкомъ, въ праздничные дни бѣгала и рвала желтые цвѣты, въ то время, какъ Вѣра Ивановна молилась за нее въ церкви. Окна церкви отворены, и несутся оттуда, замирая,

звуки церковнаго пѣнія и смѣшиваются съ чиликаньемъ и щебетаньемъ птицъ. Воздухъ весь растворенъ смолистымъ запахомъ только что распустившихся березъ и ароматомъ черемухи, которая, какъ снѣгомъ, вся усыпана бѣлыми цвѣтами.

Служба кончается... пестрыя толпы народа выходятъ изъ церкви... За ними выходитъ и Вѣра Ивановна съ просфорой въ рукѣ. Она ищетъ свою Катю... Катя бѣжитъ ей на встрѣчу... Вѣра Ивановна отламываетъ ей кусочекъ просфоры, цѣлуетъ ее и говоритъ:

— Скушай, голубушка; это освященная просфора; да не сори, не роняй крошекъ... Ахъ, радость ты моя, утѣшенie ты мое,—прибавляетъ она,—когда-то ты у меня подрастешь!.. дождусь ли я этого!

Вотъ умирающая няня смотритъ на нее своими мутными, потухающими глазами, креститъ ее ослабѣвшей рукой и говоритъ:

— Слушайся во всемъ маменьку, никогда не огорчай ее... видишь, какъ она тебя любитъ... Кто родителей почитаетъ да слушается, надъ тѣмъ всегда Божье благословенie...

Много ли лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: Катя выросла, она уже большая, а Вѣра Ивановна все ласаетъ и лелѣетъ ее какъ пятилѣтняго ребенка... Еще утро едва начинаетъ заниматься, еще лѣсъ не успѣлъ отряхнуть съ себя капли ночной росы, еще только что встрепенулись жаворонки, залились и начали виться кругами въ воздухѣ, а Катя, почувствовавъ утреннюю свѣжесть, чтобы крѣпче завернуться въ свое одѣяло, приподнялась и открыла глаза. Передъ нею Вѣра Ивановна въ ночной кофточкѣ и въ ночномъ чепцѣ...

— Что́ это вы, маменька? — спрашиваетъ удивленная Катя.

— Да вчера мнѣ показалось, съ вечера, что ты не совсѣмъ здорова, дружочекъ, — отвѣчаетъ Вѣра Ивановна, — такъ это меня безпокоило немножко, я и пришла на тебя посмотрѣть...

Вотъ прудъ, подернутый огненно-розовыми полосами вечерней зари, а надъ прудомъ Захаръ Лаврентьичъ съ своей

удочкой. Онъ отдаетъ ей удочку и учитъ ее закидывать...

Вотъ почернѣвшій отъ времени домикъ, въ которомъ родилась она, и крылечко о четырехъ покривившихся ступенькахъ; дворъ, поросшій травой, покрытый гусиными перьями. Гусыня, окруженная маленькими желтыми и пушистыми гусенятами, сидитъ, уткнувъ свой красный носъ въ перья, и рядомъ съ ней гусь, насторожѣ, гордо стоящій на одной ногѣ и съ крикомъ размахивающій крыльями при малѣйшемъ приближеніи къ нему. За домомъ заглохшій садъ, а за садомъ далеко уходящее поле ржи, и вправо, на песчаной горѣ, бѣлая церковь, обнесенная полуобвалившейся оградой съ засохшими деревцами...

А этотъ вечеръ, — темный и теплый іюльскій вечеръ... Они возвращаются откуда-то изъ гостей. Тарантасъ быстро катится по ровной, узкой и мягкой проселочной дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ окруженной густой и высокой рожью... Едва различаешь предметы... Вотъ, кажется, рожь исчезла по сторонамъ и, какъ будто, дорога становится шире; тарантасъ, спускаясь осторожно подъ гору, прыгаетъ по засохшимъ кочкамъ грязи... Внизу подъ горою свѣтится огонекъ... Воздухъ становится свѣжѣе и сырѣе.

— Давайте паромъ!.. перевозчикъ, — кричитъ протяжнымъ голосомъ старый Игнатьичъ. .

— Идетъ! — раздается въ отвѣтъ.

И вотъ тарантасъ спускается къ парому. По правой сторонѣ извилистаго берега рѣчки ярко пылаютъ костры; силуэты людей копошатся и двигаются у самой воды съ зажженными лучинами. Вся рѣчка въ огнѣ, вся окрестность подернута огненнымъ заревомъ, и на этомъ заревѣ, на противоположномъ берегу, мрачною тѣнью выходитъ лѣсъ, нагибая свои вершины, шумя и качая своими вѣтвями...

Картины и образы изъ прошедшей жизни ярко и выпукло возстали передъ нею, быстро смѣняясь, и рвалась душа ея вслѣдъ за этими невозвратимыми, на одно мгновеніе воскресавшими для нея призраками.

Вдругъ звонокъ... Катя вздрогнула, — призраки исчезли...

— Это онъ! — прошептала она и бросилась къ нему навстрѣчу.

Но передъ нею стоялъ господинъ съ неуловимыми глазками. Она невольно отшатнулась назадъ.

— Я васъ, кажется, испугалъ! — сказалъ онъ раскланиваясь, — простите меня... Я воспользовался только вашимъ позволеніемъ: иначе бы не смѣлъ явиться. Я хотѣлъ пріѣхать съ графомъ, но...

— Я очень рада, — отвѣчала съ замѣшательствомъ Катя. — А гдѣ же графъ? — прибавила она съ безпокойствомъ.

— Графъ? — спросилъ онъ, какъ будто не слыхавъ хорошенько вопроса, — вы спрашиваете о графѣ? а онъ хотѣлъ быть у васъ сегодня?

— Я думаю, онъ заѣдетъ послѣ театра. Пожалуйста, садитесь...

Господинъ съ неуловимыми глазками поклонился, подставилъ кресло къ дивану, на которомъ сидѣла Катя, и своимъ бѣглымъ и неуловимымъ взглядомъ окинулъ всю комнату.

— Едва ли графъ будетъ у васъ сегодня, — сказалъ онъ черезъ минуту, — я его видѣлъ сейчасъ въ оперѣ... я уѣхалъ послѣ перваго акта, потому что не смѣлъ пріѣхать къ вамъ поздно... Графъ сказалъ мнѣ, что онъ сегодня званъ на вечеръ; впрочемъ, очень вѣроятно, что онъ пріѣдетъ, потому что какой же вечеръ не промѣняешь на удовольствіе провести съ вами... по крайней мѣрѣ такъ я думаю.

Эта любезность, однако, не очень пріятно подѣйствовала на Катю, и она ничего не отвѣчала на нее.

— Вы ведете совершенно уединенную жизнь, васъ нигдѣ не видно... вы не бываете даже въ оперѣ... и это странно, потому что вы понимаете и любите музыку, вы сами хорошая музыкантша.

— Кто же вамъ сказалъ это?

— Я имѣлъ удовольствіе слышать вашу игру. Вы разыграли однажды при мнѣ grace изъ «Роберта», и разыграли съ такимъ глубокимъ чувствомъ!.. Такія минуты не забываются, — прибавилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ и заду-

мался.— Я хоть не музыкантъ, но понимаю музыку, — продолжалъ онъ немного погодя, — и страстно люблю ее. Самыя лучшія минуты въ моей жизни были тѣ, когда я слушалъ хорошую музыку, выполняемую настоящими, великими артистами, какъ Рубини, Гризи, Маріо. Я съ ума схожу отъ беллиніевской музыки... Что можетъ быть, напримѣръ, выше дуэта Нормы съ Поліономъ.

И онъ началъ напѣвать:

Qual cor tradisti,
Qual cor perdesti...

Глаза его сверкали и прыгали больше обыкновеннаго; онъ одушевился въ самомъ дѣлѣ или прикидывался одушевленнымъ и вдругъ спросилъ Катю:

— А вы поете?

— Нѣтъ, — отвѣчала Катя, — я никогда не училась.

— А у васъ долженъ быть отличный голосъ. Я пари держу. Почему же вы не хотите взять уроковъ? Здѣсь есть отличные учителя.

— Потому что я не увѣрена, есть ли у меня голосъ, и потому, что объ этомъ не думала.

— Но съ такимъ музыкальнымъ расположеніемъ, какъ у васъ, такое равнодушіе непростительно. На мѣстѣ графа я непремѣнно убѣдилъ бы васъ брать уроки въ пѣніи.

Господинъ съ неуловимыми глазками произнесъ это безъ всякой задней мысли, очень просто, нисколько не думая, что слова: «на мѣстѣ графа», могутъ произвести какое-нибудь непріятное впечатлѣніе на Катю; но эти слова въ эту минуту болѣзненно отозвались въ ея сердцѣ, и при этихъ словахъ она вся вспыхнула.

Господинъ съ неуловимыми глазками, несмотря на свою тонкость и проницательность, не замѣтилъ этого и очень спокойно продолжалъ:

— Сережа вообще немного странный человѣкъ... Я его очень люблю и считаю его однимъ изъ рѣдкихъ людей... у него такое прекрасное сердце, но меня иногда бѣситъ его

равнодушіе ко всему; въ немъ какъ-то мало увлеченій, мало молодости... Вы какъ находите?

— Я не знаю, — отвѣчала Катя, — вы его дольше и лучше меня знаете.

— Право, это такъ; онъ ни къ чему не можетъ привязаться со страстью. Для меня это просто непонятно. У него вѣдь также прекрасный музыкальный талантъ, но онъ нѣсколько времени занимался музыкой, а потомъ ему надоѣло, и онъ совсѣмъ бросилъ. Вдругъ у него родилась любовь къ картинамъ... Мѣсяца два онъ только и думалъ объ этомъ: скупалъ картины на аукціонахъ, заказывалъ ихъ лучшимъ французскимъ и нашимъ живописцамъ, а когда картины были привезены къ нему, онъ даже и не посмотрѣлъ на нихъ. И вѣдь нельзя сказать, чтобы у него не было характера. Разъ какъ-то за ужиномъ мы разговорились о томъ, сколько можно выдержать ночей не спавши, и дали другъ другу слово не смыкать глазъ пять ночей сряду... и если одинъ хоть чуть начнетъ дремать, чтобы другой сейчасъ же толкнулъ его... Я заснулъ мертвымъ сномъ на третью ночь, а онъ, вообразите, выдержалъ всѣ пять ночей... На это надобно же имѣть характеръ!.. У него бываютъ разныя фантазіи: вдругъ придетъ ему въ голову собирать коллекціи, и онъ только этимъ и занятъ въ продолженіе нѣкотораго времени, только объ этомъ и думаетъ. Зато, впрочемъ, онъ собралъ удивительныя коллекціи палокъ, тросточекъ и карманныхъ часовъ.. Такихъ коллекцій вѣрно нѣтъ ни у кого. У него до шестидесяти часовъ различныхъ формъ и величинъ.

— Неужели графъ могъ когда-нибудь заниматься такими глупостями? — наивно спросила Катя.

— Почему же? C'est une fantaisie comme une autre, — возразилъ, улыбнувшись, господинъ съ неуловимыми глазками, — вѣдь это все-таки лучше, нежели собирать ярлыки или пробки съ каждой выпитой бутылки шампанскаго; а вѣдь есть господа, которые занимаются и этимъ.

Потомъ онъ снова навелъ разговоръ на музыку, просилъ Катю напомнить ему увертюру изъ «Гугенотовъ», и когда она начала играть, онъ, облокотившись на рояль, не спускалъ

съ нея глазъ, восхищался ея игрой, говорилъ ей разныя любезности и, прощаясь съ нею, просилъ позволенія бывать у нея, замѣтивъ, между прочимъ, что шумная и разсѣянная свѣтская жизнь, которой онъ отдавался по необходимости, совсѣмъ не въ его характерѣ и что онъ бы считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы чаще могъ проводить свои вечера такъ, какъ теперь провелъ этотъ вечеръ.

Катя не чувствовала симпатіи къ этому человѣку. Съ перваго взгляда онъ произвелъ на нее самое невыгодное впечатлѣніе. Его маленькіе, мутнаго, неопредѣленнаго цвѣта, безпрестанно бѣгающіе глазки не внушали ей ни малѣйшей довѣренности; его манера держать себя: то недоступно гордая и оледеняющая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ нѣкоторымъ классомъ людей, то уклончивая, льстивая, даже нѣсколько приторная въ другихъ случаяхъ и съ другого рода людьми, — все это не нравилось Катѣ. Ей казалось, что въ немъ нѣтъ ничего простого, ничего своего, натуральнаго: ни одного движенія, ни одного взгляда, ни одного слова, — все изученное, заимствованное, разсчитанное, — и неожиданное посѣщеніе этого господина, который передъ этимъ былъ у нея раза два или три только вмѣстѣ съ графомъ, даже нѣсколько разстроило ее.

Катя легла въ самомъ безпокойномъ расположеніи духа и, засыпая, подумала:

«А *онъ* не былъ сегодня».

Когда графъ пріѣхалъ къ ней на другой день, Катя спросила его:

— Гдѣ ты былъ вчера?

Графъ немного смѣшался и отвѣчалъ очень неопредѣленно, что ему было нельзя, что онъ званъ былъ на одинъ вечеръ, отъ котораго не могъ отказаться...

— Что жъ, тебѣ было тамъ весело? — спросила Катя.

— Какое веселье! — сказалъ графъ, сдѣлавъ гримасу, и прибавилъ съ пріятнымъ выраженіемъ лица, — мнѣ весело только съ тобою.

Но Катя грустно улыбнулась на эти слова, потому что голосъ графа звучалъ какъ-то неискренно.

Когда она сказала ему, что вечеромъ у нея былъ господинъ съ неуловимыми глазками, что она была очень удивлена этимъ посѣщеніемъ и что этотъ господинъ ей не нравится, графъ отвѣчалъ:

— Отчего же? напрасно. Онъ очень милый, умный и пріятный человѣкъ, un homme tout a fait comme il faut... У него только одна нѣсколько смѣшная сторона... Онъ немного стыдится своего происхожденія и ужъ слишкомъ важно ведетъ себя съ своими; но впрочемъ,—замѣтилъ графъ снисходительно, — у кого же нѣтъ слабыхъ сторонъ?

— Но знаешь ли, что̀ мнѣ кажется? — возразила Катя,— хоть онъ и близкій пріятель тебѣ, но на него вѣдь нельзя положиться.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ графъ, — да я собственно и не имѣю въ этомъ нужды... впрочемъ, я не думаю... про него иные говорятъ дурно; но про кого же не говорятъ дурно? Все-таки онъ очень милый малый и пріятный собесѣдникъ: и это ужъ много!..

Графъ началъ заѣзжать къ Катѣ только по утрамъ, всякій разъ почти отговариваясь, что вечеромъ онъ не можетъ быть, что онъ занятъ, что онъ долженъ бывать въ свѣтѣ; что хотя свѣтскія обязанности для него и тяжелы, но онъ по необходимости долженъ нести эту тягость, и прочее. Катя понимала это и вовсе не хотѣла отрывать его отъ этихъ обязанностей; но она начинала догадываться, что не одинъ свѣтъ вообще поглощаетъ его время, но что, можетъ быть, въ этомъ же свѣтѣ оно особенно посвящается кому-нибудь. Она начинала яснѣе смотрѣть на свое положеніе... и какъ ни страшно, ни безвыходно оно казалось ей, но она только во всемъ безпощадно обвиняла самое себя и оправдывала его.

«Это было безуміе думать, что онъ можетъ любить меня долго,—разсуждала она сама съ собою,—онъ можетъ привязаться только къ женщинѣ своего круга, къ образованной, блестящей свѣтской женщинѣ; а что общаго между нимъ и мною?»

Но такого рода, можетъ быть и основательныя, разсужденія нисколько, разумѣется, не успокаивали ее... Она рев-

новала его къ неизвѣстной женщинѣ, къ своей тайной сопернпцѣ, которую окружала всѣмъ очарованіемъ красоты, молодости, ума, образованія и свѣтскаго блеска. Она составила себѣ идеалъ такой женщины, и эта женщина не давала ей покоя, тревожила даже ея сонъ; но Катя всѣ свои ощущенія, мысли и страданія начала таить въ самой себѣ, съ усиліемъ скрывая ихъ отъ графа, и въ одинъ мѣсяцъ пережила и перечувствовала болѣе, нежели во всю остальную жизнь. Она встрѣчала графа попрежнему съ лицомъ покойнымъ, хотя нѣсколько грустнымъ, она также привѣтливо улыбалась ему; но уже никакой довѣренности не существовало между ними. Они обманывали другъ друга.

Между тѣмъ господинъ съ неуловимыми глазками довольно часто сталъ посѣщать Катю и даже проводилъ у нея цѣлые вечера, не замѣчая или не желая замѣчать ея недовѣрчиваго и холоднаго обращенія съ нимъ. Иногда онъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, передавалъ Катѣ разные городскіе анекдоты и новости, иногда казался грустнымъ, задумчивымъ и, по временамъ, сидя у фортепьяно, какъ бы въ разсѣяніи или какъ бы желая подавить въ себѣ какое-то внутреннее ощущеніе, бралъ причудливые аккорды, а его маленькіе глазки, устремленные на Катю, сверкали какимъ-то страннымъ огнемъ... Разъ, заведя рѣчь о графѣ, онъ замѣтилъ, какъ бы случайно, что графъ, Богъ знаетъ, гдѣ скрывается, что его нигдѣ не видно на вечерахъ и что про него носятся очень странные слухи, которые, впрочемъ, невѣроятны.

— Какіе же это слухи?—спросила Катя.

— Объ этомъ не стоитъ говорить. Это пустяки.

— Что же такое, однако?

Этотъ второй вопросъ вырвался у Кати невольно, какъ она ни удерживала себя.

— Я вамъ говорю, что пустыя сплетни, на которыя не должно обращать вниманія,—отвѣчалъ съ едва замѣтной, но довольно ядовитой улыбкой господинъ съ неуловимыми глазками.—Здѣсь, въ Петербургѣ, есть одна женщина... очень извѣстная женщина, даже слишкомъ, которая, правда,

недурна собой... Этимъ, впрочемъ, все и ограничивается, потому что въ ней нѣтъ ни образованія, ни особеннаго ума... и говорятъ, будто бы графъ съ нѣкотораго времени ухаживаетъ за нею... Какой вздоръ!.. Въ Петербургѣ есть классъ людей особеннаго рода, которые отъ нечего дѣлать распускаютъ самые нелѣпые слухи, и находятся такіе простодушные господа, которые вѣрятъ отъ чистаго сердца всему.

Это замѣчаніе, брошенное вскользь, между разговоромъ, этотъ нелѣпый, какъ говорилъ онъ, городской слухъ, произвели сильное впечатлѣніе на Катю и не выходили у нея изъ головы.

Дня черезъ три. послѣ этого графъ привезъ ей литерную ложу въ оперу и сказалъ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нею.

Графъ точно заѣхалъ за нею и все время былъ у нея въ ложѣ; только все время онъ сидѣлъ въ углу, какъ будто боясь или не желая быть замѣченнымъ. Съ минуты появленія ея одна великолѣпная дама, съ букетомъ камелій, сидѣвшая напротивъ во второмъ ярусѣ, не спускала съ Кати своего бинокля и глядѣла на нее съ такимъ ненасытнымъ любопытствомъ, которое не могло наконецъ не обратить вниманія Кати. Катя никакъ не могла понять сначала, что бы это значило и что въ ней особеннаго, почему бы она могла возбудить такое нескромное вниманіе великолѣпной госпожи. Дѣло, впрочемъ, объяснилось для нея въ первомъ же антрактѣ. Господинъ съ неуловимыми глазками явился къ ней въ ложу, и когда графъ вышелъ въ фойе, его другъ обратился къ Катѣ и сказалъ:

— Вы возбуждаете страшное любопытство въ одной дамѣ. Она даже въ антрактѣ не выходитъ изъ своей ложи, и ея несчастные поклонники напрасно ждутъ ее въ комнатѣ передъ ложей... Она такъ и впилась въ насъ... Знаете ли, кто это?

— Кто? я никого не знаю.

— Это та женщина, о которой, кажется, я вамъ говорилъ... Эти слухи о графѣ, знаете...

— А! это она?—сказала Катя, повидимому, хладнокровно, хотя сердце ея забилось болѣзненно и сильно.

Когда спектакль кончился, графъ, провожая Катю, остановился съ нею на лѣстницѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собою всегда блестящую и торжественную Лидію Александровну, въ соболяхъ и бархатѣ, которую онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить тутъ, потому что очень хорошо зналъ, что она подъѣзжала съ другого подъѣзда. Она гордо окинула Катю пронзительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, такъ что Катя вздрогнула... потомъ, немного прищурясь и оборотивъ свою голову съ пушистыми волосами къ графу, сказала громко:

— Графъ! я надѣюсь, вы у меня сегодня вечеромъ?

И величественно спустилась съ лѣстницы.

Катя, блѣдная, какъ полотно, взглянула невольно на графа, графъ взглянулъ невольно на Катю. Катя прислонилась къ periламъ лѣстницы: у нея потемнѣло въ глазахъ. Графъ тоже почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

ГЛАВА IV.

Графъ, однако, не поѣхалъ къ Лидіи Александровнѣ; весь остальной вечеръ онъ провелъ у Кати и былъ необыкновенно внимателенъ къ ней. Взглядъ, брошенный на Катю великолѣпною дамою, этотъ взглядъ, наглый и оскорбительный, и тонъ, съ которымъ она обратилась къ графу, не требовали объясненія. Все это говорило само за себя. Для Кати открылось все. Но ни упрека, ни жалобы не вырвалось изъ груди ея. На блѣдномъ лицѣ ея нельзя было прочесть ничего, какъ будто участь ея рѣшилась окончательно, какъ будто у нея не было болѣе ни сомнѣній, ни ожиданій, ни надеждъ, какъ будто внутренняя жизнь совсѣмъ замерла въ ней. Она сидѣла молча, устремивъ свои потускнѣвшіе глаза на одну точку, не отвѣчая ни на ласки, ни на внимательность графа, холодная и неподвижная, какъ мраморъ.

Графъ цѣловалъ эти тонкія, бѣлыя, холодныя руки, эти

руки, формою которыхъ онъ восхищался всегда, немного удивляясь, впрочемъ, какимъ образомъ такія руки могли принадлежать деревенской барышнѣ, ибо онъ думалъ, что хорошая рука — непремѣнный признакъ чистой, аристократической крови; онъ объяснялъ Катѣ, кто такая эта великолѣпная дама, встрѣтившаяся съ ними на театральномъ подъѣздѣ, какимъ образомъ онъ знакомъ съ нею; онъ отзывался о ней очень насмѣшливо и зло; увѣрялъ, что она надоѣдаетъ ему, что она преслѣдуетъ его, хотя онъ и не давалъ ей къ этому никакого повода; что, впрочемъ, на такихъ женщинъ и на ихъ дерзкія выходки не стоитъ обращать вниманія, и прочее. Графъ явно хотѣлъ оправдаться въ глазахъ Кати, хотя она не требовала ни его объясненій, ни его оправданій, хотя лицо ея попрежнему оставалось безъ всякаго выраженія, какъ будто она не слыхала или не понимала этихъ объясненій и оправданій.

Графъ наконецъ замолчалъ, съ удивленіемъ смотря на Катю, которая не замѣтила его взгляда. Эта неподвижность, это отсутствіе жизни испугали его. Онъ бросился къ ней, крѣпко сжалъ ея руку и, пристально смотря ей въ глаза, спросилъ:

— Бога ради, что съ тобою, Катя?

Она съ трудомъ приподняла свои вѣки, какъ будто послѣ тяжелаго сна, неопредѣленно взглянула на него и проговорила слабымъ голосомъ:

— Я... ничего...

— Но ты нездорова? ты такъ блѣдна? Что ты чувствуешь? скажи мнѣ.

Въ голосѣ графа въ эту минуту было искреннее участіе.

Катя молчала.

— Катя! Катя,—повторялъ графъ, какъ будто пробуждая ее отъ сна.

Она провела рукой по лицу, еще разъ взглянула на него и, какъ бы дѣлая усиліе надъ собою, произнесла:

— Ничего, не безпокойся. Это пройдетъ, это такъ... мнѣ было тяжело...

— Я сейчасъ пошлю за докторомъ, — сказалъ графъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Это ничего...—вскрикнула Катя, и въ глазахъ ея въ первый разъ показался блескъ.

— Прошу тебя, скажи мнѣ, что́ съ тобою? чѣмъ ты разстроена? Неужели эта женщина... Но послушай, Катя, это наконецъ смѣшно. Неужели ты думаешь...

— О! я ничего не думаю, — отвѣчала Катя, — я не знаю, что́ мнѣ думать и что мнѣ дѣлать. Прости меня: я мучу тебя.

Черезъ минуту на помертвѣломъ лицѣ ея выступила яркая краска; все существо ея, казалось, начинало оживать; глаза одушевились мыслію и вдругъ вспыхнули огнемъ энергіи, предсмертной вспышкой растерзанной и болящей души. Она вскочила съ креселъ и грянулась на колѣни передъ графомъ.

Это было такъ быстро и неожиданно, что графъ не успѣлъ предупредить ее. Онъ бросился, чтобы поднять ее; но она схватила его руки съ невѣроятною силою и, держа ихъ въ своихъ рукахъ, сказала ему голосомъ, въ которомъ слышался подавленный вопль:

— Не обманывай меня, Serge! не обманывай! Я только одного прошу у тебя... Одной только правды, правды! Не бойся мнѣ высказать все прямо, открыто; не обольщай меня надеждами. Говори все, все... Можетъ быть, тебѣ это тяжело; но я умоляю тебя именемъ всего святого для тебя... рѣшись высказать мнѣ правду!.. Не успокаивай меня: это хуже,— не томи меня. Не бойся... я выдержу, я перенесу... лучше разомъ узнать все, нежели подозрѣвать, сомнѣваться, мучиться, изнывать... Я вижу, я чувствую, я знаю, что ты измѣнился ко мнѣ, что ты разлюбилъ меня, что я тебѣ въ тягость — я все это знаю; но видишь ли, Serge, я слабая женщина, я люблю безумно, страстно. Я иногда еще надѣюсь, иногда еще обманываю себя, я иногда еще вѣрю твоей ласкѣ, твоимъ словамъ, хотя сердце говоритъ мнѣ, что эти слова неискренни, что ты не любишь меня, а только жалѣешь... Но если осталась въ тебѣ хоть капля жалости ко мнѣ, хоть одна капля, рѣши сейчасъ же мою участь, скажи мнѣ прямо все... Ты любишь другую? Говори! говори! у меня достанетъ

силы выслушать тебя. Клянусь тебѣ. Я приготовилась. Посмотри на меня. Я съ твердостью тебя выслушаю.

Но графъ и безъ того не могъ отвести отъ нея глазъ. Ничего никогда не видалъ онъ и не могъ вообразить прекраснѣе этого пылающаго лица, этихъ горячихъ и какъ молнія сверкающихъ глазъ, этихъ густыхъ и волнистыхъ волосъ, упадавшихъ въ безпорядкѣ на лицо, всей этой фигуры, движимой силой отчаянія и жаромъ страсти... Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, какъ будто какое чудо совершилось передъ нимъ, какъ будто это была не Катя—робкая, тихая и застѣнчиво-любящая провинціальная барышня, а другая какая-то женщина, озаренная величавой красотой, вся звучащая и дышащая любовью.

И эта женщина любитъ его! и она передъ нимъ на колѣняхъ!

Графъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Онъ не зналъ, что можно любить такъ, что любовь своей силой преображаетъ людей, убиваетъ и оживляетъ ихъ; онъ полагалъ до этой минуты, что такая любовь бываетъ только въ однихъ романахъ, что это выдумка сочинителей, что въ жизни всѣ любятъ такъ, какъ любитъ онъ и его пріятели Петруша, Гриша, Коля и Ваня, и какъ любили ихъ — безъ особенныхъ безпокойствъ и страданій, сходясь и расходясь случайно, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ или даже вовсе безъ сожалѣнія Графъ былъ большой скептикъ въ любви, какъ и его пріятели, и смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ вообще очень легко, потому ли, что судьба сводила его только съ болѣе или менѣе легкими женщинами, или потому, что его богатство нѣсколько мѣшало ему вѣрить безкорыстной любви и безкорыстной дружбѣ. Глядя на Катю, графъ смутно почувствовалъ (это я долженъ сказать къ его чести) въ эту минуту мелкость своихъ внутреннихъ ощущеній въ сравненіи съ чувствами этой дѣвушки и ея превосходство надъ собою. Въ то же время такая сильная, такая невиданная имъ любовь ласкала, нѣжила и льстила его самолюбіе. Это самолюбіе подогрѣло остывавшую страсть, и она сильнѣе чѣмъ когда-нибудь вспыхнула на мгновеніе. Въ это мгновеніе все исчезло и сгладилось

для графа, кромѣ Кати; онъ въ это мгновеніе точно любилъ ее. Онъ, съ небывалымъ и несвойственнымъ ему увлеченіемъ, сталъ увѣрять ее въ своей любви: никогда голосъ его не звучалъ нѣжнѣе; никогда слова не были искреннѣе и жарче; никогда глаза его не выражали болѣе страсти. Катя снова повѣрила ему.

Даже и въ первые дни любви она не была такъ счастлива, какъ въ этотъ вечеръ. Въ этомъ внезапномъ переходѣ отъ отчаянія и смерти къ жизни и счастію было что-то ненатуральное... Часы летѣли съ страшной быстротой, но для нихъ не существовало времени; а между тѣмъ катастрофа, невидимая и неизбѣжная, все приближалась къ Катѣ съ каждымъ ударомъ маятника, съ каждымъ движеніемъ часовой стрѣлки.

Графъ цѣлую недѣлю, почти не разставаясь, провелъ съ Катею и ни разу не былъ у Лидіи Александровны... Къ концу недѣли онъ началъ, однако, снова скучать. Однажды вечеромъ онъ даже просто не зналъ, что дѣлать отъ тоски: объѣздилъ безъ всякой цѣли полгорода на своемъ рысакѣ, заѣхалъ въ театръ, изъ театра отправился пить чай къ господину съ неуловимыми глазками, сыгралъ съ нимъ въ *ланскене*, проигралъ ему двѣ тысячи и часовъ около двухъ пріѣхалъ къ Дюссо. Тамъ онъ нашелъ всю компанію въ полномъ сборѣ: и Ваню, и Петрушу, и Колю, и Гришу, и Андрюшу, и еще много другихъ, даже Вихляева, въ послѣднее время появлявшагося между ними рѣже, потому что Петруша, безпощадно обращавшійся съ нимъ, объявилъ ему наотрѣзъ, чтобъ онъ не смѣлъ показывать свою фигуру, наводящую на него уныніе. Всѣ эти господа, за исключеніемъ Вихляева, расположились въ большой комнатѣ, приказавъ сдвинуть нѣсколько столовъ вмѣстѣ. Ужинъ начался шумно и весело. Строй опорожненныхъ бутылокъ шампанскаго увеличивался съ каждой минутой, и въ каждую опорожняемую бутылку втыкался зажженный стеариновый огарокъ. Освѣщеніе было блистательное. Вихляевъ хотя очень порывался, но никакъ не осмѣливался войти въ эту комнату. Къ тому же людямъ дано было приказаніе не пускать по-

стороннихъ. Онъ какъ тѣнь бродилъ въ коридорѣ, отъ времени до времени подходя къ дверямъ залы, отдергивая немного красную занавѣску и съ завистью смотря на пирующихъ. Петруша, какъ нарочно, сидѣлъ противъ самой двери. До Вихляева долетали различные крики, пѣсни и тосты, еще болѣе раздражая его. Когда человѣкъ отворялъ дверь, Вихляевъ вслѣдъ за нимъ немного высовывалъ голову въ дверь, но человѣкъ захлопывалъ дверь у него подъ носомъ, и Вихляевъ снова начиналъ бродить по коридору, не заказывая ужина, потому что все не терялъ еще надежды какимъ-нибудь образомъ попасть въ эту комнату.

— Что вы это здѣсь, сударь, все у двери-то стоите?—спросилъ у него, не безъ ироніи, лакей, несшій огромное блюдо.— Позвольте пройти-съ.

— Да я, братецъ... я буду тамъ ужинать, — отвѣчалъ, запинаясь, Вихляевъ.

— Нѣтъ-съ, туда нельзя, не приказано никого пускать-съ...

— Постороннихъ? а не меня же.

Лакей задѣлъ самолюбіе Вихляева, и онъ вдругъ рѣшился войти, что бы ни было потомъ.

— Позвольте, сударь... вы мѣшаете пройти.

— Мнѣ тоже принеси, Максимъ; я буду ужинать самъ же, — сказалъ онъ, какъ будто не слыхавъ словъ лакея.

— Ахъ, какой вы, сударь! да вѣдь говорятъ же вамъ, что нельзя. Вѣдь я не виноватъ. Что жъ мнѣ дѣлать! не приказано пускать...

— Это, братецъ, не относится ко мнѣ.

Шумъ у дверей обратилъ вниманіе пирующихъ. Петруша увидѣлъ Вихляева въ дверяхъ, погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ:

— Смотрите! вы помните, что я вамъ сказалъ...

Нѣкоторые, при видѣ Вихляева, скорчили гримасы и отворотились, другіе закричали:

— Браво, Вихляевъ!.. Что это у васъ тамъ за споръ съ Максимомъ?

— Да какъ же, помилуйте, — отвѣчалъ Максимъ, — я имъ говорю, что не приказано впускать, а они лѣзутъ...

Раздался общій хохотъ.

— Подите сюда, очаровательный молодой человѣкъ!—закричалъ Вихляеву одинъ изъ собесѣдниковъ.

Вихляевъ воспользовался этимъ восклицаніемъ, вбѣжалъ въ комнату довольно развязно; тряхнулъ головою, чтобы откинуть отъ лица волосы, вставилъ въ глазъ стеклышко и забормоталъ съ пріятною улыбкою: «Bon soir, bon soir»,—закивавъ головою направо и налѣво; но Петруша вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ, указывая Вихляеву на дверь:

— Не угодно ли вамъ отсюда убираться?

Вихляевъ скорчилъ насильственную улыбку, чтобы скрыть свое замѣшательство, и сказалъ:

— Вѣчно шутитъ!.. Bon soir, Пьеръ.

И протянулъ ему руку.

Петруша оттолкнулъ его руку и очень серьезно проговорилъ:

— Я вамъ говорю, уходите отсюда сейчасъ; иначе, вы знаете ..

— Оставь его, Петруша! полно! — заговорило вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Ну, пожалуй! для васъ я оставлю его; но удивительно, что́ вамъ за охота пускать къ себѣ этого...

— Милый мой, подите сюда, — сказалъ Вихляеву тотъ же господинъ, который пригласилъ его войти—молодой человѣкъ, повидимому, очень веселаго нрава, — садитесь вотъ сюда. возлѣ меня: вы знаете, что я вашъ почитатель и заступникъ...

Вихляевъ сѣлъ, подставилъ себѣ приборъ, приподнялъ немного рукава своего пиджака, вытянулъ рубашку съ блестящими запонками, вставилъ въ глазъ стеклышко, посмотрѣлъ въ него на хлѣбъ, съ большою граціею отрѣзалъ себѣ ломоть и началъ, обращаясь къ веселому молодому человѣку:

— Да... сегодня... я сегодня, господа, встрѣтилъ такую красавицу, une beauté ravissante... какая ножка, какъ обута. Это было у Полицейскаго моста. Она шла одна и повернула по Мойкѣ; я за нею, перегоняю ее, начинаю заговари-

вать; она отвѣчаетъ довольно мило; слово за слово—я узнаю, что это очень порядочная женщина.

— Ну и она назначила тебѣ, разумѣется, свиданіе,—перебилъ Гриша.

— Честное слово... Завтра въ девять часовъ вечера... Жаль только, пропустишь балетъ!

— Счастливчикъ! — сказалъ веселый молодой человѣкъ, — я знаю, вѣдь отъ васъ съ ума сходятъ всѣ женщины: да и нельзя: вы такой хорошенькій... Ну, выпьемте, Вихляевъ!

Онъ долилъ шампанскимъ стаканъ, въ которомъ была смѣсь различныхъ винъ, и поднесъ его Вихляеву. Вихляевъ въ разсѣяніи не замѣтилъ этого, чокнулся съ стаканомъ веселаго молодого человѣка и выпилъ залпомъ, потомъ нѣсколько поморщился.

— Фи! что это такое? что это за шампанское? — сказалъ онъ.

Всѣ захохотали. Вихляевъ догадался, въ чемъ дѣло, и закричалъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало:

— Максимъ! да что жъ мнѣ не даютъ котлетъ? Это ни на что не похоже... вы заставляете ждать по часу. Кончится тѣмъ, что я перестану ѣздить сюда.

И когда котлета была принесена, онъ посмотрѣлъ сначала на нее въ свое стеклышко съ подозрительной гримасой, ткнулъ ее нѣсколько разъ вилкой, разрѣзалъ и произнесъ:

— Камень—что это за котлета! Гадость... Нѣтъ, съ нѣкотораго времени Дюссо совсѣмъ избаловался.

И, произнеся это, принялся, однако, кушать съ большимъ аппетитомъ.

Въ эту минуту, встрѣченный всеобщими криками удовольствія, явился графъ.

— Serge! Serge! Сережа... — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Сережа! — воскликнулъ громче всѣхъ Вихляевъ, приподнявъ руки отъ восторга и бросаясь къ нему навстрѣчу.

— Bon soir, cher, — сказалъ онъ и протянулъ къ нему руку; но эта рука, повисѣвъ на воздухѣ, грустно опустилась, не встрѣтивъ графской руки; однако, онъ не обезкуражился этимъ и, вертясь передъ графомъ, предлагалъ ему

различные вопросы, которые оставались безъ вниманія и отвѣта. Наконецъ, прибѣгнувъ къ мѣрамъ отчаяннымъ, онъ схватилъ графа обѣими руками и началъ толкать его, чтобы только обратить на себя его взоры. Графъ точно взглянулъ на него.

— Что такое? что тебѣ нужно? — спросилъ онъ.

— Вообрази. Сережа, кто здѣсь, — тебѣ въ голову не придетъ. Я пари держу.

— Гдѣ здѣсь — у Дюссо?

— Нѣтъ, въ Петербургѣ; только сегодня пріѣхалъ... Нашъ короткій знакомый... Отгадай..

— Что за вздоръ! ну, говори кто, — сказалъ графъ нехотя.

— Я встрѣтилъ его въ Морской... онъ собирается къ тебѣ, все тотъ же, заговорилъ, братецъ, меня..

— Кто же это?

— Александръ Иванычъ!

— Какой Александръ Иванычъ

— Ахъ, Боже мой .. да нашъ деревенскій краснобай, другъ маркиза Пуччи, Роберта Пиля и прочее.

— А-а-а! — произнесъ равнодушно графъ и обратился къ Гришѣ.

Пріѣздъ графа еще болѣе одушевилъ компанію: потребовали еще вина, освѣщеніе усиливалось быстро, разговоръ становился все шутливѣе и безсвязнѣе; всѣ кричали разомъ; крики прерывались хорами, довольно несогласными..

Графъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ этого хора, затыкая по временамъ уши, окруженный Петрушею, Ванею и Гришею.

— А что это сдѣлалось съ Лидіей Александровной? — вдругъ сказалъ Гриша, — представь себѣ, она цѣлую недѣлю не показывалась ни въ театрахъ, ни на Невскомъ. Это чудеса!

— Неужели? — спросилъ графъ.

— Я былъ у нея вчера, — возразилъ Ваня, — она никого не принимаетъ. Говорятъ, нездорова.

«Бѣдная!.. однако я такъ давно у нея не былъ... Это нехорошо... Завтра же поѣду», подумалъ графъ.

Крикливая и шумная бесѣда продолжалась еще часа два. Стали разъѣзжаться по домамъ, по обыкновенію, около четырехъ часовъ, оставивъ въ комнатѣ тучи дыма, нѣсколько битаго стекла и надтреснутое зеркало, въ которое кто-то бросилъ пустую бутылку. При разъѣздѣ Петруша кричалъ:

— Господа! куда вы? неужели по домамъ? Ну, на что это похоже! Еще рано... Только четыре часа! Для меня только теперь вечеръ и начинается... Я ни за что не поѣду домой. Ваня, поѣдемъ со мною.

Ваня сѣлъ къ нему въ сани.

— Пошелъ къ Красному мосту! — закричалъ Петруша своему кучеру, закутываясь въ шинель, потому что морозъ былъ нестерпимый...

На другой день утромъ графъ засталъ Лидію Александровну совершенно разстроенную. Она лежала на темно-бархатной кушеткѣ, вся въ бѣломъ, въ батистовомъ пеньюарѣ, обшитомъ валансьенскими кружевами; ея манишка застегивалась тремя брилліантовыми запонками; ея ножки, въ шелковыхъ чулкахъ, въ расшитыхъ разноцвѣтными шелками туфляхъ, выглядывали изъ-подъ узоровъ юбки; ея пушистые волосы были въ плѣнительномъ и искусно придуманномъ безпорядкѣ, какъ будто она только въ минуту звонка нарочно привела ихъ передъ зеркаломъ въ это поэтическое разстройство; обнаженная кисть гладкой какъ атласъ и бѣлой какъ первый снѣгъ руки ея висѣла нѣсколько откинутая.

Графъ тихонько подошелъ къ ней и остановился на минуту, молча любуясь ею.

Лидія Александровна какъ будто не замѣчала графа; но грудь ея, при его приближеніи, начинала подниматься чаще и сильнѣе, и изъ этой груди вырвался тяжелый и болѣзненный вздохъ.

— Что съ тобой, Лидія? — сказалъ графъ, наклоняясь къ ней.

— Я больна, — отвѣчала она, не смотря на него, — я очень больна... У меня болитъ грудь, я кашляю...

И она тотчасъ же закашлялась.

— Я чувствую, что у меня чахотка, что я не буду долго жить, что скоро умру; да мнѣ, впрочемъ, все равно... я очень рада. я хочу умереть: мнѣ всѣ и все надоѣло...

У Лидіи Александровны выступилъ сильный румянецъ на лицѣ. Она была въ волненіи.

— Мнѣ жарко, мнѣ душно, — сказала она, — у меня опять начинается жаръ...

Графъ придвинулъ кресло къ кушеткѣ.

— Ты простудилась? — сказалъ графъ, прикасаясь къ ея опущенной рукѣ.

— Что вамъ до этого за дѣло? — произнесла она слабымъ голосомъ, отдернувъ руку, — вамъ все равно, вы меня не любите. вы не заботитесь обо мнѣ, вы и забыли о моемъ существованіи... Я удивляюсь, какъ это вы вздумали вдругъ сегодня заѣхать ко мнѣ... я думала, что васъ не увижу болѣе...

Лидія Александровна опять закашлялась и начала рукою придерживать грудь.

— Впрочемъ, смѣшно и требовать. Вы не принадлежите самому себѣ, вы всего себя отдали *ей*... Но для чего же обманывать? для чего было давать надежду другой? У меня есть сердце, графъ, которое бьется, можетъ быть, такъ же сильно, какъ *ейное* сердце... Наконецъ, я видѣла ее... она хороша, она, можетъ быть, лучше меня, умнѣе, воспитаннѣе; но вы мнѣ сказали, что вы къ ней равнодушны, что вамъ все равно она, а теперь вы сидите все у нее, вы не отходите отъ нея, а меня забыли, вы явно предпочли ее мнѣ, потому что не хотѣли пріѣхать ко мнѣ тогда вечеромъ изъ театра... а я... если бъ вы знали, что со мною съ этого вечера! Зачѣмъ я вамъ вѣрила!

Лидія Александровна заплакала.

Графъ началъ оправдываться, почему онъ не былъ, увѣрялъ ее снова въ своей любви, далъ ей даже слово, что, разумѣется, не вдругъ, но со временемъ онъ постарается какъ-нибудь кончить съ Катею, и замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ надо дѣйствовать осторожно, чтобы не оскорбить ее, потому что Катя дѣвушка замѣчательная, достойная полнаго

уваженія, что она страстно его любитъ, но что они не сошлись характерами. Миръ былъ заключенъ. Лидія Александровна почувствовала себя гораздо лучше. Прислонясь головкой къ плечу графа и смотря на него съ нѣжностью, она сказала:

— Ты думаешь, что я тебя не въ состояніи любить такъ, какъ она? Я не уступлю ей въ любви; да и что такое *ейная* любовь? первая любовь дѣвочки, ничего не испытавшей, не знающей. А я, съ того дня, когда въ первый разъ тебя встрѣтила... пять лѣтъ назадъ тому и до сей минуты, только о тебѣ и думала; ты не давалъ мнѣ покоя... Я, закрывши глаза, рѣшилась на все. Эти экипажи, мебели, наряды, — все это пріобрѣла для того только, чтобы обратить на себя твое вниманіе. Я знала, что безъ этого ты на меня и смотрѣть не сталъ бы... и теперь, когда я добилась до моей цѣли, я тебя не уступлю ни за что никому, никому на свѣтѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ графъ, улыбаясь не безъ самодовольствія.

— Да, да... въ самомъ дѣлѣ, никому, ни за что на свѣтѣ! — повторяла она, положивъ ему на плечи свою руку и смотря на него пристально.

— О, какъ я теперича счастлива! — прибавила она.

Лидія Александровна оживилась. Ей казалось въ эту минуту не болѣе двадцати лѣтъ. Она прыгала около графа какъ дитя, расчесывала его волосы, любовалась имъ, ласкалась къ нему, принимала передъ нимъ различныя живописныя позы, обнаруживая свою змѣиную гибкость и свой тонкій и стройный станъ.

Потомъ, сѣвъ на скамейку къ его ногамъ, она сказала вдругъ.

— Ахъ, знаешь ли какой сонъ я видѣла сегодня? Мнѣ приснилось, будто у меня новый экипажъ: темно-корчневая коляска, обитая такого же цвѣта сафьяномъ, и чудесная англійская закладка, англійскія лошади и англичанинъ на козлахъ съ длиннымъ бичомъ. Это было такъ живо, что, проснувшись, я чуть не велѣла закладывать этотъ

экипажъ... и потомъ мнѣ стало такъ досадно, что все это во снѣ.

Сонъ Лидiи Александровны былъ осуществленъ графомъ очень скоро, и когда въ одинъ прекрасный день къ ея крыльцу подана была англичаниномъ точно такая коляска, она то бросалась къ графу, то подбѣгала къ окну любоваться экипажемъ, потомъ опять къ графу.

— Это, впрочемъ, непростительное баловство, — сказала она, нахмуривъ брови, — къ чему это? — и потомъ, улыбнувшись съ ядовитымъ и тонкимъ кокетствомъ, нѣсколько сердито прибавила, — послѣ этого я тебѣ не буду разсказывать моихъ сновъ...

Дружескія сношенія графа съ Лидіею Александровною вскорѣ послѣ этого сдѣлались извѣстны во всемъ Петербургѣ. Она начала вести образъ жизни еще роскошнѣе и прихотливѣе прежняго, отчего желчь m lle Dupont разлилась, и черезъ мѣсяцъ послѣ этой обезображивающей болѣзни она дошла до необходимости продавать свои экипажи, мебели и наряды и разыгрывать въ лотерею турецкую шаль. Нельзя не замѣтить, что Лидія Александровна, по добротѣ своего сердца, много способствовала успѣху этой лотереи и навязала своимъ знакомымъ огромное количество билетовъ...

Катю графъ посѣщалъ только изъ чувства состраданія и долга. Это было слишкомъ явно; а господинъ съ неуловимыми глазками также явно началъ ухаживать за нею, надѣясь, вѣроятно, побѣдить ея суровость и холодность... Но всѣ усилія его оставались напрасными. Кромѣ отвращенія, которое она питала къ этому господину, она находилась въ такомъ страшномъ, въ такомъ безчувственномъ состояніи, что почти не понимала, что дѣлается вокругъ нея... Тогда господинъ съ неуловимыми глазками рѣшился прибѣгнуть къ послѣднимъ, окончательнымъ мѣрамъ, думая, что, можетъ быть, изъ чувства мщенія Катя перемѣнится къ нему. Онъ обявилъ ей торжественно, что она убиваетъ себя изъ-за человѣка, который не стоитъ ея, который постоянно обманывалъ ее и никогда не любилъ... Онъ открылъ передъ нею

всю картину прошедшей и настоящей жизни своего пріятеля, разобралъ до мельчайшихъ подробностей всѣ его поступки съ злобной насмѣшкой и сначала съ робостью, потомъ съ жаромъ, постепенно увеличивавшимся и дошедшимъ наконецъ до страсти, объяснилъ ей любовь свою; говорилъ. что пожертвуетъ для нея всѣмъ на свѣтѣ... подъ всѣмъ на свѣтѣ разумѣлись, конечно, деньги... что ей надо поправить свое здоровье и развлечься; что онъ поѣдетъ съ нею за границу, и прочее.

Катя при этихъ словахъ вышла на минуту изъ своей обычной безчувственности.

— Я все знаю, — сказала она господину съ неуловимыми глазками твердымъ голосомъ, взглянувъ на него съ презрѣніемъ, котораго не могла скрыть, — знаю, что графъ меня не любитъ; но если бы я могла на сколько-нибудь привязаться къ вамъ, хоть это невозможно, — эта привязанность, повѣрьте. уничтожилась бы въ одну минуту послѣ всего, что я теперь выслушала отъ васъ.

И съ этими словами она вышла изъ комнаты, но едва переступила за порогъ, какъ твердость совсѣмъ оставила ее. Она бросилась передъ образомъ, которымъ еще въ дѣтствѣ благословила ее мать, и съ глухимъ рыданіемъ прошептала:

— Боже мой! Боже мой! до чего я дошла, что я должна выслушивать!.. Что будетъ со мною!

И безъ памяти упала на полъ

. . . .

Господинъ съ неуловимыми глазками, когда она вышла, топнулъ съ досады ногою, глухо произнесъ: «ну, хорошо же!» и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого онъ объяснялъ графу любовь свою, дружески упрекалъ его въ слабости характера и предлагалъ ему различныя средства, какъ бы ему поскорѣй и безъ большихъ хлопотъ освободиться отъ Кати.

ГЛАВА V.

Вихляевъ на этотъ разъ не солгалъ. Александръ Иванычъ точно былъ въ Петербургѣ. Онъ явился съ тремя сочиненіями. въ видѣ проектовъ: 1) *О новомъ способѣ управленія имѣній и о быстромъ улучшеніи вслѣдствіе этого не только быта крестьянъ, но и обогащенія, въ самое короткое время, владѣльцевъ*; 2) *о томъ, какія выгоды можно извлечь изъ земледѣльческаго богатства Россіи съ точки зрѣнія географической, статистической, политико-экономической и сельско-хозяйственной* и, *наконецъ*, 3) *объ изобрѣтенномъ имъ новомъ, безпримѣрно-дешевомъ и доселѣ нигдѣ не употреблявшемся топливѣ, имѣющемъ важное вліяніе какъ на благосостояніе климата, такъ и на распространеніе народнаго богатства чрезъ сохраненіе лѣсовъ*, и прочее.

— Это все такъ философски глубоко обдумано,—говорилъ онъ при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, — такъ практически и ясно изложено, что должно рѣзко броситься въ глаза, какъ всякая истина; въ этихъ сочиненіяхъ заключаются результаты сорокалѣтнихъ моихъ наблюденій; тутъ я положилъ всего себя...

И Александръ Иванычъ значительно зажмурилъ глазки и потомъ чрезъ минуту продолжалъ еще съ большею торжественностью.

— Если я получу привилегію на изобрѣтенное мною топливо, то легко могу нажить въ два года до милліона ассигнаціями. Это расчетъ вѣрный и ясный какъ Божій день...

И онъ начиналъ вычислять, и по его вычисленіямъ выходило еще, что онъ долженъ пріобрѣсти въ два года слишкомъ милліонъ.

— Привилегію получить трудно; но я это легко устрою черезъ свои связи. Для меня князь Александръ непремѣнно возьмется за это дѣло: онъ свой человѣкъ съ княземъ Андреемъ Борисычемъ, а князю Андрею Борисычу стоитъ только слово сказать графу Владиміру Кириллычу, отъ котораго все зависитъ. Я и остановлюсь для этого нарочно въ

Петербургѣ у князя Александра: у него для меня готова всегда цѣлая анфилада прекрасно меблированныхъ комнатъ... хоть я могъ бы остановиться и у сына, который зажилъ теперь въ Петербургѣ прекрасно и совершенно обезпечилъ себя. Я всегда былъ, впрочемъ, увѣренъ, что съ такой головой, какъ у него, не пропадешь! — прибавилъ Александръ Иванычъ.

Однако, Александръ Иванычъ остановился не у князя Александра, въ анфиладѣ прекрасно меблированныхъ комнатъ, а въ тѣсной квартиркѣ своего сына, въ четвертомъ этажѣ...

— Я остановился у сына потому, что не хотѣлъ огорчать моего Василья, останавливаясь у постороннихъ; да и признаться, мнѣ самому хотѣлось быть поближе къ нему; а то и князь Александръ, и князь Павелъ, и графъ Сергій предлагали мнѣ у себя... — повторялъ онъ своимъ петербургскимъ знакомымъ, которые вовсе и не интересовались, впрочемъ, знать, гдѣ онъ остановился...

Угреватый поэтъ уже около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Петербургѣ, ни мало не помышляя объ опредѣленіи на службу, хотя родители отправили его въ Петербургъ именно съ этою цѣлью и хотя Александръ Иванычъ надавалъ ему множество рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ князьямъ и графамъ. Но эти рекомендательныя письма оставались въ портфелѣ угреватаго поэта безъ всякаго употребленія, и ни князю Александру, ни князю Петру, ни графу Виктору не суждено было насладиться краснорѣчивыми фразами, латинскими цитатами и славянскими изреченіями, которыми были пересыпаны эти письма. Кромѣ этихъ краснорѣчивыхъ писемъ, стариннаго и совершенно негоднаго къ употребленію [illegible] родительскихъ наставленій, Александръ Иванычъ [illegible] ничего не далъ сыну, отправляя его въ Петербургъ.

— Въ Петербургѣ только совершенный дуракъ не сумѣетъ пріобрѣсти денегъ, — говорилъ ему Александръ Иванычъ. — тамъ, братецъ ты мой, деньги подъ ногами; стоитъ вотъ только наклониться да взять. Кажется, трудъ небольшой. У кого есть *голова* (Александръ Иванычъ подставилъ ука-

зательный палецъ ко лбу), такъ ужъ *тутъ* (указательный палецъ перешелъ на карманъ) непремѣнно будетъ. Меня отецъ отправилъ въ первый разъ въ Петербургъ съ двумя бѣленькими... двадцатипятирублевыми бумажками, обнялъ, благословилъ и сказалъ, какъ теперь помню: «Я тебѣ далъ умъ и воспитаніе: умъ для пріобрѣтенія денегъ, воспитаніе для пріобрѣтенія высшихъ связей и знакомствъ. Умъ и воспитаніе дороже всякой ходячей монеты». И точно, я жилъ въ Петербургѣ, почти ничего не получая отъ него, не хуже богатыхъ молодыхъ людей того времени, не отказывалъ себѣ ни въ чемъ: имѣлъ экипажи, француза-повара... Ну, Господь съ тобой! прощай, мой другъ!—прибавилъ Александръ Иванычъ въ заключеніе, крестя и обнимая сына. Ты счастливѣе меня: я, отправляясь въ Петербургъ, не зналъ никого, въѣхалъ какъ въ лѣсъ; а ты уже имѣешь покровителя и руководителя въ лицѣ графа Сергія Григорьича, и кромѣ того — эти письма; все это съ перваго шагу доставитъ тебѣ знакомства въ первыхъ домахъ и связи. Но уже довольно и того, что ты *мой* сынъ, что ты носишь мое имя: это, братецъ, открытый листъ на участіе, вниманіе и ласку въ высшемъ обществѣ. Деньги я далъ тебѣ только на первое время, а потомъ вышлю...

Послѣдніа слова произнесены были Александромъ Иванычемъ, впрочемъ, скороговоркою и довольно глухимъ голосомъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Петербургъ Василій Александрычъ оставался уже безъ гроша, несмотря на свою экономію, и хотя получилъ отъ отца очень нѣжное письмо, но въ этомъ письмѣ ни слова не упоминалось о деньгахъ. Просить денегъ у графа онъ не хотѣлъ и кое-какъ просуществовалъ нѣсколько дней въ долгъ, не выходя изъ квартиры, занимаясь перелистываніемъ старыхъ русскихъ журналовъ и сочиненіемъ стиховъ. Къ счастью, въ Петербургѣ онъ нашелъ своего стараго школьнаго товарища, очень добраго малаго, который составлялъ въ разные журналы и газеты фельетончики и библіографическія статейки, считалъ себя однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ и былъ

знакомъ со всѣми журналистами, журнальными сотрудниками и книгопродавцами. Фельетонистъ питалъ большое уваженіе къ угреватому поэту... не потому, что онъ былъ поэтъ — надъ поэтами въ этомъ родѣ уже начинали подсмѣиваться журналы, — но потому, что онъ носилъ въ себѣ, какъ говорили тогда, современные вопросы, и притомъ очень горячо разсуждалъ объ искусствѣ: о безотрадномъ скептицизмѣ Байрона, о субъективности Сенанкура, объ объективности Шекспира и Гёте, котораго онъ сравнивалъ съ Юпитеромъ, и о прочемъ, о чемъ такъ прекрасно разсуждали тогда въ русскихъ журналахъ. Черезъ посредство фельетониста, угреватый поэтъ продалъ право на изданіе всѣхъ своихъ стихотвореній какому-то книгопродавцу за 25 рублей серебромъ и вступилъ, къ величайшему своему восторгу, на журнальную арену. Въ это время понадобился одному изъ журналистовъ критикъ. Фельетонистъ предложилъ ему своего пріятеля.

— А чтó это за господинъ? — спросилъ журналистъ, — годится ли онъ для этого?.. Тутъ нуженъ человѣкъ, который бы имѣлъ современный взглядъ на искусство... эстетическій вкусъ... тактъ... словомъ, чтобы это былъ образованный, дѣльный человѣкъ...

Произнеся это, журналистъ задумался, принявъ глубокомысленнѣйшее выраженіе, какъ будто какой-то важный вопросъ зашевелился въ его головѣ.

Фельетонистъ началъ превозносить передъ нимъ угреватаго поэта, говорить о его начитанности, о его взглядахъ и о прочемъ.

— Гм! — промычалъ значительно журналистъ, — вотъ стишки-то онъ плохіе пишетъ... это не хорошо.

— Да, это правда; но его настоящее призваніе быть критикомъ, — возразилъ фельетонистъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, — сказалъ журналистъ строго, — пришлите его ко мнѣ...

Угреватый поэтъ и кандидатъ въ критики не безъ робости явился передъ журналистомъ. Строгій видъ, глубокомысленная наружность, рѣзкій и отрывистый тонъ журналиста, его великолѣпный халатъ съ кистями, груды уче-

нѣйшихъ книгъ и журналовъ на различныхъ языкахъ, которыми онъ былъ окруженъ, — все это еще болѣе смутило неопытнаго молодого человѣка. Онъ смотрѣлъ на журналиста съ замиранiемъ сердца, какъ школьникъ, явившiйся на экзаменъ передъ учителемъ...

Журналистъ внутренно былъ очень доволенъ, замѣтивъ эффектъ, произведенный имъ на своего будущаго сотрудника. Сначала разговоръ какъ-то не клеился; но когда молодой человѣкъ преодолѣлъ въ себѣ первое ощущенiе робости и коснулся искусства — рѣчь его, пересыпаемая условными оборотами и терминами, полилась бойко, точно какъ будто онъ читалъ какую-нибудь критическую статейку, выученную наизусть, изъ старыхъ русскихъ журналовъ.

Журналистъ отъ времени до времени только глубокомысленно кивалъ головой, повторяя:

— Ну да, да, да!..

Угреватый поэтъ произвелъ на него очень хорошее впечатлѣнiе. «Это малый съ головой — замѣтилъ онъ фельетонисту, — я пробовалъ его со всѣхъ сторонъ. Изъ него выйдетъ толкъ... выйдетъ, выйдетъ!»

Условiя тотчасъ же были заключены, очень выгодныя для журналиста и не совсѣмъ выгодныя для сотрудника, но, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь обезпечивавшiя его существованiе.

Угреватый поэтъ торжествовалъ. Цѣль всѣхъ его надеждъ и мечтанiй вдругъ и такъ неожиданно была достигнута. «Быть провозвѣстникомъ новыхъ мыслей,—думалъ онъ,—давать направленiе литературѣ»... Отъ этой мысли у него духъ захватывало отъ блаженства.

И онъ принялся дѣятельно и горячо за свою новую обязанность: по поводу какого-то лубочнаго романа написалъ огромную статью, въ которой говорилось сначала о древнемъ эпосѣ, потомъ о значенiи новѣйшаго романа, о Сервантесѣ, о Вальтеръ-Скоттѣ, да кстати ужъ и о Рене Шатобрiана, о Вертерѣ Гёте, объ Оберманѣ Сенанкура и объ Адольфѣ Бенжаменъ-Констана... Ни Гегель, ни Гервинусъ, ни Ретшеръ не были забыты въ этой превосходной статьѣ, кото-

рая была въ сущности вся сшита изъ старыхъ журнальныхъ статей. изъ одной нѣмецкой эстетики, изъ предисловій къ Оберману и къ французскому переводу Вертера и напичкана кстати и некстати выписками изъ Ретшера. По поводу игры какого-то посредственнаго актера новый критикъ написалъ цѣлый трактатъ о драматическомъ искусствѣ, ставилъ этого актера въ параллель съ великими новѣйшими артистами: съ Мекреди, съ Фредерикомъ Леметромъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, всуе вызывалъ изъ могилъ тѣни Тальмы, Гаррика, Кина и опять кстати ужъ завелъ рѣчь о Шекспирѣ, о значеніи Гамлета, и прочее, и прочее.

Всѣ эти статьи — нельзя было не отдать имъ справедливости — обнаруживали большее трудолюбіе и усердіе и написаны были тѣмъ восторженнымъ тономъ, который нѣкогда господствовалъ въ русскихъ журнальныхъ критикахъ. Каждый періодъ въ этихъ статьяхъ начинался обыкновенно съ буквы *И*.

— И не понимаютъ *они*, — восклицалъ угреватый поэтъ (къ кому относилась эта рѣчь, онъ утвердительно самъ не зналъ), — и не понимаютъ *они* высшаго значенія искусства, и недоступна имъ, скользящимъ по поверхности жизни, схватывающимъ однѣ верхушки, бездонная глубина его и...—и прочее.

За такими-то трудами засталъ сына Александръ Иванычъ

Когда онъ узналъ, что его письма къ князьямъ и графамъ не были доставлены и что его Василій во все пребываніе свое въ Петербургѣ всего только одинъ разъ былъ у графа и не имѣетъ никакихъ знакомствъ въ высшемъ кругу, это подѣйствовало на него непріятно; но Александръ Иванычъ скоро утѣшился мыслью, что сынъ его сдѣлался критикомъ и играетъ значительную роль если не въ свѣтѣ, то въ литературѣ...

— Каковъ мой Василій-то! — говорилъ онъ, — первый критикъ у насъ въ настоящее время!.. Вотъ что значитъ дать малому-то хорошее воспитаніе, угадать наклонности въ ребенкѣ и развивать ихъ. Я съ самаго начала такъ и готовилъ его для литературы.

Между тѣмъ отношенія угреватаго поэта съ журналистомъ становились со дня на день холоднѣе. Василій Александрычъ, узнавъ покороче журналиста, убѣдился, что всѣми этими учеными книгами и журналами онъ окружалъ себя только для эффекта и для приданія себѣ важности; что онъ ничего не читаетъ; имѣетъ обо всемъ свѣдѣнія самыя поверхностныя, а въ дѣлѣ искусства совсѣмъ ничего не понимаетъ. Вслѣдствіе этого Василій Александрычъ потерялъ къ нему всякій страхъ и уваженіе. Онъ началъ съ безполезнымъ негодованіемъ отзываться о немъ, разсказывалъ анекдоты, обнаруживавшіе его недальновидность въ дѣлѣ науки и искусства, и однажды, послѣ того, какъ журналистъ наотрѣзъ отказалъ ему въ деньгахъ, которыя онъ просилъ въ счетъ будущихъ трудовъ своихъ, взбѣшенный сотрудникъ написалъ на него даже презлую сатиру.

Все это было передано журналисту однимъ изъ литературныхъ сплетниковъ.

Кромѣ того, при появленіи каждой новой статьи угреватаго поэта журналисту твердили со всѣхъ сторонъ, что онъ роняетъ свой журналъ такими статьями, дѣлаетъ его смѣшнымъ, и прочее и прочее.

Дѣло кончилось тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день журналистъ объявилъ своему критику, очень рѣзко и грубо, что онъ уже болѣе въ немъ не нуждается. Это случилось черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Александра Иваныча въ Петербургъ. Василій Александрычъ съ своими критиками переселился было въ другой журналъ, но въ другомъ журналѣ вовсе не платили денегъ, да и журналъ этотъ появлялся изрѣдка въ неопредѣленные сроки, всякій разъ совершеннымъ сюрпризомъ для своихъ подписчиковъ, владѣвшихъ высокою добродѣтелью—долготерпѣнія. Книгопродавцы не принимали никакихъ предложеній Василія Александрыча, потому что стихотворенія его вовсе не расходились, а книгопродавецъ, купившій ихъ, посматривалъ на угреватаго поэта даже враждебно. Итакъ, отъ литературы ждать было нечего,—отъ отца еще менѣе, потому что Александръ Иванычъ пріѣхалъ безъ денегъ, имѣя въ виду при-

вилегію, и въ надеждѣ будущихъ благъ долженъ былъ занять у графа небольшую сумму. Изъ занятыхъ денегъ онъ ничего не могъ удѣлить сыну: ему надобно было имѣть ежедневно карету или коляску. Нельзя же было ходить пѣшкомъ къ князю Александру, къ князю Павлу, къ графу Виктору и къ другимъ...

— Потерпи, братецъ, немного,—говорилъ Александръ Иванычъ сыну,—терпѣніе преодолѣваетъ все... Бери примѣръ съ меня,—вѣдь въ тебѣ течетъ моя кровь. *La vertu s'acquiert, comme le sang se donne*,—сказалъ великій Корнель. Дѣла наши пойдутъ отлично, и мы непремѣнно разбогатѣемъ Вспомни мое слово: я выхлопочу тебѣ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ черезъ князя Александра; получу привилегію... и тогда...

Но дни проходили за днями. Ни о мѣстѣ, ни о привилегіи не было никакого слуху. Александръ Иванычъ даже пріунылъ немного, безъ толку проживаясь въ Петербургѣ, и только отрадная мысль, что сегодня онъ прошелся по Невскому съ такимъ-то княземъ, а завтра будетъ обѣдать у такого-то графа, поддерживала его и примиряла съ обстоятельствами. Но князьямъ и графамъ онъ ужасно надоѣлъ своими просьбами и проектами, и они стали къ нему замѣтно холоднѣе. Видя, что дѣла его нисколько не подвигаются, а деньги, занятыя у графа, на исходѣ,—онъ принужденъ былъ за какую-то бездѣлицу продать свои сочиненія—результаты сорокалѣтнихъ наблюденій—журналисту, нуждавшемуся въ статьяхъ для отдѣла сельскаго хозяйства.

Между отцомъ и сыномъ начались безпрестанные споры.. Александръ Иванычь упрекалъ сына въ томъ, что онъ не умѣетъ или не хочетъ проложить себѣ дорогу, что сложа руки ничего сдѣлать нельзя, что онъ пренебрегаетъ высшими знакомствами, которыя необходимы для начинающаго молодого человѣка, не умѣетъ быть искательнымъ, что онъ ведетъ дружбу Богъ знаетъ съ какими людьми, что въ его лѣта многіе уже занимаютъ почтенныя должности и имѣютъ званія при дворѣ, что онъ преисполненъ ложною

гордостью и что истинная гордость состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о поддержанiи своего рода, и прочее. Василiй Александрычъ съ своей стороны припоминалъ отцу, что онъ никогда не заботился о своихъ дѣлахъ, разстроилъ свое состоянiе; что высшiя связи, которыми онъ гордится и о которыхъ безпрестанно говоритъ, не только не принесли ему никакой пользы, но, напротивъ, способствовали къ его разоренiю, что онъ съ дѣтства бросилъ его, своего единственнаго сына, на произволъ судьбы, нисколько не думая о его воспитанiи; что если онъ что-нибудь знаетъ, такъ этимъ обязанъ самому себѣ, и проч.

Литературныя неудачи и совершенное безденежье,—все это вмѣстѣ сильно подѣйствовало на угреватаго поэта. Онъ упалъ духомъ, бросилъ всѣ свои занятiя и предался той бродячей и праздной жизни, которой предаются люди съ отчаянiя... Онъ цѣлые дни бродилъ по трактирамъ и кафе-ресторанамъ, свелъ прiязнь съ постоянными посѣтителями этихъ заведенiй—съ какими-то господами очень сомнительной, если не совсѣмъ подозрительной наружности, и съ тѣми добрыми малыми, у которыхъ вѣчный отекъ на лицѣ, при блѣдно-зеленоватомъ колоритѣ, и матовые, безсмысленные глаза... Онъ зажилъ на счетъ одного изъ такихъ добрыхъ малыхъ—сынка разбогатѣвшаго овощного торговца, умершаго отъ паралича за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ. Получивъ въ наслѣдство до сотни тысячъ серебромъ, сынокъ бросилъ торговлю, одѣлся франтомъ и спился въ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Ну, Вася, выпьемъ!—говорилъ онъ угреватому поэту коснѣющимъ языкомъ и потомъ вдругъ, совершенно неизвѣстно почему, затягивалъ:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Какъ ты мила!

— Вотъ видишь ли ты, душа моя,—продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана пукъ смятыхъ ассигнацiй,—вишь, сколько денегъ; мы это все прокутимъ сегодня... махнемъ, Вася,

за городъ или поѣдемъ къ цыганамъ. Жуировать, такъ жуировать... Крамбамбули, мон-шеръ! Я за одно крамбамбули дамъ теперь пятьдесятъ цѣлковыхъ, честное слово, дамъ! Ну, Васенька, пей же, пей...

И Васенька пилъ; но постоянно такое веселое и безсознательное препровожденіе времени разстроивало и безъ того хилое его здоровье. Онъ впалъ въ совершенное разслабленіе и апатію и продолжалъ уже пить по привычкѣ. безъ всякаго удовольствія.

Однажды онъ воротился домой пѣшкомъ часу въ шестомъ утра, упалъ на постель почти безъ памяти въ своей мокрой шинели и уже съ тѣхъ поръ не вставалъ... Къ вечеру на слѣдующій день у него сдѣлался сильный бредъ. Маша съ пѣсней: «Мы двѣ цыганки»... Гервинусъ съ Ретшеромъ, Надежда Кондратьевна съ балаболками, журналистъ съ ученымъ и строгимъ видомъ, Вихляевъ съ пистолетомъ, купеческій сынокъ съ бутылкой и Шекспировъ Гамлетъ съ вѣчнымъ сомнѣніемъ не давали ему покоя. Ихъ имена не сходили у него съ языка; онъ то метался на постели, то вскакивалъ и хотѣлъ съ крикомъ бѣжать, преслѣдуемый раздраженными Гервинусомъ и Ретшеромъ. Александръ Иванычъ перепугался, привезъ доктора; докторъ осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и прописалъ лѣкарство. Лѣкарство не помогало. Александръ Иванычъ не отходилъ отъ постели сына, и угреватый поэтъ черезъ два дня умеръ на рукахъ его.

Долго блѣдный, понуривъ свою лысую голову, стоялъ Александръ Иванычъ надъ этимъ трупомъ, и въ головѣ его мелькали мысли, обращавшіяся въ горькіе упреки, что, можетъ быть, отчасти онъ и его Алена Өедоровна причиной этой ранновременной смерти; что съ самаго ранняго дѣтства бросили они бѣднаго мальчика на произволъ нянекъ, лакеевъ, дѣвокъ и всей своей деревенской челяди, а потомъ на произволъ какого-то учителя, не заботясь, что это за учитель; что не думали хлопотать они ни о развитіи сына, ни о его направленіи; что ребенкомъ онъ служилъ для нихъ поводомъ къ хвастовству, а гля гостей—забавою, коверкая пе-

редъ ними своимъ дѣтскимъ языкомъ различныя побасенки, которыми безъ толку обременяли его память, а въ юношескомъ возрастѣ—игрушкою мелочного тщеславія; что прокричали они на всю губернію о его геніальности, потому что въ двѣнадцать лѣтъ онъ прочелъ нѣсколько романовъ, попавшихся ему подъ руку, и сочинилъ какіе-то стишки; что натвердили они ему съ самаго дѣтства о томъ, что онъ баринъ, что у него хорошее состояніе; что ему не о чемъ заботиться, и промотали это состояніе; что не приготовили они его ни къ чему, развивъ въ немъ только самонадѣянность и самолюбіе; что съ смутными и неопредѣленными инстинктами, съ безпокойными и неясными порывами, съ ограниченнымъ и поверхностнымъ образованіемъ, не имѣя въ самомъ себѣ никакой опоры, вступилъ онъ въ жизнь, мучимый этимъ самолюбіемъ, не зная, за что взяться, куда итти, и погибъ отъ перваго препятствія на пути, какъ погибаютъ эти блѣдныя, неестественно-вытянувшіяся оранжерейныя растенія отъ перваго дуновенія вѣтра на открытомъ воздухѣ; что при другихъ обстоятельствахъ, при другой обстановкѣ изъ него могъ бы выйти дѣльный и порядочный человѣкъ.

Все это смутно, неопредѣленно представилось Александру Иванычу, и онъ упалъ на трупъ сына, залившись слезами, на этотъ разъ безъ всякаго преувеличенія и притворства. Но когда явились фельетонистъ и еще кое-кто изъ прежнихъ пріятелей его сына, его искренность мгновенно исчезла; онъ принялъ эффектную позу убитаго горестью отца и, пожимая имъ руки, произнесъ:

— Если бы не та несокрушимая внутренняя сила, которая поддерживаетъ меня на всѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ жизни, я, можетъ быть, не перенесъ бы этого. Мало, что я лишился сына, но вмѣстѣ съ нимъ, господа, уничтожаются всѣ мои надежды на будущее; вмѣстѣ съ нимъ...

И Александръ Иванычъ глубоко вздохнулъ, остановился на минуту и съ чувствомъ гордости прибавилъ:

— Вмѣстѣ съ нимъ прекращается надежда на продолженіе нашего рода: имя наше вычеркивается изъ бархатной книги!

Когда Александръ Иванычъ провожалъ сына на клад-

бище, онъ безпрестанно оглядывался съ безпокойствомъ кругомъ, чтобы его не увидалъ кто-нибудь изъ его блестящихъ знакомыхъ за этимъ смиреннымъ гробомъ, безъ пѣвчихъ, безъ провожатыхъ, за гробомъ, который едва тащила пара клячъ и передъ которымъ шли всего только два факельщика въ загрязненныхъ мантіяхъ и оборванныхъ шляпахъ, нюхая по временамъ табакъ изъ тавлинки... Онъ совсѣмъ закрылъ лицо воротникомъ шубы, потому ли, что боялся быть замѣченнымъ, или потому, что мокрый снѣгъ падалъ хлопьями и рѣзкій вѣтеръ дулъ въ лицо. И думалъ онъ, слѣдуя за этимъ гробомъ: «Все бы, кажется, было мнѣ легче провожать его, если бы умеръ онъ въ довольствѣ, окруженный богатыми и знатными пріятелями, если бы этотъ гробъ везли четыре лошади съ гербами на попонахъ, подъ балдахиномъ, если бы впереди шли пѣвчіе, а сзади ѣхала моя карета, обитая чернымъ сукномъ, за нею тянулись бы графскіе и княжескіе экипажи... Бѣдный мой Василій!

И Александръ Иванычъ залился слезами...

Дня черезъ два послѣ похоронъ сидѣлъ онъ печально въ комнатѣ сына, за его письменнымъ столомъ, облокотясь головою на руку и обдумывая, какъ бы осторожнѣе написать объ этомъ несчастіи Аленѣ Өедоровнѣ; но мысли его вдругъ были прерваны рѣзкимъ звонкомъ. Лакей былъ усланъ. Александръ Иванычъ поморщился и всталъ. Повернувъ замокъ, онъ отскочилъ отъ двери, чтобы отклонить подозрѣніе, что самъ отворяетъ дверь... Въ дверяхъ показался человѣкъ въ графской ливреѣ.

— Записка отъ его сіятельства графа Елецкаго,—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Александра Иваныча.—Здѣсь, что ли, живетъ г. Вязниковъ?

— А! это ко мнѣ, братецъ,—сказалъ Александръ Иванычъ, ласково улыбаясь лакею, хотя въ головѣ его мелькнула непріятная мысль: ужъ не за деньгами ли...—Подожди немножко, любезный!

Александръ Иванычъ не безъ трепета распечаталъ графскую записку и прочелъ:

«Любезный Александръ Иванычъ, если вамъ нечего дѣ-

лать завтра, то пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать въ половинѣ шестого. У меня обѣдаютъ, между прочимъ, кое-кто изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, и я буду радъ васъ видѣть».

Александръ Иванычъ, несмотря на свою печаль, просіялъ. Наконецъ графъ вспомнилъ-таки о немъ! «Благородный, прекрасный человѣкъ этотъ графъ, я всегда говорилъ!—подумалъ онъ.—Сердце у него рѣдкое... Но какъ же, однако, мнѣ ѣхать на званый обѣдъ, въ этомъ положеніи, тотчасъ послѣ похоронъ сына?..»

Этотъ вопросъ непріятно подѣйствовалъ на Александра Иваныча, и онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, нахмуривъ брови и перечитывая записку графа.

«Впрочемъ, что жъ такое?—продолжалъ онъ разсуждать съ самимъ собою, бережно положивъ графскую записку въ карманъ,—еще никто не знаетъ о моемъ несчастии; къ тому же твердый—таитъ горе въ сердцѣ, только слабый обнаруживаетъ его внѣшними знаками. Во всякомъ случаѣ, я не побоюсь глупыхъ осужденій, потому что я выше предразсудковъ. Одинъ изъ героевъ Лопецъ-де-Вега прекрасно сказалъ: «Я смѣло могу стать лицомъ къ лицу со всѣмъ меня осуждающимъ, ибо мечъ мой широкъ и грудь моя тверда».

И утѣшась такою мыслію, Александръ Иванычъ вышелъ къ графскому лакею и сказалъ:

— Благодари, братецъ, графа и доложи ему, что я непремѣнно буду.

ГЛАВА VI.

Столовая графа, вся изъ рѣзного дуба, украшенная его гербами, также вырѣзанными изъ дуба, японскимъ фарфоромъ и стариннымъ серебромъ, ярко свѣтилась. Надъ столомъ висѣла серебряная люстра съ карселемъ въ серединѣ и со свѣчами кругомъ; на роскошно убранномъ столѣ стояли четыре массивные серебряные канделябра, легкаго и изящнаго рисунка, серебряныя бра на стѣнахъ... все это горѣ-

ло огнями, и эти огни солнцами блестѣли на серебрѣ и радугами отражались въ хрусталѣ. Ливрейные лакеи были въ полномъ парадѣ, въ расшитыхъ гербовымъ басономъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ... Графъ давалъ обѣдъ, потому что ему хотѣлось показать свою столовую, только что совершенно заново отдѣланную, и свое старинное серебро: кубки, чаши, блюда и прочее, нѣсколько лѣтъ спокойно лежавшее въ кладовыхъ и вызванное оттуда вдругъ, по его прихоти, на свѣтъ и на удивленіе его великосвѣтскихъ друзей. Послѣ пяти часовъ начался съѣздъ. Къ шести часамъ были всѣ приглашенные налицо, всѣ салонныя знаменитости; весь тончайшій цвѣтъ петербургской великосвѣтскости, букетъ щеголей, около котораго прохаживался Александръ Иванычъ съ неописаннымъ наслажденіемъ... Этотъ человѣкъ, еще наканунѣ, повидимому, убитый горестью, потерявшій единственнаго сына—надежду, подпору и утѣшеніе своей старости,—этотъ старикъ, тащившійся за два дня передъ тѣмъ съ поникшею головою на Волково за его гробомъ, въ эту минуту забылъ все: такъ велико было очарованіе окружавшаго его великолѣпія и высокаго общества, среди котораго онъ имѣлъ счастіе находиться. На лицѣ его не осталось ни малѣйшаго слѣда горести, ни одной тѣни; взглянувъ на него, его можно бы было принять за счастливѣйшаго на землѣ человѣка, у котораго даже отъ чрезмѣрнаго счастія лицо приняло лоснящееся и сладкое выраженіе. Онъ съ умиленіемъ пожиралъ глазами появлявшіяся передъ нимъ свѣтскія знаменитости и кланялся имъ съ чувствомъ такого глубокаго подобострастія, что знаменитости, тронутыя этимъ, пріятнѣе обыкновеннаго улыбались ему, замѣтнѣе наклоняли свои гордыя и упругія головы и даже, что́ уже считалось съ ихъ стороны знакомъ величайшаго вниманія къ простому человѣку, пожимали слегка его руку, а не просто прикасались къ ней. Судьба, нанесшая такой тяжкій ударъ Александру Иванычу, явно сжалившись надъ нимъ, хотѣла въ этотъ вечеръ загладить свою жестокость, доставивъ старику невообразимое блаженство, недосягаемую честь для подобныхъ ему. Одинъ изъ этихъ свѣт-

скихъ цвѣтковъ, лучшій и благоуханнѣйшій цвѣтокъ изъ всего букета, занимавшіи середину и превышавшій, по крайней мѣрѣ, головой остальныхъ, великолѣпнѣйшій изъ великолѣпныхъ, господинъ, удостоивавшій своимъ вниманіемъ и изъ *своихъ* только немногихъ, говорившій всегда отрывисто и смотрѣвшій вверхъ, какъ будто на землѣ не было ничего достойнаго его взгляда, проходя мимо Александра Иваныча, удостоилъ взглянуть на него однимъ глазомъ въ ту минуту, какъ тотъ совсѣмъ согнулся передъ нимъ.

— А-а! это вы?—произнесъ великолѣпный господинъ съ легкою улыбкою.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ захлебнувшійся отъ восторга Александръ Иванычъ, кланяясь ему еще ниже.

— Ну чтó?.. ну какъ?..—продолжалъ лучшій и благоуханнѣйшій цвѣтокъ великосвѣтскости, не смотря, впрочемъ, на Александра Иваныча,—все еще здѣсь?.. долго пробудете?

— Я не могу ничего сказать опредѣлительнаго, ваше сіятельство,—началъ Александръ Иванычъ,—это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ хода моихъ дѣлъ... Я пріѣхалъ хлопотать о привилегіи...

Но Александръ Иванычъ говорилъ на воздухъ, потому что великолѣпный господинъ предложилъ ему вопросъ, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія выслушивать отвѣтъ, и давно уже разсматривалъ съ графомъ его серебро.

— У тебя славная коллекція серебра, Сережа!—говорилъ онъ графу,—очень хорошая... Я думаю, не уступитъ коллекціи графа П*? Съ большимъ вкусомъ все разстановлено.. У графа П* только, кажется, больше кубковъ...

И потомъ, обозрѣвъ величественнымъ взглядомъ всю столовую, онъ произнесъ:

— Прекрасно... ты мастеръ устраивать...

Великолѣпный господинъ обращался совершенно по-пріятельски только съ хозяиномъ дома и съ тремя или четырьмя господами, которые вели себя съ такою же важностью, какъ онъ, составляя собою какъ бы недосягаемую вершину этого

избраннаго общества. Съ Ваней, Петрушей, Колей, Гришей и другими они хотя были на ты, но тонкій и наблюдательный взглядъ могъ сейчасъ замѣтить въ ихъ обращеніи съ ними нѣкоторое едва замѣтное чувство собственнаго превосходства. на что, впрочемъ, точно такъ же, какъ и на нихъ самихъ, Ваня, Петруша, Коля и Гриша обращали мало вниманія. Петруша, отозвавъ даже графа въ сторону, сказалъ ему:

— Знаешь ли что, Сережа, если бъ этихъ... — и онъ указалъ небрежно головою на великолѣпныхъ господъ, — не бы-было, было бы право гораздо лучше и веселѣе. На меня, по крайней мѣрѣ, они наводятъ уныніе.

Графъ одобрительно улыбнулся на эти слова, однако отвѣчалъ:

— Какой вздоръ!.. отчего?

Изъ всѣхъ только господинъ съ неуловимыми глазками увивался и терся около великолѣпныхъ, безпрестанно улыбаясь имъ и заговаривая съ ними, да Александръ Иванычъ смотрѣлъ на нихъ издалека съ умилительнымъ и подобострастнымъ замираніемъ.

Петруша и тотъ самый веселый молодой человѣкъ, который за ужиномъ у Дюссо принялъ подъ свое покровительство Вихляева и заставилъ выпить его смѣсь различныхъ винъ вмѣсто шампанскаго, ухаживали больше за Александромъ Иванычемъ, слегка подсмѣиваясь надъ нимъ.

Веселый молодой человѣкъ, который недавно познакомился съ Александромъ Иванычемъ и одинъ только разъ передъ этимъ обѣдалъ у графа, хотя уже успѣлъ выпить съ нимъ на ты, говорилъ ему съ полуулыбкою и ударяя его по плечу:

— Ну что, душенька, мы сегодня выпьемъ? Не правда ли?

— Выпьемъ, выпьемъ! — отвѣчалъ Александръ Иванычъ.

— То-то, смотри же у меня! — продолжалъ веселый молодой человѣкъ, — мы сядемъ за столомъ вмѣстѣ, подальше отъ этихъ... Я вѣдь тебя ужасно люблю, жить безъ тебя не могу просто. Гдѣ ты такъ давно пропадалъ? Я безъ тебя соскучился, хотѣлъ къ тебѣ пріѣхать, да не знаю, гдѣ ты живешь. Ты долженъ быть шалунъ? Правда вѣдь? несмотря на *это*...

И онъ прикоснулся рукой къ его головѣ, гладкой и глянцевитой, какъ фарфоровый чайникъ.

Петруша захохоталъ, Александръ Иванычъ неловко засмѣялся.

Великолѣпные господа даже кушали съ необыкновеннымъ достоинствомъ и не пили, а какъ будто только вдыхали въ себя ароматы винъ и вели между собою разговоръ большею частью о предметахъ высокихъ и недоступныхъ для другихъ. Они рѣдко возвышали голосъ, рѣдко смѣялись. а большею частью только улыбались; каждое слово ихъ было разсчитано и взвѣшено, каждый взглядъ размѣренъ, каждое движеніе заучено... Ваня, Петруша, Коля, Гриша и проч., напротивъ, мало заботились о своемъ происхожденіи. Съ дѣтства ведя разгульную и публичную жизнь, они имѣли случай встрѣчаться съ людьми разныхъ сословій, сводили съ ними знакомства иногда по нуждѣ, иногда добровольно, подчасъ пили и гуляли съ ними вмѣстѣ и невольно и незамѣтно съ годами постерли свою гордость, этотъ внѣшній блескъ, этотъ ослѣпительный лакъ, который во всей чистотѣ сохранили великолѣпные господа, никогда не якшавшіеся съ людьми ниже себя, никогда не выходившіе ни на одинъ шагъ изъ своей великолѣпной среды и только смотрѣвшіе иногда изъ любопытства съ высоты на остальныхъ людей. Но и между потертыми жизнью Ванями, Петрушами, Колями и проч. нѣкоторые подчасъ были тревожимы воспоминаніями своего дѣтства и ранней молодости и при слишкомъ безцеремонномъ съ ними обращеніи простыхъ людей сжимались какъ листки цвѣтка *не тронь меня*. Ваня, Петруша, Коля и прочіе нисколько не стѣсняли себя за обѣдомъ: они шумѣли, кричали и болѣе нежели пили — какъ-то незамѣтно всасывали въ себя вино, будто вся внутренность ихъ не заключала въ себѣ ничего кромѣ губки. Одинъ изъ нихъ — господинъ съ умнымъ и открытымъ лицомъ, съ беззастѣнчивыми манерами и съ пронзительно звонкимъ голосомъ — въ половинѣ обѣда даже снялъ съ себя галстукъ, къ неудовольствію великолѣпныхъ господъ, которые искоса и иронически стали поглядывать на него. Веселый молодой человѣкъ не столько пилъ самъ, сколь-

ко заставлялъ пить Александра Иваныча, безпрестанно чокаясь съ нимъ и предлагая ему различные тосты. Петруша, корчившій русскаго ямщика, всталъ со стула и, обращаясь къ лучшему и благоуханнѣйшему цвѣтку великосвѣтскости, произнесъ, ударяя на букву *о:*

— Много лѣтъ здравствовать желаемъ вашему сіятельству... Что, отецъ, никогда къ намъ въ хату не заглянешь?. Не красна изба углами, но красна пирогами: есть щи да каша, чарка вина да ложка толокна.

И, выпивъ за его здоровье залпомъ стаканъ шампанскаго, онъ утеръ усы и бороду, то-есть пушокъ на усахъ и бородѣ, и нѣсколько иронически посмотрѣвъ на великолѣпнаго господина, поклонился ему въ поясъ.

— Аа!.. это ты? Merçi... заѣду... заѣду, — отвѣчалъ великолѣпный господинъ, насильственно улыбнувшись, сдѣлавъ привѣтливый знакъ рукою на воздухѣ — и въ ту же секунду обратясь къ своему сосѣду, тоже изъ великолѣпныхъ.

Тотъ, къ кому онъ обратился, говорилъ, вѣроятно, для приданія себѣ еще большей значительности, почти не разжимая губъ, очень пріятно спотыкался на буквѣ *т* и произносилъ ее потомъ съ особенною мягкостью.

— Это господа,—сказалъ онъ, намекая на Ваню, Петрушу и проч.,—ведутъ себя довольно странно... Не правда ли, странно?

Первый великолѣпный господинъ въ отвѣтъ на это замѣчаніе только съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Это ихъ испортило общество, — продолжалъ второй великолѣпный господинъ, — гдѣ они бываютъ, знакомство съ такими... съ этакими...

Второй великолѣпный господинъ говорилъ очень дурно по-русски, несмотря на то, что носилъ русскую фамилію, и часто затруднялся въ выборѣ выраженій.

... которые Богъ знаетъ откуда и что! — прибавилъ онъ наконецъ, — жаль, очень жаль!

— Правда, — возразилъ первый великолѣпный господинъ, — отъ общества все зависитъ... дурное общество кладетъ печать... Они у насъ, въ нашемъ обществѣ, скучаютъ, отвыкли, сдѣлались грубы, не могутъ весть разговоръ, не

понимаютъ этихъ тонкостей... les jouissances raffinées de l'esprit. Имъ только вино, буйная компанія... Да... жаль!

Къ концу обѣда Александръ Иванычъ значительно опьянѣлъ, по милости своего сосѣда, и сдѣлался смѣлѣе. Онъ велъ разговоръ отдѣльный съ господами, сидѣвшими около него; но это не удовлетворяло его самолюбія. Ему хотѣлось обратить на себя всеобщее вниманіе, заставить всѣхъ слушать себя, въ особенности великолѣпныхъ господъ, и онъ раза два пытался заговаривать во всеуслышаніе о какомъ-то серьезномъ предметѣ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, — но всякій разъ неудачно. Великолѣпные господа взглядывали на него и потомъ продолжали свой разговоръ, не обнаруживъ ни малѣйшаго участія къ рѣчи его, а веселый молодой человѣкъ прерывалъ попытки эти разными замѣчаніями, въ родѣ слѣдующихъ:

— Ну полно, довольно философствовать: это скучно. Выпей-ка лучше вотъ съ нимъ на ты,—и онъ указывалъ на Колю или на Ваню..—Вотъ такъ... ну теперь три раза поцѣлуйтесь... поклонитесь другъ другу и скажите ваши имена. Въ стаканѣ не оставлять ничего, выпить все до капли... вотъ такъ... Молодецъ!.. только тебя, душенька, надо держать въ рукахъ, смотрѣть за тобой... ты большой плутъ!

Когда между великолѣпными зашелъ разговоръ о желѣзныхъ дорогахъ и о новой частной компаніи на сооруженіе какой-то дороги, Александръ Иванычъ придрался къ этому и началъ, зажмуривая глазки:

— Нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ открытій и изобрѣтеній. Благодаря наукѣ, раскрывшей предъ человѣкомъ неисчерпаемыя сокровища природы съ отеческою, такъ сказать, попечительностью, умъ человѣческій теряется въ выборѣ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія непрестанно возрастающихъ человѣческихъ потребностей... Еще Тацитъ — этотъ, можно сказать, историкъ изъ историковъ — сказалъ, что человѣкъ — homo...

Великолѣпные господа переглянулись другъ съ другомъ, какъ бы спрашивая: это что такое? къ чему это? А одинъ изъ нихъ замѣтилъ другому:

— Кажется, этотъ старикъ лишнее выпилъ.

Петруша закричалъ:

— Браво!.. По-латыни! — ай да шалунъ!

Веселый молодой человѣкъ произнесъ:

— Полно, душенька, заниматься этими глупостями... Къ чему тутъ Тацитъ?..

И новая попытка Александра Иваныча заглушена была общимъ говоромъ и шумомъ.

Послѣ обѣда нѣкоторые изъ великолѣпныхъ господъ уѣхали, другіе сѣли играть въ карты по большой съ господиномъ съ неуловимыми глазками.

А Ваня, Петруша, Коля и проч. послѣ ликера снова занялись шампанскимъ и, окруживъ опьянѣвшаго Александра Иваныча, забавлялись на его счетъ... Графъ былъ въ числѣ ихъ.

— Ну, выпей еще за здоровье графа! — кричалъ Петруша, подавая Александру Иванычу полный стаканъ.

— За здоровье графа всегда готовъ, — произнесъ Александръ Иванычъ трогательнымъ голосомъ и взялъ стаканъ.

— Графъ, — началъ онъ со стаканомъ въ рукѣ, — склоните слухъ вашъ къ словамъ, исходящимъ изъ глубины сердца...

Но видно въ этотъ вечеръ Александру Иванычу не суждено было произносить рѣчей: едва только онъ началъ, какъ графскій камердинеръ перебилъ его, доложивъ графу, что въ третій разъ приходитъ какой-то человѣкъ, что швейцаръ ему уже отказывалъ два раза и что онъ не отходитъ отъ подъѣзда, говоря, что ему очень нужно видѣть графа

— Что это такое? кто бы это могъ быть? что ему нужно? — проговорилъ графъ, наморщась, и потомъ прибавилъ: — ну, позовите его въ пріемную.

— Склоните слухъ вашъ, — продолжалъ Александръ Иванычъ, не замѣчая, что графъ вышелъ.

— Ты самъ-то, кажется, начинаешь склоняться, — перебилъ веселый молодой человѣкъ, усаживая Александра Иваныча на диванъ.

Александръ Иванычъ молча повиновался и, опустившись на диванъ, тотчасъ задремалъ подъ оглушительные звуки раздавшагося пѣнія. Молодые люди хоромъ затянули:

Вниз по матушкѣ по Волгѣ...

Выйдя въ пріемную, графъ увидѣлъ передъ собою человѣка странной наружности, съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ коротко подстриженными волосами, въ высокомъ галстукѣ, совершенно подпиравшемъ его подбородокъ, и во фракѣ покроя временъ чуть не екатерининскихъ, съ огромными пуфами на рукавахъ.

Графъ подозрительно измѣрилъ его съ ногъ до головы и спросилъ:

— Вы ко мнѣ? Что вамъ угодно?

Рябоватый человѣкъ какъ-то неловко задергался при этомъ вопросѣ и произнесъ:

— Извините-съ, ваше сіятельство, я бы не безпокоилъ васъ... но дѣло очень важное-съ; если бы я зналъ, тогда бы я не безпокоилъ васъ... но... ваше сіятельство, не изволили меня узнать-съ...

Графъ еще разъ при этихъ словахъ посмотрѣлъ ему въ лицо и въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ немъ какъ будто что-то знакомое; но гдѣ и когда онъ видѣлъ этого человѣка, графъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета.

— Я имѣлъ честь видѣть васъ, ваше сіятельство, — продолжалъ рябоватый господинъ, — въ домѣ Вѣры Ивановны, матушки Катерины Павловны-съ...

Едва замѣтное непріятное движеніе обнаружилось въ лицѣ графа при этихъ словахъ.

— Ахъ, извините меня, — сказалъ онъ, — я васъ совсѣмъ не узналъ...

Графъ протянулъ ему руку.

— Я очень радъ... пожалуйте сюда.

И графъ ввелъ его въ ближайшую комнату, гдѣ никого не было.

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, — сказалъ онъ, придвигая къ нему кресла.

— Ничего-съ, я только на минутку-съ... покорно васъ благодарю.

Но графъ почти насильно посадилъ его и сѣлъ противъ него.

— Вы недавно пріѣхали сюда? — спросилъ онъ.

— Ваше сіятельство, — отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ дрожащимъ голосомъ, — простите меня, что я потревожилъ васъ... я только еще нѣсколько часовъ, какъ пріѣхалъ сюда-съ... вотъ видите ли, ваше сіятельство, пріѣхалъ я по весьма нужному дѣлу-съ... мнѣ, ваше сіятельство, очень нужно видѣть Катерину Павловну... я здѣсь никого не знаю .. я первый разъ... я не зналъ-съ, у кого бы справиться, гдѣ она живетъ-съ и здѣсь ли она... поэтому я осмѣлился притти къ вашему сіятельству... можетъ быть вы...

Графъ вертѣлъ ключикъ отъ часовъ въ нѣкоторомъ волненіи.

— Вы желаете знать ея адресъ? — сказалъ онъ, когда Захаръ Лаврентьичъ замолчалъ. — Я могу исполнить ваше желаніе.

И графъ тотчасъ же написалъ его и подалъ Захару Лаврентьичу.

И Захаръ Лаврентьичъ поднялся съ своихъ кресель.

Но графъ снова усадилъ его съ большою любезностью.

— Куда же вы? такъ скоро?.. Извините меня, — продолжалъ графъ, немного помолчавъ, — мнѣ бы хотѣлось знать. я принимаю большое участіе въ Катеринѣ Павловнѣ .. если только это не секретъ... не случилось ли чего-нибудь?

— Ихняя матушка-съ... она съ тѣхъ поръ, какъ... она все, знаете, хирѣла и хирѣла, а вотъ послѣднее время ей сдѣлалось хуже-съ: ужъ. кажется, она не жилица на этомъ свѣтѣ-съ. Она бы хотѣла проститься съ Катериною Павловною, свидѣться съ ней въ послѣдній разъ... вотъ за этимъ... вотъ поэтому мнѣ и нужно видѣть Катерину Павловну...

И Захаръ Лаврентьичъ снова поднялся съ креселъ и снова началъ извиняться передъ графомъ.

— Но что вы такъ спѣшите? Я очень радъ васъ видѣть, — сказалъ графъ, — мнѣ очень пріятно принимать у себя моего деревенскаго сосѣда. Вы у меня найдете вашего знакомаго — Александра Иваныча.

Захаръ Лаврентьичъ весь какъ-то странно съежился при этой любезности.

— Нѣтъ-съ, ваше сіятельство, позвольте-съ... нѣтъ, ужъ я лучше пойду-съ; я очень чувствую ваше вниманіе-съ, но мнѣ, знаете, поскорѣй нужно видѣть Катерину Павловну-съ, потому что-съ... нѣтъ-съ ужъ, покорно васъ благодарю-съ.

— И полноте! я васъ не задержу. Прикажете чаю?

И не дождавшись его отвѣта, онъ позвонилъ.

— Велите подать намъ чаю.

И съ этими словами графъ взялъ за руку Захара Лаврентьича, несмотря на его сопротивленіе и корчи, и ввелъ въ комнаты, гдѣ пировали пріятели.

Въ это время пѣніе уже кончилось. Гриша и Коля лежали на диванахъ, слушая забавные разсказы господина, оглушительный голосъ котораго раздавался далеко, смѣшиваемый съ громкимъ добродушнымъ хохотомъ, и потягивали отъ времени до времени изъ своихъ стакановъ; веселый молодой человѣкъ щекоталъ подъ носомъ у спящаго Александра Иваныча, а Петруша и Ваня, безъ сюртуковъ, посрединѣ комнаты, съ засученными рукавами рубашки, пробовали свою силу и показывали различные tour de force.

Когда графъ вошелъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, всѣ глаза вдругъ съ удивленіемъ устремились на послѣдняго. Ваня поставилъ на полъ стулъ, который онъ держалъ за одну ножку, и вставилъ въ глазъ стекло, измѣряя страннаго незнакомца съ ногъ до головы; Петруша взглянулъ на него и, обратясь къ своимъ пріятелямъ, сдѣлалъ очень смѣшную гримасу; Гриша и Коля приподняли головы съ дивановъ, посмотрѣли на вошедшаго и потомъ вопросительно переглянулись другъ съ другомъ; только одинъ господинъ съ оглушительнымъ голосомъ не обнаружилъ удивленія и

не дѣлалъ гримасъ, и только онъ одинъ потомъ заговорилъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ безъ всякой ироніи. безъ всякой задней мысли, ибо изъ всѣхъ этихъ господъ, можетъ быть, онъ одинъ понималъ, что подъ странною наружностью, подъ старомоднымъ платьемъ и подъ дикими манерами можетъ скрываться *человѣкъ*.

— Это мой сосѣдъ по деревнѣ,—сказалъ графъ, представляя Захара Лаврентьича своимъ пріятелямъ.

Захаръ Лаврентьичъ въ смущеніи началъ кланяться; но въ отвѣтъ на его поклоны эти господа едва пошевельнули своими головами.

Въ эту минуту Александръ Иванычъ вздрогнулъ, почесалъ затылокъ и открылъ глаза. Веселый молодой человѣкъ отскочилъ отъ него. Александръ Иванычъ, моргая, началъ озираться кругомъ.

— Знакомые... не правда ли?—сказалъ графъ, подведя Захара Лаврентьича къ Александру Иванычу.

Александръ Иванычъ еще не совсѣмъ очнулся и продолжалъ протирать глаза. Когда онъ уже былъ въ состояніи различать предметы, онъ вытянулъ вдругъ физіономію при видѣ стоявшаго передъ нимъ Захара Лаврентьича и вытаращилъ на него свои изумленные глазки.

— Ба! ба! ба!—воскликнулъ онъ, протягивая ему, однако не безъ гордости, свою руку.—Кого я вижу? Ужъ не продолженіе ли это моего сна? Какими судьбами? Что, батюшка, соскучился видно въ своемъ захолустьѣ-то: захотѣлось посмотрѣть на Божій свѣтъ, попользоваться столичными удовольствіями? Дѣло, дѣло...

И Александръ Иванычъ, произнеся это тономъ покровительства, посмотрѣлъ на молодыхъ людей, какъ будто хотѣлъ сказать: «я вѣдь, господа, ничего общаго не имѣю съ этимъ чудакомъ... я дѣлаю ему честь, удостоивая говорить съ нимъ».

— Нѣтъ-съ, я такъ, не надолго: кое-какія дѣлишки-съ,—отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ, переминаясь.

— Гм! ну, а когда пріѣхалъ?—спросилъ Александръ Иванычъ, поводя съ достоинствомъ своей головой.

— Сегодня утромъ только-съ.

— Гм!

Затѣмъ Александръ Иванычъ, боясь уронить свое достоинство передъ молодыми людьми, продолжая дальнѣйшій разговоръ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, обратился къ Петрушѣ, который наливалъ себѣ въ стаканъ вино, и закричалъ ему:

— Ну, князь, налей-ка и мнѣ стаканчикъ. Послѣ сна это освѣжаетъ.

И взглянулъ на Захара Лаврентьича, желая дать ему замѣтить свое фамильярное обращеніе съ князьями.

Веселый молодой человѣкъ обошелъ кругомъ Захара Лаврентьича, внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и потомъ подошелъ къ Александру Иванычу.

— Мнѣ этотъ господинъ очень нравится, — сказалъ онъ вполголоса. — Онъ долженъ быть тоже изъ нашихъ... шалунъ. Правда?

Александра Иваныча нѣсколько покоробило при словѣ изъ нашихъ, и онъ отвѣчалъ:

— Это деревенщина, это...

И онъ махнулъ рукой съ такой гримасой, какъ будто на языкъ его попало что-нибудь кислое.

— Нѣтъ, право, онъ мнѣ нравится, — продолжалъ веселый молодой человѣкъ, — онъ долженъ быть милый малый; съ нимъ можно пріятно провести время. Познакомь меня съ нимъ. Я хочу съ нимъ сойтись.

— Чтó за мысль! — возразилъ Александръ Иванычъ, не совсѣмъ понявъ шуточного тона веселаго молодого человѣка, который, впрочемъ, имѣлъ талантъ всегда говорить такъ, что съ перваго раза не легко было понять, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно, — что тебѣ съ нимъ дѣлать? Это скучнѣйшее существо! съ нимъ и говорить не о чемъ. Онъ ничего не понимаетъ...

— Ну, за чтó ты на него нападаешь? — перебилъ веселый молодой человѣкъ, — нѣтъ, право, онъ милый. Пожалуйста, сведи насъ.

— Пожалуй, если тебѣ хочется...

— Только сейчасъ же.

Александръ Иванычъ приподнялся съ дивана и вмѣстѣ съ веселымъ молодымъ человѣкомъ подошелъ къ Захару Лаврентьичу.

Захаръ Лаврентьичъ сидѣлъ въ сторонѣ, изрѣдка повертывая голову то направо, то налѣво, посматривая на графа, привставая на стулѣ и опять опускаясь, какъ человѣкъ, чувствующій себя очень неловко и не знающiи, что ему дѣлать: итти или оставаться, сидѣть или стоять.

— Вотъ, любезный Захаръ Лаврентьичъ, — произнесъ Александръ Иванычъ, подведя къ нему веселаго молодого человѣка, — съ вами желаетъ познакомиться графъ Владиміръ Петровичъ Красногорскій.

Захаръ Лаврентьичъ, какъ будто испуганный чѣмъ-то, вскочилъ съ своего стула передъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, зашевелилъ губами, началъ потирать руки и вообще обнаружилъ несказанное волненіе и безпокойство.

Веселый молодой человѣкъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Вы понравились мнѣ съ перваго раза, и потому я желалъ быть вамъ представленнымъ и просилъ объ этомъ моего друга... — и онъ указалъ на Александра Иваныча. — Мы съ нимъ познакомились недавно, но такъ сошлись, что не можемъ существовать одинъ безъ другого.

Захаръ Лаврентьичъ улыбался и кланялся.

— Я и съ вами, — продолжалъ веселый молодой человѣкъ, — желалъ бы такъ же коротко сойтись, какъ съ нимъ. Вамъ, я думаю, скучно здѣсь. Вы ни съ кѣмъ не знакомы? Хотите быть тоже моимъ другомъ?

Чѣмъ любезнѣе становился веселый молодой человѣкъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, тѣмъ Захару Лаврентьичу становилось отъ этого тяжелѣе.

Но этотъ неожиданный вопросъ привелъ его въ совершенное замѣшательство. Онъ вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Какъ-съ? что́ вы изволите говорить?

— Хотите ли вы быть моимъ другомъ? — повторилъ веселый молодой человѣкъ.

— Мнѣ-съ?.. вашимъ другомъ? — возразилъ Захаръ Лав-

рентьичъ, — покорно васъ благодарю-съ... да какъ же это... я васъ первый разъ вижу, это никакъ нельзя-съ... я васъ совсѣмъ не знаю... Вы изволите вѣрно шутить.

Веселый молодой человѣкъ засмѣялся.

— Нисколько! — Прежде всего мы должны выпить на *ты*.

Захаръ Лаврентьичъ заморгалъ глазами и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на веселаго молодого человѣка. Веселый молодой человѣкъ налилъ два стакана вина и одинъ изъ нихъ поднесъ Захару Лаврентьичу. Захаръ Лаврентьичъ взялъ стаканъ, поблагодарилъ и поднесъ его къ губамъ.

— Нѣтъ, позвольте, — сказалъ веселый молодой человѣкъ, — такъ просто нельзя: это дѣлается вотъ какъ... Надобно скрестить руки и въ одно время выпить залпомъ... вотъ такъ... допивайте все... ну, прекрасно! теперь поцѣлуемся.

— Первый шагъ къ дружбѣ сдѣланъ! — закричалъ молодой человѣкъ, — а къ концу вечера эта дружба будетъ, надѣюсь, закрѣплена неразрывными узами... Господа! — продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ и указывая на Захара Лаврентьича, — я пріобрѣлъ себѣ еще новагс друга. Съ этой минуты мы будемъ съ нимъ неразлучны.

При этихъ словахъ нѣкоторые какъ-то странно улыбнулись, а другіе просто засмѣялись, и въ томъ числѣ Александръ Иванычъ, и всѣ въ одно время посмотрѣли на Захара Лаврентьича, который начиналъ догадываться, что веселый молодой человѣкъ хочетъ забавлять всю компанію на его счетъ.

Онъ два раза покушался уйти, потому что ему становилось все тяжелѣе и душнѣе въ этой атмосферѣ; но веселый молодой человѣкъ слѣдилъ за нимъ и не пускалъ его. До слуха Захара Лаврентьича доходили странныя рѣчи и восклицанія; вино лилось, и молодые люди съ каждой минутой становились беззастѣнчивѣе.

Петруша подошелъ къ веселому молодому человѣку и, указывая на Захара Лаврентьича, шепнулъ:

— Надо бы напоить его, чтобы онъ былъ забавнѣе.

Веселый молодой человѣкъ кивнулъ головою въ знакъ

совершеннаго одобренія этой мысли и черезъ минуту поднесъ Захару Лаврентьичу еще стаканъ. Захаръ Лаврентьичъ началъ отказываться, извиняться, увѣрять, что онъ совсѣмъ не пьетъ, но Петруша и веселый молодой человѣкъ стали увѣрять его, что отказаться нельзя и невѣжливо. Захаръ Лаврентьичъ выпилъ. Третій стаканъ онъ долженъ былъ выпить за ихъ здоровье, и такъ далѣе.

Голова его начала кружиться; всѣ предметы передъ глазами его подернулись точно дымкою; мысли его становились неопредѣленнѣе; сердце билось неровно и безпокойно, какъ будто въ болѣзненномъ снѣ; отяжелѣвшія вѣки опускались и приподнимались съ усиліемъ; въ ушахъ его раздавался глухой шумъ и гулъ. Онъ чувствовалъ мучительную, непреодолимую тоскливость; ему казалось, что всѣ эти молодые люди столпились около него, окружили его и что онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, что всѣ глаза устремлены на него, что со всѣхъ сторонъ сыплются на него насмѣшки, что его превратили въ шута и что вокругъ него раздается смѣхъ, заглушаемый громкимъ, оскорбительнымъ хохотомъ Александра Иваныча, который говоритъ:

— Ну, теперь онъ совершенно никуда не годится. Его можно приказать человѣку вынести вонъ.

И смѣхъ усилился при этихъ словахъ. Вѣки Захара Лаврентьича опустились, и онъ уже не въ силахъ былъ приподнять ихъ; глуше становились голоса; онъ не различалъ словъ, голова его упала на грудь, руки опустились безъ движенія, и только по временамъ онъ еще вздрагивалъ, когда изъ однообразнаго гула нѣсколькихъ голосовъ вдругъ вырывались восклицанія или громкая пѣсня...

Нѣсколько минутъ, полураскрывъ глаза, не отдавалъ онъ себѣ отчета, гдѣ онъ и что съ нимъ; наконецъ, сознаніе мало-по-малу начало возвращаться къ нему; предметы начинали выясняться передъ нимъ; ему показалось, что въ глубинѣ, на диванѣ, сидитъ какая-то дама съ пушистыми бѣлокурыми волосами, съ полуоткрытою грудью, нарядная и прекрасная, окруженная толпою этой молодежи; что графъ нѣж-

но наклоняется къ ней, а она, смотря на него своими влажными глазами, говоритъ ему:

— Я не буду вѣрить, Serge, ни словамъ твоимъ, ни твоимъ ласкамъ; ничему, ничему, покуда *она* будетъ здѣсь, въ Петербургѣ. *Она* или *я* — это надобно, наконецъ, рѣшить.

И нарядная дама энергически топаетъ ножкой объ полъ и хмуритъ брови.

— Опять глупая ревность!—возражаетъ, улыбаясь, графъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—кричитъ хоръ молодежи,—ну, что тебѣ за охота... тебѣ бы давно было пора развязаться съ этой барышней и отправить ее въ деревню къ ея матери или къ отцу... кто у нея тамъ есть.

— Да вотъ Александръ Иванычъ возьметъ ее съ собою, когда поѣдетъ, — восклицаетъ веселый молодой человѣкъ.

— Пожалуй, я не прочь, — отвѣчаетъ Александръ Иванычъ съ обычною ему важностью, — съ хорошенькой женщиной путешествовать всегда пріятно.

— Serge, ты оставишь ее? дай мнѣ слово, — продолжаетъ дама съ пушистыми бѣлокурыми волосами.

— Хорошо, хорошо, — говоритъ графъ.

— Твою руку?

— Вотъ она.

И графъ протягиваетъ ей руку.

— Господа, вы всѣ свидѣтели, — замѣчаетъ дама съ пушистыми волосами, обращаясь къ молодежи.

Въ эту минуту Захаръ Лаврентьичъ невольно вскочилъ со стула. Веселый молодой человѣкъ первый замѣтилъ это движеніе и бросился къ нему:

— А-а! проснулся? — закричалъ онъ. — Прекрасно! теперь мы можемъ еще выпить... а потомъ...

Веселый молодой человѣкъ наклонился къ уху Захара Лаврентьича и что-то шепнулъ ему.

Захаръ Лаврентьичъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Бога ради, я васъ прошу, оставьте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно! — возразилъ молодой человѣкъ. — Ахъ, кстати: тебя надобно представить этой дамѣ. Ты вѣдь незнакомъ съ нею?

И веселый молодой человѣкъ, несмотря на сопротивленіе Захара Лаврентьича, подвелъ его къ Лидіи Александровнѣ.

— Имѣю честь вамъ представить моего друга, — сказалъ онъ. — онъ выпилъ лишнее, заснулъ и не видалъ, какъ вы вошли. Онъ такой же шалунъ, какъ и я.

Лидія Александровна осмотрѣла не безъ любопытства и очень внимательно съ ногъ до головы Захара Лаврентьича, какъ-будто какую неодушевленную вещь, улыбнулась недвусмысленно и гордо кивнула головкой на его неловкій поклонъ

На бѣдномъ Захарѣ Лаврентьичѣ не было лица. Графъ замѣтилъ это и отозвалъ въ сторону веселаго молодого человѣка.

Освобожденный Захаръ Лаврентьичъ прокрался тихонько до передней и, очутившись на улицѣ, пустился опрометью бѣжать по тротуару, какъ-будто кто-нибудь еще преслѣдовалъ его... Ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего отличить; мокрый снѣгъ падалъ крупными хлопьями. Пробѣжавъ нѣсколько времени, Захаръ Лаврентьичъ, утомленный, остановился и осмотрѣлся кругомъ, какъ будто боясь, не скрывается ли кто-нибудь въ этомъ мракѣ, и какъ будто спрашивая самого себя: сонъ или дѣйствительность все видѣнное и слышанное имъ?

Но это былъ не сонъ: это была дѣйствительность, и въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ комнаты, Александръ Иванычъ, ставъ на колѣни передъ Лидіей Александровной, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, произнесъ:

— Я любуюсь вами, какъ артистъ любуется идеаломъ красоты и граціи, внезапно явившейся передъ нимъ. Вы прекраснѣе Венеры, вышедшей изъ волнъ морскихъ. Обладать такой женщиной, какъ вы, есть величайшее блаженство; и будь я помоложе — говорю вамъ, кладя руку на сердце — не было бы жертвы, которой бы я не принесъ для васъ.

— Браво, браво! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, господа, — отвѣчалъ Александръ Иванычъ съ торжественностью, — это такъ! не было бы жертвы, которую бы я не въ состояніи былъ принести для такой женщины. —

Затѣмъ, обратясь къ графу и указывая на Лидію Александровну, онъ прибавилъ: — взгляните, вѣдь это чисто рафаэлевская головка!.. Позвольте прикоснуться къ этой ножкѣ, — продолжалъ онъ, съ сладкимъ выраженіемъ смотря на Лидію Александровну, — къ ножкѣ, которая должна служить образцомъ для скульптуры.

ГЛАВА VII.

На слѣдующее утро Захаръ Лаврентьичъ проснулся еще гораздо до разсвѣта. Никогда сонъ его не былъ такъ тревоженъ и тяжелъ, какъ въ эту ночь. Ему снилась блѣдная какъ смерть Катя, съ распущенными волосами, съ страннымъ, полупомѣшаннымъ взглядомъ, въ отчаяніи бросающаяся къ графу, который смотритъ на нее съ равнодушно-насмѣшливымъ и горькимъ взглядомъ, отталкиваетъ ее отъ себя и говоритъ ей: «Чего ты хочешь отъ меня? Ты вообразила, деревенская дурочка, что я въ самомъ дѣлѣ люблю тебя? Я никого никогда не любилъ: я не могу любить... У меня нѣтъ сердца... Внутри у меня — пустота».

Катя при этихъ словахъ пошатнулась и мертвая упала у ногъ графа, а Захаръ Лаврентьичъ хотѣлъ броситься къ нему... но вдругъ вмѣсто графа .. предъ нимъ нарядная дама съ бѣлокурыми пушистыми волосами... Она присѣдаетъ ему и хохочетъ. И въ то же время со всѣхъ сторонъ окружаютъ его пріятели графа — вся эта вѣчно шумная и вѣчно веселая молодежь, которая считаетъ Захара Лаврентьича шутомъ, открыто и нагло смѣется надъ нимъ, не желая, впрочемъ, нисколько оскорблять его, а такъ, для препровожденія времени и для собственной забавы.

Но вотъ вся эта шумная ватага исчезаетъ; остается одна Катя, мертвая, на полу, а передъ нею графъ съ равнодушно-насмѣшливымъ взглядомъ... «Гдѣ она? гдѣ она?» раздается крикъ, раздирающій душу, и Вѣра Ивановна съ воплемъ бросается къ дочери. Она еще не вѣритъ, что Катя умерла; она смотритъ на нее, и горячія слезы ея падаютъ на холод-

ный трупъ. Она толкаетъ Катю, она хочетъ разбудить ее, хочетъ согрѣть ее своимъ дыханіемъ, она говоритъ ей: «Катя, моя бѣдная Катя! проснись, взгляни на меня... Я никогда не переставала любить тебя; я, какъ всегда, молилась за тебя, какъ всегда, благословляла тебя. Дай мнѣ благословить тебя...» Но всѣ усилія несчастной матери напрасны... Катя холодна и недвижна... Нѣсколько минутъ, скрестивъ руки, безмолвная и помертвѣлая, старуха стоитъ на колѣняхъ передъ трупомъ и вдругъ, какъ бы въ припадкѣ нестерпимой муки, съ судорожными движеніями обращается къ графу:

— Гдѣ моя Катя?—спрашиваетъ она голосомъ, отъ звука котораго смертельный холодъ пробѣгаетъ по членамъ Захара Лаврентьича,—отдай мнѣ мою Катю, отдай мнѣ мою жизнь... Если бы ты могъ знать, что́ я вытерпѣла это время... но Богъ съ тобой! я не проклинаю и не могу проклинать тебя, потому что тебя любила моя Катя!

И отъ звуковъ этого голоса Захаръ Лаврентьичъ просыпается...

Занимается утро. Блѣдный, слабый разсвѣтъ, болѣе похожій на сумерки, печально проникаетъ въ его комнатку и борется со свѣчей, догорающей на его столѣ. Небо все покрыто сплошною массою сѣрыхъ облаковъ. Накрапываетъ дождикъ пополамъ съ снѣгомъ; грязные ухабы на улицахъ задергиваются на мгновеніе бѣлыми пушинками; дымъ изъ трубъ стелется книзу... Сонная улица мало-по-малу просыпается... Мелочная лавка уже открыта; нарумяненная охтенка показывается на тротуарѣ и останавливается передъ лавочкой: водовозъ переходитъ черезъ улицу по колѣно въ грязи, согбенный подъ своею тяжестью; чиновникъ въ шинели пробирается въ свои департаментъ... Давятъ Захара Лаврентьича эти каменныя грязныя стѣны, и думаетъ онъ, какъ бы поскорѣй вырваться ему изъ нихъ на просторъ родимыхъ полей...

Время тянется для него мучительно долго. Онъ безпрестанно посматриваетъ на часы съ безпокойствомъ. Нетерпѣніе видѣть Катю борется въ немъ съ какою-то безсознатель-

ною боязнью... Наконецъ онъ выходитъ изъ дому; онъ садится на извозчика и торопитъ его... Вотъ и домъ, гдѣ живетъ она!.. У него замираетъ сердце; онъ вынимаетъ деньги, чтобы расплатиться съ извозчикомъ, и рука его такъ дрожитъ, какъ будто его бьетъ лихорадка. Онъ ужъ у двери ея: но онъ долго стоитъ неподвижный, не рѣшаясь прикоснуться къ ручкѣ звонка... Вотъ, наконецъ, онъ дотрогивается до него... звонокъ раздается... Захаръ Лаврентьичъ вздрагиваетъ; ему дѣлается такъ страшно, что онъ готовъ бы бѣжать куда-нибудь и скрыться; но уже поздно.

— Кого вамъ? — спросила горничная, подозрительно осматривая его.

— Катерина Павловна дома? — произнесъ Захаръ Лаврентьичъ робкимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Да вы отъ кого?

И горничная продолжала смотрѣть на него подозрительно.

— Скажите-съ, что старый знакомый Катерины Павловны желаетъ ее видѣть-съ: такъ и скажите; мнѣ очень нужно ихъ видѣть.

Горничная ввела Захара Лаврентьича въ залу и, еще разъ взглянувъ на него такъ, какъ будто она боялась, чтобы онъ не укралъ чего-нибудь, пошла докладывать своей госпожѣ.

При малѣйшемъ шорохѣ у Захара Лаврентьича захватывало духъ... Онъ стоялъ не шевелясь, неподвижно устремивъ глаза на полурастворенную дверь, въ которую вышла горничная.

— Кто же это? онъ не сказалъ своего имени? — раздался голосъ за дверьми.

— Это ея голосъ! — прошепталъ онъ, блѣднѣя.

Дверь тихо отворилась, и въ дверяхъ появилась женщина худая и блѣдная...

Захаръ Лаврентьичъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ при взглядѣ на нее. Изъ груди его вырвался крикъ:

— Катерина Павловна!

И онъ бросился къ ней.

Въ ту же самую минуту Катя, увидѣвъ его передъ собою, также вскрикнула и ухватилась рукою за дверь.

Онъ подошелъ къ ней... Она тяжело вздохнула, потомъ начала смотрѣть на него, какъ бы не вѣря глазамъ своимъ...

— Это вы, другъ мой!.. это точно вы?..—произнесла она и, рыдая, бросилась на грудь къ Захару Лаврентьичу.

Захаръ Лаврентьичъ не могъ произнести ни одного слова. и только какіе-то неясные звуки вырывались изъ стѣсненной груди его.

Когда Катя подняла свою голову и еще разъ взглянула на него, изъ глазъ его закапали слезы на ея лицо...

— Вы не забыли меня? вы не оставили меня?—сказала она, протягивая ему руку.

— Я... я...—началъ Захаръ Лаврентьичъ; но слезы задушали его, и онъ ничего не могъ сказать. Онъ только крѣпко сжалъ ея руку.

Катя сѣла и посадила его возлѣ себя; но они долго не въ состояніи были произнести ни одного слова. Отъ времени до времени они только взглядывали другъ на друга, и тишина въ комнатѣ нарушалась ихъ внутреннимъ воплемъ. который они не въ состояніи были сдержать и который вырывался наружу глухими всхлипываніями.

— Богъ наградитъ васъ за то, что вы не покинули меня!—произнесла наконецъ Катя, задыхаясь, и снова зарыдала, прижимая руку къ груди, какъ бы усиливаясь сдержать ея волненіе.

— О, какъ я счастлива, что вижу васъ! Если бы вы знали, какъ я счастлива!—продолжала она черезъ нѣсколько минутъ, взявъ его за руку, крѣпко сжимая ее и смотря на него такъ, какъ будто отъ него она ожидала своего приговора, какъ будто на устахъ его была ея жизнь или смерть. Нѣсколько разъ она порывалась спросить у него о матери; но это имя замирало на ея языкѣ... Захаръ Лаврентьичъ не рѣшался также заговорить съ ней о Вѣрѣ Ивановнѣ, потому что не зналъ, какъ начать. Онъ смотрѣлъ на исхудалое, блѣдное лицо Кати, на которомъ рѣзко отпечатлѣвались всѣ ея сомнѣнія, тревоги и страданія, и сердце его обливалось

кровью. И нѣсколько мѣсяцевъ такъ страшно измѣнили ее!.. Это была уже не прежняя Катя, полная жизни и молодости, нѣсколько мечтательная и задумчивая деревенская барышня, передъ которой еще было много впереди таинственнаго и привлекательнаго: это была женщина съ разбитыми надеждами и мечтами, для которой уже не существовало будущаго...

«Что́ станется съ бѣдной Вѣрой Ивановной, если она увидитъ ее?» подумалъ Захаръ Лаврентьичъ, замирая отъ страха при одной этой мысли.

— Другъ мой... другъ мой! — повторяла Катя, продолжая смотрѣть на него съ боязливымъ ожиданіемъ, — я все еще не вѣрю своему счастью... Я думала, что не увижу васъ болѣе!

— Отчего же-съ? — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ голосомъ мягкимъ и полнымъ безпредѣльнаго участія, исходившимъ изъ глубины благороднаго, нѣжно любящаго сердца, — повѣрьте, Катерина Павловна-съ, что ужъ никто не можетъ... и никто, никто такъ не любитъ васъ, какъ ваша матушка и я-съ.....

— Моя матушка? — произнесла Катя, дрожа и замирая при этомъ словѣ, — у меня нѣтъ матери! Я убила ее!.. Она не захочетъ видѣть меня... Моя матушка, моя бѣдная матушка! Но что̀ съ нею? скажите мнѣ, что́ съ нею?.. Говорите мнѣ все, не щадите меня: я не стою пощады... О! если бы она позволила мнѣ одинъ разъ, только одинъ разъ взглянуть на нее, упасть къ ногамъ ея, если бы она сказала только, что не проклинаетъ меня, если бы она позволила мнѣ умереть у ногъ ея... Господи!... если бы вы знали, что дѣлается внутри меня... Мой поступокъ ужасенъ, но я наказана; вы видите, какъ я наказана...

Это были уже не слова, а раздирающіе вопли невыносимыхъ внутреннихъ страданій. Онъ не выдержалъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ вслухъ...

— Успокойтесь, Бога ради, успокойтесь, — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ. — Вы знаете вашу матушку, знаете, что вѣдь она души въ васъ не слышитъ... Она все забыла, она все простила вамъ... Правда, ей было тяжело; на первыхъ-то

порахъ она, можетъ, и упрекала васъ, но потомъ... потомъ, Катерина Павловна, она ни разу не упрекнула васъ и не жаловалась... нѣтъ-съ! я былъ при ней неотлучно; только ей было горько одно, что вы совсѣмъ забыли ее, что вы ее такъ вовсе покинули-съ, что вы во все время не написали къ ней ни одной строчки. «Вотъ видишь, Захаръ Лаврентьичъ, что мучитъ-то меня, — говорила она мнѣ, — она, говоритъ, совсѣмъ забыла о томъ, что я существую на свѣтѣ... Вотъ, говоритъ, что тяжело мнѣ, голубчикъ. Ужъ, говоритъ, коли такая ей судьба, Богъ съ ней!.. Но только бы какую-нибудь мнѣ вѣсточку получить отъ нея; я бы больше ничего не хотѣла... Вѣдь я, говоритъ, денно и нощно молюсь о ней...»

— Она молилась за меня? — вскричала Катя въ изступленіи, — молилась! Такъ она не проклинала меня, нѣтъ?.. говорите!..

Глаза у Кати дико сверкнули и устремились на одну точку. Она вскочила со стула и, простирая руки въ пустоту, какъ будто передъ нею было какое-нибудь видѣніе:

— Матушка! моя бѣдная матушка... — произнесла она задыхающимся голосомъ, — я не стою твоего прощенія, не стою твоей любви, я не стою твоихъ молитвъ... Господь не услышитъ твоихъ молитвъ, ты молишься за недостойную!..

И, схвативъ себя за грудь, она пошатнулась, съ закатившимися глазами.

Захаръ Лаврентьичъ бросился къ ней, поддержалъ ее и перенесъ на диванъ. Бѣдный Захаръ Лаврентьичъ былъ блѣденъ какъ смерть и самъ едва держался на ногахъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: хотѣлъ звать горничную, бѣжать за докторомъ, искалъ воды; онъ совершенно растерялся и бѣгалъ по комнатѣ, въ отчаяніи ломая руки.

Но черезъ нѣсколько минутъ Катя открыла глаза, провела рукой по лицу, осмотрѣлась кругомъ и, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ ней, показала ему на небольшой образокъ, стоявшій въ кивотѣ, и просила его принести.

Когда Захаръ Лаврентьичъ исполнилъ ея желанie, она взяла образокъ изъ рукъ его и сказала ему слабымъ и дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ этимъ образомъ она благословила меня въ дѣтствѣ... Для меня нѣтъ ничего дороже этого образа... Я клянусь имъ, что съ того дня, съ того часа, когда я оставила ее, у меня не было одной минуты, въ которую бы я не думала о ней... Я любила *его*, я не знаю, можетъ быть, люблю его и теперь; но я не была и не могла быть ни покойна, ни счастлива, если бы даже и онъ любилъ меня такъ, какъ я его любила. Я это чувствую... Я говорила ему, что для него забываю все на свѣтѣ; но я обманывала его и самое себя... Если бы я могла думать о ея прощенiи, я давно была бы у ногъ ея; но есть ли на свѣтѣ забвенie и прощенie для такихъ преступленiй, какое сдѣлала я?

Захаръ Лаврентьичъ смотрѣлъ на Катю, покуда говорила она, не переводя дыханiя. Лицо его вдругъ просвѣтлѣло и оживилось, и онъ схватилъ ея руку и, покрывая ее поцѣлуями и обливая слезами, произнесъ:

— Я былъ увѣренъ въ этомъ, Катерина Павловна, я былъ увѣренъ въ этомъ-съ. Я ни одной минуты не сомнѣвался въ васъ.

Катя молча пожала ему руку.

— Но, другъ мой, — сказала она черезъ минуту, видя, что Захаръ Лаврентьичъ какъ будто хочетъ ей что-то сказать и не рѣшается, — говорите мнѣ все, все. Скажите мнѣ о ней — что она? что съ нею? Разсказывайте мнѣ все, все подробно... Я знаю, что вы не оставляли ее, что вы были ея ангеломъ-хранителемъ... Она знала, что вы ѣдете сюда.. Можетъ быть, она поручила вамъ что-нибудь...

И Катя съ боязнью остановилась на этихъ словахъ, устремивъ безпокойный взглядъ на Захара Лаврентьича.

— Она поручила-съ мнѣ передать вамъ свое благословенie: она желаетъ-съ васъ видѣть, хоть не надолго; она не будетъ ни въ чемъ стѣснять вашей воли... «пусть бы она дала мнѣ хоть послѣднiй разъ взглянуть на себя», — сказала она мнѣ...

— Какъ вы оставили ее? Она была здорова? — перебила нетерпѣливо Катя.

Захаръ Лаврентьичъ нѣсколько заикнулся и отвѣчалъ:

— Не очень, не совсѣмъ-съ, впрочемъ...

И онъ замялся.

— Она больна? Говорите мнѣ все, все, ничего не скрывайте отъ меня...

— Ея здоровье очень слабо-съ, — произнесъ Захаръ Лаврентьичъ нерѣшительно, — очень-съ... вамъ бы не надо откладывать свиданіе съ нею...

— Вы не хотите мнѣ высказать всего, я вижу это! — вскрикнула Катя, — она больна и, можетъ быть, опасно больна? Я чувствую въ себѣ твердость: я приготовилась ко всему... говорите.

И Катя такъ энергически взглянула на Захара Лаврентьича, что у него невольно вырвались слова, которыя онъ боялся высказать ей опредѣлительно:

— Богъ милостивъ, но вамъ не надобно откладывать вашей поѣздки. Чѣмъ скорѣе вы рѣшитесь, тѣмъ лучше... Это даже необходимо-съ, — прибавилъ онъ шопотомъ.

Катя вся передернулась судорожно.

— О, я знала это, я предчувствовала! — произнесла она какъ-будто про себя и потомъ, обратясь къ Захару Лаврентьичу, сказала рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ:

— Я ѣду съ вами. Черезъ часъ я буду готова... не позже, какъ черезъ часъ... Поѣзжайте домой, приготовляйте все... скорѣе, Бога ради, скорѣе... Гдѣ вы остановились?.. дайте мнѣ вашъ адресъ... Черезъ часъ я буду у васъ... Я не прощаюсь съ вами... Только скорѣе, какъ можно скорѣе.

Когда Захаръ Лаврентьичъ ушелъ, Катя собрала всѣ вещи, привезенныя ею изъ деревни, въ небольшой узелокъ и изъ всѣхъ подарковъ графа не взяла съ собой ничего. Сборы ея были недолги... Она сѣла къ своему письменному столу, написала нѣсколько строкъ, запечатала ихъ въ конвертъ, оставила этотъ конвертъ на столѣ и вышла изъ квартиры, въ которой жила, незамѣченная даже своей горничной, такъ же какъ вошла въ нее, съ однимъ узелкомъ...

Вечеромъ графъ заѣхалъ къ ней. Онъ позвонилъ. Ему долго не отворяли. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нетерпѣливыхъ звонковъ, дверь отворилась, и передъ графомъ явилась встревоженная и испуганная горничная.

— Что это значитъ, что вы такъ долго не отворяете? — сказалъ графъ съ досадою.

— Да... Катерина Павловна... я не знаю... ея нѣтъ.. ваше сіятельство. Онѣ съ самаго утра куда-то уѣхали и до сихъ поръ не пріѣзжали...

— Какъ? гдѣ же она? Она, уѣзжая, ничего не велѣла мнѣ сказать?

— Я и не видала, какъ онѣ уѣхали-съ.

— Посвѣти мнѣ, — сказалъ графъ и, не снимая съ себя шинели, вошелъ въ кабинетъ Кати.

Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ конвертъ, лежавшій на столѣ. Онъ взялъ свѣчу изъ рукъ горничной и велѣлъ ей выйти, потомъ съ нѣкоторымъ волненіемъ распечаталъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Меня ужъ нѣтъ въ Петербургѣ... Мы болѣе никогда не увидимся... Я не хотѣла терзать тебя своимъ прощаніемъ; я и безъ того такъ много терзала тебя... Не упрекай меня, такъ же, какъ я не упрекаю тебя... Можетъ быть, мнѣ остается жить немного, и эти немногіе дни я хочу посвятить моей матери, — моей бѣдной матери... Во мнѣ все замерло... Въ сію минуту у меня только одна мысль, одна надежда, одно желаніе — увидѣть ее и умереть у ногъ ея. Если это исполнится, значитъ, что Богъ еще не совсѣмъ прогнѣвался на меня... Если ты когда-нибудь вспомнишь обо мнѣ, то знай, что послѣднее слово той, которая тебя любила безумно, это слово будетъ молитва о твоемъ счастіи».

Графъ пробѣжалъ эти строки, опустился въ кресла передъ столомъ, не выпуская письма изъ руки, и недвижно просидѣлъ въ этихъ креслахъ болѣе часа, не снимая своей шинели. Что думалъ онъ въ эти минуты, я не знаю; только потомъ онъ быстро вскочилъ съ креселъ, выбѣжалъ такъ, какъ-будто кто-нибудь преслѣдовалъ его, бросился въ сани

и на вопросъ кучера: «Куда прикажете?» отвѣчалъ: — «Все равно! пошелъ скорѣе!»

Черезъ три дня послѣ этого кто-то встрѣтилъ его, однако, въ сумерки въ каретѣ съ Лидіей Александровной...

ГЛАВА VIII.

Когда въ губерніи распространился слухъ, что Катя увезена, что она бѣжала, этотъ поступокъ произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщее негодованіе и возбудилъ нескончаемые толки и разсужденія о томъ, что такое нравственность вообще и чѣмъ должно быть нравственное воспитаніе — въ особенности. Всѣ воодушевились этимъ негодованіемъ съ примѣрнымъ единодушіемъ, всѣ отзывались о Катѣ съ справедливой, но безпощадной строгостью — не только люди зрѣлыхъ и почтенныхъ лѣтъ, имѣющіе вѣсъ и значеніе, но даже люди, не имѣющіе никакого вѣса и никакого значенія; не только пожилыя и средняго возраста дамы, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ, и перезрѣлыя, изсохшія въ одиночествѣ, нѣсколько озлобленныя дѣвицы; но даже и молодыя дѣвушки, не успѣвшія еще заслужить уваженія и притти въ озлобленіе. Всѣ съ ужасомъ пожимали плечами, всѣ въ жару этихъ толковъ энергически размахивали руками, у всѣхъ глаза выражали въ эти минуты оскорбленіе, а у нѣкоторыхъ даже губы дрожали отъ гнѣва: до того щекотливо было ихъ нравственное чувство... Приговоръ надъ беззащитною дѣвушкою и ея несчастною матерью, смертельный приговоръ ихъ, былъ произносимъ съ сухою и холодною торжественностью, и въ голосѣ, произносившемъ его, не звучало ни одной скорбной ноты о паденіи человѣка, о проступкѣ ближняго, не обнаружилось ни малѣйшаго участія къ подсудимымъ, не выразилось тѣни состраданія...

Г-жа Кобелякова первая подняла тревогу, первая пріударила въ набатъ.

— Что, видите ли? не права я была? — кричала она по-

всюду, — вѣдь вышло же по-моему!.. Я всегда говорила, что мать — дура, баловница, а дочь — безпутная...

Кобеляковъ, женившійся совершенно неожиданно, недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда графа, на двадцатидевятилѣтней дѣвицѣ Прохвачовой, за которой онъ давно, впрочемъ, приволакивался, но безъ всякихъ видовъ, а такъ, какъ онъ говорилъ, *пуръ пасе ле танъ*, преисполненъ былъ также негодованія противъ Кати и ея матери. О нечаянномъ бракѣ его было много толковъ. Носились слухи, что однажды, въ ту самую минуту, какъ Кобеляковъ, сидя въ бесѣдкѣ съ дѣвицей Прохвачовой, велъ съ нею *пуръ пасе ле танъ* очень откровенный разговоръ, изъ дверей бесѣдки высунулись рыжіе, щетинистые усы г-на Прохвачова, ея братца, человѣка съ характеромъ весьма энергическимъ, и что на другой день послѣ этого происшествія Кобеляковъ уже объявленъ былъ, ко всеобщему удивленію, женихомъ. Какъ бы то ни было, но поступокъ Кати сильно возмущалъ Кобелякова.

Наконецъ, когда толки о Катѣ и о ея матери достаточно надоѣли всѣмъ, рѣшено было окончательно исключить ихъ изъ списка живыхъ... Нѣкоторыя матери, имѣвшія дочерей на возрастѣ, не рѣшались даже проѣзжать черезъ Березовку, если имъ лежалъ прямой путь черезъ нее, а дѣлали крюкъ и объѣзжали эту деревню, какъ зачумленную. Всѣ бросили бѣдную старуху, исключая одного Захара Лаврентьича, который былъ при ней неотлучно, ухаживалъ за нею постоянно, занимался ея хозяйствомъ и забывалъ для нея даже свои собственныя дѣла. Такое поведеніе окончательно уронило его въ общемъ мнѣніи, и двери тѣхъ немногихъ домовъ, въ которыхъ нѣкогда принимали его довольно радушно, заперлись для него навсегда. Правда, кромѣ Захара Лаврентьича — этого нельзя не упомянуть — одинъ разъ посѣтилъ Вѣру Ивановну добрый Илья Семенычъ, тайно отъ всѣхъ и прежде всего отъ своей Надежды Кондратьевны... Илья Семенычъ даже шепнулъ однажды одному изъ пріятелей.

— Языкъ мой, между нами сказать, не пошевельнется на безпощадное обвиненіе Катерины Павловны. Любовь! Что дѣлать! Она всѣмъ пожертвовала этому чувству!.. У нея, если

можно такъ выразиться, везувіанская натура!.. Только на мѣстѣ графа я непремѣнно устроилъ бы такъ, чтобы она ходила въ мужскомъ платьѣ, которое должно быть ей удивительно къ лицу. Это бы придало ей болѣе поэзіи!..

Захаръ Лаврентьичъ, видя, что здоровье Вѣры Ивановны становится съ каждымъ днемъ хуже и хуже, и очень хорошо понимая, что никакія медицинскія пособія не помогутъ ей, задумалъ отправиться въ Петербургъ, какъ ни страшна казалась ему, никогда не выѣзжавшему изъ своей губерніи, эта поѣздка. Петербургъ представлялся ему въ какихъ-то преувеличенныхъ, фантастическихъ размѣрахъ, и мысль когда-нибудь быть тамъ казалась ему до этого совершенно невѣроятною; но для Кати и для Вѣры Ивановны онъ готовъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, итти въ огонь или въ воду, не только отправиться въ Петербургъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Катя тотчасъ броситъ все, когда узнаетъ о положеніи, въ которомъ находится ея мать, и однажды вечеромъ, когда Вѣрѣ Ивановнѣ казалось полегче, онъ, съ большою, впрочемъ, осторожностью, боясь разстроить ее, передалъ ей свой планъ.

При мысли увидѣть свою Катю, прижать ее еще разъ въ жизни къ груди своей, — при этой мысли, которая уже казалось ей несбыточной, Вѣра Ивановна вдругъ ожила. Желтое, испещренное морщинами лицо ея вспыхнуло; потухавшіе матовые глаза, ослабѣвшіе отъ слезъ, засверкали. Она поднялась съ дивана и, взявъ руку Захара Лаврентьича, сначала какъ будто не довѣряя ему, какъ будто думая, что все это онъ говоритъ такъ только, для ея утѣшенія, пристально начала смотрѣть на него.

— Ты не шутишь? ты не обманываешь меня? — спрашивала она его съ безпокойствомъ, — ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать въ Петербургъ?.. Ты думаешь, что она еще разъ захочетъ взглянуть на меня?.. Ахъ, если бы это все было такъ, какъ ты говоришь, голубчикъ!

Съ этой минуты Вѣра Ивановна почувствовала себя какъ будто немного лучше... Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Захара Лаврентьича она начала понемногу бродить,

имѣла даже силы подняться наверхъ, въ комнату Кати; распорядилась, чтобы прибрали эту комнату, сама, какъ въ прежнее время, постлала ей постель, перекрестила подушки, какъ будто ожидая ее съ часу-на-часъ; она всякій день заказывала ея любимыя блюда; оставаясь наединѣ, часто улыбалась, разговаривала шопотомъ, какъ дитя, и безпрестанно произносила имя Кати. При малѣйшемъ шумѣ на улицѣ она вздрагивала, вставала съ дивана, подходила къ окну, посылала смотрѣть людей: не видать ли кого-нибудь? не ѣдетъ ли кто-нибудь?.. съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидала посланнаго, и когда тотъ возвращался, говоря, что никого нѣтъ, никого не видно, что это вѣтеръ стучитъ ставнемъ, или что-нибудь подобное, она снова опускалась на диванъ, слабѣе прежняго, встревоженная напраснымъ волненіемъ, печально опускала голову и лежала нѣсколько часовъ въ тяжеломъ раздумьи, до новой, также напрасной тревоги.

Это постоянное тревожное состояніе, быстрые переходы отъ надежды и радости къ сомнѣнію и мукамъ: что̀, если Катя разлюбила ее, что̀, если она не захочетъ взглянуть на нее въ послѣдній разъ? всѣ эти мелочныя хозяйственныя хлопоты, въ которыя Вѣра Ивановна начала снова входить, различныя приготовленія къ пріѣзду Кати, можетъ быть, напрасныя, какъ часто приходило ей въ голову, — все это совершенно разстроило ее. Ей сдѣлалось хуже, и она слегла въ постель. Большую часть времени она лежала въ забытьи или вовсе въ безчувственномъ состояніи и только по временамъ выходила изъ этого состоянія, металась на постели, звала Катю, говорила съ ней, какъ будто Катя сидѣла у ея изголовья, стонала, плакала, молилась и потомъ снова впадала въ безчувственность...

А между тѣмъ Катя была все ближе и ближе къ ней... И нетерпѣніе и тревога бѣдной дѣвушки усиливались съ каждымъ поворотомъ колеса... Вотъ ужъ занялось и утро того дня, въ который она должна была броситься къ ногамъ матери, — печальное, сѣренькое утро... Какое-то страшное предчувствіе камнемъ легло на ея сердце; это сѣрое, свинцовое небо безъ просвѣта давило ее; однообразная гладь гряз-

ныхъ полей, подернутыхъ сверху только что выпавшимъ снѣгомъ; деревушки, полузаваленныя снѣжными буграми, изъза которыхъ виднѣлись только ихъ крыши съ закопченными деревянными трубами, — все это еще грустнѣе и мрачнѣе настраивало ея мысли. Мучительно ныло сердце бѣдной Кати, и дыханіе спиралось у ней въ груди... Вотъ ужъ начались и знакомыя ей мѣста. Вотъ и деревня Сытино, въ восьми верстахъ не доѣзжая Березовки, и деревянный барскій домикъ на самой проѣзжей дорогѣ, покривившійся на одну сторону, съ окнами, заколоченными наглухо досками... Вотъ и мостикъ съ обвалившимися перилами черезъ рѣчку Быструю, а вправо — березовая роща, гдѣ она такъ часто собирала грибы... Вотъ и небольшой выселокъ изъ ихъ деревни.. и знакомое ей лицо старухи, высунувшееся изъ волоковаго окна... Сердце такъ сильно забилось у Кати, что она невольно схватилась рукою за бокъ, а Захаръ Лаврентьичъ, не могшій сдержать своего волненія, закричалъ ямщику: «стой!» и какъ будто хотѣлъ выскочить изъ кибитки.

Катя взглянула на него.

— Что такое случилось? — спросила она, замирая.

— Послушайте, Катерина Павловна, — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ, блѣдный какъ смерть, — не лучше ли вамъ покуда-съ остановиться здѣсь, а я бы поѣхалъ впередъ и предупредилъ... приготовилъ бы Вѣру Ивановну-съ, а то боюсь... я думаю, что это будетъ лучше-съ для васъ обѣихъ. Какъ вы думаете, Катерина Павловна?

— Нѣтъ, — отвѣчала Катя, — я не могу, не въ силахъ выдерживать болѣе... Бога ради скорѣй, поѣдемте скорѣй... я васъ прошу.

— Какъ вамъ угодно-съ, — возразилъ Захаръ Лаврентьичъ, — но только позвольте на минуточку... меня мучитъ жажда... я схожу въ избу, напьюсь... я сейчасъ приду-съ.

Первое движеніе Кати было выйти вмѣстѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, броситься въ избу и спросить о своей матери; но страхъ услышать недобрыя вѣсти удержалъ ее, и она прислонилась къ задку кибитки, плотно закутавшись въ свой салопъ и закрывъ глаза. Она долго не открывала глазъ:

она понимала. зачѣмъ вышелъ Захаръ Лаврентьичъ; ей было страшно взглянуть на него... Мгновенія казались ей часами.

Онъ наконецъ вышелъ изъ избы и остановился, какъ бы не зная, что ему дѣлать; потомъ нерѣшительнымъ, нетвердымъ шагомъ подошелъ къ облучку, на которомъ дремалъ его лакей, заглянулъ въ кибитку, шепнулъ ямщику, чтобы онъ ѣхалъ какъ можно тише, и сѣлъ.

Лошади двинулись, Катя вздрогнула и открыла глаза. Она посмотрѣла на Захара Лаврентьича. Захаръ Лаврентьичъ взглянулъ на нее и тотчасъ же отвернулся, высунувъ голову изъ кибитки, какъ будто смотря на что-то.

— Все кончено! участь моя рѣшена, — сказала самой себѣ Катя.

Вотъ уже осталось не болѣе полуторы версты до Березовки. Вотъ и любимое дерево Кати, въ сторонѣ отъ дороги, на берегу пруда, — эта старая, кудрявая ольха, картинно развѣтвившаяся, въ густой тѣни которой отдыхала она въ лучшіе, въ счастливые дни свои... Теперь она печально качаетъ своими черными обнаженными вѣтвями... Но Катя не замѣчаетъ ее.. Всѣ предметы слились передъ нею. Она ничего не можетъ различить... Какія-то страшныя сумерки въ глазахъ у нея... А лошади все понемногу двигаются и двигаются впередъ.

— Катерина Павловна! — сказалъ Захаръ Лаврентьичъ.

И она снова только вздрогнула, безотвѣтная на этотъ зовъ.

— Катерина Павловна! — повторилъ онъ.

И остановился, кажется, чувствуя, что слова его безполезны... однако, продолжалъ:

— Минутъ черезъ двадцать мы будемъ въ Березовкѣ...

И снова замолчалъ.

Она взглянула на него такъ нетерпѣливо, какъ будто хотѣла сказать ему:

«Ну что же? Я знаю... я слушаю... говорите... говорите скорѣй... не мучьте меня...»

— Будьте благоразумны, Катерина Павловна, — началъ Захаръ Лаврентьичъ; но слова съ мучительнымъ трудомъ схо-

дили съ языка его. Онъ не зналъ, что ему говорить. — Будьте благоразумны, — повторилъ онъ, — я узналъ... я слышалъ... что маменька ваша очень нехороша... что ей сдѣлалось гораздо хуже... что дѣлать!

— Договаривайте... Къ чему все это?..

Но Захаръ Лаврентьичъ замолчалъ. Языкъ его не пошевелился выговорить послѣднее слово. Онъ только прошепталъ про себя:

— На все Божья воля!

Катя не могла слышать этого внутренняго шопота.

Въ эту минуту кибитка поднялась на гору, и съ горы, какъ черное пятно въ снѣжной лощинѣ, показалась Березовка.

Вотъ и околица, и рядъ избушекъ, ввалившихся въ землю и занесенныхъ снѣгомъ... Кибитка стучитъ объ ухабы... Изъ полузамерзшихъ, покрившихся оконъ, сквозь оттаявшіе кружочки, выглядываютъ любопытные глаза... Уже виднѣется рѣшетка около барскаго дома... Вотъ и домъ; но никого не видать въ окнахъ... Кибитка въѣхала на дворъ и остановилась у крыльца; но никто не встрѣчаетъ пріѣзжихъ.

Когда Захаръ Лаврентьичъ выскочилъ изъ кибитки, на крыльцѣ показалась старуха, съ головою, повязанною платкомъ. Это была ключница Вѣры Ивановны. Узнавъ его, она бросилась къ нему съ воплемъ; но онъ остановилъ ее.

— Тише, тише, Пелагея Ефимовна, — прошепталъ онъ, — перестаньте. Я все знаю... Катерина Павловна пріѣхала.. Она еще не знаетъ... Не кричите такъ, Бога ради.

Но старуха, не слушая его, бросилась къ кибиткѣ и завопила на весь дворъ:

— Матушка вы, сударыня наша! Господи! до какого несчастія мы дожили!.. Что мы будемъ теперь безъ нея, безъ голубушки нашей? Вѣдь она была всѣмъ намъ кормилица. Не услышимъ мы теперь ея звонкаго голоса, не увидимъ ея яснаго лица... Не привелъ ее Богъ видѣть тебя, проститься съ тобою, благословить родимое дѣтище... Охъ, охъ, охъ!..

Она все продолжала вопить, обнимая колѣни Кати, и на

этотъ вопль сбѣжалась вся дворня, и во главѣ ея старый Игнатьичъ. Захаръ Лаврентьичъ стоялъ на крыльцѣ ни живъ, ни мертвъ.

Безъ кровинки въ лицѣ поднялась Катя, ступила на родную землю, взошла на крыльцо, сопровождаемая всѣми сбѣжавшимися на крикъ ключницы людьми, которые кланялись ей въ поясъ и переглядывались между собою, отворила дверь... но въ эту минуту Захаръ Лаврентьичъ бросился къ ней и хотѣлъ остановить ее.

— Оставьте меня, — сказала она, — оставьте меня всѣ.

И прямо вошла въ залу. Въ этой комнатѣ, на столѣ подъ образами, лежала Вѣра Ивановна. Казалось, она спала, точно какъ въ ту минуту, когда Катя стояла въ послѣдній разъ у изголовья ея постели.

Катя взглянула на нее и припала лицомъ къ ея лицу. Ни одного звука не вырвалось изъ груди Кати, ни одной слезы не выкатилось изъ глазъ... Она долго оставалась такъ, потомъ подняла голову, бросила кругомъ себя взглядъ безучастный и безсознательный, пошатнулась и упала на полъ. Захаръ Лаврентьичъ былъ настороже, но онъ не успѣлъ предупредить ее и вбѣжалъ въ комнату, когда она уже лежала распростертая на полу, какъ трупъ, возлѣ родного ей трупа...

Черезъ нѣсколько часовъ она пришла въ себя... Увидѣвъ Захара Лаврентьича, она молча пожала ему руку.

— Не убивайте себя, Бога ради, не убивайте, — прошепталъ Захаръ Лаврентьичъ, — покоритесь Божьей волѣ.

Она грустно покачала головой, горько улыбнулась и сказала:

— Убивать себя! Я не убила себя, а убила ее!

Послѣ этого она не произнесла ни слова до самаго вечера, не обращала ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ ее, не отвѣчала даже на вопросы ихъ.

Захаръ Лаврентьичъ почти все время не отходилъ отъ нея.

Къ ночи она какъ будто нѣсколько оживилась. На лицѣ ея появился румянецъ, дыханіе сдѣлалось легче, и на гла-

захъ начали показываться слезы. Прощаясь съ Захаромъ Лаврентьичемъ, она сказала:

— Другъ мой, не безпокойтесь обо мнѣ, я прошу васъ. Если можно быть благоразумной на моемъ мѣстѣ, я буду, даю вамъ слово; но предоставьте меня самой себѣ, не бойтесь ничего... Берегите себя...

Черезъ часъ весь домъ былъ погруженъ въ глубочайшій сонъ, не исключая и читальщика надъ тѣломъ. Не спали только Катя и Захаръ Лаврентьичъ.

Захаръ Лаврентьичъ наединѣ далъ полную волю своему горю и рыдалъ, уткнувъ голову въ подушку... Катя осторожно приподнялась съ своей постели и тихими, почти неслышными, даже въ тишинѣ ночи, шагами, начала прокрадываться въ залу, безпокойно оглядываясь кругомъ, какъ бы боясь, чтобы ее не остановили.

Она добралась до двери, полурастворила ее, вздрогнула отъ ея скрипа и подошла къ усопшей.

Вѣра Ивановна была уже положена въ гробъ. Свѣтъ отъ свѣчей, стоявшихъ у гроба, въ высокихъ, церковныхъ подсвѣчникахъ, падалъ на лицо ея. На ней было ея парадное платье — тотъ самый шелковый капотъ, который былъ подаренъ ей мужемъ въ день именинъ, и въ которомъ она первый разъ ѣздила къ графу; а на головѣ — чепецъ съ бѣлыми лентами.

Катя взошла на ступеньки катафалка... Вѣра Ивановна мало измѣнилась, и никакихъ слѣдовъ страданія не было замѣтно на лицѣ ея. Оно какъ будто улыбалось...

Слезы хлынули изъ глазъ Кати, и голова ея склонилась на трупъ.

И долго такъ пролежала Катя, приподнимаясь по временамъ и смотря на усопшую... И вдругъ показалось ей, что рука ея, которую она покрывала своими поцѣлуями, какъ-будто начинаетъ согрѣваться отъ его дыханія и пальцы этой руки обнаруживаютъ едва замѣтное судорожное движеніе... Обрадованная и вмѣстѣ испуганная, она приподняла голову и начала не безъ страха вглядываться пристальнѣе въ лицо старушки..

«Нѣтъ, это сонъ, это мнѣ пригрезилось», подумала она, тихо рыдая и продолжая смотрѣть на нее.

Изъ глазъ Кати капнула горячая слеза на лицо усопшей, и въ это самое мгновеніе вѣки старушки зашевелились, и она полурастворила глаза, а рука ея крѣпко сжала руку дочери.

«Она жива!.. жива! это была только летаргія!» хотѣла закричать Катя, но голосъ не повиновался ей; она хотѣла бѣжать, чтобы звать Захара Лаврентьича, разбудить людей, но, несмотря на всѣ усилія, не могла пошевельнуть ни однимъ членомъ.

А между тѣмъ старушка совсѣмъ открыла глаза...

— Матушка!.. матушка! — прошептала, задыхаясь, Катя, — скажите мнѣ, увѣрьте меня, что это я не грежу... Вы живы?.. Вы вѣдь будете жить?..

— Тише, тише, — произнесла Вѣра Ивановна, и звуки этого голоса, — звуки, которые такъ долго не ласкали слуха ея, потрясли все существо ея, и вся она превратилась въ слухъ, съ жадностью ловя эти звуки, воскресившие для нея все прошедшее. — Я для всѣхъ умерла, кромѣ тебя, — продолжала старушка, — о, не буди никого, не зови никого! я не хочу никого видѣть, кромѣ тебя, я хочу остаться съ тобой наединѣ... Твоя горячая слеза огнемъ упала на лицо мое .. и я содрогнулась въ гробѣ отъ этихъ слезъ, и онѣ пробудили меня на минуту къ жизни, только для тебя одной .. Дай же мнѣ благословить тебя, бѣдное дитя мое...

И Катя видѣла, какъ приподнялась правая рука покойницы, и она почувствовала на себѣ ея крестное знаменіе...

Катя почувствовала, что камень спалъ съ груди ея, и потокомъ полились слезы изъ ея воспаленныхъ глазъ... Она вздохнула, открыла глаза, долго не видя ничего и не понимая, что съ нею и гдѣ она... Она начала кругомъ озираться и увидѣла себя на ступенькахъ катафалка... Первое движеніе ея было броситься къ гробу...

Но Вѣра Ивановна лежала попрежнему бездыханна, съ своей недвижной улыбкой; руки ея были попрежнему сло-

жены и глаза закрыты... Она прикоснулась къ ея рукамъ— онѣ были такъ же холодны, какъ и прежде...

Вдругъ, среди могильной тишины ночи, послышалось ей какое-то движенiе... Въ комнатѣ никого не было, кромѣ ея и покойницы. Холодъ пробѣжалъ по спинѣ Кати; но это былъ трескъ свѣчи... и снова водворилась ничѣмъ ненарушаемая тишина...

Не смыкая глазъ, просидѣла она до самаго разсвѣта на ступенькахъ катафалка.

Блѣдный разсвѣтъ начиналъ показываться въ окна, разсѣивая грезы ночныя... Лицо усопшей освѣтилось утреннимъ свѣтомъ. Раздалось однозвучное, надрывающее душу чтенiе псалтири надъ ея головою. Нѣтъ, это не сонъ, а страшная дѣйствительность!

Катя, блѣднѣе стоявшаго передъ нею трупа, какъ ночной призракъ, прогоняемый дневнымъ свѣтомъ, сошла со ступенекъ катафалка, дошла до своей постели и безъ рыданiй, безъ стона, безъ слезъ, ухвативъ себя за голову, упала головой на подушки...

Вѣру Ивановну похоронили. Катя осталась одна въ своемъ старомъ, опустѣломъ домѣ... Дни шли за днями, и не проходило дня, въ который бы она не побывала нѣсколько разъ на могилѣ матери... Приближалась весна... Домъ приходилъ въ такую ветхость, что въ немъ почти невозможно было жить; но Катя не хотѣла слышать, чтобы дѣлали въ немъ какiя-нибудь поправки, починки или измѣненiя.

— Все должно остаться такъ, какъ было при *ней*, — говорила она Захару Лаврентьичу.

— Но надобно починить, по крайней мѣрѣ, крышу, — возражалъ Захаръ Лаврентьичъ, — въ комнатахъ течь; законопатить щели: вѣдь посмотрите, какъ дуетъ. Вы можете простудиться.

— О, нѣтъ! нѣтъ: ничего... оставьте все какъ есть, не прикасайтесь ни къ чему, — повторяла она съ нѣкоторымъ раздраженiемъ.

Когда Захара Лаврентьича не было, Катя блуждала одна въ этомъ полуразвалившемся домѣ, переходя изъ комнаты

въ комнату, гдѣ каждый предметъ напоминалъ ей о Вѣрѣ Ивановнѣ.

«Вотъ здѣсь сидѣла она по вечерамъ, — думала Катя, — когда я разливала чай... Вотъ ея любимое кресло... Вотъ на этомъ мѣстѣ она обняла меня, простилась и перекрестила, не думая, что это въ послѣдній разъ... Вотъ кивотъ, передъ которымъ она молилась за меня каждый вечеръ...»

Наединѣ Катя перебирала ея старыя платья, ея любимыя вещи и цѣловала ихъ, обливая слезами.

Она хотѣла было приняться за хозяйство, пробовала читать, но всякое занятіе утомляло ее, и ничто не могло развлечь ее или возбудить въ ней любопытство. Настоящее для нея перестало существовать: она вся жила въ прошедшемъ и, погружаясь въ свои воспоминанія, часто по цѣлымъ часамъ просиживала, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ.

Захаръ Лаврентьичъ ежедневно пріѣзжалъ къ ней, и она встрѣчала его всегда съ ласковой улыбкой, въ его присутствіи всегда старалась казаться покойною, даже веселою, но это усиліе было ей тяжело, и всякій разъ, когда онъ уѣзжалъ, она, обезсиленная, падала на свою постель и почти до разсвѣта не смыкала глазъ.

Здоровье ея видимо разстраивалось, иногда она даже ходила черезъ силу. Она скрывала это, но ея впалыя щеки и потухшіе глаза изобличали ее.

Наступила весна; но яркое солнце, изумрудная зелень лѣсовъ и полей, шумъ ручьевъ, пробиравшихся между камнями, неумолкаемый хоръ птицъ, — вся эта жизнь воскресшей и обновившейся природы подѣйствовала на нее тяжело и раздражительно.

Захаръ Лаврентьичъ, всякій разъ ожидавшій весну съ такимъ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ ее въ этотъ разъ какъ-то равнодушно. Онъ принялся за свою удочку, но лѣниво и неохотно. Рыба, какъ нарочно, безпрестанно клевала; поплавокъ его безпрестанно погружался въ воду, а онъ и не думалъ слѣдить за его движеніемъ. Одиночество начинало томить его, онъ чувствовалъ, что ему какъ будто недостаетъ чего-то; гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни былъ за-

нять вдали отъ Кати, ему все приходило въ голову: «а что-то она теперь? что-то съ нею? здорова ли она?» Не видя ея, онъ былъ въ постоянномъ безпокойствѣ, въ постоянной тревогѣ. И онъ бросалъ все — свои хозяйственныя занятія, свою удочку, — и отправлялся въ Березовку. Сердце его всякій разъ начинало сильнѣе биться, когда онъ подъѣзжалъ къ этой деревнѣ, и, завидя Катю, гулявшую около дома, онъ выскакивалъ изъ своего тарантаса и бросался къ ней съ такою радостью, съ такимъ волненіемъ, какъ будто Богъ знаетъ сколько времени не видалъ ее. Когда Катя говорила ему иногда: «А что, не поудить ли намъ, Захаръ Лаврентьичъ?» — онъ приходилъ въ совершенный восторгъ, полагая, что это доставитъ ей удовольствіе, развлеченіе.

«Это хорошо, это добрый признакъ», говорилъ онъ самъ себѣ и не подозрѣвалъ, что Катя дѣлала это только для него.

Странно, слѣдя за каждымъ движеніемъ Кати, за каждымъ ея взглядомъ, постоянно и ежедневно наблюдая за нею, онъ не замѣчалъ, что она разрушается съ каждымъ днемъ: онъ принималъ румянецъ, иногда ярко вспыхивающій на щекахъ ея, и странный блескъ въ глазахъ за признаки возвращающагося здоровья; тихую тоску и болѣзненное равнодушіе ко всему — за внутреннее спокойствіе. Онъ радовался, смотря на нее, и благодарилъ Бога за ея спасеніе.

Катя чувствовала совершенно братскую любовь къ Захару Лаврентьичу и, видя его горячую привязанность къ себѣ, его нѣжную заботливость о ней, скрывала отъ него свою болѣзнь, свое постепенное разрушеніе, котораго не могла не чувствовать. Но, привыкшая къ Захару Лаврентьичу, какъ къ брату, какъ къ другу, Катя никогда не задумывалась о томъ, какого рода любовь онъ питаетъ къ ней, а между тѣмъ въ его обращеніи съ нею было что-то странное. Онъ всякій разъ прикасался къ рукѣ ея съ робостью; среди самаго обыкновеннаго разговора съ нею онъ вдругъ впадалъ въ какую-то задумчивость, какъ будто какая тайная мысль тревожила его, какъ будто онъ хотѣлъ сказать ей что-то, но не рѣшался; иногда, простившись съ нею, онъ

вдругъ возвращался смущенный и блѣдный. Катя спрашивала его:

— Что, вы вѣрно забыли что-нибудь, Захаръ Лаврентьичъ?

И онъ приходилъ еще въ бо̀льшее смущеніе.

— Нѣтъ-съ, ничего... я такъ, — бормоталъ онъ и снова прикасался къ рукѣ ея, прощался съ нею и выбѣгалъ изъ комнаты въ совершенномъ смущеніи.

Одинъ разъ, сидя съ нею, онъ былъ въ такомъ волненіи, что это, наконецъ, не могло не быть замѣчено ею. Онъ — то брался за книгу и оставлялъ ее, то выглядывалъ въ окно, какъ-то неловко перебиралъ руками, вскакивалъ со стула, прохаживался по комнатѣ и опять садился, и вдругъ на глазахъ его навернулись слезы, онъ схватилъ кончикъ ея шали и поцѣловалъ его, потомъ долго сидѣлъ съ потупленными глазами, не смѣя взглянуть на Катю и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Для Кати въ эту минуту открылось все: но это открытіе мучительно подѣйствовало на нее. Она бросила на него взглядъ полный участія, но вмѣстѣ глубокой скорби, и молчала. Онъ поднялъ на нее глаза какъ преступникъ и ждалъ ея слова, но она ничего не могла ему сказать утѣшительнаго и молчала.

Съ этого дня прибавились еще новыя страданія въ душѣ Кати, — страданія за человѣка, котораго она послѣ матери уважала и любила болѣе всего на свѣтѣ; но не тою любовью, которою онъ хотѣлъ быть любимымъ.

Захаръ Лаврентьичъ все продолжалъ ѣздить къ Катѣ такъ же часто, но уже ничего подобнаго предшествовавшему не повторялось. Онъ велъ себя въ отношеніи къ ней съ боязливою осторожностью, съ почтительностью, доходившею до высочайшей степени.

А между тѣмъ клеветы и сплетни не умолкали. Шли явные толки о томъ, что Захаръ Лаврентьичъ въ связи съ Катею, и нѣкоторые при встрѣчѣ съ нимъ дѣлали ему даже остроумные намеки на его отношенія къ Катѣ.

Захаръ Лаврентьичъ, оскорбленный и встревоженный, со-

общилъ объ этихъ толкахъ Катѣ и сказалъ, что послѣ всего этого онъ не можетъ бывать у нея такъ часто, какъ бы желалъ.

Катя равнодушно выслушала его, улыбнулась и сказала:

— Какъ вамъ не стыдно, другъ мой, тревожить себя такимъ вздоромъ?.. Пусть они говорятъ, что хотятъ. Какое намъ дѣло до нихъ и до ихъ толковъ? Неужели это можетъ лишить меня единственной отрады, единственнаго утѣшенія, оставшагося мнѣ — видѣть васъ, быть съ вами? Неужели вы можете оставить меня?

— О, нѣтъ, нѣтъ! — произнесъ Захаръ Лаврентьичъ, и въ голосѣ его слышались слезы. — Мнѣ васъ оставить! мнѣ!.. Нѣтъ-съ, Катерина Павловна, нѣтъ-съ, это нельзя... Но какъ они смѣютъ такъ думать, какъ они смѣютъ такъ говорить про васъ!..

— Они имѣютъ полное право думать и говорить обо мнѣ дурно, — перебила Катя, — оставьте имъ это удовольствіе и дайте мнѣ слово никогда не говорить объ нихъ...

Такъ прошелъ годъ. Наступила новая весна; все опять пробуждалось къ жизни и обновлялось кругомъ Кати, все кромѣ ея самой и этого стараго дома, въ которомъ жила она...

Катя съ какимъ-то необъяснимо пріятнымъ чувствомъ смотрѣла на это разрушеніе, на эти развалины. Можетъ быть, ей не хотѣлось, чтобы родимый кровъ, въ которомъ заключалось все дорогое для нея, пережилъ ее. Она чувствовала, что силы совсѣмъ оставляютъ ее и что съ весеннимъ воздухомъ она вдыхаетъ въ себя не жизнь, а смерть, и она съ наслажденіемъ и жадностью вдыхала его въ себя.

Однажды вечеромъ она сидѣла у растворённаго окна. Шелъ теплый и частый весенній дождь; но уже на горизонтѣ стемнѣло, и облака, ходившія довольно низко, начали подниматься, принимая тонкіе розовые и лиловатые тона; дождь пересталъ... Легкій, едва замѣтный вѣтерокъ чуть-чуть колыхалъ вѣтви деревьевъ и перебиралъ только что распустившимися листочками, на которыхъ еще дрожали капли дождя... Тѣни стлались по землѣ. Тонкій паръ под-

нимался съ луговъ; воздухъ при каждомъ колебаніи вѣтки становился душистѣе и раздражительнѣе. весь пропитанный ароматомъ травъ и цвѣтовъ. Катя смотрѣла въ окно.

Розовый свѣтъ заката придавалъ нѣжный оттѣнокъ ея блѣдному прозрачному лицу, глаза ея горѣли тихимъ огнемъ, рука висѣла безъ движенія на ручкѣ креселъ, — исхудалая рука. утратившая красоту формы; грудь поднималась тяжело и медленно. Но на лицѣ ея въ эту минуту не было замѣтно никакого страданія. Оно оживлено было кроткой, едва уловимой улыбкой. Вся фигура ея выражала только усталость. Она какъ будто пріятно отдыхала въ этихъ креслахъ, утомленная долгой прогулкой, а между тѣмъ, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ продолженіе дня по своему заглохшему саду, она опускалась на скамейку. Захаръ Лаврентьичъ стоялъ невдалекѣ отъ нея. не спуская съ нея глазъ.

— Какъ вы себя чувствуете, Катерина Павловна?—спросилъ онъ:—вы что-то слабѣе сегодня-съ?

— О. нѣтъ, нѣтъ!—быстро сказала Катя, встрепенувшись и стараясь придать себѣ бодрый видъ, — нѣтъ. нисколько... Напротивъ, я чувствую себя гораздо лучше... Мнѣ такъ пріятно дышать этимъ воздухомъ... Нѣтъ, я ничего, я только задумалась.

— Слава Богу, слава Богу,—произнесъ Захаръ Лаврентьичъ, легко вздохнувъ.—но вы совсѣмъ почти не гуляете.— продолжалъ онъ черезъ минуту,—а мнѣ кажется, это было бы очень полезно для васъ. Теперь такъ стало тепло-съ, воздухъ такой прекрасный: это самое лучшее лѣкарство-съ.

— Да, это время я была какъ-то не расположена, но я буду гулять, непремѣнно буду. Мы будемъ гулять вмѣстѣ... не правда ли?..

Она улыбнулась ему.

— Я очень радъ-съ, очень... когда вамъ будетъ угодно,— отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ, — вотъ-съ, Катерина Павловна, когда, Богъ дастъ, вы ужъ совсѣмъ поправитесь, совсѣмъ соберетесь съ силами, тогда можно будетъ поѣхать на Озерки, вотъ что за Сытинымъ-то-съ, верстахъ въ пяти отсюда; можно забраться туда, знаете. на цѣлый день, взять

съ собой всѣ рыболовные снаряды-съ... Господи Боже мой, какой ловъ тамъ теперь, вы представить себѣ не можете! Тамъ и гулянье безподобное: въ двухъ шагахъ роща такая чистая, точно какъ будто садъ, который въ холѣ... тамъ внутри рощи есть такія лужайки—чудо-съ!

— Хорошо, — сказала задумчиво Катя, — мы поѣдемъ туда...

Захаръ Лаврентьичъ ожилъ. Утѣшенный мыслью, что здоровье Кати поправляется, что она становится веселѣе и начинаетъ принимать участіе во всемъ ее окружавшемъ, онъ далъ полную волю своей фантазіи, съ жаромъ разсказывалъ ей о лучшихъ, живописнѣйшихъ мѣстахъ въ губерніи, предлагалъ ей различныя поѣздки, заранѣе приходилъ въ восторгъ, какъ она, любящая природу, будетъ любоваться всѣми этими видами, какое сочувствіе найдетъ онъ въ ней, какой горячій отзывъ на всѣ его впечатлѣнія.

И одушевленный своими фантазіями, Захаръ Лаврентьичъ произнесъ въ заключеніе, съ тѣмъ внутреннимъ жаромъ, который дѣлаетъ краснорѣчивыми самыя простыя слова и проникаетъ до самой сокровенной глубины души:

— Природа-то лучше людей, Катерина Павловна, не въ примѣръ лучше, съ нею легче и пріятнѣе жить... И чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше увѣряешься въ этомъ.. Ей Богу такъ-съ... Есть въ ней что-то такое, что такъ и тянетъ къ ней... Вы понимаете, что я хочу сказать Богъ не далъ мнѣ слова, я человѣкъ не воспитанный: многое чувствую и понимаю, да вотъ бѣда-то моя, сказать-то я этого не умѣю.

— Вы говорите лучше, чѣмъ многіе другіе, потому что всегда говорите отъ сердца,—возразила Катя,—какъ ни горька и ни тяжела жизнь, но въ ней бываютъ такія минуты, которыя выкупаютъ всѣ страданія, которыя заставляютъ привязываться къ ней, и этими минутами въ моей жизни я обязана вамъ... Вотъ и теперь,—произнесла она, погодя немного,—и теперь, видя васъ, слушая васъ, вдыхая въ себя этотъ воздухъ, тяжело думать о смерти, не хочется умирать...

У Захара Лаврентьича страшно заныло сердце при этихъ

словахъ. Онъ съ боязливымъ недоумѣніемъ взглянулъ на Катю.

— О, другъ мой, другъ мой!—сказала Катя,—я бы желала еще пожить немного!..

Слезы хлынули изъ глазъ бѣднаго Захара Лаврентьича.

-- Боже мой! что это вы говорите? для чего вы это говорите? Къ чему такія мысли? что съ вами?.. Не говорите этого, не говорите Бога ради, я прошу васъ... О, если бъ вы знали только, каково мнѣ это слушать!.. Вѣдь вы сами сказали сейчасъ, что вамъ лучше, съ каждымъ днемъ лучше... что это значитъ-съ? для чего же вы это сказали?

У Кати вырвались эти слова нечаянно. Взглянувъ на лицо Захара Лаврентьича, она испугалась, протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и произнесла, улыбаясь:

— Полноте, успокойтесь... это я такъ сказала; ничего, мнѣ лучше.

— Не говорите, не говорите же этого въ другой разъ,— воскликнулъ Захаръ Лаврентьичъ, снова оживая,—никогда не говорите этого. Еще жизнь только началась для васъ. Богу угодно было испытать васъ... Что дѣлать! но это прошло, не нужно вспоминать объ этомъ... Если бы я смѣлъ думать, если бы смѣлъ надѣяться, если бы я могъ быть чѣмънибудь для васъ въ жизни... Послушайте, Катерина Павловна, я давно хотѣлъ говорить съ вами...

Захаръ Лаврентьичъ остановился. Лицо и глаза его горѣли, губы его съ минуту шевелились безъ словъ, изобличая внутренній трепетъ, и, не глядя на Катю, съ потупленными глазами, едва слышнымъ голосомъ онъ продолжалъ:

— Я люблю васъ, Катерина Павловна, люблю такъ, какъ вотъ только можно любить,—я люблю васъ давно; но не смѣлъ, не зналъ, какъ вамъ сказать объ этомъ... Я чувствовалъ, очень чувствовалъ, что я совсѣмъ ниже васъ, что я не имѣю ни воспитанія, ни такого ума, ничего, что могло бы понравиться воспитанной, образованной дѣвушкѣ, какъ вы,—я это чувствовалъ, я все это передумалъ одинъ, съ самимъ собою, я хотѣлъ заглушить въ себѣ свои чувства, да не могъ этого сдѣлать... не могъ-съ. Сколько разъ я

упрекалъ себя за эту любовь, сколько разъ хотѣлъ бѣжать отсюда куда-нибудь, куда глаза глядятъ; да воли-то у меня недостало на это, Катерина Павловна! Не смѣйтесь надо мною. Я простой человѣкъ, у меня нѣтъ ничего кромѣ чувства; но если одно чувство можетъ сдѣлать въ глазахъ вашихъ человѣка хотя сколько-нибудь способнымъ, меня будетъ радовать и это... Я только и буду думать о вашемъ спокойствіи, о вашемъ счастіи...

— Вы унижаете себя передо мной,—перебила Катя съ пылающими глазами, дрожа отъ волненія,—вы чистый, вы святой человѣкъ, а я... что такое я? Вы знаете мою жизнь, вы знаете все? Развѣ я могу не краснѣя взглянуть вамъ въ глаза?

— Что мнѣ до этого? — произнесъ Захаръ Лаврентьичъ, въ первый разъ взглянувъ на Катю,—ваше сердце такъ же благородно и чисто, какъ оно было тогда, какъ вы дитятей еще бѣгали по этому саду... Мнѣ этого вы не должны были сказать: нѣтъ! вы можете прямо, не краснѣя смотрѣть мнѣ въ глаза, потому что никто лучше меня не знаетъ васъ, никто не можетъ цѣнить васъ такъ, какъ я. Вѣдь вы выросли на моихъ глазахъ, Катерина Павловна!..

— Я знаю, что вы добры ко мнѣ до пристрастія, что я вамъ кажусь лучше, нежели какова я въ самомъ дѣлѣ; но не въ томъ дѣло. Я разрушена, я убита жизнью... Вамъ надо чистое, нетронутое сердце, которое бы билось такъ же горячо и сильно, какъ ваше; вамъ нужна женщина, которая бы могла вполнѣ сочувствовать вамъ...

— Мнѣ ничего и никого не нужно, кромѣ васъ!—вскрикнулъ Захаръ Лаврентьичъ и, схвативъ руку Кати, припалъ къ этой рукѣ лицомъ, обливая ее слезами —Отвѣчайте, прямо отвѣчайте мнѣ,—продолжалъ онъ задыхаясь,—я вамъ все сказалъ, болѣе мнѣ ничего не остается сказать.

Катя вдругъ ярко вспыхнула и съ сверкающими глазами поднялась съ своихъ креселъ, движимая роковою рѣшимостью.

— Другъ мой! другъ мой!..—прошептала она и остановилась.

Захаръ Лаврентьичъ смотрѣлъ на нее, не переводя дыханія.

Она хотѣла сказать ему:

«Не утѣшайте себя напрасными надеждами. Лучше разомъ узнать все, чѣмъ мучиться, ожидать, обольщать себя несбыточными мечтами, вглядитесь въ меня хорошенько, откройте глаза: вы думаете во мнѣ видѣть прежнюю Катю. Но передъ вами только тѣнь ея, передъ вами полуживое существо, которое имѣетъ одни внѣшніе признаки жизни... Смотрите на меня, смотрите: неужели вы не видите, что во мнѣ осталось жизни на нѣсколько дней, можетъ быть на нѣсколько часовъ? Я чувствую смерть, а вы, странный человѣкъ, вы говорите мнѣ о любви, о будущемъ, о жизни...»

Но эти слова замерли на помертвѣлыхъ губахъ ея. Она опустилась въ изнеможеніи еле дышащая и прошептала:

— Мы подумаемъ объ этомъ; мы поговоримъ объ этомъ завтра.

— Завтра? — какъ эхо повторилъ печально Захаръ Лаврентьичъ.

Завтра?.. Настанетъ ли для тебя, бѣдный Захаръ Лаврентьичъ, это завтра?

Здѣсь я долженъ былъ бы остановиться... Дни Кати сочтены. Судьба ея совершилась. Что сталось съ Захаромъ Лаврентьичемъ, я не знаю.

Но я не могу не сказать любопытному и любящему отчетливость читателю нѣсколько словъ объ остальныхъ дѣйствующихъ лицахъ этого разсказа.

Графъ, который все дѣлалъ или изъ тщеславія, или отъ нечего дѣлать, запялся картами также отъ нечего дѣлать и проигралъ господину съ неуловимыми глазками значительный капиталъ. Онъ не могъ заплатить его вдругъ и заключилъ условіе съ своимъ другомъ, по которому обязался бы-

плачивать ему ежегодно по десяти тысячъ рублей серебромъ. Въ послѣднее время говорили, что состояніе графа разстроилось: одни приписывали это разстройство Лидіи Александровнѣ, другіе—безпорядку его дѣлъ и плутовству его управляющихъ. Послѣднее вѣроятнѣе перваго Теперь, впрочемъ, эти слухи замолкли. Графъ женился на очень молоденькой дѣвушкѣ съ богатымъ приданымъ и съ громкимъ именемъ. Объ этой блестящей партіи много было толковъ въ Петербургѣ: одни говорили, что графъ женился на расчету, единственно для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ, другіе увѣряли, что по любви. Я вѣрю скорѣе первымъ, чѣмъ послѣднимъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками отправился за границу, и дальнѣйшія похожденія его мнѣ не извѣстны..

Александръ Иванычъ продалъ свое послѣднее имѣніе. Выручивъ за него очень немного, онъ принужденъ былъ пойти въ управляющіе къ какому-то господину, вдругъ изъ ничего пріобрѣвшему милліоны, ко всеобщему удивленію и зависти...

Ваня, Петруша, Коля, Андрюша и прочіе и прочіе попрежнему гуляютъ на Невскомъ, ежедневно посѣщаютъ театры, рестораны, всѣ увеселительныя заведенія и иногда танцуютъ на вечерахъ у Лидіи Александровны, которая совсѣмъ не старѣется и продолжаетъ вести такую же жизнь, какъ и прежде...

Вихляевъ исчезъ.. Его не видать нигдѣ: ни въ театрахъ, ни въ циркахъ, ни въ ресторанахъ.. Впрочемъ, я встрѣтилъ его... это было, кажется, въ началѣ прошлой зимы... гдѣ-то далеко, на Екатериненскомъ каналѣ На немъ было лѣтнее истертое пальто, порыжѣлая шляпа и облупившіеся лакированные сапоги. Шляпа его была надвинута ухарски на одинъ бокъ, а руки съ эффектомъ засунуты назадъ въ карманы пальто. Замѣтивъ меня, онъ въ ту же секунду засвисталъ, вѣроятно, для поддержанія себя, отвернулся и продолжалъ путь все насвистывая, съ небрежною ловкостью льва, такъ, какъ ходятъ обыкновенно Ваня, Петруша, Коля и прочіе.

Вихляевъ сошелъ со сцены, но на ней появились уже другіе экземпляры, можетъ быть, нѣсколько улучшенные и исправленные, новыя изданія той же книги,—жалкія порожденія той же пустоты, той же ничтожности и мелочности, послѣдня звенья той же цѣпи, первое звено которой — герой этого разсказа..

РОДСТВЕННИКИ.

ГЛАВА I.

Въ селѣ Благовѣщенскомъ числилось 232 души мужского пола. Село Благовѣщенское принадлежало шестерымъ владѣльцамъ, изъ которыхъ три имѣли въ немъ постоянное мѣстопребываніе: холостой и отставной армейскій поручикъ Брыкаловъ лѣтъ сорока; неслужившій дворянинъ Ардальонъ Игнатьичъ Стойковскій пятидесяти девяти лѣтъ, отецъ многочисленнаго семейства и слуга супруги своей Агафьи Васильевны, барыни толстой, съ бѣльмомъ на правомъ глазу,—и, наконецъ, сестрица Ардальона Игнатьича—Олимпіада Игнатьевна, вдова лѣтъ пятидесяти шести, не безъ основанія пользовавшаяся уваженіемъ всего околотка за свои нравственныя и религіозныя правила. У Олимпіады Игнатьевны были сынъ и дочь—Петруша и Наташа. Петрушѣ было лѣтъ девятнадцать, Наташѣ двадцать два года.

Изъ 232 душъ села Благовѣщенскаго, Брюхатово тожъ, 62 души принадлежали Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, 85 душъ ея брату, 45 поручику Брыкалову, а остальныя затѣмъ другимъ владѣльцамъ, о которыхъ упоминать здѣсь не для чего. Три барскіе дома красовались въ разныхъ концахъ села Благовѣщенскаго. Впрочемъ, красовался собственно только одинъ барскій домъ, принадлежавшій Ардальону Игнатьичу, потому что этотъ домъ былъ обитъ тесомъ, выкрашенъ краской и находился на самомъ завидномъ мѣстѣ, то-есть на

небольшой площадкѣ противъ церкви. Домъ Олимпіады Игнатьевны былъ не то, чтобы совсѣмъ домъ, а такъ что-то среднее между домомъ и избою: старый, не обшитый тесомъ, онъ стоялъ, одинокій и мрачный, покачнувшись на бокъ, на самомъ концѣ деревни. Ни одного дерева, ни одного кустика не было кругомъ его,—только сзади дворъ, обнесенный плетнемъ, голый дворъ, выжженный солнцемъ и скользкій, во время лѣтней засухи, какъ паркетъ, а на дворѣ три или четыре людскія избушки, также дряхлыя. Поручикъ Брыкаловъ жилъ просто въ большой крестьянской избѣ, крытой соломой.

Грѣхъ сказать, чтобы владѣльцы села Благовѣщенскаго жили въ любви и мирѣ. Нога Ардальона Игнатьича три года не переступала порога его сестрицы Олимпіады Игнатьевны... И хотя онъ по своему кроткому и богобоязливому характеру каждый годъ на страстной недѣлѣ покушался примириться съ нею и каждый годъ начиналъ къ ней письмо слѣдующими строками:

«Милостивая Государыня любезнѣйшая сестрица. Приступая нынѣ къ великому Дѣлу съ подобающимъ истинному Христіанину чувствіями нѣлицѣмѣрнаго смиренія и покаянія въ своихъ проступкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ какъ Родственныя наши отношенія поколѣблѣны... то»..

Но на этомъ *то* Агафья Васильевна всякій разъ ловила его, выхватывала у него начатое письмо и рвала въ мелкіе кусочки.

Родственное согласіе Ардальона Игнатьича и Олимпіады Игнатьевны, возмущавшееся довольно часто Агафьей Васильевной, окончательно было прервано на полюбовномъ размежеваніи за какой-то клочокъ неудобной земли. Этотъ клочокъ Агафья Васильевна ни за что не хотѣла уступить Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Олимпіада же Игнатьевна, въ своею очередь, ни за какія блага не хотѣла уступить Агафьѣ Васильевнѣ. Такимъ образомъ, несмотря на неимовѣрныя усилія посредника, полюбовное размежеваніе земли села Благовѣщенскаго до сихъ поръ не состоялось. Долгъ справедливости заставляетъ, впрочемъ, замѣтить, что не однѣ Агафья Ва-

сильевна и Олимпіада Игнатьевна были препятствіемъ къ полюбовному размежеванію. Поручикъ Брыкаловъ почему-то твердо вознамѣрился присвоить себѣ 4½ десятины земли подъ строевымъ лѣсомъ, безспорно принадлежавшія Ардальону Игнатьичу, и, несмотря ни на какіе доводы, объявилъ торжественно, что онъ слышать ничего не хочетъ, что хоть до ножей дѣло дойдетъ, а онъ не уступитъ эти 4½ десятины. Разсказывали также (за достовѣрность этого я не могу однако поручиться), что поручикъ неоднократно подсылалъ крестьянъ своихъ по ночамъ рубить лѣсъ Ардальона Игнатьича и что Агафья Васильевна, завидѣвъ однажды изъ окна Пантелея, старосту поручика, изволила выбѣжать сама на дворъ въ одной кофточкѣ (нѣкоторые злые языки увѣряютъ, что даже и безъ кофточки) и съ грозными тѣлодвиженіями закричала вслѣдъ ему:

— Скажи, мошенникъ, своему барину, чтобы онъ мнѣ, грабитель, не показывался на глаза, а не то я ему всѣ его тараканьи усы выщиплю! Слышишь?..

Говорили, что Пантелей передалъ это поручику отъ слова до слова и что поручикъ, выслушавъ Пантелея, очень хладнокровно замѣтилъ:

— А вотъ погоди она у меня, я ее каналью затравлю собаками.

Говорили также... но нѣтъ возможности передать всѣхъ разсказовъ другъ о другѣ владѣльцевъ села Брюхатова. Этимъ разсказамъ не было бы конца. И благодаря только имъ обнаруживались кое-какіе признаки жизни и движенія въ селѣ Брюхатовѣ... Такъ поверхность стоячаго болота, подернутаго зеленоватою плѣсенью, возмущается только тогда, когда мальчишки, забавляясь, бросаютъ въ него камешки.

Село Брюхатово не могло похвалиться живописными видами. Оно было расположено на ровномъ и низменномъ мѣстѣ, у рѣчки Вѣкши. Эта рѣчка нѣсколько оживляла грустныя и однообразныя его окрестности. Блестящая, какъ лезвее меча, искусно выполированное, она быстро и весело сверкала и извивалась, какъ змѣя, среди тучныхъ, но плохо воздѣланныхъ пажитей, нисколько не гордясь тѣмъ, что

сливала воды свои съ водами одной изъ величайшихъ и красивѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Вправо отъ селенія, у самаго горизонта, показывался мелкій лѣсокъ на возвышеніи. На разстояніи семи верстъ въ окрестностяхъ не было ни одной горки, а только небольшія покатости и едва замѣтные холмы. Удобнѣе этой земли въ хозяйственномъ отношеніи невозможно было желать.

И если бы село Брюхатово было въ однѣхъ и, какъ говорится, хорошихъ рукахъ, оно, вѣроятно, приносило бы значительныя выгоды, но раздробленное на мелкіе участки, при черезполосномъ владѣніи, при безпрестанныхъ распряхъ совладѣльцевъ, при ежедневныхъ ссорахъ и дракахъ разнопомѣщичьихъ крестьянъ, подобно господамъ враждебно смотрѣвшихъ другъ на друга, при самой отчаянной безтолковости въ управленіи,—оно находилось въ жалкомъ состояніи. Полуразвалившіяся избы, на которыя безобразно навалены были кучи соломы, сгнившей и почернѣвшей отъ времени, растасканные и разрушенные плетни, нечистота на улицахъ, грязные и оборванные ребятишки, полунагія бабы вмѣстѣ съ поросятами и свиньями,—все это вмѣстѣ производило грустное и тяжелое впечатлѣніе.

Всегда печальное, еще печальнѣе обыкновеннаго казалось село Брюхатово въ тотъ весенній вечеръ, походившій, впрочемъ, болѣе на осенній, съ котораго начинается наше повѣствованіе.

Сѣренькое небо, мелкій и частый дождь, однообразный скрипъ обломанныхъ крыльевъ вѣтряной мельницы, вой дворной собаки, все страшно дѣйствовало па нервы и наводило тоску нестерпимую.

Наташа—дочь Олимпіады Игнатьевны, сидѣла у окна и смотрѣла на мальчишку пастуха, который по колѣно въ грязи, измокшій до костей, дрожа отъ холода и голода, съ длинной хворостиной въ рукѣ гналъ стадо овецъ и барановъ мимо барскаго дома.

Наташа была не дурна собой, высока и стройна. На ней было ситцевое платьице, съ вырѣзкой на груди, со шнурками и кистями, и сверху немного засалившаяся черная кацавей-

ка, обшитая кошачьимъ мѣхомъ... Она все продолжала смотрѣть въ окно, хотя мальчикъ, гнавшій стадо, давно прошелъ и хотя смотрѣть ужъ рѣшительно было не на что. Потомъ она немного задумалась, облокотилась головой на руку и... зѣвнула.

Вслѣдъ за тѣмъ въ углу той же самой комнаты послышался долгій и глубокій вздохъ.

Въ этомъ углу на диванѣ у печки сидѣла маменька Наташи въ бѣломъ чепцѣ и въ темно-пюсовомъ капотѣ.

— Что это, матушка, ты усѣлась тутъ у окна?—произнесла маменька печальнымъ и болѣзненнымъ тономъ.—Иначе она не говорила.

— Что-съ?—спросила разсѣянно Наташа.

— Ахъ, Боже мой, что ты оглохла что ли?.. я спрашиваю тебя, зачѣмъ ты усѣлась у окна?

— Да отчего же мнѣ не сидѣть тутъ?

— Хоть бы занялась чѣмъ-нибудь.

— Да чѣмъ же мнѣ заняться, маменька?

— Чѣмъ?—проговорила Олимпіада Игнатьевна,—ну, коли нѣтъ никакой работы, хоть бы чулокъ вязала. Все занятіе.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе.

Дождь продолжалъ стучать въ стекла.

Наташа еще разъ зѣвнула.

Олимпіада Игнатьевна, глядя на нее, также зѣвнула и прошептала со вздохомъ:

— Ахъ, Боже мой!.. Ахъ, Господи, Боже мой,—и перекрестила свой ротъ.

Черезъ минуту она снова обратилась къ Наташѣ:

— Да что это ты зѣваешь безпрестанно, Наташа?

— Скучно, маменька.

Олимпіада Игнатьевна печально покачала головой.

— Въ твои лѣта мы не умѣли и не смѣли скучать,—проворчала она...—Такъ ты скучаешь съ матерью?

На глазахъ Олимпіады Игнатьевны показались слезы. Она, подобно многимъ барынямъ, владѣла искусствомъ вызывать слезы при всякомъ удобномъ случаѣ.

Наташа хотя и привыкла къ такого рода слезамъ, но,

несмотря на это, считала обязанностью въ такихъ случаяхъ бросаться къ маменькѣ, утѣшать ее и цѣловать ей ручки.

— Маменька, душенька! что это вы! полноте! Какъ вамъ не стыдно!.. Мнѣ такъ просто скучно, я сама не знаю отчего, а съ вами, маменька-съ, какъ это можно! съ вами мнѣ никогда не скучно.

На слова Наташи Олимпіада Игнатьевна улыбнулась съ пріятностью, хотя вполнѣ была убѣждена, что Наташа лжетъ и что она скучаетъ съ нею.

— А который часъ, Наташа?

Наташа побѣжала въ сосѣднюю комнату, въ которой тяжело шипѣли часы.

— Половина седьмого, маменька-съ,—закричала она.

— Ну, коли половина седьмого, такъ вели Марфуткѣ собирать къ чаю, да позови эту негодницу Феньку... Гдѣ она тамъ это бѣгаетъ, скверная дѣвчонка?

Олимпіада Игнатьевна вздохнула. Она каждое слово сопровождала или вздохомъ, или легкимъ стономъ.

Явилась Марфутка, распространяя въ комнатѣ запахъ коровьяго масла, которымъ она мазала волосы. Марфутка собрала все, что слѣдуетъ къ чаю. За Марфуткой явился Ларька, низенькій и пожилой мальчишка, въ грязныхъ сапогахъ, въ которые были заправлены синіе кумачные панталоны,—и поставилъ на столъ нечищеный самоваръ. Вслѣдъ за Ларькою показалась двѣнадцатилѣтняя дѣвчонка, Фенька, обстриженная подъ гребенку, въ тиковомъ платьѣ съ таліей подъ мышками и въ башмакахъ на босую ногу. Фенька неотлучно находилась при барынѣ для посылокъ и, стоя у дверей, вязала обыкновенно толстый и засаленный чулокъ, а иногда дремала, прислонясь къ стѣнѣ, но и во снѣ все-таки шевелила спицами. Олимпіада Игнатьевна побранила Феньку, объявила ей, что если она вздумаетъ еще разъ убѣжать, то она ее, какъ собачонку, привяжетъ на веревку къ двери, и въ заключеніе прибавила, что ужъ здоровья ея не достаетъ управляться со всѣмъ этимъ народомъ. Затѣмъ все пришло въ обыкновенный порядокъ: самоваръ закипѣлъ, Фенька прислонилась къ стѣнѣ и зашеве-

лила спицами; Наташа принялась разливать чай. Къ чаю явился Петруша.

Петруша въ семнадцать лѣтъ корчилъ человѣка все понявшаго и разгадавшаго. Никакіе вопросы не останавливали его, онъ разрѣшалъ ихъ легко и смѣло. Онъ говорилъ безъ умолку и съ жаромъ обо всемъ: о Байронѣ, Сенъ-Симонѣ, о Фурье, о гегелевскомъ примиреніи и о томъ, что нѣкоторое время онъ находился въ моментѣ распаденія и сдѣлался вполнѣ человѣкомъ только тогда, когда вышелъ изъ этого момента. Петруша не читалъ ни Сенъ-Симона, ни Фурье, ни Гегеля; о Байронѣ онъ имѣлъ слабое понятіе по кое-какимъ русскимъ и французскимъ переводамъ. Всю свою мудрость Петруша почерпалъ изъ русскихъ журналовъ. Людей четырьмя или пятью годами старше себя онъ безъ церемоній причислялъ уже къ старому поколѣнію и говорилъ:

— Нѣтъ, они не въ состояніи понять насъ, они не могутъ сочувствовать нашимъ интересамъ. Они отстали! — Года три онъ подготовлялся въ Москвѣ къ университету, но, не выдержавъ вступительнаго экзамена, возвратился восвояси и зажилъ преспокойно въ селѣ Брюхатовѣ, почитывая журналы, пописывая стишки въ гейневскомъ родѣ (этотъ родъ былъ тогда въ модѣ), покуривая трубку и посматривая на всѣхъ окружавшихъ его (не исключая и маменьки) съ ироническою улыбкою

Когда Петруша вошелъ въ комнату задумчивый и блѣдный, Олимпіада Игнатьевна обратилась къ нему съ нѣжностью:

— Ахъ, Петенька,—сказала она, вздыхая,—ты все занимаешься! побойся Бога, вѣдь у тебя грудь слаба, дружочекъ.

Петруша, ничего не отвѣчая, закурилъ трубку и развалился въ креслахъ.

— Да что ты такой скучный?—спросила она его съ безпокойствомъ.

— Ахъ, да ничего, оставьте пожалуйста.

Олимпіада Игнатьевна безпокойно посмотрѣла на него.

Напустивъ дыму полную комнату, Петруша всталъ съ креселъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, мрачно завывая себѣ подъ носъ:

Есть упоенie въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы.
И въ аравiйскомъ ураганѣ,
И въ дуновенiи чумы!.

— Вашъ чай, братецъ, совсѣмъ простынетъ,—сказала Наташа.

Петруша, ничего не отвѣчая, подошелъ къ столу, отпилъ немного изъ своего стакана, пустилъ изо рта еще тучу дыма и потомъ снова сталъ прохаживаться по комнатѣ, продолжая завывать стихи. Фенька, шевеля спицами, смотрѣла на него, вытараща глаза. Наташа начала разсказывать мамонькѣ только что передъ этимъ выслушанную ею отъ Федоры, ключницы, новость о томъ, какъ дяденька Ардальонъ Игнатьичъ, по приказанiю тетеньки Агафьи Васильевны, очень строго наказалъ своего кучера Петрушку и непремѣнно рѣшился отдать его не въ зачетъ въ рекруты; о томъ, какъ тетенька очень сердилась на дяденьку за то, что онъ избаловалъ всѣхъ людей, какъ дяденька оправдывался передъ тетенькою и прочее. Олимпiада Игнатьевна не безъ удовольствiя и съ большимъ вниманiемъ слушала разсказы Наташи, отъ поры до времени только тяжело вздыхая и пожимая плечами... Наташа, несмотря на всѣ ея достоинства, имѣла небольшое поползновенiе къ пересудамъ и сплетнямъ, общее всѣмъ деревенскимъ барышнямъ.

Она отличалась отъ своихъ подругъ тѣмъ, что была большая охотница читать. Она прочла почти всѣ французскiе романы въ переводахъ.

Чтенiе, хотя довольно безтолковое, способствовало все-таки развитiю ея понятiй. Но многое въ книгахъ перетолковывала она странно, по-своему; многаго совсѣмъ не понимала, а объяснить было некому. Наташа все таила въ самой себѣ и никому не довѣряла своихъ мыслей и ощущенiй.

Петруша считалъ ее пустой дѣвочкой; онъ говорилъ, что у нея «одна изъ тѣхъ будничныхъ натуръ, на которыя природа не скупится...» и только такъ иногда, изъ милости, читалъ ей свои стишки.

Съ маменькой Наташа не была откровенна.

Олимпіада Игнатьевна, несмотря на доброту свою и привязанность къ дочери, всегда смотрѣла на нее съ высоты своего родительскаго величія. Сыну она дозволяла имѣть какой ему угодно образъ мыслей, ни въ чемъ не стѣсняла его свободы и даже подчиняла себя его желаніямъ; но съ дочерью поступала деспотически. Дочь, по ея понятіямъ, не могла, не должна и не смѣла имѣть своей воли, своего образа мыслей. Наташа разсуждала съ маменькою только о домашнемъ хозяйствѣ да развлекала ее разсказами и сплетнями о дяденькахъ, тетенькахъ, о сестрицахъ и братцахъ, о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ...

Когда Наташа передала Олимпіадѣ Игнатьевнѣ всѣ новости о дяденькѣ и тетенькѣ, Олимпіада Игнатьевна, не пропустившая ни одного слова изъ ея разсказа, тяжело простонала:

— Бѣдный братецъ! бѣдный братецъ! погубили тебя, искоренили въ тебѣ всѣ родственныя чувства, голубчикъ!..

— Ужъ есть о комъ жалѣть!—перебилъ Петруша.

— А какъ не жалѣть, дружочекъ? Если бы онъ былъ намъ чужой—дѣло другое, а то вѣдь онъ самый близкій нашъ родственникъ, вѣдь онъ родной братъ мнѣ, Петруша; родной дядя тебѣ..

Петруша, все продолжавшій ходить по комнатѣ, при этомъ возраженіи маменьки вдругъ остановился и ударилъ кулакомъ по столу.—Дядя! дядя!..—повторялъ онъ.—Да что жъ такое дядя? Я этого рѣшительно не понимаю... Ваши родственные предразсудки меня возмущаютъ.

И Петруша принялся доказывать маменькѣ, что одно кровное родство ничего не значитъ, что есть родство другое, высшее, духовное,—единственное, которое можетъ допустить человѣкъ мыслящій и развитой, что онъ ни съ дядюшкой своимъ и почти ни съ кѣмъ изъ родныхъ ничего не имѣетъ об-

щаго, что они находятся въ состояніи дикомъ и болѣе походятъ на звѣрей, чѣмъ на людей.

Олимпіада Игнатьевна слушала сына, сомнительно покачивая головою.

Когда Петруша кончилъ, она возразила:

— Это можетъ быть такъ по-вашему, по-нынѣшнему, а по-нашему не такъ.

Петруша разсердился. Онъ непремѣнно хотѣлъ поставить маменьку на ту высшую точку, съ которой самъ смотрѣлъ на этотъ предметъ—и продолжалъ безпощадно уничтожать маменькины предразсудки и доказывать нелогичность ея образа мыслей. Олимпіада Игнатьевна слушала его, не понимая ни слова, а между тѣмъ слѣдила за Фенькою, которая начинала, по своему обыкновенію, дремать, прислонясь къ двери, и грозила ей пальцемъ.

А Петруша все ораторствовалъ. Наконецъ Олимпіада Игнатьевна рѣшилась прервать его.

— Другъ мой, Петенька,—сказала она,—ты бы лучше прочелъ мнѣ свои послѣдніе стишки. Ты знаешь, мой ангелъ, какъ я люблю всѣ твои сочиненія.

На лицѣ Петруши при этихъ словахъ выразилась горькая, ядовитая улыбка. И когда маменька повторила въ другой разъ о стишкахъ, онъ нехотя продекламировалъ:

Она сидѣла съ думой тайной,
А вѣтеръ листья шевелилъ,
И ликъ ея такъ мраченъ былъ,
И взоръ ея упалъ случайно
На желтый, высохшій листокъ;
Вдали посеребренъ луною,
Сквозь темный лѣсъ сверкалъ потокъ...
Она кивала головою,
И вздохъ ея былъ такъ глубокъ!

Отъ стиховъ маменька была въ восторгѣ и расцѣловала за нихъ Петрушу, прибавивъ однакожъ:

— Зачѣмъ только ты пишешь, голубчикъ, все такое печальное?

Потомъ Олимпіада Игнатьевна выдрала Феньку за уши

и послала ее за Ларькой и Марфуткой. Когда Ларька и Марфутка убрали чашки, въ комнатѣ снова водворилась тишина. Петруша молчалъ и курилъ трубку. Наташа машинально перебирала листы стараго календаря, лежавшаго передъ ней на столѣ. Олимпіада Игнатьевна, закутавшись въ платокъ, охала и кряхтѣла у печки... Только дождь все стучалъ въ окна.

Вдругъ раздался отдаленный звонъ колокольчика, и всѣ встрепенулись невольно при этомъ звонѣ. Петруша приподнялся съ креселъ, Олимпіада Игнатьевна и Наташа вздрогнули, всѣ въ одинъ голосъ вскрикнувъ: «кто бы это?» и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

ГЛАВА

Колокольчикъ, между тѣмъ, приближался, заливаясь звучнѣй и звучнѣй... Наташа вскочила съ дивана, бросилась къ окну, и сердце ея забилось шибко. Отчего? Не ждала ли она кого-нибудь? Нѣтъ! кого ей ждать: сосѣди и сосѣдки ихъ были противные, по ея собственному выраженію, родственники скучные, а кромѣ сосѣдей, сосѣдокъ и родственниковъ пріѣхать некому. Правда, Наташа была довольно дружна съ одной изъ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, но эта двоюродная сестрица жила отъ нихъ верстахъ во ста и ѣздила къ нимъ очень рѣдко, потому что больная тетка не отпускала ее отъ себя. Сестрицы она не могла ждать; но Наташѣ было все равно—лишь бы кто-нибудь пріѣхалъ, хоть кто-нибудь изъ противныхъ,—все бы веселѣе, все бы легче, все какое-нибудь развлеченіе.

— Ахъ, маменька,—радостно вскрикнула Наташа, глядя въ окно.

— Что такое? кого нелегкая принесла въ этакую погоду?—простонала Олимпіада Игнатьевна, какъ будто нехотя приподнимаясь съ дивана, въ ту самую минуту, какъ колокольчикъ задребезжалъ и смолкъ у самаго подъѣзда,—теперь добрый хозяинъ собаки не выгоняетъ со двора.

— Маменька,—продолжала Наташа,—посмотрите, какой чудесный тарантасъ, какія лошади! кто бы это?

— Братецъ, Сергѣй Александрычъ!—вскрикнулъ Петруша,—это онъ, право онъ!

— Можетъ ли быть? откуда же? какъ?—спросила Олимпіада Игнатьевна, оживляясь.

— И съ нимъ еще кто-то,—замѣтилъ Петруша.

— Ахъ, маменька, въ самомъ дѣлѣ, и еще кто-то!—закричала Наташа.

— Да неужто, въ самомъ дѣлѣ, это онъ?—повторила Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ Петрушѣ.—Вотъ нежданный-то гость, признаюсь!—продолжала она нѣсколько иронически: прямо изъ-за границы что ли изволилъ прикатить къ намъ въ глушь? Видно ужъ всѣ денежки прокутилъ голубчикъ! Наташа, брось свою кацавейку-то; надѣнь какой-нибудь платочекъ на шею, а то вѣдь тебя, глупую провинціалку, какъ разъ осмѣютъ Вѣдь Сергѣй Александрычъ, матушка, не то что мы, дикари: онъ человѣкъ столичный, свѣтскій, за границей жилъ, въ Парижѣ былъ.

Въ передней, между тѣмъ, послышался шумъ. Иронія исчезла съ лица Олимпіады Игнатьевны и мгновенно смѣнилась выраженіемъ истинно родственнаго восторга. Съ этимъ выраженіемъ бросилась она въ переднюю навстрѣчу къ племяннику.

— Другъ мой, другъ мой!..—Она крѣпко прижала племянника къ своему сердцу.—Вы ли это, батюшка мой? васъ ли я вижу?. Ахъ, какая радость! какая неожиданная радость! Боже мой! Боже мой!.. и какъ вы стали похожи на покойника братца! точно вотъ какъ будто онъ голубчикъ передо мною!.. Знаете ли вы, какъ онъ любилъ меня?

Олимпіада Игнатьевна рыдала безъ слезъ, припавъ головой къ плечу родственника, обнимала и цѣловала его.

Положеніе Сергѣя Александрыча (ибо это точно былъ онъ) было затруднительно. Минутъ пять, по крайней мѣрѣ, тетушка душила его въ своихъ горячихъ родственныхъ объятіяхъ, а братецъ Петруша такъ крѣпко и значительно жалъ ему руку, что Сергѣй Александрычъ единственно только изъ

приличія не кричалъ отъ боли. Между тѣмъ, Наташа, еще не замѣченная братцемъ, стояла у входа въ переднюю. Наташа накинула на шею розовый платочекъ, лучшій платочекъ, какой только былъ у нея, надѣла чистую манишку и даже украсила руку блестящимъ браслетомъ. Она была въ сильномъ волненіи и смотрѣла на братца съ робкимъ любопытствомъ. Въ то же время головы горничныхъ дѣвокъ попеременно высовывались изъ полурастворенной половинки дверей. Ларька, выпуча глаза, разиня ротъ и почесываясь, смотрѣлъ на пріѣзжихъ. Возлѣ Ларьки стоялъ Петровичъ, буфетчикъ и дворецкій Олимпіады Игнатьевны, человѣкъ лѣтъ сорока, въ нанковомъ сюртукѣ верденомоваго цвѣта съ пуфами на рукавахъ, съ длинными завитыми висками, съ огромнымъ хохломъ и съ сережкой въ ухѣ: лицо важное въ домѣ, пользовавшееся полною довѣренностью барыни. Онъ съ проницательностью обозрѣвалъ пріѣзжихъ, изрѣдка только покрякивая, чтобы обратить на себя ихъ вниманіе. Но не успѣвъ въ этомъ, онъ принялъ другія, болѣе сильныя мѣры и, дернувъ Ларьку за руку, произнесъ громко:

— Экая дурачина! Ну, что же ты чешешься при господахъ? не видишь что ли? ахъ вы деревенскіе олухи, невѣжественная чернь.

Но и эта выходка не удалась Петровичу.

Голосъ его былъ заглушаемъ слезами, всхлипываніемъ, восклицаніями и другими нѣжными родственными изліяніями.

Когда Олимпіада Игнатьевна, наконецъ, выпустила племянника изъ объятій, — онъ представилъ ей пріѣхавшаго съ нимъ своего пріятеля.

Затѣмъ всѣ двинулись изъ передней въ залу.

— А что Наташа? гдѣ же она? — спросилъ Сергѣй Александрычъ у тетушки.

Наташа все еще стояла на томъ же мѣстѣ, сердце ея забилось при этомъ вопросѣ: ей было очень пріятно, что братецъ вспомнилъ объ ней.

— Наташа! Наташа! — закричала Олимпіада Игнатьевна, — а, да вотъ она! Видите ли, какъ она перемѣнилась; вы ее, чай, и не узнали бы...

— Здравствуйте, сестрица, — сказалъ Сергѣй Александрычъ, взявъ руку Наташи.

Наташа вся вспыхнула, у нея загорѣлись даже уши. Она неловко присѣла и прошептала что-то невнятно на это привѣтствіе.

По дорогѣ изъ залы въ гостиную Сергѣй Александрычъ шелъ рядомъ съ Наташею.

— Какъ вы похорошѣли, — сказалъ онъ ей, — какъ вы выросли!

Наташа не знала, что дѣлать отъ замѣшательства, и кусала губы.

— А что, вы скучаете въ деревнѣ?

— Нѣтъ-съ...

Въ гостиной, которая отъ другихъ комнатъ отличалась только тѣмъ, что стѣны ея были выштукатурены и выбѣлены, всѣ чинно разсѣлись на диванѣ и около дивана. Надъ диваномъ висѣли два родственные портрета, безъ рамокъ, намалеванные крѣпостнымъ живописцемъ и загаженные мухами. Передъ диваномъ стоялъ неизбѣжный круглый столъ.

— Вы, вѣрно, прозябли въ дорогѣ, — сказала Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ гостямъ, — какая погода-то!.. не прикажете ли горяченькаго?.. Наташа! вели скорѣй ставить самоваръ.

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Въ дѣвичьей она бросилась на стулъ и въ первый разъ свободно вздохнула.

Дѣвки обступили ее.

— Вотъ, сударыня, — сказала одна изъ нихъ постарше, — Богъ намъ далъ нежданныхъ гостей. Ишь какіе два молодчика прикатили, — чай, сердечко-то, матушка, у васъ такъ и ёкаетъ теперь.

— Ахъ, Аннушка, Аннушка! — проговорила Наташа.

— Ну, что охать-то, сударыня? братецъ-то какой добрый: женишка намъ привезъ...

Дѣвки засмѣялись.

— Какой вздоръ, перестань, Аннушка!

— А нѣшто онъ вамъ не нравится?

— Кто?

— А баринъ-то, котораго братецъ привезъ?

— Да я на него и не смотрѣла.

— И не смотрѣли! видите! какъ, чать, ужъ не посмотрѣть на такого красавчика? А знаете, матушка, вѣдь братецъ-то пріѣхалъ въ нашу сторону надолго. Вплоть до зимы, слышь ты, останутся.

— А ты почемъ это знаешь? — спросила Наташа.

— Ужъ коли мнѣ не знать, матушка! Я все знаю.

— Оттого-то она, сударыня, такъ скоро и состарѣлась, что все знаетъ, — возразила одна изъ нихъ съ усмѣшкою...

Между тѣмъ въ гостиной Олимпіада Игнатьевна, вздыхая и охая, продолжала изливать свои родственныя чувства передъ племянникомъ, а Петруша разспрашивалъ братца о заграничной жизни, о направленіи умовъ въ Европѣ, о литературныхъ новостяхъ, о Парижѣ и Римѣ.

— Вѣдь онъ у меня поэтъ! — говорила Олимпіада Игнатьевна, съ любовью глядя на сына и обращаясь потомъ къ гостямъ, — сидитъ себѣ цѣлый день въ своей комнаткѣ, никуда не выходитъ и все или читаетъ, или сочиняетъ. Онъ пишетъ прекрасные стишки! Прочти, дружочекъ, которые-нибудь изъ нихъ братцу.

Сергѣй Александрычъ и его пріятель съ любопытствомъ обратились къ Петрушѣ; но Петруша закусилъ губу, съ досадою посмотрѣлъ на маменьку и отвѣчалъ, что на заказъ онъ ни писать, ни читать не можетъ.

Остальной вечеръ до ужина прошелъ незамѣтно. Сергѣй Александрычъ былъ любезенъ. Онъ много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ и о своей заграничной жизни. Наташа сидѣла противъ него, съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушая эти разсказы. Она сдѣлалась гораздо смѣлѣе и смотрѣла на братца уже безъ замѣшательства.

Ужинъ состоялъ, по деревенскому обычаю, изъ пяти или шести блюдъ, съ супомъ включительно, изъ которыхъ почти ни одного нельзя было взять въ ротъ. Сергѣй Александрычъ и его пріятель только изъ приличія брали понемногу на тарелку всего, что имъ подавали, но Олим-

піада Игнатьевна, при каждомъ блюдѣ, говорила имъ, вздыхая:

— Вы ничего не кушаете, такъ мало берете, покушайте, мой голубчикъ. Конечно, наши деревенскія блюда послѣ парижскихъ... и прочее.

И гости должны были давиться и кушать.

Послѣ ужина скоро всѣ разошлись, только Сергѣй Александрычъ остался поневолѣ съ тетушкой, потому что тетушка сочла необходимымъ передать ему съ подробностями и со слезами о своей ссорѣ съ братцемъ Ардальономъ Игнатьичемъ, прибавивъ, что ссора эта рѣшительно разстроила ея здоровье и что она скоро, можетъ быть, сойдетъ въ могилу, къ утѣшенію Агафьи Васильевны.

Разставшись, наконецъ, съ тетушкой (это было уже за полночь), Сергѣй Александрычъ отправился въ назначенную ему комнату по небольшому, узкому и грязному коридору, который слабо освѣщался ночникомъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Наташу.

Наташа вздрогнула, увидавъ его..

— Ахъ, это вы, братецъ! — сказала она.

Братецъ очень пріятно улыбнулся.

— Я, милая кузина.—Онъ хотѣлъ взять ея руку, но Наташа ускользнула отъ него и сказала:

— Прощайте, желаю вамъ покойной ночи, — хотѣла итти и вдругъ остановилась.

— Знаете ли вы этотъ браслетъ? — она указала ему на свой браслетъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Сергѣй Александрычъ, — а чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Посмотрите хорошенько.

Сергѣй Александрычъ взялъ руку Наташи и началъ внимательно разглядывать браслетъ.

— Прекрасный браслетъ! — сказалъ онъ, поцѣловавъ ея руку.

— Ну, а кто подарилъ его мнѣ?

— Кто?

— Будто вы не знаете?

— Не знаю.

— Ахъ, Боже мой, это вы же мнѣ прислали его изъ чужихъ краевъ. Вы ужъ забыли? — прибавила Наташа съ упрекомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я?..

Въ эту минуту гдѣ-то скрипнула дверь. Наташа еще разъ произнесла:

— Прощайте, братецъ, покойной ночи! — и исчезла.

— Какая милая! — сказалъ про себя Сергѣй Александрычъ.

ГЛАВА III.

Но здѣсь я долженъ оставить на время Наташу и ея маменьку и обратиться къ тѣмъ, которые такъ внезапно нарушили своимъ пріѣздомъ однообразіе и миръ ихъ деревенской жизни.

Сергѣй Александрычъ, родной племянникъ Олимпіады Игнатьевны и двоюродный братецъ Наташи, имѣлъ состояніе значительное. Этимъ значительнымъ состояніемъ онъ былъ обязанъ своему родителю. Родитель Сергѣя Александрыча — кавалеристъ временъ Бурцова, широкоплечій, полный, удалой, забіяка, съ огромными усами и съ не меньшею самоувѣренностью, созданъ былъ на соблазнъ прекраснаго пола. Всѣ барыни и барышни чувствовали къ нему особенное поползновеніе и съ волненіемъ впивались въ него любопытными очами, когда онъ, бывало, прокатывался мимо ихъ оконъ на лихой караковой парѣ, самъ подхлестывая пристяжную, изгибавшуюся въ три погибели, или когда входилъ въ комнату, гремя саблей, постукивая шпорами и покручивая свой густо нафабренный усъ. Но болѣе всѣхъ, при взглядѣ на него, билось сердце одной вдовы. И чаще всего встрѣчались взоры ея съ его взорами. Вдова эта была не простая вдова, — а вдова генерала и дочь — да притомъ еще любимая дочь — извѣстнаго въ то время своимъ богатствомъ коммерціи совѣтника Пузина. Полная, слабонервная и

сантиментальная, она проливала слезы надъ «Бѣдной Лизой» Карамзина и въ то же время немилосердно таскала за косы свою горничную Лизку. Между кавалеристомъ и вдовой завязались письменныя сношенія. Въ письмахъ она называла его *Эрастомъ*, хотя его звали Александромъ Игнатьичемъ, и требовала непремѣнно, чтобы онъ звалъ ее *Темирой*, хотя ее звали Пелагеей Васильевной. Она страдала и вздыхала и хотѣла, чтобы и онъ страдалъ и вздыхалъ, — и забіяка-кавалеристъ покорился волѣ женщины. Забывая и ромъ, и аракъ, съ твердостью перенося насмѣшки собутыльныхъ друзей своихъ, онъ вздыхалъ, глядя на нее, меланхолически покручивая усъ и живописно опираясь на саблю. Мало этого: онъ даже написалъ ей въ альбомъ стишки, сочиненные его пріятелемъ, которые, разумѣется, выдалъ за свои:

Брянцай уныло, лира!
Покой свой погубя,
О, милая Темира!
Я буду пѣть тебя.

Ахъ, можетъ ли сравняться
Съ любовью что твоей?
За славою гоняться
Я не хочу, ей-ей...

Коль пѣсенка простая
Понравится тебѣ,
Темира дорогая!
Вотъ вся награда мнѣ.

Стишки порѣшили все: Темира не выдержала, разрыдалась, бросилась на шею къ своему милому и сочеталась съ нимъ бракомъ. А Александръ Игнатьичъ достигъ своей цѣли: уплатилъ всѣ долги и зажилъ въ Петербургѣ великолѣпно и открыто, пріобрѣтя всеобщее уваженіе и сдѣлавшись кумиромъ всѣхъ своихъ родныхъ... Вскорѣ Богъ даровалъ ему дитя мужескаго пола, котораго въ св крещеніи нарекли Сергіемъ. День рожденія Сергѣя Александрыча былъ днемъ неописанной радости для его родителей, и съ

этого дня Божіе благословеніе, никогда, впрочемъ, не оставлявшее Пелагею Васильевну и ея супруга, еще явнѣе стало обнаруживаться надъ ними. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому служило, между прочимъ, и то, что ровно черезъ два мѣсяца послѣ этого дня они пріобрѣли за безцѣнокъ продававшееся съ аукціоннаго торга великолѣпное село Куроѣдово, принадлежавшее какому-то промотавшемуся князю и, по счастливой случайности, находившееся только въ восьми верстахъ отъ села Брюхатова, въ которомъ родился Александръ Игнатьичъ, и гдѣ покоился, до всеобщаго воскресенія, прахъ его родителей. Куроѣдово, въ честь Сергѣя Александрыча, было тотчасъ же переименовано въ Сергіевское.

Для того, чтобы удобнѣе наслаждаться супружескимъ счастіемъ и спокойствіемъ жизни, Александръ Игнатьичъ вышелъ въ отставку. Безпримѣрная любовь достойныхъ супруговъ возбуждала въ Петербургѣ во время оно всеобщій восторгъ и движеніе. Пелагея Васильевна никогда не говорила безъ слезъ о мужѣ. «Это ангелъ, настоящій ангелъ!»—повторяла она,—«онъ обожаетъ меня»... И, въ подтвержденіе этого, разсказывала, какъ однажды горничная нагрубила ей и какъ Александръ Игнатьичъ, узнавъ объ этомъ, вдругъ весь измѣнился въ лицѣ, побагровѣлъ и ударилъ горничную изо всей силы, такъ что она изъ одного угла комнаты отлетѣла въ другой и чуть не расшибла себѣ головы объ уголъ печки...

О любви родителей къ Сергѣю Александрычу и о воспитаніи его мы распространяться не будемъ. Довольно сказать, что на него не жалѣли денегъ. И когда Сергѣй Александрычъ кончилъ курсъ въ университетѣ, онъ зажилъ блистательно.

Вскорѣ послѣ этого родители скончались. Отецъ Сергѣя Александрыча объѣлся устрицъ, а маменька не могла пережить его и послѣдовала за нимъ въ могилу. Сергѣй Александрычъ въ двадцать семь лѣтъ сдѣлался полнымъ властелиномъ имѣнія. Смерть родителей развязала ему руки. Послуживъ немного и проживъ года три въ Петербургѣ, онъ

вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню, чтобы собрать съ крестьянъ оброки, расплатиться съ долгами и потомъ отправиться за границу. За границею Сергѣй Александрычъ пробылъ три года. Въ Германіи на какихъ-то водахъ проигралъ тысячъ двадцать въ рулетку, въ Римѣ отдыхалъ отъ жизни и волочился на развалинахъ Колизея за какою-то русской княгиней или графиней, а въ Парижѣ содержалъ лоретку, ту самую лоретку, къ которой, по его увѣренію, одинъ изъ bel esprit Café Anglais написалъ знаменитый куплетъ:

Connaissez-vous dans la rue de Provence
Une femme, qu'on cite partout pour sa beauté,
Pour son esprit et pour son élégance?
Eh bien, messieurs, c'est moi, sans vanité...

Grande et brune à l'œil noir
C'est au bal qu'il faut me voir.
Je fais des malheureux
Et même parfois des heureux.

Сергѣй Александрычъ вывезъ изъ Европы большую увѣренность въ собственныя достоинства, нѣсколько великолѣпныхъ и поэтическихъ фразъ объ Италіи (порядочно устарѣвшихъ въ наше время), щегольское платье изъ Лондона и начало статьи: «О будущности Россіи и объ отношеніяхъ ея къ Западной Европѣ».

Сергѣй Александрычъ имѣлъ мало общаго съ пріятелемъ и спутникомъ своимъ Григорьемъ Алексѣичемъ. Григорій Алексѣичъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей, которые заботились мало о его воспитаніи. Патріархальная ихъ любовь къ нему ограничивалась только заботою о томъ, чтобы онъ былъ сытъ и здоровъ. Отецъ его даже былъ положительно увѣренъ, что образованіе больше вредно, чѣмъ полезно, потому что сынъ одного богатаго помѣщика ихъ губерніи, на воспитаніе котораго потратили десятки тысячъ, ничему не выучился и вышелъ негодяемъ, а другой молодой человѣкъ, сынъ другого помѣщика ихъ же губерніи,

оставленный на произволъ Божій съ тринадцати лѣтъ, самъ, безъ учителей, всѣмъ наукамъ обучился, сдѣлался благонамѣреннымъ и добропорядочнымъ малымъ, собственными трудами добывалъ себѣ хлѣбъ и, впослѣдствіи, еще кормилъ своихъ престарѣлыхъ и промотавшихся родителей...

Свѣтлорусые волосы, завивавшіеся отъ природы, голубые глаза съ задумчивымъ выраженіемъ, блѣдность лица, нерѣшительная и медленная поступь, рано развивавшаяся страсть къ чтенію, — все это рѣзко отличало Григорья Алексѣича отъ всѣхъ остальныхъ деревенскихъ барчонковъ-головорѣзовъ, его сверстниковъ. Григорій Алексѣичъ не занимался играми, свойственными его лѣтамъ, и гонялъ отъ себя прочь дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которыхъ маменька посылала къ нему для забавы и которыми мастерски помыкали и распоряжались старшія и меньшія его сестрицы. Деликатная натура Григорья Алексѣича приводила въ немалое изумленіе его достойныхъ родителей. Папенька, глядя на него, покачивалъ головою и пожималъ плечами, или иногда, въ веселый часъ, залившись добродушнымъ смѣхомъ, восклицалъ, обращаясь къ женѣ своей: «А что, матушка... ужъ полно, мой ли это сынъ?.. Я что-то, право, сомнѣваюсь въ этомъ! ха, ха, ха!..» Маменька, цѣлуя Григорья Алексѣича и осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, говорила обыкновенно, вздыхая: «Нелюдимое ты мое дитятко, дикарь ты мой милый»...

Григорью Алексѣичу уже было пятнадцать лѣтъ, когда одинъ молодой, богатый и образованный помѣщикъ, ближайшій сосѣдъ его родителей, обратилъ на него вниманіе. Иванъ Ѳедорычъ (такъ звали этого помѣщика) нашелъ въ Григорьѣ Алексѣичѣ душу впечатлительную и поэтическую и притомъ большую любознательность. Жаль ему стало, что духовныя способности бѣднаго мальчика пропадаютъ, лишенныя средствъ къ развитію, и ему пришло въ голову взять его къ себѣ и заняться его воспитаніемъ. Ивану Ѳедорычу необходимо было какое-нибудь развлеченіе, потому что прелесть деревенской праздности начинала нѣсколько тяготить его. Но слухъ о благодѣтельномъ намѣреніи Ивана Ѳедорыча до-

стигъ какимъ-то образомъ преждевременно до отца Григорья Алексѣича, съ прикрасами и прибавленiями, отчасти оскорбительными для его родительскаго самолюбiя...

— Ахъ онъ разбойникъ, вольнодумецъ, христопродавецъ!—восклицалъ, задыхаясь, отецъ Григорья Алексѣича,—вишь какую штуку откололь! Отнять у меня сына хочетъ,—только!.. Да я лучше отдамъ его въ свинопасы, чѣмъ къ нему на воспитанiе, къ душегубцу! Пусть свиней лучше пасетъ съ подлецомъ Ермошкой!..

Но судьба Григорья Алексѣича рѣшилась вдругъ и совершенно неожиданно. Въ одно прекрасно утро отецъ его внезапно скончался. Дѣла, по смерти его, оказались въ величайшемъ разстройствѣ. Положенiе вдовы было бѣдственно. Къ счастiю ея, Иванъ Өедорычъ, котораго покойный звалъ христопродавцемъ, первый явился къ ней, принялъ въ ея положенiи участiе и упросилъ ее, чтобы она отдала ему Григорья Алексѣича на воспитанiе. Вдова рѣшилась на это, впрочемъ, не вдругъ.

Большой, старинный барскiй домъ, отдѣльная комната, посвященная книгамъ и уставленная бюстами великихъ мужей древности; столъ, заваленный брошюрами, газетами и книгами; лакеи, обутые, обритые и одѣтые прилично, хотя и смотрѣвшiе нѣсколько мрачно и исподлобья; хозяинъ дома, обращавшiйся очень тихо и кротко со всею дворнею,—все это приводило сначала Григорья Алексѣича въ немалое изумленiе. Но онъ не долго скучалъ по родительскомъ кровѣ и скоро привыкъ къ своей новой жизни, которая такъ рѣзко отличалась отъ жизни его семейства. Къ удовольствiю наставника, ученикъ оказывалъ быстрые успѣхи и развивался. Черезъ года два Григорiй Алексѣичъ могъ свободно читать по-французски и даже по-нѣмецки. Онъ жадно и безъ всякаго разбора принялся за чтенiе. Особенно нравилось ему французскiя новѣйшiя драмы и романы; но Иванъ Өедорычъ остановилъ его юношескiй порывъ. Иванъ Өедорычъ не терпѣлъ новѣйшей французской литературы. Онъ боялся, что она произведетъ вредное влiянiе на его питомца, и съ особеннымъ наслажденiемъ вводилъ его въ таинственный и мисти-

ческій германскій міръ, такъ раздражающій нервы, такъ обаятельно дѣйствующій на юное воображеніе. Гофманъ, Тикъ, Уландъ, Жанъ-Поль-Рихтеръ были настольными книгами Ивана Ѳедорыча. Дѣйствительная, практическая жизнь не имѣла для него никакой поэзіи, никакого интереса. Высочайшимъ идеаломъ была для него рыцарская, средневѣковая Европа. Онъ бродилъ ощупью въ туманныхъ, фантастическихъ мірахъ и былъ совершенно глухъ и слѣпъ для дѣйствительной жизни,—рѣшительно не вѣдая, что дѣлается у него подъ носомъ. Добрый и кроткій отъ природы, искренно негодовавшій противъ всякаго притѣсненія и насилія, онъ вѣрилъ на слово своему управляющему-нѣмцу, который въ глазахъ его, самымъ безстыднымъ и наглымъ образомъ обиралъ и притѣснялъ крестьянъ его, увѣряя, что они благоденствуютъ. Четыре года сряду прожилъ онъ въ деревнѣ, съ намѣреніемъ поправить свои дѣла, разстроенныя еще его отцомъ и дѣдомъ, и въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ не могъ узнать положительно ни сколько у него земли, ни сколько душъ. Врожденная безпечность и лѣнь широко развились въ Иванѣ Ѳедорычѣ подъ благотворною сѣнію деревенскаго быта. Любо и вольно было ему въ халатѣ и туфляхъ, на широкомъ восточномъ диванѣ, лежать цѣлые дни съ книгою Жанъ-Поль-Рихтера въ рукѣ и съ янтаремъ въ зубахъ, изрѣдка прерывая чтеніе или мечту лѣнивымъ крикомъ: «Васька! трубку»... Одного только недоставало Ивану Ѳедорычу—человѣка, съ которымъ бы иногда, за чашкой чая, съ янтаремъ въ зубахъ, пофилософствовать и помечтать... Но вотъ Григорій Алексѣичъ подросъ... Ему девятнадцать лѣтъ... съ нимъ можно говорить о чемъ угодно: онъ понимаетъ все; чего жъ лучше? Надо замѣтить, что Иванъ Ѳедорычъ, первые мѣсяцы съ горячностью принявшійся за образованіе своего питомца, отъ непривычки къ труду скоро утомился и предоставилъ его собственному развитію. Ученику нельзя было не увлечься примѣромъ учителя... Удобства праздной, барской жизни соблазнительны: Григорій Алексѣичъ обыкновенно такъ же лѣниво валялся по дивану съ Шиллеромъ, какъ Иванъ Ѳедорычъ съ Жанъ-

Полемъ. Григорій Алексѣичъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на косогорѣ, близъ рощи, и, мечтая о чемъ-то, слѣдилъ за полетомъ жаворонка и прислушивался къ его пѣснѣ.

— Боже мой! какъ хороша природа! какъ хороша жизнь!—восклицалъ онъ, съ чувствомъ глядя на своего благодѣтеля. А тотъ, вздыхая, смотрѣлъ на него съ завистью, думая: «Когда-то и я также живо и страстно восхищался природою и жизнью!..» И бралъ дикіе и мрачные аккорды... на разстроенныхъ фортепіанахъ.

Однажды утромъ за кофеемъ Иванъ Ѳедорычъ какъ-то необыкновенно пристально и долго глядѣлъ на Григорья Алексѣича. Григорій Алексѣичъ былъ уже молодецъ хоть куда, высокій и статный. Онъ значительно пополнѣлъ на вольномъ воздухѣ и на даровомъ хлѣбѣ; его густые и волнистые волосы живописно падали до плечъ, а усы пробивались съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Иванъ Ѳедорычъ крѣпко задумался, глядя на него.

«Я взялъ на себя воспитаніе этого молодого человѣка,— думалъ онъ,—на мнѣ лежитъ высокая и святая обязанность въ отношеніи къ нему. А я съ моей отвратительной безпечностію эгоистически держалъ его при себѣ до этихъ лѣтъ. Это непростительно!»

Иванъ Ѳедорычъ, терзаемый этими мыслями, въ волненіи сталъ прохаживаться по комнатѣ—и вдругъ остановился передъ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Я виноватъ передъ тобой, Grégoire,—произнесъ онъ торжественно и не безъ волненія,—виноватъ страшно...

Онъ взялъ Григорья Алексѣича за руку и крѣпко пожалъ ее.

Григорій Алексѣичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Виноватъ потому, что я не заботился о тебѣ, потому, что понадѣялся на себя. Я думалъ, что могу сколько-нибудь подготовить тебя здѣсь къ университету, безъ посторонней помощи; эти годы тебѣ необходимо было ученье классическое, серьезное,—а они прошли такъ, они потеряны для тебя безъ всякой пользы. Это убиваетъ меня, Grégoire!..

Иванъ Өедорычъ снова началъ прохаживаться по комнатѣ въ сильной тревогѣ...

— Боже мой! Боже мой!—говорилъ онъ,—хотя бы одно намѣреніе мое, хотя бы одну мысль я могъ когда-нибудь осуществить на дѣлѣ!... А мнѣ уже 34 года! Нѣтъ, я не способенъ ни къ чему—ни къ любви. ни къ дружбѣ, а между тѣмъ у меня сердце любящее, Grégoire, клянусь тебѣ!

У Ивана Өедорыча выступили на глазахъ слезы...

— Въ 34 года я не могу совладать съ самимъ собою, а беру на себя участь другихъ! Пожалѣй обо мнѣ.

Иванъ Өедорычъ бросился въ кресло и закрылъ лицо рукою.

— Но прошедшаго не воротишь,—продолжалъ онъ черезъ минуту болѣе спокойнымъ голосомъ. — намъ надобно ѣхать въ Москву сейчасъ же, не отлагая; время дорого. Ты еще тамъ можешь приготовиться къ университету, съ твоими способностями это легко... Все еще можно поправить... Не правда ли? Я самъ непремѣнно поѣду съ тобой, я не оставлю тебя, буду слѣдить за твоими занятіями.

Григорій Алексѣичъ до глубины души былъ тронутъ словами своего благодѣтеля. Онъ бросился къ нему съ юношескимъ увлеченіемъ. Иванъ Өедорычъ крѣпко прижалъ его къ груди и прошепталъ:—прости меня!..

Затѣмъ начались приготовленія къ отъѣзду, продолжавшіяся ровно четыре мѣсяца. Извѣстно, до какой степени наши помѣщики, засидѣвшіеся въ деревнѣ, тяжелы на подъемъ. Наконецъ давножеланный день отъѣзда наступилъ. Григорій Алексѣичъ простился съ матерью и, полный самыхъ блестящихъ надеждъ и фантазій, отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ.

ГЛАВА IV.

Во время оно существовалъ въ Москвѣ исключительный кружокъ молодыхъ людей, связанныхъ между собою высшими интересами и симпатіями, выражаясь языкомъ того времени. Кружокъ этотъ состоялъ изъ молодыхъ людей очень

умныхъ и начитанныхъ, превосходно разсуждавшихъ объ искусствахъ, литературѣ и о предметахъ, относящихся къ области самаго отвлеченнаго мышленія; только избранные попадали въ этотъ кружокъ, потому что попасть въ него было не легко. Отъ молодого человѣка, вступающаго въ него, требовалось философское проникновеніе въ сокровенныя таинства жизни...

Я живо помню это время; съ біеніемъ сердца, съ благоговѣйнымъ трепетомъ переступалъ я, бывало, порогъ, за которымъ обсуждались великіе современные вопросы, гдѣ враждовали и примирялись съ дѣйствительностію, гдѣ анализировались малѣйшие поступки человѣка съ безпощадною строгостію, гдѣ каждый сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи надъ собственнымъ *я* и любовался, какъ дитя игрушкою, собственными страданіями; гдѣ съ энергическимъ ожесточеніемъ преслѣдовалась всякая фраза и гдѣ безъ фразы не дѣлали ни шагу; гдѣ предавалась посмѣянію и позору всякая фантазія и гдѣ всѣ немножко растлѣвали себя фантазіями.

Давно разошлись въ разныя стороны люди составлявшие кружокъ этотъ.

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...

Одни пали въ безсилии подъ тяжелой ношей дѣйствительной жизни или живутъ въ своихъ фантазіяхъ и совершенно удовлетворяются ими, другіе очень легко и дешево примирились съ дѣйствительностію, третьи... Но это былъ все-таки замѣчательный для своего времени кружокъ, много способствовавшій нашему общественному развитію.. Память объ немъ всегда сохранится въ исторіи русскаго просвѣщенія...

Когда Григорій Алексѣичъ пріѣхалъ въ Москву, кружокъ былъ въ полномъ цвѣтѣ. Иванъ Ѳедорычъ самъ принадлежалъ къ нему нѣкогда и изъ него вынесъ свое туманное романтическое настроеніе и любовь къ мистицизму. Сердце Ивана Ѳедорыча сильно билось, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ, и нетерпѣніе увидѣть прежнихъ друзей своихъ воз-

растало въ немъ болѣе и болѣе.—Я съ ними провелъ лучшіе дни моей жизни,—говорилъ Иванъ Ѳедорычъ своему питомцу,—ты увидишь, Grégoire, что это за люди, какъ я духовно связанъ съ ними! Какія святыя отношенія всегда существовали между нами!.. Ты увидишь ихъ!—И у Ивана Ѳедорыча дрожали слезы на глазахъ, когда онъ говорилъ это.

Но Ивану Ѳедорычу готовилось разочарованіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ деревнѣ, все страшно измѣнилось въ его кружкѣ. Романтизмъ уже давноересталъ быть въ ходу, о немъ отзывались друзья его съ ѣдкими насмѣшками, съ презрѣніемъ; на романтиковъ смотрѣли они уже, какъ на людей отсталыхъ и пошлыхъ. О Жанъ-Полѣ, Гофманѣ, Тикѣ, къ великой скорби Ивана Ѳедорыча, и помину не было. Всякая наклонность къ мистическому преслѣдовалась безпощадно. Порыванія *туда* (dahin), различныя праздныя сѣтованія и страданія были отброшены. Всѣ, напротивъ, кричали о примиреніи съ дѣйствительностію, о трудѣ и дѣлѣ (хотя, какъ и прежде того, никто ничего не дѣлалъ). Шиллеръ низвергнутъ былъ съ пьедестала; всеобъемлющи Гете обожествленъ, послѣднее слово для человѣчества отыскано въ Гегелѣ и рѣшено, что далѣе его человѣческая мысль уже не можетъ итти... У Ивана Ѳедорыча закружилась голова отъ всѣхъ этихъ новостей, и не разъ пробовалъ онъ вступаться за своихъ любимыхъ писателей, за прелесть созерцательной жизни, которую почиталъ неотъемлемою принадлежностію деликатныхъ натуръ, за готическіе храмы и за мистическую поэзію, но съ нимъ даже не спорили, ему отвѣчали только ироническими улыбками. Друзья его послѣ перваго свиданія съ нимъ рѣшили въ тайнѣ, что онъ не способенъ ни къ какому развитію и, по ограниченности натуры, долженъ навѣки погрязнуть въ романтизмѣ.

Итакъ, эти святыя отношенія, которыя нѣкогда связывали Ивана Ѳедорыча съ его друзьями и о которыхъ онъ съ такимъ чувствомъ говорилъ Григорью Алексѣичу,—уже не существовали. Иванъ Ѳедорычъ понялъ это и началъ

хандрить и страдать, безпрестанно вспоминая о своемъ прошедшемъ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ, первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Москву принявшійся за ученье съ большимъ жаромъ. успѣлъ уже утомиться, отложилъ намѣреніе вступить въ университетъ — и ходилъ только на лекціи къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые ему особенно нравились. День, въ который Иванъ Өедорычъ представилъ его своимъ друзьямъ, въ качествѣ молодого человѣка, подающаго надежды, — этотъ день былъ торжественный для Григорья Алексѣича. У него замерло сердце, когда онъ въ первый разъ вступалъ въ этотъ кружокъ... И все въ немъ показалось ему необыкновеннымъ: на челѣ каждаго изъ присутствующихъ онъ читалъ высшее призваніе и съ жадностію ловилъ каждое слово. Правда, многое изъ слышаннаго имъ было темно и непонятно, но это-то и нравилось ему.

Въ простотѣ и незлобіи своего молодого сердца онъ полагалъ, что вся глубина человѣческой мудрости заключается именно въ темномъ и непонятномъ.

Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, произвелъ на друзей своего благодѣтеля очень пріятное впечатлѣніе и принятъ былъ подъ ихъ покровительство. Способности его къ развитію признаны, нужно было только, какъ говорили, освободить его отъ вліянія Ивана Өедорыча, который своимъ болѣзненнымъ, романтическимъ настроеніемъ уже успѣлъ сдѣлать ему много вреда. Подъ руководствомъ своихъ новыхъ наставниковъ Григорій Алексѣичъ начиналъ мало-помалу посвящаться въ глубокія таинства науки, искусства и жизни... Онъ принялся изучать и переводить Гёте и даже попробовалъ заглянуть въ Гегеля. Первый и огромный шагъ къ будущимъ успѣхамъ былъ уже сдѣланъ. Съ этой минуты авторитетъ Ивана Өедорыча утратилъ для него все значеніе. На своего благодѣтеля онъ посматривалъ уже съ ироніею, какъ на человѣка отставшаго, и исподтишка иногда подсмѣивался надъ нимъ довольно остроумно. Благодѣянія Ивана Өедорыча сдѣлались ему тягостны. Григорій Алексѣ-

ичъ ощутилъ въ себѣ потребность выйти изъ-подъ его опеки и начать жизнь самостоятельную. Къ тому же съ нѣкотораго времени Иванъ Өедорычъ жаловался на своего управляющаго, который мало высылалъ ему денегъ. Надобно было на что-нибудь рѣшиться. Григорій Алексѣичъ крѣпко призадумался о своемъ положеніи. Онъ понималъ, что, вѣчно пребывая въ сферѣ отвлеченныхъ умствованій и созерцаній, легко можно умереть съ голоду, что необходимо ему избрать какой-нибудь родъ жизни, начать трудиться на какомъ-нибудь поприщѣ, для пріобрѣтенія себѣ независимости и насущнаго куска хлѣба. Григорью Алексѣичу, какъ и всякому русскому дворянину, предстояли на выборъ два обширныя, блестящія поприща для дѣятельности: воинское и гражданское... Но увы! герой мой не былъ приготовленъ ни для того, ни для другого. Пойти въ офицеры онъ не могъ, потому что не ощущалъ въ себѣ достаточно геройскаго духа и воинскихъ наклонностей; сдѣлаться чиновникомъ не хотѣлъ, потому что для этого нужно было прежде пріобрѣсть чинъ, а для пріобрѣтенія чина выдержать университетскій экзаменъ. Что же оставалось ему? Въ качествѣ недоросля изъ дворянъ заняться литературой? И, въ самомъ дѣлѣ, Григорій Алексѣичъ съ удовольствіемъ остановился на этой мечтѣ...

Такимъ образомъ, успокоивъ себя, Григорій Алексѣичъ сталъ лелѣять и развивать въ себѣ эту соблазнительную мечту, продолжая жить на счетъ своего благодѣтеля. Но Иванъ Өедорычъ вдругъ и совершенно противъ собственнаго желанія долженъ былъ оставить Москву. Онъ получилъ письмо отъ своего управляющаго, который, ссылаясь: 1) на плохой урожай, 2) на дорогое содержаніе обширной дворни и 3) на необходимыя и значительныя издержки, какъ-то: на поправку двухъ вѣтряныхъ и одной водяной мельницъ и на перестройку службъ, пришедшихъ въ крайнюю ветхость, — объявлялъ наотрѣзъ, что впредь денегъ высылать вовсе не можетъ.

Горько было прощаніе Ивана Өедорыча съ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Можетъ быть, мы видимся съ тобою, Grégoire, въ послѣдній разъ,—говорилъ онъ, едва удерживая слезы,—я, кажется, ужъ никогда не ворочусь сюда; но участь твоя будетъ обезпечена. Не тревожься, — я отвѣчаю за это. У тебя... у тебя еще много надеждъ впереди, ты еще многое можешь сдѣлать, а мой путь уже конченъ...

Иванъ Ѳедорычъ глубоко вздохнулъ.

— Одинокій я долженъ погрязнуть въ деревенской глуши безъ дѣла и безъ мысли, окруженный не людьми, а медвѣдями. Дѣла мои съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разстраиваются. Меня кругомъ обманываютъ, теперь я все вижу ясно... Я всегда мечталъ о томъ, чтобы улучшить участь моихъ крестьянъ, это была любимая мечта моя! А между тѣмъ, они, говорятъ, разорены — и разорены въ глазахъ моихъ! И я, при всемъ моемъ желаніи помочь имъ,— не могу, потому что не знаю какъ... Вотъ гдѣ наше трагическое, Grégoire!.. Вотъ гдѣ! Воля наша всегда въ противорѣчіи съ дѣломъ. Всѣ мы пустые и ничтожные фантазеры, неспособные ни къ чему.

Иванъ Ѳедорычъ обнялъ Григорья Алексѣича и горько заплакалъ.

— Не забывай меня, пиши ко мнѣ! — произнесъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

Григорій Алексѣичъ также плакалъ.

— Пиши же ко мнѣ, — повторилъ Иванъ Ѳедорычъ, — Бога ради, пиши, хоть изрѣдка, хотя по нѣскольку строчекъ пиши... Прощай Grégoire... прощай... Иванъ Ѳедорычъ бросился въ тарантасъ, лошади двинулись. Онъ въ послѣдній разъ выглянулъ изъ тарантаса, махнулъ Григорью Алексѣичу рукою и упалъ на подушки.

Долго провожалъ его глазами Григорій Алексѣичъ, покуда тарантасъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ, покуда колокольчикъ замеръ въ отдаленіи... И все стихло кругомъ Григорья Алексѣича. На широкой песчаной дорогѣ, разстилавшейся передъ нимъ, не было ни души человѣческой; ни одинъ листокъ не шевелился на тощихъ деревьяхъ, окаймлявшихъ дорогу; заря медленно замирала, всѣ предметы

облекались тѣнью и сумракомъ, и стало грустно Григорью Алексѣичу...

«Странно, — подумалъ онъ, возвращаясь въ Москву, — я не воображалъ, чтобы мнѣ было такъ тяжело разставаться съ этимъ человѣкомъ!»

Въ первый разъ Григорій Алексѣичъ долженъ былъ завестись собственнымъ хозяйствомъ. Половину изъ занятой на дорогу суммы Иванъ Ѳедорычъ оставилъ ему на его издержки и, кромѣ того, обѣщалъ при первой возможности выслать ему изъ деревни еще денегъ. Григорій Алексѣичъ не надѣялся, однако, на будущія блага. Съ похвальнымъ благоразуміемъ разсуждалъ онъ, какъ ему необходимо стараться всячески умѣрить свои расходы и не дозволять себѣ ни малѣйшей прихоти. Онъ полагалъ даже, что самыя лишенія, какъ побѣда надъ самимъ собою, будутъ ему пріятны. Но денегъ, оставленныхъ ему благодѣтелемъ его, съ присоединеніемъ небольшой суммы, присланной ему отъ матери, которыми, по его расчету, можно было прожить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ пять, къ удивленію его самого, едва достало ему на два мѣсяца, и между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ не былъ мотомъ, онъ вовсе не имѣлъ отчаянной удали тѣхъ русскихъ людей, которые, заломя шапку набекрень, живутъ себѣ припѣваючи, на авось, и ставятъ послѣдній грошъ ребромъ, никогда ужъ потомъ не жалѣя о немъ. Григорій Алексѣичъ былъ скупъ по натурѣ и вмѣстѣ расточителенъ по слабости воли. Малѣйшая борьба съ самимъ собою приводила его въ отчаяніе. Соблазняясь какою-нибудь дорогою и совсѣмъ ненужною для него вещью и пріобрѣтя ее (а это случалось съ нимъ безпрестанно), онъ внутренно бранилъ себя и терзался раскаяніемъ. И эта вещь, за минуту соблазнявшая его, дѣлалась ему до того противной, что онъ тотчасъ же былъ готовъ отдать ее за полцѣны. Начиная сознавать собственное безсиліе, онъ, въ то же время, всѣми мѣрами старался оправдывать себя предъ самимъ собою и сваливать вину на другихъ...

— Я бы не страдалъ теперь такъ, какъ страдаю,—часто говаривалъ онъ, — если бы мнѣ дано было надлежащее воспи-

таніе; но вмѣсто того, чтобы развивать, укрѣплять во мнѣ волю, — ее методически обезсиливали, — и этимъ я обязанъ моему благодѣтелю... Мнѣ есть-таки чѣмъ помянуть его!

Здѣсь нельзя не замѣтить, что Григорій Алексѣичъ относился такъ желчно о своемъ благодѣтелѣ бо́льшею частію въ такія минуты, когда у него не оставалось ни гроша въ карманѣ изъ денегъ, занятыхъ имъ у пріятелей, и когда онъ поневолѣ, въ надеждѣ на будущіе труды свои, долженъ былъ снова прибѣгать къ займамъ. Напротивъ, нерѣдко онъ вспоминалъ объ Иванѣ Ѳедоровичѣ съ любовью.

Григорій Алексѣичъ иногда поражалъ многихъ странными переходами отъ расположенія самаго кроткаго и нѣжнаго къ необъяснимой жестокости и нетерпимости. И не одно это, — у Григорья Алексѣича были и другія кое-какія странности, происходившія вѣроятно отъ развитія его въ исключительномъ кружкѣ и совершеннаго незнанія условій общественной жизни. Онъ очень любилъ болтать о самомъ себѣ и съ необыкновеннымъ діалектическимъ искусствомъ объяснялъ малѣйшія тонкости и оттѣнки собственнаго я.

Зато, когда, бывало, заговоритъ онъ о любви, о женщинѣ вообще или такъ о какой-нибудь женщинѣ въ особенности, его можно было заслушаться. Казалось, ему была доступна вся сокровенная сердечность женщины, весь внутренній міръ ея. Гдѣ и когда могъ онъ такъ превосходно изучить женщину? я терялся въ догадкахъ; ибо мнѣ достовѣрно было извѣстно, что въ описываемую мною эпоху, кромѣ двухъ московскихъ гризетокъ съ Кузнецкаго моста, Григорій Алексѣичъ не видалъ вблизи никакой женщины.

Но какъ высоко, какъ свято понималъ онъ любовь и какъ лицо его преображалось, когда онъ говорилъ о любви!.. Глядя на него и слушая его, каждый невольно могъ впередъ поручиться за полное безпредѣльное счастіе женщины, которую изберетъ онъ... Потребность любви съ каждымъ днемъ сильнѣе развивалась въ немъ (Григорью Алексѣичу было уже 25 лѣтъ), но будущая героиня его романа жила еще только въ его горячей фантазіи. Иногда казалось ему, что онъ, счастливецъ, уже владѣетъ своимъ идеаломъ, что ве-

черомъ собрались къ нему его пріятели — и *она* въ простомъ, но изящномъ уборѣ, за круглымъ столомъ, сама разливаетъ имъ чай... Душистый паръ отъ чая разстилается по комнатѣ; въ серебряной корзинѣ лежатъ сухари и бріоши, огонекъ сверкаетъ въ каминѣ, и разговоръ не умолкаетъ ни на минуту. *Она* одушевляетъ всѣхъ и все и, съ необыкновеннымъ женскимъ тактомъ и проницательностію, разрѣшаетъ самые трудные вопросы Пріятели дивятся ея многостороннему уму, ея обширнымъ познаніямъ, ея всепокоряющей граціи, а у Григорья Алексѣича захватываетъ духъ отъ полноты блаженства.

Болѣе года не получая ни денегъ, ни писемъ отъ Ивана Ѳедорыча и кое-какъ перебиваясь одними займами, Григорій Алексѣичъ дошелъ, наконецъ, до послѣдней крайности. Онъ продалъ всю свою движимость и переѣхалъ къ своему знакомому, который тяжкими трудами добывалъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и на котораго Григорій Алексѣичъ и всѣ его пріятели смотрѣли, какъ на ограниченнаго, жалкаго, узколобаго труженика, который далѣе долга ничего не видитъ. Письмо, полученное Григорьемъ Алексѣичемъ отъ матери, объяснило ему, наконецъ, непонятное молчаніе Ивана Ѳедорыча. Мать увѣдомляла его между прочимъ, что благодѣтель его сочетался со вдовою Марѳою Ильинишной Бутеневой и что всѣ въ околодкѣ у нихъ не могутъ надивиться этому браку, ибо-де Марѳа Ильинишна старше его семью годами и къ тому же подвержена нервному разслабленію.

Прочитавъ эти строки, Григорій Алексѣичъ иронически улыбнулся.

— Такъ и должно было ожидать! — подумалъ онъ, — романтики и пустые идеалисты обыкновенно мечтаютъ о Миньонахъ и Теклахъ, о возвышенной любви и свободѣ, а кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ законное сожительство съ Марѳами Ильинишнами, которыя потомъ колотятъ ихъ и передъ которыми они пикнуть не смѣютъ.

Извѣстіе объ Иванѣ Ѳедорычѣ было вѣрно.

Иванъ Ѳедорычъ, убѣгая отъ одуряющей тоски и без-

дѣйствія, самъ не вѣдая какъ, очутился въ объятіяхъ вдовы-помѣщицы Бутеневой и потомъ сочетался съ нею бракомъ. Мароа Ильинишна не замедлила обнаружить удивительную распорядительность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, соединенную съ необыкновенною твердостію характера и силою воли, несмотря на нервное разстройство. Еще до окончанія медоваго мѣсяца управляющій Ивана Өедорыча, какъ носились слухи, былъ выгнанъ ею, и она торжественно приняла въ свои руки бразды правленія. Послѣ этого Григорій Алексѣичъ уже не получалъ никакихъ вѣстей о своемъ благодѣтелѣ, и дальнѣйшая исторія жизни Ивана Өедорыча остается покрытою мракомъ неизвѣстности.

Надежды Григорія Алексѣича на денежную помощь въ настоящемъ и на обѣщанное ему обезпеченіе въ будущемъ рушились. Тяжкая мысль, что онъ не можетъ опредѣлить своего существованія и, безпрестанно толкуя о дѣлѣ, ничего не дѣлаетъ, а все продолжаетъ жить на чужой счетъ, страшно давила его. Отъ матери своей онъ ничего не получалъ кромѣ благословеній да мѣшковъ съ орѣхами и съ сушеной малиной. Старуха сама едва поддерживала свое существованіе. Григорій Алексѣичъ совсѣмъ было упалъ духомъ, но, къ счастію его, въ эту минуту какому-то петербургскому журнальному антрепренеру понадобился сотрудникъ. Какъ ни жалки были условія, предложенныя антрепренеромъ, Григорій Алексѣичъ долженъ былъ согласиться на нихъ и отправиться въ Петербургъ, чтобы не умереть съ голода.

Въ Петербургѣ на одномъ литературномъ вечерѣ Григорій Алексѣичъ познакомился съ Сергѣемъ Александрычемъ, котораго отъ нечего дѣлать иногда интересовала литература.

Сначала въ обществѣ его Григорій Алексѣичъ чувствовалъ неловкость и тяжесть, ничѣмъ непобѣдимую. Онъ въ первый разъ сошелся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ свѣтскимъ. Онъ оробѣлъ передъ аристократическою обстановкою Сергѣя Александрыча; но самолюбію его было лестно знакомство съ богатымъ и свѣтскимъ человѣкомъ, хотя Гри-

горій Алексѣичъ стыдился въ этомъ признаться самому себѣ...

Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, фантазировалъ о любви, о славѣ, о человѣчествѣ, громилъ романтизмъ въ своихъ журнальныхъ статейкахъ и безпрестанно жаловался на безденежье. Онъ никакъ не могъ соразмѣрить свои расходы съ приходами. Къ тому же журнальный антрепренеръ платилъ ему заработанную плату неаккуратно, и Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, принужденъ былъ занимать по мелочи у знакомыхъ. Однажды онъ рѣшился занять даже у Сергѣя Александрыча. Ему, впрочемъ, не легко было занимать... Долги страшно терзали его, а между тѣмъ — ни любви, ни славы! жизнь, нестерпимо однообразная, и ежедневныя записки антрепренера: «Да что же статейка? не лѣнитесь, Бога ради пишите поскорѣй. Дѣло стало въ типографіи» и прочее... Писать, когда ничего нейдетъ въ голову, писать по заказу, когда тоска грызетъ и давитъ, когда нѣтъ ни мысли въ головѣ и ни гроша въ карманѣ! Литература опротивѣла Григорію Алексѣичу. Но въ это время неожиданное обстоятельство вывело его изъ мучительнаго состоянія. Матушка его скончалась. Онъ продалъ доставшееся ему имѣньице своей старшей сестрѣ, выручилъ за него тысячъ двадцать, — и уѣхалъ за границу на одномъ пароходѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ.

За границей Сергѣй Александрычъ сталъ ручнѣе, сбросилъ съ себя свѣтское петербургское величіе и велъ себя просто. Григорію Алексѣичу легко было сойтись съ нимъ, и несмотря на то, что образъ мыслей ихъ былъ не совсѣмъ одинаковъ, они скоро до того сдѣлались необходимыми другъ другу, что почти все время пропутешествовали неразлучно. Сергѣю Александрычу нужно было въ дорогѣ развлеченіе: одному ѣздить скучно. Онъ радъ былъ, что нашелъ въ Григорьѣ Алексѣичѣ живого и умнаго собесѣдника; Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, былъ чрезвычайно доволенъ проѣхаться по чужимъ землямъ съ роскошью и съ удобствомъ, о которыхъ ему и во снѣ не грезилось.

Три года странствованія прошли для Григорія Алексѣича незамѣтно и быстро. Все въ Европѣ въ высшей степени интересовало его, и горячо сочувствовалъ онъ всѣмъ великимъ современнымъ вопросамъ, среди бурной и разнообразной парижской жизни. Кафе и театры, университетъ и цирки, публичные суды, балы и гулянья, профессора и лоретки... все приводило его въ экстазъ. Григорій Алексѣичъ влюблялся на каждомъ шагу. Мысль о святой и высокой любви, о которой онъ такъ прекрасно грезилъ въ отечествѣ, въ Парижѣ ни разу не пришла ему въ голову.

И только на возвратномъ пути, приближаясь къ отечественной границѣ, Григорій Алексѣичъ началъ немного приходить въ себя и задумываться. Изъ двадцати тысячъ его единственнаго достоянія осталось у него тысячъ девять, не болѣе. Жить процентами съ этого капитала не было возможности, надобно было опять приниматься за журнальную работу, но уже Григорій Алексѣичъ безъ досады и горькаго смѣха не могъ вспомнить о своихъ литературныхъ статьяхъ, которыя казались ему нѣкогда образцами глубокомыслія. Онъ недоумѣвалъ, что ему предпринять и какимъ образомъ и на какомъ поприщѣ, съ его идеями и направленіемъ, сдѣлаться полезнымъ отечеству и самому себѣ. Эта трудная задача приводила его въ отчаяніе — и потому онъ всячески старался отогнать отъ себя мысль о будущемъ. Но Сергѣй Александрычъ, располагавшій прямо изъ-за границы отправиться на лѣто къ себѣ въ деревню, сталъ звать его съ собою.

Сергѣю Александрычу необходимо было въ нѣдрахъ патріархальной русской жизни отдохнуть отъ путевыхъ впечатлѣній, и, главное, поправить свои нѣсколько разстроенные финансы...

Любезное предложеніе Сергѣя Александрыча было скоро и охотно принято Григоріемъ Алексѣичемъ, потому что оно избавляло его на время отъ труда по устройству собственной участи.

Такимъ-то образомъ оба пріятеля очутились въ селѣ Благовѣщенскомъ,—куда и намъ пора послѣдовать за ними...

ГЛАВА V.

Прибытіе ихъ привело въ страшное волненіе всѣхъ брюхатовскихъ обывателей вообще и Агафью Васильевну въ особенности. На широкомъ и кругломъ лицѣ ея выступили красныя пятна, трехъярусный подбородокъ ея затрепеталъ и заколыхался, и лѣвый глазъ безъ бѣльма засверкалъ дико. Съ громомъ отворила она дверь въ кабинетъ своего супруга. Ардальонъ Игнатьичъ почивалъ сладкимъ сномъ. Агафья Васильевна растолкала его съ трудомъ. Ардальонъ Игнатьичъ зѣвнулъ, потянулся и пробормоталъ сквозь сонъ:

— Ахъ, если бы теперь, душенька, стаканчикъ брусничной водицы выпить! — И зашевелилъ губами и языкомъ.

— Вставайте же! — вскрикнула, задыхаясь, Агафья Васильевна, выведенная изъ терпѣнія, — проснитесь, опомнитесь... скорѣе, скорѣе...

Ардальонъ Игнатьичъ, испуганный, вскочилъ съ дивана, протирая глаза:

— Что такое, матушка? пожаръ?

Агафья Васильевна горько улыбнулась, обозрѣвъ супруга съ ногъ до головы.

— Вы скоро совсѣмъ одурѣете отъ сна. Что жъ вы очнулись, наконецъ? Можете вы понимать-то, что вамъ будутъ говорить, или нѣтъ?

— А что такое?

— Что? Вы ничего не знаете и знать не хотите! Безъ меня вы пропали бы; я за васъ должна входить во все: расправляться съ людьми, смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ ѣздить въ поля, бѣгать въ амбары, терпѣть оскорбленія отъ какого-нибудь подлеца Брыкалова, — и вы хоть бы разъ вступились за беззащитную женщину, за жену!.. Ну, да ужъ моихъ силъ не станетъ, — я скоро все брошу, это я вамъ говорю въ послѣдній разъ... Впрочемъ, теперь не въ этомъ дѣло... Знаете ли вы, напримѣръ, кто пріѣхалъ сюда?

— Къ намъ?

— Не безпокойтесь, не къ намъ. Кто станетъ ѣздить къ

намъ? Вы не умѣли заслужить ничьей любви, ничьего уваженія. Васъ никто, ни посторонніе, ни родные въ грошъ не ставятъ, — вы...

— Да кто пріѣхалъ? къ кому? — бормоталъ робко смущенный супругъ, въ недоумѣніи почесывая свою лысину.

— Вашъ родной племянникъ, Сергѣй Александрычъ... Слышите ли вы? Сергѣй Александрычъ! Онъ изволилъ прокатить сейчасъ мимо нашего дома и не удостоилъ даже взглянуть на наши окна. Теперь онъ у вашей милой и доброй сестрицы, у Олимпіады Игнатьевны... Видно эта подлая притворщица чѣмъ-нибудь особенно умѣла заслужить его любовь и уваженіе, — замѣтьте, онъ къ ней къ первой является съ визитомъ... Впрочемъ, и не мудрено... У нея въ домѣ есть недурная приманка для молодыхъ людей. Наташа дѣвочка смазливенькая и къ тому же умѣетъ дѣлать глазки... Что за бѣда. что двоюродный братецъ! Нынче все позволено. Двоюродные братья женятся же у нѣмцевъ на двоюродныхъ сестрахъ, а въ Парижѣ и на родныхъ сестрахъ давно женятся. Онъ же вѣдь прямехонько изъ Парижа... Только слушайте, я заранѣе объявляю вамъ, Ардальонъ Игнатьичъ, если между вашимъ племянничкомъ и племянницей заведутся какія-нибудь шашни, въ чемъ я не сомнѣваюсь, — я пяти минутъ не останусь здѣсь. У меня три дочери невѣсты, дѣвушки нравственно-воспитанныя, съ благородными чувствами. Я не потерплю никакого скандала и, въ случаѣ крайности, сама лично объясню губернатору и буду просить его защиты.

Агафья Васильевна такъ много наговорила ему, что Ардальонъ Игнатьичъ рѣшительно сталъ втупикъ. — «Да что объяснять губернатору-то?» — подумалъ онъ.

— Ну, что жъ вы молчите? — вскрикнула Агафья Васильевна.

— Я... ничего, — отвѣчалъ Ардальонъ Игнатьичъ.

— Такъ васъ не трогаетъ, что вашъ родной племянникъ пренебрегаетъ вами, знать васъ не хочетъ?

— Отчего? — спросилъ удивленный Ардальонъ Игнатьичъ. — Почему вы это знаете?

— Чтобы понять это, кажется, не нужно много имѣть тутъ. — Агафья Васильевна ткнула себѣ въ лобъ: вы старшій въ ихъ родѣ, — слѣдовательно, къ вамъ онъ долженъ питать особенную атенцію, долженъ почитать васъ вмѣсто отца, а онъ преспокойно проѣзжаетъ мимо вашего дома, какъ мимо дома посторонняго. Это явно показываетъ, что онъ и не заботится о васъ.

— Да онъ еще будетъ.

— Вы мнѣ жалки! Вы человѣкъ безъ амбиціи!..—вскрикнула Агафья Васильевна, всплеснувъ руками. — Вамъ ничего въ голову не вобьешь. Неужели вы не понимаете, что онъ къ вамъ къ первому долженъ пріѣхать? Коли вы сносите спокойно отъ всѣхъ афронты, — такъ я-то не могу и не хочу сносить ихъ! Понимаете ли вы? я ужъ и безъ того слишкомъ много терпѣла отъ вашихъ родныхъ.

Произнеся это, Агафья Васильевна вышла изъ кабинета своего супруга, съ гнѣвомъ захлопнувъ дверь за собою. Ардальонъ Игнатьичъ въ безпокойствѣ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки назадъ, и потомъ опустился въ кресла, сказавъ самому себѣ:

— Жена права: ему бы дѣйствительно надо было мнѣ первому сдѣлать визитъ...

Между тѣмъ какъ Агафья Васильевна вела разговоръ съ супругомъ, ея наперсница Стешка, весьма краснощекая и здоровая дѣвка, прибѣжала на дворъ къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, чтобы собрать поподробнѣе свѣдѣнія о пріѣзжихъ, отъ Петровича, который за нею сильно ухаживалъ.

Стешка въ тотъ же вечеръ все слышанное отъ Петровича передала барынѣ.

На другой день Сергѣй Александрычъ явился къ своему дядюшкѣ. Къ совершенному изумленію добраго Ардальона Игнатьича Агафья Васильевна, несмотря на рѣзкій отзывъ свой объ Сергѣѣ Александрычѣ, приняла его съ почетомъ и угощала на убой. Домашнимъ вареньямъ, соленьямъ, настойкамъ, наливкамъ и водянкамъ не было конца. Старшая изъ дочерей Агафьи Васильевны, Любаша, по ея приказанію, послѣ завтрака пропѣла передъ братцемъ русскій ро-

мансъ, а двѣ меньшія — Икочка и Зиночка—протанцовали танецъ съ шалью. Затѣмъ принесены были два ковра домашней фабрики и разостланы въ гостиной. Одинъ изъ этихъ ковровъ Агафья Васильевна подарила Сергѣю Александрычу и замѣтила со слезами, что она никого еще изъ родственниковъ своихъ не любила, не уважала такъ, какъ его, потому что ей извѣстны прекрасныя и рѣдкія качества души его...

Прогостивъ трое сутокъ въ селѣ Брюхатовѣ, Сергѣй Александрычъ отправился къ себѣ въ Сергіевское.

Вскорѣ затѣмъ, по его просьбѣ, переѣхала туда и Олимпіада Игнатьевна на все лѣто и со всѣмъ семействомъ, потому что домъ ея, пришедшій въ ветхость, требовалъ значительныхъ и немедленныхъ поправокъ.

Слухи о пріѣздѣ Сергѣя Александрыча быстро распространились по всей губерніи. Толки о немъ и его пріятелѣ надолго заняли всѣхъ, не исключая самого начальника губерніи. Всѣ родственники Сергѣя Александрыча, близкіе и дальніе, даже и такіе, которые по нѣсколько лѣтъ не выѣзжали изъ своихъ деревень, пришли въ волненіе. И допотопныя колымаги, и тарантасы различныхъ формъ и величинъ потянулись по дорогѣ къ Сергіевскому. Вліяніе Сергѣя Александрыча на родственниковъ производило чудеса. Къ такимъ чудесамъ относилось, между прочимъ, примиреніе Агафьи Васильевны и Ардальона Игнатьича съ Олимпіадой Игнатьевной.

Олимпіада Игнатьевна упала на шею къ братцу съ раздирающимъ завываніемъ и стономъ. Братецъ хлопалъ глазами и всхлипывалъ. Агафья Васильевна кричала: — охъ, умираю, умираю, пособите, родные! — и хлопнулась въ кресла... Дочери ея бросились къ ней съ визгомъ. — Уксусу! уксусу! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Олимпіада Игнатьевна долго завывала безъ словъ, Ардальонъ Игнатьичъ долго молчалъ, всхлипывая и хлопая глазами. Наконецъ Олимпіада Игнатьевна произнесла слабымъ голосомъ, съ разстановками и вздохами:

— Батюшка - братецъ, голубчикъ ты мой, ты знаешь, какъ

я всегда любила тебя... Родственныя чувства были внушаемы намъ съ дѣтства... Наше семейство особенно гордилось этимъ... Его ставили въ примѣръ другимъ... И я, видитъ Богъ, никогда не измѣнялась къ тебѣ, я не могла тебя разлюбить, несмотря на все...

— Сестрица, — говорилъ Ардальонъ Игнатьичъ, заикаясь отъ волненія, — сестрица, я чувствую... мнѣ больно было... я васъ всею душою уважаю, забудемте все, сестрица.

— Я давно все забыла, не поминай о прошедшемъ, голубчикъ, — сказала Олимпіада Игнатьевна, нѣжно цѣлуя братца, — я тебя люблю такъ, какъ, можетъ быть, тебя никто не любитъ.

«А! это камешекъ въ мой огородъ!—подумала Агафья Васильевна, нюхая уксусъ, который старшая дочь держала у ней подъ носомъ, — хорошо же, голубушка, ужъ коли дѣло пошло на это, такъ я тебя забросаю грязью и каменьями».

Агафья Васильевна во время обморока не пропустила мимо ушей ни одного слова Олимпіады Игнатьевны.

Открывъ глаза, она начала озираться кругомъ себя и спросила слабымъ голосомъ:—гдѣ я и что со мною? — потомъ, найдя нужнымъ совсѣмъ притти въ себя, привстала съ креселъ, опираясь на ручки, и посмотрѣла на Олимпіаду Игнатьевну. При этомъ Олимпіада Игнатьевна, несмотря на горячія родственныя объясненія съ братцемъ, все время не выпускавшая изъ виду Агафьи Васильевны, — также привстала и посмотрѣла на нее. Обѣ онѣ въ одно время сдѣлали шагъ впередъ.

— Сестрица! — простонала Олимпіада Игнатьевна.

— Сестрица! — проговорила Агафья Васильевна со вздохомъ.

Обѣ растопырили руки для объятій и, сойдясь, взвизгнули въ одно время.

Ардальонъ Игнатьичъ, смотря на эту картину, не выдержалъ — и зарыдалъ.

Примирясь съ Олимпіадой Игнатьевной, Агафья Васильевна осталась на нѣсколько времени гостить въ Сергіевскомъ.

Она, повидимому, была отъ всего въ восторгѣ, и въ особенности отъ Григорья Алексѣича.

— Ахъ, родной вы мой! я не могу налюбоваться на вашего пріятеля, — сказала она однажды Сергѣю Александрычу, — этакаго милаго, этакаго пріятнаго, обходительнаго, кроткаго и скромнаго молодого человѣка я еще не встрѣчала. Точно красная дѣвушка; смотрѣть на него любо.

И вслѣдъ затѣмъ она бросила нѣжный взоръ на Григорья Алексѣича, который игралъ въ это время на китайскомъ бильярдѣ съ Любашею...

Петруша «упивался поэзіею верховой ѣзды», какъ онъ самъ выражался, то-есть, говоря просто, ѣздилъ верхомъ на двадцатилѣтнемъ конѣ, который едва передвигалъ ноги.

Наташа была гораздо бойчѣе своего братца. Она страстно любила верховую ѣзду и управляла лошадью смѣло и ловко. Кавалькады устраивались довольно часто. Всѣ были довольны и веселы. Только кавалькады начинали нѣсколько разстраивать Агафью Васильевну.

— Я не надивлюсь вамъ, Олимпіада Игнатьевна, — говорила она: — какъ это вы позволяете дочери вашей ѣздить верхомъ. Долго ли до бѣды?.. Это ужъ совсѣмъ, кажется, не женское дѣло. Откуда она, матушка, набралась у васъ такой смѣлости?.. Мои не таковы! Онѣ у меня всего боятся, отъ всего краснѣютъ, — такія глупыя. Я ужъ ихъ частенько браню за это и всегда ставлю въ примѣръ вашу Наташу.

Присутствіе Наташи нарушало спокойствіе духа Агафьи Васильевны. Она во все время пребыванія въ Сергіевскомъ постоянно язвила ее насмѣшками, преслѣдовала наблюденіями и употребляла всевозможныя мѣры, чтобы не допускать до нея Григорья Алексѣича.

Когда вечеромъ всѣ собирались въ кружокъ, Агафья Васильевна непремѣнно садилась возлѣ гостя и заливалась соловьемъ: объ испорченности нынѣшнихъ нравовъ, о дурномъ воспитаніи дѣвицъ и о тому подобномъ; мимоходомъ замѣчала, что ея дочери воспитаны въ страхѣ Божіемъ, и обращала вниманіе его (разумѣется косвенно) на удивительную тонкость таліи и поразительную бѣлизну тѣла у Лю-

баши. Она подзывала Любашу къ себѣ, дѣлала ей какое-нибудь замѣчаніе и въ то же время поправляла ей, напримѣръ, бантикъ на груди, кушачокъ, перетягивавшій ея талію, или что-нибудь подобное.

Григорій Алексѣичъ не зналъ, куда дѣваться отъ внимательности Агафьи Васильевны. Она и вообще всѣ родные Сергѣя Александрыча выводили его изъ терпѣнья. Онъ проклиналъ и ее, и дочерей ея, и Петрушу, который надоѣдалъ ему своей поэзіей и своими глубокими взглядами. Одна только Наташа примиряла его съ окружавшимъ. Наташа затронула его любопытство отсутствіемъ всякой манерности, своею безыскусственностью, живостью и свѣтлымъ, откровеннымъ выраженіемъ лица. Съ каждымъ днемъ открывалъ онъ въ ней какія-нибудь новыя достоинства: поэтическую влажность въ глазахъ, особенную привлекательность въ улыбкѣ, чистоту души въ простосердечномъ, звонкомъ смѣхѣ и такъ далѣе. «Неужели,—думалъ онъ,—эта дѣвушка должна заглохнуть, безъ любви и безъ мысли, среди жизни, ее окружающей, никѣмъ не замѣченная, никѣмъ неоцѣненная? Что суждено ей: преждевременно погибнуть отъ чахотки или расплыться, отупѣть и превратиться въ толстую и неуклюжую барыню?»

Наташа начинала не на шутку возбуждать его участіе. «Ей необходимъ человѣкъ,—думалъ онъ,—который бы понялъ ее, который бы способствовалъ ея развитію, который бы пересоздалъ ее». Что же касается до хозяина дома, то онъ въ своемъ Сергіевскомъ, среди своихъ гостей, родственниковъ и усердной челяди, чувствовалъ себя чуть ли не лучше, чѣмъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ въ Петербургѣ и и гдѣ бы то ни было.

Родственники смѣшили его, и онъ съ большимъ юморомъ передавалъ Григорью Алексѣичу свои разговоры съ ними и различные анекдоты объ нихъ.

Надъ Наташей онъ смѣялся такъ же, какъ и надъ другими, впрочемъ, отдавалъ ей справедливость въ томъ, что она довольно ловка и ѣздитъ верхомъ недурно, и замѣчалъ, что изъ нея, вѣроятно, могло бы выйти что-нибудь порядочное, если бы ей дано было хорошее воспитаніе.

ГЛАВА VI.

Первые дни пребыванія своего въ Сергіевскомъ Наташа испытала много разнообразныхъ ощущеній, какихъ еще не случалось испытывать ей. Перемѣна мѣста. новыя лица, шумъ, движеніе, къ которому она не привыкла. роскошь, о которой не имѣла понятія, — все это сильно на нее подѣйствовало. Къ тому же Олимпіада Игнатьевна, занятая родственниками и гостями своего племянника, не имѣла времени заниматься ею — и Наташа чувствовала себя свободною. Ей сдѣлалось легко и весело, какъ никогда не бывало, и она предалась свободѣ съ увлеченіемъ. Ей казалось, что на всемъ земномъ шарѣ не могло быть мѣста лучше и живописнѣе Сергіевскаго.

И въ самомъ дѣлѣ, Сергіевское живописно. Оно расположено на гористомъ мѣстѣ, въ полутора верстахъ отъ Волги. Старинный большой двухъэтажный каменный домъ съ бельведеромъ, окруженный флигелями, и пятиглавая церковь стоятъ у ската горы. Внизу передъ домомъ поемные луга, со стогами сѣна, съ молодыми рощами и кустарникомъ. сквозь который мѣстами плещутъ полосы воды. Луга эти тянутся вплоть до самой Волги — и картина замыкается ея утесистымъ и крутымъ берегомъ, на вершинѣ котораго виднѣются подвижныя точки вѣтряныхъ мельницъ. Весною, при разливѣ Волги, Сергіевское становится еще живописнѣе: вода, затопляя луга, доходитъ до самой подошвы горы, на которой стоятъ домъ и церковь. и на этомъ огромномъ водяномъ пространствѣ образуются голые, песчаные острова, выходятъ изъ воды круглыя, зеленѣющія вершины деревьевъ или высовываются засохшія вѣтви кустарника и мелькаютъ бѣлые паруса расшивъ и барокъ. Вправо за домомъ садъ и роща, носящая до сихъ поръ названіе звѣринца, хотя нынѣ этотъ звѣринецъ служитъ пріютомъ однимъ только робкимъ бѣлкамъ и зайцамъ. Часть сада расположена въ старинномъ, классическомъ вкусѣ, но его прямыя и длинныя липовыя аллеи, нѣкогда тщательно подстригавшіяся, теперь разрослись на волѣ. Дорожки сада, въ отдаленныхъ отъ

дома мѣстахъ, совсѣмъ заглохли; храмы славы и китайскіе павильоны развалились и обросли крапивой и репейникомъ; мостики, перекинутые черезъ овраги и ручьи, еле держатся отъ гнилости; поверхность прудовъ подернулась зеленью и цвѣтами болотныхъ лилій, — но этотъ садъ сдѣлался еще гораздо лучше въ своемъ запустѣніи.

Наташѣ все нравилось въ Сергіевскомъ: этотъ полузаглохшій садъ, густая разросшаяся роща, съ живописными тропинками и оврагами, съ сочною растительностію, съ вѣковыми дубами; горы, освѣщенныя солнцемъ; поемные луга, съ душистыми стогами, и синѣющая вдали Волга. Красота природы имѣла на нее сильное вліяніе, и потому она не чувствовала ни малѣйшей привязанности къ мѣсту своего рожденія, — къ плоскому и болотистому селу Брюхатову, гдѣ ничего не было передъ глазами, кромѣ избъ, вросшихъ въ землю, да кучъ сгнившей соломы, среди необозримой глади.

Григорій Алексѣичъ, также любившій природу, часто сопутствовалъ Наташѣ въ ея прогулкахъ.

Агафья Васильевна отправилась восвояси въ не совсѣмъ пріятномъ расположеніи духа. Выѣхавъ за околицу села Сергіевскаго, она завела съ своею Любашею весьма горячій разговоръ, который былъ заключенъ слѣдующею энергическою рѣчью:

— Я, сударыня, знать ничего не хочу... Что ты думаешь, что женихи вотъ такъ сами, безъ всякой приманки, и побѣгутъ къ тебѣ? какъ же, дожидайся! Ты никого не умѣешь заинтересовать собой, никого... это правда, что за мной въ твои лѣта мужчины стадами бѣгали, ну, да это потому, что я умѣла привлечь ихъ къ себѣ! Впрочемъ, ужъ какъ ты тамъ хочешь, а нынѣшній годъ должна будешь сыскать себѣ жениха. Я тебѣ не позволю вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть и торчать передъ моими глазами... Вонъ, посмотри на Наташу, — это правда, что ужъ въ ней никакого пути нѣтъ и гадкая нравственность, — да зато, матушка, глазками да ласками возьметъ свое и, къ стыду моему, прежде тебя выйдетъ замужъ... Видѣла ли ты, что къ ней и Сергѣй

Александрычъ и Григорій Алексѣичъ такъ и льнутъ, а ты между тѣмъ, какъ дура, все время сидѣла оплеванная...

Агафья Васильевна говорила вздоръ. Наташа никогда не употребляла никакихъ стараній привлекать къ себѣ и вовсе не умѣла ласкаться и дѣлать глазки. Съ Сергѣемъ Александрычемъ обращалась она, какъ съ роднымъ — свободно и просто. Не любить братца ей казалось невозможнымъ, потому что съ самой колыбели ежедневно все толковали ей о родственной любви, и она, совсѣмъ еще не зная Сергѣя Александрыча, поставляла уже себѣ за долгъ любить его. А присутствіе новаго незнакомаго ей лица производило на нее сначала даже тяжелое впечатлѣніе. Съ Григорьемъ Алексѣичемъ первые дни обращалась она совершенно какъ степная деревенская барышня: едва отвѣчала на его вопросы, и то не глядя ему въ лицо.

Но робость, которую она ощущала въ присутствіи Григорья Алексѣича, была побѣждена въ ней скоро его тихимъ, льющимся въ душу голосомъ, его мягкимъ, кроткимъ и задумчивымъ выраженіемъ лица. Въ звукахъ его голоса слышалось Наташѣ, такъ по крайней мѣрѣ думала она, что-то родное, что-то давно знакомое. Его взглядъ пробуждалъ въ ней любопытство и участіе къ нему. «Онъ, вѣрно, испыталъ много несчастій,—думала она,—онъ, вѣрно, много страдалъ!» Наташа сравнивала его съ братцемъ, и Григорій Алексѣичъ еще болѣе выигрывалъ въ глазахъ ея отъ этого сравненія. Она начинала чувствовать къ нему несравненно бо̀льшую симпатію, чѣмъ къ Сергѣю Александрычу, и сама не понимала, какъ это случилось. Ей даже приходила въ голову мысль, что̀, если бъ Григорій Алексѣичъ былъ ея братцемъ?

Сергѣй Александрычъ смущалъ Наташу своимъ слишкомъ смѣлымъ взглядомъ и постоянно насмѣшливымъ выраженіемъ, а барышни, особенно деревенскія, очень боятся насмѣшекъ. Сергѣй Александрычъ никогда и ни о чемъ не говорилъ съ ней серьезно, это оскорбляло ея самолюбіе; онъ часто какъ-то странно посматривалъ на нее, и пожималъ ей руку съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Это пожи-

манье руки всегда производило непріятное впечатлѣніе на Наташу и заставляло ее краснѣть. Наташа никакъ не подозрѣвала, что она сама подала невольный поводъ братцу къ этимъ страннымъ пожатіямъ и взглядамъ. Дѣло въ томъ, что Сергѣй Александрычъ былъ вообще не слишкомъ высокаго мнѣнія о женской добродѣтели и имѣлъ слабость (можетъ быть, очень простительную) думать, что никакая женщина не можетъ устоять противъ него. Эта мысль сильно укоренилась въ немъ, — и онъ былъ даже искренно убѣжденъ въ томъ, что и лоретка, съ которою онъ жилъ въ Парижѣ, чувствовала привязанность собственно къ нему, а не къ его деньгамъ. Совершенно случайная встрѣча съ Наташею въ коридорѣ и вопросы ея о браслетѣ въ первый день пріѣзда его къ тетушкѣ, истолкованные имъ не совсѣмъ по-родственному, подали ему поводъ слегка приволакиваться за нею, впрочемъ, вѣроятно, безъ цѣли, а такъ, для развлеченія...

Любовь, которая начинала пробуждаться въ Наташѣ къ Григорью Алексѣичу, ставила ее, впрочемъ, совершенно внѣ всякой опасности въ отношеніи къ Сергѣю Александрычу. Сближеніе Наташи съ Григорьемъ Алексѣичемъ дѣлалось быстро. Григорій Алексѣичъ былъ необыкновенно внимателенъ къ ней. Онъ выбиралъ ей книги для чтенія, иногда переводилъ для нея самыя занимательныя страницы, объяснялъ ей темныя и непонятныя для нея мѣста и самъ читалъ ей по вечерамъ Руссо, подъ вліяніемъ котораго находился въ эту эпоху.

Олимпіада Игнатьевна, къ удовольствію Наташи, была, повидимому, очень расположена къ Григорью Алексѣичу и нисколько не думала препятствовать ни этимъ чтеніямъ, ни ея разговорамъ съ нимъ, однакоже, не выпускала изъ виду и наблюдала за ней съ материнскою внимательностію. Подъ руководствомъ Григорья Алексѣича Наташа оказала замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и скоро стала понимать французскія книги безъ всякаго затрудненія. Взглядъ ея, что нисколько неудивительно, постоянно становился яснѣе. Любовь просвѣтляла ея мысли и облегчала

ея пониманіе. Каждый день Григорій Алексѣичъ открывалъ для нея что-нибудь новое. Съ каждымъ днемъ онъ незамѣтно способствовалъ ея развитію. Это были самыя свѣтлыя, самыя счастливыя минуты въ жизни Наташи. Григорій Алексѣичъ блаженствовалъ, любуясь успѣхами своей ученицы.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она любитъ его, и для этого, конечно, не нужно ему было имѣть большой проницательности. Наташа такъ измѣнилась въ короткое время, что даже строгій и смотрѣвшій на все съ высшей точки зрѣнія Петруша глубокомысленно замѣтилъ однажды, что «натура ея не такая дюжинная, какъ онъ думалъ прежде, что она начинаетъ прозрѣвать, вступаетъ въ моментъ сознанія» и что-то еще въ этомъ родѣ.

Даже и лицо Наташи приняло другой характеръ, болѣе серьезный. Присутствіе любви обнаружилось во всемъ существѣ ея. Такая перемѣна въ Наташѣ не укрылась между прочимъ отъ наблюдательности Олимпіады Игнатьевны...

Однажды Сергѣй Александрычъ, лежавшій на диванѣ и курившій сигару, вдругъ обратился къ Григорью Алексѣичу... Въ комнатѣ никого не было.

— А что, ты влюбленъ въ Наташу? признайся.

Этотъ неожиданный вопросъ засталъ Григорья Алексѣича врасплохъ.

— Что-о? — произнесъ протяжно Григорій Алексѣичъ.

— Я говорю, что ты влюбленъ въ Наташу, — продолжалъ Сергѣй Александрычъ, потягиваясь на диванѣ.

— Какой вздоръ! кто это тебѣ сказалъ? — Григорій Алексѣичъ нѣсколько принужденно засмѣялся, схватилъ со стола какую-то книгу и началъ перелистывать ее.

— Будто вздоръ?—продолжалъ Сергѣй Александрычъ...— Отчего жъ? Въ Наташу можно влюбиться, если еще чувствуешь въ себѣ способность влюбляться! Она хорошенькая... У нея глаза недурны, рука хороша... За тебя отдадутъ Наташу съ радостію, — и мнѣ будетъ очень пріятно имѣть тебя родственникомъ. Маменька ея серьезно уже поговариваетъ о томъ, что ее пора пристроить, и умильно поглядываетъ на тебя. Хочешь, я буду твоимъ сватомъ?

Григорій Алексѣичъ швырнулъ на столъ книгу, которую перелистывалъ, вскочилъ со стула и поблѣднѣлъ.

— Твои шутки совсѣмъ не остроумны, — произнесъ онъ сквозь зубы...

Сергѣй Александрычъ внутренно улыбнулся.

— Если тебѣ не нравится мой разговоръ, я, пожалуй, замолчу... Но послушай... (Сергѣй Александрычъ совершенно перемѣнилъ тонъ и привсталъ на диванѣ). Наташа, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка добрая, — но знаешь ли, я думаю, что ты, — разумѣется не хотя, но дѣлаешь ей много вреда. Ты насильно вырвешь ее изъ ея сферы, раздражишь ея воображеніе разными поэтическими бреднями, съ трагическимъ ужасомъ укажешь ей на безобразіе деревенской жизни, а потомъ преспокойно раскланяешься и уѣдешь въ Петербургъ.

— Никогда! Никогда! — вскрикнулъ гордо Григорій Алексѣичъ, вскочивъ со стула.

— Такъ стало быть ты хочешь на ней жениться?

Григорій Алексѣичъ болѣзненно вздрогнулъ при этомъ вопросѣ и въ безсильномъ страданіи опустился на стулъ.

— Ты вообще противорѣчишь себѣ, — продолжалъ Сергѣй Александрычъ, — кричишь противъ идеализма, преслѣдуешь романтиковъ, которые тебѣ вездѣ мерещатся, даже и здѣсь, въ селѣ Куроѣдовѣ, которое въ честь мою названо теперь Сергіевскимъ, а самъ вѣчно бродишь въ идеалахъ: проповѣдуешь о необходимости яснаго, практическаго взгляда на жизнь, а смотришь на нее Богъ знаетъ какъ и хочешь передѣлать ее по нелѣпымъ фантазіямъ разныхъ сумасбродовъ. По-моему тотъ только понимаетъ практическую жизнь, кто умѣетъ пользоваться ею. Что за охота вѣчно страдать въ настоящемъ, безполезно мечтая о какомъ-то лучшемъ будущемъ? Ты на все смотришь мрачно, даже на Агафью Васильевну; тебя возмущаетъ даже Васька — мой приказчикъ, потому что онъ кланяется мнѣ до земли и не смѣетъ мигнуть въ моемъ присутствіи... Все это, конечно, глупо и нелѣпо, но смѣшно и забавно. Все это существуетъ, слѣдовательно, должно существовать. И повѣрь

мнѣ, эта же самая Наташа, которую ты хочешь теперь возвышать, развивать и для которой, вѣрно, скоро не будетъ на землѣ достойныхъ идеаловъ, — безъ всякой церемоніи, вышла бы замужъ за какого-нибудь толстаго и глупаго Федота Карпыча, рожала бы, какъ и всѣ, каждый годъ дѣтей, солила бы грибы, варила варенье, угощала бы гостей наливками своей стряпни, называла бы своего Федота Карпыча душкой или Пульпультикомъ, какъ у Гоголя, или какъ-нибудь въ новомъ родѣ, и была бы въ своемъ миломъ невѣдѣніи очень довольна, спокойна и счастлива, — а, можетъ быть, Федотъ Карпычъ, въ первые же мѣсяцы послѣ бракосочетанія, надоѣлъ бы ей и опротивѣлъ — и это могло бы очень случиться...

— Полно!.. — закричалъ Григорій Алексѣичъ, — это несносно, ты имѣешь даръ осквернять все хорошее. Въ этомъ я не сомнѣвался...

И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй Александрычъ спокойно проводилъ его глазами, закурилъ другую сигару и, протянувшись съ наслажденіемъ на диванѣ, подумалъ:

«Кажется, добрый и умный малый, а чудакъ!»

ГЛАВА VII.

Послѣ разговора Сергья Александрыча у Григорія Алексѣича пропалъ сонъ и аппетитъ, лицо осунулось, глаза впали, и онъ нѣсколько дней одиноко и мрачно бродилъ въ саду и въ рощѣ, стараясь избѣгать всѣхъ, и въ особенности Наташи. «Я люблю ее,—думалъ онъ,—но чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, должна кончиться эта любовь? — бракомъ?» И при этомъ вопросѣ, который до разговора съ Сергѣемъ Александрычемъ не приходилъ ему въ голову, дрожь пробѣжала по его тѣлу... — Бракомъ! — повторялъ онъ, — бракомъ! — въ волненіи взадъ и впередъ прохаживаясь по аллеѣ сада. Тихія, безмятежныя картины брачной жизни, которыми нѣкогда восхищался онъ, въ эту минуту ему не явля-

лись болѣе. Напротивъ, какъ нарочно, вся прозаическая сторона этой жизни выступила передъ нимъ во всей наготѣ: домашнія хлопоты и тревоги, раздирающій уши крикъ дѣтей, неизбѣжное охлажденіе къ женѣ, ея слезы и вздохи, его тоска и отчаяніе, и прочее. Григорій Алексѣичъ былъ убѣжденъ, что безумно связывать себя вѣчнымъ обѣтомъ, добровольно лишать себя свободы. «Но что же мнѣ дѣлать? — спрашивалъ онъ самъ себя, — бѣжать отсюда? запереться въ самомъ себѣ, обречь себя на одиночество и влачиться по свѣту, безъ надеждъ и безъ цѣли! И куда бѣжать?» Мысль объ одиночествѣ показалась ему еще страшнѣе мысли о бракѣ. «Нѣтъ, — подумалъ онъ, — я не созданъ для одинокой, эгоистической жизни, мнѣ необходимо имѣть возлѣ себя существо любящее, близкое, родное по духу, съ которымъ бы я дѣлилъ и чувства, и мысли, и горе, и радости! Къ чему мнѣ моя постылая свобода?»

И Григорій Алексѣичъ, колеблемый этими мыслями, то рѣшался объясниться съ Наташей и ея матерью и разомъ кончить все, то хотѣлъ уѣхать изъ Сергіевскаго. Иногда, минутами казалось ему, что онъ вовсе не любитъ Наташу, что онъ просто увлекся ею, что между ними не существуетъ настоящей симпатіи, что въ ней нѣтъ достаточной теплоты, что она больше все понимаетъ головой, чѣмъ сердцемъ, — и мало ли чего не казалось ему! Нѣсколько разъ въ день мѣнялъ онъ свои мысли и взгляды и часто совсѣмъ упадалъ въ горькомъ сомнѣніи и нерѣшительности.

Въ такомъ мрачномъ расположеніи духа забрелъ онъ однажды вечеромъ (это было въ половинѣ іюля) въ самую отдаленную и заглохшую часть сада и утомленный, болѣе мыслями, чѣмъ ходьбою, бросился на траву между кустами орѣшника, спускавшагося у самыхъ ногъ его въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго между камнями лѣниво пробивался ручей съ глухимъ журчаньемъ. На другомъ берегу оврага была роща. Впереди и кругомъ Григорья Алексѣича все было дико и мрачно. Сквозь плотную, густую массу зелени, окружавшую его, не могъ проскользнуть лучъ солнечный. «Нѣтъ, — думалъ Григорій Алексѣичъ, — нѣтъ, я напрасно обвиняю

ее въ неспособности любить: у нея глубокое, любящее сердце; чѣмъ болѣе я наблюдаю ее, тѣмъ болѣе вижу, что она можетъ любить съ увлеченіемъ, со страстью... Это широкая, избранная натура, которой доступно и понятно все... И я сомнѣвался въ ней! Какая глупость! Теплоты недостаетъ не въ ней, а во мнѣ, — и Григорій Алексѣичъ при этомъ билъ себя въ грудь... — Сердце мое съ каждымъ днемъ черствѣетъ болѣе и болѣе; никогда не испытавъ любви, я уже сознаю въ себѣ неспособность любить такъ, какъ бы слѣдовало, а бываютъ, впрочемъ, минуты, въ которыя мнѣ еще кажется, что я могу любить со всѣмъ жаромъ и полнотою молодости; но это обманъ, ложь! я никогда не буду въ состояніи удовлетворить ея любви, для чего же напрасно смущать ея покой? Я рѣшительно не стою ея! Мнѣ слѣдуетъ быть съ ней какъ можно холоднѣе, какъ можно осторожнѣе. Но это опять глупость! я не выдержу... Нѣтъ, мнѣ просто нельзя оставаться здѣсь ни одной минуты, я долженъ бѣжать отсюда, куда-нибудь, все равно, только какъ можно далѣе; каждая минута замедленія будетъ съ моей стороны преступною слабостью... Но какъ будто это такъ легко?»

Онъ задумался и черезъ минуту произнесъ почти вслухъ:

— Кончено. Сегодня же ѣду! — и очень рѣшительно побѣжалъ по тропинкѣ.

Тропинка эта привела его на довольно открытое мѣсто. Тутъ онъ пріостановился и вздохнулъ свободнѣе. Зеленыя стѣны лѣса и его сумракъ душили его, ему необходимы были въ эту минуту свѣтъ и пространство.

«Я посмотрю въ послѣдній разъ, — думалъ онъ, — на эти луга, на Волгу; въ послѣдній разъ, потому что я никогда уже не ворочусь сюда».

И, подумавъ это, Григорій Алексѣичъ пошелъ болѣе покойнымъ и ровнымъ шагомъ.

Подходя къ самому скату горы, съ которой виднѣлась Волга, Григорій Алексѣичъ вдругъ вздрогнулъ и какъ бы приросъ къ землѣ.

Въ десяти шагахъ отъ него сидѣла на скамейкѣ Наташа.

На ней было бѣлое платье. Черные волосы ея локонами спускались до груди... Все вокругъ нея и вся она облита была розовымъ отблескомъ догорающей вечерней зари. Воздухъ дышалъ благоуханною свѣжестью. Все было тихо, вершины деревьевъ чуть колебались. Григорій Алексѣичъ долго стоялъ не шевелясь и едва переводя дыханіе. Наташа была очень хороша. Онъ смотрѣлъ на нее долго и благоговѣйно и потомъ робко подошелъ къ ней.

Наташа обернулась, когда онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Ахъ, это вы! — сказала она.

Григорій Алексѣичъ молчалъ, опустивъ голову на грудь.

— Какой прекрасный вечеръ,—замѣтила Наташа.—А гдѣ вы были? Вѣрно въ рощѣ?

— Да, въ рощѣ... нѣтъ, впрочемъ, я ходилъ въ саду, — отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ, — а вы давно здѣсь сидите?

— Это моя любимая скамейка. — сказала Наташа, — я здѣсь часто сижу. Отсюда чудный видъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошій видъ. Мнѣ это мѣсто также нравится... но я, можетъ быть, помѣшалъ вамъ... можетъ быть, вы хотите быть однѣ?

— Нисколько, — отвѣчала Наташа.

— Такъ вы мнѣ позволите сѣсть возлѣ васъ?

— Садитесь.

Григорій Алексѣичъ сѣлъ на скамейку.

Они нѣсколько минутъ молчали.

— Вамъ вѣрно надоѣла деревня? — сказала первая Наташа, — вы не привыкли къ ней. — вы день ото дня становитесь скучнѣе.

— Вы замѣчаете это? — возразилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да. Что жъ, это вамъ кажется страннымъ? И не я одна, и другіе замѣчаютъ это.

— Что мнѣ за дѣло до другихъ!

Наташа посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Скажите, отчего вы такъ посмотрѣли на меня?—спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Такъ...—Наташа нѣсколько смѣшалась.—Ну, признайтесь, вѣдь вамъ скучно здѣсь?

— А отчего же вы думаете, что въ другомъ мѣстѣ мнѣ было бы веселѣе? Напротивъ, я люблю деревню. Деревенская жизнь для меня не такъ чужда, какъ вы думаете, потому что я постоянно, до 19-ти лѣтъ, жилъ въ деревнѣ. Здѣсь мнѣ и весело и грустно... Но мнѣ иногда кажется, что нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня, иногда я думаю, что я самый несчастный изъ людей...

Григорій Алексѣичъ самъ не зналъ, что говорилъ, онъ оторвалъ вѣтку отъ куста и бросилъ ее. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать и остановился.

Сердце Наташи замерло. Она предчувствовала что-то необыкновенное.

— Послушайте,—сказалъ Григорій Алексѣичъ, — мнѣ давно хотѣлось говорить съ вами; вы простите меня, если я говорю нескладно... У меня нѣтъ болѣе силъ скрывать отъ васъ... Рано или поздно вы бы должны были узнать это..

Григорій Алексѣичъ вдругъ схватилъ руку Наташи.

У Наташи потемнѣло въ глазахъ, рука ея задрожала...

— Выслушайте меня, пожалуйста... я долженъ сказать вамъ — я люблю васъ...

Легкій, едва слышный звукъ вырвался изъ груди Наташи.

— Я еще никого не любилъ въ жизни... я люблю въ первый разъ —продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ и смѣлостью,—еще за полчаса передъ этимъ я упрекалъ себя въ холодности и неспособности любить, мнѣ казалось... но теперь мнѣ ясно, я не понималъ самого себя, теперь я чувствую, какъ горячо и сильно я люблю... безъ васъ для меня нѣтъ ничего въ жизни.

Наташа сидѣла недвижно. Слезы крупными каплями продолжали падать на ея грудь.

Она не вѣрила тому, что слышала; до этой минуты ей казалось почти невозможнымъ, чтобы онъ могъ полюбить ее,— онъ, по ея мнѣнію, достойный любви первой, лучшей женщины въ мірѣ!

— Скажите же мнѣ что-нибудь... взгляните на меня!..

Наташа подняла голову, улыбнулась сквозь слезы и пожала его руку...

— Только одно слово! — повторялъ Григорій Алексѣичъ.

Наташа хотѣла сказать это слово, но разгорѣвшееся лицо ея вдругъ поблѣднѣло.

Въ эту минуту ей послышался шорохъ въ густыхъ кустахъ сзади скамейки...

ГЛАВА VIII.

Часа черезъ два послѣ этого Олимпіада Игнатьевна, Наташа, Петруша, Григорій Алексѣичъ и Сергѣй Александрычъ сидѣли всѣ вмѣстѣ въ гостиной въ ожиданіи ужина. Наташа была нѣсколько разсѣяннѣе обыкновеннаго и какъ-то все невпопадъ отвѣчала на вопросы Сергѣя Александрыча. Григорій Алексѣичъ, напротивъ, былъ въ самомъ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа и даже очень одобрительно улыбался, слушая Петрушу, декламировавшаго ему свои новые стихи.

Олимпіада Игнатьевна раскладывала гран-пасьянсъ, вздыхала, охала и изрѣдка поглядывала на дочь съ заботливымъ безпокойствомъ... Мѣсяцъ прямо смотрѣлъ въ широкое окно, обливая комнату своимъ блѣднымъ свѣтомъ и бросая длинныя серебряныя полосы на полъ. Отъ времени до времени слышался въ комнатѣ доносившійся издалека однообразный и мѣрный стукъ ночного сторожа.

Олимпіада Игнатьевна оставила карты и обратилась къ дочери.

— Что съ тобой, Наташа? что ты, нездорова что ли?

И она приложила руку къ ея головѣ.

— У тебя въ лицѣ нѣтъ кровинки, а голова такая горячая!.. За тобой надо смотрѣть, какъ за ребенкомъ. По вечерамъ теперь сырость такая, а ты ходишь въ саду въ одномъ тоненькомъ платьицѣ. Того и гляди схватишь лихорадку...

— Я ничего, — отвѣчала Наташа, — у меня такъ только немного болитъ голова. Это пройдетъ.

— То-то пройдетъ, — ворчала Олимпіада Игнатьевна. — Поди-ка ты спать, напейся на ночь малины да закутайся хорошенько; это будетъ лучше.

Наташа въ ту же минуту встала и подошла къ маменькиной ручкѣ. Олимпіада Игнатьевна перекрестила ее и поцѣловала въ лобъ.

Сергѣй Александрычъ посмотрѣлъ на Наташу съ улыбкою и пожалъ ей руку. Григорій Алексѣичъ молча поклонился ей; и когда она вышла, Петруша отправился вслѣдъ за нею.

— Я провожу тебя до твоей комнаты, — сказалъ онъ ей.

— Спасибо. Зачѣмъ же? Я могу дойти и одна, — отвѣчала Наташа.

— Мнѣ хочется поговорить съ тобою, сестра, — произнесъ Петруша таинственно.

— О чемъ? — спросила Наташа, вздрагивая, — пожалуй, когда-нибудь послѣ, только не теперь. Я, въ самомъ дѣлѣ, не очень здорова.

Петруша нахмурился.

— Послушай, Наташа.... — голосъ Петруши дѣлался все таинственнѣе, — никогда еще я не чувствовалъ въ себѣ такой сильной потребности говорить съ тобой. Теперь я, можетъ быть, выскажу тебѣ то, что другой разъ мнѣ не удастся высказать. Ты знаешь, что у меня минуты откровенія не часты.

Наташа ничего не отвѣчала.

Войдя въ свою комнату, она обратилась къ Петрушѣ, который все слѣдовалъ за нею.

— Тебя вѣрно, братецъ, ждутъ ужинать.

— Я не хочу ужинать, — отвѣчалъ Петруша, располагаясь на диванѣ.

— А маменька-то? Она будетъ безпокоиться... ты вѣдь знаешь ее... ей Богъ знаетъ что придетъ въ голову... Она подумаетъ, что и ты нездоровъ.

— Оставь ее; пусть думаетъ себѣ, что хочетъ...

— Поди скажи, чтобы меня не ждали ужинать, — сказалъ онъ, обращаясь къ горничной, которая ставила на столъ свѣчу.

Когда горничная ушла, Петруша подошелъ къ Наташѣ, съ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и крѣпко пожалъ ея руку.

— Я понимаю тебя, Наташа, — произнесъ онъ значительно, — отъ меня ты не должна ничего скрывать... Вѣрь мнѣ, я могу быть твоимъ другомъ; ты можешь смѣло высказать мнѣ все, что лежитъ у тебя на сердцѣ .. тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей.

— Что такое? — что ты хочешь сказать? — спросила Наташа.

— Неужели ты думаешь, — продолжалъ Петруша, — что отъ меня могла ускользнуть перемѣна, которая произошла въ тебѣ съ нѣкотораго времени? Неужели ты воображаешь, что я не понимаю сердца женщины? Отъ меня ты не утаишь ничего. Не бойся. Я, можетъ быть, объясню тебѣ многое, что еще ты сама неясно сознаешь въ себѣ .. Послушай, Наташа, я еще до сихъ поръ въ жизни не встрѣчалъ женщины, родственной мнѣ по духу, и можетъ быть никогда не встрѣчу. Что ожидаетъ меня въ будущемъ? Капля радостей и море страданій! У меня натура артистическая, субъективная, а такого рода натуры не могутъ быть счастливы въ настоящемъ обществѣ! Они находятъ удовлетвореніе только въ самихъ себѣ... Знаешь ли ты, что возможность любви, горячей, безпредѣльной лежитъ у меня здѣсь въ зародышѣ?

Петруша ударилъ себя въ грудь.

— Много чувствъ и мыслей безвыходно замкнуты въ этой груди Меня считаютъ сухимъ и холоднымъ Наружность моя точно такова, но наружность обманчива, сестра... Внутренній огонь пожираетъ меня! Родись я не здѣсь, среди этого пошлаго, безсмысленнаго, апатическаго общества, я могъ бы сдѣлать многое, я не безполезно прошелъ бы жизненное поприще, но здѣсь, сестра, здѣсь нѣтъ пищи для моей дѣятельности! Кому здѣсь понять меня? Въ глазахъ стараго отжившаго поколѣнія я не болѣе, какъ сумасбродный мальчишка, нахватавшій самыхъ вредныхъ идей; но меня не понимаютъ многіе и изъ молодого поколѣнія, и тѣ, которые считаютъ себя развитыми, которые трактуютъ о современныхъ вопросахъ. А это нестерпимо. Напримѣръ, Сергѣй Але-

ксандрычъ, — онъ обращается со мной совершенно какъ съ ребенкомъ и глядитъ на меня съ высоты величія. Онъ воображаетъ, что стоитъ на ряду съ вѣкомъ, потому что былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, а между тѣмъ, это человѣкъ отсталый; у него душа дряблая, старческая, неспособная сочувствовать, и какой пошлый взглядъ на жизнь! Искусство, поэзія для него не существуютъ, тонкія поэтическія черты для него рѣшительно неуловимы...

Петруша вскочилъ со стула и началъ прохаживаться по комнатѣ.

Наташа, замѣтно встревоженная началомъ разговора Петруши, почти не слыхала послѣднихъ словъ его. Мысли ея заняты были совершенно другимъ.

Петруша остановился передъ нею.

— Знаешь ли, — продолжалъ онъ — если кто-нибудь немного можетъ понимать меня, такъ это развѣ Григорій Алексѣичъ... по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Наташа не пріобрѣла еще искусства владѣть собою. Лицо ея вдругъ измѣнилось при этомъ имени, и она съ любопытствомъ взглянула на брата.

— У Григорья Алексѣича сердце теплое: поэтическая сторона жизни доступна ему, но, кажется, и въ немъ начинаетъ остывать юношескій пылъ, энергія убѣжденія, и онъ начинаетъ расходиться съ новымъ поколѣніемъ. А это жаль, очень жаль! Онъ тоже воображаетъ, что знаніе жизни пріобрѣтается только однимъ опытомъ... старческая, пошлая мысль!.. но я все-таки уважаю этого человѣка и всегда охотно протягиваю ему руку. Въ немъ есть хорошія стороны. Это одинъ изъ немногихъ людей, которые въ случаѣ нужды могутъ быть полезны... Ахъ, жизнь, жизнь!.. немногимъ дается ея свѣтлое пониманіе... Да!.. а люди не легко и не вдругъ познаются!.. А я, однако, съ перваго раза умѣлъ оцѣнить Григорія Алексѣича... Ему я даже обязанъ тѣмъ, что узналъ тебя.

— Какъ это? — спросила Наташа.

— Безъ него я не подозрѣвалъ бы того, что ты способна къ развитію, къ воспринятію высшихъ идей. Съ тѣхъ

поръ какъ онъ здѣсь, ты сдѣлала огромный шагъ Ты многимъ обязана Григорью Алексѣичу.

Петруша взялъ снова руку сестры и еще крѣпче прежняго пожалъ ее.

— Ты любишь его, Наташа! — признайся мнѣ. Я вижу все — и долженъ сказать тебѣ... эта любовь радуетъ меня, потому... потому что она совершенно разумна.

Наташа молчала. Она не могла произнести ни одного слова, если бы и хотѣла отвѣчать на вопросъ Петруши. Грудь ея тяжело и неровно дышала, а сердце болѣзненно билось.

— Признайся мнѣ какъ другу, какъ духовному брату,— говорилъ неотвязчивый Петруша съ экстазомъ, — о, я свято сохраню твою тайну, не оскорблю деликатность твоего чувства; я не захочу нагло ворваться въ святилище твоего сердца, для того, чтобы напрасно возмущать его... Ты любишь Григорья Алексѣича? — скажи мнѣ.

— Да, да, — прошептала Наташа, задыхаясь и закрывая лицо руками...

Долго оставалась она въ такомъ положеніи. Петруша смотрѣлъ на нее, скрестивъ руки на груди и усиливаясь какъ можно болѣе придать значенія и важности своей физіономіи, и когда Наташа открыла лицо и рѣшилась взглянуть на брата, онъ обнялъ ее и потомъ какъ-то вдохновенно началъ поводить глазами:

— Съ этой минуты я твой, сестра, — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, — въ эту минуту мы породнились съ тобой духовно. Располагай мной... Если матушка, почему бы то ни было, вздумаетъ препятствовать вашему соединенію или станетъ притѣснять тебя, она въ одно время лишится и сына и дочери!.. Это будетъ для нея нравственною казнью; никто, можетъ быть, не подозрѣваетъ здѣсь, на что я способенъ въ крайнихъ случаяхъ!.. Намъ надо дѣйствовать смѣло, прямо... О, какъ весело вступать въ открытую борьбу съ предразсудками и невѣжествомъ! Сердце замираетъ отъ восторга при этой мысли.

Петруша продолжалъ говорить о Григорьѣ Алексѣичѣ, о маменькѣ, о будущей участи человѣчества, объ освобо-

жденіи женщины, о міровой любви, о самомъ себѣ и о своихъ стихотвореніяхъ.

Когда онъ все высказалъ, простился съ сестрою и уже отворилъ дверь, чтобы выйти изъ ея комнаты, Наташа бросилась къ нему и остановила его на минуту.

— Послушай, братецъ,—произнесла она, крѣпко и судорожно сжимая его руку, — то, что я сказала тебѣ, останется между нами... Бога ради! я прошу тебя...

— И ты еще можешь сомнѣваться во мнѣ, — перебилъ Петруша оскорбленнымъ тономъ, — послѣ всего, что я говорилъ тебѣ? Я открылъ тебѣ всю мою душу, всѣ мои вѣрованія и убѣжденія. Стало быть, ты не поняла меня?

— О, нѣтъ! — вскрикнула Наташа со слезами на глазахъ, — прости меня... я увѣрена въ тебѣ...

Дня черезъ три послѣ этого Петруша написалъ стихи къ Наташѣ, въ которыхъ онъ подтверждалъ, между прочимъ,— «что въ его груди, какъ въ могилѣ, навѣки замреть ея святая тайна». Но онъ не выдержалъ и прочелъ эти стихи Сергѣю Александрычу. Сергѣй Александрычъ похвалилъ ихъ; Петруша смягчился и, разнѣженный этою похвалою, внутренно примирился съ нимъ на эту минуту и, самъ не чувствуя какъ, передалъ ему отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Наташей.

Между тѣмъ слухи о любви Наташи къ Григорью Алексѣичу съ различными прибавленіями и преувеличеніями распространялись быстро въ родственномъ кругу и, переходя изъ уѣзда въ уѣздъ, сдѣлались самою интересною новостью въ губерніи и для постороннихъ.

Толки эти были очень забавны и разнообразны. И кому бы пришло въ голову, что первая, пустившая эти толки, одушевившіе всю губернію, была Стешка, горничная Агафьи Васильевны? Агафья Васильевна, нерѣдко посѣщавшая Сергіевское, съ каждымъ пріѣздомъ своимъ убѣждалась, что на сбытъ Любаши плоха надежда, что Григорій Алексѣичъ, «не соблюдая никакого приличія и благопристойности, такъ и подлипаетъ къ Наташѣ», и заключила изъ этого, что онъ долженъ быть самый безпутный человѣкъ. Агафья Васильев-

на затаила злобу свою до времени и начала наблюдать за ними исподтишка посредствомъ своихъ агентовъ. Стешка черезъ Петровича передавала ей все, что дѣлалось въ Сергіевскомъ.

Петровичъ, въ угоду Стешкѣ и отчасти по собственной наклонности, исполнялъ ревностнымъ и добросовѣстнымъ образомъ должность шпіона. Рука, раздвигавшая вѣтви кустарника въ саду, въ минуту объясненія Григорья Алексѣича съ Наташею, принадлежала Петровичу, и на другой же день все видѣнное и слышанное имъ онъ передалъ Стешкѣ, которая, въ свою очередь, сейчасъ же, какъ слѣдуетъ, донесла объ этомъ своей барынѣ.

— А! такъ вотъ какъ! — вскрикнула въ бѣшеномъ торжествѣ Агафья Васильевна, — вотъ оно что! Сама на шею бросается къ нему!.. сама обнимаетъ его! Она безчеститъ собою всю нашу фамилію, всю нашу губернію! Да ужъ полно дворянская ли кровь течетъ въ ней?.. Ужъ не согрѣшила ли Олимпіада-то Игнатьевна?

Агафья Васильевна дала полную волю языку и начала вездѣ трезвонить о Наташѣ и о Григорьѣ Алексѣичѣ.

Но грозныя тучи клеветъ и сплетней, скоплявшіяся на губернскомъ горизонтѣ, еще не разразились надъ Сергіевскимъ. Тамъ было еще все ясно и безмятежно. Олимпіада Игнатьевна хорошо понимала, что дѣлалось кругомъ ея, и часто съ большимъ любопытствомъ разспрашивала своего племянника о Григорьѣ Алексѣичѣ. Ей было непріятно только одно, — почему Григорій Алексѣичъ не служитъ.

— Какъ же онъ не заботится о своей карьерѣ? — спрашивала она, — развѣ онъ имѣетъ такое обезпеченное состояніе?.. Вотъ вы, батюшка, — прибавляла она, — это другое дѣло. Васъ Богъ благословилъ... У васъ полторы тысячи душъ крестьянъ. Слава Богу, вамъ не о чемъ заботиться. Ну, а молодому человѣку, не богатому, грѣшно не думать о службѣ и праздно проводить время...

Сергѣй Александрычъ старался объяснить тетушкѣ, что Григорій Алексѣичъ проводитъ время не совсѣмъ праздно, что онъ много читаетъ, занимается литературой, пишетъ ста-

тьи для журналовъ, но тетушка сомнительно и недовольно покачивала головой и говорила:

— Воля ваша, что же это за занятія такія? Вѣдь это онъ дѣлаетъ для своего удовольствія... Вѣдь это все же не то, что коронная служба... Вѣдь за эти занятія онъ не получитъ ни чина, ни награды, никакого профита.

Глядя на дочь свою и на Григорія Алексѣича, когда они сидѣли вмѣстѣ, старушка иногда думала:

«Господи! буди воля твоя!»

Случалось также, что, глядя на нихъ, она думала: «какъ бы это узнать достовѣрно, есть ли у него состояніе, обезпеченъ ли онъ?», потому что Сергѣй Александрычъ не далъ ей положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Съ Наташей при Григорьѣ Алексѣичѣ она обращалась гораздо нѣжнѣе и ласковѣе обыкновеннаго, и часто говорила ему въ ея присутствіи:

— Какъ я благодарна вамъ, батюшка, за то, что вы занимаетесь съ ней, читаете ей, толкуете, учите ее.

Но наединѣ съ дочерью Олимпіада Игнатьевна давала ей другого рода наставленія.

— Ты, пожалуйста, Наташа, — говорила она, — не очень слушай то, что тебѣ разсказываетъ и нашептываетъ Григорій Алексѣичъ, не вѣрь всему, что тамъ написано въ этихъ книгахъ, которыя онъ тебѣ читаетъ.

ГЛАВА IX.

А вотъ что Григорій Алексѣичъ нашептывалъ Наташѣ:

— Если бы вы знали, какъ я теперь счастливъ! А была минута, когда я хотѣлъ бѣжать отсюда, бѣжать отъ васъ...

— Зачѣмъ же бѣжать? — перебила Наташа съ недоумѣніемъ.

— Я сомнѣвался во всѣхъ и во всемъ, — сомнѣвался въ самомъ себѣ, сомнѣвался въ васъ. Я думалъ, что вы не любите меня.

— Неужели вы думали это? — спросила Наташа, — я могла

думать, но это совсѣмъ другое. И до сихъ поръ... Скажите мнѣ, Бога ради, за что вы меня любите?.. Я и до сихъ поръ не понимаю этого!

— Вы не знаете самое себя, — говорилъ Григорій Алексѣичъ, съ восторгомъ смотря на нее, — за что? вы дали смыслъ и содержаніе моей жизни. Вашъ взглядъ, ваше слово, одно присутствіе ваше разливаетъ святое чувство въ груди моей. Вы еще не знаете, на сколько вы выше этихъ людей, среди которыхъ родились и живете. Посмотрите хорошенько вокругъ себя, на самыхъ близкихъ родныхъ своихъ. на ихъ образъ жизни, на ихъ дикіе, нелѣпые предразсудки. Есть ли у васъ что-нибудь общее съ ними? Вы, вѣрно, оставите ихъ безъ сожалѣнія?

— Если мнѣ придется когда-нибудь оставить ихъ, — отвѣчала она, — я, конечно, не буду жалѣть никого, кромѣ маменьки...

— Я понимаю, что вы привязаны къ ней по привычкѣ; но послушайте, я долженъ прямо сказать вамъ все, я долженъ быть откровененъ съ вами; вы не можете любить ее искренно, и если думаете, что ее любите, — вы обманываете самое себя

— Что это вы говорите? — съ ужасомъ сказала Наташа. — Она — моя мать! Я знаю, что у нея доброе сердце и она очень любитъ меня. Какъ же мнѣ не любить ее?

— Да, она любитъ васъ до той минуты, покуда вы молчаливо и безусловно будете во всемъ покоряться ея требованіямъ, но если вы хоть разъ вздумаете обнаружить передъ ней собственную волю, которая будетъ противорѣчить ея волѣ, тогда эта любящая мать съ добрымъ сердцемъ явится передъ вами въ настоящемъ свѣтѣ... Она безъ жалости подавитъ васъ своею материнскою властью, она не позволитъ вамъ дохнуть свободно, прикинется еще вдобавокъ притѣсненною, будетъ стонать, охать и всѣмъ жаловаться на васъ. И никто не приметъ вашу сторону, всѣ будутъ за нее... Между нею и вами не можетъ существовать никакой откровенности, никакой симпатіи. Вы должны, напротивъ, скрываться отъ нея, казаться передъ ней не тѣмъ, чѣмъ вы есть, приносить ей

ежеминутныя жертвы и для собственнаго спокойствія поступать по ея желанію противъ своихъ убѣжденій, противъ своей совѣсти...

— О, нѣтъ, — прервала Наташа, — ни за что на свѣтѣ: теперь я чувствую, что никто не въ состояніи заставить меня сдѣлать что-нибудь противъ моихъ убѣжденій.

— Но знаете ли вы, — продолжалъ онъ, — можетъ быть, минута испытанія уже близка для васъ. Я бѣденъ, я почти ничего не имѣю: ваша матушка не подозрѣваетъ этого, она вѣрно думаетъ, что у меня есть какое-нибудь состояніе, и только потому такъ благосклонно обращается со мною, — но я долженъ буду открыть ей все, вывести ее изъ заблужденія, и тогда...

— Вы слишкомъ дурно думаете о ней. Вы не знаете ее. Она не захочетъ препятствовать моему счастью. Я скажу ей, что я люблю васъ, что я никого никогда не буду любить, кромѣ васъ.

— Вы слишкомъ чисты душою, слишкомъ неопытны; но если мои подозрѣнія оправдаются — тогда что?

— Тогда... — Наташа задумалась.

Григорій Алексѣичъ впился въ нее своими глазами. «А! она колеблется», мрачно подумалъ онъ.

— Тогда, — сказала Наташа голосомъ спокойнымъ и твердымъ, — тогда у меня не останется никого, кромѣ васъ.

Григорій Алексѣичъ при этихъ словахъ сталъ передъ Наташею на колѣни и началъ жарко цѣловать ея руки въ безумномъ упоеніи.

— Бога ради, что вы дѣлаете? — произнесла Наташа, которая, несмотря на волненіе, сохранила присутствіе духа, — вы забыли, гдѣ мы; васъ могутъ увидѣть...

Григорій Алексѣичъ поднялся медленно, отвелъ рукою длинные свои волосы, которые упадали ему на лицо, взглянулъ на Наташу млѣющими глазами и прошепталъ:

— Да, я совсѣмъ забылъ... простите меня, я не помню, что дѣлаю; я такъ счастливъ!

Онъ снова сѣлъ возлѣ нея и нѣсколько минутъ жадно вдыхалъ въ себя вечерній воздухъ.

— Мы не останемся здѣсь, — продолжалъ онъ, успокоиваясь, разнѣживаясь и какъ-будто мечтая вслухъ, — мы уѣдемъ отсюда, поселимся въ Петербургѣ, устроимъ маленькое хозяйство, будемъ допускать къ себѣ только немногихъ избранныхъ друзей. Я буду трудиться, и какъ легокъ и пріятенъ мнѣ будетъ всякій трудъ! Мысль, что я тружусь не для себя только, а для существа родного, близкаго мнѣ, — эта мысль будетъ одушевлять и вдохновлять меня... До этой минуты дѣятельность моя была въ усыпленіи, потому что я не имѣлъ цѣли въ жизни, потому что кругомъ меня было все безпривѣтно и пусто. До сихъ поръ я бродилъ во мракѣ и ощупью, воображалъ себя мудрецомъ, а между тѣмъ былъ глупъ, какъ ребенокъ. Только теперь я начинаю понимать и видѣть все ясно; только теперь я чувствую въ себѣ настоящую силу и желаніе дѣятельности. Человѣкъ, никогда не любившій, хотя бы прожилъ сто лѣтъ, не имѣетъ права сказать, что онъ жилъ!

Григорій Алексѣичъ говорилъ долго, Наташа слушала его съ восторгомъ, и въ воображеніи ея уже развертывалась картина прекраснаго будущаго. Для Наташи каждое его слово дышало святой, непреложной истиной. Она смотрѣла на него съ полною вѣрой.

Но Григорій Алексѣичъ не могъ долго оставаться въ такомъ безмятежномъ и блаженномъ состояніи духа. Одно обстоятельство, совершенно, впрочемъ, ничтожное, вдругъ нарушило внутреннюю его гармонію.

Онъ лежалъ послѣ обѣда на диванѣ въ своей комнатѣ и мечталъ. Мечты его мало-по-малу начинали спутываться и принимать неопредѣленные и туманные образы, глаза закрывались, и онъ готовъ уже былъ совсѣмъ заснуть, какъ вдругъ кто-то сильно и выразительно крякнулъ надъ самою его головою.

Григорій Алексѣичъ открылъ глаза и съ досадою обернулся назадъ.

На порогѣ двери стоялъ Петровичъ съ свойственнымъ ему глубокомысленнымъ видомъ.

— Что тебѣ надо? — спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да, признаться. надо-то мнѣ Сергѣя Александрыча.— отвѣчалъ Петровичъ, заглядывая въ комнату.

— Его нѣтъ здѣсь.

— То-то нѣтъ, я и вижу, что нѣтъ. Да гдѣ жъ бы они это могли быть?

— Не знаю.

— Гм... Надо пойти отыскивать ихъ. Барыня ихъ спрашиваетъ зачѣмъ-то...

— Поди отыскивай... Мнѣ что за дѣло.

Но Петровичъ не двигался съ мѣста.

— Ну, что жъ тебѣ?

— Эхъ, батюшка, Григорій Алексѣичъ,— проговорилъ Петровичъ, вздыхая,— то-ись, какъ я васъ люблю... вѣрите ли Богу... я много произошелъ въ своей жизни и много господъ видалъ на своемъ вѣку... Вотъ и Василій Васильичъ Бочкаревскій, знаете его? ужъ на что баринъ,— да нѣтъ, куда до васъ, далеко! Все не то Этакая счастливица наша барышня, въ сорочкѣ, видно, родилась, ей Богу!

— Это что значитъ?— сказалъ Григорій Алексѣичъ, вскакивая съ дивана.

Петровичъ немного смутился.

— Вы простите меня, Григорій Алексѣичъ, то-ись, можетъ статься, я и глупое слово сказалъ, оно, можетъ, вамъ и непріятно, что я примѣчалъ ваши сердечныя чувствія, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, батюшка, ей Богу. Мы, то-ись всѣ, не иначе понимаемъ васъ, какъ женихомъ Натальи Николаевны и радуемся этому! Ежеминутно, такъ сказать, Бога благодаримъ ..

Григорій Алексѣичъ кусалъ губы отъ нетерпѣнія и досады.

— И сама барышня,—продолжалъ Петровичъ,—опомнясь приходитъ въ дѣвичью... и я тутъ случился, знаете... и говоритъ: ну, дѣвушки, говоритъ, будетъ вамъ работа... приданое, говоритъ, мнѣ шить...

— Она сказала это?— вскрикнулъ Григорій Алексѣичъ, блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ.— Ты лжешь!..

— Чего же вы, батюшка, гнѣваетесь-то? Убей меня Богъ

Вотъ тутъ и Палагея была, и Аннушка, и Матрена, все живые люди. Спросите у нихъ, коли мнѣ не вѣрите.

Петровичъ клялся и божился, но Григорій Алексѣичъ не слыхалъ уже ничего и не видалъ.

У Григорья Алексѣича помутилось въ глазахъ; онъ въ отчаяніи бросился на диванъ, потомъ вскочилъ и началъ бѣгать изъ угла въ уголь, бормоча сквозь зубы несвязныя и отрывистыя фразы:

— Прекрасно!.. приданое... дѣвкамъ повѣрять свои тайны... это въ духѣ деревенской барышни!.. Какъ это мило!

Наташа вдругъ потеряла для него свое высокое значеніе и превратилась въ пустую, ничтожную дѣвочку.

«И я допустилъ себя такъ глупо увлечься ею! — думалъ онъ, — и я могъ вообразить, что она оторвалась отъ грязной и гадкой дѣйствительности, въ которой родилась и выросла! Это сумасбродство, нелѣпость! Сергѣй Александрычъ правъ; онъ ничѣмъ не увлекается; онъ смотритъ на вещи просто, положительно и потому у него взглядъ бываетъ часто яснѣе и вѣрнѣе моего. И можетъ ли она любить, можетъ ли она понимать любовь въ ея святомъ, въ ея высокомъ значеніи, когда она ужъ теперь начинаетъ хлопотать о приданомъ и разсуждаетъ объ этомъ со своими дѣвками? Ей, просто, хочется выйти замужъ, жениховъ нѣтъ, а я дуракъ тутъ кстати подвернулся, — она и распылалась передо мною и начала сантиментальничать»...

Григорій Алексѣичъ цѣлый вечеръ дулся, не говорилъ съ Наташей ни слова и едва отвѣчалъ на ея вопросы. Ночь провелъ онъ безпокойно, проснулся ранѣе обыкновеннаго и одѣлся наскоро, чтобы итти гулять. Онъ боялся встрѣтить кого-нибудь, особенно Сергѣя Александрыча, потому что чувствовалъ потребность быть одному, потому что не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь замѣтилъ его страданія. Григорій Алексѣичъ вышелъ на крыльцо. Утро было теплое, небо подернуто тонкими и блѣдными облаками. Роса крупными матовыми каплями лежала на листкахъ бузиновыхъ кустовъ, разросшихся на дворѣ у самаго дома; лугъ передъ домомъ только что былъ скошенъ и воздухъ напитанъ запахомъ

травы... На крыльцѣ, прислонясь къ колоннѣ, стояла Наташа; глаза ея были красны и вѣки распухли.

Григорій Алексѣичъ увидѣлъ ее и хотѣлъ вернуться назадъ, но уже было поздно. Наташа обернулась къ нему. Григорій Алексѣичъ сухо поклонился ей, остановился въ раздумьи и не зналъ, что дѣлать. Встрѣча была съ обѣихъ сторонъ неожиданна. Ни Григорій Алексѣичъ, ни Наташа нѣсколько минутъ не знали, что сказать другъ другу.

— Какое прекрасное утро, — произнесла наконецъ Наташа въ замѣшательствѣ.

— Да, — отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ разсѣянно и не глядя на нее.

— Отчего вы такъ рано встали сегодня? — спросила она.

Григорій Алексѣичъ не отвѣчалъ ни слова.

Наташа повторила свой вопросъ.

— И вы, кажется, встали сегодня раньше обыкновеннаго? — сказалъ онъ раздражительно. — Я, признаюсь, не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь... Вы, вѣрно, чѣмъ-нибудь озабочены, какими-нибудь хлопотами по хозяйству?.. Это дѣлаетъ вамъ честь. Заниматься хозяйствомъ очень полезно, полезнѣе даже, чѣмъ читать.

— Что это значитъ? Что это за тонъ? — спросила она. — Объясните мнѣ, что это значитъ? Вы такъ измѣнились со вчерашняго дня. Я не понимаю васъ...

— Вы меня не понимаете?.. — возразилъ Григорій Алексѣичъ съ ядовитою улыбкою, — можетъ быть!

Но въ эту минуту онъ взглянулъ на Наташу. Ея разстроенный видъ, ея распухшие отъ слезъ глаза, ея блѣдность, — все это вдругъ поразило его.

«Какое же однако я имѣю право оскорблять ее?.. — подумалъ онъ.—Къ тому же вѣрить словамъ глупаго лакея... Можетъ быть все это было не такъ, онъ переврал». Григорій Алексѣичъ вдругъ бросился къ Наташѣ съ чувствомъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, — не слушайте меня, я самъ не знаю, что говорю! я боленъ. — И онъ, въ отчаяніи, судорожно ломалъ свои руки, какъ нервическая женщина.

— Что съ вами?—спросила она, взявъ его руку и глядя на него съ участіемъ.

Григорій Алексѣичъ не только успокоился совершенно, но ему показалось, что въ ея невольномъ движеніи выразилась вся сила, вся безпредѣльность любви къ нему.

Весь этотъ и слѣдующій день онъ былъ необыкновенно доволенъ и веселъ. Можетъ быть, довольствіе это продолжалось бы и долѣе, если бы не Петруша. Петруша давно искалъ удобнаго случая сблизиться съ Григорьемъ Алексѣичемъ и серьезно поговорить съ нимъ о Наташѣ, о самомъ себѣ и о человѣчествѣ, которое сильно его тревожило. И когда случай этотъ, по мнѣнію Петруши, представился,— онъ передалъ весь разговоръ свой съ сестрою.

— Такъ она вамъ призналась, что любитъ меня? вамъ?— возразилъ Григорій Алексѣичъ, выслушавъ его и съ нѣкоторою злостью измѣряя его съ ногъ до головы.

— Да.—отвѣчалъ Петруша гордо и торжественно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Григорій Алексѣичъ улыбнулся презрительно.

— Впрочемъ,—продолжалъ Петруша,—впрочемъ, и безъ признанія Наташи я зналъ и видѣлъ все... ваша и ея тайна была давно угадана мною. Я понялъ васъ съ первой минуты вашего пріѣзда сюда. На меня вы можете положиться.

Григорій Алексѣичъ принужденно захохоталъ.

— Благодарю васъ, повѣрьте, мнѣ очень лестно быть понятымъ вами,—только я не совѣтую вамъ слишкомъ полагаться на вашу проницательность. Она легко можетъ обмануть васъ, молодой человѣкъ!

Петруша поблѣднѣлъ, закусилъ губу и отсталъ отъ него.

Григорій Алексѣичъ проводилъ Петрушу глазами и ударилъ себя въ лобъ.

«Я глупецъ, совершеннѣйшій глупецъ!—подумалъ онъ.— Неужели я цѣлый вѣкъ буду жить фантазіями? Послѣ всего, что мнѣ наговорилъ этотъ мальчишка, послѣ всего этого можно ли, наконецъ, сомнѣваться въ томъ, что такое эта Наташа?.. нѣтъ, нѣтъ! Пора мнѣ отрезвиться отъ этой

любви, выкинуть этотъ вздоръ изъ головы, — все это пошлые остатки глупаго романтизма!»

Съ каждымъ днемъ Григорій Алексѣичъ болѣе и болѣе впадалъ въ разладъ съ самимъ собою и безпрестанно измѣнялъ свое обращеніе съ бѣдною Наташею. Иногда казалось ему, что Сергѣй Александрычъ смѣется надъ его любовью и смотритъ на него съ сожалѣніемъ, иногда онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ему разставили сѣти, что его ловятъ, что Сергѣй Александрычъ вмѣстѣ со всѣми своими родственниками въ заговорѣ противъ него и что его хотятъ заставить жениться на Наташѣ.

Наташа рѣшительно не понимала, что дѣлается съ Григорьемъ Алексѣичемъ. Все въ немъ послѣднее время было для нея необъяснимой загадкой. Безпокойство ея возрастало съ каждымъ днемъ. Но обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное, вдругъ вывело ее изъ неопредѣленнаго положенія...

ГЛАВА X.

Къ числу почетнѣйшихъ помѣщиковъ той губерніи, въ которой находится село Сергіевское, принадлежалъ Захаръ Михайлычъ Рулевъ. Онъ имѣлъ генеральскій чинъ и 600 незаложенныхъ душъ. Окончивъ съ честью свое служебное поприще, украсивъ грудь свою орденами и получивъ генеральскій чинъ при отставкѣ, Захаръ Михайлычъ поселился въ своей деревнѣ. Ему было тогда 59 лѣтъ. Онъ средняго роста, волосы у него сѣдые, глаза свѣтлокаріе, лицо круглое, носъ широкій, губы толстыя, особыхъ примѣтъ никакихъ. Захаръ Михайлычъ человѣкъ прямой, положительный, дѣятельный и никогда не заискивавшій ничьего покровительства. Для Захара Михайлыча все въ жизни ясно и просто, какъ дважды-два четыре.

Сельцо Красное, резиденція Захара Михайлыча, отличалось необыкновеннымъ порядкомъ и устройствомъ. При въѣздѣ въ деревню, у околицы, вмѣсто обыкновеннаго, полусгнившаго и почернѣвшаго сруба, крытаго соломой, провалившей-

ся внутрь, — каменная караульня, крытая желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ, вдоль прямой и широкой улицы, вытянутыя въ струнку крестьянскія избы. Въ серединѣ господская усадьба, одноэтажный каменный выбѣленный домъ, нѣсколько похожій на казарму, и съ обѣихъ сторонъ въ видѣ полукруга флигеля, также выбѣленные, а на площадкѣ передъ домомъ небольшая каменная часовенка, около которой симметрически посажено нѣсколько липокъ, подпертыхъ палками. На каждомъ флигелѣ надписи: *больница*, *контора*, *ткацкія* и проч. Площадка всегда начисто подметена и усыпана желтымъ пескомъ. Сельцо Красное болѣе походитъ на военное поселеніе, чѣмъ на деревню.

Всѣ крестьяне Захара Михайлыча ходятъ также по стрункѣ. Онъ самъ постоянно наблюдаетъ за всѣми работами и ежедневно прохаживается по своимъ владѣніямъ съ толстою сучковатою палкою въ рукѣ, которая, какъ и самъ онъ, не остается въ бездѣйствіи.

Захаръ Михайлычъ строгъ, но это не мѣшаетъ красносельцамъ любить его и называть добрымъ бариномъ.

И у Захара Михайлыча точно доброе сердце. Когда дѣло спорится и крестьяне его работаютъ охотно, дружно, онъ съ любовью смотритъ на нихъ, опираясь на свою палку, и маленькія глазки его прыгаютъ отъ удовольствія.

— Ай да ребята! — покрикиваетъ онъ, — молодцы... Захаръ Михайлычъ часто употребляетъ поговорку, безъ которой коренной русскій человѣкъ обойтись никакъ не можетъ. Поговорка эта имѣетъ необыкновенное свойство одушевлять и поощрять крестьянъ къ труду. Работа, ободряемая барскимъ словомъ, закипаетъ еще дружнѣе и веселѣе, и самъ Захаръ Михайлычъ иногда, расходившись, сбрасываетъ съ себя сюртукъ и начинаетъ подмогать своимъ подданнымъ, да такъ, что потъ дождемъ каплетъ съ его барскаго чела... Дворня въ сельцѣ Красномъ многочисленна, какъ и во всѣхъ нашихъ деревняхъ, но зато у Захара Михайлыча и изъ дворовыхъ никто не сидитъ безъ дѣла. Тунеядцамъ нѣтъ мѣста въ сельцѣ его. Онъ не гнушается надсматривать и за дѣтьми и за бабами, чтобы и они не проводили время въ праздности.

Онъ никогда не выходитъ изъ дома безъ цѣли и рѣшительно не понимаетъ что такое прогулка для удовольствія. Красоты природы не существуютъ для него: онъ даже питаетъ просто что-то враждебное къ живописнымъ мѣстоположеніямъ.

До чтенія Захаръ Михаилычъ не охотникъ. онъ читаетъ мало, и то развѣ когда бываетъ боленъ (что случается съ нимъ очень рѣдко). и ему все равно, что ни читать.

Въ обращеніи своемъ онъ простъ, охотно протягиваетъ руку всѣмъ и равнымъ себѣ и низшимъ, и со всѣми говоритъ одинаковымъ голосомъ и тономъ, несмотря на свое генеральство. Это, впрочемъ. не нравится никому — и про него говорятъ, что онъ не имѣетъ никакого обращенія и достоинства и не умѣетъ вести себя соотвѣтственно своему званію.

Мужчины въ губерніи вообще его не слишкомъ жалуютъ, потому что онъ любитъ рѣзать правду въ глаза, не соблюдая никакихъ приличій и болѣе всѣхъ кричитъ и горячится на выборахъ; но зато дамы (и преимущественно maменьки) чрезвычайно расположены къ нему...

Захаръ Михайлычъ, какъ близкій сосѣдъ, часто посѣщалъ село Сергіевское. Онъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ Сергѣя Александрыча, потому что въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время любилъ поболтать съ хорошимъ человѣкомъ о суетѣ мірской. Захаръ Михайлычъ, вообще, сходился съ людьми скоро, потому что не углублялся въ разборъ ихъ внутреннихъ качествъ. Люди въ понятіи его раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на честныхъ и безчестныхъ, другихъ раздѣленій онъ не признавалъ и не слишкомъ уважалъ умъ и образованность.

Фамильярное обращеніе Захара Михайлыча сначала не нравилось Сергѣю Александрычу, но потомъ онъ примирился съ этимъ.

Григорій же Алексѣичъ просто не терпѣлъ Захара Михайлыча.

— Несноснѣе этого человѣка я ничего вообразить не могу, — говорилъ онъ Сергѣю Александрычу, — я рѣшительно не

пустилъ бы его на порогъ дома: болтаетъ безъ умолку, надоѣдаетъ глупыми вопросами, пошлая, самодовольная рожа...

День за днемъ уходилъ быстро, наступила осень. Поправка дома Олимпіады Игнатьевны пришла къ окончанію. Начались приготовленія къ переѣзду. Натaшѣ тяжело было оставлять Сергіевское. Наканунѣ переѣзда она въ послѣдній разъ обошла весь садъ, прощаясь съ нимъ. Дорожки были устланы желтыми листьями; георгины, которыми она любовалась за три дня передъ этимъ, поблекли и почернѣли отъ мороза. Натaшѣ было грустно, и она долго сидѣла и плакала на той полянѣ, гдѣ Григорій Алексѣичъ въ первый разъ признался ей въ любви.

Сергѣй Александрычъ, располагавшій возвратиться осенью въ Петербургъ, долженъ былъ остаться въ своей деревнѣ на неопредѣленное время. Онъ отъ нечего дѣлать занимался охотой и металъ банкъ двумъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, которые почти поселились у него. Григорій Алексѣичъ ѣздилъ въ село Брюхатово сначала довольно часто, но съ каждымъ разомъ возвращался оттуда все болѣе и болѣе въ мрачномъ расположеніи духа. Онъ уже не могъ говорить съ Натaшей наединѣ такъ свободно, какъ въ Сергіевскомъ.

Олимпіада Игнатьевна обращалась съ нимъ уже несравненно холоднѣе и начинала находить въ немъ большіе недостатки. Все это произошло, между прочимъ, оттого, что Петруша, оскорбленный Григорьемъ Алексѣичемъ, отзывался о немъ съ невыгодной стороны. Петруша даже наушничалъ маменькѣ на сестру. Онъ зналъ, что играетъ роль не совсѣмъ благородную, но находилъ для себя тысячу оправданій.

«Я долженъ спасти Натaшу, — утѣшалъ онъ самого себя, — и спасу ее во что бы то ни стало! употреблю для этого всѣ средства. Къ доброй цѣли можно смѣло итти путями окольными и не совсѣмъ чистыми... Я уже, слава Богу, вышелъ изъ періода прекраснодушія... Натaша увлечена безумною страстію. Она стоитъ на краю бездны... но я сзади ея, я сторожу ея движенія, я не допущу ее до погибели...

Нѣтъ! такіе фразеры, какъ этотъ Григорій Алексѣичъ, теперь не проведутъ меня!»

Охлажденію Олимпіады Игнатьевны къ Григорью Алексѣичу невольно способствовалъ также и Захаръ Михайлычъ, который, послѣ переѣзда ихъ изъ Сергіевскаго, сталъ довольно часто посѣщать ихъ. Въ головѣ Олимпіады Игнатьевны блеснула новая, смѣлая мысль, что, можетъ быть, Захаръ Михайлычъ ѣздитъ не даромъ, хотя онъ, правду сказать, не подавалъ ей ни малѣйшаго повода къ этой мысли. Захаръ Михайлычъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на Наташу и почти ни слова не говорилъ съ ней. Онъ все разсуждалъ съ самой Олимпіадой Игнатьевной, и по большей части о дѣлахъ хозяйственныхъ, а иногда раскладывалъ вмѣстѣ съ нею гран-пасьянсъ; но предчувствія любящаго материнскаго сердца рѣдко бываютъ обманчивы. Однажды Захаръ Михайлычъ сказалъ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ.

— Знаете ли вы, о чемъ я хочу поговорить съ вами?— Угадайте-ка .. Бьюсь объ закладъ, что не угадаете .

— О чемъ же, батюшка?—спросила Олимпіада Игнатьевна...

— Я, — вѣдь вы меня знаете.—человѣкъ военный,— продолжалъ онъ,—и не люблю никакихъ предисловій, а рѣжу всегда напрямикъ... Отдайте-ка за меня вашу дочку, Олимпіада Игнатьевна, право. Она мнѣ очень нравится, дѣвушка милая, скромная...—Захаръ Михайлычъ остановился.

Олимпіада Игнатьевна смотрѣла на Захара Михайлыча, какъ-будто не вѣря своимъ ушамъ.

— Ну, что же вы на это мнѣ скажете?

— Боже мой!—воскликнула Олимпіада Игнатьевна, зарыдавъ.—дайте мнѣ немножко прійти въ себя... Ахъ, батюшка мой, Захаръ Михайлычъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Я.. я никогда и думать не смѣла о такой чести. Мнѣ этого и во снѣ-то пригрезиться не могло. Да стоитъ ли того моя Наташа?..

— Эхъ, къ чему это говорить, Олимпіада Игнатьевна,— возразилъ Захаръ Михайлычъ, который не любилъ пусто-

словья и слезныхъ сценъ.—Я вамъ скажу откровенно, у меня давно въ головѣ мысль: что же, въ самомъ дѣлѣ, для кого я тружусь, для кого все устраиваю, для кого наживаю деньги? Кто помянетъ меня за все это? Близкихъ родныхъ у меня нѣтъ, а дальняя родня... Богъ съ ней! Я знаю, что они, какъ вороны крови, ждутъ моей смерти; да къ тому же, что я за дуракъ, чтобъ оставить имъ свое состояніе? Къ тому же мнѣ, признаться, послѣднее время что-то скучновато стало жить одному. Я человѣкъ простой, безъ затѣй, а Наташа ваша, кажется мнѣ, предобрая. Повѣрьте, что она не будетъ со мною несчастлива... Ну, хотите ли имѣть меня своимъ зятемъ? отвѣчайте просто.

— Повѣрьте, батюшка, — произнесла Олимпіада Игнатьевна голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, и воздѣвъ руки горѣ,—повѣрьте; что предложеніе ваше я почитаю не иначе, какъ неизреченнымъ Божескимъ милосердіемъ къ намъ. Я не знаю... я...

— Такъ, стало быть, вы согласны?—перебилъ Захаръ Михайлычъ,—это-то я и хотѣлъ знать... Ну, такъ, стало быть, по рукамъ, любезнѣйшая Олимпіада Игнатьевна, — такъ, что ли?

Онъ протянулъ ей свою большую и жилистую руку, которую она пожала крѣпко и съ чувствомъ, и потомъ бросилась къ нему на шею обнимать и цѣловать его.

Захаръ Михайлычъ посидѣлъ еще послѣ этого немного и потомъ взялъ свой картузъ.

— У меня есть кое-какія дѣлишки,—сказалъ онъ, прощаясь съ Олимпіадой Игнатьевной, — прощайте, любезная теща. Мнѣ нужно поспѣть домой засвѣтло.

Онъ уже сдѣлалъ шагъ къ порогу и вдругъ произнесъ:—«Ба, ба, ба!»—и вернулся, какъ человѣкъ, забывшій перчатки, шляпу или что-нибудь подобное.

— Позвольте-ка, а согласится ли еще ваша Наташа-то быть моею женою? Это я упустилъ совсѣмъ изъ виду. Вѣдь надо узнать ея согласіе, иначе нельзя.

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? — вскрикнула Олимпіада Игнатьевна.

Захаръ Михайлычъ нѣсколько призадумался.

— Ну, да вѣдь Богъ ихъ знаетъ! молодыя дѣвушки не больно жалуютъ нашу братію, стариковъ.

— Что это вы говорите такое? Ужъ будто вы себя старикомъ почитаете? Какъ вамъ не грѣхъ!.. Наташа моя дѣвушка благоразумная и, притомъ, покорная дочь.

— То-то, то-то!.. Вы ужъ, пожалуйста, переговорите съ ней обо всемъ, объясните ей все; я не берусь за это, я не мастеръ говорить, особенно съ дѣвушками.

Когда Захаръ Михайлычъ уѣхалъ, Олимпіада Игнатьевна отправилась къ себѣ въ спальню. Тамъ у постели ея стоялъ кіотъ съ наслѣдственными образами въ старинныхъ окладахъ, передъ которыми теплилась неугасимая лампада. Она стала на колѣни передъ этими образами и молилась съ чувствомъ, горячо и долго.

Помолившись, она кликнула къ себѣ Наташу.

— Другъ мой, Наташенька,—произнесла она въ волненіи,—другъ мой милый...—и залилась слезами, прижавъ ее къ груди.

Давно, а можетъ быть никогда, Олимпіада Игнатьевна не прижимала дочь къ своей груди такъ крѣпко.

— Господь услышалъ мои грѣшныя молитвы,—продолжала Олимпіада Игнатьевна,—и награждаетъ тебя черезъ мѣру за твое послушаніе, за твою покорность матери. Папенька-то твой, голубчикъ, не дождался этой минуты. Ну, пусть онъ хоть оттуда порадуется нашему счастью.

Олимпіада Игнатьевна остановилась и утерла слезы.

Наташа съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

Но Олимпіада Игнатьевна взяла ее за руку и сказала нѣжнымъ голосомъ, указавъ на диванъ:

— Сядь сюда, ангелъ мой...—потомъ осмотрѣлась кругомъ, приперла дверь и, наконецъ, сѣла возлѣ Наташи.— Я должна поговорить съ тобой серьезно. Ты у меня доброе, благоразумное дитя...—и она погладила Наташу по головкѣ.— Ты всегда была моимъ утѣшеніемъ. Я увѣрена, что ты примешь такъ, какъ слѣдуетъ, то, что я скажу тебѣ... Захаръ Михайлычъ пріѣзжалъ къ намъ сегодня затѣмъ, что-

бы просить у меня руки твоей. Ты понимаешь. Наташа, какъ намъ должно быть лестно такое предложеніе. Захаръ Михайлычъ съ именемъ, генералъ, богатъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ и, притомъ, всѣмъ извѣстно, что у него доброе сердце. Лучшаго мужа тебѣ нельзя найти. Съ нимъ ты будешь счастлива; онъ не то, что эта молодежь. Онъ человѣкъ солидный, прекрасныхъ правилъ, отличной нравственности. Что касается до меня, я уже дала ему полное согласіе и готова хоть сію минуту благословить васъ; но онъ желалъ, чтобы я переговорила съ тобою, другъ мой.

Олимпіада Игнатьевна, окончивъ это, посмотрѣла на Наташу, ожидая ея отвѣта.

Наташа молчала. Она какъ-будто окаменѣла отъ словъ маменьки.

— Что же ты скажешь на это? — спросила Олимпіада Игнатьевна.

— Да я не знаю его, я никогда не говорила съ нимъ двухъ словъ...—сказала Наташа.

— Такъ что жъ? Наговоришься послѣ, мои другъ.

— О, нѣтъ, маменька!—вскрикнула Наташа.—Я не могу любить этого человѣка, я не знаю его. Маменька, я должна теперь высказать вамъ все... Вы не захотите моего несчастья. Вы поймете меня...

Наташа, рыдая, бросилась на грудь къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ и произнесла:

— Я люблю Григорья Алексѣича, я никогда не пойду ни за кого на свѣтѣ, кромѣ его.

— Такъ ты рѣшишься выйти замужъ безъ моего благословенія и согласія?

— Онъ также любитъ меня,—продолжала Наташа,—онъ хотѣлъ говорить съ вами... Вы благословите насъ.

— Съ этой минуты нога его не будетъ на порогѣ моего дома,—произнесла Олимпіада Игнатьевна рѣшительно,—потому что съ этой минуты ты невѣста Захара Михайлыча. Понимаешь?..

— Нѣтъ,—сказала Наташа еще съ большею рѣшительностью и силою,—я никогда не буду его невѣстою...

Олимпіада Игнатьевна посмотрѣла на Наташу, какъ-будто желая удостовѣриться, не помѣшалась ли она.

— Наташа! Наташа! что это значитъ! Ты хочешь убить меня? Наташа!

— Что же вамъ угодно отъ меня?—спросила Наташа, совершенно потерянная.

— Какъ! и ты еще спрашиваешь, что мнѣ угодно?.. Я хочу, чтобы ты повиновалась мнѣ! я больше ничего не хочу, больше ничего отъ тебя не требую...

— Маменька, простите меня. Я не могу, это не въ моей власти. — Наташа бросилась къ ногамъ матери.

— Прочь отъ меня, неблагодарная! Ты убила меня, — закричала Олимпіада Игнатьевна, шатаясь...

ГЛАВА XI.

Олимпіада Игнатьевна была точно убита. Она не выходила цѣлый день изъ своей спальни и ни съ кѣмъ не говорила, а только стонала, охала и обращала отъ времени до времени, качая головой, слезящія очи свои на темные лики Божьихъ угодниковъ, къ которымъ всегда прибѣгала и въ минуту радости и въ минуту горя. Двадцать лѣтъ Олимпіада Игнатьевна постоянно употребляла всѣ средства. всѣ усилія, чтобы искоренить, уничтожить въ дочери самостоятельность и волю, чтобы сдѣлать изъ нея автомата, котораго она могла бы приводить въ движеніе только по собственному желанію; въ продолженіе двадцати лѣтъ внушала она ей безусловную покорность, смиреніе, безотвѣтность, благоговѣніе передъ старшими и всевозможныя христіанскія добродѣтели; въ продолженіе двадцати лѣтъ она носила въ груди своей утѣшительную мысль, что вполнѣ достигла своей цѣли и что ея Наташа самая нравственная, самая примѣрная, самая безотвѣтная, нѣжная и послушная изъ дочерей,—и вдругъ такъ страшно разувѣриться во всемъ этомъ, увидѣть тщету своихъ двадцатилѣтнихъ усилій!..

Во всю ночь несчастная мать не смыкала глазъ и все

утро ожидала Захара Михайлыча съ мучительнымъ нетерпѣніемъ. Но когда онъ пріѣхалъ, она, затаивъ въ себѣ свои тяжкія страданія, встрѣтила его съ пріятной и веселой улыбкой, какъ-будто ни въ чемъ не бывало. Она сказала Захару Михайлычу, что Наташа простудилась и занемогла и не можетъ выходить изъ своей комнаты, что она ничего еще съ ней не говорила, но что въ согласіи ея нисколько не сомнѣвается, что дѣло можно считать рѣшеннымъ, и что на-дняхъ, тотчасъ, какъ только ей будетъ немного полегче, она благословитъ ихъ. Олимпіада Игнатьевна не теряла еще надежды, что Наташа, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, или сама образумится и раскается, или изнеможетъ въ безсильной борьбѣ и принуждена будетъ покориться. Но увы! къ удивленію Олимпіады Игнатьевны, ни угрозы, ни обмороки, ни проклятія—эти могущественные атрибуты материнской власти, — ничего не дѣйствовало. Наташа оставалась непреклонною. И надобно было имѣть много любви, много твердости, много самоотверженія, чтобы устоять противъ всего этого!

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ, очень хорошо и подробно знавшій обо всемъ происходившемъ въ селѣ Брюхатовѣ, впалъ въ безсильное отчаяніе. Совершенно растерявшись, онъ прибѣгнулъ, наконецъ, къ Сергѣю Александрычу за совѣтами.

— Мой совѣтъ, — сказалъ ему Сергѣй Алексадрычъ, — поскорѣе все это чѣмъ-нибудь кончить. Это ясно. Если ты ее любишь и хочешь жениться на ней, что, по-моему, очень глупо, — то я готовъ тебѣ отъ души способствовать всѣми силами. Мы увеземъ ее, это будетъ очень легко, потому что она не станетъ сопротивляться. Я, разумѣется, рассорюсь на время по этому случаю съ тетушкой, что меня нисколько не приведетъ въ отчаяніе. Мы тайно обвѣнчаемъ васъ; послѣ этого, какъ водится, на васъ посыплются проклятія; тетушка запретитъ произносить передъ нею ваше имя, а потомъ мало-по-малу смягчится, помирится и благословитъ... Но если ты еще колеблешься, если ты сомнѣваешься въ своей любви, — я, признаться-таки, давно по-

дозрѣваю это, — въ такомъ случаѣ отправляйся-ка поскорѣе въ Петербургъ... Я тоже ни за что не останусь здѣсь долго и пріѣду вслѣдъ за тобою. Наташа помучится, поплачетъ, а потомъ успокоится, покорится своей участи и, по необходимости, отдастъ свою руку и сердце Захару Михайлычу, съ которымъ она, право, будетъ счастливѣе, чѣмъ съ тобою...

Но Григорій Алексѣичъ не удовлетворился этими простыми совѣтами.

«Счастливый человѣкъ! Какъ ты легко обо всемъ судишь! какъ ты скоро рѣшаешь все!» думалъ онъ, слушая Сергѣя Александрыча съ ироніей, и продолжалъ терзаться въ бездѣйствіи и нерѣшительности.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. И чего не перенесла въ эти дни Наташа! — Петруша, на защиту котораго она надѣялась сначала, этотъ Петруша, который такъ горячо обѣщалъ нѣкогда воевать за нее со старымъ поколѣніемъ, и онъ дѣйствовалъ теперь противъ нея, еще болѣе раздражая и поджигая маменьку. Наконецъ Олимпіада Игнатьевна, измученная собственными слезами, припадками и обмороками, истощивъ весь запасъ материнскихъ средствъ для убѣжденія непокорной дочери, выбилась изъ силъ и прибѣгнула къ родственной помощи, какъ ни больно было это для ея самолюбія. Родственники, по просьбѣ ея, съѣхались къ ней на совѣщаніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было общими силами усовѣщевать Наташу. Ее призвали. Родственники встрѣтили ее со строгими и печальными лицами. Олимпіада Игнатьевна сидѣла между ними, прислонясь головою къ подушкѣ. Она тяжело дышала и охала и не обратила никакого вниманія на вошедшую Наташу. Возлѣ нея находились, съ одной стороны невѣстка ея, вдова меньшого брата ея, а съ другой—двоюродная сестра. Онѣ безпрестанно поправляли ея подушку, смотрѣли ей въ глаза и спрашивали съ плачевной гримасой: «Ну, что, какъ вы себя чувствуете, сестрица? Не хотите ли понюхать уксусу? Не приложить ли вамъ хрѣну за уши?» и прочее. Олимпіада Игнатьевна на все

это только качала отрицательно головой и съ чувствомъ жала имъ руки.

— Садитесь, милая,—сказала Наташѣ одна изъ тетушекъ суровымъ голосомъ и толкнула къ ней стулъ.

Наташа сѣла.

Съ минуту длилось молчанiе, но нельзя было сказать, чтобы въ эту минуту пролетѣлъ тихiй ангелъ.

Дядюшка Наташи, съ отцовской стороны. лѣтъ пятидесяти пяти, съ физiономiей благонамѣренной и прiятной и съ брюшкомъ, на которомъ колыхалась огромная сердоликовая печатка,—первый прервалъ это молчанiе... Дядюшка былъ человѣкъ съ вѣсомъ. Онъ занимался винными откупами и владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова.

Дядюшка съ важностью раза два откашлялся и потомъ обратился къ племянницѣ.

— Всѣ глубоко и истинно тронуты,—сказалъ онъ...—я говорю не только о родственникахъ, но и о посторонних. до которыхъ дошли слухи объ этомъ...

Дядюшка любилъ вставочныя предложенiя.

— ...Всѣ, я говорю. мы глубоко опечалены тѣмъ положенiемъ, въ которое повергнута достойная и всѣми по справедливости уважаемая матушка твоя. тѣмъ болѣе. что причиною этой горести... вѣрнѣе сказать, отчаянiя.—ты, дочь ея, отъ которой она, конечно, кромѣ утѣшенiя ничего не могла ожидать болѣе...

Дядюшка прiостановился и еще разъ откашлялся. Родственники слушали его какъ оракула.

— Повиновенiе родителямъ,—продолжалъ онъ.—есть высочайшая, скажу болѣе, священнѣйшая обязанность дѣтей. Дѣти, повинующiяся родителямъ, угодны Богу, и Господь всегда награждаетъ ихъ за это. Этому есть неоднократные примѣры въ исторiи. Къ тому же, въ юныхъ годахъ, не прiобрѣтя опыта, не имѣвъ случая ознакомиться, такъ сказать, съ жизнью (что весьма натурально), мы не можемъ знать собственной пользы. не умѣемъ отличить вреднаго отъ полезнаго и безъ руководства старшихъ легко впадаемъ въ заблужденiе. Но мать нѣжная, любящая, добродѣтель-

ная (а сестрица именно такова, я смѣло скажу ей въ глаза и за глаза)...

При этомъ онъ указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Такая мать, въ неусыпной заботливости о счастіи своихъ дѣтей, стоитъ, можно сказать, на-стражѣ ихъ нравственности. Надобно умѣть цѣнить это, чувствовать, смотрѣть ей въ глаза и не только не противиться ея желаніямъ, но предупреждать ихъ. Ты всѣмъ обязана своей маменькѣ, безъ исключенія всѣмъ; она даровала тебѣ жизнь, она ухаживала за тобою съ колыбели, кормила, поила тебя, внушала тебѣ нравственныя правила, заботилась о твоемъ здоровьѣ—и чѣмъ же (это не я одинъ, это скажутъ всѣ), какъ не послушаніемъ ты должна отблагодарить ее за все это? Никакая мать не можетъ желать дурного своей дочери, — согласись съ этимъ; слѣдовательно, какъ же можно противиться матери въ чемъ-нибудь, даже въ малѣйшихъ бездѣлицахъ,—не говорю уже о такихъ важныхъ предметахъ, гдѣ дѣло идетъ о твоей будущей участи? И можешь ли ты въ твои лѣта располагать сама собою? Неужли ты можешь судить умнѣе и вѣрнѣе твоей маменьки? Вещь неестественная! Мое мнѣніе таково (увѣренъ, что съ этимъ мнѣніемъ безпрекословно согласятся всѣ), что ты сейчасъ же должна раскаяться во всемъ, почувствовать свое преступленіе, — а это самое тяжкое преступленіе—огорчать своихъ родителей,—просить у маменькиныхъ ногъ прощенія. Этого мало... Маменька проститъ тебя (я знаю доброту ея, безконечную любовь къ тебѣ); но ты еще потомъ должна будешь много и долго молиться о томъ, чтобы Господь внушилъ тебѣ кротость и повиновеніе. Сегодня ты подъ крылышкомъ маменьки, подъ ея властію,—завтра, можетъ быть, ты будешь подъ властію мужа—и точно такъ же, какъ теперь маменькѣ, ты будешь обязана, какъ добрая жена, во всемъ безпрекословно повиноваться мужу и угождать ему, быть хорошей хозяйкой, — а потомъ доброй матерью; за послѣднимъ примѣромъ тебѣ недалеко ходить...

Дядюшка крякнулъ и указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Представь же себѣ, когда у тебя будутъ дѣти и если (чего Боже сохрани!) они станутъ не повиноваться тебѣ, огорчать тебя. Каково будетъ тебѣ? Размысли обо всемъ этомъ хорошенько, дѣльно и... Но я уже сказалъ, что тебѣ остается дѣлать теперь.

Всѣ родственники были тронуты этою рѣчью, а Ардальонъ Игнатьичъ, присутствовавшій тутъ же, прослезился. И потомъ, всѣ они, не выключая и Олимпіады Игнатьевны, обратились къ Наташѣ, желая узнать, какое впечатлѣніе произвела на нее эта трогательная и поучительная рѣчь.

Но на болѣзненномъ лицѣ Наташи невозможно было ничего прочесть.

— Что же вы на это скажете?—спросила ее одна изъ родственницъ, переглянувшись съ Олимпіадой Игнатьевной.— Извольте говорить.

Наташа молчала.

Родственница повторила ей свой вопросъ.

— Я не могу любить человѣка, котораго не знаю,—произнесла Наташа тихимъ голосомъ,—а обманывать не умѣю... Богъ видитъ, я не хотѣла бы огорчать маменьку, но...

— Боже мой, Господи! до чего я, несчастная, дожила!—простонала Олимпіада Игнатьевна. — Лучше бы Господь прибралъ меня. Охъ, какъ тяжело мнѣ!

— Полноте, полноте, голубушка, не гнѣвите Бога,—сквозь слезы и въ одинъ голосъ произнесли двѣ родственницы, сидѣвшія возлѣ нея.

— Наталья Николаевна! сжальтесь надъ вашею матерью! — продолжала одна изъ нихъ, обращаясь къ Наташѣ, — посмотрите на нее; что вы, въ самомъ дѣлѣ, убить ее что ли хотите? Побойтесь Бога...

— Маменька! я умоляю васъ всѣми святыми, не принуждайте меня, — сказала Наташа, бросаясь къ ногамъ матери. — Мое рѣшеніе твердо. Я люблю Григорья Алексѣича. Я вамъ сказала, что люблю его; если вы не захотите благословить насъ, я покорюсь вашей волѣ, останусь съ вами, я не оставлю васъ, но ни за кого на свѣтѣ не выйду замужъ, ни за кого!

— Мнѣ не нужно непокорной дочери, — сказала Олимпіада Игнатьевна, — я отрекаюсь отъ тебя заранѣе при всѣхъ родныхъ. Вотъ всѣ свидѣтели. Прахомъ родителей моихъ клянусь тебѣ, что я отрекаюсь отъ тебя, если ты не исполнишь моей воли...

— И ты еще послѣ этихъ словъ будешь смѣть противиться священной для тебя волѣ? — произнесъ строго дядюшка-откупщикъ, — и твое сердце не смягчится воплемъ матери, которая носила тебя подъ сердцемъ? И ты еще осмѣливаешься повторить, что любишь не того, кого избрала тебѣ мать?

Наташа молчала.

Всѣ родственники, исключая добраго и безмолвнаго Ардальона Игнатьича, съ ужасомъ взглянули на Наташу и потомъ, посмотрѣвъ другъ на друга, пожали плечами, какъ-будто хотѣли сказать:

— Ну, это ужъ пропащая дѣвушка!

— Если такъ, — съ этой минуты у меня нѣтъ болѣе дочери! — прошептала Олимпіада Игнатьевна умирающимъ голосомъ. — уведите ее отъ меня, друзья мои, — эта послѣдняя моя къ вамъ просьба, скажите ей, чтобы она никогда не смѣла показываться мнѣ на глаза. Я ее не могу видѣть.

Наташа встала и хотѣла итти, но не могла. Она пошатнулась. Ардальонъ Игнатьичъ поддержалъ ее.

— Наташенька, другъ мой, — сказалъ онъ, всхлипывая, — прошу тебя, покорись маменькиной волѣ. Не доводи себя до грѣха. Мнѣ очень жалко тебя.

Но Наташа уже ничего не могла отвѣчать на это. Она лежала безъ чувствъ на рукахъ его. Ее вынесли изъ комнаты.

Когда она пришла въ себя, родственники попытались еще разъ убѣждать ее, но все было напрасно. Дѣлать было нечего. Они разъѣхались и быстро разнесли вѣсти о Наташѣ по всей губерніи. Вся губернія приняла глубокое, искреннее участіе въ положеніи Олимпіады Игнатьевны и всѣ (въ особенности маменьки) дивились, какъ могла Захару Михайлычу, на старости лѣтъ, притти нелѣпая мысль просить руки

безнравственной, наглой дѣвчонки, которая почти передъ его глазами амурилась не только съ Григорьемъ Алексѣичемъ, но даже съ своимъ двоюроднымъ братомъ! Слухи о безнравственности Наташи заставили даже поручика Брыкалова, въ пьяномъ видѣ дня три сряду прохаживаться мимо окна ея. — «А чортъ ее знаетъ: можетъ быть, я и приглянусь ей»,—думалъ онъ... И при этой мысли поручикъ Брыкаловъ прищолкивалъ языкомъ. Но сильнѣе всѣхъ дѣйствовала противъ Наташи Агафья Васильевна. Она не удовлетворилась клеветами и сплетнями, которыя распускала на ея счетъ, и послала безыменное письмо къ Захару Михайлычу, начинавшееся такъ: «нѣкто, особа принимающая въ васъ горячее участіе, считаетъ долгомъ христіанскимъ предостеречь васъ, ибо дѣвушка, за которую вы сватаетесь, самаго дурного поведенія, что достовѣрно извѣстно особѣ пишущей сии строки, и она находится въ связи съ Григорьемъ Алексѣичемъ Л** понынѣ», и прочее, и прочее.

— Ужъ не бывать ей генеральшей, не бывать, — повторяла Агафья Васильевна, — ужъ я не допущу до этого! Нѣтъ, какъ своихъ ушей не видать ей генеральства! Вишь, на какую высоту хочетъ взобраться. Но ужъ я втопчу ее въ грязь, достигну своей цѣли!

ГЛАВА XII.

Страшная, тяжелая тишина, предрекавшая новыя бури, водворилась во всемъ домѣ послѣ родственнаго совѣщанія. До Наташи только по временамъ долетали стоны ея несчастной матери. Ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину никто не сходилъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней обѣдалъ только одинъ Петруша, да и то въ своей комнатѣ. Два дня Наташа была въ какомъ-то оцѣпенѣніи и только на третій день, къ вечеру, написала Григорію Алексѣичу:

«Вы были правы... Я обманывала себя. Мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что маменька любитъ меня не для себя только,— но теперь я все вижу ясно... Сколько времени я васъ не

видала... и какъ страшно тянется для меня время, если бы вы знали! Часы мнѣ кажутся днями, дни — мѣсяцами... Вы, я думаю, знаете все, что у насъ происходитъ... Я вотъ ужъ третій день, какъ одна, совершенно одна. Для меня теперь все кончено. Маменька и всѣ родные отреклись отъ меня. У меня не осталось никого... Я не могу долѣе оставаться здѣсь... Если бы не мысль, что вы любите меня, — съ этой мыслью я готова переносить еще больше, — я не знаю, что было бы со мной! Спасите же меня. Моя участь въ вашихъ рукахъ... Ваша

«P. S. Поскорѣе отвѣчайте мнѣ на это. Отвѣтъ вашъ пришлите сюда съ надежнымъ человѣкомъ и велите отдать его Лизаветѣ, дочери нашей ключницы. Я въ ней увѣрена. Иначе письмо ваше могутъ перехватить».

Письмо это черезъ два часа было уже въ рукахъ Григорья Алексѣича...

Сергѣй Александрычъ, нѣсколько утомленный, въ пріятной нѣгѣ лежалъ передъ каминомъ въ своемъ кабинетѣ, въ ту минуту, когда Григорій Алексѣичъ вошелъ къ нему блѣдный, какъ смерть, сжимая въ рукахъ письмо Наташи.

— Прочти это, — сказалъ Григорій Алексѣичъ, отдавая ему письмо.

— Bravo! — произнесъ Сергѣй Александрычъ, прочитавъ его. — Ай да Наташа! Я не ожидалъ отъ нея такой храбрости! Какова! Ну что жъ? Похищать, такъ похищать! я къ твоимъ услугамъ. Вотъ надѣлаемъ мы суматоху въ губерніи-то!

— Умоляю, оставь свои шутки: онѣ не у мѣста. Дѣло идетъ объ участи человѣка, о его будущности. Это игра на жизнь и смерть!

Григорій Алексѣичъ схватилъ себя за голову и началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Тебѣ легко такъ судить, — говорилъ онъ, останавливаясь передъ Сергѣемъ Александрычемъ, — но если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ!

— Я не желаю быть на твоемъ мѣстѣ, — возразилъ Сергѣй Александрычъ.

— То-то и есть! Если бы ты могъ представить себѣ, что я перестрадалъ, перечувствовалъ въ эти дни...

— И какой же результатъ всего этого? — возразилъ Сергѣй Александрычъ, — подвинулся ли ты хотя на одинъ шагъ къ рѣшенію гамлетовскаго вопроса: «Быть или не быть?» жениться или нѣтъ? Теперь ужъ колебаться поздно. Рѣшайся на что-нибудь.

— Рѣшаться! — повторилъ Григорій Алексѣичъ мрачно. — Выслушай меня... Еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ письмомъ я сомнѣвался въ самомъ себѣ, колебался, не зналъ, что мнѣ дѣлать... Это письмо рѣшило, наконецъ, все; оно показало мнѣ самого меня въ настоящемъ свѣтѣ... Я не могу любить глубоко, съ самоотверженіемъ. Нѣтъ, не могу, я вижу это. Моя любовь въ головѣ, въ мечтѣ, а не въ сердцѣ, не въ дѣйствительности. Я принималъ экзальтацію за истинное чувство, точно такъ, какъ мальчишка, какъ какой-нибудь Петруша, напримѣръ, принимаетъ «раздраженіе своей плѣнной мысли» за поэзію! Человѣкъ, истинно любящій, прочиталъ бы это письмо съ восторгомъ, онъ не задумался бы надъ нимъ ни одной секунды, а я... Меня бросило въ лихорадку отъ этого письма, какъ презрѣннаго труса. Когда дѣйствительность схватываетъ меня за руку и требуетъ рѣшительнаго отвѣта, я отступаю отъ нея съ ужасомъ, бракъ кажется мнѣ страшнѣе смерти. Она съ полною довѣренностью бросается ко мнѣ, ищетъ во мнѣ своего спасенія, а я скрываюсь отъ нея, бѣгу отъ нея, оставляю ее на терзанье палачамъ. Я ничего не могу для нея! Я довожу ее до послѣдней крайности и тутъ только въ первый разъ сознаю свое жалкое безсиліе, свое ничтожество сравнительно съ нею. Чѣмъ же я лучше своего благодѣтеля, этого Ивана Ѳедорыча, передъ которымъ я такъ гордился, считая себя вполнѣ человѣкомъ!.. Все это можетъ свести съ ума! Я навсегда отравилъ собственную жизнь, — куда бы я ни скрылся теперь, какъ бы далеко ни убѣжалъ отсюда, эта дѣвушка будетъ преслѣдовать меня повсюду, — и куда я убѣгу отъ са-

мого себя? куда? Если бы я могъ думать, что сдѣлаю ее счастливой, — тогда другое дѣло!.. Я не задумался бы о самомъ себѣ... Но я никогда не буду въ состояніи такъ любить, какъ она меня любитъ! Нѣтъ, что ни говори. наши женщины несравненно выше насъ. Мы не стоимъ ихъ, рѣшительно не стоимъ. Мы всѣ эгоисты, рефлектеры... Мы ни на что неспособны, никуда негодны! Все поколѣніе наше заклеймено печатью отверженія, — дряблое поколѣніе! Всѣ мы изнемогли подъ ношею сомнѣній и отрицаній! Мы окружены со всѣхъ сторонъ развалинами, и остановились въ бездѣйствіи и недоумѣніи среди этихъ развалинъ — и не въ силахъ очистить себѣ дорогу, чтобы итти впередъ, а только вопимъ и стонемъ, взывая съ чужого голоса къ будущему, котораго недостойны. Глубокія чувства и сильныя страсти не по плечу намъ, хотя мы безпрестанно толкуемъ объ нихъ. Нашъ вѣкъ— это вѣкъ великихъ маленькихъ людей. Всѣ мы поднимаемся на ходули и таращимся изо всей мочи, чтобы казаться выше, ни въ комъ изъ насъ нѣтъ ничего истиннаго... И страданія-то наши безплодны, потому что они поддѣльны! Всѣ мы учились чему-нибудь и какъ-нибудь, кое-чего понахватали изъ европейскихъ журналовъ и вообразили себя учеными и философами! Всѣ мы сочувствуемъ современнымъ интересамъ Европы, а не имѣемъ никакого понятія о томъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ, передъ нашими глазами! Но лучшая и злѣйшая пародія на всѣхъ насъ, наша карикатура— это Петруша. Если ужъ говорить правду, такъ вѣдь всѣ мы нѣсколько походимъ на Петрушу!

Григорій Алексѣичъ всталъ и началъ снова тревожно прохаживаться по комнатѣ.

— Что жъ ты отправляешься въ Петербургъ? — спросилъ его Сергѣй Александрычъ.

— Да, и сейчасъ же. Я не долженъ и не могу оставаться здѣсь долѣе...

Григорій Алексѣичъ подошелъ къ Сергѣю Александрычу и крѣпко сжалъ его руку.

— Мы увидимся въ Петербургѣ... Скажи, ты ничего не имѣешь противъ меня? успокой меня... Будь со мной откро-

венен... Поступокъ мой не такъ еще гадокъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Разсуди. Я люблю Наташу, но не настолько, насколько она достойна быть любимой. И такая ли любовь нужна ей? А обманывать ее — преступленіе! Не правда ли? Объясни же ей все, не оправдывай меня, но объясни ей все, какъ есть!.. Я тебя прошу, этой услуги съ твоей стороны я никогда не забуду. Соглашаешься ли ты съ тѣмъ, что мнѣ не остается ничего болѣе, какъ бѣжать отсюда?

— Совершенно,—отвѣчалъ Сергѣй Александрычъ,—ты поступаешь какъ нельзя болѣе благоразумно. Я тебѣ безпрестанно повторялъ и теперь повторяю еще, что ты сдѣлалъ бы величайшую глупость, женившись на Наташѣ. Хоть мнѣ жаль, что ты уѣзжаешь, но дѣлать нечего, тебѣ неловко оставаться здѣсь, я понимаю... Поѣзжай съ Богомъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть ее въ послѣдній разъ, высказать ей все...

— Зачѣмъ? это вздоръ! — перебилъ Сергѣй Александрычъ, — это свиданіе было бы для васъ обоихъ неловко.

— Что будетъ съ нею? что будетъ съ нею? — восклицалъ Григорій Алексѣичъ.

— Будь покоенъ... время, милый другъ, изглаживаетъ все и примиряетъ со всѣмъ...

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! — произнесъ Григорій Алексѣичъ трагически.

Въ этотъ же вечеръ онъ написалъ Наташѣ слѣдующее:

«Я тысячу разъ перечиталъ ваше письмо и буду его перечитывать всю жизнь мою. Это письмо моя нравственная казнь. Вы отдаетесь мнѣ съ такою безконечною любовью, съ такою неограниченною довѣренностію, мнѣ!.. Но я недостоинъ вашей довѣренности. Оттого-то я и бѣгу отсюда, бѣгу отъ васъ, какъ преступникъ — и въ ту минуту, когда вы ищете спасенья во мнѣ! Сергѣй Александрычъ объяснитъ вамъ все. Я погибаю подъ тяжкимъ бременемъ собственнаго безсилія. Знаю, что впереди ожидаютъ меня безвыходныя страданія, но во всякомъ случаѣ лучше страдать и терзаться одному. Нѣтъ! никогда я не могъ бы удовлетворить вашей

высокой любви: я обманывалъ васъ, обманывалъ самого себя, я еще вѣрилъ въ возможность для себя счастія!.. О, не проклинайте меня, Бога ради, не проклинайте... Я высказываю вамъ все, я не щажу самого себя, не оправдываюсь передъ вами... Вы говорите, что ваша участь въ рукахъ моихъ, — но я не могу, не смѣю, я не долженъ располагать ею. Кромѣ горя и страданій, я ничего бы не принесъ вамъ!.. Черезъ два дня меня не будетъ здѣсь. Я самъ не знаю, куда бѣгу; мнѣ все равно, куда не перенести мою постылую жизнь: только я не могу оставаться здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ суждено было испытать столько отрадныхъ, столько святыхъ минутъ. Эти минуты никогда не изгладятся изъ памяти моего растерзаннаго сердца. Прощайте — и забудьте меня. Это послѣднее къ вамъ слово.

Г. Л».

Агафья Васильевна ошиблась въ расчетѣ. Она не знала Захара Михайлыча. Безыменное письмо ея произвело на него совершенно не то дѣйствіе, какое она ожидала. Сплетни, распускаемыя по губерніи о Наташѣ, не доходили до Захара Михайлыча, потому что всѣ губернскіе сплетники страшно боялись его. Одинъ изъ такихъ, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ деревню, явился было къ нему съ различными навѣтами насчетъ ихъ общаго сосѣда. Захаръ Михайлычъ выслушалъ сплетника очень спокойно.

— Ну, что жъ, братецъ, — сказалъ онъ, — и ты все это, что мнѣ наболталъ тутъ, перескажешь ему самому въ глаза, при мнѣ? а?

Сплетникъ смѣшался нѣсколько.

— Почему же,—отвѣчалъ онъ,—извольте... я... я готовъ...

— Врешь, братецъ, не перескажешь, — возразилъ ему Захаръ Михайлычъ, — ужъ я вижу по глазамъ твоимъ, что не перескажешь. А вотъ я такъ тебѣ скажу въ глаза, что если ты ко мнѣ еще когда-нибудь подъѣдешь съ такими балясами, на чей бы счетъ ни было, то ужъ тогда прошу

извинить: я, братецъ, тогда тебя на порогъ своего дома не пущу.

Человѣку такого характера, каковъ былъ у Захара Михайлыча, разумѣется, особенно не могли нравиться безыменныя письма. Прочитавъ письмо Агафьи Васильевны, очень ловко и скрытно доставленное къ нему, онъ покачалъ головою, внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и положилъ въ свой огромный кожаный бумажникъ.

— Дорого бы я далъ, — сказалъ онъ самому себѣ, потирая руки,—чтобы узнать сочинителя этого письмеца! Надавалъ бы я ему, голубчику, публично оплеухъ. Не пиши впередъ этакихъ писемъ. Не смѣй марать репутацію честной дѣвушки. Вотъ тебѣ, братецъ, за это... вотъ тебѣ!

Однако письмо это навело Захара Михайлыча на мысль, которая безъ того, конечно, никогда не могла бы притти ему въ голову.

«А что, если Наташа, — подумалъ онъ, — точно любитъ этого Григорія Алексѣича? Вѣдь не мудрено... Онъ, кажется, малый-то хорошій... Что, если я тутъ подвернулся для того только, чтобы помѣшать ихъ счастью? Можетъ, онъ еще прежде меня хотѣлъ сдѣлать предложеніе, да не рѣшался?.. Все это можетъ быть».

Захаръ Михайлычъ свистнулъ.

— Эй, Прошка!

Прошка вдругъ выскочилъ какъ будто изъ-подъ пола, въ сѣрой курткѣ, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, руки по швамъ.

— Чего изволите-съ?

— Чтобы черезъ десять минутъ стоялъ у подъѣзда тарантасъ: красавчикъ въ корню, алексѣевская и бурая на пристяжкѣ. Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

И Прошка повернулся налѣво кругомъ.

Черезъ два съ половиною часа Захаръ Михайлычъ уже разговаривалъ съ Олимпіадой Игнатьевной.

— Нѣтъ, Олимпіада Игнатьевна, — говорилъ онъ, — вы дѣйствуйте со мною откровенно, я прошу васъ. Если ваша

Наташа не согласна итти за меня, если она, напримѣръ, любитъ кого-нибудь другого, такъ вы мнѣ это скажите напрямки, безъ церемоніи, я предложеніе мое возьму назадъ, а мы все-таки останемся съ вами попрежнему добрыми сосѣдями и друзьями. Вы не принуждайте ее: согласна она будетъ выйти за меня — очень радъ, не согласна — что дѣлать...

Но почти въ то самое время, какъ Захаръ Михайлычъ говорилъ это Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Лизавета, дочь ключницы, подала Наташѣ письмо отъ Григорія Алексѣича.

Замирая, дрожащей рукой схватила Наташа это письмо и быстро пробѣжала.

На лицѣ ея выступили красныя пятна, въ глазахъ запрыгали огоньки, но она переломила себя, разорвала письмо на мелкія части и опустилась на стулъ. Болѣе часа просидѣла она неподвижно, потомъ встала и пошла къ матери.

— Маменька! — сказала она, — простите меня; я виновата передъ вами. Я покоряюсь вашей волѣ — объявите Захару Михайлычу, что я согласна быть его женою.

Она даже и не замѣтила, что Захаръ Михайлычъ былъ тутъ въ комнатѣ...

Прошло 10 лѣтъ. Говорятъ, Наталья Николаевна счастлива. Мужъ ее обожаетъ. У нея сынъ и дочь — прекрасныя дѣти, въ которыхъ она души не чаетъ. Она цѣлый день занята или дѣтьми или хозяйствомъ, и надо отдать ей честь, — хозяйство идетъ у нея отлично.

О прошломъ она вспоминать, кажется, не любитъ, иногда впадаетъ въ тревожное состояніе, какъ-будто въ ея довольствѣ ей еще недостаетъ чего-то. Она похудѣла и постарѣла немножко. Сыну своему она даетъ совершенно практическое направленіе...

Вотъ какъ хорошо повиноваться родителямъ и слушать родственниковъ!

ВСТРѢЧА НА СТАНЦІИ.

(отрывокъ изъ дорожныхъ разсказовъ).

ГЛАВА I.

Около полудня я пріѣхалъ на станцію Лыткино. До Москвы оставалось еще верстъ около ста, а вечеромъ мнѣ непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Москву... День былъ осенній, сѣренькій; мелкій дождикъ, болѣе похожій на туманъ, сѣялъ будто сквозь сито. Надобно замѣтить, что въ Лыткинѣ станціонный смотритель и трактирное заведеніе помѣщались въ одномъ домѣ: трактирное заведеніе въ верхнемъ, а станціонное въ нижнемъ этажѣ, и что все это происходило очень давно... Я вышелъ изъ кибитки, чтобъ закурить сигару: въ эту самую минуту надъ ухомъ моимъ раздался чей-то нѣсколько осиплій голосъ:

— Ваше ес-тво, пожалуйте сюда-съ, вотъ сюда... здѣсь отличное заведеніе, перекусить можетъ чего желаете?

И человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ со стоячимъ воротникомъ, съ почтительной ужимкой приподнявъ свою засаленную фуражку, съ чувствомъ указывалъ на трактирную вывѣску.

— Закладывайте-ка, братцы, поскорѣе лошадей, — сказалъ я ямщикамъ, которые обступили мою кибитку и глубокомысленно разсматривали ее, почесывая затылки.

— Ваше ес-тво, не извольте безпокоиться, — возразилъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ, — лошади готовы-съ, то-

есть стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ вы ужъ изволите очутиться на той станціи. Духомъ представимъ-съ.

И потомъ онъ обратился къ ямщикамъ и закричалъ имъ, грозно нахмуривъ брови:

— Эй, вы тамъ, ротозѣи! Слышите ли, скорѣе лошадей шестерку изъ курьерскихъ. Да живо, слышь... Ѳедотъ! Кузьма! шевелись что ли.

— Пожалуйте сюда, ваше ст-во, — продолжалъ онъ, устремляя на меня вкрадчивый и нѣжный взглядъ. — Здѣсь вамъ будетъ покойно... Вотъ сюда наверхъ... А ты что тутъ? — закричалъ онъ мальчишкѣ, спускавшемуся съ лѣстницы къ намъ навстрѣчу, — пошелъ прочь съ дороги! Вотъ я-те, щенокъ! Развѣ не видишь, что баринъ идетъ?

Этотъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ показался мнѣ очень оригинальнымъ, и я безпрекословно слѣдовалъ за нимъ. Онъ привелъ меня въ небольшую комнату. Въ этой комнатѣ стояли три четырехугольные стола, покрытые салфетками, которыя имѣли видъ очень непріятный и скорѣе походили на половики, употребляемые для обтиранія ногъ, чѣмъ на салфетки, обыкновенно употребляемыя для обтиранія рта; нѣсколько стульевъ подъ красное дерево, обтянутые черной кожею, и такой же диванъ; пять или шесть раскрашенныхъ гравюръ, изображающихъ похожденія Малекъ-Аделя, въ рамкахъ краснаго дерева довершали убранство этой комнаты.

Проводникъ мой остановился почтительно въ дверяхъ, вытянувшись въ струнку, и произнесъ скороговоркою:

— Что прикажете откушать, ваше ст-во, — щи, супъ съ вермишелью, штексъ съ картофелемъ, ветчина, поросенокъ подъ хрѣномъ. Что угодно-съ? Здѣшнему трактирщику всѣ сосѣдніе помѣщики заказываютъ банкеты и свадебные столы. Онъ изъ нѣмцевъ, ваше ст-во, можно сказать, первѣйшій французскій куфмистеръ.

— Покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ я, — мнѣ ничего не нужно, я тороплюсь ѣхать: а велите-ка вы мнѣ лучше подать огня.

— Слушаю-съ.

Человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ живо повернулся направо кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Эй, ребята, что жъ вы не закладываете лошадей? — закричалъ я изъ окна ямщикамъ, которые все стояли возлѣ моей кибитки и все еще глубокомысленно разсматривали ее.

— Да лошадей, баринъ, нѣту, лошади въ разгонѣ, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, флегматически почесывая, только ужъ не затылокъ...

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту явился ко мнѣ самъ станціонный смотритель и началъ божиться и клясться, что лошадей точно нѣтъ, что у нихъ такой гонъ, что Боже упаси, что лошади не прежде придутъ, какъ часа черезъ три, что ему будто бы очень обидно задерживать проѣзжающихъ, да вѣдь и то сказать, не самому же запрячься въ экипажъ, что у него на станціи всего только восемь троекъ и прочее.

— А какъ же, — возразилъ я, — вотъ тутъ сейчасъ былъ какой-то господинъ, который увѣрялъ меня, что лошади готовы и что меня духомъ представятъ на слѣдующую станцію? Кто же онъ такой?

— Да это, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ смотритель, — просто отставной дебоширъ, который промышляетъ насчетъ пріѣзжающихъ и только нарушаетъ субординацію у насъ на станціи...

Дѣлать было нечего. Пришлось покориться необходимости. Отставной дебоширъ привелъ ко мнѣ трактирщика, и я заказалъ ему обѣдъ.

— Ну, Карлъ Иванычъ, — говорилъ онъ трактирщику, — поворачивайтесь... живѣе... Видите, какъ ихъ ес-тву кушать хочется. Не ударь себя лицомъ въ грязь, Карлъ Иванычъ!.. Я ужъ ихъ ес-тву докладывалъ, что такого другого куфмистера не сыщешь, — я это про васъ и въ глаза и за глаза всякому скажу... Такой штексъ приготовляетъ, ваше ес-тво, что просто всѣ пальчики оближешь.

Въ продолженіе этой рѣчи онъ все съ умиленіемъ поглядывалъ на меня, приподнявъ нѣсколько правую бровь

кверху. Тутъ только въ первый разъ я внимательно разсмотрѣлъ его. Этотъ чудакъ былъ средняго роста, съ лицомъ опухшимъ и съ небритой бородою. Шея его была обвязана пестрымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, сюртукъ былъ весь въ заплатахъ: лѣвый лацканъ сюртука, подбитый краснымъ сукномъ, пристегивался къ третьей пуговицѣ праваго борта; на лѣвомъ бортѣ едва держались только двѣ пуговицы — верхняя и нижняя. Бѣлыя холстинныя шаровары, заправленныя въ дегтярные сапоги, довершали его нарядъ.

— Что же вы здѣсь на станціи дѣлаете? — спросилъ я у него, — откуда вы?

Онъ тотчасъ скорчилъ плачевную гримасу и дрожащей рукой началъ вынимать что-то изъ бокового кармана.

— Путковъ, ваше сс-тво, бѣдный и несчастный человѣкъ.—произнесъ онъ, усиливаясь заплакать.—Ваше сс-тво, окажите великодушное состраданіе, примите отеческое участіе въ бѣдномъ и несчастномъ, но благородномъ человѣкѣ, окажите милосерднѣйшее вспомоществованіе, ваше высоко... ваше сс-тво... бѣднаго и гонимаго неутолимою судьбою примите, благодѣтель, въ ваше благотворительное соболѣзнованіе.

И онъ подалъ мнѣ вчетверо сложенную и засаленную бумагу.

— Что же это такое?

— Голосъ въ пустынѣ вопіющаго къ сострадательнымъ покровителямъ, голосъ унынія... Не оставьте несчастную жертву зависти и ничтожества, обремененнаго семействомъ, бѣдностью и недугомъ; несчастному окажите ваше сердобольное благоволеніе...

Произнося это, онъ закрылъ лицо грязной тряпкой и зарыдалъ.

— Какимъ же образомъ вы дошли до такого состоянія?— спросилъ я его.

— Нужда, крайность, треволненія, ваше сс-тво, дѣти малъ-мала меньше, жена на одрѣ страданія. Вотъ я ужъ седьмой годъ, какъ нахожусь въ отставкѣ, — что дѣлать! под-

палъ подъ осужденіе, собственно, такъ сказать, подъ исключительное положеніе, по предательскому навѣту принужденъ былъ выйти въ отставку... Очернили меня злые люди, — покарай ихъ Богъ за невиннаго страдальца! Сказали, ваше ес-тво, будто я губомоченію придерживаюсь и склоненъ къ разнымъ азартнымъ случаямъ, а все пустяки, ей Богу, просто я падучною одержимъ. И дивизіонная медицина такъ удостоила аттестатомъ... Пятнадцать лѣтъ, ваше ес-тво, фельдфебелемъ прослужилъ, у поручика Латкова подъ особымъ покровительствомъ находился. Вотъ ужъ, подлинно сказать, былъ начальникъ, дай Богъ ему здоровья! Истинный отецъ былъ, — за всякое малѣйшее художество наистрожайше взыскивалъ... Человѣка изъ меня сдѣлалъ... истинно скажу, но впослѣдствіи, будучи въ отставкѣ, увлекся, виноватъ. Что дѣлать! грѣшенъ...

— Ваше ес-тво, отецъ! — продолжалъ Путковъ еще болѣе плачевнымъ голосомъ, — вы можетъ не довѣряете мнѣ; пусть языкъ у меня прилипнетъ къ гортани, если я въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Благодѣтель! позвольте открыть всю душу. Выслушайте великодушно. Я ничего не посмѣю утаить отъ васъ... Изволите знать Акулину Ефимовну, нашу майоршу-съ?..

— Ну-съ, что же она?

— Ничего-съ...

Путковъ покачалъ головою и потомъ поднялъ свои слезящіеся глаза къ потолку.

— Вотъ по милости ея-то, моей покровительницы, я и нахожусь, какъ изволите видѣть-съ.

— Отчего же?

— Да просто сказать по язычеству и ревноству баталіоннаго командира... Акулина Ефимовна его супруга-съ... а, видитъ Богъ, аттестатъ замаранный неумышленно, но чистая душа... безвинно приревновалъ, яко бы я... ну, да что и говорить объ этомъ!

Онъ махнулъ рукой, снова поднесъ тряпку къ глазамъ и послѣ минутнаго молчанія произнесъ:

— Ваше ес-тво, внемлите падшему моему духу, простри-

те бѣдному и невинно гонимому руку помощи. Заставьте вѣчно за себя Бога молить... Сжальтесь надъ угнетеннымъ и злосчастнымъ... У дѣтей сегодня крохи во рту не было, хлѣба не на что купить, ей Богу, не лгу!

И онъ протянулъ ко мнѣ свою грязную и опухшую руку.

Я положилъ въ нее двугривенный и возвратилъ ему его бумагу. Лицо его вдругъ просіяло.

— Великодушный герой и благотворитель! — воскликнулъ онъ, — вѣкъ не забуду вашего благодѣянія, — по гробовую доску буду за васъ Бога молить.

И при этомъ восклицаніи онъ воздѣлъ правую руку къ потолку и продолжалъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

— Молись Создателю — тварь праха недостойная! преклони выю твою, блудный сынъ, передъ десницею спасающею!

Онъ такъ размахнулся рукой, что послѣдняя пуговица на правомъ бортѣ его сюртука отскочила, сюртукъ распахнулся, и изъ дыряваго кармана его вывалились штопоръ и варганъ.

ГЛАВА II.

Обѣдъ, заказанный мною, приготовлялся болѣе часу. Путковъ безпрестанно бѣгалъ на кухню и возвращаясь говорилъ мнѣ:

— Не безпокойтесь, ваше сс-тво, сію минуточку подадутъ. Я препорядочно распекъ всѣхъ ихъ. — Какъ, я говорю, вы смѣете, канальи, заставлять дожидаться такую высокую особу? Вотъ кабы вы, говорю я, поручика Латкова заставили такъ дожидаться, такъ онъ бы вамъ задалъ, вѣкъ бы не забыли его, онъ шутить не любилъ! Онъ бы ужъ, я говорю, давно въ кусочки самы мелки перебилъ всѣ ваши тарелки... Извините, ваше сс-тво, моему глупому язычеству, и стишки иногда свахляешь, ей Богу, что̀ дѣлать, — бѣдность всему научитъ, а касательно обѣда не извольте гнѣваться, сію секунду подадутъ.

Когда половой показался въ дверяхъ съ салфеткою, на-

кинутою на плечо, и съ подносомъ, Путковъ, у котораго глаза замѣтно посоловѣли, вѣроятно отъ частаго бѣганья на кухню, сдернулъ салфетку съ плеча полового и самъ накрылъ ее.

— Ну, что суешься-то не въ свое дѣло? — закричалъ на него половой.

— Молчи, Вася, — прошепталъ онъ значительно, но такъ, что я слышалъ все отъ слова до слова, — молчи, ужъ я самъ накрою... Вѣдь онъ былъ мой полковой командиръ; жена моя, братецъ, у него въ домѣ воспитывалась, вѣдь онъ, знаешь, всѣхъ моихъ дѣтей крестилъ. Ужъ ты, дружокъ, оставь все это на мое попеченіе, ужъ я самъ буду ему прислуживать.

Во все время обѣда Путковъ стоялъ передо мною съ тарелкою въ рукѣ и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Хорошъ же, батюшка, вашъ хваленый кухмистеръ! — сказалъ я ему.

— Точно, ваше ес—тво, — отвѣчалъ онъ, — ужъ что это за обѣдъ! да главный куфмистеръ маненько позагулялъ-съ, а это, коли правду сказать, готовилъ каналья поваренокъ...

— Поросенокъ-то, знаете, не совсѣмъ свѣжій, — замѣтилъ я.

Путковъ осмотрѣлъ кругомъ себя и, убѣдясь, что въ комнатѣ никого нѣтъ, произнесъ вполголоса, покачивая головою:

— Извѣстно мошенники, ваше ес—тво, то-есть, осмѣлюсь доложить, просто грабители на большихъ дорогахъ; ни стыда, ни совѣсти, только и норовятъ какъ бы стянуть съ проѣзжающаго побольше...

Черезъ часъ послѣ этого обѣда я пошелъ отыскивать станціоннаго смотрителя, чтобы навѣдаться о лошадяхъ. Я нашелъ его въ грязной и вонючей стеклянной галлереѣ, выходящей на дворъ. Онъ не замѣчалъ меня и помиралъ со смѣху, глядя на слѣдующую сцену:

Нѣмецъ-трактирщикъ сидѣлъ у стола. Противъ него стоялъ Путковъ и размахивалъ руками. Онъ упрекалъ трактирщика въ неблагодарности къ нему за его службу...

— Да. Карлъ Иванычъ,—говорилъ онъ,—хорошо! теперь я не нуженъ. Пошелъ фонъ!.. А кто отрекомендовалъ ему твой шгексъ? что, мой почтенный, небось не я?.. кто расхвалилъ ему твой обѣдъ? а? Онъ вѣдь и не думалъ здѣсь обѣдать... Кто уговорилъ его кушать здѣсь? а небось я не знаю, что ли, какъ ты стряпаешь-то?.. Вѣдь это поросенокъ-то еще третьеводнишній.

— А ты все врешь, это не правда,—закричалъ съ досадою трактирщикъ.

— Позволь, позволь, душенька, не горячись... На это у меня нашлись бы доказательства, благодѣтель... Довольно того, что не присовѣтуй я имъ и откушать здѣсь, тебѣ бы не перепало задаромъ два цѣлковика... То-то! я вишь не въ тебя, нѣмецъ! я все норовлю какъ бы тебѣ въ пользу... Неужели жъ все мое усердіе не стоитъ какого-нибудь стаканчика настойки али хоть пѣнничку?.. Карлъ Иванычъ, почтеннѣйшій, мейнъ-герикъ! не откажи усерднѣйшему брудеру въ стаканчикѣ...

— Ну, чортъ съ тобой!—возразилъ трактирщикъ:— такъ и быть!... я дамъ тебѣ стаканчикъ, но съ тѣмъ, чтобы ты вытянулъ его изъ соломинки... Понимаешь?..

— Ну-ка, братъ, ну-ка!—закричали въ голосъ ямщики, стоявшіе тутъ же.

— Охъ, вы мнѣ, затѣйщики!—произнесъ Путковъ, поглядывая то на трактирщика, то на ямщиковъ и почесывая затылокъ,—думаете запугать, что ли? Анъ лихъ нѣтъ же! подавай сюда стаканъ, Карлъ Иванычъ, давай соломинку!

Стаканъ, полный сивухи, и соломинка были тотчасъ же принесены.

Путковъ прищурясь посмотрѣлъ на стаканъ, покачалъ головою, почесалъ въ затылкѣ и произнесъ: — ну, благослови Господи! — и потомъ принялся тянуть сивуху соломинкою... Страшно и гадко было смотрѣть въ эту минуту на лицо бѣднаго Путкова... страшно за человѣка! Но всѣ присутствовавшіе были очень довольны его кривляньями и изъявляли свое удовольствіе громкимъ хохотомъ. Во время роздыховъ Путковъ бранился, просилъ пощады, вздыхалъ, а все-

таки продолжалъ сосать—и до той минуты не выпустилъ соломинку изо рта, покуда въ стаканѣ ничего не осталось.

— Уфъ, кончилъ!—воскликнулъ онъ, выпрямившись и обтирая потъ, который градомъ катился по лицу его.

— А что же, батюшка, лошади?—закричалъ я смотрителю.

— Пришли, ваше высокоблагородіе, пришли,—отвѣчалъ смотритель, сдерживая послѣдній порывъ смѣха,—только вотъ ихъ покормятъ немножко овсецомъ и сейчасъ же духомъ заложатъ... надобно только велѣть помазать колеса у вашей брички. Я сейчасъ распоряжусь... ужъ вы не извольте безпокоиться.

Путковъ оборотился ко мнѣ, немного пошатываясь и облизывая губы.

— Ничего, ничего, ваше высоко... ваше ес—тво, не извольте безпокоиться. Мы сейчасъ смажемъ колеса, сейчасъ-съ.

Потомъ онъ пристально посмотрѣлъ на меня, заплакалъ и продолжалъ:

— Ваше ес—тво, милосердный покровитель, не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго отца семейства... Виноватъ, съ горя, ей Богу съ горя... не будь шестеро дѣтей мал-мала меньше, другой бы человѣкъ былъ, совсѣмъ другой, а то сами посудите, дѣти кричатъ: хлѣба, тятя! а тятѣ откуда взять хлѣба?.. Дѣти меня и сгубили, ваше ес—тво, ей Богу, дѣти, не будь ихъ, я бы не былъ такой. Простите за глупыя рѣчи.. Сейчасъ побѣгу смазывать вашъ экипажъ.

— Куда тебѣ бѣжать?—возразилъ смотритель.—Вишь, какъ ты нагрузился... Ну-ка пройди по одной доскѣ, попробуй-ка!

Путковъ посмотрѣлъ на смотрителя съ укоромъ.

— Охъ, ужъ вы мнѣ, право, Евграфъ Семенычъ!—сказалъ онъ, грозя ему пальцемъ,—нагрузился! да съ чего нагрузиться-то? Не только на двухъ, на одной ногѣ пройду по доскѣ. Вотъ какъ! Смотрите.

И Путковъ началъ прыгать на одной ножкѣ.

Черезъ минуту онъ, засучивъ рукава, уже суетился около моей брички и кричалъ ямщикамъ:

— Ну, что вы копаетесь, олухи? Я лучше васъ это дѣло смастерю. Я одинъ четыре колеса смажу скорѣе васъ... Я докажу мое усердствіе!

ГЛАВА III.

Въ дополненіе къ портрету Путкова—вотъ нѣкоторыя подробности о немъ, сообщенныя мнѣ станціоннымъ смотрителемъ.

Путковъ всякій день являлся на станцію для того, чтобы забавлять пріѣзжающихъ, и этимъ кормится. Дѣти его оборванныя и грязныя, ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ дѣтей. Жена его также попиваетъ съ горя. Дома иногда Путковъ бьетъ жену свою, а иногда жена бьетъ его. На станціи онъ обыкновенно проводитъ время до вечера, а вечеромъ отправляется въ общественное заведеніе, украшенное елкою. и остается тамъ до полуночи, заманивая туда разными шутками проходящихъ. Всѣ извѣстные пьяницы села Лыткина очень любятъ Путкова и не могутъ обойтись безъ него. Онъ ихъ душа и задоръ.

Когда заведеніе, украшенное елкою, наполняется гуляками, Путковъ, кривляясь и балясничая, ставитъ глиняную лахань посреди стола, снимаетъ свой сюртукъ, вѣшаетъ его на крючокъ, беретъ гитару, пощипывая струны, затягиваетъ камаринскую и потомъ присвистывая пускается въ присядку. Въ то время, какъ гуляки расходятся, Путковъ подходитъ къ лахани, смотритъ въ нее, прищуриваясь и поморщиваясь, и замѣчаетъ:—охъ, суховато, больно суховато! и поготь обмочить нечѣмъ.

Тогда каждый изъ гулякъ поочередно подходитъ къ столу и, держа свою чарку надъ лаханью, произноситъ, смотря на Путкова:

— Подплеснуть, что ли? ась?

Путковъ вздыхая отвѣтствуетъ:

Подплесни-ка, пріятель, верхушкой
Да прикрой злой душкой!

И вслѣдъ затѣмъ каждый изъ гулякъ сплескиваетъ въ лахань нѣсколько изъ своей чарки, потомъ духомъ выпиваетъ чарку и, оставя на днѣ ея капли двѣ, опрокидываетъ ее въ лохань и говоритъ, обтирая усы и бороду:

— Подобру, поздорову. вашему благородію!

Часто случается, что такимъ образомъ въ награду за потѣху наплескиваютъ Путкову въ лахань около штофа. Къ этому цѣловальникъ добавляетъ ему чарку или двѣ. Въ полночь Путковъ, напѣвая плясовую, возвращается къ себѣ домой со штофомъ подъ мышкою...

ГЛАВА IV.

Когда колеса у кибитки моей вымазали и лошадей запрягли, Путковъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ.

— Ваше ее—тво. все готово-съ, и экипажъ въ надлежащую исправность... Я самъ вымазалъ всѣ колесы... на ямщиковъ нельзя полагаться. Это такой народецъ, что Боже упаси!.. Имъ палецъ въ ротъ не клади. Мошенникъ на мошенникѣ, плутъ на плутѣ. За ними надо глаза да и глаза.

Онъ проводилъ меня до кибитки, пособилъ сѣсть въ нее и произнесъ сквозь слезы:

— Милосердный благотворитель! не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго, одержимаго падучною болѣзнью, прикиньте за смазку колесъ хоть гривенничекъ, дѣтямъ на сапожнижки.

Я исполнилъ его желаніе.

— Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать!—бормоталъ онъ.—Вѣкъ не забуду вашихъ отеческихъ наставленій... Разрази меня Господь, если я хоть грошъ издержу на вино изъ вашихъ денегъ. Вѣдь я чувствую, очень чувствую, что вино вредно, что оно—самый злѣйшій врагъ человѣка.... Чортъ побери совсѣмъ! въ ротъ его никогда не возьму, проклятаго. Извѣстно, зачѣмъ пить? что хорошаго губить себя? Ваше ее—тво, вѣдь тѣмъ люди не играютъ, отъ чего умираютъ!..

Когда колокольчикъ на дугѣ пошатнулся, зазвенѣлъ и кибитка моя тронулась, Путковъ закричалъ:

— Счастливаго пути вашему сс—тву. До могилы не забуду вашихъ благодѣяній!..

И съ этими словами онъ кинулъ вверхъ свою замасленную и оборванную фуражку.

Я выглянулъ изъ кибитки, чтобы посмотрѣть, что онъ будетъ дѣлать.

Путковъ стоялъ подбоченясь, окруженный ямщиками, и говорилъ имъ:

— А что, не выпить ли, братцы? не пора ли? что золотое-то время терять понапрасну! идемъ, что ли? эхъ, куда ни шло!.. Человѣкъ обѣщаній не сдержалъ, увидалъ вино и задрожалъ... За мною, ребята! маршъ!

Чарочки по столику похаживаютъ —
Яндова походя говоритъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулитъ...

— Ну, ребятушки, что же вы стоите рты-то разиня?

Вѣдь у нашего сосѣда
Весела бесѣда!..

— Эхъ вы!—и онъ пустился въ присядку, наигрывая на варганѣ...